

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

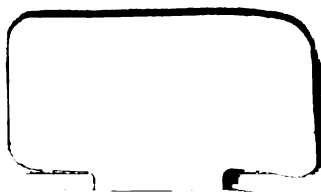
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P. Law 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

АПРѢЛЬ.

8245
98-21

1873

ДѢЛО

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.** Лирическая драма Перси Биши Шелли. (Акты II и III) . . . Д. Д. МИНЕВА.
- II. НАДЪ ПРОПАСТЬЮ.** Романъ. (Гл. IX — XIII) . . . В. ВЕРИГА.
- III. ВАЛЬ.** Стихотвореніе В. М. СЛАВЯНСКАГО.
- IV. ПОГОНЯ ЗА НАЖИВОЙ.** Романъ. (Гл. IX — XII) . . . Н. Н. КАРИЗНА.
- V. ЯСНЫЙ ДЕНЬ.** Стихотвореніе В. Н. СЛАВЯНСКАГО.
- VI. ПОЛОЖЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ ВЪ РОССІИ ПО ДО-ПЕТРОВСКОМУ ВОЗВРЪНІЮ.** А. П. ЦАПОВА.
- VII. ВЕЗЪ ИСХОДА.** Романъ. (Гл. XXV — XXXI) . . . К. М. СТАНДКОВИЧА.
- VIII. ВЕСНЪ.** Стихотвореніе. (Изъ А. Петѣфи) А. МИХАЙЛОВА.
- IX. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ШВЕЙЦАРИИ.** (Ст. первая) А. МИХАЙЛОВА.
- X. ВЕНГЕРЦЫ ЗАГРАНИЦЕЙ.** Стихотвореніе. (Изъ А. Петѣфи) А. Ш.
- XI. КРЕСТЬЯНСКІЕ ВЫБОРЫ.** (Сцены) Н. М. НАУМОВА.
- XII. СТАРЫЙ ЗНАМЕНЩИКЪ.** Стихотвореніе. (Изъ А. Петѣфи) А. Ш.
- XIII. КРОШКА ГОДЖЪ.** Рождественскій разсказъ. (Часть первая) ЭДУАРДА ДЕНКОВСКОГО.
- XIV. МОИ ПѢСНИ.** Стихотвореніе. (Изъ А. Петѣфи) . . . А. Ш.

Ож. на оборотѣ.

- XV. ВЕЗДОЛЬНЫЕ.** Стихотвореніе. (Изъ В. Гюго) . . П. КАННИНА.
- XVI. СТАТИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССИИ.** (Продолженіе.) П. ПОНОВА.
- XVII. НА РОДИНѢ.** Стихотвореніе. (Изъ А. Летефи.) . . А. Ш.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- XVIII. ВОЛЬНЫЕ ЛЮДИ.** (Окончаніе.) П. П.
(«Бѣсы», романъ Федора Достоевскаго, въ трехъ частяхъ. Спб. 1873.)

XIX. НОВЫЯ КНИГИ.

Женщины-медики. Сочиненіе миссъ Джексъ-Блэкъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1873.—**Разсказы изъ русской исторіи.** Б. А. Павловича. Спб. 1873.—**Куль хлѣба и его походы,** разсказы С. Максимовича. Съ 105 картинами и рисунками. Спб. 1873.—**Враги человѣчества: Картушь, Фра-Дяволо и Шиндерганессъ.** Біографическіе разсказы Евгенія Пасмурова. Спб. 1873.—**Литературные вечера.** Сборникъ беллетристическихъ произведеній въ прозѣ и стихахъ, для публичныхъ чтеній, въ двухъ частяхъ, составленный и изданный В. П. Бѣгани. Спб. 1873.

XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Отношеніе цивилизованныхъ народовъ земного шара къ варварскимъ племенамъ. — Чего въ правѣ ожидать полу-дикій Востокъ отъ европейской цивилизаціи? — Что, дѣйствительно, даетъ эта цивилизація азіатскому населенію? — Знаемъ-ли мы среднюю Азію и понимаемъ-ли свою историческую роль на Востокѣ? — Общій взглядъ на Среднюю Азію. — Упадокъ древней культуры на всемъ пространствѣ среднеазіатской площади. — Неразрывная связь между социальнымъ прогрессомъ страны и улучшеніемъ ея флоры, фауны и климата. — Разбой и рабство—единственные источники существованія среднеазіатскихъ ханствъ. — Отношеніе кочевого, скотоводческаго населенія къ осѣдлому. — Бѣдность, невольничество, невіжество и заразительныя болѣзни, опустошающія край. — Что нужно дать этому краю, чтобы выйдти изъ состоянія анархіи и разложенія? — Постоянное влеченіе русскихъ къ Средней Азіи. — Что насъ влекло туда? — Наша цивилизующая роль въ Средней Азіи. — Наши цивилизаторы изъ ташкентцевъ.

XXI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Неизмѣнный законъ, управляющій жизнью человѣчества и природы. — Вліяніе эмиграціи на ходъ историческихъ событій. — Ея прогрессивное значеніе. — Средній уровень эмигрантовъ. — Путь, которому слѣдуетъ эмиграція. — Значеніе умѣренного пояса въ дѣлѣ эмиграціи. — Почему переселеніе идетъ по градусамъ широты, а не по градусамъ меридіана. — Главныя причины неудачной колонизаціи въ Алжирѣ. — Эмиграція англичанъ въ Индію. — Переселеніе массами ирландцевъ въ Соединенные Штаты. — Продвѣтаніе англійскихъ австралійскихъ колоній. — Неудавшіяся

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ А. МОРШТЕРОВОСКАГО, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ РЯДЪ, ДОМЪ № 39.

1873.

Кол. № 21442

PSlav 236.4 ($\frac{1873}{4}$)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 апрѣля, 1873 года.

63 * 2

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д. Ф Л Р“

въ 1873 году.

Журналь «ДѢЛО» будетъ выходить въ 1873 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ и въ прежнія шесть лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . . 14 р. 50 к.
съ пересылкой 16 р.
съ дост. въ Петербургъ . . . 15 р. 50 к.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДѢЛО“, по Надеждинской ул. д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

Въ случаѣ жалобъ на несвоевременное полученіе книжекъ „ДѢла“, Редакція проситъ поворнѣйше гг. подписчиковъ заявлять таковыя жалобы не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ правилъ отъ Почтоваго вѣдомства, Газетная Экспедиція къ своему рассмотрѣнію жалобъ не приметъ.

ДЛЯ НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВЪ НА ЖУРНАЛЪ „ДЪЛО“.

Такъ какъ первыя шесть книгъ романа „Въ тихомъ омутѣ буря“ (Мидльмарчъ), Дж. Эллиота, составляющія около 40 печ. листовъ, и первыя главы романа Фр. Шпилъгагена „О чемъ пѣла ласточка?“ (около 17 печ. листовъ) были напечатаны въ прошломъ году, а окончанія этихъ романовъ должны были перейти на нынѣшній годъ, то Редакція, желая облегчить приобретеніе вышеупомянутыхъ романовъ тѣмъ изъ нашихъ *новыхъ* подписчиковъ, которые полагаютъ имѣть ихъ въ полномъ видѣ, вошла въ соглашеніе съ книгопродавцемъ Шигинымъ, обязавшимся высылать нашимъ новымъ подписчикамъ вышеозначенные романы за *моловинную цѣну*, а именно:

„Въ тихомъ омутѣ—буря“ (въ 8 книгахъ), около 50 печ. листовъ, вмѣсто 2 р. 50 к.—подписчикамъ на журналъ «ДЪЛО» будетъ высланъ за 1 р. 25 к. На пересылку прилагается 50 к.

„О чемъ пѣла ласточка?“ Съ прибавленіемъ романа Кларети „Вѣдьяки“ вмѣсто 1 р. 50 к.—за 75 к. На перес. прилаг. 25 к.

Адресоваться въ книжный магазинъ Н. А. Шигина, въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой, въ д. Пажескаго корпуса, или въ контору Редакціи журнала „ДЪЛО“.

Недославшихъ при подпискѣ на журналъ „ДЪЛО“ 50 к. Контора Редакціи проситъ выслать ихъ для представленія въ газетную Экспедицію почтамта за пересылку журнала.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА

„ДЪЛО“.

На предъявленныя жалобы о неполученіи книжекъ журнала „Дѣло“ вышеозначенная контора считаетъ долгомъ довести до свѣденія подписчиковъ, что подписка отъ нижеслѣдующихъ лицъ доставлена книгопродавцемъ-издателемъ Герм. Гоппе въ редакцію „Дѣла“ 13-ю сего апрѣля:

Ще—ва — Нововоронцовка, Хер. губ., Мирового посредника — стан. Царицино, ковен. губ., М. О. Го—га—Тифлисъ, дворянскаго клуба—стан. Нижне-Чирская, З. В. Д., В. Р. Го—ва — Верхнеуральскъ, Лу—го—Мелитополь. Общественнаго собранія—Сапожокъ, Ф. И. Бр—ва — Тифлисъ, Е. Ф. Ма—ва—Ямполь, Ка—ва — Усть-Медвѣдичская, Б-ки 149 Черномор. полка — Владикавказъ, Ст—ва—Балакова, самар. губ., Н. Д. Ст—ва — Ростова на Дону, Б-ки 160-го абхазскаго полка—Саратовъ, Ф. И. Му—ва — Унжа, А. П. Ла—ва — Мангушево.

18-го апрѣля тѣмъ-же издателемъ Гоппе доставлена въ редакцію подписка отъ слѣдующихъ лицъ:

Начальника таможеннаго округа—Баку, прогимназіи — Еривань, В. П. Че—ва — Орѣхово, екат. губ., Лу—ва — Тимъ, Б-ки 1-го и 2-го полт. полубат. Новый Дворъ,—варш. губ.

Отъ книгопродавца А. Ф. Базунова доставлена подписка *18 апрѣля* на имя:

Гл—ва—Валга, К. М. По—ва — Енисейскъ, А. В. Бо—го — Борисоглѣбскъ, клуба—Полтава, командира 4-й бат.—Сосница, управленія 5-й артл. бр.—Копотопъ, М. Г. Су—ва — Сигналь, прогимназіи — Ломжа, горн. правл. — Барнаулъ, Со—ва — Петровскъ, Межъ — Свеаборгъ. Са—вой — Шелаевская стан., Морской б-ки — Владивостокъ, В. А. Ив—ва — Владивостокъ, командира 2-го лин. бат.—Благовѣщенскъ.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(Адресоваться въ Главную контору журнала «ДѢЛО», въ С.-Петербургѣ, по Надеждинской ул., д. № 39/5.)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“.

Происхожденіе человѣка, Ч. Дарвина. Три выпуска, около 80-ти печатн. листовъ, съ рисунками. Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 50 к. Каждый выпускъ отдѣльно стоитъ 2 р.

Избранныя Рѣчи, Дж. Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Перев. съ англійскаго, подъ редакц. Г. Е. Благосвѣтлова. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Вопросы общественной гигиены, В. Португалова. Около 40-ти печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ пересылкою 3 р. 50 к.

О Питаніи въ фізіологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, Д-ра Юля Сира. Перев. съ французс. подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Реклама. Изданіе третье. Съ приложеніемъ *Дѣтской гигиены* д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова: «Безпредѣльность гигиены». Съ рисунками. Цѣна 2 р.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ — не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ двухъ томахъ. Болѣе 60-ти печ. лист. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 50 к.

О подчиненіи женщины, Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: *Историческіе женскіе типы*. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 20 к.

Уроки элементарной физиологии, Томаса Гексли. Издание второе. Перев. съ англійскаго; съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ пересылки 1 р. На пересылку—за 1 фунтъ.

Исторія Крестьянской войны въ Германіи, Д-ра В. Циммермана. Составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три тома, составл. болѣе 70-ти печатн. листовъ. Цѣна тремъ томамъ 2 р.; съ перес. 2 р. 50 к.

Комедія Всемирной исторіи, Іог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Въ двухъ томахъ. Перев. съ нѣмецкаго. Цѣна обомъ томамъ 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к. Каждому тому отдѣльно цѣна 2 р.

Записки Военнаго. Балетристическіе очерки. Рассказы и картины изъ военнаго быта Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к. Съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ Земли до Луны — 97 часовъ прямого пути. Жюль Верна. Перев. съ франц. Ц. безъ переплета 50 к.; а въ переплетѣ 1 р. На пересылку—за 1 фунтъ.

Сочиненія Э. М. Толстаго. Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Ц. двумъ томамъ 1 р. 50 к. безъ перес. На пересылку—за 2 фунта.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣч. рода. В. М. Флоринскаго. Ц. 50 коп. безъ перес.; съ перес. 80 к.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“, какъ и книгопродавцамъ, дается уступка 20% съ вышеозначенныхъ цѣнъ.

ЛИПЕЦКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

Тамбовской губерніи, при грязе-орловской
желѣзной дорогѣ.

СЕЗОНЪ СЪ 20-го МАЯ ПО 1-е СЕНТЯВРЯ.

Ключи щелочно-желѣзистые, сходные, по анализу профессора Траппа, въ отношеніи состава и силы, съ ключами Либенштейна и Пирмонта. Вода липецкихъ источниковъ, употребляемая внутрь и въ видѣ ваннъ, излечиваетъ малокровіе, блѣднокрровіе, нервныя страданія, расслабленіе и катарральныя состоянія дыхательныхъ, пищеварительныхъ, мочевыхъ и половыхъ органовъ, болѣзни маточныя, ревматизмъ, болѣзни спинного мозга, дрожанія и параличи разнаго рода, а также ломоту, цингу и золотуху. Въ заведеніи имѣются всѣ искусственныя и натуральныя привозныя минеральныя воды, искусственныя ванны; также леченіе холодною водою, молочное, сывороточное и **КУМЫСЪ**, котораго каждое лѣто отпускается болѣе 10,000 бутылокъ.

Рѣдкое мѣстоположеніе, сады, заведеніе минеральныхъ ваннъ, которыя согрѣваются парами, вокзалъ, гостиницы и проч. Воды расположены въ центрѣ города. Директоръ-врачъ водъ Ф. Я. Новицкій.

Свѣденія о цѣнахъ, квартирахъ и проч. можно получать чрезъ контору минеральныхъ водъ въ Липецкѣ.

каждымъ шагомъ отца Бенедикта и сумѣетъ вывѣдать отъ него все, что намъ нужно. Онъ человѣкъ надежный.

— Хорошо. Дайте ему точную инструкцію, въ случаѣ необходимости онъ можетъ явиться прямо ко мнѣ. Если Бенедиктъ во зло употребитъ свою свободу, я подчиню его самой строгой дисциплинѣ.

— Если только не будетъ уже поздно! осмѣлился заявить пріоръ.—Въ сосѣднемъ монастырѣ недавно произошелъ печальный скандалъ: тамъ точно также назначили одного молодого монаха на подобное мѣсто; онъ заразился на свободѣ безбожными идеями и отрекся отъ монашества.

— Вина этого скандала прямо падаетъ на недостатокъ дисциплины въ этомъ монастырѣ и слабость настоятеля; въ моемъ монастырѣ этого не можетъ случиться.

— Но именно Бенедиктъ...

— Отецъ пріоръ, прервалъ его рѣзко прелать съ гордымъ сознаниемъ своего превосходства, — прошу васъ предоставить мнѣ отвѣтственность за безошибочность моихъ дѣйствій. Бенедикту скорѣе другихъ я могу дать свободу, потому что у него есть то, чему многіе изъ васъ придаютъ слишкомъ мало значенія. У него есть совѣсть. Для него обѣты и клятвы не пустые звуки, какъ для нѣкоторыхъ изъ его товарищей. Въ немъ еще много идеализма. Если-бы дошло до крайности, онъ скорѣе попытается на самоубійство или открыто и смѣло явится къ намъ на судъ, но не прибѣгнетъ къ тайному малодушному бѣгству, я его хорошо знаю.

Пріоръ униженно поклонился, проглотивъ горькую пилюлю относительно „совѣсти“, которою прелать его попотчивалъ; въ сущности-же для него было выгодно удаленіе Бенедикта; если онъ противорѣчилъ, то только для проформы.

Между тѣмъ, Бенедиктъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ среди зелени деревьевъ видѣлась крыша дома Гюнтера. Пріоръ былъ правъ: Бенедиктъ перемѣнился. Уже давно онъ сталъ сомнѣваться. Чтеніе Спинозы и нѣкоторыхъ другихъ мыслителей и поэтовъ побудило его на многое взглянуть иначе, разбудило его дремлющій умъ. А тутъ вдругъ еще заговорило чувство, съ того дня, какъ онъ въ первый разъ увидалъ на берегу ручья прелестную дѣвушку. И теперь онъ бѣжалъ —

бѣжалъ отъ нея, бѣжалъ изъ монастыря, который пересталъ уже быть для него мѣстомъ покоя, уединенія и созерцательной жизни, какъ прежде. Тамъ, въ горахъ, среди дикой природы, онъ можетъ и долженъ избавить себя отъ искушенія въ будущемъ.

IX.

— Говорю вамъ, что съ ребенкомъ, что-то случилось! И если она десять разъ будетъ отпираться, а вы еще насмѣшливѣе смортрѣть на меня и пожимать плечами, я все-таки останусь при своемъ мнѣнїи.

Съ этими словами фрейленъ Рейхъ бросила на сидѣвшаго противъ нея Гюнтера вызывающій взглядъ.

— Но, любезная фрейленъ Рейхъ, отвѣчалъ Гюнтеръ равнодушнымъ тономъ, — зачѣмъ такъ много словъ, зачѣмъ горячиться: что-же удивительнаго въ томъ, что Люція, становясь старше, начинаетъ дѣлаться разсудительнѣе.

— Разсудительнѣе? — Теперь пришла очередь Франциска пожать плечами. — Она несчастна, говорю я вамъ. Съ того дня, какъ она вернулась изъ лѣса съ заплаканными глазами, пропала вся ея прежняя рѣзвость. Тамъ непременно что-нибудь случилось съ нею, но я, къ сожалѣнїю, ничего не могу отъ нея выпытать. Эта болтушка, которая прежде не могла и десяти минутъ помолчать, на всѣ мои вопросы отвѣчаетъ съ такою упорною скрытностью, къ которой я ее никогда не считала способной.

Насмѣшливое выраженіе исчезло съ лица Гюнтера и замѣнилось безпокойствомъ.

— Лишь-бы графъ Ранекъ не былъ тутъ замѣшанъ, сказалъ онъ серьезнѣе.

— Графъ тутъ непричемъ; она имъ нисколько не дорожитъ, отвѣтила Франциска.

— Не забывайте, однакожь, что на балу онъ ей вскружилъ голову и мое рѣшительное запрещеніе, повидимому, на нее нисколько не подѣйствовало; она нарушила его на слѣдующій-же день.

— Но я повторяю вамъ, что она теперь вовсе не интересуется графомъ, сказала рѣшительно Франциска.

— Однакожъ, онъ постоянно бродить здѣсь съ ружьемъ и охотничьей сумкою. Счастливъ онъ, что не попадаетъ мнѣ, я-бы съ нимъ расправился по свойски, пусть не шляется здѣсь съ цѣлью соблазнить ребенка. Я хорошо знаю, на что способны Ранеки... Но онъ остерегается встрѣчаться со мною, я вижу его только издали. Увѣрены-ли вы, что Люція съ нимъ ни разу не говорила.

Франциска гордо подняла голову.

— Г. Гюнтеръ, вы довѣрили мнѣ вашу сестру, и я полагаю, что такіе вопросы совершенно излишни. Съ того дня, какъ Люція бѣгала безъ позволенія въ лѣсъ, я не отлучаюсь отъ нея; послѣ того, что вы сообщили мнѣ, я стерегу ее какъ... какъ...

— Какъ Церберъ! договорилъ Гюнтеръ.

— Это въ высшей степени любезное опредѣленіе моей личности! воскликнула оскорбленная Франциска и встала. — Такъ вотъ какое назначеніе я исполняю при вашей сестрѣ?

— Боже мой, я хотѣлъ сказать вамъ комплиментъ. Куда-же вы собрались?

— Я боюсь услышать еще подобныя комплименты, къ тому-же Люція одна въ саду и я должна исполнять при ней должность Цербера.

— Но, любезнѣйшая фрейленъ Рейхъ!..

— Прощайте!

— Франциска!

Она остановилась, но гнѣвно отвернулась въ сторону; Бергардъ всталъ и подошелъ къ ней.

— Вы на меня сердитесь?

— Да, сказала энергически Франциска, но вмѣсто того, чтобы уйти, она вернулась назадъ и заняла прежнее мѣсто у стола.

Спокойно, будто-бы ничего не случилось, Гюнтеръ сѣлъ на свое прежнее мѣсто противъ нея.

— Это, однако, замѣчательно, началъ онъ равнодушно, — что мы пяти минутъ не можемъ разговаривать, чтобы не поссориться.

— Ничего нѣтъ удивительнаго, отвѣчала Франциска, съ горячностью, — съ вами и пяти минутъ не выдержишь.

— А мнѣ кажется, что я человѣкъ уживчивый; посмотрите, въ Добрѣ я ни съ кѣмъ не ссорюсь, напротивъ...

— Это потому, что здѣсь всѣ позволяютъ вамъ оскорблять себя! Я одна рѣшаюсь иногда протестовать противъ вашихъ грубостей.

По тону Франциска было слышно, что она еще не забыла „Цербера“, но Гюнтеръ оставался по-прежнему спокоенъ.

— Вы, сказали онъ,—все такъ-же раздражительны, какъ въ первое время нашего знакомства.

— А вы такъ-же невѣжливы, какъ были тогда.

— Можеть быть! Мы всегда между собою ссорились и спорили, и однакожъ, несмотря на это никакъ не могли разстаться.

— Мы хотѣли говорить о Люціи! перебила Франциска.

Бернгардъ слегка нахмурилъ брови.

— У васъ удивительная способность прерывать разговоръ, когда онъ начинаетъ становиться интереснымъ.

— Что васъ интересуеть, можеть нисколько не интересовать меня.

— Отчего?

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее. Франциска нѣсколько смутилась, но скоро преодолѣла свое смущеніе.

— Я нахожу очень понятнымъ, что вы охотно возвращаетесь къ молодымъ годамъ. Вы слишкомъ возвысились въ общественномъ положеніи для сына помощника лѣсничаго.. Я... ну, я много горькаго испытала въ своей жизни и достигла только мѣста гувернантки при вашей сестрѣ. Я не забываю моего положенія, г. Гюнтеръ, и желала-бы, чтобы и вы его не забывали.

И она такъ строго и серьезно встрѣтила его взглядъ, какъ-будто ждала, что онъ опуститъ глаза, но этого не случилось. Гюнтеръ вдругъ всталъ и подошелъ къ ней.

— Вы не должны были говорить мнѣ этого, Франциска! сказалъ онъ сповойно,—какъ не должны были упрекать меня моими успѣхами. Вы знаете, что и я не мало горькаго вынесъ въ своей жизни. Вы знаете, что вторичный бракъ моего отца изгналъ меня изъ дому. Отецъ въ своей женѣ нашелъ совсѣмъ не то, чего ожидалъ, а я не нашелъ въ ней матери; наше небольшое состояніе было ими прожито; послѣ смерти родителей, мнѣ пришлось на первый, трудомъ собранныя деньжонки содержать маленькую сироту сестру. Свѣтъ, конечно, видитъ во мнѣ только выскочку; онъ не хочетъ знать, что двадцать лѣтъ провелъ я въ заботахъ и без-

конечныхъ трудахъ и неутомимомъ стремленіи впередъ; не хочеть знать, сколько вытерпѣлъ я преслѣдованій и притѣсненій... Мнѣ, право, не даромъ достались эти удобства, которыми я теперь пользуюсь; на моемъ жизненномъ пути мнѣ пришлось завоевывать каждый свой шагъ; половину человѣческой жизни употребилъ я на борьбу съ глупостью и тупымъ эгоизмомъ людей... А какого труда мнѣ стоило мое образованіе; я приобрѣталъ знанія урывками, въ немногіе часы, остававшіеся свободными отъ моей тяжелой работы... Можете-ли вы осуждать меня, если я охотно вспоминаю мою молодость, когда трудъ казался легкимъ, когда преслѣдованія не такъ раздражали... Наконецъ, могу-ли я забыть то время, когда мы съ вами горячо спорили и все намъ казалось легко. Но, можетъ быть, этого-то времени вы и запрещаете мнѣ касаться?..

Нѣсколько озадаченная Франциска опустила голову.

— Вы правы, г. Гюнтеръ, но...

— „Господинъ Гюнтеръ!“ Этими словами хотите вы сказать, чтобы я такъ-же отказался отъ дружескаго „Франциска“, какъ и отъ юношескихъ воспоминаній?

— Я думаю, лучше будетъ, если мы оба забудемъ объ этомъ въ нашихъ сношеніяхъ, сказала Франциска сдержанно, поспѣшно подошла къ окну и стала пристально смотрѣть въ садъ.

Не говоря ни слова, вернулся Гюнтеръ къ своему мѣсту у стола и взялъ газету, которую раньше началъ уже читать. Легкое облако омрачило его лицо, но черты сохранили прежнее спокойствіе; къ счастью, приходъ Люціи положилъ конецъ неловкому молчанію. Она вошла совершенно еще разгоряченная игрою съ дѣтьми, бросила на столъ свою шляпку, а сама вскочила въ кресло и откинула голову на его спинку.

— Ну, что-же, ты удовольствовалась, наконецъ? спросилъ Беригардъ, поднимая глаза отъ газеты и смотря на молодую дѣвушку.

— О, я только хотѣла потѣшить дѣтей! отвѣчала она и въ голосъ ея слышалось какое-то утомленіе, — впрочемъ, я знала, что у тебя была здѣсь важная конференція съ фрейленъ Рейхъ, къ участію въ которой я, вѣроятно, не была-бы допущена.

— Можетъ быть, потому-что единственнымъ предметомъ нашей конференціи была ты.

— Я?

— Но, г. Гюнтеръ... прервала его Франциска и приблизилась къ столу.

— Я не вижу, фрейленъ Рейхъ, — онъ сдѣлалъ незамѣтное, но понятное ей удареніе на этомъ словѣ, — для чего намъ долѣе играть въ прятки, дѣлать разныя предположенія и предаваться опасеніямъ, когда Люція можетъ разрѣшить намъ наши недоумѣнія. Она упряма, но никогда не жетъ... Поди ко мнѣ, Люція!

Глаза Люціи съ удивленіемъ и недовѣрчивостью обратились съ наставницы на брата, но она тотчасъ исполнила его желаніе и подошла къ нему.

— Говорила ты съ графомъ Ранкомъ послѣ бала у барона Бранкова?

Вопросъ Бенгарда, сдѣланный врасплохъ и безъ всякаго вступленія, озадачила Люцію. Она вспыхнула; но братъ былъ правъ: она презирала ложь.

— Только одинъ разъ, черезъ день послѣ бала! сказала она тихо.

— Значить, въ тотъ день, когда ты была одна въ лѣсу?

Гюнтеръ значительно посмотрѣлъ на Франциску, которая съ досадою отвернулась, потому что, видя волненіе Люціи, можно было усомниться въ предположеніи ея наставницы, что молодая дѣвушка совершенно равнодушна къ графу.

— Онъ опять говорилъ тебѣ о любви? продолжалъ Бернгардъ.

— Нѣтъ!—Видно было, что допросъ слишкомъ тягостенъ для Люціи и она долго его не выдержитъ.—Мы сказали другъ другу нѣсколько незначительныхъ словъ. Онъ предлагалъ проводить меня.

— И ты на это согласилась?

Щеки Люціи запылали еще ярче.

— Я не пошла съ нимъ! сказала она едва переводя духъ,— онъ остался на полянѣ... теперь, Бернгардъ, не спрашивай меня болѣе, ты видишь, запрещеніе твое не было нарушено, а больше я не скажу ни полслова.

Она упрямо сжала губы. Бернгардъ понялъ, что больше отъ нея ничего не узнаеть; онъ слишкомъ хорошо зналъ свою настойчивую сестру, чтобы могъ пытаться измѣнить ея рѣшеніе.

— Хорошо, сказалъ онъ серьезно. — Съ меня довольно того,

что графъ не провожалъ тебя и что ты съ тѣхъ поръ съ нимъ не говорила. Ты не говорила съ нимъ?

— Нѣтъ.

— Слышите, какъ это дитя говорить! сказала Франциска съ изумленіемъ.—Гдѣ вы выучились такъ энергично произносить это „нѣтъ“, подумаешь, что говорите не вы, а вашъ братъ!

Молодая дѣвушка отвернулась, ея недавно энергически сжатія губы задрожали; очевидно было, что на нее непріятно подѣйствовало допросъ; Франциска отъ излишняго усердія подлила масла на огонь.

— Но отчего-же не хотите вы намъ сказать, что произошло между вами и графомъ?

— О, Воже мой, да не мучьте вы меня, вѣчно и вѣчно поминая о графѣ! воскликнула Люція съ такою запальчивостью, что Франциска съ испугомъ поспѣшила къ ней.

— Такъ и знала, опять слезы! сказала она въ полголоса и хотѣла обнять молодую дѣвушку. Но Люція быстро освободилась изъ ея объятій, слезы вдругъ исчезли и она принудила себя улыбнуться.

— Я и не думала плакать, я вовсе не плачу! Но мнѣ нужно пойти переодѣться, такъ какъ Бернгардъ намѣренъ черезъ полчаса ѣхать со мною въ Е. Онъ всегда насмѣшливо пожимаетъ плечами, когда я не готова, на этотъ разъ ему уже не придется меня ждать.

Она ушла, Франциска посмотрѣла ей въ слѣдъ, качая головой.

— Вѣрите-ли вы мнѣ теперь, что дитя несчастливо, не сознаваясь въ томъ ни вамъ, ни самой себѣ.

Гюнтеръ всталъ и задумчиво заходилъ по комнатѣ.

— Вы правы, я не предполагалъ, чтобы дѣло было такъ серьезно! Расположеніе ея къ графу было просто мимолетнымъ чувствомъ дѣтскаго кокетства, а она все таки отказалась отъ его предложенія проводить ее! Я никогда не думалъ, чтобы мое запрещеніе такъ сильно на нее подѣйствовало.

— Я также не ожидала! сказала откровенно Франциска.— Люція всегда старается дѣлать именно то, что ей запрещаютъ.

— Все равно! Я предпочелъ-бы не имѣть никакихъ столкновеній съ Ранеками, а между тѣмъ, надо положить этому конецъ, я это вижу. Я напишу молодому графу, чтобы онъ оставилъ въ

покоѣ мою сестру и не являлся въ Добрѣ. Его поведеніе на балѣ даетъ мнѣ право на это, а его лишаетъ возможности приписывать случаю частыя появленія въ Добрѣ.

— Сдѣлайте это! добавила горячо Франциска.— Я-бы желала сама продиктовать вамъ письмо, тогда графу пришлось-бы прочесть кое-что такое, чего онъ, вѣрно, не читалъ во всю свою жизнь!

Несмотря на свой сумрачный видъ, Гюнтеръ невольно улыбнулся.

— Я полагаю, что на этотъ разъ могу обойтись и безъ диктовки. Впрочемъ, не бойтесь, сахарничать я не стану; я не вижу причинъ шадить графа. Позаботьтесь, чтобы Люція была готова къ назначенному часу. Разсѣяніе въ дорогѣ будетъ ей полезно.

Франциска кивнула только головой, но когда Гюнтеръ вышелъ изъ комнаты, она какъ-бы пробудилась отъ глубокаго раздумья, ударила такъ гнѣвно кулакомъ по столу, что стоявшіе на немъ вазы съ цвѣтами зазвенѣли, и сказала тономъ непоколебимаго убѣжденія:

— И все-таки она имъ нисколько не интересуется...

Черезъ полчаса Люція была уже въ экипажѣ и сидѣла рядомъ съ братомъ, который часто ѣздилъ въ Е. по дѣламъ и иногда бралъ съ собою сестру. Дорога туда была живописна; въ одномъ мѣстѣ, однакожъ, она была довольно трудна, крутыми поворотами она поднималась на самую вершину горы, по ту сторону которой у самой подошвы, дорога дѣлилась на двое, направо вела черезъ долину въ Е., а налево въ горы. Хотя лошади Гюнтера были молоды и сильны, но онѣ устали и взмылились отъ напряженія. Бернгардъ остановился и вышелъ съ Люціей изъ экипажа; сначала они шли рядомъ, но Люція, для которой не стоило ни малѣйшаго труда подниматься на гору, вскорѣ опередила брата; вдругъ она остановилась, точно какая нибудь сила приковала ее къ мѣсту.

— Что съ тобой? спросилъ Гюнтеръ, догнавъ ее.

— Ничего, мнѣ пришло въ голову, что не за чѣмъ спѣшить.

Она взяла брата подъ руку и прижалась къ нему; онъ, однакожъ, не обратилъ вниманія на ея волненіе. На поворотѣ дороги поднималась въ гору закрытая монастырская карета, а сзади нея шелъ бенедиктинскій монахъ.

Бернгардъ не вступалъ ни въ какія сношенія съ обитателями

сосѣдняго монастыря. Но на этотъ разъ онъ, кажется, хотѣлъ сдѣлать исключеніе. Едва бросилъ онъ бѣглый взглядъ на монаха, какъ ускорилъ шаги. Люція вѣпче сжала его руку.

— Да не спиши-же такъ, Бернгардъ! Лучше отстанемъ немного!

Гюнтеръ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Для чего-же? Это отецъ Бенедиктъ. Ахъ да, ты его не знаешь! Едва-ли ты замѣтила его на балу у Бранкова.

— Нѣтъ, знаю, отвѣчала она едва слышно.—Я... я боюсь его, боюсь его глазъ, отстанемъ лучше.

— Полно ребячиться, Люція! прервалъ нетерпѣливо Бернгардъ, таща ее за собою безъ церемоніи.

Черезъ нѣсколько минутъ они настигли молодого монаха, Гюнтеръ поклонился ему.

— Вы также хотите облегчить вашихъ лошадей, ваше преподобіе! началъ онъ простодушно.—Конечно, дорога такъ крута, что будетъ съ нихъ и пустого экипажа, слѣдуетъ и намъ иногда приносить для нихъ жертву.

Заслышавъ приближеніе шаговъ, Бенедиктъ обернулся и остановился, какъ окаменѣлый; у него занялось дыханіе и вся кровь бросилась въ лицо.

— Я хожу пѣшкомъ очень охотно, отвѣчалъ онъ.

— Про себя я не могу этого сказать, замѣтилъ Бернгардъ.— Но такъ какъ мы въ горахъ, то здѣсь не всегда представляются тѣ удобства, которыми мы пользуемся на нашихъ ровныхъ шоссе.

Онъ пошелъ медленно впередъ, молодой священникъ почти нехотя къ нему присоединился. Было-бы слишкомъ странно, если-бы онъ отъ нихъ отсталъ, когда карета его была далеко впереди. Люція шла молча, подъ руку съ братомъ, не принимая ни однимъ словомъ участія въ разговорѣ; Бенедиктъ смотрѣлъ прямо впередъ и тоже ни одного взгляда не бросилъ въ ея сторону. Бернгарду и въ голову не приходило наблюдать за сестрою, тѣмъ болѣе, что онъ занялся монахомъ и такъ-же пристально всматривался въ его лицо, какъ и въ тотъ вечеръ, когда увидѣлъ его въ первый разъ.

— Не знаю, ваше преподобіе, припоминаете-ли вы меня! сказалъ онъ.—Мы встрѣтились у барона Бранкова, но, впрочемъ, не были другъ другу представлены.

— Я знаю, васъ: вы владѣлецъ Добры! отвѣчалъ тихо Бенедиктъ.

Гюнтеръ поклонился.

— Мы отправляемся въ Е. Вы тоже, кажется, ѣдете въ ту сторону?

— Нѣтъ, я ѣду въ горы, въ Н.

— Въ такомъ случаѣ васъ ожидаетъ трудный и далекій путь. Вѣроятно, вы намѣрены посѣтить тамошняго священника?

— Нѣтъ. Я ѣду исполнять при немъ должность капелана, останусь тамъ на нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ быть, и на всю зиму.

— Сколько я знаю, Н. весьма незавидное мѣсто, сказалъ Бернгардъ съ участіемъ.—Это село выстроилось въ самомъ непривѣтливомъ мѣстѣ горной цѣпи. Вы дѣлаете истинно геройскій подвигъ, мѣняя комфортабельную жизнь въ монастырѣ на полную лишений жизнь въ Н., въ особенности зимой, гдѣ бываютъ очень суровые холода.

Губы молодого монаха задрожали, хотя онъ и не смотрѣлъ въ ту сторону, но видѣлъ, что Люція легче вздохнула, когда онъ заговорилъ о своемъ удаленіи.

— Есть враги, которыхъ труднѣе поборотъ, чѣмъ морозныя ночи и снѣжныя бури, сказалъ онъ холодно.

Бернгардъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Его, конечно, нисколько-бы не удивило, еслибъ эти слова были сказаны фанатикомъ, но тонъ, которымъ произнесъ ихъ Бенедиктъ и въ которомъ звучала горечь, вовсе не звучалъ фанатизмомъ католическаго монаха.

— Извините, ваше преподобіе, если я предложу вамъ нѣсколько нескромный вопросъ, сказалъ онъ быстро. — Вы уроженецъ В?

— Нѣтъ! я родился въ южной Германіи, отвѣчалъ Бенедиктъ.

— Значить, я ошибся. Мнѣ бросилось въ глаза нѣкоторое сходство; мнѣ казалось, что я зналъ вашу матушку.

— Можетъ быть, вы встрѣчали ее раньше, но я знаю, что она умерла, когда я еще былъ ребенкомъ, также какъ и мой отецъ, въ одномъ изъ помѣстій графа Ранека.

— Такъ онъ ничего не знаетъ, сказалъ про себя Бернгардъ. — Они оставили его въ полномъ невѣденіи.

Дальше они шли молча; Бенедиктъ, повидимому, былъ недоволенъ, что позволилъ себѣ выйти изъ своей обычной замкнутости; впрочемъ, имъ оставалось уже не далеко до того мѣста, гдѣ ждали ихъ лошади. Кучеръ Гюнтера уже тормозилъ экипажъ, но сдѣлалъ это такъ не ловко, что когда лошади нѣсколько подались впередъ, цѣпь попала между колесъ и лопнула. Замѣтивъ еще издали эту оплошность, Гюнтеръ нахмурилъ брови.

— Иосифъ опять сегодня олицетворенная неловкость! Мнѣ надо самому присмотрѣть, а то этакъ мы, пожалуй, гдѣ-нибудь вывернемся.

Онъ быстро взобрался на вершину горы, оставивъ Люцію одну съ Бенедиктомъ.

Люція остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ Бернгардъ оставилъ ее руку. Бенедиктъ хотѣлъ было итти за Бернгардомъ, но тоже остался какъ прикованный въ своему мѣсту; нѣсколько минутъ длилось томительное молчаніе, которое будто камнемъ лежало на нихъ обоихъ.

— Далеко вы ѣдете? сказала, наконецъ, Люція, будучи не въ силахъ болѣе выдерживать напряженного молчанія.

Бенедиктъ медленно поднялъ голову.

— Довольно далеко для вашего желанія. Вы, вѣрно, боитесь что безпокойный предостерегатель снова попадетъ на вашемъ пути? Успокойтесь, разъ я сдѣлалъ это, но въ другой не рѣшился-бы.

— Я вовсе этого не думала, сказала Люція робко, смотря въ землю.

— Нѣтъ? А между тѣмъ вы съ такимъ облегченіемъ вздохнули, когда услышали о моемъ отъѣздѣ?

Молодая дѣвушка покраснѣла. Да, конечно, она вздохнула при этой вѣсти, потому что съ его удаленіемъ, вѣроятно, уничтожилось-бы сильное впечатлѣніе, которое онъ производилъ на нее. Франциска была права: часто Люція гнѣвно, но безсильно боролась противъ него; она даже въ настоящую минуту чувствовала это, но все-таки довольно смѣло и запальчиво спросила:

— Какъ можете вы это знать? Во всю дорогу вы ни разу не взглянули на меня!

Бенедиктъ и теперь не смотрѣлъ на нее, но яркая краска разлилась по его лицу и онъ отрывисто отвѣтилъ:

— Для чего? Я и безъ того знаю, что вы меня боитесь... и ненавидите.

Бенедиктъ ожидалъ возраженія, но она молчала.

— Вы видите, какъ хорошо, что я ѣду! Прощайте! сказалъ онъ.

Глубокое горе, выразившееся въ этихъ словахъ, тронуло Люцію и она сдѣлала невольное движеніе удержать его. Голубые глаза ея снова смотрѣли на него съ удивленіемъ; они, какъ видно, имѣли особенную магическую власть надъ угрюмымъ монахомъ, потому что суровость постепенно исчезла съ его лица.

— Я огорчилъ васъ? Зачѣмъ намъ такъ разставаться! Я долго, можетъ быть, никогда не вернусь сюда. Будьте счастливы!

Въ голосѣ его звучала нѣжность и глаза свѣтились грустною ласкою, что и на этотъ разъ поразило Люцію такъ-же, какъ въ тотъ день, когда онъ провожалъ ее. И теперь, какъ тогда, его слова навѣвали на нее глубокую, непонятную тоску. Его горе болѣзненно отозвалось въ ней. Въ эту минуту угрюмый монахъ возбуждалъ въ ней къ себѣ глубокую симпатію.

Гюнтеръ, между тѣмъ, самъ приводилъ въ порядокъ тормазъ, и когда посмотрѣлъ на дорогу, то крайне удивился, увидѣвъ, что молодой монахъ идетъ одинъ; онъ ругнулъ про себя невѣжливаго кавалера, оставившаго его сестру одну на дорогѣ. Бенедиктъ прошелъ мимо него торопливо, поклонился, сѣлъ въ свой экипажъ и черезъ минуту спускался уже съ горы. Наконецъ, показалась и Люція.

— Какъ видно, отецъ Бенедиктъ вовсе не считаетъ себя обязаннымъ быть вѣжливымъ съ женщинами! сказалъ Бернгардъ, помогая ей садиться въ экипажъ.—Онъ могъ пройти съ тобою нѣсколько шаговъ, такъ какъ уже былъ въ нашемъ обществѣ!

— Я вовсе не желаю его любезностей, возразила Люція вспыльчиво, бросившись въ уголь кареты.

— Я тебѣ вѣрю, дитя! Его личность слишкомъ непривлекательна, чтобы онъ могъ тебѣ понравиться.

Люція не отвѣчала; по счастью, Бернгардъ болѣе не занимался ею, потому что все его вниманіе привлекалъ не совсѣмъ надежный тормазъ.

Между тѣмъ Бенедиктъ продолжалъ свой путь въ противоположную сторону и все далѣе углублялся въ горы. Онъ высунулся изъ кареты и свѣжій горный воздухъ вѣять прохладою въ блѣдное лицо молодого священника, на которомъ можно было еще прочесть слѣды недавней борьбы. Еще разъ стоялъ онъ у перепутья, еще разъ вкусилъ онъ упительнаго яда ея присутствія, но онъ преодолѣлъ себя. Онъ считалъ борьбу оконченною, считалъ себя укрытымъ за снѣговыми вершинами, между тѣмъ какъ въ груди его неукротимо билось и кипѣло молодое, горячее сердце, онъ не понималъ еще всей силы истинной страсти, передъ которою границы и разстояніе бессильно рушатся, которая со всею сокрушающею силою прокладываетъ себѣ путь сквозь горы, не обращая вниманія на человѣческіе законы, стремясь къ своей цѣли или къ своей гибели.

X.

Прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ; наступила осень. Въ замкѣ Ранекъ начались приготовленія къ переселенію графскаго семейства въ столицу; самъ графъ, впрочемъ, уже цѣлый мѣсяцъ находился тамъ и вернулся теперь на нѣсколько дней за женою и сыномъ. На другой-же день по пріѣздѣ онъ отправился къ брату и въ настоящую минуту мы встрѣчаемъ его въ кабинетѣ прелата. Прелатъ сидѣлъ въ креслѣ, а графъ Ранекъ стоялъ передъ нимъ, опираясь на спинку своего кресла.

— Ну, довольно толковать о политикѣ и рассказывать тебѣ столичныя новости, замѣтилъ графъ. — Я пріѣхалъ къ тебѣ затѣмъ, чтобы собрать свѣденія о Бруно. Онъ все еще въ Н.? Какъ ему живется?

— Онъ здоровъ! отвѣчалъ лаконически прелатъ.

— И ревностно исполняетъ свою новую должность?

— Слишкомъ ревностно!

Ранека поразилъ тонъ, которымъ были сказаны эти слова.

— Что такое случилось? Неужели мнѣ придется услышать что нибудь непріятное?

— Хорошаго услышишь не много.

— Ну что-же съ нимъ? Прошу тебя, говори!

— Отецъ Бенедиктъ далеко не оправдалъ ни твоихъ, ни моихъ ожиданій, сказалъ прелать съ досадою и негодованіемъ. — Онъ вздумалъ искать популярности; его имя уже гремитъ; его проповѣди слушаютъ не только его прихожане, — народъ грубый и невѣжественный, — къ нему бѣгутъ со всѣхъ сторонъ поселяне и даже горожане. Онъ осмѣлился проповѣдывать такія истинны, что вскорѣ наши противники будутъ привѣтствовать его, какъ своего, и поднимуть его на щитахъ, какъ доблестнаго защитника ихъ убѣжденій.

— Но скажи пожалуйста, прервалъ его съ ужасомъ графъ, — почему-же ты этого не предупредилъ? Почему ты не остановилъ его?

— Потому что я не постигъ объема опасности! Я всегда считалъ Бенедикта нѣсколько опаснымъ; но я не предполагалъ, чтобы онъ такъ скоро и такъ далеко зашелъ... Я, наконецъ, вмѣшался въ дѣло, но, кажется, слишкомъ поздно; его проповѣдь заронила уже опасную искру въ умы темной невѣжественной массы. Я слишкомъ долго щадилъ его ради тебя и ради самого себя, желая во чтобы то ни стало удержать этотъ могучій умъ — (Бенедиктъ великая сила) — для нашего монастыря. Въ первый разъ въ жизни я сдѣлалъ такую непростительную ошибку, и я зло наказанъ теперь за свое легкомысліе.

— Но что-же сдѣлать, наконецъ, Бруно? спросилъ съ безпокойствомъ графъ. — Когда я увѣжалъ отсюда, ты, кажется, былъ доволенъ его проповѣдями.

— Это правда. Его первыя проповѣди были блестящи, можетъ быть, слишкомъ смѣлы, но этого я ожидалъ и желалъ. Наша манера проповѣдывать, составляющая слѣпое подражаніе старинѣ, давно уже отжила свой вѣкъ. Намъ теперь нужны горячіе, энергическіе проповѣдники, умѣющіе пользоваться нынѣшнимъ направленіемъ умовъ, отъ котораго мудрено уже оградить народъ; только этимъ путемъ мы можемъ еще сохранить за собою прежнее могущество. Бенедиктъ именно такой человѣкъ, какого намъ нужно; онъ обладаетъ рѣдкою способностью вліять на массы и умѣетъ говорить такъ ясно и вразумительно, что его понимаетъ всякій. Я радовался этому, но скоро пришлось разочароваться: я замѣтилъ, что Бенедиктъ зашелъ слишкомъ далеко; я предостерегъ его разъ, другой, но онъ опять увлекся; дѣло становилось опасно и

я рѣшился отозвать его назадъ въ монастырь... И вотъ онъ какъ будто предупреждаетъ меня; въ послѣднее воскресенье, когда по случаю годового праздника въ Н., стеклось туда множество народа, онъ грянулъ такую проповѣдь... (прелать невольно сжалъ руку). — Что вообразилъ себѣ этотъ сумазбродъ, когда онъ рѣшился *это* проповѣдывать, онъ долженъ-же былъ знать, что это приведетъ его къ гибели.

Графъ поблѣднѣлъ.

— Проповѣдь была еретическая?

— Хуже этого, она была революціонная. Возмущеніе, до котораго не допускаетъ его присяга, онъ проповѣдуетъ другимъ. Народъ заволновался. Я не говорю уже о вооруженномъ возстаніи, которое можетъ быть результатомъ этого волненія, но, главное, пострадаетъ авторитетъ католической церкви... Эти горцы—дикое, упрямое племя, которое мы съ большимъ трудомъ обуздывали. Въ вѣчной борьбѣ съ горною природою, они привыкли къ извѣстной самостоятельности. Мышленіе, правда, у нихъ развито очень мало, но поэтому-то человѣкъ энергическій и высокаго ума, какъ Бенедиктъ, можетъ повести ихъ, куда ему вздумается. Мы и безъ того должны уже напрягать всѣ свои силы здѣсь, чтобы сдерживать бушующіе элементы и противустоять все болѣе и болѣе усиливающемуся противъ насъ неудовольствію; а тутъ еще въ горахъ готовится полное отпаденіе отъ насъ огромной массы населенія.

Прелать всталъ и въ сильномъ волненіи сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ; обычное спокойствіе, повидимому, оставило его, графъ облокотился на кресло.

— На что-жъ ты рѣшился въ отношеніи Бруно, спросилъ онъ съ наружнымъ спокойствіемъ, между тѣмъ, какъ глаза его тревожно слѣдили за прелатомъ.

— Естественно, я запретилъ ему проповѣдывать и вызвалъ его сюда, чтобы потребовать у него отчета. Я не сомнѣваюсь, что онъ будетъ повиноваться, и ожидаю его черезъ нѣсколько дней; вызвать его немедленно я не рѣшился, крестьяне до фанатизма привержены къ нему, и если-бы они могли предполагать, что его здѣсь ожидаетъ, они навѣрное силою-бы удержали его у себя.

Графъ вздрогнулъ при послѣднихъ словахъ прелата.

— Что ты хочешь сдѣлать? спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— То, что предписываетъ въ подобныхъ случаяхъ уставъ на-

шого ордена. Бенедиктъ явится передъ духовнымъ судомъ и испытаетъ всю его строгость.

— Братъ, Бога ради, ты не будешь...

— Чего не буду? спросилъ прелать спокойно. — Не думаешь-ли ты, что я теперь могу руководиться какими-нибудь посторонними соображеніями? Для тебя, конечно, Вруно дороже всего на свѣтѣ... Ты никогда не любилъ Отфрида.

Ранекъ отвернулся.

— Я не удивляюсь, что къ графинѣ ты не чувствуешь никакой симпатіи, продолжалъ прелать: — она не такая женщина, чтобы могла обворожить тебя, и ты своей женитьбой на ней принесъ только жертву блеску нашего дома, но что ты такъ безконечно равнодушенъ къ единственному сыну и наслѣднику, котораго она подарила тебѣ, это я ставлю тебѣ въ упрекъ, этого я понять не могу.

— Я не могу сочувствовать мелко эгоистической, женственно-капризной натурѣ Отфрида, оправдывался угрюмо графъ, — у него мои черты, но нѣтъ ни одной кровинки моего темперамента.

Прелать подошелъ ближе и оперся на столъ.

— Знаю я, у кого твой темпераментъ, хотя и не твои черты! Берегись, братъ! Этотъ темпераментъ вовлечъ тебя разъ въ безумное заблужденіе, изъ котораго вырвала тебя моя рука; онъ-же будетъ причиною и его гибели! Если-бы та любовная связь...

— Молчи! закричалъ графъ запальчиво и грозно, — не договаривай, ты лучше всѣхъ знаешь, что это не была мимолетная страстишка; тебѣ извѣстно, что я былъ женатъ на ней.

Прелать презрительно пожалъ плечами.

— Какой-же это былъ бракъ! Заключенный за границей между людьми разныхъ исповѣданій, безъ согласія отца, безъ соблюденія требуемыхъ въ этомъ случаѣ формальностей, — развѣ это бракъ? Наша церковь никогда не признавала этого протестантскаго брака; законы нашего государства расторгнули твой бракъ.

— Все равно, я не потерплю, чтобы ты оскорблялъ Анну, бѣдная женщина стояла со мной у алтаря, священникъ вѣнчалъ насъ. Развѣ могла знать восемнадцатилѣтняя дѣвушка, что у насъ законъ требуетъ еще другихъ формальностей? Развѣ ея вина, что я, по твоему настоянію, побуждаемый тщеславіемъ и расчетомъ,

совершилъ противъ нея низость. Одинъ я виновать и на меня одного должна пасть отвѣтственность за это.

Онъ страстно прижалъ руку ко лбу, прелать смотрѣлъ на него совершенно невозмутимо.

— Ты сдѣлалъ то, чего отъ тебя требовали имя и честь нашего дома. Что было только глупо для молодого офицера, находившагося на службѣ въ чужой странѣ, то становилось преступленіемъ въ то время, когда судьба неожиданно сдѣлала тебя наследникомъ и владѣльцемъ Ранека, главою могущественной фамиліи. Какъ осмѣлилась мѣщанка протянуть руку къ графской коронѣ! Эта дерзость свела ее въ могилу! Счастье твое, что она умерла, достаточно съ тебя и ея сына.

— Но я никогда не могъ имѣть его при себѣ, съ грустью сказалъ графъ. — Ты объявилъ, что ребенокъ принадлежитъ перкви, ты принялъ на себя заботы по его воспитанію, ученю, я могъ видѣть его лишь изрѣдка.

— Не долженъ-ли былъ я, по твоему, оставить его при тебѣ, чтобы ты, своею нѣжностью къ мальчишкѣ, выдалъ цѣлому свѣту тайну, которая и безъ того была скрыта слишкомъ недостаточно? Какое положеніе занялъ-бы онъ въ отношеніи твоей жены и сына? Церковь была единственное убѣжище, гдѣ искупалось его рожденіе и цѣлѣбывались ему почести и уваженіе, которыхъ ты добивался для него. Ты знаешь, что его ожидала здѣсь блистательная будущность. Только онъ одинъ виновать, если, въ своемъ ослѣпленіи, отталкиваетъ руку, которая хотѣла его возвысить, и самъ стремится въ пропасть.

— Онъ увлекся въ несчастную минуту; онъ одумается и снова возвратится на прежній путь.

Прелать покачалъ головой.

— Этотъ никогда не возвратится, онъ потерявъ для насъ навсегда! Онъ слишкомъ измѣнилъ себѣ... не даромъ въ его жилахъ течетъ протестантская кровь; онъ мститъ намъ теперь за то, что мы сжовали его рясой.

— Пощади его! Это еще въ твоей власти, потому что пока ты его единственный судья. Пощади мою кровь въ немъ, эта кровь и твоя.

— Я не пощадилъ-бы и тебя, Отфридъ, если-бы ты былъ на его мѣстѣ! сказалъ прелать ледянымъ тономъ. — Ты не знаешь,

какъ онъ далеко зашелъ. На, читай...—онъ быстро вынулъ изъ лежавшаго на столѣ портфеля нѣсколько бумагъ и подалъ ихъ брату, — вотъ тебѣ его послѣдняя проповѣдь слово въ слово, а вотъ и списокъ книгамъ, надъ которыми онъ просиживаетъ ночи.

Нетерпѣливымъ движеніемъ отодвинулъ графъ отъ себя бумаги.

— Я вижу, что вы не поскупились на шпионовъ, которыми окружили его! замѣтилъ онъ съ горечью.

— Неужели ты серьезно можешь допустить во мнѣ такую глупость, чтобы я оставилъ такого человѣка безъ особаго наблюденія? И ты думаешь, что я выпущу въ свѣтъ эту силу, чтобы она обратилась противъ насъ? Своимъ пылкимъ краснорѣчіемъ онъ можетъ увлечь тысячи людей; ненависть къ монашеству и католической церкви онъ изучилъ въ высшей школѣ—въ самомъ монастырѣ.

— Что ты сдѣлаешь съ Бруно? спросилъ графъ съ возрастающею тревогою.

Прелатъ злобно улыбнулся.

— Ты умираешь отъ страха за своего любимца? Успокойся! теперь уже не средніе вѣка; миновало время, когда ослушныхъ монаховъ закладывали въ стѣны или пыткой принуждали къ отреченію отъ ереси; теперь за cadaго члена нашего ордена мы должны давать отчетъ свѣтской власти: она заключила насъ въ довольно тѣсныя границы.

— Я это знаю, сказалъ мрачно графъ; — но я знаю и то, что у васъ и теперь есть довольно средствъ скрыть вашу жертву отъ свѣтской власти: вы объявите его сумасшедшимъ, а потомъ онъ совсѣмъ исчезнетъ,—куда? — объ этомъ знать будете только вы одни.... или-же дѣйствительно сойдетъ съума. За вашими стѣнами легко укрывать всякую жестокость, всякую тѣлесную и душевную пытку. Многіе-ли изъ тѣхъ, кого вы объявляли сумасшедшими были ими на самомъ дѣлѣ, и сколько изъ этихъ несчастныхъ впоследствии дѣйствительно сошли съ ума! Не говори мнѣ о милосердіи вашего монастыря! Я тебя еще разъ спрашиваю, что хочешь ты сдѣлать съ Бруно?

Прелатъ взглянулъ на него ледянымъ, безжалостнымъ взглядомъ.

— Чтобы я ни рѣшилъ относительно Бенедикта, ты ни въ

чемъ не можешь помѣшать мнѣ. Посвятивъ его церкви, ты отказался отъ своихъ правъ на него; монашескіе обѣты разрываютъ всѣ прочія свѣтскія связи. Онъ принадлежитъ теперь мнѣ, своему настоятелю, и я поступлю съ нимъ, какъ мнѣ заблагоразсудится.

— Нѣтъ, никогда! воскликнулъ графъ, вспыхнувъ. — Я не допущу принести его въ жертву. Слишкомъ долго властвовалъ ты надо мной, слишкомъ часто я преклонялся передъ твоєю желѣзною волею, теперь мое терпѣніе истощилось. Я говорю тебѣ, не касайся Бруно, а то я заявлю цѣлому свѣту о правахъ моихъ на него и пожертвую тобою и твоимъ монастыремъ!

Прелать отступилъ на шагъ и на его лбу появилась теперь та-же морщина, которая такъ долго виднѣлась на лбу Ранека, но голосъ его все еще звучалъ презрительнымъ спокойствіемъ.

— Ты бредишь, Отфридъ, а то-бы ты не угрожалъ мнѣ. Кто будетъ принеся въ жертву въ этомъ случаѣ? Развѣ мое имя и честь будутъ стоять на картѣ, если ты предашь гласности обстоятельство, о которомъ едва-ли будутъ судить такъ, какъ судили о немъ двадцать пять лѣтъ назадъ? Попробуй-же, откройся прежде всего твоему Бруно,—первый вопросъ его будетъ о матери...

Графъ поблѣднѣлъ и медленно опустилъ съ угрозою поднятую руку.

— Бруно никогда не любилъ тебя, продолжалъ безпощадно прелать;—за всѣ твои заботы и нѣжность къ нему онъ платилъ какимъ-то инстинктивнымъ нерасположеніемъ къ тебѣ и боязливою уклончивостью. Открой только ему тайну его рожденія — и ты приобрѣтешь его ненависть.

Прелать прибѣгнулъ къ самому дѣйствительному средству обуздать бѣшенство графа, на лицѣ котораго выразилось теперь страданіе.

— Я это знаю, отвѣчалъ графъ едва слышно, — и этого-то именно я и не могу выносить. Ты постоянно осуждаешь меня за эту любовь, но это единственное чувство, которое я вынесъ изъ мимолетнаго сна моей юности, и, что ты ни говори, оно — все, что только и есть хорошаго во мнѣ. Но еще разъ повторяю тебѣ, братъ, твердо сказалъ онъ, выпрямляясь, — долженъ быть предѣлъ моей покорности тебѣ. Если Бруно провинился, выслушай его оправданіе, взыщи съ него въ тѣхъ предѣлахъ, какіе допускаетъ тебѣ законъ, какъ настоятелю монастыря. Но берегись,

если ты перейдешь эти предѣлы. Вашей монашеской мести я никогда не пожертвую имъ. Берегись, если я потеряю его изъ виду; я нападу на его слѣдъ или я не буду могущественнымъ графомъ Ранекомъ. Помни, что твоя духовная власть имѣетъ свои предѣлы и что я не пощажу ничего, если ты доведешь меня до крайности. Прощай.

Онъ ушелъ. Говорилъ онъ теперь спокойнѣе, безъ запальчивости, но по тому-то послѣдняя угроза его сильнѣе подѣйствовала на прелата. Духовный сановникъ понялъ, что кончилась власть, которую онъ всегда имѣлъ надъ своимъ пылкимъ братомъ въ силу своего обдуманнаго, невозмутимо-холоднаго характера.

Прелатъ былъ еще совершенно погруженъ въ мрачное раздумье, когда вошелъ пріоръ.

— Я пришелъ за приказаніями вашего пресвященства относительно отца Бенедикта, сказалъ онъ торжественно. — Онъ долженъ скоро пріѣхать. Вамъ, конечно, будетъ угодно выслушать прежде его оправданіе?

— Оправданіе? сказалъ рѣзко прелатъ. — Въ немъ нѣтъ никакой надобности. Если Бенедиктъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, сознается, намъ останется только нарядить надъ нимъ судъ. Я уже сообщилъ архіепископу объ этомъ случаѣ и ожидаю его отвѣта. Я знаю напередъ, какъ мнѣ поступить, и знаю, что мнѣ будетъ предоставлена полная свобода дѣйствія.

— Я также убѣжденъ, что намъ дадутъ неограниченное полномочіе, подтвердилъ пріоръ, набожно поднявъ взоръ къ небу. — Нужно наказать дерзкаго и умилоствовать церковь покаяніемъ, чтобы ея цѣлость...

Прелатъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Оставьте вашъ лицемѣрный тонъ! Вы знаете, что я не терплю ханжества, особенно когда разговариваю глазъ-на-глазъ съ вами. Дѣло идетъ вовсе не объ умилоствленіи церкви, а объ огражденіи ея отъ опасности здѣсь, гдѣ примѣръ одного можетъ губельно повліять на цѣлое сословіе. Я рѣшился прибѣгнуть къ самымъ строгимъ мѣрамъ.

Во взглядѣ пріора промелькнуло торжество, но онъ тотчасъ-же смиренно опустилъ глаза въ землю. Онъ замѣтилъ, что прелатъ сильно раздраженъ и что это раздраженіе должно было имѣть связь съ посѣщеніемъ графа.

— Самыя строгія мѣры крайне необходимы, отвѣтилъ пріоръ. — Опасаюсь я только, какъ-бы не вмѣшался графъ Ранекъ... т. е., поправился онъ торопливо, — чтобы онъ не употребилъ своего вліянія въ пользу своего любимца.

— Я въ подобныхъ случаяхъ не поддаюсь вліянію моего брата, сказала прелать жестко и рѣшительно.

— Я знаю, ваше преосвященство, знаю, подтвердилъ пріоръ. — Но г. графъ принимаетъ такое необыкновенное участіе въ отцѣ Бенедиктѣ... если онъ попытается противъ вашей воли...

Идти дальше въ своихъ намекахъ онъ не рѣшился, но онъ успѣлъ достаточно раздражить гордость прелата.

— Графъ, вѣроятно, знаетъ или догадывается о томъ, что ожидаетъ его любимца, продолжалъ пріоръ тише, — онъ едва-ли согласится пожертвовать имъ, а если онъ не захочетъ...

Прелать гнѣвно поднялъ голову.

— Если братъ мой не захочетъ? Вы, кажется, забываете, что я одинъ могу здѣсь „хотѣть“!

— Я объ этомъ не забываю, ваше преосвященство! Но дѣло въ томъ, что съ отцомъ Бенедиктомъ нельзя такъ поступить, какъ съ другимъ монахомъ, у котораго нѣтъ такого могущественнаго покровителя, какъ графъ Ранекъ, пользующійся значительнымъ вліяніемъ при дворѣ нашего всемилостивѣйшаго государя, который, какъ вамъ извѣстно, слишкомъ либерально смотритъ на подобныя случаи. Если заговорятъ при дворѣ, то всякая крайность, къ которой прибѣгнемъ мы въ отношеніи Бенедикта, можетъ быть для насъ гибельна.

Прелать усмѣхнулся гордо и презрительно.

— Что касается моей духовной власти, то на нее не посягнетъ ни братъ мой и никто другой, какъ-бы высоко онъ ни былъ поставленъ. Тридцать лѣтъ управляю я монастыремъ и тридцать лѣтъ онъ считался самымъ примѣрнымъ изъ всѣхъ монастырей; ни малѣйшая тѣнь не падала на него. Въ то время, какъ во всѣхъ окружныхъ монастыряхъ случались примѣры слабости управленія, отпаденія и измѣны, я умѣлъ сохранить свой монастырь чистымъ и, что-бы ни случилось, умѣлъ не выпускать вѣроотступниковъ за его ограду. Никогда, говорю я. Бенедиктъ или отречется отъ своихъ заблужденій, или судьба его свершится. Моего рѣшенія не измѣнятъ ни графъ Ранекъ, ни самъ государь, — они

только люди, а въ нашихъ рукахъ высшая земная власть — власть священника, которой и они подчиняются, а я признаю своимъ владыкой только одинъ Римъ и подчинюсь только волѣ святого отца папы.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ пріоръ, съ благоговѣніемъ кланаясь прелату, — слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, дѣйствовать очень осторожно. Противъ насъ соединятся слишкомъ могущественныя силы и мы можемъ подвергнуться серьезной опасности. Своимъ возвращеніемъ отецъ Бенедиктъ ставитъ насъ въ непріятное положеніе и можетъ вовлечь въ опасное столкновеніе съ людьми сильными... было-бы всего лучше, если-бъ онъ совсѣмъ не возвращался.

— Онъ возвратится, сказалъ рѣшительно прелать. — Онъ явится сюда и не отречется ни отъ одного своего слова, а это знаю.

— Конечно, если ему ничто не помѣшаетъ, замѣтилъ пріоръ. — Но развѣ не можетъ какой-нибудь случай... горныя дороги теперь очень опасны; отъ проливныхъ дождей потоки вышли изъ береговъ, а бури сдѣлали нѣкоторыя мѣстности почти совсѣмъ непроходимыми. Отецъ Бенедиктъ слишкомъ презираетъ подобныя опасности: онъ ходитъ одинъ очень далеко, если обязанности призываютъ его къ большому или въ горную часовню...

Прелать смотрѣлъ нѣсколько минутъ съ изумленіемъ на пріора, потомъ вдругъ повернулся къ нему спиной, подошелъ къ огню, остановился, скрестивъ на груди руки, и устремилъ взглядъ на раскинутый передъ нимъ ландшафтъ. Пріоръ слѣдилъ за этимъ взглядомъ.

— Я говорю, конечно, только о случаѣ, о простой возможности, но нельзя не сознаться, что она вывела-бы насъ изъ очень большого затрудненія. Отреченія никакими способами мы не добьемся отъ нашего молодого собрата; а тѣмъ положится начало новой пагубной ереси: какими средствами мы заставимъ его молчать? Если-бы мы захотѣли поступить съ крайней строгостью, мы возстановимъ противъ себя графа Ранека. Во всякомъ случаѣ, не хорошо, очень не хорошо. Я не вижу никакого удобнаго исхода.

Прелать не отвѣчалъ; пріоръ подошелъ къ нему еще ближе.

— Если-бы случилось съ нимъ несчастье, — конечно, во-время, — продолжалъ пріоръ, — то оно могло-бы все поправить. Оно

избавило-бы монастырь отъ ужаснаго позора имѣть между своими членами вѣроступника, избавило-бы отъ неизбежнаго столкнове-нія со свѣтскою властью въ случаѣ слишкомъ строгаго суда. Да и графъ Ранекъ принужденъ-бы былъ успокоиться, потому что никто не можетъ отвѣчать за случай.

Онъ говорилъ медленно и тихо, подчеркивая каждое слово, какое нужно было подчеркнуть. Прелать все еще стоялъ неподвижно и хотя ледяное спокойствіе его лица не изобличало ровно ничего, но въ глазахъ его, устремленныхъ вдаль, на окружонныя туманомъ горы, выражалась внутренняя борьба.

— Когда возвратится Бенедиктъ? спросилъ онъ наконецъ.

— Я думаю, послѣ завтра.

Послѣдовало тяжелое молчаніе. Прелать медленно обернулся. Лицо его было холодно и неподвижно.

— Ваша правда, это былъ-бы самый лучшій исходъ. Но развѣ случай въ нашей власти?

— Я полагаю...

Пріоръ не сказалъ больше ни слова, но испытующій взглядъ его вился въ лицо прелата, желая, кажется, вычитать въ немъ сокровенную мысль. Взглядъ прелата упалъ невольно на лежавшія на письменномъ столѣ бумаги, которыя онъ недавно показывалъ графу; онъ тяжело опустилъ свою руку на рукопись послѣдней проповѣди Бенедикта, — гордый настоятель дѣйствительно былъ убѣжденъ въ эту минуту, что онъ имѣетъ право располагать жизнью и смертью своихъ подчиненныхъ монаховъ, если того требуетъ польза католицизма.

— Отецъ пріоръ, я ничего не приказываю и ничего не допускаю, замѣйте это себѣ! Что сдѣлается для блага монастыря, а слѣдовательно для пользы католичества, я отпущу.

Пріоръ молча поклонился. Послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ онъ поспѣшилъ удалиться. Прелать все еще стоялъ у своего письменнаго стола, положивъ руку на роковую проповѣдь, но когда дверь за пріоромъ затворилась, на лицѣ его выразилось безграничное презрѣніе.

— Несчастный! Ты хотѣлъ сдѣлать меня орудіемъ своей личной ненависти? Нѣтъ, бери это дѣло на одну свою совѣсть. Если Бенедиктъ и погибъ для насъ, то все-же онъ для меня болѣе

значить, чѣмъ десять тебѣ подобныхъ, и мнѣ было-бы несравненно легче пожертвовать всѣми вами, но не имъ.

Въ коридорѣ, соединявшемъ прелатуру съ монастыремъ, пріоръ остановился у окна и посмотрѣлъ вдаль, на туманныя горы; на лицѣ его выражалась смертельная ненависть.

— Наконецъ-то я добрался до него! Не въ добрый часъ осмѣлился онъ угрожать мнѣ. Не могъ-же я допустить его возвратиться сюда и вѣчно дрожать, что онъ выдастъ меня. Да, онъ долженъ погибнуть. Прелатъ желаетъ остаться въ сторожѣ— пусть его и остается. Онъ все-же долженъ будетъ защитить меня въ случаѣ неудачи, во мнѣ онъ станетъ защищать честь нашего монастыря. Отецъ Бенедиктъ, вы вздумали сдѣлаться провозвѣстникомъ свободы, вы возмущаете народъ противъ нашей католической церкви, ну, и несите достойное наказаніе.

XI.

И въ горахъ, какъ въ равнинѣ, наступила осень, но здѣсь она имѣла иной характеръ. Въ равнинахъ стоялъ густой туманъ; надъ ними сѣрое, точно свинцовое небо; однообразной, безконечной темной полосой тянулись поля, тихо катились темныя волны рѣки; тихо и однообразно шумѣлъ осенній дождь, медленно осыпались съ деревьевъ поблекшіе листья, уныло бушевалъ вѣтеръ, обивая послѣдніе, еще удержавшіеся остатки лѣтняго убранства; все постепенно приходило въ неизбежное оцѣпеніе.

Не то въ горахъ. Здѣсь все въ буйномъ движеніи, все упрямо и отчаянно отстаиваетъ свое существованіе. Бури свирѣпствуютъ здѣсь съ неимоверною силою, грозныя тучи несутся надъ долинами или сгущаются около вершинъ горъ. Горныя потоки съ стремительной силой несутъ свои воды, постоянно прибывавшія отъ ливней. И здѣсь густой туманъ окружаетъ лѣсъ и скалы; но и сквозь него виднѣются вертикальныя верхушки гордыхъ сосенъ, а сквозь тучи пробиваются отвѣсные утесы и зубцы горъ. Травы и кусты, украшавшіе своей зеленью покатости горныхъ вершинъ, уже уничтожены безжалостной осенью, но на этомъ и кончается здѣсь ея могущество; противъ лѣсовъ и скалъ оно бессильно: скалы не дрогнуть, а хвойныя лѣса не перестанутъ зеленѣть и зимою.

Даже сама зима теряетъ здѣсь свою всемогущую силу, и хотя она покрываетъ все своимъ снѣговымъ покровомъ, но не можетъ обуздать вѣчно движущейся силы горныхъ потоковъ, она не можетъ сковать ихъ своими ледяными оковами; все кругомъ цѣпенѣетъ, но эта жизненная, вѣчно движущаяся, вѣчно новая сила продолжаетъ дѣйствовать, не смотря ни на какіе морозы, ни на какія вятели.

Деревня Н. принадлежала къ числу тѣхъ уединенныхъ, расположенныхъ въ глубинѣ горъ, поселеній, которыя только полгода могутъ сообщаться съ равниною, но во время осеннихъ бурь, зимнихъ снѣговъ и весенняго полноводія совершенно изолируются отъ прочаго міра, такъ какъ доступъ къ нимъ почти невозможенъ. Маленькая деревушка на горной площадкѣ, тѣсно скученная вокругъ стоявшей посреди ея церкви, казалась совершенно безпомощною среди окружавшихъ ее исполинскихъ снѣговыхъ вершинъ, гордо смотрѣвшихъ на убогія человѣческія жилища, которыя легко могли быть уничтожены одною бурей. Тошій, корявый сосновый лѣсъ окаймлялъ площадку; дорога въ эту деревушку даже въ лѣтнее время была очень затруднительна.

Изъ священническаго дома, наружный видъ котораго ясно указывалъ на бѣдность прихода, вышли два священника и медленно пошли вдоль деревни, отвѣчая на поклоны встрѣчныхъ поселянъ; когда они миновали дома и вышли изъ деревни, холодный, горный вѣтеръ охватилъ ихъ съ удвоенною силою.

— Вамъ-бы лучше вернуться, ваше преподобіе! сказалъ младшій изъ священниковъ, закутываясь плотнѣе въ свой плащъ.— Становится очень холодно, вѣроятно, сегодня опять будетъ буря.

Старшій покачалъ головой.

— Я непременно провожу васъ до распятія, любезный Бенедиктъ. Я слишкомъ облѣнился съ вашимъ пріѣздомъ сюда. Небольшая прогулка принесетъ мнѣ только пользу.

Бенедиктъ больше не противорѣчилъ.

— Ваши ежедневныя путешествія въ горную каплицу, сказалъ старикъ,— сильно беспокоятъ меня.

— Почему-же? спросилъ спокойно Бенедиктъ.— Развѣ это такой дальній путь?

— Онъ не далекъ, но опасенъ; вы должны постоянно проходить по глухому ущелью, это одна изъ самыхъ опасныхъ горъ

ныхъ мѣстностей. Лѣтомъ все еще ничего, но теперь, отъ безпрерывныхъ ливней, вода въ потокахъ сильно прибyla, а скалистая дорога стала слишкомъ скользка и никогда нельзя быть увѣреннымъ, что сзади васъ не снесетъ моста и сильно затруднитъ возвращеніе въ деревню.

— Крестьяне всегда избираютъ этотъ путь, чтобы сократить дорогу въ долину! отвѣчалъ равнодушно молодой священникъ.

— Да, здѣшніе крестьяне! Они родились и выросли въ горахъ, ихъ нога не такъ скоро поскользнется, да и во время паденія сумѣетъ удержаться или за что нибудь зацѣпиться. Вы-же не привыкли къ такой опасной дорогѣ... я всегда въ тревогѣ, когда вы отправляетесь туда, и успокаиваюсь только въ ту минуту, какъ увижу, что вы возвратились уже домой.

— Я не подверженъ головокруженію, сказалъ спокойно Бенедиктъ;—къ тому-же вы знаете, что я необходимъ бѣднякамъ, которые собираются ко мнѣ туда изъ окрестной мѣстности; они вѣрятъ мнѣ и мой долгъ давать имъ совѣты, которыхъ они отъ меня требуютъ. Ходить-же имъ сюда, въ нашу деревню, очень затруднительно, они должны будутъ проводить слишкомъ много времени въ дорогѣ, что повредитъ ихъ работѣ, а ихъ заработки и безъ того слишкомъ скудны...

— Но вы не обязаны этого дѣлать, сказалъ отецъ Климентъ.— Правда, я и самъ...

— Я знаю, что и вы не отказались-бы дѣлать то же самое, если-бы были помоложе и поздоровѣе. Вы сами рады пособить бѣдняку. Мнѣ эти путешествія доставляютъ только одно удовольствіе; у меня слишкомъ много свободнаго времени, особенно съ той поры, какъ мнѣ воспрещены публичныя проповѣди. Къ тому-же завтра я пойду туда въ послѣдній разъ.

Климентъ съ испугомъ посмотрѣлъ на него.

— Въ послѣдній разъ?

— Вы знаете, меня вызываютъ въ монастырь? сказалъ Бенедиктъ, угрюмо покачивая головой.—Едва-ли меня снова сюда отпустить, я знаю прелата. Малѣйшая тѣнь свободы, которой я пользовался здѣсь, навѣрное показалась ему чрезмѣрной, и онъ намѣревается лишить меня ее.

— Вы говорите о вашей послѣдней проповѣди? Братъ мой! Братъ мой!—(Голосъ старика задрожалъ, но онъ остановился, за-

мѣтивъ, что молодой священникъ нахмурился).— Не хотѣлъ-бы я васъ смущать, но не могу побѣдить моею внутренней тревоги. Оставайтесь тутъ, Бенедиктъ! Отговоритесь нездоровьемъ или подь какимъ-нибудь другимъ предлогомъ отсрочьте вашъ отъѣздъ; что нибудь недоброе затѣвается противъ васъ въ монастырѣ! Здѣсь вы въ безопасности, прихожане преданы вамъ до энтузіазма и, въ случаѣ надобности, готовы защищать васъ; здѣсь никто не осмѣлится коснуться волоса на вашей головѣ.

— Я поѣду! сказалъ рѣшительно Бенедиктъ.

— Они давно уже недоувѣряютъ вамъ, продолжалъ убѣждать старецъ.— Нашъ школьный учитель... не хочу его злословить, не имѣя доказательствъ; но мнѣ никогда не нравилось, что онъ съ перваго дня преслѣдовалъ васъ своею неотступною услужливостью. Вы никогда не пратали вашихъ книгъ и вашихъ собственныхъ рукописей; я опасаясь, что нѣсколько разъ пересматривали ваши книги и рылись въ вашихъ бумагахъ. И мнѣ было приказано...

Онъ запнулся и съ смущеніемъ смотрѣлъ въ землю.

— И васъ хотѣли унизить должностью шпіона? спросилъ съ горечью молодой священникъ. — Печальная обязанность, особенно если ее нужно исполнять въ отношеніи своего гостя, который нѣсколько мѣсяцевъ живетъ съ вами подь одною крышею!

— Что я сообщаю, то вамъ не повредитъ, братъ мой, кротко сказалъ старикъ.— Пусть въ монастырѣ называютъ меня старымъ глупцомъ, мнѣ лучше заслужить это прозвище, чѣмъ однимъ неосторожнымъ словомъ подвергнуть васъ опасности.

Бенедиктъ не отвѣчалъ, но молча протянулъ ему руку.

— Вы остаетесь, не правда-ли? сказалъ Климентъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я не могу! не думайте, чтобы я слишкомъ надѣялся на снисходительность прелата. Я знаю, что меня ожидаетъ или, по крайней мѣрѣ, догадываюсь. Но ко всему я отношусь теперь холодно, безучастно. Самой жизнью я не дорожу, я не пошевелилъ-бы пальцемъ для ея спасенія. Жаль мнѣ, конечно, моихъ добрыхъ друзей, поселянъ, но боюсь, что и здѣсь я сдѣлаюсь вскорѣ бесполезенъ, что и ихъ горькая жизнь перестанетъ меня трогать и я не въ состояніи буду помогать имъ своими знаніями, какъ помогать до сихъ поръ.

Между тѣмъ они достигли распятія, стоявшаго на краю пло-

щадки, какъ разъ по направленію къ горной капицѣ; здѣсь они остановились.

— Не нужно было вамъ говорить такъ рѣзко, братъ мой, слѣдовало вамъ остеречься и помнить, какъ опасно затрогивать извѣстные интересы, сказалъ кратко старикъ.

— Кто-бы говорилъ, да не вы, ваше преподобіе, отвѣчалъ Бенедиктъ рѣзкимъ тономъ. — Скажите, къ чему послужила ваша покорность, ваше, по-истинѣ, изумительное самоотверженіе? Чего достигли вы, живя здѣсь, въ горахъ, въ вѣчной нуждѣ, чуть не голодая. Что, развѣ ваша покорная и кроткая проповѣдь скольконибудь облегчила окрестную поражающую нищету и бѣдствія? Между тѣмъ, вы разбили свою жизнь, уничтожили свою будущность, отказались отъ счастья...

— Ничего я не просилъ и ни на что я не надѣялся, отвѣчалъ Климентъ очень просто. — Меня назначили сюда и я счелъ долгомъ исполнять свою обязанность какъ можно добросовѣстнѣе. Не спорю, мнѣ приходилось иногда очень тяжело; бывали дни и недѣли, когда я терпѣлъ крайнюю нужду, не имѣя духу собирать силою съ прихожанъ мои скудные доходы, которыхъ они, при всемъ своемъ желаніи, не въ состояніи были внести, но еще было тяжелѣе, что мнѣ всегда приходилось ограничиваться духовнымъ утѣшеніемъ тамъ, гдѣ нужно было дѣйствовать и гдѣ требовалась настоящая помощь. Ко мнѣ тоже обращались за совѣтами; я не могъ ихъ подавать. Я знаю, что нужно этимъ несчастнымъ, но въ моей-ли власти было дать имъ это. Мнѣ уже болѣе семидесяти лѣтъ, по всей вѣроятности, я скоро успокоюсь на вѣки. Если я и мало видѣлъ хорошаго въ жизни, то, по крайней мѣрѣ, унесу въ могилу убѣжденіе, что я трудился честно, что я дѣлалъ все, что могъ; если-же и не сдѣлалъ чего, то невольно, а не намѣренно.

Въ этихъ простыхъ словахъ звучала трогательная покорность; не слышно было въ нихъ ни ропота, ни жалобъ на печально сложившуюся жизнь. Однакожь, эта кротость не тронула Бенедикта; въ немъ кипѣлъ пылъ молодости; онъ готовъ былъ лучше погибнуть, чѣмъ отказаться отъ своихъ убѣжденій, и онъ готовился дать энергическій отвѣтъ, когда увидѣлъ, что къ нимъ приближались двое мужчинъ, подобно имъ, закутанныхъ въ плащи. Бенедиктъ узналъ ихъ и на лицѣ его появилось мрачное выраже-

ніе; онъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу и вѣжливо, но холодно поклонился старшему изъ нихъ.

— Графъ Ранекъ, вы пріѣхали сюда?

Графъ подаль ему руку и обратился къ Клименту.

— Я пріѣхалъ къ вашему капелану, ваше преподобіе, съ которымъ мнѣ нужно переговорить. У васъ дома намъ сказали, что вы только что вышли, и что мы успѣемъ еще васъ догнать.

— Не угодно-ли будетъ вамъ, графъ, возвратиться съ нами? сказалъ старикъ.—Здѣсь едва-ли будетъ удобно вамъ разговаривать: погода такъ дурна.

— Благодаю васъ! успѣшилъ отвѣтить Ранекъ.—Наши переговоры не потребуютъ много времени; къ тому-же, отецъ Бенедиктъ отправляется на службу; я не хотѣлъ бы задерживать его.

Старый священникъ понялъ, что графу необходимо остаться съ Бенедиктомъ безъ посторонняго свидѣтеля, успѣшилъ откланяться и отправился домой.

— Мы искали тебя, Бруно! Видишь, и Отфридъ со мною. Вы разстались враждебно и должны примириться, какъ я отъ васъ уже разъ требовалъ. Въ то время, въ пылу гнѣва, вы не хотѣли примириться; вы сдѣлаете это теперь, Отфридъ протягиваетъ тебѣ руку, возьми ее.

Графъ говорилъ ласковымъ, но повелительнымъ тономъ. По лицу Отфрида нельзя было не замѣтить, что онъ дѣйствуетъ по принужденію, но все-таки онъ протянулъ свою руку. Бенедиктъ не шевельнулся.

— Что-же? спросилъ графъ спокойно, но болѣе рѣзкимъ тономъ. Молодой священникъ сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Прошу васъ, графъ, избавьте вашего сына и меня отъ тягостной для насъ обоихъ церемоніи, которая ни на волосъ не измѣнитъ нашихъ взаимныхъ отношеній! сказалъ онъ холодно.

Отфридъ, видимо, почувствовалъ облегченіе, но все-же бросилъ полный ненависти взглядъ „сыну слуги“, который осмѣливался такъ нагло отказываться отъ примиренія съ нимъ.

Графъ окинулъ медленнымъ взглядомъ ихъ обоихъ. Съ перваго взгляда оба молодые человѣка рѣзко отличались одинъ отъ другого. У Отфрида были свѣтлые волосы, свѣтлые глаза, матовое, безжизненное лицо, черты котораго очень походили на отца. У Бенедикта, напротивъ, было блѣдное, энергическое лицо, черные вью-

щіяся волосы и глубокіе черные глаза. Но у нихъ было *одно* общее: высокая, стройная фигура, своеобразный, гордый поворотъ головы, походка и манеры. Графа сегодня особенно поразило это сходство.

— На этотъ разъ, Бруно, ты не желаешь примиренія, сказалъ графъ съ упрекомъ.— Пусть будетъ по твоему! черезъ часъ ты будешь иначе думать, тогда ты самъ протянешь ему руку, а это знаю. Оставь насъ однихъ, Отфридъ!

Молодой графъ повиновался. Въ немъ кипѣла ненависть и негодование. Для него не было тайной, что Бенедикту грозитъ какая-то опасность и онъ угадалъ, что желаніе предостеречь своего любимца, можетъ быть, спасти его отъ гнѣва прелата побудило графа предпринять эту внезапную поѣздку въ горы. Но зачѣмъ онъ взялъ съ собой сына, зачѣмъ такъ настоятельно требовалъ примиренія теперь, когда прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ссоры, — этого Отфридъ не могъ себѣ объяснить. Онъ уже былъ раздраженъ, но его еще глубже оскорбило, что отецъ велѣлъ ему, безъ церемоніи, удалиться, потому что ему нужно было говорить съ Бенедиктомъ; еще болѣе уязвило его сознание, что въ отношеніи Бенедикта графъ никогда не поступалъ такъ безцеремонно. Этотъ монахъ все могъ позволить себѣ; онъ это сегодня снова доказалъ, отказавшись такъ рѣшительно повиноваться приказанію своего благодѣтеля, и графъ, ужѣвшій всегда побѣдить непослушаніе своего собственного сына, казался самъ бессильнымъ противъ этого упрямства. Загадочныя отношенія, въ которыхъ находились графъ и Бруно, занимавшія уже Отфрида со времени встрѣчи въ лѣсу, пришли ему теперь на умъ, но онъ и сегодня такъ-же мало могъ уяснить ихъ себѣ, какъ и тогда.

Ранекъ остался одинъ съ Бенедиктомъ, который, по обыкновенію, стоялъ предъ нимъ молча и угрюмо.

— Боже мой, Бруно, что ты сдѣлалъ!

Съ холодной гордостью онъ поднялъ голову.

— За мои дѣйствія отвѣчаю только я одинъ, сказалъ онъ.— Во всякомъ случаѣ право требовать отъ меня отчетъ принадлежитъ одному прелату; ему я и буду отвѣчать, но больше никому.

На лицѣ графа выразился гнѣвъ, но его тотчасъ-же побороло другое, болѣзненное чувство.

— Такъ вотъ благодарность за мои заботы о тебѣ! сказалъ

онъ съ горечью.—Твоимъ довѣріемъ, правда, я никогда не пользовался, но съ нѣкотораго времени ты относишься ко мнѣ враждебно.

Бенедиктъ опустилъ глаза. Этотъ упрекъ пробудилъ въ немъ чувство стыда, которое вѣчно боролось въ немъ съ тайнымъ отвращеніемъ къ человѣку, которому онъ былъ много обязанъ, и этого отвращенія онъ никогда не могъ въ себѣ побороть.

— Я уже заявлялъ вамъ, графъ, что за всю вашу доброту ко мнѣ, я отвѣчаю вамъ одною неблагодарностью, возразилъ Бруно тихо.—Простите и пощадите меня!

При малѣйшей податливости своего любимца, графъ забывалъ свой гнѣвъ.

— Пощадить тебя! Но знаешь-ли ты, что тебѣ грозитъ опасность! Бруно, какъ рѣшился ты говорить эту несчастную проповѣдь! Ты долженъ-же былъ разсчитать, какія она повлечетъ послѣдствія для тебя.

— Конечно, если-бы я разсчиталъ, то ничего-бы не случилось. Я еще на столько монахъ, что хорошо помнилъ данный мною обѣтъ повиновенія моимъ начальникамъ, и зналъ, что моя проповѣдь оскорбитъ монастырскія постановленія и многое другое. Но когда я увидѣлъ, что вокругъ меня тѣснится масса народа, готовая слѣпо вѣрить каждому моему слову; когда подумалъ, что, можетъ быть, сотни изъ этихъ людей закуютъ своихъ дѣтей въ тѣ-же самыя цѣпи, которыя тяготятъ меня, то я не могъ сдерживать свои порывы: я высказалъ все, что давно уже накипѣло во мнѣ, я выяснилъ мои святые убѣжденія и не возьму теперь назадъ ни одного своего слова.

Ранекъ покачалъ головой.

— Еслибы ты высказалъ ихъ предъ небольшимъ числомъ слушателей, а не въ день храмоваго праздника предъ многочисленною толпою, то еще можно-бы было какъ нибудь помочь дѣлу. Но теперь, когда проповѣдь твоя произвела волненіе въ народѣ, когда ты пріобрѣлъ такое громадное вліяніе на горцевъ, которые нынѣ глазами стали смотрѣть на свое положеніе, ты сталъ опаснымъ человѣкомъ въ глазахъ моего брата и онъ никогда не проститъ тебѣ.

— Я это знаю!

— Отчего не открылъ ты мнѣ, что ты не чувствуешь склонности

къ карьерѣ, которую я предназначалъ тебѣ; даю тебѣ слово, что я не пошелъ-бы противъ твоего желанія, не смотря на всѣ настоянія моего брата! Я думалъ, что ты доволенъ своею будущаюстью.

— Если-бы я въ день моего поступленія въ монастырь, сказалъ Бенедиктъ съ горькой усмѣшкой, — чувствовалъ такъ, какъ чувствую теперь, никакая сила на землѣ не заставила-бы меня надѣть эту одежду. Вы забываете, что я воспитывался въ католической школѣ, гдѣ стараются обращать всѣ побужденія къ одному только направлению, гдѣ ни на минуту не ослабѣваетъ надзоръ за воспитанниками и гдѣ не даютъ имъ ни малѣйшей доли свободы. Только поступивъ въ монастырь, нашелъ я время для размышленія, нашелъ еще достаточно свободы, чтобы размыслить о своемъ положеніи, и тогда-то настало пробужденіе... слишкомъ позднее пробужденіе!

— Не будемъ говорить о прошедшемъ, сказалъ графъ, вздыхая, — когда настоящее такъ грозно. Тебя вызываютъ въ монастырь?

— Да.

— И ты исполнишь это требованіе?

— Приказаніе моего настоятеля? — разумѣется.

— Ты не долженъ возвращаться, сказалъ графъ поспѣшно, съ волненіемъ. — Неужели я долженъ пояснять тебѣ, что тебя ожидаетъ? Тебѣ должна послужить предостереженіемъ судьба многихъ изъ твоихъ братьевъ; ты достаточно времени живешь въ монастырѣ, чтобы знать, на какую мечь способенъ католическій монастырь и католическіе монахи. А ты ихъ ужасно раздражилъ, Бруно; ты бросилъ имъ перчатку, — они тебѣ этого никогда не простятъ.

Бруно, скрестивъ на груди руки, прислонился къ подпоязію креста и пристально посмотрѣлъ на графа.

— А какъ, по вашему мнѣнію, долженъ я поступить, графъ? Не хотите-ли вы, чтобы я воспротивился открыто приказанію возвратиться и тѣмъ вынудилъ-бы ихъ прибѣгнуть къ явнымъ насиліямъ?

Графъ бросилъ вокругъ себя торопливый взглядъ; Отфридъ былъ слишкомъ далеко и не могъ слышать ни одного слова. Тѣмъ не менѣе графъ заговорилъ шопотомъ:

— Нѣтъ, тебѣ остается одинъ исходъ: бѣгство, немедленное,

послѣшное бѣгство въ другое государство и, если нужно, въ другое исповѣданіе.

Бенедиктъ вадрогнулъ.

— И это говорите мнѣ вы, графъ Ранекъ, братъ моего настоятеля, глава стариннаго католическаго рода, который издавна гордился честью называться опорой папства и католицизма?! И вы подаете мнѣ такой совѣтъ?!

— Если я рѣшаюсь дать его, то ты можешь судить, какая опасность предстоитъ тебѣ, сказалъ едва слышно Ранекъ. — Чего стоятъ мнѣ этотъ совѣтъ, — ты не можешь и вообразить себѣ, Бруно; но дѣло идетъ о твоёмъ спасеніи, а для него я готовъ жертвовать всѣмъ.

Въ этихъ словахъ выразилась снова та „безумная нѣжность“, за которую прелать не разъ упрекалъ брата; Бенедиктъ чувствовалъ это, но она не нашла отголоска въ его сердцѣ. Недовѣрчиво отступилъ онъ на шагъ и устремилъ опять на графа полный изумленія взглядъ; но теперь въ немъ выразилась явная досада.

— Прежде, чѣмъ мы пойдемъ далѣе, я осмѣлюсь просить васъ, графъ, объяснить мнѣ то необыкновенное участіе, которое вы принимаете въ моей судьбѣ, сказалъ онъ. — Я часто спрашивалъ себя, какую имѣете вы побудительную причину постоянно заботиться о чужомъ, бѣдномъ мальчикѣ, и никогда не могъ отвѣтить на свой вопросъ. Теперь же, когда вы для меня приносите въ жертву ваши убѣжденія, нарушаете ваши фамильные традиціи, мнѣ кажется, я имѣю право узнать, что именно руководитъ вашими дѣйствіями.

По всему было видно, что молодой священникъ не догадывался о сущности тайны, въ которую пытался проникнуть; графъ молча и пристально смотрѣлъ на него.

— Ты узнаешь все, сказалъ онъ, наконецъ: — я уже рѣшилъ открыть тебѣ эту тайну и открою ее, но прежде скажи мнѣ: бѣжишь-ли ты?

— Нѣтъ.

— Бруно, заклинаю тебя!

— Я остаюсь.

Ранекъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Это несчастное упрямство! Такъ часто я на самомъ себѣ... Онъ вдругъ остановился.

— Отчего не хочешь ты воспользоваться средствомъ, которое я тебѣ предлагаю? продолжалъ онъ. — Повторю тебѣ, оно единственное.

— Оттого, что я далъ честное слово и сдержу его. Я знаю, что меня постигнетъ строгое взысканіе; орденъ, можетъ быть, жестоко отомстить мнѣ, считая, что я смертельно оскорбилъ его, но я произнесъ несчастную клятву повиновенія монастырю и не намѣренъ нарушать ее. Разъ человѣкъ нарушилъ свое слово — и потомъ нарушеніямъ не будетъ конца. Бываютъ-же случаи, что мужа бросаютъ своихъ женъ, хотя клялись имъ въ вѣрности. Во что-бы обратились люди, если-бъ они считали себя въ правѣ нарушать свои обѣщанія, разрывать всякія узы, скрѣпляющія любовь и довѣріе. Нѣтъ, какая-бы судьба меня ни ожидала, я буду держаться даннаго слова.

Въ этихъ словахъ было гордое, страстное увлеченіе, подобное той могучей проповѣди, которою Бенедиктъ недавно увлекъ своихъ многочисленныхъ слушателей. Но на графа Ранека они произвели тягостное впечатлѣніе. Онъ стоялъ, какъ осужденный, и смотрѣлъ въ землю; сжатія губы его дрожали; онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ; въ немъ происходила душевная пытка.

— Вы знаете теперь мое рѣшеніе, графъ; оно неизмѣнно. А теперь я, съ своей стороны, прошу у васъ обѣщаннаго объясненія, продолжалъ Бенедиктъ.

Графъ медленно поднялъ глаза и посмотрѣлъ на молодого священника; въ этомъ взглядѣ выражались и горе, и стыдъ, и отчаяніе; потомъ онъ медленно отвернулся.

— Я прошу васъ! убѣждалъ еще настоятельнѣе Бенедиктъ.

— Нѣтъ! сказалъ Ранекъ глухо. — Теперь — нѣтъ!

— Но вы мнѣ общали...

— Никогда! повторилъ горячо графъ. — Никогда ты не узнаешь этого отъ меня. Ты самъ тому виновенъ.

Бенедиктъ болѣе не настаивалъ, но гнѣвъ и досада омрачили его лицо и еще холоднѣе и равнодушнѣе, чѣмъ прежде, отступилъ онъ отъ своего покровителя.

Сильно взволнованный, графъ успѣшилъ окончить тяжелое объясненіе и позвалъ Отфрида. Когда подошелъ Отфридъ, графъ снова сталъ колебаться. Роковое слово готово было вырваться у него, но онъ опять овладѣлъ собой.

— Такъ ты все упорствуешь въ рѣшеніи возвратиться въ монастырь? сказала онъ Бенедикту.

— Завтра вечеромъ я буду тамъ. Вашъ братъ правъ: я на все способенъ, но не нарушу своего слова.

Графъ вздрогнулъ и рука его, которою онъ хотѣлъ взять Бенедикта и подвести его къ Отфриду, безсильно опустилась. Молодые люди стояли одинъ противъ другого, мрачно, враждебно отвернувшись, съ трудомъ обуздывая гнѣвный порывъ. Только присутствіе графа удерживало ихъ въ границахъ; не будь его, повторилась-бы, можетъ быть, сцена въ лѣсу. Графу была неизвѣстна тайная причина ихъ ненависти, потому онъ и не могъ исполнѣ оцѣнить опасность. Единственное слово, которое могло положить конецъ ихъ враждѣ, осталось произнесеннымъ. Графъ, конечно, не могъ предвидѣть, какъ дорого обойдется ему его молчаніе и какія страданія навлекалъ онъ имъ на свою голову.

Графъ поспѣшилъ проститься съ Бенедиктомъ и, вмѣстѣ съ Отфридомъ, пошелъ въ деревню, а Бенедиктъ продолжалъ свой путь въ горную капицу.

Отецъ Климентъ былъ правъ, говоря объ опасности дороги въ горную капицу. Она шла по узкой тропинкѣ, на которой съ трудомъ расходились встрѣтившіеся пѣшеходы. Справа поднималась стѣною скала, а слѣва былъ обрывъ; дорожка круто вилась по горѣ, по свользвизмъ камнямъ, мимо стремительныхъ потоковъ и сухихъ сосенъ, вплоть до „Глухого ущелья“. Уже издали былъ слышенъ шумъ воды, бушевавшей на неизмѣримой глубинѣ въ своемъ каменистомъ ложѣ. По обѣимъ сторонамъ потока высились громадные отвѣсныя скалы, вершины которыхъ такъ близко лежали одна около другой, что, казалось, онѣ сходятся. Онѣ имѣли видъ одной скалы, треснувшей надвое отъ дѣйствія вулканическихъ силъ; между ними, на днѣ пропасти, влубилась рѣва. Черезъ ужасную пропасть былъ перекинутъ кое-какъ сбитый мостикъ съ легкими перилами. Слабый лучъ дневного свѣта, достигая туда, настолько освѣщаль это мрачное мѣсто, чтобы можно было убѣдиться, что „Глухое ущелье“ не даромъ получило свое имя. Невозможно было безъ ужаса посмотрѣть вверхъ, на разщепленную скалу, висѣвшую надъ головою и ежеминутно грозившую оторваться и раздробить едва державшійся мостикъ. Кружилась голова и при взглядѣ внизъ, въ пропасть, на днѣ которой

бѣжалъ бурный потокъ, дробясь о подвожія скалъ. Ледянымъ дыханьемъ охватывалъ здѣсь воздухъ одинокаго путника и вѣяло гробовымъ холодомъ и сыростью въ его лицо; чтобы безопасно пройти чрезъ этотъ мостъ, слѣдовало смотрѣть прямо передъ собою.

Бенедиктъ смѣло взомель на мостъ; уже нѣсколько мѣсяцевъ почти ежедневно онъ ходилъ по этому пути. Онъ такъ привыкъ къ нему, что ему никогда не приходила даже мысль объ опасности. Онъ всегда проходилъ мостъ не останавливаясь, но сегодня, дойдя до середины, онъ остановился и сталъ пристально смотрѣть внизъ, въ глубину пропасти.

„Зачѣмъ стану я тревожить моихъ судей придумываніемъ кары за оскорбленія, нанесенныя мною ихъ давно установившимся убѣжденіямъ, когда такъ легко покончить съ собой, думалъ онъ. — Паденіе, затѣмъ, можетъ быть, восклицаніе, и холодныя волны понесутся надъ пылкой головой, которая не хочетъ разучиться думать, надъ пламеннымъ сердцемъ, которое не можетъ холодно и спокойно биться подъ этою одеждою. И только одно роковое слово связало меня на вѣки, оно влечетъ меня въ душныя стѣны монастыря. Послушаніе—вотъ главное правило нашего ордена, монахъ долженъ исполнять его, хотя-бы и зналъ, что указанный ему путь окончится пропастью! Къ чему возобновлять безконечную, напрасную борьбу, которой никогда не суждено увѣнчаться побѣдой? Одинъ рѣшительный шагъ и цѣпь порвана, тяжелое бремя скатится съ плечъ на вѣки! Въ пучину!“

Бенедиктъ все тяжелѣе и тяжелѣе опирался на перила, которыя уже колебались въ его рукѣ; влажнымъ холодомъ вѣяло ему въ лицо, онъ все ниже и ниже опускалъ голову... еще секунда, — и сѣдыя волны приняли-бы жертву въ свои холодныя объятія.

Но вдругъ онъ выпрямился.

— Къ чему такое малодушіе, сказалъ онъ. — Я еще могу и долженъ бороться. Будь, что будетъ, но я сдержу свое слово. Завтра я отправлюсь въ монастырь.

И твердыми шагами онъ перешелъ мостъ и отправился къ каплицѣ, откуда уже доносился звонъ колокола.

XII.

— Не прогѣвѣвайтесь, батюшка, но въ вашихъ горахъ дуетъ какой-то особенно гадкій вѣтеръ! Нужно имѣть десять рукъ, чтобы удержать шляпу, шаль, зонтикъ и пр. Не малаго труда стоитъ удерживать на ногахъ и свою собственную особу, а то, если вѣтеръ подхватитъ, не мудрено очутиться на днѣ какой-нибудь изъ вашихъ заколдованныхъ пропастей, куда не проникаютъ ни солнце, ни луна, и гдѣ придется питаться ящерицами и сосновыми шишками, покуда не вытащитъ какой-нибудь благодѣтельный крестьянинъ. Нестерпимыя здѣшнія дороги уже лишили насъ экипажа, колеса были благоразумнѣе насъ, онѣ не захотѣли подниматься вверхъ и предпочли сломаться, мы сами почти умираемъ отъ усталости, взбираясь сюда, по такъ называемой проѣзжей дорогѣ, которая изобилуетъ рывинами и оврагами, которые могутъ поглотить эстра-почту съ пассажирами и четверней лошадей. Богъ съ ней, съ этой красотой горной мѣстности! Я остаюсь при своемъ, что Господь создалъ ее собственно для того, чтобы людямъ тяжело было жить, что, кажется, здѣсь, на землѣ, необходимо.

Отецъ Климентъ, къ которому съ этимъ разговоромъ отнеслась какая-то незнакомая дама, послѣшно оглянулся и съ испугомъ посмотрѣлъ на нее. Выраженіе ея лица было гнѣвно, движенія рѣзко энергичны.

— Я очень сожалѣю, сказалъ робко и съ смущеніемъ старикъ, — но, право, я ничего не въ состояніи сдѣлать противъ суровости климата въ нашихъ горахъ.

При этомъ извиненіи, дама громко разсмѣялась и довѣрчиво подошла къ нему.

— Конечно, не въ вашей власти измѣнить суровость климата, сказала она добродушно. — Боже сохрани! Я васъ и не виню! Не сердитесь, что я съ вами заговорила такимъ тономъ. Мы, двѣ безпомощныя женщины, обращаемся къ вамъ, прося крова и защиты на нѣсколько часовъ, вамъ нечего насъ бояться.

Не смотря на это увѣреніе, старикъ всталъ ближе къ двери, робко смотря на свою собесѣдницу, которая ни въ какомъ слу-

чаѣ не олицетворяла собою идеи о безпомощной женщинѣ, точно также какъ ея рѣчи слишкомъ мало походили на просьбу.

Это была высокая, сильная женщина; на ней накинуть былъ теплый, дорожный плащъ; лѣвой рукой она придерживала свою шляпу, съѣхавшую на бокъ, а правой опиралась на дождевой зонтикъ, тоже хранившій на себѣ слѣды бури. Ея спутница, маленькая и нѣжная, была закутана съ головы до ногъ въ сѣрый, дорожный дождевой плащъ; она предпочла снять шляпку и держала ее въ рукѣ; локоны ея, отданные на произволь вѣтра, развѣвались во всѣ стороны. Вѣтеръ, взволновавшій ея спутницу, казалось, очень мало ее обезпokoилъ; въ ея свѣжемъ, раскраснѣвшемся лицѣ выражалось скорѣе удовольствіе; съ трудомъ удерживаемая улыбка играла на ея губахъ, когда она смотрѣла на испуганнаго священника. Наконецъ, онъ пригласилъ ихъ войти въ свой домъ.

— Прежде, чѣмъ мы войдемъ, сказала рѣзко старшая изъ спутницъ, Франциска Рейхъ,—я должна предупредить васъ, что мы протестантки, еретички самого высшаго сорта, изъ сѣверной Германіи! Обманывать васъ мы не хотимъ, но и обратить насъ въ католичество вамъ ни въ какомъ случаѣ не удастся! Если, поэтому, вы заблагоразсудите насъ прогнать, то скажите скорѣе; мы тогда будемъ искать пріюта въ вашей, такъ называемой гостинницѣ, хотя, по правдѣ сказать, она до того грязна и неопрятна, что туда противно заглянуть.

Священникъ невольно улыбнулся.

— Я не спрашиваю моихъ гостей, какой вѣры они держатся, возразилъ онъ ласково:—всякій гость одинаково мнѣ дорогъ,—будь онъ иновѣрецъ или католикъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, такъ вы исключеніе въ средѣ католическихъ патеровъ, сказала она. — Извините, что у меня это сорвалось съ языка; но все-таки обратить себя въ католичество мы не позволимъ; въ вашей странѣ приходится быть очень осторожной; католикамъ я не довѣряю.—Хотѣла-бы я знать, что вы нашли тутъ смѣшнаго, Люція! Мнѣ кажется, что вы поступаете неблагоразумно, находя удовольствіе въ этой несносной поѣздѣ. Какъ серна, прыгали вы по горамъ, тогда какъ я...—(она грустно посмотрѣла на остатки своего дождевого зонтика),—безъ него я-бы погибла.

Между тѣмъ вошли въ домъ и Франциска, снимая шляпу и пледъ, рассказала хозяину, что онѣ, возвращаясь изъ своей поѣздки въ А., для сокращенія пути, поѣхали черезъ горы; что спутникъ ихъ остался внизу, у сломаннаго экипажа, а сестру и ее послалъ впередъ, чтобы онѣ подождали его въ ближайшей деревнѣ, гдѣ онѣ надѣялся достать экипажъ, въ которомъ они могли-бы еще сегодня возвратиться въ Добру, такъ какъ лошади ихъ, къ счастью, были невредимы.

— Экипажъ можно будетъ достать, конечно, если вашъ спутникъ скоро придетъ сюда; позднѣе-же выѣхать будетъ опасно, потому-что въ горахъ вечеромъ ѣхать невозможно, въ особенности не зная дороги. Вамъ тогда придется остаться у меня. Въ гостиницѣ, правда, уже нѣсколько мѣсяцевъ живетъ мой молодой вапеланъ, но онъ охотно уступитъ ее дамамъ; и для вашего спутника у насъ найдется помѣщеніе.

— Скажите, пожалуйста, ваше преподобіе, спросила Люція, — гдѣ мы теперь находимся?

— Да, именно, какъ называется это гнѣздо?.. Ахъ, виновата, я хотѣла сказать вашъ приходъ, виѣшалась Франциска.— Намъ указали ближайшую деревню, но не сказали ея названія.

— Эта деревня называется Н.

Говоря это, священникъ обратился къ Францискѣ, которая на него смотрѣла; поэтому они оба не замѣтили, что лицо Люціи вспыхнуло. Она отошла къ окну и боязливо поглядывала на дверь, будто ожидая ежеминутно, что войдетъ кто-то, кого она боялась. Фрейленъ Рейхъ между тѣмъ спокойно усѣлась въ креслѣ и стала допрашивать хозяина, какъ давно онъ здѣсь, какіе у него доходы, въ какихъ отношеніяхъ онъ съ своими прихожанами и т. п. Старый священникъ, смущенный инквизиторскимъ тономъ Франциски, смиренно стоялъ передъ нею и старался отвѣчать на всѣ ея вопросы съ такою пунктуальностью, какъ своему декану, отъ благоусмотрѣнія котораго зависитъ его судьба.

— Я не желала-бы быть на вашемъ мѣстѣ, ваше преподобіе, замѣтила Франциска рѣшительно.— Лѣтомъ здѣсь, можетъ быть, сносно; но какъ можете вы жить тутъ цѣлую зиму, одинъ одинешенекъ, безъ жены и дѣтей?

Старикъ улыбнулся, но на этотъ разъ грустною улыбкой.

— Католическое духовенство не можетъ вступать въ бракъ, возразилъ онъ внятно.

— Но это, извините меня, весьма тягостный обычай, продолжала, не стѣняясь, Франциска съ своей убійственной откровенностью. — У насъ, напротивъ, каждый добросовѣстный пасторъ имѣетъ жену и, по крайней мѣрѣ, полдюжины дѣтей! У моего отца (тоже пастора) насъ было двѣнадцать дѣтей и, хотя отцу подчасъ приходилось тяжело, — у насъ сельскій пасторъ имѣетъ очень ограниченные доходы, — но увѣряю васъ, веселѣе живется, когда въ сосѣдней комнатѣ бушуютъ пасторскіе наслѣдники и наслѣдницы, чѣмъ здѣсь, въ вашемъ домѣ, гдѣ царить такая могильная тишина, что и мышь не шевельнется. Отцу моему не пришлось лишиться ни одного изъ насъ; мы всѣ выросли и вышли изъ насъ добрые и хорошіе люди.

При послѣднихъ словахъ она встала и величаво выпрямилась, смотря вопросительно на стараго священника, будто спрашивая его, не находить-ли онъ самъ, что она очень хорошій человѣкъ, и неужели онъ, судя по этому образцу, дерзаетъ еще сомнѣваться въ высокихъ достоинствахъ и прочихъ отпрысковъ пастырской семьи. Къ счастью, старикъ ничего подобнаго не подумалъ. Онъ отвѣсилъ вѣжливый, низкій поклонъ, который яснѣе словъ выражалъ его уваженіе, какъ къ собесѣдницѣ, такъ и къ цѣлому ея семейству; довольная этимъ, она опять сѣла.

— Я не понимаю, чего тамъ копаются Бернгардъ, сказала Люція: — онъ давно долженъ-бы уже прійти; я пойду къ нему на встрѣчу!

Наставница отрицательно покачала головой.

— Это къ чему? Или вы мало еще карабкались по горамъ, Люція? Не хотите-ли, чтобы васъ унесло вѣтромъ?

— Я не далеко пойду, убѣждала Люція, — и разойтись съ нимъ не могу, если пойду по той самой дорогѣ, по которой мы пришли сюда.-

Франциска продолжала отрицательно качать головой. Но священникъ, отъ котораго не укрылась внутренняя тревога молодой дѣвушки, взявъ ея сторону.

— Отпустите фрейленъ, сказалъ онъ ласково, — съ нею ничего не можетъ случиться, здѣсь по близости нѣтъ ни обрывовъ, ни

пропастей; конечно, если она не будетъ удалаться отъ проѣзжей дороги.

Франциска пожала плечами.

— Вотъ вамъ шестнадцатилѣтняя, горячая кровь, ваше подобіе! Четверти часа не можетъ она усидѣть въ комнатѣ, ее такъ и манить на воздухъ. Ступайте, но только не ходите слишкомъ далеко. Г. Гюнтеръ осмѣетъ васъ по возвращеніи; развѣ онъ такой человѣкъ, за котораго можно бояться.

Люція не слыхала уже послѣднихъ словъ: она была за дверью; но на порогѣ приостановилась въ нерѣшительности: послышавшіеся шаги (она не знала, что это были шаги старой служанки) испугали ее, но она быстро пошла впередъ и чрезъ нѣсколько минутъ оставила за собой деревню.

Только выйдя изъ деревни, Люція нѣсколько замедлила свой шагъ; она бѣжала потому, что ее страшила мысль, что, когда войдетъ высокій, угрюмый человѣкъ, котораго она боялась, она совершенно растеряется и ея замѣшательство замѣтятъ Франциска и пасторъ. Дойдя до проѣзжей дороги, она тщетно всматривалась во всѣ стороны; не видно было ни Бернгарда, ни кучера, ни лошадей. Она рѣшилась пойти дальше на встрѣчу брату; разойтись съ нимъ было невозможно, а ей хотѣлось подольше не возвращаться въ священнической домъ.

Уже нѣсколько минутъ она шла подъ гору; вдругъ она услышала за собою шаги, она обернулась и остановилась, дрожа отъ страха, но вскорѣ успокоилась: у этого были свѣтлые, а не темные волосы; онъ ей поклонился и она узнала молодого графа Ранека. Вскорѣ онъ догналъ ее.

— По этимъ горнымъ дорогамъ постоянно рискуешь сломать себѣ шею, сказалъ онъ.—Только ваши ножки могутъ такъ легко скользить по этимъ камнямъ, какъ будто-бы вы идете по росистому лугу. Мы-же, болѣе грубыя созданія, возьмемъ въ сырой землѣ; увѣряю васъ, что только надежда догнать такую очаровательную волшебницу, какъ вы, побудила меня идти за вами по этой ужасной дорогѣ.

— Меня догнать? спросила Люція довольно холодно, видимо стараясь отойти отъ него подальше.—Да развѣ вы знали, что я здѣсь?

Графъ улыбнулся.

— Я видѣлъ васъ уже полчаса тому назадъ, въ то время, какъ вы входили съ вашей спутницей въ домъ священника. Я нарочно отсталъ отъ своего отца. Къ моему огорченію, я совсѣмъ было потерялъ надежду говорить съ вами, какъ вдругъ счастливый случай помогъ мнѣ.

Онъ могъ-бы еще къ этому прибавить, что не осмѣливался приблизиться къ ней въ присутствіи Франциски, которую онъ, подобно Бернгарду, величалъ Церберомъ; подъ какимъ-то вымысленнымъ предлогомъ онъ уговорилъ отца ѣхать впередъ и оставить его на нѣсколько часовъ въ Н. Онъ пожелалъ узнать отъ Люціи, какому счастливому случаю онъ обязанъ, что видитъ ее здѣсь?

Люція рассказала въ короткихъ словахъ, что они ѣхали изъ А., что съ ними случилось непріятное приключеніе, и что она теперь идетъ на встрѣчу къ брату, который, вѣроятно, былъ еще въ долину. При имени Бернгарда, лицо графа замѣтно омрачилось и онъ злобно сказалъ:

— На счетъ г. Гюнтера позвольте мнѣ побезпокоить васъ вопросомъ; братъ вашъ недавно удостоилъ меня своимъ письмомъ; осмѣливаюсь спросить: извѣстно-ли вамъ содержаніе этого письма?

— Мнѣ? Нѣтъ!

Люція недоумѣвала, зачѣмъ это Бернгардъ, сильно сердитый на графа, вздумалъ писать ему.

— Я это предполагалъ, сказалъ Отфридъ съ выраженіемъ удовольствія на лицѣ.—Тогда, конечно, это не ваша вина, я и не хочу болѣе васъ спрашивать, хотя я имѣю полное право жаловаться на жестокость, лишившую меня втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ счастья видѣть васъ! О, вы...

И онъ наговорилъ молодой дѣвушкѣ кучу комплиментовъ, рассыпался передъ ней въ любезностяхъ, но это средство прельщенія, которое на балѣ произвело сильное впечатлѣніе, на этотъ разъ не оказало никакого дѣйствія. Отъ графа не укрылось, что голубые глаза молодой дѣвушки смотрѣли холодно и серьезно; она ускорила шагъ и давала только односложные отвѣты. Но, какъ всѣ недалекіе люди, страдающіе самолюбіемъ, онъ приписалъ эту перемѣну вліянію брата и наставницы и сдѣлался еще смѣлѣе. Онъ страстно жаловался на долгую разлуку, клялся всѣмъ для него священнымъ, что никакая сила не заставитъ его теперь оста-

вить Ранекъ и ѣхать въ столицу, онъ уже хотѣлъ повторить свое первое объясненіе, выпустивъ только волѣнопреклоненіе, въ уваженіе осенней грязи, какъ вдругъ Люція прервала его:

— Я прошу васъ, графъ, перестать говорить объ этомъ; этого я не желаю слушать.

Отфридъ остолбенѣлъ, онъ никогда не ожидалъ отъ молодой дѣвушки такого рѣшительнаго тона.

— Вы не хотите этого слышать? повторилъ онъ медленно, и въ голосѣ его зазвучала злоба.—О, неужели вы будете такъ жестоки, откажете мнѣ во вниманіи, которымъ когда-то вы меня удостоивали?

Люція покраснѣла съ досады и стыда; въ первый разъ она почувствовала, какъ оскорбительно было его обращеніе съ нею; съ сознаниемъ оскорбленія, въ ней явилась и гордость.

— Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что могу поступать, какъ мнѣ заблагоразсудится! возразила она съ сердцемъ;—повторяю вамъ, графъ, что я не хочу васъ больше слушать. Оставьте меня!

Люція ошиблась, полагая, что своимъ твердымъ тономъ она заставитъ графа удалиться; онъ былъ не такой человекъ, чтобы на него могло повліять рѣшительно выраженное желаніе отдѣлаться отъ него; неожиданное сопротивленіе, внезапно вспыхнувшее негодованіе молодой дѣвушки, которую онъ считалъ совершенно запутанной въ его сѣтяхъ, придали ей новую прелесть въ его глазахъ.

— Какъ удивительно идетъ къ вамъ гнѣвъ! сказалъ онъ съ лукавою улыбкою, — вы забываете только, что мы одни, и что я не такъ глупъ, чтобы оставить васъ раньше, чѣмъ я поцѣлую вашъ очаровательный ротикъ, произносящій такіа строгія рѣчи.

Онъ нагнулся къ ней, но въ ту-же минуту она перебѣжала на другую сторону улицы; пылая гнѣвомъ, она остановилась здѣсь на минуту. Они были какъ разъ у того мѣста, гдѣ примыкалъ къ проѣзжей дорогѣ кратчайшій, но опаснѣйшій путь въ Н. черезъ Глухое ущелье; въ сторонѣ, между соснами, виднѣлись бѣлыя стѣны горной каплицы, которая была шагахъ во ста въ сторону отъ дороги. Бѣглымъ взглядомъ окинула она ее, и, убѣдившись, что на ней не было видно ея брата, наскоро приняла рѣшеніе. Не сказавъ ни слова, она повернулась къ графу спиной и пошла по боковой тропинкѣ.

Отфридъ сначала не могъ понять, зачѣмъ ей вздумалось идти въ сторону отъ дороги, но тотчасъ-же послѣдовалъ за нею; очень не долго пришлось ему оставаться въ недоумѣніи: онъ вскорѣ замѣтилъ скрывавшуюся между сосенъ церковь и увидѣлъ, что Люція, поднявшись на ступени крыльца, вошла въ ея открытую дверь.

Молодой графъ закусилъ губы. Онъ былъ на столько ревностнымъ католикомъ, чтобы чувствовать извѣстное уваженіе къ мѣсту, куда укрылась отъ него молодая дѣвушка. Однакожъ, уйти ему не хотѣлось: это значило признать себя побѣжденнымъ, а такая мысль была для него невыносима. Свѣтская находчивость выручила его изъ затрудненія; онъ также вошелъ въ церковь, перекрестился по принятому обыкновенію, преклонилъ колѣна передъ алтаремъ и всталъ рядомъ съ Люціей, какъ будто между ними ничего не произошло, будто разговоръ ихъ былъ невинной болтовней, а обращеніе, которое онъ себѣ позволилъ, только простою шуткою; онъ спокойно и вѣжливо спросилъ, не находятъ-ли и фрейленъ Гюнтеръ, что сельскія церкви здѣсь прекрасны. Въ первую минуту Люція растералась, ее поразила его наглость, но тѣмъ сильнѣе еще почувствовала она оскорбленіе, которое осмѣливался наносить ей этотъ наглець, но вмѣстѣ съ тѣмъ она убѣдилась, что здѣсь, въ церкви, она находится въ безопасности отъ его дальнѣйшихъ преслѣдованій. Она, конечно, ему ничего не отвѣтила.

Церковь была совершенно пуста; собиравшіеся здѣсь сегодня поселяне уже разошлись по домамъ. Въ эту минуту изъ ризницы вышелъ священникъ, въ сопровожденіи дьячка, который, посмотрѣвъ съ изумленіемъ на незнакомцевъ, отправился въ свой, рядомъ съ церковью выстроенный домъ.

Увидѣвъ графа и Люцію вмѣстѣ, въ этой отдаленной, уединенной церкви, Бенедиктъ остановился, какъ громомъ пораженный, рука его судорожно сжалась, сердце замерло. Такъ вотъ какъ подѣйствовало его предостереженіе!

Отфридъ былъ такъ-же неприятно пораженъ этою встрѣчею, но тотчасъ-же нашелся. Вспомнивъ, что Люція чувствуетъ невольный страхъ въ присутствіи угрюмаго монаха, онъ поклонился ему небрежно, съ наружнымъ спокойствіемъ.

— Извините, ваше преподобіе, сказалъ онъ, — фрейленъ Гюн-

теръ желала зайти сюда на минуту, вы не откажете намъ въ позволеніи посмотрѣть вашу церковь?

Люція поблѣднѣла и такъ смутилась отъ этого наглаго безстыдства, что не имѣла силъ опровергнуть его. Бенедиктъ бросилъ на нее взглядъ холоднаго, поражающаго презрѣнія, но на лицѣ его отражалось глубокое страданіе.

— Нашъ скромный храмъ очень бѣденъ и не представляетъ ничего замѣчательнаго, отвѣчалъ онъ, обращаясь къ графу. — Мнѣ кажется, графъ, вы виѣ церкви могли-бы найти болѣе приличныя для васъ развлеченія.

Рѣзкій тонъ этихъ словъ возвратилъ Люцію присутствіе духа; она смутно чувствовала, что можетъ вынести все, кромѣ его презрѣнія.

— Графъ Ранекъ говоритъ неправду! сказала она рѣшительно, но трепещущимъ голосомъ. — Я принуждена была искать здѣсь спасенія отъ его преслѣдованій. Я надѣялась, что церковь будетъ мнѣ защитой, — графъ Ранекъ и сюда послѣдовалъ за мной.

Яркимъ пламенемъ страсти вспыхнуло лицо Бенедикта; черезъ минуту онъ былъ подлѣ молодой дѣвушки и покровительственно взялъ ее за руку.

— Но вы придаете совсѣмъ не то значеніе моимъ невиннымъ любовностямъ сказалъ Отфридъ, колеблясь между гнѣвомъ и смущеніемъ. — Если-бы я могъ думать, что шутка...

— Довольно, прервалъ его Бенедиктъ, глухимъ голосомъ. — Молодая дѣвушка находится подъ моимъ покровительствомъ. Оставьте церковь, графъ Ранекъ!

Отфридъ поблѣднѣлъ отъ злобы при этихъ словахъ, сказанныхъ тономъ приказанія.

— Отецъ Бенедиктъ, вы имѣете рѣдкое счастье быть всегда недоступнымъ и, кажется, кичитесь этимъ. Прежде одежда была вамъ защитой, а теперь мѣсто, гдѣ мы находимся. Берегитесь, и моему терпѣнію есть предѣлъ!

Бенедиктъ очень близко подошелъ къ нему.

— Вы должны уважать это мѣсто и эту одежду, если не умѣете уважать присутствія женщины. Я еще священникъ и потому прошу васъ оставить мою церковь, она не мѣсто для вашихъ забавъ.

— Вы еще священникъ! — Да, пользуйтесь пока вашею свя-

щеннической властью, можетъ быть, сегодня въ послѣдній разъ вы распоряжаетесь именемъ церкви, которую вы скомпрометировали вашими проповѣдями и которую мой дядя, конечно, счумѣетъ защитить отъ вашихъ наглыхъ посягательствъ.

Бенедиктъ презрительно улыбнулся.

— Судь, назначенный вашимъ дядей надо мною, кажется при-
шолся вамъ очень по сердцу, графъ? Оставьте здѣсь вашу не-
нависть! Проявлять ее здѣсь не мѣсто, а то...

Онъ не кончилъ, но взглядъ, дополнившій эти слова, заста-
вилъ Люцію содрогнуться: это былъ тотъ-же самый взглядъ, ко-
торого она испугалась, танцую съ графомъ, и о которомъ графъ
Отфридъ, шутя, утверждалъ, что, „фанатикъ хотѣлъ-бы ихъ низ-
вергнуть въ глубину пропасти“. Черные глаза священника снова
вспыхнули этимъ взглядомъ, а пропасть была недалеко!

Отфридъ чувствовалъ, что благоразуміе требовало поскорѣе
окончить эту ссору.

— Мы еще поговоримъ съ вами, отецъ Бенедиктъ, сказалъ онъ
надменно и вышелъ изъ церкви.

Вѣтеръ, между тѣмъ, улегся; но небо стало покрываться ту-
чами, по землѣ стлался густой туманъ. Графъ посмотрѣлъ внизъ
на дорогу; не доставало еще, чтобы Гюнтеръ встрѣтился съ нимъ
и потребовалъ отъ него объясненія! Хотя Отфридъ и не боялся
этой встрѣчи, — которой могъ ежеминутно ожидать, провожая Лю-
цію, — но вовсе не желалъ ея. Къ чему онъ могъ прибѣгнуть
противъ этого человѣка, если онъ позволить себѣ и на словахъ
такія дерзости, какія позволилъ себѣ на бумагѣ! Нельзя-же вы-
звать его на дуэль. Графъ Ранекъ и сынъ помощника лѣсничаго!
Всего лучше было избѣжать всякаго объясненія, особенно послѣ
того, что случилось. Бросивъ гнѣвный взглядъ на церковь, графъ
обратился къ дьячку, который, стоя у своего дома, наблюдалъ
погоду:

— Нѣтъ-ли еще другой дороги въ Н., кромѣ этой?

— Конечно есть, ваша милость! отвѣчалъ онъ. — Есть дорога
для пѣшеходовъ, и вы вдвое скорѣе будете въ деревнѣ.

Горецъ, конечно, не думалъ о томъ, что путь, который онъ
всегда совершалъ такъ легко, можетъ быть затруднителенъ для
непривычныхъ ногъ городского жителя. Отфридъ былъ не въ томъ
расположеніи духа, чтобы освѣдомляться о томъ, покойна или не

покойна дорога. Онъ небрежно кивнулъ головой въ знакъ благодарности дьячку и исчезъ между скалами въ указанномъ направленіи.

Бенедиктъ остался въ церкви съ молодою дѣвушкою. Онъ не спросилъ ее, какъ она сюда попала и по какому случаю очутилась здѣсь одна съ графомъ; съ него довольно было и того, что присутствіе графа было непрощенное, и что она искала спасенія въ защитѣ его, Бенедикта. Увидѣвъ ее, онъ убѣдился, что напрасно бѣжалъ сюда; напрасно боролся здѣсь въ уединеніи: необузданная страсть еще сильнѣе овладѣвала имъ, чѣмъ прежде, въ монастырѣ. Молодая дѣвушка, конечно, не могла ни понять, ни даже угадать, что крылось въ глубинѣ его души, она своими голубыми дѣтскими глазами свѣтло и радостно смотрѣла на Божій міръ; ея цвѣтистый жизненный путь былъ такъ далекъ отъ пути, по которому давно уже странствовалъ угрюмый монахъ, а между тѣмъ она имѣла надъ нимъ такую магическую власть, передъ которою всякое другое чувство было бессильно и даже желѣзная воля сокрушалась.

Робко и боязливо стояла около него Люція, не подозрѣвая бури, бушевавшей подъ его холодною внѣшностью, но она свободнѣе дышала въ присутствіи Отфрида, даже тогда, когда она узнала всю испорченность его натуры. Гнѣвъ на него пробудилъ въ ней всю ея гордость, но она нисколько не боялась его. Только *одинъ* взглядъ обладалъ силой наводить на нее страхъ, онъ теперь былъ опять на нее устремленъ и она снова была подъ его магическимъ вліяніемъ.

Трепетъ молодой дѣвушки не укрылся отъ Бенедикта.

— Не бойтесь ничего, сказалъ онъ твердо.—Я не отойду отъ васъ, пока вы не будете внѣ опасности. Графъ не осмѣлится больше васъ тревожить!

Люція невольно подняла глаза; его голосъ звучалъ рѣзкостью; на лбу его образовалась глубокая, грозная черта, которой она никогда не видала.

— Мнѣ очень жаль, что вы изъ-за меня поссорились съ графомъ, сказала она тихо;—едва-ли онъ вамъ это простить.

Бенедиктъ презрительно улыбнулся.

— Успокойтесь! Вражда между мною и графомъ началась не сегодня. Онъ уже давно удостоиваетъ меня своей ненависти.

— Но скажите, что значили его загадочныя слова, что скоро конецъ вашей священнической власти? Развѣ вы не хотите больше оставаться священникомъ?

Глубокая горестъ выразилась въ его лицѣ.

— *Хочу-ли* я? Я произнесъ обѣтъ и взять его назадъ не могу! Наша церковь никогда не освобождаетъ тѣхъ, кто былъ разъ рукоположенъ; дѣло въ томъ, *могу-ли* я теперь себя къ нимъ причислять!

Молодая дѣвушка съ испугомъ смотрѣла на него вопросительными глазами, онъ мрачно покачалъ головой.

— Не думаете-ли вы, что я совершилъ какой-нибудь тяжкій грѣхъ? продолжалъ онъ.—Я говорилъ проповѣдь подѣ вліяніемъ одушевленія, какъ диктовало мнѣ мое сердце, полное сочувствія къ моимъ угнетеннымъ братьямъ. Такое отступленіе отъ монастырскихъ правилъ требуетъ искупленія, надо мною уже произведенъ судъ въ монастырѣ, я это знаю! Мнѣ остается только узнать свой приговоръ.

— А что-же могутъ вамъ сдѣлать?

— Все!

Люція сдѣлала невольное движеніе.

— Братъ говорить, сказала она робко, — что опасно раздражать вашихъ монаховъ. Если вы ихъ раздражили; — не возвращайтесь туда, останьтесь здѣсь или бѣгите! Вы можете погибнуть!

Она и не чувствовала, что страхъ, обуявшій ее при мысли о грозящей ему опасности, выразился въ ея голосѣ, не чувствовала и того, что она съ мольбою взяла его за руку, и только тогда почувствовала это, когда рука его сжала ея руку; она хотѣла освободить свою, но онъ удержалъ ее.

— Уже два раза слышалъ я сегодня это предостереженіе, третье и послѣднее слышу отъ васъ, но даже и вашему предостереженію я не могу послѣдовать; не могу, Люція! Но... благодарю васъ!

Молодая дѣвушка вздрогнула, услыша свое имя, въ первый разъ имъ произнесенное, и такимъ тихимъ, трепещущимъ голосомъ; у нея не достало мужества отнять у него руку.

— Отецъ Бенедиктъ...

Она не кончила, потому что почувствовала, какъ дрогнула его рука и вдругъ выпустила ея руку.

— Отецъ Бенедиктъ! повторила она медленно.

— Вы правы, напоминая мнѣ, кто я. Я только что готовъ былъ забыть объ этомъ.

— Развѣ васъ не такъ зовутъ? спросила съ изумленіемъ Люція.

— Въ монастырѣ, въ монашеской одеждѣ... такъ. Намъ не оставляютъ даже имени, которое могло-бы напоминать намъ время свободы! И я переимѣнилъ свѣтское имя Bruno на монашеское Бенедиктъ, но принесла-ли мнѣ счастье эта переимѣна!

Онъ замолчалъ, Люція тоже не рѣшалась возражать.

— Вы не любите монастыря? спросила наконецъ тихо Люція.

— Я ненавижу его!

Молодая дѣвушка смѣло взглянула ему въ глаза.

— Такъ зачѣмъ-же вы не выйдете изъ монастыря?

Бенедиктъ пытливо посмотрѣлъ ей въ глаза; лицо его вспыхнуло.

— Развѣ вы могли-бы легко разорвать узы, связанные клятвой, или довѣриться человѣку, который-бы сдѣлалъ это? Рѣшились-ли бы вы, наприимѣръ, отдать такому человѣку свою руку на всю жизнь?

Люція молчала, она была поражена и самимъ вопросомъ, а главное, его тономъ. Въ немъ слышалась смертельная тоска, томительное ожиданіе приговореннаго, который отъ одного ея слова ожидалъ помилованія или осужденія.

— Я, право, не знаю, сказала она наконецъ. — Я...

— Вы-бы этого не сдѣлали! дополнилъ онъ, — я это зналъ! Да не пугайтесь-же такъ меня, продолжалъ онъ съ неудержимой запальчивостью, когда она съ испугомъ отступила назадъ.—Я не гоюму силой вашей руки! Священнику римско-католической церкви отказано въ томъ, чѣмъ пользуются ваши священники. Алтарь, у котораго ваши пасторы смѣло и открыто передъ цѣлнмъ свѣтомъ получаютъ жену свою, служить вѣчною преградой между нами и всякимъ счастьемъ въ жизни. Намъ предстоитъ выборъ только между отреченіемъ или преступленіемъ, а если отречься не можешь, а обезчестить любимую женщину не желаешь, остается одно—умереть.

Недвижимо стояла передъ нимъ Люція, изумленная и отуманенная его словами. Неужели это не сонъ? Неужели его слова относились къ ней?

— Я полюбилъ васъ, Люція, продолжалъ онъ, — полюбилъ съ той минуты, какъ вы беззаботно, какъ дитя, промчались мимо меня въ лёсу. Что именно влекло меня къ вамъ съ такою непобѣдимую силою, — не знаю, но любовь моя къ вамъ сдѣлалась для меня роковою. Я съ нею боролся всею силою своей воли, со всею добросовѣстностью священника католической церкви, осужденнаго на безбрачїе; я бѣжалъ отъ нея въ самую глушь уединенїя, но все было тщетно! Подобно демону, эта страсть овладѣла всѣми моими мыслями, преслѣдовала меня даже во снѣ и волновала самую глубь моей души, хотя я, повидимому, былъ холоденъ и безстрастенъ ко всему меня окружавшему. На сколько доступно человѣку бороться и сопротивляться, я это дѣлалъ, но всему есть предѣлъ, а также и человѣческой воли... Моя воля теперь дошла до своего предѣла! Я побѣжденъ!

Напрасно ждалъ онъ отвѣта. Люція закрыла обѣими руками свое лицо; пылкое внезапно излившееся признанїе поразило ее такъ болѣзненно и сильно, какъ первый лучъ свѣта поражаетъ прозрѣвшаго слѣпого. Ее любить *этотъ* человѣкъ! къ ней относилось неизмѣримо глубокое волненїе его! Другой разъ уже въ ея жизни ей говорили о любви къ ней. Когда графъ Отфридъ, стоя передъ нею на колѣняхъ, молилъ выслушать его, она съ удовольствїемъ выслушала его признанїе; но чувствовала совсѣмъ не то, что чувствуетъ теперь. На этотъ разъ не было колѣнопреклоненїя и теперешнее признанїе, вырвавшееся невольно у мрачнаго, по виду недоступнаго монаха, не имѣло ничего общаго съ притязанїями графа. Сегодняшнее признанїе взволновало ее до глубины души. Ей казалось, что все ея прошедшее кануло невозвратно въ вѣчность; что она внезапно выросла и возмужала; это была не та любовь, о которой она мечтала, но она съ непонятною силою охватила все ея существо.

Долго оба они не могли выговорить ни слова.

— Вы молчите? сказалъ онъ, наконецъ, спокойно, но едва слышно. — Я зналъ, что мое признанїе можетъ возбудить въ васъ только страхъ и отвращенїе, но я долженъ былъ когда-нибудь сложить съ себя это бремя. Я нарушилъ ваше спокойствїе; но вѣрьте мнѣ, Люція, то, что я вытерпѣлъ прежде, чѣмъ рѣшился на это признанїе, стоитъ нѣсколькихъ слезъ, пролитыхъ вами въ

эту минуту, и о которыхъ вы завтра-же, можетъ быть, забудете. Будьте счастливы!

И онъ быстро повернулся и оставилъ ее одну. Съ его удаленіемъ исчезло и очарованіе, оковывавшее ее, она вздрогнула, и повернулась, чтобы идти за нимъ.

— Бруно!

Имя Бруно, произнесенное умоляющимъ, исполненнымъ неизъяснимой тревоги, голосомъ, огласило своды церкви; но было уже поздно, молодой священникъ былъ далеко. Она увидѣла себя одну въ сумрачной церкви.

Она вздрогнула. Незнакомое лицо появилось у входной двери и маленькій старичокъ подошелъ къ ней.

— Если вамъ теперь угодно, я къ вашимъ услугамъ, сказалъ онъ вѣжливо.

Люція съ изумленіемъ посмотрѣла на него.

— Кто вы такой?

— Я дьячокъ. Его преподобіе, г. капеланъ, приказалъ мнѣ остаться при васъ и проводить васъ обратно....

— Въ Н! отвѣчала она.

— Въ Н! новторилъ удивленный старикъ.—Туда именно пошелъ и самъ г. капеланъ, онъ могъ-бы и самъ это сдѣлать! Но онъ, вѣрно, подумалъ, что „Глухое ущелье“ не для такихъ ножекъ, какъ ваши; мы пойдемъ, конечно, по проѣзжей дорогѣ.

Люція не возразила ничего, машинально пошла она за человекомъ, покровительству котораго поручилъ ее Бенедиктъ; но она шла подлѣ него, какъ во снѣ, и ни слова не слыхала изъ разсказовъ словоохотливаго старика.

— Такъ и онъ возвращается въ Н! думала она.

Бенедиктъ дѣйствительно пошелъ по той-же тропинкѣ, по которой отправился Отфридъ раньше него. Онъ, конечно, шелъ скорѣе по этой дорогѣ, чѣмъ могъ идти графъ, непривыкшій ходить по горнымъ тропинкамъ; черезъ нѣсколько минутъ Бенедиктъ далеко отошелъ отъ каплицы. Высокія горы исчезали въ густомъ туманѣ, только изрѣдка мельзали и снова скрывались снѣговныя вершины. Все небо покрылось густыми тучами, вѣтеръ крѣпчалъ и жалобно свистѣлъ въ ущельи, будто желая заставить путника возвратиться назадъ.

Небо хмурится надъ „Глухимъ ущельемъ“ и горная, грозная

туча уже видѣется на горизонтѣ и погружаетъ сумрачное ущелье въ совершенную тьму. Грозныя тучи такъ нависли надъ зубчатыми скалами, будто хотятъ рухнуть въ бездну, а тамъ влудятся и шумятъ бушующія воды, радостно вздымаясь,—онѣ дождались желаемой жертвы!

Съ мостика висятъ сломанныя перила и въ пѣнящихся волнахъ мелькаетъ окровавленное и разбитое при паденіи тѣло молодого человѣка, нашедшаго свою могилу въ ихъ холодныхъ струяхъ.

ХІІІ.

Извѣстіе о неожиданной, ужасной смерти молодого графа произвело необыкновенно сильное впечатлѣніе во всей окрестности. Единственный сынъ, наслѣдникъ майората, послѣдняя отрасль древняго знаменитаго рода, на которомъ покоились надежды всего семейства, погибъ такой ужасной смертью! Всѣ сколько-нибудь близкіе семейству Ранековъ были одинаково поражены несчастьемъ, обрушившимся на это семейство. Графиня при всей своей ничтожности и неспособности ко всякому глубокому чувству, была все-таки мать и потеря единственнаго сына почти лишила ее разсудка; графъ, узнавъ о случившемся несчастіи, тотчасъ отправился въ горы, и уныніе, царствовавшее во всемъ замкѣ, увеличилось еще болѣе, когда онъ, на другой день, вернулся съ тѣломъ сына. Даже прислуга, не особенно любившая молодого графа за его высокомерное и оскорбительное обращеніе, сочувствовала горю его родителей.

— Я будто предчувствовалъ это! сокрушался Флоріанъ, старшій берейторъ.—Я еще тогда зналъ, что случится несчастье, когда мы весной сюда пріѣхали и молодой графъ въ первый разъ отправился въ горы; помните, тогда еще Альманзоръ сбросилъ его съ себя. Альманзоръ вовсе не пугливъ и лошадь послушная, но на мосту онъ остановился, какъ окаменѣлый, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и покрылся пѣной, такъ что ни шпоры, ни хлысть не могли заставить его сдвинуться съ мѣста. Что ни говорите, а животное иной разъ видитъ больше нашего брата! Онъ испугался пропасти, какъ-будто онъ видѣлъ тогда графа такимъ, какъ его сегодня привезли.

— Графиня не переживетъ этой исторіи, сказалъ одинъ изъ лакеевъ.

— Доктора и горничныя не знаютъ, что съ ней дѣлать; она почти не выходитъ изъ обморока.

— Я все-таки предпочитаю видѣть судороги и обмороки графини, сказалъ престарѣлый камердинеръ графа, покачивая головой,—чѣмъ лицо нашего графа, какое онъ имѣлъ въ то время, какъ вышелъ отъ него священникъ изъ Н, который привезъ извѣстіе о смерти молодого графа. Или сегодня, когда графъ возвратился изъ своей поѣздки въ горы, Боже! какъ онъ смотрѣлъ! Точно онъ будто заживо заглянулъ въ адъ. Я боялся къ нему приблизиться.

— И на нашего прелата несчастіе произвело впечатлѣніе гораздо сильнѣйшее, чѣмъ мы ожидали, вмѣшался камердинеръ прелата, сопровождавшій его въ Ранекъ и ожидавшій приказанія къ отъѣзду. — У его преосвященства лицо всегда какъ-будто изъ стали слито. Можно было думать, что никакое тяжкое извѣстіе не въ состояніи смутить его. Дѣйствительно, ничто въ немъ не дрогнуло, когда вошелъ отецъ Климентъ,—онъ въ это время сидѣлъ съ прочими отцами за обѣдомъ,—и объявилъ, что принесъ вѣсть о несчастіи. Но когда священникъ сказалъ: „графъ Отфридъ“, прелатъ вскочилъ со стула, блѣдный, какъ смерть, и закричалъ: „вы лжете. Это невозможно!“ Въ жизнь мою не забуду я этого голоса.

Въ это самое время въ верхнихъ комнатахъ замка царствовала мертвая тишина. Графиня лежала въ своей спальнѣ, окруженная всѣми необходимыми пособіями, которыхъ требовало ея положеніе; графъ находился въ своемъ кабинетѣ, наединѣ съ братомъ. Прелатъ былъ болѣе огорченъ, чѣмъ можно было ожидать, зная его желѣзный характеръ. Онъ, видимо, дѣлалъ неимоверныя усилія, чтобы не потерять присутствія духа, которое ему измѣняло, но, по крайней мѣрѣ, онъ все еще держался прямо, тогда какъ братъ его, сокрушенный горемъ, полулежалъ въ креслѣ.

— Успокойся, Отфридъ! Ты не долженъ изнемогать подъ тяжестью этого удара, ты долженъ прийти въ себя!

Ранекъ опустилъ руку, которою закрывалъ лицо.

— Зачѣмъ согласился я на его просьбу оставить его одного!

Онъ непремѣнно хотѣлъ еще остаться въ Н., а между тѣмъ сначала онъ не желалъ туда ѣхать, и я долженъ былъ приказать ему сопутствовать мнѣ... я его принудилъ... принудилъ на его же гибель.

Прелать сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Ты мучишь себя ужасами, созданными твоимъ-же собственнымъ воображеніемъ. Могъ-ли ты предвидѣть то, что случилось? Только за то, что мы сами хотимъ сдѣлать, падаетъ на насъ вся тягость ответственности, а не за то, что вѣроломный случай дѣлаетъ изъ нашихъ плановъ и намѣреній.

Онъ сказалъ это такъ горячо, какъ-будто хотѣлъ самъ освободиться отъ какого-то тягостнаго гнета. Графъ быстро вскочилъ съ своего мѣста.

— Оставь меня! Потерю моего сына я-бы могъ еще перенести, но... ты не знаешь, что именно въ этомъ несчастіи доводитъ меня почти до безумія!

Прелать посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, онъ не понималъ словъ брата, но видѣлъ, что необходимо отвлечь его отъ этихъ мыслей.

— Говорилъ ты съ Бенедиктомъ? спросилъ онъ. — Какъ я слышалъ, онъ первый увидалъ несчастнаго и позвалъ на помощь н-скихъ жителей.

Прошло нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ графъ отвѣтилъ, лицо его по прежнему выражало глубокое, душевное страданіе.

— Я видѣлъ его всего нѣсколько минутъ, сказалъ онъ: — онъ былъ смертельно блѣденъ, разстроенъ, удалялся отъ меня со страхомъ, какъ преступникъ... тщетно ждалъ я въ смертельной тоскѣ его взгляда или слова участія... онъ былъ нѣмъ и не поднималъ глазъ. Отчего не могъ онъ вынести моего взгляда?

— Ты бредишь! прервалъ его, блѣднѣя, прелать. — Что могъ имѣть Бенедиктъ противъ твоего сына? Они едва были знакомы!

— Они другъ друга ненавидѣли! сказалъ глухо Ранекъ. — Одинъ разъ я вырвалъ у Отфрида изъ рукъ заряженное ружье, а у Бруно ножъ. Тамъ, конечно, не нужно было имъ оружія, Бруно сильнѣе... о, Боже мой!

Прелать поблѣднѣлъ, какъ-будто пропасть развернулась внезапно передъ нимъ.

— Невозможно! Это было-бы еще ужаснѣе!

— Еще ужаснѣе? ужаснѣе чего?

— Ничего, ничего! Я долженъ уяснить это дѣло. Бенедиктъ обязанъ возвратиться сегодня въ монастырь. Мнѣ, своему настоятелю, онъ долженъ будетъ исповѣдаться.

Графъ поднялъ голову и, несмотря на весь его ужасъ и отчаяніе, въ лицѣ его снова засвѣтились прежнія нѣжность и тревога.

— Пощади его! просилъ онъ едва слышно, — пощади и меня этимъ открытіемъ. У меня нѣтъ болѣе силъ для страданія.

Взволнованный прелатъ положилъ руку на его плечо.

— Если къ этому несчастью присоединится и другое, которое тебя страшитъ, я тебя избавлю отъ необходимости узнать о немъ: ложись на меня. А теперь старайся собраться съ духомъ и поди къ графинѣ. Какъ ни чужды вы другъ другу, теперь твое мѣсто около нея, ты не долженъ оставлять ее совершенно одну.

Ранекъ почти безсознательно повиновался, всталъ и пошелъ къ графинѣ, а черезъ нѣсколько минутъ и прелатъ возвратился домой.

Прелатъ былъ такъ близокъ къ дому Ранека, что его монахи не могли не принять близко къ сердцу несчастія, случившагося въ этомъ семействѣ. Еще вчера они наперерывъ одинъ передъ другимъ осмѣливали вопросами отца Климента, но почти ничего отъ него не узнали: старикъ самъ узналъ очень немного. Но сегодня пріѣхалъ Бенедиктъ, къ нему и обратились съ распросами его товарища.

Но почтенные отцы очень ошибались, думая, что онъ удовлетворитъ ихъ любопытство. Напрасны были ихъ усилія, онъ молчалъ и мрачно уклонялся отъ ихъ вопросовъ, наконецъ, заявилъ, что намѣренъ ожидать возвращенія прелата въ его квартирѣ. Вскорѣ пріѣхалъ прелатъ и первый вопросъ его былъ о Бенедиктѣ. Узнавъ, что онъ здѣсь, настоятель отдалъ приказъ не беспокоить его ни подъ какимъ видомъ; собственноручно заперъ онъ обѣ двери передней, ведущей въ его кабинетъ, и болѣе часу провелъ наединѣ съ Бенедиктомъ. Лампа, спускавшаяся съ потолка, ярко освѣщала обоихъ. Лицо прелата было опять какъ-бы „вылито изъ стали“, но оно было страшно блѣдно; желѣзная натура его была потрясена. Противъ него стоялъ Бенедиктъ, и его лицо было смертельно блѣдно, но теперь онъ смотрѣлъ спокойнѣе, точно избавился сейчасъ отъ тяжелаго гнета.

— Исповѣдь вапа полная, отецъ Бенедиктъ; вы сказали болѣе, чѣмъ я отъ васъ требовалъ! Теперь остается хранить исповѣдь въ тайнѣ. Никто, кромѣ меня, не узнаетъ истины?

— Никто!

— Вы хорошо сдѣлали, довѣрившись мнѣ. Что-бы ни случилось, честь монастыря должна быть ограждена, хотя бы отъ насъ требовались для этого тяжкія жертвы. Вы должны молчать, даже и въ томъ случаѣ, если отъ васъ будутъ требовать отвѣта.

Молодой священникъ отступилъ въ ужасѣ.

— Молчать? Время, отъ котораго я только что освободился, я долженъ снова возложить на себя и влечь его всю мою жизнь! Никогда!

— Вы сдѣлаете это, потому что иначе поступить невозможно, да и къ чему? Племянникъ мой погибъ жертвой случайности; никакое раскаяніе не въ силахъ вызвать его изъ гроба, возвратить его роднымъ. Теперь остается только спасти монастырь отъ стыда, чтобы свѣтское правосудіе въ него не проникло и не вырвало-бы виновнаго изъ его священныхъ стѣнъ. Такое вторженіе въ наше время повлечетъ за собой непремѣнно уничтоженіе монастыря, который послѣ этого самъ долженъ закрыться. Но я съумѣю оградить орденъ отъ этого удара, если только буду увѣренъ въ нашемъ молчаніи.

— Ваше преосвященство! возразилъ пылко Бенедиктъ. — Если вы можете взять это на вашу совѣсть, то я не могу. Требуйте отъ меня того, что въ предѣлахъ человѣческихъ силъ, но не вѣчной лжи.

— Я требую отъ васъ того, что настоятель вправѣ требовать отъ монаха, — неограниченнаго повиновенія. Управляйтесь, какъ знаете, съ вашей совѣстью, но мы должны оградить болѣе важные интересы. Какъ настоятель вашъ, я приказываю вамъ молчать и вы будете повиноваться, Бенедиктъ!

— Не буду! Не доводите меня до крайности, есть предѣлы и моимъ обѣтамъ!

Прелать ирочно посмотрѣлъ на молодого священника, но его пылающіе глаза смѣло выдержали этотъ взглядъ.

— Ты своимъ упрямствомъ хочешь вовлечь въ погибель монастырь, сказалъ прелать. — Ты ненавидишь его, я это давно знаю, но не забывай, что всѣмъ, что ты имѣешь, ты обязанъ этому

монастырю. Онъ поднялъ тебя изъ униженія, онъ далъ тебѣ большую власть надъ людьми; онъ открылъ тебѣ сокровища науки, которыя иначе были-бы тебѣ недоступны, и ты хочешь, въ знакъ благодарности, обезчестить его? Хочешь предать поруганію твою духовную мать и выдать ее злобѣ ея враговъ? Уважай, по крайней мѣрѣ, то, чего любить ты больше не можешь; уважай то, что образовало и вскормило въ тебѣ ту силу, которую ты въ явномъ возмущеніи обращаешь противъ насъ. Я говорю тебѣ, отрокъ, не раздражай льва, противъ котораго сильнѣйшіе тебя пробовали силу и который впродолженіи столѣтій противустоялъ всѣмъ невздамъ; ты навлечешь только проклятіе на свою голову... Отважись отъ своего упрства.

Бенедиктъ стоялъ передъ нимъ молча, только грудь его тяжело поднималась; прелать ушѣлъ задѣтъ въ немъ чувствительную струну; онъ видѣлъ, что Бенедиктъ начинаетъ колебаться, и поспѣшилъ довершить свою побѣду.

— Братъ мой догадывается о томъ, что случилось! сказалъ онъ, понижая голосъ.—Отъ его и моего имени говорю тебѣ, что мы отказываемся отъ удовлетворенія за кровь Отфрида. Кромѣ насъ никто въ мірѣ не въ правѣ его требовать; если мы хотимъ скрыть это дѣло, то оно будетъ погребено на вѣки.

Бенедиктъ опустилъ голову.

— Если и графъ Ранекъ требуетъ моего молчанія, пусть будетъ такъ! сказалъ онъ глухо.

Прелать быстро повернулся къ столу и положилъ руку на лежавшее на немъ серебряное распятіе.

— Поклянись!

Бенедиктъ отступилъ съ мрачнымъ видомъ.

— Нѣтъ! Не хочу новой клятвы, довольно съ меня и одной, которая меня отдала вполне въ ваши руки. Я буду молчать куда *могу*, но позаботьтесь, чтобы меня не вызвали въ качествѣ свидѣтеля, потому что, если это случится, я ни за что не отвѣчаю!

— Я постараюсь, чтобы васъ не потревожили. Ступайте теперь отдохнуть, отецъ Бенедиктъ, а завтра рано утромъ возвращайтесь въ Н. Тамъ оставайтесь, пока я не сдѣлаю на вашъ счетъ дальнѣйшаго распоряженія. Еще вотъ что! если это успокоитъ вашу совѣсть, я не откажу вамъ въ отпущеніи.

Глубокая иронія выразилась въ лицѣ Бенедикта.

— Если я и желалъ его, то достаточно, что *теперь* вы предлагаете его мнѣ, чтобы уничтожить во мнѣ всякій остатокъ уваженія къ нему. Мнѣ его не нужно!

— Это доказываетъ только, что вы не вѣрите больше ученію нашей церкви, сказалъ прелать, — что вы замышляете отреченіе отъ католицизма. Не оправдывайтесь, продолжалъ онъ съ презрительнымъ спокойствіемъ, когда молодой священникъ хотѣлъ запальчиво его прервать, — я знаю, куда ведетъ путь, по которому вы идете, хотя, можетъ быть, вы сами этого не хотите знать. Но оставимъ споръ объ этомъ предметѣ, теперь не время имъ заниматься. Теперь мы должны стараться только о томъ, чтобы отвлечь вниманіе свѣта отъ нашего монастыря; уголовный судъ надъ однимъ изъ нашихъ членовъ поведетъ къ неправильнымъ толкованіямъ и произведетъ соблазнъ.

— А эти соображенія у васъ на *первомъ* планѣ! докончили Бенедиктъ съ особеннымъ удареніемъ. — Я въ этомъ теперь окончательно убѣдился.

Прелать встрепенулся и бросилъ быстрый, огненный взглядъ на молодого монаха, но его черныя рѣсницы были опущены внизъ. Онъ поклонился, какъ это требовалось по монастырскому уставу, и, не ожидая обычнаго отпуска, повернулся къ запертой изнутри двери, отперъ ее и скрылся въ сосѣдней комнатѣ. Мрачно посмотрѣлъ ему вслѣдъ прелать.

— Покуда онъ *можетъ!* — отличное ручательство въ его молчаніи! Но отъ этого упрянца нельзя было ничего больше добиться, я это видѣлъ по его лицу, оно слишкомъ ясно носитъ на себѣ отпечатокъ нашего рода! Всякій дальнѣйшій разговоръ былъ-бы напрасенъ!

Въ глубокой задумчивости сталъ онъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. „Нужно удалить его изъ окрестностей, какъ только можно будетъ это сдѣлать безъ шума и пока братъ не опомнился отъ постигшаго его удара, думалъ онъ. — Прежде онъ былъ способенъ на самый безумный поступокъ, еслибъ я рѣшился коснуться его любимца; теперь онъ не посмѣетъ уже защищать его или противиться моимъ намѣреніямъ. Мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, обезпечить себя съ этой стороны“.

Быстро и рѣшительно подошелъ онъ къ письменному столу, сѣлъ и, взявъ перо, написалъ твердою рукою:

„Я говорилъ съ Бенедиктомъ!—Завтра рано утромъ онъ возвращается въ Н. и оттуда, какъ только можно будетъ безъ шума это сдѣлать, онъ отправится въ отдаленный монастырь. Ты долженъ покориться необходимости и не видѣться съ нимъ до того времени. Содержаніе его исповѣди останется вѣчною тайной между нами,—я щажу тебя, какъ ты этого самъ желалъ.

Онъ сложилъ записку, адресовалъ ее графу Ранеку и запечаталъ; потомъ позвонилъ и передалъ ее камердинеру. Все это дѣлалъ онъ быстро, стремительно, будто боялся, что пережвнить свое рѣшеніе, и только тогда какъ камердинеръ вышелъ съ письмомъ изъ комнаты, спокойствіе снова возвратилось къ нему. Лицо его все еще было блѣдно, но уже по прежнему выражало желѣзную рѣшимость; онъ подошелъ къ окну и обратилъ взглядъ туда, гдѣ при трепетномъ мерцаніи луны ясно и угрюмо видѣлся замокъ Ранекъ среди вертикальныхъ вершинъ сосновыхъ деревьевъ.

— Не могу избавить тебя отъ этого, Отфридъ! сказалъ онъ глухо.— Это должно случиться, хотя-бы ты еще вдесятеро сильнѣе страдалъ. Тутъ поставлены на карту интересы, передъ которыми блѣднѣетъ самая сильнѣйшая родительская скорбь.

(Окончаніе будетъ.)

Б А Л Ъ.

Le donne e i cavalier gli affani e gli agi
Che nene'n nvogliava amore et cortesia
La dove i cuor son fatti si malvadgi...

Dante. Purgatorio XIV.

И блескъ, и шумъ!.. Какіе звуки,
Какъ лица счастьемъ горять,
Но сколько зависти и муки
Ихъ души темныя хранять.

Въ разгаръ каждаго движенья
Сквозить соперничества гнетъ
И въ краскѣ нѣжнаго волненья,
Я вижу лавочный расчетъ.

Притворны рѣчи, живы ласки,
Въ очахъ—любовь, а въ сердцѣ—ядъ...
На всѣхъ обманчивыя маски,
Всѣ—фарисеи заурядъ.

Нѣтъ... вонь—скорѣй! Тутъ душно, больно!
Туда—гдѣ носится мятель,
Гдѣ свищеть вѣтеръ своевольно,
Скрипитъ надломанная ель...

Душѣ отраднo подѣ грозою,
Легко подѣ бурей роковой,
Затѣмъ, что жизнь моя такую
Сложилась бѣшеной грозой.

Затѣмъ, что въ ней мятель играетъ,
Въ горячемъ сердцѣ вихрь реветъ,
И въ немъ давно гроза ломаетъ
Все, что любовь ему даетъ.

И потому не блескъ лазури
Не утра ясность, чистоту,
Люблю я гнѣвъ свободной бури
И гордой вьюги красоту...

В. И. Славянский.

ПОГОНЯ ЗА НАЖИВОЙ.

IX.

Ренегаты.

Не доходя полуперегона до „Малыхъ Баруковъ“, правѣ караванной дороги, тянется гряда песчаныхъ холмовъ, то подступая почти къ самому пути, то отходя назадъ къ обширнымъ пространствамъ, когда-то бывшимъ озерамъ, теперь-же покрытымъ топкою, соленою грязью. Берега этихъ грязей поросли мелкими сортами кустарниковъ, рангомъ и разными видами степной колючки. Это превосходныя пастбища для овецъ, которыя любятъ бродить по солончакамъ и лизать вонючую грязь. Киргизы, пользуясь обильными колодцами и родниками, разсыянными по всѣмъ „Барсукамъ“, сгоняютъ сюда безчисленныя отары овецъ, и берега этихъ затоновъ оживляются пасущимися стадами и кое-гдѣ чернѣющимися кибитками кочевниковъ.

Теперь-же ни одной овцы не было видно кругомъ, не изъ одной лощины не показывался привѣтливый дымокъ жилья... Быстро свернулись и собрали свои стада подвижные степняки и ушли отсюда дальше на западъ, въ глубь песковъ, подальше отъ опаснаго сосѣдства; а сосѣдство это, такъ всполошившее мирныхъ киргизъ, было не постоянное: сегодня здѣсь, а завтра можетъ алахъ вѣдаетъ гдѣ. Киргизы знали это и поставили по высокимъ постамъ конныхъ сторожей, которые должны были извѣстить аулы, когда минетъ опасность.

Всю эту тревогу надѣлала вереница всадниковъ, двигающаяся отдѣльными маленькими отрядами позади холмовъ, ближе къ со-

ленымъ грязямъ. Шайки эти пришли отъ Девлетъ-яра, заняли мѣсто за большимъ холмомъ, въ неглубокой балкѣ, и стали на отдыхъ. Только теперь они стали осторожно: огня не разводили, лошадей поставили тѣснѣе и сами зря не бродили по степи и въ глаза никому не выдались, какъ прежде, когда они занимали возвышенную площадку у святыхъ могилъ. Тѣ, кто шли караваннымъ путемъ, какъ-бы ни присматривались вправо, ничего не видали-бы, кромѣ песчаныхъ, желтѣющихъ на солнцѣ холмовъ, и навѣрное могли быть далеки отъ подозрѣнія, что за этими-то, мирными на видъ, холмами скрывается грозная опасность.

Немного было счетомъ этихъ наѣздниковъ, но за то нельзя было и трехъ насчитать одинаковыхъ. Со всѣхъ концовъ степи сбродили искатели легкой наживы; тутъ были и тюремены, и киргизы-адаевцы, и бузачинцы и безымянный сбродъ, ни вѣсть откуда появившійся. Группировалось-же все это около трехъ джигитовъ, отличавшихся отъ остальныхъ развѣ только тѣмъ, что у двухъ были бороды съ просѣдью, а третій былъ рыжій и съ лица шибко смахивающій на бѣлаго русскаго солдата; у него даже борода раздваивалась по срединѣ, гдѣ въ прежнее время пробивалась дорожка, неуспѣвшая еще сровняться съ бакенбардами, да и хватки его были совсѣмъ не татарскія, хотя по одеждѣ его никто-бы не отличилъ отъ природнаго хивинца.

Большинство всадниковъ было въ кольчугахъ и въ лисьихъ малахаяхъ; на одномъ только туркменѣ Ата-Назарѣ была крутая бѣлая чалма, издали отличавшая его отъ прочихъ всадниковъ.

Барантачи сидѣли въ кругу и держали совѣтъ. Говорилъ съдой Чабыкъ, адаевецъ; кто слушалъ, а кто только такъ видѣ дѣлалъ, что слушаетъ, а на самомъ дѣлѣ дремалъ, пережевывая табачную жвачку и машинально слювявая по временамъ слюну.

И кони ихъ, высокіе, подобранные, стояли, понуривъ головы. Барантачи сдѣлали большой крикъ, версть въ сотню, чтобы поспѣть отъ могилъ Девлетъ-Яръ къ предверьямъ „Малыхъ Барсуковъ“. Прямо-же, близъ дороги, они идти не рѣшились изъ болзни, что русскій обозъ наткнется на ихъ слѣды и опять приметъ оборонительныя мѣры.

— Вѣрить-ли намъ твоему тамыру (пріятелю) или нѣтъ? Ты ужъ лучше скажи прямо; по крайней мѣрѣ, мы время терять не

станемъ и пойдёмъ туда, гдѣ намъ будетъ повыгоднѣе... говорилъ Чабыкъ и смотрѣлъ въ глаза рыжему, котораго всѣ звали Иванъ-баемъ, добавляя къ его русскому имени киргизское окончаніе.

— А какъ знаешь, мнѣ все равно, нахально усмѣхнувшись, отвѣчалъ рыжій.

— Ты, можетъ, опять надъ нами свои штуки играешь; вѣдь у тебя на концѣ языка правда не поставила своей кибитки... Она даже въ гостяхъ тамъ не бывала.

— Не вѣришь,—уходи; я тебя развѣ держу? Останусь я съ своими, да вотъ, можетъ, Рахимъ-Берды съ своими останется, Ата-Назаръ... тотъ меня не бросить... Мы и одни управимся.

— А правда, началъ тюрмень Ата-Назаръ,—*тотъ*, когда пріѣзжалъ къ намъ, выругалъ насъ, говорилъ: „воронами на виду сидятъ, воробьевъ пугаютъ... развѣ это не правда, что мы двое сутокъ у Девлета стояли? За что джигита у насъ убили?.. кто хотѣлъ прямо возы брать нахрапомъ, не ты, что-ли, старый ишаекъ?..

Онъ злобно взглянулъ на Чабыка, тотъ пожалъ плечами.

— Все въ волѣ пророка: не попустилъ,—ну, и не взяли. А отчего онъ на насъ прогнѣвался, не отъ тебя, что-ли?

— Какъ отъ меня? удивленно спросилъ тюрмень.

— Зачѣмъ своихъ жеребцовъ въ „аули“ поставилъ? Все святое мѣсто испакостили...

— Ну, ужъ и ты хорошъ тоже, виѣшался рыжій.—Лошадь что, лошадь—животъ чистый: отъ нея ничего не сдѣлается; а въ прошедшемъ году, когда почту въ Кара-Кумахъ грабили, кто въ божьемъ котлѣ *) собакъ борзыхъ пойлъ? Эге, братъ, чужіе грѣхи считать умѣешь...

Всѣ расхохотались.

— Тогда ничего отъ этого не было. Мы свое дѣло благополучно окончили; самъ знаешь, оправдался Чабыкъ.

— Скоро было очень; аллахъ-то можетъ еще не успѣлъ уз-

*) Въ нѣкоторыхъ степныхъ пунктахъ—у святыхъ мѣстъ—устраиваютъ каменный таганъ и въ него вмазываютъ плоскій чугунный котелъ съ прикованною на цѣпъ ложкою. Котломъ этимъ можетъ пользоваться всякій проходящій и проѣзжающій—и котлы эти называются божьими котлами. Это одинъ изъ видовъ степной благотворительности.

нать; такъ вотъ теперь за прошедшее тебѣ бока пощупалъ. Это вѣрно.

— Слушай, Иванъ-бай, ты *его* гдѣ зналъ прежде? спросилъ Рахимъ-Берды,—ты намъ не сказалъ про то...

— Это про кого ты спрашиваешь?

— А вотъ про того, что къ намъ ночью на воронныхъ коняхъ пріѣхалъ.

— Случалось, видались и прежде. Да тебѣ что?

— Не проведетъ онъ насъ?

— Какой ему барышъ проводить... Онъ тоже подъ хозяиномъ состоитъ; не свою, чужую волю править.

— Зачѣмъ онъ опять къ нимъ въ обозъ поѣхалъ?

— Значить, нужно.

— Вотъ еще что мутить у меня на сердцѣ... вставилъ Рахимъ-Берды.—Это какъ-бы насъ киргизъ батракъ не выдалъ; вѣдь они собаки къ своимъ привязчивы.

— Не выдастъ; я ему такое шепнулъ, что побоится. Тамъ, говорю, *тотъ* будетъ, что отъ насъ поѣхалъ. Ежели чуть что замѣтитъ, тутъ тебѣ и конецъ,—а обдѣлаемъ дѣло, тебѣ-же барышъ; коня, говорю, получишь, халатъ, и съ нами поѣдешь вольною птицею. Онъ не дуракъ, пойметъ „гдѣ мясо, гдѣ камень“. Ну, чтожъ, Чабыкъ-бай, уйдешь, что-ли, отъ насъ или можетъ раздумалъ?

Рыжій Иванъ-бай засмѣялся и нахально глядѣлъ на старика, оскаливъ свои клычастые, волчьи зубы.

— Отстань, угрюмо произнесъ Чабыкъ и затянулся изъ походнаго кальяна.

— Вонъ и наши ѣдутъ! крикнулъ кто-то.

— Эге! ну, никакъ пусто... сказалъ Рахимъ, всматриваясь въ четырехъ всадниковъ, медленно приближающихся со стороны соленыхъ грязей.

Ближе подѣхали всадники, теперь можно было видѣть, что у одного только изъ нихъ перекинутъ былъ поперекъ сѣдла баранъ и бился о стремя своею рогатою головою.

— Плохо?! крикнулъ имъ Ата-Назаръ.

— Яманъ (дурно), отвѣчалъ передній.—Всѣ ушли, какъ куяны (зайцы) отъ орловъ, по норамъ попрятались. Кибитки сняты, по всѣмъ грязямъ пусто. Ужъ очень они стали пугливы.

— Вот только одного этого и нашли, говорилъ другой, приподнимая барана и сбрасывая его на песокъ. — Да и то каскыръ *) прежде насъ его тронулъ.

Дѣйствительно, часть бараняго зада была до костей обнажена отъ мяса и по рванымъ краямъ раны можно было не трудно узнать волчью хватку.

— Потерпимъ немного, усмѣхнулся Иванъ-бай, искоса поглядывая на недоувѣрчиваго Чабника, — вотъ обозъ русскій заберемъ, тамъ, сказывали, всякой снѣди въ волю припасено.

— „Не пей кумысъ, пока кобылъ не подоилъ“, огрызнулся Чабникъ.

— Ладно. На крайній барханъ ступай кто-нибудь двое. Лежите на брюхѣ, — колѣями не торчатъ на виду. Какъ что — знать дайте... Кто пойдетъ: твои, Ата, что-ли?

— Своихъ посылай, они у тебя ползунъ.

— Ну хороши-же вы „яу“, какъ погляжу... ни твоихъ не пошлю, ни своимъ не прикажу. Самъ пойду. Эдакое дѣло да чужому глазу довѣрить — воронъ!..

И Иванъ-бай поднялся на ноги.

Это былъ мужчина небольшого роста, коренастый, немного хромой, съ необыкновенно развитыми, длинными руками, могучія висти которыхъ достигали почти до колѣнъ. Силу этихъ рукъ, словно отнятыхъ у какого-нибудь гориллы и приставленныхъ къ человѣку, хорошо знали по всѣмъ кочевьямъ между Аральскимъ и Каспійскимъ морями, да пожалуй, и дальше...

Лѣтъ двадцать пять жилъ онъ въ степи и зналъ ее такъ, какъ не знали коренные номады. А въ степь онъ попалъ еще мальчикомъ, слѣдующимъ образомъ: отецъ его служилъ въ багрильщикахъ у одного изъ астраханскихъ рыбныхъ торговцевъ. Разъ какъ-то, вмѣстѣ съ сыномъ, двѣнадцати-лѣтнимъ мальчишкой, и человѣками десятью работниковъ, отправились они къ восточному берегу Каспійскаго моря, къ Мангишлаву на рыбную

*) Волкъ.

ловлю. Шкуна ихъ бросила якорь у песчаного мыска, недалеко отъ озера „Батырь“, и часть экипажа высадилась на берегъ, кто говорить, что пострѣлять сайгаковъ, а кто говорить — за другимъ дѣломъ, менѣе благонамѣреннымъ. Хозяинъ шкуны былъ вмѣстѣ съ послѣдними, а на суднѣ остался отецъ рыжого Ваньки и человекъ три рабочихъ. Къ солнечному закату подошли къ судну четыре кайка (узкія, длинныя туземныя лодки); хотѣли подойти поближе, да астраханцы не подпустили, не безъ основанія подозрительно глядя на оборванныхъ тюремнѣвъ, припрятавшихъ свое оружіе на дно кайковъ, подъ сѣти... Пираты боялись двуствольныхъ ружей экипажа, подъ выстрѣлами которыхъ не совсѣмъ было удобно брать штурмомъ скользкіе, высокіе борты судна...

Наступила ночь... полѣвъ одинъ изъ матросовъ на рею сторожить, остальные заснули, и, должно быть, заснули крѣпко... Страшный вопль часового поднялъ всѣхъ сразу на ноги... Вся палуба затряслась, когда съ высоты трехъ сажень, какъ мѣшокъ, набитый костями, свалился матросъ и брызгалъ во всѣ стороны своею кровью... Луна взошла уже на небѣ и ясно было видно, какъ корчился и изгибался несчастный, какъ двѣ какія-то свѣтлыя черточки впились въ его тѣло и дрожали при каждомъ его движеніи... это были хивинскія стрѣлы, тонкія камышины съ зубчатыми, тонкими, какъ шило, остріемъ и красиво оперенными съ другого конца цвѣтными обрѣзками кожи и конскими волосами... Кинулись къ ружьямъ оторопѣлые рыбаки... заметались... куда же это запропастились ихъ двустволки? Багры съ насаженными топорами тоже пропали!.. а изъ-за бортовъ, со всѣхъ сторонъ, глядятъ скуластыя, узкоглазыя рожи, со всѣхъ сторонъ растутъ темныя тѣла, и заходили доски палубы подъ топотомъ нѣсколькихъ десятковъ босыхъ ногъ; по гладкой водной поверхности пронеслось гиканье и вой торжествующихъ пиратовъ.

Отецъ Ваньки долго отбивался, вооружившись какою-то снастью; его убили, остальныхъ двоихъ скрутили и спустили въ кайкъ. Все, что было на суднѣ цѣннаго и удобнаго для перевозки, забрали, шкуну сожгли.

Красное зарево пожара, отразившись и въ водѣ, и на темномъ небѣ, далеко было видно въ степи... видѣли его и тѣ, что были на берегу, у озера, впоследствии тоже попавшіеся въ недобрыя руки.

— Когда-же ты мнѣ дашь тѣ деньги, что обѣщаль? сказалъ рыжій Ванька старому хивинцу, когда кайки далеко отошли отъ горѣвшей шкуны и тянулись камышами, придерживаясь берега...

— Когда... Ахъ ты, волченоеъ проклятый, засмѣялся старикъ, — тогда, добавилъ онъ, положивъ свою руку на стриженную голову мальчика, — тогда, когда будешь большимъ волкомъ и съумѣешь добыть себѣ самъ...

— Ладно, согласился рыжій, — другой разъ не надуете...

Это былъ первый подвигъ ренегата Иванъ-бая, „кызыль-кас-кыра“ (красный волкъ).

Въ двадцать лѣтъ онъ уже далъ знать о себѣ по всей степи. Въ пограничныхъ фортахъ нашихъ узнали о его подвигахъ. Голова его была оцѣнена; но, вѣрно, дешево, потому что не находилось охотниковъ позариться на посулы русскихъ властей.

Онъ женился на дочери одного изъ кочевыхъ султановъ, красивой хивинкѣ, потомъ еще взялъ себѣ одну жену изъ другого рода. Онъ могъ позволить себѣ эту роскошь, потому что разбой и грабежи каравановъ давали ему на это средства.

Онъ былъ отваженъ и дерзокъ въ своихъ предиріятіяхъ до того, что появлялся даже въ русскихъ укрѣпленіяхъ и развѣдывалъ тамъ обо всемъ, что ему надлежало знать... Въ какомъ-нибудь жалкомъ „лаучи“ (погонщикъ верблюдовъ), оборванномъ, грязномъ, пріютившемся на базарѣ, въ ожиданіи нанимателя, или въ киргизѣ, пригнавшемъ въ фортъ на продажу десятокъ курдючныхъ барановъ, никто не могъ узнать извѣстнаго степного разбойника...

Онъ появлялся даже въ Оренбургѣ, а потомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, одѣтый бухарскимъ торговцемъ, ходилъ по караванъ-сараямъ, перевидался со всѣми своими пріятелями (а у него было не мало) и уѣхалъ отсюда на почтовыхъ подъ видомъ Саидъ-Абасса, бухарскаго уроженца, торговца хлопкомъ и бараньими шкурами.

Разъ только попался онъ. Бурею разбило лодку, на которой онъ съ двумя хивинцами переплывалъ заливъ „Мертвый култукъ“. Его спасло одно изъ рыболовныхъ судовъ изъ Астрахани-же. Все обошлось бы, пожалуй, благополучно, но одинъ изъ башкиръ, работниковъ на этомъ суднѣ, узналъ въ этомъ безжизненномъ тѣлѣ, распростертомъ на палубѣ, грозу степей — „рыжаго Ивана“..

Разбойникъ очнулся связаннымъ, нисколько не удивился этому, попросилъ ѣсть; — ему дали. Разговорился онъ, разспрашивалъ о томъ, о семъ, куда его везутъ и т. д., кончилъ тѣмъ, что вздохнулъ и произнесъ: „Ну, значить, воля Господня. Погрѣшилъ довольно, пора и поплатиться“. Хозяинъ судна былъ старовѣръ и замѣтилъ, что Иванъ перекрестился по ихнему обряду...

Черезъ мѣсяць „Рыжій“ опять появился въ степи. Какъ онъ вырвался, никто не зналъ. Самъ-же онъ рассказывалъ о своемъ освобожденіи такія небылицы, что даже легковѣрные до всего фантастическаго и таинственнаго дикари и тѣ пожимали плечами и приговаривали потихоньку: „что только за языкъ Богъ далъ человѣку, чего только онъ не стерпеть?“

Началъ Иванъ-бай свои новые подвиги тѣмъ, что собственно-ручно зарѣзалъ свою первую жену: онъ узналъ, что та, въ его отсутствіи, пошала съ однимъ изъ молодыхъ батырей сосѣдняго кочевья. Султанъ, отецъ зарѣзанной, сперва обидѣлся и рассердился на своего зятя, но потомъ, убѣдясь въ правотѣ оскорбленнаго мужа, помирился съ нимъ и далъ ему, взамѣнъ первой, вторую свою дочь.

Скоро дѣла пошли по старому, да, должно быть, еще лучше, потому что изъ Астрахани прислали сказать, что за голову Ивана плату удвоили и что тому, кто привезетъ ее, будь онъ самъ разбойникъ, простятся всѣ его грѣхи и на свободу опять его отпустить...

Посмѣялся рыжій надъ послѣднимъ обѣщаніемъ. Хотѣлъ-было самъ отвезти свою голову, получить за нее деньги и опять вернуться въ степь, да раздумалъ.

Не прошло и четырехъ часовъ, какъ ушелъ Иванъ-бай сторожить на барханъ, какъ онъ уже назадъ возвращался. Конь подъ всадникомъ стлался по песку и издали было слышно, какъ храпѣли и фыркали раздутыя отъ быстрого бѣга ноздри.

— Гонить шибко, поднялся Ата-Назаръ.

— Къ лошадямъ! крикнулъ Рахимъ-Берды.

Вся баранта всполошилась.

— Дождались! подсказкаль Иванъ и коня своего осадилъ такъ, что тотъ вспахалъ песокъ передними ногами. — Колесная пыль видна отъ Девлета... Это наши крестники.

— Пошли Аллахъ милости дѣтямъ своимъ, со вздохомъ произнесъ старшій Чабкъ и пошелъ къ своимъ аргамакамъ, что стояли у самаго края и, прижавъ уши, такъ вотъ и наровили брыкнуть того, кто къ нимъ неосторожно подобрется.

Съ сѣвера тянулось большое пыльное облако, что-то неясное мелькало въ этомъ облакѣ... Ближе и ближе подвигалось оно къ холмамъ, вотъ уже можно различить воловъ, возы, всадниковъ, верблюдовъ, идущихъ стороною, и надъ всѣмъ этимъ чернѣющимъ массу паровика, медленно подвигающуюся на своихъ двѣнадцати колесахъ. Восемь паръ здоровыхъ воловъ и четыре верблюда тащили эту машину и глубокой двойной слѣдъ прокладывался по степной дорогѣ.

Барантаци, затанувъ дыханіе, сидѣли на своихъ лошадяхъ. Они пригнули шеи почти до самой земли, согнулись сами, впились глазами въ обозъ и, какъ борзые на натянутыхъ сворахъ, ждали только сигнала къ атакѣ. А сигналъ этотъ долженъ быть поданъ оттуда, изъ этого самаго обоза, и даже самъ Иванъ-бай поблѣднѣлъ немного, отыскивая глазами между воевъ всадника на вороной лошади.

Тяжелые возы скрипѣли; волы, опустивъ подъ ярмомъ свои рогатые головы, шли мѣрнымъ шагомъ, помахивая хвостами и вперивъ въ песокъ свои мутные, слезящіеся глаза. Работники шли лѣшкомъ, заложивъ за спины руки и также, какъ и волы, глазами созерцали дорогу; кое-кто спалъ на возахъ, лежа на брюхѣ, подставивъ свою спину подъ палящіе лучи солнца. Уныло визжало какое-то, плохо подмазанное колесо, монотонно гремѣли бубенчиками стороною идущіе верблюды...

Однообразное, мѣрное движеніе, такое-же медленное, какъ и движеніе вонъ тѣхъ черепахъ, что парами ползаютъ по степи, прячась подъ тѣнь сухихъ стеблей прошлогодняго ревеня, скучное, безконечное, нагоняетъ тяжелую дремоту...

Дремлютъ и тѣ немногіе всадники, съѣхавшіеся вмѣстѣ подъ тѣнь паровика... Ключеть носомъ старшій Ефимъ Маякенькій и чуть было не выронилъ изъ зубовъ свою коротенькую трубку, чуть-чуть не свалился съ сѣдла и Скоблякъ, башкирь... да во время проснулся, вздрогнулъ, оглянулся кругомъ мутными, сонными глазами и протеръ ихъ рукавомъ своей грязной рубахи... Прокопъ уѣхалъ впередъ; хотѣлъ было развѣдать: все-ли покойно у родника, за холмами? Да въ одномъ изъ переднихъ возовъ ось загорѣлась, дымъ повалилъ изъ-подъ воза, и Прокопъ остался мѣнять негодную ось, и своротилъ возъ въ сторону, чтобы не мѣшать движенію остального обоза. Киргизъ Мосоль, что изъ плѣна вырвался, возился вмѣстѣ съ Прокопомъ, поднимая на крюку одну сторону воза, пока казакъ стаскивалъ поврежденное колесо.

— Вотъ дойдемъ къ ночи до родничка, у песковъ, — „чиликомъ“ его орда прозываетъ... хорошій родникъ, вода чудесная... говорилъ старшій Ефимъ.

— Тамъ и ночевать будемъ? спрашивалъ всадникъ на вороной лошади, держась тотчасъ же за крупомъ казачьяго коня...

— Тамъ будетъ.

— Это первый переходъ такой длинный, замѣтилъ Симсонъ. — Вѣдь мы тронулись почти за часъ до разсвѣта...

— Тамъ дневуку сдѣлаемъ... произнесъ Ефимъ.

Перекинулись двумя-тремя словами и опять замолчали; опять задремалъ Ефимъ; англичанинъ тоже сдѣлалъ какое-то странное движеніе на сѣдлѣ и отеръ глаза нѣсколько шире чѣмъ-бы слѣдовало...

Эхъ, да не одна... то... эхъ, да не одна...

затянулъ всадникъ на вороной лошади и пытливо взглянулъ вправо.

А тамъ все было спокойно и тихо; словно вытянутые въ рядъ виднѣлись конусы желтоватыхъ, песчаныхъ холмовъ, синею полосою проглядывали въ промежуткахъ солонныя грязи.

— Надули, черти!.. подумалъ всадникъ, снялъ изъ-за плеча свою двухстволку, поглядѣлъ на замки, снова закинулъ оружіе на прежнее мѣсто.

— Эй... хозяинъ... толкнулъ локтемъ башкирь Скоблякъ стараго Ефима.

Тотъ встрепенулся.

— Чего ты?..

— Тамъ, хозяинъ, что-то не ладно, кивнулъ башкиръ на холмы,—какъ-бы чего не было...

— Посмотрите, говорилъ Симсонъ своему сосѣду, — вонъ, на холмѣ видите... орелъ сидитъ, кажется?..

— Шапка трухменская... свазалъ Скобляеъ.

— Прокопъ гдѣ?.. спросилъ Ефимъ.

— У переднихъ возовъ...

— Падалъ лежитъ какая-то, равнодушно замѣтилъ всадникъ на воровой лошади.

Во по-гѣ дороженька... да пролегалла...

Онъ отвязалъ поводъ своего заводскаго коня, намоталъ его ему на шею и пустилъ на волю... Эта лошадь могла-бы ему помѣшать.

— Я начинаю припоминать, говорилъ Эдуардъ Симсонъ, — Послушайте, не были-ли вы въ Самарѣ?.. Въ трактирѣ, у пристани; мы вмѣстѣ, кажется... Ой!..

Несчастный англичанинъ захлебнулся дымомъ въ упоръ, прямо ему въ лицо направленного выстрѣла. Лошадь его взвилась на дыбы и, затянута судорожно стиснутой рукою убитаго, рухнула на песокъ, вмѣстѣ съ своимъ всадникомъ.

Раскинулъ руками Ефимъ Мякенькій, нагнулся къ шеѣ коня; тотъ поддалъ задомъ и отскочилъ. Свалился „старый волкъ“ и легъ ничкомъ, поперекъ англичанина, прямо къ солнцу своимъ пробитымъ, развороченнымъ задылкомъ...

— А, ты за-одно съ ними, собака! заревѣлъ Скобляеъ и навалился на убійцу.

Тотъ встрѣтилъ нападеніе прикладомъ своего разряженнаго ружья... пошатнулся въ сѣдлѣ, и они схватились въ рукопашъ, вцѣпившись другъ въ друга руками, силаеъ сорвать съ сѣдла одинъ другого.

Отъ холмовъ, лавою, притгнувъ пики, погоняа дикимъ гиваньемъ своихъ аргамаковъ, неслись барантаци и отхватывали всю переднюю половину растянувааго обоза.

— Сбивай въ кучу!.. покрывалъ все отчаянный голосъ Прокоса...

Весь окровавленный, спотыкаясь и зажимая бока рукою, онъ

бѣжалъ пѣшкомъ къ паровику... Онъ не видѣлъ, что тамъ произошло... Кровь проступала межъ его пальцами... Все кружилось передъ глазами и путалось: и возы, и волю, испуганные, задрвшіе кверху хвосты, и верблюды, мечущіеся во всѣ стороны, и дикіе наѣзтники, мелькающіе тамъ и сямъ... Вдругъ все это исчезло разомъ... Помертвѣлые глаза ничего не видѣли, уши ничего не слышали...

— Сбивай въ кучу... Батько!.. чуть слышно прошептали губы Прокopa.

Онъ упалъ.

— Эко сдѣпились, точно въюны, наскakалъ рыжій Иванъ и осадилъ коня передъ борцами... Нѣшто помочь тебѣ, землякъ...

Онъ вынулъ изъ-за своего широкаго пояса длинный пистолеть турецкой работы, подобралъ коня и поднялъ вооруженную руку...

Два тѣла сплелись, словно прилипли другъ къ другу... Сдавленные груди тяжело дышали, осоловѣлые глаза въ упоръ смотрѣли другъ на друга... Скоблякъ пытался зубами вцѣпиться въ горло своего противника и жевалъ воротъ его халата, грызъ шнурокъ отъ складного образца, выбившагося наружу...

— Какъ-бы того не попортить, ворчалъ Иванъ бай и, нагнувшись почти къ самымъ борцамъ, выжидалъ удобное мгновеніе.

Х.

Новыя лица.

— Вотъ мы и вторны сутки сидимъ здѣсь, на одномъ мѣстѣ, произнесъ Ледоколовъ съ досадою, закрывая книгу, которую читалъ, и засовывая ее подъ подушку.

— Что-же дѣлать? Нѣкоторымъ приходилось по недѣлямъ просиживать на станціяхъ, или, вѣрнѣе сказать, на мѣстахъ, гдѣ предполагаются станціи; вотъ какъ здѣсь, напримѣръ.

— Что вы тамъ дѣлаете?

— Наблюдаю горизонтъ, съ помощью вашего превосходнаго полевого бинокля, и изыскиваю средства къ дальнѣйшему нашему движенію.

Малороссъ сидѣлъ на козлахъ и почти не отрывалъ бинокля отъ своихъ глазъ, щурился и всматриваясь въ прозрачныя линіи миражныхъ озеръ, въ безконечную даль безлюдной степи.

— Школа терпѣнія, вздохнулъ Ледоколовъ, помолчавъ немного.— Сигару хотите?

— Вонъ что-то чернѣетъ; не то всадникъ, не то... не разберешь что...

— Хотите сигару?

— Верблюдь... или постоитъ-ка. Чтоже это въ самомъ дѣлѣ? Позвольте...

Бурченко, не оставляя своимъ наблюдений, протянулъ руку.

— Вотъ кого-то еще судьба посылаетъ. По дорогѣ пыль.

— Экипажъ?

— Не видать за пылью. Что-то большое, кажется...

— Ужъ не дормезъ-ли съ нашими дамами?

— Можетъ быть. Далеко еще, верстъ пять, пожалуй, будетъ: не скоро дотащутся. Вы, кажется, оживились немного?.. не хотите-ли бинокль?

— Нѣтъ, пользуйтесь имъ; меня *это* нисколько не интересуетъ.

— Будто?.. А мнѣ показалось...

— Какъ ни симпатична она, но, наученный горькимъ жизненнымъ опытомъ, я смотрю иначе на эти явленія.

— Я тоже вотъ смотрю... (Бурченко даже всталъ на ноги) и вижу дормезъ... Теперь это ясно видно.

— Близко?..

Ледоколовъ сдѣлалъ движеніе, будто тоже хотѣлъ лѣзть на козлы.

— Гм!

Бурченко улыбнулся и подвинулся немного. Ледоколовъ, впрочемъ, остался на мѣстѣ.

— Грустную роль беретъ на себя эта дѣвушка. Судя по намекамъ, по разговорамъ, которые мнѣ приходилось слышать... началъ Ледоколовъ.

— Нисколько не грустную. Коли она также умна, какъ красавица, то въ нарядѣ не будетъ... Впрочемъ эта, облобрысѣвшая, та тоже молодець, скоро розыщеть, гдѣ раки зимуютъ. Кучеренокъ— ну, тотъ мелко будетъ плавать, натуршка не богатая. Да

на что—вотъ сама маленька. Вы думаете, устарѣла барыня... нѣтъ, еще посмотрите, какъ пороботаетъ...

— Вы все смотрите съ точки зрѣнiя наживы... барыня...

— А то какъ-же?.. Вѣдь это все тоже своего рода горные инженеры, вотъ какъ и мы съ вами. Мы будемъ рыскать по горамъ и запускать въ ихъ нѣдра свои буры и шуры, онѣ тоже, т. е. оно положимъ... впрочемъ, это рѣшительно все равно, дѣло въ результатахъ.

— Но, послушайте, продавать такъ свою молодость, дѣвственность, сердце, душу — все за деньги, не согрѣть себя ни разу истиннымъ чувствомъ, оскорблять такъ свою духовную природу...

— Чего-съ?

— Это не можетъ пройти безнаказанно. Рано или поздно человѣкъ остановится, оглянется назадъ, на свою молодость... Это будетъ ужасная минута...

— Вотъ вы опять въ крайности ударились... Вотъ вы изволили видѣть, какъ Спѣлохватовъ металъ?

— Ну, это къ чему?

— Вы, я думаю, замѣтили, что онъ, бивши чуть не каждую карту, нѣтъ-нѣтъ, да и дастъ что-нибудь и понтеру... Такъ вотъ и въ этомъ дѣлѣ. Вотъ вы все говорите „продавать да продавать“, а нынѣ такъ ухитряются, что, повидимому, и продаютъ товаръ, да изъ лавки его не выпускаютъ. Все зависитъ только отъ умѣнья и ловкости, а это все достигается рядомъ опытовъ, а чтобы сдѣлать опытъ, надо сдѣлать рѣшительный шагъ. Вотъ эти барыни и шагнули, да какъ, чуть не пять тысячъ верстъ сразу. Да напустить на васъ Аллахъ премудрости, храбрый барыни! Нѣтъ, это не дормезъ, а впрочемъ, ничего не разберешь; пыль поднялась такая!..

Бурченко протеръ стѣкла бинокля и опять приставилъ его къ глазамъ.

— Онѣ самыя!..

— Брже?!..

Ледоколовъ вскочилъ тоже на козлы и взялъ бинокль изъ рукъ своего путевого товарища.

Оригинальный видъ представлялъ распряженный тарантасъ, стоящiй посреди необозримой, гладкой, какъ море, степи, и эти

двѣ бородатыя фигуры, въ парусинныхъ пальто, взобравшіяся на козлы, наблюдавшія съ сосредоточеннымъ вниманіемъ что-то такое, что опять скрылось изъ глазъ, заслоненное густымъ пыльнымъ облакомъ.

Чуть слышно доносился свистъ ямщиковъ-киргизовъ. Темная, тяжелая масса, поскрипывая и позванивая разболтавшимися гайками, медленно ползла по дорогѣ.

Ледоколовъ поправилъ рукою свою бороду и страхнулъ съ нея завязшую соломенку; Бурченко справился, все-ли у него застегнуто.

Ближе и ближе подвигался чудовищный экипажъ. Теперь ясно уже было видно, что это такое; всякое сомнѣніе исчезло. Это не былъ дормезъ госпожи Брове и ея дочери.

Легкая досада промелькнула на лицѣ Ледоколова.

— Однако, слѣземъ съ козелъ, на всякій случай, предложитъ Бурченко.

Большая колмага, въ родѣ тѣхъ еврейскихъ фуръ, которыя попадаютъ частенько въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, на деревянныхъ осяхъ и бычьихъ колесахъ, запряженная четверкою верблюдовъ, приближалась къ станціи. Верблюды были запряжены по-парно: пара въ дышлѣ и пара впереди. Передняя пара, должно быть, сильно притомилась и начала приставать, потому что „лаучи“ слѣзъ съ горбовъ одного изъ верблюдовъ этой пары и, перекинувъ поводья черезъ плечо, шелъ впереди пѣшкомъ и тащилъ усталыхъ животныхъ. На задней парѣ сидѣлъ другой „лаучи“ и дремалъ. Плоская крыша этой колмаги была завалена узлами, перехваченными накрестъ веревками; изъ боковыхъ отверстій, служащихъ для входа и выхода или, вѣрнѣе, для впазу и вылазу, торчали углы подушекъ въ ситцевыхъ наволочкахъ, торчала даже женская нога, обутая въ полосатый синій чулокъ и красную туфлю безъ задка.

— Это что за явленіе? удивился Ледоколовъ.

— А вотъ узнаемъ... Во-первыхъ, это верблюды не почтовые; видимое дѣло, они ѣдутъ на долгихъ. Гдѣ-же это мы ихъ обогнали и не видѣли?

— Ночью какъ-нибудь, должно быть.

Колмага дотащившись до станціи, остановилась. Лаучи, молча, не обращая никакого вниманія на тарантасъ и двухъ рус-

скихъ путешественниковъ, словно ихъ тутъ и не было, принялись отцѣплять постромки и выводить верблюдовъ. Внутри колымаги незамѣтно было никакого движенія; оттуда только слышался храпъ и тяжелое, носовое дыханіе спящихъ.

— Пойти поглядѣть, подумалъ Бурченко и подошелъ къ колымагѣ. Надо было встать на подножку, чтобы заглянуть внутрь. Такъ онъ и сдѣлалъ. Съ противоположной стороны въ это время лѣзъ Ледоколовъ.

Шесть женщинъ, пять молодыхъ и одна преклоннаго возраста, необыкновенно развитыхъ, ожирѣлыхъ до того, что всѣ формы лоснились, спали на перинахъ. Между жирными затылкомъ въ чепцѣ и угломъ кованнаго сундучка торчали тараканы усики и длинный красный носъ чистѣйшаго кавказскаго типа.

— Наблюдаете? произнесъ Бурченко, замѣтивъ, съ какимъ вниманіемъ созерцалъ его *vis-à-vis* эту интересную картину.

— Что-же это такое?..

— Я полагаю, это тоже горные инженеры. Однако, это уже слишкомъ! Какъ ни интересно все это, но наблюдать на такомъ близкомъ разстояніи!..

Бурченко соскочилъ съ подножки, Ледоколовъ тоже опустился на землю. Въ колымагѣ послышалась возня; нога въ туфлѣ спряталась, вмѣсто нея высунулась черномазая голова восточнаго человѣка, оглянувшись, щурился на солнцѣ заспаннныя, маслянистыя глаза, и стала вылѣзать.

— Уфъ... какъ-же жарко... послышался женскій голосъ.

— Ой, какъ-же мнѣ хочется пить, говорилъ другой женскій голосъ, — Амалать Богдановичъ, у васъ бутылка?..

— А я-же почему знаю... отвѣчалъ Амалать Богдановичъ и, замѣтивъ постороннихъ, поспѣшилъ оправить свой архалуеъ съ нашитыми на груди патронами и закрутилъ усь. — Мое почтеніе... Мы тоже проѣзжаемъ въ Ташкентъ... Здѣсь можно пить чай?.. почему-то обратился онъ къ Ледоколову.

— Отчего-же нельзя, отвѣчалъ за него Бурченко. — Въ степи просторно, и чай пить никому не возбраняется.

— Очень это хорошо... Боже мой, Боже мой! и отчего это только такъ жарко?.. У насъ, въ Шемахѣ, тоже очень жарко; въ Варшавѣ не такъ чтобы совсѣмъ; въ Петербургѣ тоже очень хорошо, тамъ не жарко...

— Не можетъ быть? удивился Бурченко.

— Нѣтъ, не жарко. Вотъ въ Ревелѣ и въ Кенигсбергѣ... тамъ опять очень хорошо. Вы бывали въ Кенигсбергѣ?

— Не случилось.

— Прекрасный городъ... Вы бывали въ Ташкентѣ?

— Въ Ташкентѣ былъ.

— Вотъ и мы ѣдемъ въ Ташкентъ... Да что-же вы спите все; вставайте, выльзайте; здѣсь будемъ пить чай и гулять будемъ немножко.

Изъ колымаги выбросили большой коверъ. Амалатъ Богдановичъ ухватилъ его за уголь и поволокъ на то мѣсто, гдѣ лежала тѣнь отъ ихъ экипажа. За ковромъ послѣдовало нѣсколько подушекъ, наволочка съ булками. За всѣмъ этимъ ползли дѣвцы, за дѣвцами пожилая дама съ самоваромъ подъ мышкою и двумя металлическими чайниками. Кавказецъ почтительно принялъ отъ нея посуду и помогъ ей спуститься на землю.

— Ставь самоваръ, Амалатъ... Пусти меня тутъ сѣсть, Баролина, произнесла почтенная дама и лѣниво, съ самой сладкою миною, расхланилась съ нашими пріятелями.

Амалатъ засуетился надъ самоваромъ, нхтя и раздувая его трубу, и осторожно закупоривалъ боченокъ, изъ котораго наливалъ воду.

— А нельзя будетъ полюбопытствовать, обратился Бурченко къ восточному человѣку, — что именно вы предполагаете устроить въ Ташкентѣ?..

— Новый ресторанъ.

— Ну, а вотъ эти барыни, что-же будутъ дѣлать?

— Будутъ подавать господамъ кушанье и играть на арфѣ, серьезно отвѣтила за своего мужа Августа Ивановна.

— А что, позвольте теперъ васъ спросить... обратился, въ свою очередь, восточный человѣкъ къ малороссу.

— Что прикажете?

— Когда вы изволили быть въ Ташкентѣ, не было тамъ еще ресторановъ?

— Такихъ, какъ вашъ, еще не было, да и теперъ нѣтъ. Вы первый.

— Ой, какъ-же это хорошо. Слышите, Августа Ивановна, мы первые.

— О!.. ослабилась почтенная дама.— Вы, господа, къ намъ, пожалуйста, заходите, когда мы устроимся...

— Непремѣнно...

— А близко здѣсь аулы? спросилъ киргиза Бурченко.

— Должно быть, недалеко. Вотъ видишь солнце? Оно теперь уже на низъ пошло, какъ дойдетъ совсѣмъ до земли, можно назадъ успѣть вернуться.

— Ну, поѣзжай въ аулъ.

— Зачѣмъ-же ты въ аулъ посылаешь?

— А по своему дѣлу. Сдѣлаешь, цѣлковый дамъ.

— Что-же тебѣ тамъ надо?

— Скажи тамъ, г. бѣю, или кто тамъ есть постарше, чтобы прислалъ сюда лошадей или верблюдовъ отвезти нашъ тарантасъ въ аулъ. Скажи, молъ, купцы ѣдутъ; хотятъ у нихъ погостить.

— Купцы? киргизъ подозрительно посмотрѣлъ на проѣзжихъ.

— Извѣстно, купцы, а ты думалъ: чиновники?

— То-то. Ну, я тамъ скажу. Давай цѣлковый.

— Половину на, а остальную когда приведешь лошадей. Ты скажи имъ, что я за лошадей тоже заплачу, слышишь?

— Слышу-у... Эхъ!.. далеко какъ аулъ, очень далеко, и такъ далеко, что не хочется ѣхать.

Киргизъ лѣниво потянулся и сдѣлалъ видъ, будто собирается прилечь.

— Вѣдь экая хитрая свинья, ты-же вѣдь говорилъ, что близко, что къ солнечному закату назадъ вернуться можно?

— Да какъ ѣхать; если уже очень гнать... Да нѣтъ, у меня верблюды очень устали. Не поѣду.

— А, ну, хорошо-же, такъ я самъ поѣду.

Бурченко выбиралъ глазами между лежащими верблюдами, котораго-бы взять. Темно-бурый наръ, недавно только остриженный, почему-то ему приглянулся больше прочихъ. Онъ подошелъ и взялъ за волосяной арканчикъ, продѣтый въ надорванный поводри животнаго.

— Кой (оставь), не твой верблюдъ! крикнулъ киргизъ.

— Ладно, испорчу—заплачу.

Малороссъ дернулъ за поводъ и издалъ гортанный хриплый звукъ, которымъ обыкновенно поднимають верблюдовъ на ноги. Въ ту минуту, когда животное подобрало задъ, чтобы подняться, Бурченко вскочилъ на сѣдло и верблюдъ поднялся вмѣстѣ съ всадникомъ.

— Ну, прощай, до свиданья товарищъ! крикнулъ Бурченко и тронулся.

— Вѣдь вы не знаете дороги? крикнулъ ему вслѣдъ Ледоколовъ.

— Въ степи надо знать только, въ какую сторону ѣхать; а это я знаю.

— Смотри, Малликъ, какъ-бы тебѣ не вышло чего; остерегь пожилой лауча молодого товарища.—Пожалуется тамъ бію, что ты его не послушалъ.

— Эй, шайтанъ аттаназинсигейкъ. Я его догоню.

— Садись вотъ на этого, да догоняй. Поѣзжайте лучше вмѣстѣ.

Киргизъ поднялъ другого верблюда, сѣлъ и пустился тяжело, развалистою иноходью догонять Бурченко. А тотъ далеко уже видѣлся въ степи, безпрестанно погонялъ своего верблюда ударами нагайки, уже чуть мелькалъ въ пыли бѣлою спиною своего парусиннаго балахона. Ледоколовъ взялъ бинокль и наблюдалъ обоихъ всадниковъ. Расстояніе между заднимъ и переднимъ все становилось меньше и меньше, наконецъ, они сошлись; поспорили, должно быть, помахали руками. Бурченко вернулся, а киргизъ исчезъ совершенно изъ глазъ, погнавъ своего верблюда туда, гдѣ были аулы.

— Фу, какъ раскачалось... отвѣкъ, произнесъ Бурченко, слѣзая съ верблюда.

Амалатъ Богдановичъ со всюю своею компаніей, съ недоумѣніемъ и подозрительно смотрѣли на происходившіе передъ ихъ глазами маневры. Они положительно не понимали, что это такое дѣлается. Даже самъ Ледоколовъ недоумѣвалъ немного.

— Вотъ мой планъ, говорилъ Бурченко. — Намъ приведуть лошадей; мы поѣдемъ въ аулы. Оттуда мы договоримъ кого-нибудь везти насъ степью, мимо почтоваго тракта, отъ аула къ

аулу и т. д. Если мы будемъ и медленно двигаться, то, по крайней мѣрѣ, путешествіе наше будетъ интереснѣй. Да еще это вопросъ: медленно-ли?

— Позвольте васъ попросить съ нами чай кушать, подошелъ къ нимъ Амалія Богдановичъ.

— Пожалуйте, господа, съ пріятнѣйшей улыбкою протянула Августа Ивановна.

— Помилюйте, въ такомъ пріятномъ обществѣ.

Бурченко подставилъ локоть Ледоколову, тотъ взялъ его подъ руку. Они подошли къ ковра. Эмма, Матильда, Розалія и Баролина пораздвинулись и дали мѣсто гостямъ.

XI.

Грозныя вѣсти.

Только-что начало заходить солнце и въ степи посвѣжѣло, какъ съ той стороны, куда уѣхалъ лауча, посланный опытнѣмъ степнякомъ, показалась довольно большая группа верблюдовъ, рѣзкимъ пятномъ обозначаясь на красномъ фонѣ заката. Верблюды шли скоро, рысцою — ясно, что они были на-легкѣ, безъ вьюковъ; виднѣлись два или три всадника; впереди-же всѣхъ катилъ посланный лауча, издали еще давая знать рѣзкимъ крикомъ о своемъ приближеніи.

Дамы хотя и были предупреждены Ледоколовымъ о томъ, что послано въ аулы за верблюдами и что, вѣроятно, ихъ скоро приведутъ, все-таки перетрусили при видѣ быстро-приближающейся кавальгады и съ визгомъ полѣзли въ свою фуру. Даже храбрый кавказецъ пожелтѣлъ и оттопырилъ губу; онъ всталъ на подножку фуры и нѣсколько разъ повторялъ: „ахъ, Амалія Ивановна, я не знаю, что это... пожалуйста, поищите мой кинжалъ: онъ тамъ гдѣ-то, между подушками...“.

Съ верблюдами пріѣхало еще человекъ пять любопытныхъ киргизъ; всѣ они похаживали мимо фуры, полы которой были спущены на всякій случай... Амалія Богдановичъ глядѣлъ испуганнымъ зайцемъ и вздрагивалъ каждый разъ, когда кто-нибудь изъ прибывшихъ черезчуръ уже близко подходилъ къ экипажу или-же обнаруживалъ свое намѣреніе заглянуть: да что-же тамъ

внутри, о чемъ такъ хорошо рассказывалъ лауча, что вызвалъ ихъ изъ аула?

Долго спорилъ и убѣждалъ пріѣхавшихъ Бурченко, стараясь доказать, что до ихъ ауловъ близко и что довести ихъ туда не можетъ стоить по пяти цѣлковыхъ съ верблюда, какъ заломили киргизы. Тѣ настаивали на своемъ, уступали понемногу и потомъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, возвращались къ прежнему требованію. Наконецъ сладились, и то потому только, что малороссъ обѣщалъ самъ поѣхать въ аулы и нажаловаться на нихъ бію, а-то-такъ и самому губернатору, какъ доѣдетъ до „большого города“.

Порѣшили по рублю за каждаго верблюда и принялись запрягать ихъ въ легенькій тарантасъ Ледоколова.

— Тутъ и одному везти нечего, а вы мнѣ шестырехъ напутьваете; только повозку поломаете! убѣждалъ Бурченко.

— Тяжелая арба! лаконически отвѣчалъ коренастый, полуголый киргизъ и, какъ-бы въ доказательство своихъ словъ, однимъ плечемъ приподнималъ на полъ-аршина отъ земли задокъ экипажа со всѣми привязанными тамъ чемоданами.

Долго возились, спорили, шумѣли, наконецъ тронулись. Верблюды оказались никогда неходившими въ упряжкѣ и чуть не разнесли по кускамъ тарантасъ. Дѣлать было нечего—пришлось ограничиться только двумя верблюдами и отиречь четырехъ; деньги, впрочемъ, получены были за всѣхъ, да еще впередъ, на томъ основаніи, что, какъ заявилъ одинъ изъ киргизовъ, ведшій переговоры, „вашему брату, русскому, нельзя вѣрить ни на вотъ столько“, причемъ онъ показалъ на своемъ пальцѣ, на сколько именно нельзя вѣрить русскому.

— И обидѣться не смѣешь, ибо они резонъ имѣютъ, замѣтилъ Бурченко.

Товарищи подошли къ фурѣ, пожелали дамамъ счастливаго пути и благополучнаго прибытія на мѣсто дѣйствія, раскланались и сѣли въ тарантасъ. На каждаго изъ верблюдовъ сѣло по киргизу; конные тоже прихватили ихъ своими арканами. Верблюды нутливо озирались, ежились и вотъ-вотъ норовили шархнуться въ разныя стороны.

Тронулись.

— Съ этой минуты мы начинаемъ путешествовать по новому

методу, произнесъ Бурченко, — и, повѣрьте, въ накладѣ отъ этого не будемъ.

— Я отдаюсь въ полнѣйшее ваше распоряженіе и преклоняюсь передъ вашею опытностью, отвѣчалъ ему Ледоколовъ.

— Путевой, только путевой, поскромничаль малороссъ. — Однако, они подхватываютъ! Смотрите, если мы часа черезъ два не будемъ въ аулахъ.

Было темно и тарантасъ прыгалъ по кочкамъ, скрипѣлъ и сильно покачивался. Ъхали безъ дороги, цѣликомъ степью; кусты колючки и бурьяна шуршали и петрескивали, попадая подъ экипажныя колеса; упряжные верблюды вздыхали, пыхтѣли и подбрыкивали на-ходу, когда тарантасъ набѣгалъ на нихъ и свободно подвязанныя оглобли задѣвали по цыбатымъ ногамъ животныхъ. Раза два верблюды распрягались или-же обрывали постромки; тогда приходилось останавливаться; начиналась опять возня съ упрямыми животными; для того, чтобы запретъ ихъ, надо было класть ихъ на землю и надвигать къ нимъ тарантасъ руками. При усилившейся темнотѣ эта операція занимала очень много времени. Раза два тарантасъ крякнулъ чрезвычайно подозрительно.

— Я боюсь, какъ-бы намъ не пришлось бросить нашъ тарантасъ за негодностью и продолжать путь на вьюкахъ, заявилъ свое опасеніе Ледоколовъ.

— Все случается... утѣшилъ его Бурченко.

— Что это: аулы?

Впереди что-то чернѣло и слышались голоса.

— Аулы ваши, что-ли, вонъ виднѣются? переспросилъ у ближайшаго киргиза Бурченко.

— Какіе аулы?—нѣтъ, то не аулы: аулы еще далеко, отвѣчалъ киргизъ, приглядываясь впередъ.

— Что-же это тамъ?

— Это? — караванъ.

— Да развѣ здѣсь дорога?

— Нѣтъ дороги. Это изъ нашихъ ауловъ чиновниковъ въпроваживаютъ.

— Какіхъ чиновниковъ?

— А развѣ мы знаемъ какіхъ? Вы лучше знаете.

— Ничего не понимаю!..

Караванъ приближался. Можно было рассмотреть, что это тоже были какіе-то экипажи, запряженные лошадьми и верблюдами; ихъ конвоировали человекъ двадцать конныхъ. Всадники были вооружены и на болѣе свѣтломъ фонѣ неба чернѣлись тонкія черточки киргизскихъ пикъ. Колокольчики брэнчали подъ дугами тѣхъ тарантасовъ, которые были запряжены лошадьми; слышалась протяжная, монотонная киргизская пѣсня; слышался какой-то подвыпившій, хриплый тенорокъ, отхватывающій:

«Ой, барыня, барыня,
Сударыня-барыня!»

— Что такое за чиновники? сталъ приглядываться Ледоколовъ.

— Комиссія какая-нибудь специальная; теперь онъ въ ходу, эти комиссіи-то, высказалъ свое предположеніе Бурченко.

Поѣзды поровнялись.

— Стой! Что за люди? крикнулъ съ козелъ передняго тарантаса казакъ-оренбуржецъ.

Должно быть, онъ сдѣлалъ этотъ окликъ по приказанію сидящаго въ экипажѣ, потому что передъ этимъ онъ нагибался съ козелъ назадъ и выслушивалъ почтительно чей-то полушепотъ.

— Эй, придержи своихъ верблюдовъ, тамыръ, остановилъ своего возницу Бурченко. — Купцы по своимъ дѣламъ! крикнулъ онъ въ отвѣтъ на окликъ.

— Стой, стой! кричалъ казакъ.

— Стой, стой! Да остановитесь-же вы, дьяволы! послышались голоса изъ другихъ экипажей.

— Это еще что за нахальство! чуть не вскрикнулъ Ледоколовъ и поднялся на ноги.

— Успокойтесь, это не къ намъ относится, удержалъ его товарищъ: — это они на своихъ возницъ кричать.

— Чего стой? — гайда, гайда! Не надо „стой“, гайда дальше! подскакалъ къ переднему тарантасу конный киргизъ.

— Я стрѣлять буду, каналья: стой, тебѣ говорятъ! высунулась изъ экипажа темная фигура въ шинели и въ фуражкѣ съ кокардой.

— Не можешь ты стрѣлять! Гайда, ступай впередъ!

Казакъ на козлахъ вырывалъ возжи изъ рукъ киргиза-ямщика, тотъ не давалъ и нахлестывалъ лошадей. Лошади бились и

рвались изъ упряжи. Изъ другихъ тарантасовъ повыскакали пассажиры и подбѣжали къ переднему экипажу. Подвыпившій теппоръ дотянулъ до конца свою „Барыню“. Два сильно шатающихся кителя подошли къ тарантасу Ледоколова.

Оба поѣзда остановились.

— Ничего не понимаю... какъ-бы про себя шепталъ Ледоколовъ.

— Догадываюсь, догадываюсь... такъ-же точно бормоталъ Бурченко.

— Господа купцы, вы-это куда? произнесъ одинъ изъ шатающихся кителей.

— Въ аулы, отвѣчалъ малороссъ.

— На свою погибель?

— Какъ такъ?

— Назадъ, назадъ скорѣе, если вамъ жаль вашихъ головъ!

— Бунтъ... да какой!.. таинственно предупреждалъ другой китель, пытаясь стать на подножку экипажа, но никакъ не попадая ногою куда слѣдуетъ.

— Гдѣ, кто?

— Однако, это новость! удивился Ледоколовъ и, признаться, немного струсилъ. — Вотъ штука!

— Господа, я долженъ васъ предупредить, вѣжливымъ, пріятнымъ, самымъ, впрочемъ, официальнымъ баритономъ заговорила изъ своего экипажа фуражка съ кокардой, — вся степь въ возстаніи и вы не въ безопасности. Мой совѣтъ...

— Удирайте скорѣе, да и все тутъ! перебилъ одинъ изъ кителей.

— Знаете, пока это еще не разошлось... пока-что... подвернулся сбоку не-то мундиръ, не-то охотничій кафтанъ (въ потемкахъ нельзя было разобрать).

— Да гдѣ-же возстаніе? Мы положительно ничего не слышали! удивлялся Бурченко. — Тамъ все такъ покойно...

— Я вамъ это сообщаю, я предупреждаю васъ, а впрочемъ, какъ угодно! обидѣлась немного фуражка.

— Поворачивайте оглобли и утекайте съ нами, шепталъ китель.

— Я не знаю, впрочемъ, съ какими цѣлями вы ѣдете... не безъ двусмысленности говорила фуражка.

— Послушайте, а можетъ, и въ самомъ дѣлѣ опасность серьезная? тихо говорилъ Ледоколовъ.

— Пустяки! Это повтореніе стараго. Я уже понялъ, въ чемъ дѣло.

— Мы арестованы, заявилъ одинъ изъ кителей.

— Да-съ, въ плѣну, пояснилъ неопредѣленный костюмъ.

— Куда-же это васъ везутъ — въ Хиву, что-ли? улыбнулся Бурченко.

— А не знаемъ, право...

— Выведемъ на большой трактъ и пустимъ! объяснилъ, наконецъ, конный киргизъ ломанымъ русскимъ языкомъ.

Онъ понималъ, о чемъ говорили между собою встрѣтившіеся, и все время переводилъ содержаніе разговора своимъ товарищамъ. Въ это-же время онъ допрашивалъ киргизовъ, везшихъ Ледоколова и Бурченко, и, повидимому, остался доволенъ результатами своего допроса.

— Странный плѣнъ! удивился Ледоколовъ.

— Ну, господа, счастливаго вамъ пути! Каждый ѣдетъ разною дорогою: вы — въ плѣнъ, мы — въ возставшія степи, раскланялся Бурченко.

— Ваша фамилія? строго и холодно полюбопытствовала фуражка.

— Бурченко, — къ вашимъ услугамъ; а товарищъ мой... — вы позволите назвать себя?

— Ледоколовъ, поспѣшилъ предупредить его товарищъ.

— Гм, понимаю... произнесла фуражка и откинулась внутрь экипажа.

«Шла барыня по мосту,
Полна шляпка хворосту...»

опять началъ теноръ.

— А что, господа, не можете-ли вы подѣлиться табакомъ: у меня весь вышелъ, а въ степи, вы сами понимаете... попросилъ неопредѣленный костюмъ.

— Съ удовольствіемъ, произнесъ Ледоколовъ и вытащилъ ящикъ съ сигарами.

«Ай, барыня на печи,
Суетъ въ карманъ кирпичи...»

— Развеселые плѣнники!

„Дѣло“, № 4.

— Эй, лучше-бы вернуться!

— Гайда, гайда! опять начались понуканія конвоирующихъ киргизовъ.

— Прощайте!

— Счастливой дороги!

Поѣзды разѣхались и долго еще слышались въ степи звонъ колокольчиковъ и крики: „гайда, гайда!“ — и севозъ все это прѣзывались по временамъ забористые куплеты „Барыни“.

— Все-таки, я рѣшительно не понимаю, въ чемъ дѣло, говорилъ Ледоколовъ, прислушиваясь къ этимъ удаляющимся звукамъ.

— Въ аулѣ все узнаемъ подробно.

— Но, послушайте, все это такъ странно... Ну, ежели и въ самомъ дѣлѣ?

— Старня пѣсни!..

— Жаль, что вы не спросили хорошенько этихъ киргизовъ.

— Они вамъ то-же-бы сказали, что и я сейчасъ говорилъ: прїѣдете, молъ, въ аулы, все сами узнаете. А что, тамыръ, далеко еще до вашихъ ауловъ?

— Вонъ они!..

Киргизъ, сидящій на козлахъ, протянулъ руку съ ногойкою и указалъ вдаль, на самомъ горизонтѣ, красныя пятна кострового зарева.

— Ха-ха-ха!.. вдругъ расхохотался Бурченко.

— Чего вы?

— А вспомнилъ я о нашихъ барыняхъ, что сидятъ теперь на станціи. Теперь онѣ нашли себѣ надежную охрану. Вѣдь вся эта комиссія поѣхала въ ту сторону.

— Вотъ банкетъ зададутъ, на травѣ-то!

— „Грань плезиръ!“ вспомнилъ Бурченко. — Тихе вы подъ горку-то!

Тарантасъ перебирался черезъ некрутую степную балку. Темныя горбатныя массы паслись по сторонамъ. Неподалеку заржала лошадь... другая, третья... Доносились голоса... Тарантасъ поднялся на противоположный высокій берегъ балки.

Громадные широко-раскинувшіеся аулы, освѣщенные сотнями костровъ, оживленные, шумные, открылись передъ глазами путе-

шественниковъ. Густые столбы дыма, снизу красные, сверху освѣщенные только что поднявшейся луною, клубились надъ аулами. Пестрая толпа, — преимущественно женщины въ высокихъ бѣлыхъ турбанахъ, — стояла на дорогѣ и дожидалась прибытія тарантаса. Черные, законченные, пузатые, совершенно голые съ торчащими на бритыхъ головахъ косичками кричали, кубыркали и орали по обѣимъ сторонамъ экипажа.

— Гей! гей! весело кричали киргизы-конвой.

Рѣзкій свистъ и отвѣтные крики: гей, гей! неслись имъ на встрѣчу.

— Ну, вотъ мы и въ центрѣ возставшихъ ауловъ! произнесъ Бурченко.

Тарантасъ остановился.

ХП.

Курьезный документъ.

Не успѣли пріѣзжіе выйти изъ экипажа, какъ ихъ со всѣхъ сторонъ окружили любопытные, жадные до всякихъ новостей ко-човники.

— Откуда Богъ принесъ?

— Что привезли?

— Чего вамъ у насъ надо?

— Проваливайте, откуда пріѣхали!

— Бъ намъ идите, гости божьи будете.

— Намъ, дѣвкамъ, подарковъ наготовили много?

— Гдѣ-жъ товары ваши?

Посыпались со всѣхъ сторонъ самые разнообразныя вопросы и заявленія.

— Вотъ такъ атака! произнесъ Ледоколовъ, пятясь назадъ жъ тарантасу.

— Да дайте-же дорогу, чего пристали... Ну, здорово, здорово. А ты щипаться, жирная эдакая! Ой! да ну васъ, черти!.. Пусти, что-ли!.. слышался голосъ Бурченко. — Что, братъ, заревѣлъ!.. не лѣзь подъ ноги, босоногій!.. нагнулся онъ куда-то внизъ. — Ну, дорогу-же, говорятъ вамъ...

Нѣсколько женщинъ полѣзли въ тарантасъ и начали тамъ рваться. Бурченко замѣтилъ это обстоятельство.

— Эй, эй вы тамъ, не трогать! крикнулъ онъ любопытнымъ красавицамъ. — Слышь ты, тамыръ, обратился онъ къ одному изъ киргизовъ, пріѣхавшихъ съ ними; — посторожи, братъ; поблагодарю послѣ... Разгони ихъ, пока я къ бію схожу!..

— Ладно, согласился киргизъ и принялся разговяять женщинъ, пустивъ въ ходъ: брань, кулаки и даже неизбѣжную ногойку „камчу“. Впрочемъ, все это дѣлалось безъ всякаго озлобленія съ той и другой стороны.

Молодой джигитъ, весь въ красномъ, съ пашкою „влынчемъ“, засунутою за поясомъ, протокался къ нашимъ пріятелямъ.

— Аманъ исеиъ сызъ? (здоровы-ли вы?) привѣтствовалъ онъ пріѣзжихъ.

— Здравствуй, братъ, отнесся къ нему Бурченко. — Выручи ты насъ, ради Аллаха, видишь, какъ пристали эти сороки... просто не даютъ ходу!..

— Бабы! прирзительно пожалъ плечами красный джигитъ. — Ну, идите за мною. Султанъ Забыкъ въ свою кибитку зоветъ васъ.

— Пойдемте къ султану Забыку, пригласилъ своего товарища Бурченко и они тронулись сквозь толпу, раздавшуюся при появленіи „краснаго“ и еще человекъ трехъ вооруженныхъ джигитовъ.

Мягкая, словно кошачья лапка, нѣжная рука ласково тронула за плечо Ледоколова, — тотъ обернулся. Красивая, смуглая, какъ дубленая кожа, дѣвушка прижималась къ нему и хотѣла что-то шепнуть ему на ухо...

— Ты мнѣ платокъ подари пестрый и нитку красныхъ шариковъ на голову. Подаришь?.. и она нѣжно смотрѣла на русскаго изъ подъ своего бѣлаго джавлука (головного убора).

Ледоколовъ ничего не понималъ и недоумѣвалъ.

— Я къ тебѣ за это прійду постель твою оправить и спяну чесать ночью. Подаришь?

— Послушайте, Бурченко... вотъ тутъ она говоритъ... я ничего не понимаю...

— Что такое?.. остановился малороссъ.

Дѣвушка фыркнула и спряталась въ толпѣ.

Сопровождаемые конвоемъ изъ четырехъ джигитовъ, путешественники выбрались наконецъ изъ толпы, прошли мимо кибитокъ, изъ подъ приподнятыхъ кошмъ которыхъ выглядывали мужскія и женскія лица, провожая русскихъ не советымъ ласковыми взглядами, прошли между двумя обширными загонами для мелкаго скота; косматыя собаки злобно рычали и лаяли, глядя на непривычные костюмы; перебрались черезъ небольшой ручей по вязанкамъ камыша и хворосту и направились къ большой бѣлой кибиткѣ, стоявшей особнякомъ отъ прочихъ, около которой собралось довольно таки народу и на длинномъ шестѣ развѣвался треугольный бѣлый значекъ, украшенный на верху конскимъ хвостомъ и увѣшанными суконными кромками. Это и была ставка Рахима-Берды, бѣя, и султана Забыка, его брата. За бѣлою кибиткою видѣлись верхушки другихъ желомеевъ и кибитокъ, гдѣ помещались ихъ семейства. Неподалеку, нѣсколько женщинъ ставили еще одну желомейку и въ то время, когда однѣ изъ нихъ устанавливали тельги и ребра крыши, другія разворачивали широкіе спитые войлоки и прилаживали къ нимъ тесьму для обвязки всей желомейки снаружи.

Луна поднялась уже высоко и ровнымъ, молочнымъ свѣтомъ заливала все волнующееся кочевье; свѣтъ костровъ оказался теперь излишнимъ; внутри-же кибитокъ ярко пылали очаги и багровые лучи высоко поднимались изъ решетчатыхъ тентюковъ (верхнихъ отверстій, предназначенныхъ для выхода дыма).

Послѣ размѣна привѣтствій и обычныхъ переговоровъ, Ледоколова и Бурченко ввели въ кибитку, на порогъ которой встрѣтилъ ихъ высокій, плотный старикъ, съ просѣдью въ клинообразной бородѣ и съ лукавымъ, словно подсмѣвающимся взглядомъ темно-карихъ косыхъ глазъ... На старикѣ былъ надѣтъ въ накидку простой верблюжій халатъ, изъ подъ котораго видѣлся разстегнутый воротъ шелковой лиловой рубахи и узорные концы шитаго пояса; на головѣ его плотно сидѣла крошечная парчевая тибетейка съ острымъ верхомъ, вся зашитая блестками и ярко сверкавшая при каждомъ движеніи старика. Это былъ хозяинъ кибитки и бѣя здѣшнихъ ауловъ, Рахимъ-Берды, человѣкъ пользующійся уваженіемъ и довѣріемъ чуть не всей степи.

За очагомъ, на почетномъ мѣстѣ сидѣлъ другой киргизъ молодой, тоже въ золотой шапочкѣ, одѣтый довольно оригиналь-

но: поверхъ длиннаго халата изъ какой-то полосатой бухарской ткани накинута была темнозеленый казакинъ, выложенный по бортамъ галунами, и на плечахъ киргиза красовались русскіе кованныя эполеты съ прапорщицей, одинокой звѣздочкою.

— Мы гостямъ всегда рады: гость—божій человекъ и посылается къ намъ всегда, какъ особенная милость аллаха... закончилъ свое привѣтствіе Рахимъ-Берды и посторонился, какъ-бы приглашая вошедшихъ пройти за очагъ.

— Благословіе всему дому вашему, семейству и всему скоту, отвѣтили Бурченко, протягивая хозяину руку.

— Если только въ головѣ у васъ нѣтъ черной мысли и на языкѣ вашемъ не коцуетъ обманъ... Миръ вамъ и счастливый конецъ вашему пути.

— Благодарю и за себя и за товарища своего, поклонился малороссъ.

— Милости просимъ; пожалуйста, садитесь! приподнялся и подвинулся влѣво обладатель золотыхъ эполетъ. Онъ произнесъ эту фразу по-русски и самодовольно улыбнулся, замѣтивъ изумленіе на лицѣ Ледоколова.

Это былъ султанъ Забыкъ, имѣющій русскій чинъ прапорщика и бывавшій по дѣламъ службы въ Оренбургѣ, Уральскѣ и даже разъ какъ-то въ Нижнемъ-Новгородѣ. По случаю своего officialнаго значенія онъ и носилъ, поверхъ туземнаго костюма, форменный казакинъ съ эполетами.

— Садитесь съ нами, еще разъ повторилъ Забыкъ и поправилъ на шеѣ красную анненскую ленту съ подвѣшенной на ней медалью.

Послѣдній жестъ онъ тоже сдѣлалъ съ расчетомъ.

Не успѣли всѣ усѣсться по мѣстамъ, какъ кругомъ послышались глухіе голоса, ропотъ; слышно было, какъ толпа вокругъ кибитки все прибывала и прибывала... Въ открытыхъ дверяхъ мелькали фигуры и поминутно заглядывали все разныя и разныя лица.

— Однако, въ этомъ шумѣ я не замѣчаю ничего утѣшительнаго, шепнулъ Ледоколовъ на ухо своему товарищу.—Вы слышите?

— Слышу, странно что-то... отвѣчалъ тотъ такъ-же тихо.— не добре—гудитъ громада... Чу—кось!..

Шумъ усиливался.

— Ата, выйди къ нимъ... Они мнѣ не вѣрятъ!.. заглянулъ въ кибитку красный джигитъ.— Тебя опять зовутъ.

— Безпокойные... проворчалъ старшій Рахимъ-Берды, крехтя поднялся съ мѣста и вышелъ.

На дворѣ затихло. Слышенъ былъ только ровный голосъ бѣи и по временамъ отдѣльные недовѣрчивые возгласы.

Бурченко стремительно всталъ, перешагнувъ прямо черезъ очагъ, помимо всякаго этикета, и вышелъ изъ кибитки.

— Куда вы?

— Я понялъ,—я это уйму сейчасъ... скороговоркою произнесъ онъ.

— Зачѣмъ тебѣ ходить? попытался было остановить его Забыкъ, но самъ поднялся съ мѣста. Его такъ и подмывало выскочить вслѣдъ за Рахимъ-Берды.

Въ кибиткѣ остался одинъ только Ледоколовъ.

— Говорятъ вамъ, что мы совсѣмъ не такіе люди... Стали бы мы иначе прѣзжать сюда къ вамъ безъ казаковъ да съ большими руками!.. слышенъ былъ голосъ Бурченко.—А ну, не вѣрите, такъ сторожите, коли не скучно... Чего?.. Что такое?.. Ладно... завтра уѣдемъ, коли верблюдовъ дадите... Нѣтъ съ нами; товары караваномъ идутъ, мы особнякомъ...

— Я въ томъ порукою... Я!.. кричалъ Рахимъ-Берды.

— Все-бы вѣрнѣе было, если-бы уѣхали... возвысился сильный молодой голосъ.

Еще пошумѣли, еще нѣсколько разъ принимался говорить Бурченко; говорилъ Рахимъ-Берды, начальнически кричалъ Забыкъ... Толпа затихала мало по малу... Наконецъ затихла совсѣмъ. Слышно было, какъ народъ расходился по своимъ кибиткамъ и, словно послѣдніе перебаты грома пролетѣвшей бури, глухо рокоталъ удаляющійся говоръ.

— Вотъ такъ митингъ... весело произнесъ Бурченко, входя снова въ кибитку;—горячія головы, чортъ ихъ дери.

— Если-бы еще немного. Я ихъ унял-бы! Я ихъ унял-бы! сжималъ кулакъ и грозилъ въ пространство султанъ Забыкъ.

Онъ гордо поднималъ плечи съ эполетами и внушительно жестикулировалъ правую руку.—Виѣстъ съ чиномъ прапорщика онъ пріобрѣлъ и совершенно начальническую осанку, хоть-бы и нѣсколькими чинами выше, такъ впору.

— Ну, ужь ты молчалъ-бы; только дѣло чуть не испортилъ, презрительно взглянулъ на него Рахимъ-Берды и, улыбаясь во весь ротъ, добавилъ: — ну, теперь, кажется, они повѣрили..

— Въ чемъ дѣло? расскажите мнѣ, Бога ради!.. обратился Ледоколовъ къ Бурченко.

— Да что, пустяки совсѣмъ. Они не хотѣли вѣрить, что мы не изъ той шайки, что дорогою встрѣтили. Хотѣли и насъ выпроваживать изъ аула. Ну, да теперь, вникая, повѣрили.

— Повѣрили, согласился Рахимъ-Берды. — Да, вотъ успокоивай народъ тутъ, какъ знаешь, продолжалъ онъ. — Пріѣхали вчера утромъ рано, только солнце всходить начало... Ну, мы ихъ приняли; думали: гости хорошіе. Не знаю я, большіе или маленькіе они люди...

— Одинъ большой, а то маленькіе... Я знаю, вставилъ отъ себя Забнѣвъ, знакомый уже немного съ градаціей официальныхъ чиновъ.

— Ну, вотъ пріѣхали они, требуютъ себѣ отдѣльныхъ кибитокъ, барановъ, молока... Все это мы имъ дали. Потомъ велѣли народъ собирать.

— Это интересно! пододвинулся поближе Бурченко.

Онъ подстрочно переводилъ все своему товарищу. Султанъ тоже, на сколько могъ, до-нельзя коверкая русскій языкъ, помогать ему въ этомъ.

— Я было не хотѣлъ народъ собирать; догадывался уже, что ничего путнаго изъ этого не выйдетъ, да вѣдь нашихъ знаете? До всякихъ новостей какіе охотники! Ну, смотрю я, а уже весь аулъ на ногахъ; собрались сами. Тутъ и началось!.. А что-же намъ кумысу не даютъ? да пора бы и ужинать! обратился разскащикъ къ двумъ женщинамъ, еще молодымъ, очень полнымъ, заглянувшимъ было въ дверь кибитки.

— Что-же дальше-то?

— Да что, дальше говорили такія рѣчи, что и слушать нельзя было...

— Говорили, что кочевать довольно — больше нельзя... кочевать-то, виѣшался красный джигитъ, — что всѣ кибитки они казенною печатью къ степи припечатываютъ, а кто печать сорветъ, тому...

— Ну, ты не говори этого; я не слыхалъ ничего про печати, остановилъ его Рахимъ-Берды.

— Да онъ не здѣсь, а тамъ, около загоновъ говорилъ... наши всѣ слышали.

— Говорили, что пахать землю будутъ всѣ киргизы съ будущаго года, это точно, ну вотъ, что судъ у насъ и начальство будетъ совсѣмъ другое. Онъ пояснялъ мнѣ, какое именно, да я, признаться, не понялъ... Вѣдь вотъ и не дуракъ родился; прислушивался, прислушивался, — ничего не понялъ. Двое пошли кибитки считать, а сами уже ничего не видятъ; на ногахъ шаптуются и все бумагу изъ рукъ роняютъ. Такъ ничего и не считали.

— Сколько дѣвоѣ въ аулѣ, принялись считать; наши джигиты вступились; насилу розняли, опять вмѣшался красный джигитъ.

— Ну, я потихоньку собралъ стариковъ на совѣтъ: обдумать надо было, что дѣлать. Поговорили мы и порѣшили — выпроводить ихъ изъ аула откуда пріѣхали... А тутъ еще гроза поднялась: джигиты переполошились... какъ ихъ унять? Вѣдь вотъ ты самъ видѣлъ только что; опять было гудѣть начали. Долголи бѣду новую на степь навликать!.. Что мы передъ вами? Все равно, что вошь передъ верблюдомъ... Пришелъ я къ ихъ старшему и говорю ему, что я ему по душѣ совѣтую сейчасъ уѣхать и всѣхъ, что привезъ, опять съ собою забирать. Тотъ на меня какъ крикнетъ: „А, ты бунтовать!..“ и... эхъ, не хорошо... совсѣмъ не хорошо!..

— Ударилъ Рахимъ-Берды, кулакомъ по лицу ударилъ, съ таинственнымъ ужасомъ, понизивъ голосъ, произнесъ Забыкъ.

— Ловко! врякнулъ Бурченко.

— Ну, я и распорядился... Посадили ихъ силой въ ихъ повозки, джигитовъ снарядили въ конвой и отправили... Вы ихъ, я думаю, встрѣтили дорогою?

— Встрѣтили... Что-же, неужели безъ драки обошлось? Вѣдь ихъ много было, опять казаки съ ними были! удивился Бурченко.

— Нѣтъ, Аллахъ не допустилъ... они сильно оробѣли, когда къ нимъ подступили наши.

— Одинъ такъ все плакалъ, просилъ, чтобы его въ Хиву не везли только, замялся Забыкъ.

— Я говорилъ ихнему старшему, что если имъ что нужно отъ насъ, чтобы сами не ѣздили, а за мною прислали, или за кѣмъ нибудь изъ старшихъ. Мы уже знаемъ, какъ говорить съ своими. А то долго-ли до бѣды!.. Ну, да теперь они больше не прїѣдутъ! самодовольно вздохнулъ старикъ.

— Прїѣдутъ! пророчески произнесъ Бурченко.

— Не прїѣдутъ!.. у меня бумага такая есть, что не прїѣдутъ...

— Какая такая бумага?

— А вотъ я тебѣ ее покажу.

Рахимъ-Берды отперъ сундучокъ, стоящій у его постели, вынулъ оттуда кошель изъ красной кожи и началъ его разворачивать. Онъ дѣлалъ это медленно, обдуманно, тщательно раскладывая лопасти кошель у себя на колѣняхъ.

— Вотъ она—эта бумага. Смотри!

Онъ показалъ восьмушку сѣрой бумаги, тщательно исписанную узорными татарскими письменами.

— На, читай!.. протянулъ онъ бумагу малороссу.

— Читай самъ, я по вашему не умѣю, отвѣчалъ тотъ.—Читай громко, а я ужъ пойму все!

— Ну, хорошо, слушай:

„Мы, имена которыхъ стоятъ внизу, общаемъ и клянемся нашими головами, душами и самимъ Богомъ, что впередъ въ аулы „Будугай Сабуль-Урунаръ“ прїѣзжать не будемъ и никакихъ неразумныхъ словъ тамъ говорить тоже не будемъ, ибо отъ неразумныхъ словъ и неразумныя дѣла дѣлаются. Если-же мы слова своего не сдержимъ, то да низойдетъ проклятіе Аллаха на наши живныя головы...“

За этою курьезною подпискою слѣдовали подписи уже по-русски. Не трудно было догадаться, что всѣ фамиліи были вымышленныя. Внизу-же красовалась большая форменная печать, оттиснутая черною копотью. Печать эта была приложена по настоянію Рахима-Берды, и уклониться отъ этого, вѣроятно, не было никакой возможности.

— Вотъ такъ документъ! развелъ руками Бурченко и расхохотался... да какъ! на всю кибитку... и даже за ея предѣлы, потому что вслѣдъ за этимъ неудержимымъ взрывомъ самаго веселаго хохота, за кошмами послышалась возня и въ той широ-

вой щели, гдѣ соединяется крыша со стѣнками, замелькали десятки блестящихъ глазъ и послышались отдѣльные вспрыски такого-же веселаго, добродушнаго смѣха.

Подали ужинать. Цѣлый баранъ, зажаренный въ котлѣ, былъ поставленъ на треногѣ передъ гостями. Султанъ-Забнеъ взялъ ножъ, обтеръ его объ голенище своего сапога и очень ловко отдѣлили голову животнаго. Это считается самымъ почетнымъ кускомъ и предлагается только гостю. Затѣмъ, согласно степному этикету, баранъ поступаетъ въ полное распоряженіе гостя, который уже самъ отъ себя распредѣляетъ блюдо между присутствующими. Бурченко, положивъ себѣ и Ледоколову мяса въ отдѣльную миску изъ желтой глины, попросилъ хозяина избавить его отъ обязанности, налагаемой на него этикетомъ, и распорядиться ужиномъ самому. Такъ и сдѣлали.

— Какой-же товаръ вы везете? спросилъ хозяинъ своихъ гостей.

— А всякій, больше красный... Онъ другими дорогами идетъ, въ караванѣ.

— Гм!.. Что-же, хорошо торговля идетъ?

— Ничего... торговать можно.

— Плохо! неожиданно обрѣзавъ Рахимъ-Берды.

— Какъ такъ! совсѣмъ уже удивился Бурченко.

— А такъ. Это мы лучше вашего знаемъ. Вотъ ты смотри: десять лѣтъ тому назадъ, когда вы еще за Ахъ-Мечеть *) не переходили, у насъ въ кочевьяхъ, въ трехъ родахъ—четыре тысячи верблюдовъ считалось и никогда ихъ при аулахъ не было. Еще за годъ всѣхъ нанимали подъ караваны. Пріѣзжали караванъ-баши, задатки давали, и все лѣто ты-бы не увидѣлъ около ауловъ ни одного верблюда, кромѣ матокъ, да тѣхъ, что для своего обихода нужны: всѣ въ разгонъ уходили и денегъ у насъ было много. Одинъ только нашъ родъ за пятнадцать тысячъ рублей въ лѣто выручалъ за наемъ верблюдовъ. Не хватало верблюдовъ здѣсь, къ Каратовскимъ горамъ, — вонъ, вишь, куда, — вѣдвали нанимать. Ну, а теперь не то.

— Что-же, меньше требуется?

— А вотъ завтра увидишь... На степи сколько ихъ даромъ

*) Нынѣшній фортъ Перовскій.

пасется, — лишніе остались. А держимъ мы ихъ теперь меньше, чѣмъ держали прежде. Опять вотъ весною моръ на нихъ былъ; у одного меня тридцать-двѣ головы пало. А все остались не нанятые... Сколько, бишь, у насъ на нынѣшнее лѣто подъ русскіе товары ушло? обратился Рахимъ-Берды къ султану Забыку...

— Немного. Сотъ пять ушло; больше не ушло.

— Ну вотъ оно и есть. А ужъ коли вы мало своихъ товаровъ къ Бухарѣ везете, такъ и къ вамъ повезутъ ихъ не много... это вѣрно... что за торговля противъ прежняго! Кумысу, чарагымъ *), изъ старыхъ турсуковъ налей, обратился онъ къ прислуживающей женщинѣ.

— Да отчего-же это? какъ по-вашему?..

— По-нашему?.. Ги!.. отчего?.. конечно, все отъ воли Аллаха. Безъ его воли ничего не бываетъ: ни худого, ни хорошаго. Все отъ Аллаха.

Говоря это, Рахимъ-Берды такъ плутовски улыбался, что называется: себѣ на умѣ, и эти умные, смѣющіеся глаза ясно говорили: „да, какъ же, отъ Аллаха! есть когда Аллаху въ такіа дразги вмѣшиваться. Знаемъ мы — отчего, и ты самъ догадайся, коли знать тоже хочешь.“

— Ну, коли хотите спать, я вамъ велѣлъ постели постлатъ въ особой кибиткѣ. Васъ джигитъ проводить, произнесъ Рахимъ-Берды.

— Тонкій намекъ! замѣтилъ Бурченко.—Пойдите, обратился онъ къ своему компаньону.

— Да пошлетъ вамъ пророкъ самыхъ сладкихъ сновъ, напутствовалъ ихъ хозяинъ.—Досцакъ, проводи кунцовъ! кивнулъ онъ красному джигиту.

Пріятели поднялись, простились съ гостепримными старшинами и вышли. Они тотчасъ-же замѣтили около одной изъ кибитокъ свой экипажъ, охраняемый сидящимъ на козлахъ джигитомъ; около этой кибитки толпилось нѣсколько женщинъ, хихикающихъ и подталкивающихъ другъ друга при приближеніи русскихъ кунцовъ.

*) Ласкательное слово, относится только къ женщинамъ.

— Это онъ кибитку для васъ ставили; теперь подарка ждутъ, объяснилъ имъ джигить Досцакъ, заигрывая на ходу съ степными красавицами.

— Тутъ одинъ очень странный обычай есть, предупредилъ Бурченко Ледоколова. — Вы, пожалуйста, не озадачьтесь очень и будьте вѣжливымъ кавалеромъ.

— Въ чемъ дѣло?.. въ чемъ?

— А вотъ увидите.

Гости прошли въ дверь кибитки и начали осматриваться. Луна стояла прямо надъ головами и, сквозь верхнее отверстіе, ярко освѣщала всю внутренность переноснаго жилища. На войлокѣ, застилавшемъ все пространство, обнесенное телѣгами, положены были одно на другое нѣсколько ватныхъ одѣялъ и двѣ цилиндрическія полосатыя подушки. Больше ничего въ кибиткѣ не было.

— Хорошо, что они на новомъ мѣстѣ кибитку поставили, по крайней мѣрѣ, блохъ меньше будетъ, замѣтилъ малороссъ. — Ну-съ, раздѣваемся и ложимся спать.

И онъ началъ немедленно приводить въ исполненіе свое предположеніе.

— А пріятно, послѣ всѣхъ этихъ тревогъ, вытянуться эдакъ во всю длину, зѣвнуль Ледоколовъ. — Не то, что скорчившись въ тарантасѣ.

— Весьма пріятно; да вы скиньте сапоги-то.

Въ кибитку, словно тѣни, неслышно прошмыгнули двѣ женщины и, крадучись, какъ кошки, подошли къ постелямъ. Въ одной изъ нихъ Ледоколовъ узналъ ту самую, что просила у него подарка, когда тотъ только что вылѣзъ изъ экипажа.

— Что это онѣ?

Ледоколовъ вскочилъ и удивленно смотрѣлъ на своего товарища. Тотъ хохоталъ, глядя на его изумленную фигуру.

— Ничего, успокойтесь и ложитесь, а эти красавицы будутъ чесать вамъ спину и пятки. Это самая утонченная любезность относительно гостя. Да чего-же тутъ удивляться? Вѣдь Коробочка предлагала-же Чичикову послать ему дѣвку почесать пятки.

— Ну, ложись, тамыръ, ложись! нѣжно ласкалась къ Ледоколову смуглянка.

— Эхъ, хорошо, право! Это, знаете, дѣйствуетъ довольно

успокоительно, лѣниво говорилъ Бурченко. — Выше немного... вотъ такъ!.. пониже теперь, — славно!

— Хи-хи... подсмѣивалась киргизка, — а что подарить?

— А вотъ увидишь.

Онъ зѣвнулъ во весь ротъ такъ, что чуть челюсти не вывихнулъ и сталъ засыпать.

Ледоколовъ тоже рѣшилъ „въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не соваться“.

На другой день Бурченко, съ помощью султана Забыка, нанялъ верблюдовъ вплоть до Сыръ-дарьинскихъ фортовъ, и путешественники оставили „взбунтовавшіеся“ аулы. Рахимъ-Берды оказалъ своимъ случайнымъ гостямъ послѣднюю вѣжливость: онъ проводилъ ихъ верхомъ съ своими джигитами версты за десять отъ кочевья и дорогою, показывая направо и налево, все говорилъ: „Вонъ еще пасутся наши верблюды; а вонъ еще, видите, вонъ тамъ, за этою долиною? Это все остались свободные, ненаятые...“

У кургана, вершина котораго занята была старою могилою какого-то давно скончавшагося степного батря, хозяинъ и гости расстались, и каждый поѣхалъ своею дорогою: одинъ назадъ, въ себѣ въ аулы, другіе прямо въ степь, всю изжелта сѣрую, знойную, съ безконечнымъ горизонтомъ, вѣчно дрожащимъ однообразно-тононнымъ миражемъ.

ГЛАВА XIII.

Образцы самаго точнаго перевода съ киргизскаго языка на русскій.

Печальная, пустынная страна. Кругомъ, куда только ни достигаетъ глазъ утомленнаго путешественника, все одни пески — пески. То словно окаменѣвшія въ минуту бури морскія волны, то словно покойныя, гладкія поверхности озеръ, обрамленныя плоскими, низменными берегами; однообразно желтые, накаленные такъ, что едва выдерживаетъ привычная, босая нога полудикаго киргиза и трескается пересохшій рогъ конскаго копыта, — почти лишенные всякой растительности, мертвые пески...

Кое-гдѣ, сквозь песчаную кору, пробивается что-то буроватое, сухое, выгорѣвшее: это жалкіе остатки жалкой степной флоры. Тамъ и сямъ шмыгають, бороздя сыпучую почву, такія-же, безцвѣтно-желтоватныя, головастыя ящерицы и только быстрое движеніе да легкій шелестъ выдаютъ ихъ присутствіе...

И воздухъ неподвижный, иглистый, пышащій разслабляющимъ жаромъ, словно замеръ надъ мертвою мѣстностью, и не видно въ немъ ни одного облачка, ни одной летящей птицы, — словно все живое бѣжитъ отсюда и далеко обходитъ и облетаетъ это проклятое мѣсто, пробираясь въ другія, болѣе счастливыя страны.

Только человекъ проложилъ себѣ путь черезъ эту пустыню и тянется узкою полосой почтовая дорога, выбираясь на наносныя барханы, спускаясь въ ложбины, огибая сыпучіе отвесы...

Вершины двухъ закопченныхъ, темно-бурыхъ кибитокъ видѣлись изъ-за гряды песка, пересѣкающей наискось дорогу. Песокъ здѣсь былъ сильно утопанъ, на немъ видѣлись слѣды колесъ, конскій и верблюжій пометъ, кучки золы, остатки костровъ, на которыхъ прохожіе варили себѣ чай, разохшаяся ступица телѣжнаго колеса, оглоданныя кости и многое тому подобное, свидѣтельствующее о томъ, что здѣсь иногда собирается довольно многочисленное общество.

Въ одной изъ кибитокъ жили четыре казака уральца, другая предназначалась для проѣзжающихъ — это была почтовая станція, одна изъ тѣхъ, о которыхъ съ таинственнымъ ужасомъ говорятъ, еще въ Самарѣ и Оренбургѣ, вѣдушіе въ степь семейныя и не семейныя переселенцы...

Одинъ изъ казаковъ, въ одной рубахѣ, сидѣлъ у входа въ желомейку и чинилъ сѣдельный потникъ, другой варилъ что-то въ котлѣ, мѣшая щепкою, двое остальныхъ спали въ желомейкѣ, разметавшись крестообразно подъ вліяніемъ удушливаго жара. Лошади, осѣданныя и стреноженные, бродили около, подбирая своими губами какія-то былинки и обнюхивая остатки костровъ; и прислушивались онѣ по временамъ, — что за непривычный гулъ и говоръ несетя оттуда, вонъ изъ-за тѣхъ бархановъ, гдѣ, въ глубокой ложбинѣ, вырыты два степныхъ колодца, въ которыхъ ихъ водятъ поить и откуда на ихъ спинахъ привозятся тяжелыя турсуки съ солоноватою водою на разную хозяйскую потребу.

А тамъ, вотъ уже четвертый день, собралось большое и шумное общество и расположилось лагеремъ по дну ложбины, окруживъ кольцомъ сіяющія отверстія колодезь.

Слухъ прошелъ по степи, и отъ начальника, что живетъ въ Казалѣ, тоже пришли вѣсти, и взбудоражились аулы, ближніе и дальніе, выслушавъ присланныхъ изъ уѣзда гонцевъ.

Какое-то очень важное лицо должно было проѣзжать черезъ Бара-Кумы; и вотъ представители ауловъ и разныхъ кочевьевъ, кто за сто, кто за полтораста верстъ, а кто и далѣе, собрались къ почтовой станціи заявить проѣзжему свое сочувствіе и благодарить за разныя льготы и милости.

Въ рогатыхъ, войлочныхъ шапкахъ, въ мѣховыхъ малахаяхъ угрюмо сидѣли они на пескѣ, подставлявъ подъ себя конскія попоны и верблюжьи халаты. Отошальные кони ихъ стояли на приколахъ и дремали; штукъ десять верблюдовъ бродили межъ барханами, неподалеку дымился полупотухшій костеръ изъ высохшаго помета, надъ костромъ прилаженъ былъ плоскій котелъ и шевелилась въ немъ, закипая, какая-то бѣловатая масса. Кальянъ дымился кое-гдѣ и слышалось его хрипѣніе; на темноватомъ фонѣ сырого песка сверкали мѣдныя кунганы-чайники и одиноко стояли два оловянные блюда и круглый мѣдный подносъ съ черствыми, совершенно высохшими лепешками и нѣсколькими пригоршнями заллещневѣлаго изюму и кусками наколотога сахара,—это были приношенія высокому проѣзжему,—мѣстная хлѣбъ-соль, которую должны были поднести старѣйшіе изъ представителей: съдобородный Измаиль-бай, высокій, тощій, высохшій, словно мумія, и такой-же чернѣйшій Ибрагимъ-мулла, дюжій Гайкула, съ лицомъ, изборожденнымъ злою оспою, и ученый Ахматъ, знающій не только, что десять стиховъ корана, но даже умѣющій подписать свое имя цѣликомъ, тамъ, гдѣ его товарищамъ приходится по неграмотности приглядывать только своимъ сердцеобразныя, родовыя печати. Этому самому Ахмату поручено было и говорить съ начальникомъ и давать ему отвѣты за себя и всѣхъ остальныхъ представителей.

Вотъ уже четвертый день сидятъ здѣсь кочевые депутаты, скука ихъ одолѣла страшная, тоска... голодъ начинаетъ ворочатся въ ихъ выносливыхъ желудкахъ: провізія на исходѣ; изъ четырехъ барановъ, приведенныхъ для подарка проѣзжему, только два

остались: одинъ здохъ, должно быть, гадина какая укусила, а другого вчера зарѣзали... Никакъ не ожидали киргизы, что имъ придется ждать такъ долго... и въ крайности уже покусились на жизнь пешкешнаго (обреченнаго въ даръ) животнаго.

Угрюмо, тоскливо глядѣли загорѣлыя, типичныя лица. То поглядывали они на вершину бархана, гдѣ неподвижнымъ сидутомъ рисовался сторожевой киргизъ, то прислушивались они, затаивъ дыханіе, не звенятъ-ли гдѣ далекій колокольчикъ, не слышится-ли стукъ экипажныхъ колесъ по твердой, улежавшейся степной дорогѣ.

Покойно сидитъ, даже дремлетъ сторожъ: видно, ничего онъ не видитъ, кромѣ песка да знойнаго неба; ничего не слышитъ привычное ухо, кромѣ фырканья лошадей да чахоточнаго чиханія овецъ, косматыми комками свернувшихся около блюдъ съ *эль-бомъ-солью*.

И снова погружались въ нѣмое, созерцательное состояніе угрюмые киргизы, пока какой-нибудь подозрительный звукъ не выводилъ ихъ изъ этой томительной неподвижности.

— Пыль поднялась на дорогѣ. Русская арба ѣдетъ! крикнулъ сторожевой и разомъ всполошился весь лагерь.

— А, ну, слава Аллаху; дождались-таки, вздохнулъ Измаиль-бай.

— Пророкъ еще не совѣмъ прогнѣвался на насъ, произнесъ грамотѣй Ахмать.

— Ге—аттанаузенсигейнтъ! выругался не безъ удовольствія корявый Гайгула, надѣвая, поверхъ своего верблюжьяго, красный суконный халатъ, обложенный по бортамъ позументомъ.

Всѣ остальные тоже поспѣшили надѣть цвѣтные халаты.

— Стой, слушайте, что я говорить буду, слушайте! кричалъ, размахивая руками, грамотѣй Ахмать. — Сперва всѣ кругомъ становитесь, вотъ такъ: ты, мулла, здѣсь, ты, Байтакъ, сюда... Назаръ-бай правѣе, вы всѣ сзади. А ты, Измаиль-бай, ты старше всѣхъ, впереди съ блюдомъ; я около тебя, Ибрагимъ-мулла слѣва... ну такъ, хорошо...

Ахмать окинулъ глазомъ всю картину и, повидимому, остался совершенно доволенъ.

— Какъ только начну я, продолжалъ онъ, — а начну я такъ:

„Высокопоставленный, многомудрый, извергающій разумъ и благочестіе...“ Вы сейчасъ большой „хопъ“ (поклонъ) и головы внизъ, такъ и держите...

— Барановъ кто держать будетъ? спросилъ кто-то изъ молодыхъ киргизъ.

— Барановъ сюда; барановъ впередъ тащи, чтобы сразу видно было,—сюда тащи...

— Господи! пронеси грозу и пошли намъ всякія милости... Пророкъ великій, напусти мягкодушіе въ сердце большого начальника.

— *Прежній* былъ сердить, а про *этого* бѣда что говорили въ городѣ, тихо шепталъ кто-то сзади.

— Аллахъ не безъ милости...

— Никто, какъ онъ.

— Такъ всѣ и пойдѣмъ на станцію. И какъ только тура полѣзетъ изъ арбы...

— Сюда идутъ! крикнулъ испуганный, тревожный голосъ...

Холодный потъ выступилъ подъ теплыми халатами представителей. Съдобородный Измаиль-бай чуть было блюдо изъ рукъ не выпустилъ и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на заправлявшаго встрѣчею Ахмата, а тотъ, совсѣмъ растерявшись, глядѣлъ впередъ, въ ту сторону, гдѣ чернѣли верхушки станціонныхъ желомеекъ.

Ахматъ думалъ въ эту минуту: „что-же это такое? Гдѣ-же это слыхано, чтобы самъ начальникъ, самъ великом...“

Два наносные бархана сошлись почти вмѣстѣ, образовавъ между собою узкую, извилистую лошину, по дну которой шла дорожка, соединяющая станцію съ колодцами. По этой дорогѣ шли двѣ фигуры: обѣ въ простыхъ парусинныхъ пальто, въ бѣлыхъ фуражкахъ, въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ и съ дорожными сумочками черезъ плечо.

— Великій, многомилостивый, извергающій раз...

Бурченко фыркнулъ, Ледоколовъ долго крѣпился и, наконецъ, разразился неудержимымъ смѣхомъ.

Представители смутились и начали переглядываться. Подозрительные киргизы догадались, что дѣло не совсѣмъ ладно и инстинктивно почувствовали, что промахнулись.

А дѣло вышло очень просто. Таранта съ Ледоколова принять былъ сторожемъ за экипажъ ожидаемаго лица.

— А что, лошадей не дадутъ намъ? спросилъ Бурченко казака, чинившаго потникъ.

Тотъ поглядѣлъ на спрашивающаго; видитъ: не военный, цемремониться нечего.

— Извѣстно, не дадутъ, да и взять-то не откуда.

— Что-же такъ?

— Не велѣно,—генерала ждутъ.

— Вотъ какъ! что-жъ долго ждать будутъ?

— Неизвѣстно. Вонъ тамъ, у колодцевъ, давно уже ждутъ, четыре дня пятый; можетъ, еще прождутъ недѣлю.

— Это долго.

— Ничего не подѣлаешь. Приказаніе такое есть, чтобы пока генераль не проѣдетъ...

— Я предупреждалъ васъ, обратился Бурченко къ своему путевому товарищу.—Надо было все по ауламъ ѣхать: долго, зато вѣрнѣе. Ну да это для кого другого, для насъ дѣло поправимое... Кто-же это ждетъ тамъ у колодцевъ?

— Елутаты.

— Какіе депутаты?

— Отъ орды, со всякаго кочевья старшины собраны... велѣно имъ ждать и хлѣбъ-соль поднести. Вотъ они, сердечные, теперь и маются.

— Знакомые порядки... Вы видали когда степныхъ депутатовъ?

— Нѣтъ, не случилось, отвѣчалъ Ледоколовъ.

— Пойдемъ смотрѣть... это очень интересно. Я постараюсь устроить дѣло такъ, что эти депутаты помогутъ намъ въ дальнѣйшемъ нашемъ движеніи.

Спутники выдѣзли изъ тарантаса, отряхнулись, попросили казака тѣмъ временемъ вскипятить чайникъ, за что уралецъ принялся съ видимымъ удовольствіемъ: онъ сообразилъ что тутъ представится возможность и ему напиться чаю, да, можетъ быть, еще и чего другого,—и пошли по дорогѣ къ колодцамъ.

— Однако, ихъ не мало, удивился Ледоколовъ, замѣтивъ еще издали волнующуюся толпу.

— Знакомые порядки.—Вотъ посмотрите, сегодня или завтра переводчикъ съ казаками пріѣдетъ... Ахъ, шуты, они насъ за генерала приняли. Вотъ комедія.

— Не можетъ быть!

— Чего, не можетъ быть: выстроились въ рядовѣ.

Въ эту минуту грамотей Ахматъ началъ свою привѣтственную рѣчь.

— Будьте здоровы; да пошлетъ вамъ Аллахъ всякихъ благъ, произнесъ Бурченко оратору.

— Будь здоровъ и ты... сказалъ тотъ.

Киргизы окружили пріѣзжихъ.

— Ты кто-же такой? — ты вѣдь не большой тюрк? спрашивалъ Измаиль-бай.—Ты передовой отъ него, что-ли?

— Нѣтъ, мы такъ, сами по себѣ, — кто мы такіе, спрашиваютъ, замѣтилъ Бурченко товарищу.

— Понимаю.

— Мы простые люди, маленькіе, ѣдемъ по своему дѣлу...

— Савдагуръ? (купцы?)

— Купцы...

— А мы васъ за *того* приняли. Что-же, онъ скоро пріѣдетъ? Вы изъ той стороны?

— Нѣтъ, мы изъ степи, да, впрочемъ, слышали, что скоро дня черезъ два.

— Вой-вой! что-же мы ѣсть будемъ? вскрикнулъ Ибрагимъ.

— Осторожнѣй, шепнулъ ему на ухо Ахматъ, — кто ихъ знаетъ, что это за люди; можетъ...

Онъ шепнулъ ему что-то такое, отчего Ибрагимъ вдругъ замолчалъ и сталъ прятаться въ толпѣ.

— Это ты напрасно его пугаешь, замѣтилъ движеніе Ахмата Бурченко,—мы не лазутчики, а люди хорошіе, вотъ спроси, Батуйка съ нами пріѣхалъ, онъ знаетъ.

Грязный, лоснящійся отъ сала молодой киргизъ подошелъ къ толпѣ, едва передвигая ногами въ спущенныхъ шароварахъ.

— Да кто васъ тутъ разберетъ?.. недовѣрчиво произнесъ Ахматъ.—А вѣдь намъ уже не разъ доставалось; мы тоже народъ травленный.

— Осторожность не мѣшаетъ. Что-жъ, долго вы тутъ ждете-то эдакъ, всѣмъ обществомъ? Да что-же мы стоимъ,—мы следимъ.

Онъ сѣлъ на песокъ, Ледоколовъ тоже, киргизъ Батуйка легъ на брюхо, у самаго колодца, гдѣ песокъ былъ сыроватѣй и прохладнѣе; подумали, помялись киргизы и тоже усѣлись въ кружокъ.

— Долго ждемъ, лаконически отвѣтили корявый Гайкула.

— Такъ, а скучно, надоѣло, думаю?..

— Нѣтъ, такая великая особа, ждать нужно...

— Да полно грязь глотать (лгать). Вотъ намъ самимъ ждать приходится — бѣда!..

— А намъ не бѣда? проговорился Ибрагимъ-бай.

— Смерть, подхватилъ кто-то сзади всѣхъ.

— Ну, вотъ такъ-то.

— Эхъ, воодушевился разомъ Ибрагимъ-бай.—Вотъ я изъ своего аула пять дней ѣхалъ, да здѣсь пятый сижу, да, можетъ, ждать сколько буду, да назадъ пять дней, а дома, безъ хозяина, что будутъ жены дѣлать съ одними работниками... Лошади мои отощали; развѣ на этомъ корнѣ можетъ прожить скотина,—Ибрагимъ указалъ на барханы;—а съ собою взять много нельзя было, то есть оно можно, да развѣ мы знали, что насъ затѣмъ требуютъ, чтобы мы здѣсь на песокъ даромъ сидѣли.

— Конечно.

— А вотъ я выѣхалъ, слухъ такой пошелъ, перебилъ Измаиль-бай,—на „Барсуки“ пришли барантаци хивинскіе. Мой аулъ въ той сторонѣ; я ничего теперь не знаю, что тамъ дѣлается? можетъ, что такое, что... Эхъ, какъ подумую...

Слезы зазвучали въ дрогнувшемъ голосѣ старика.

— У меня перекочевка началась, говорилъ Гайкула,—а тутъ сюда вытребовали,—просто бѣда. Да и безъ бабъ скучно...

Одинъ только осторожный Ахматъ не высказывалъ никакихъ жалобъ и все еще подозрительно смотрѣлъ на русскихъ, особенно на Ледоколова, лицо котораго почему-то казалось ему болѣе официальнымъ.

— А вотъ вы возьмите да и пожалуйте начальнику, когда тотъ прійдетъ...

— Что ты!.. Мы тоже свои головы бережемъ, *этотъ* проѣдетъ въ Ташкентъ, а нашъ съ нами останется. Мы вотъ тутъ сидимъ, у себя по ауламъ, а головы наши *тамъ*.

— Какъ знаете, а мой совѣтъ: пожалуйте, все, что знаете дурного, все и расскажите...

— Не поможетъ; только себѣ бѣду наживемъ.

— Слушайте вы. Я вотъ вамъ говорить буду... Можетъ-ли быть такая сторона, чтобы только одни хорошіе люди жили? Вездѣ

бываютъ и худые и хорошіе, и пожалуй, что худыхъ больше. Вы вотъ жалуетесь, что васъ жмутъ, а самому большому начальнику сказать боитесь. Откуда-же онъ узнаеть? А вы все расскажите; тотъ, что ѣдетъ, — я знаю его, — человекъ добрый и вамъ худа не желаетъ; онъ васъ выслушаетъ, дѣло разберетъ, и тотъ кто правъ — правымъ и останется, а виноватаго, можетъ, по шапкѣ погонять. Это вѣрно.

— Да, вѣрно; вѣрно-то оно вѣрно, да страшно.

— Да по мнѣ какъ хотите; я говорю для вашей пользы. А только случая вамъ упускать не слѣдуетъ; другого такого не скоро дождетесь. Я вамъ говорю. Эти бараны у васъ для чего?

— На поклонъ привели...

— Вотъ вы жалуетесь, что провізія вышла у васъ, а это что? Зарѣзали-бы ихъ обоихъ и съѣли.

— А генералу?

— Ему этого не надо. Онъ только правду любить, а барановъ у него, пожалуй, больше вашего...

— Мы и такъ хотѣли было одного прирѣзать сегодня, да страшно было.

— Катайте безъ страха. Насъ вотъ угостите. Батуйка, кати арбу нашу сюда: все равно, тамъ толку никакого не будетъ.

Батуйка позвалъ съ собою еще одного киргиза и потащился на станцію.

Не прошло и часу, какъ Бурченко снискалъ себѣ полнѣйшее расположеніе всего общества. Бивуакъ у колодцевъ оживился, тарантасъ былъ привезенъ, баранъ зарѣзанъ и Бурченко собственноручно принялся жарить шашлыкъ, распространявшій вокругъ себя самый гастрономическій, аппетитъ возбуждающій запахъ.

Даже подозрительный Ахматъ разговорился и принялся спрашивать Бурченко о всѣхъ подробностяхъ ихъ степного путешествія.

— Вотъ видите, говорилъ малороссъ Ледоколову, — другіе скачутъ на станціяхъ, а мы вотъ окружены самымъ аристократическимъ киргизскимъ обществомъ, банкетъ вотъ собираемся учинить. Что, кипитъ вода? отнесся онъ къ киргизу Батуйкѣ.

— А у васъ тутъ важно, господа поштенные, подѣхалъ верхомъ уралецъ со станціи. Онъ гналъ передъ собою остальныхъ лошадей къ колодцамъ, для вечерняго водопоя.

— Ничего, въ намъ милости просимъ, пригласилъ его Ледо-
коловъ.

— А мы было тамъ чайничекъ вашему степенству пригото-
вили, замаялся казакъ,—тамъ, вотъ, и товарищи.

— Зови всѣхъ сюда!

— А станція какъ-же?

— Кто ее украдетъ?

— Ну, ладно, я тамъ одного на всякій случай оставлю, все
надежнѣе будетъ.

Казакъ напоилъ лошадей и погналъ ихъ къ желомейкамъ.

— Вѣдь вотъ между вами много хорошаго народа есть, наввно
произнесъ старикъ Измаиль-бай.

— А что-же вы думали, что только киргизы люди хорошіе?

— Нѣтъ, не то. За то и худые есть у васъ, такіе, что его
волкомъ назвать только можно; да что, хуже всякаго волка, отъ
того палькою отбиться можно, да онъ и робокъ...

— А эти не робки? — Бурченко усмѣхнулся, припоминая схвату
на станціи „Сары-су“.

— Эхъ, да что и говорить.

— Солдатъ вашихъ много очень шло въ прошломъ году... за-
мѣтили Ибрагимъ;—съ эмиромъ бухарскимъ вожете?

— Это не по нашей части, наше дѣло торговое, уклонился Бурченко.

— Нѣтъ, вотъ какъ наша сотня съ эсауломъ Сѣровымъ, подъ
Иваномъ въ передѣлъ попала, началъ уралець съ георгиевскою
петличкою на армячинной рубахѣ.

Онъ воспользовался случаемъ, чтобы похвастаться передъ про-
ѣзжими.

— А ты былъ подъ Иваномъ?

— Какъ-же, окружили насъ со всѣхъ сторонъ... ни взадъ,
ни впередъ.

— Да ты говори по-киргизски; вѣдь умѣешь? И они послу-
шаютъ.—Бурченко указалъ на киргизъ.

— По-киргизски не такъ складно выйдетъ, а я могу.

Послушали уральца, какъ онъ рассказывалъ про иванское дѣло.
Оказалось, что киргизскіе старшины знаютъ всѣ подробности луч-
ше самого очевидца и участника.

— У нихъ извѣстная передача. всякихъ вѣстей такъ устроена,
что вся степь узнаетъ о происшествіи, прежде чѣмъ дойдутъ поч-

товня свѣденія, пояснилъ Бурченко Ледоколову. — Лучше всякихъ газетъ, просто телеграммы, да и шабашъ.

У кого-то нашлась киргизская балалайка-саазъ, это разнообразило импровизированный вечеръ. Только жаль, что темно было совсѣмъ: огня такого, чтобы распространять свѣтъ на значительное разстояніе, нельзя было разложить, по недостатку горючихъ матерьяловъ, а сухой пометъ только тлѣветъ и, хотя даетъ значительный жаръ, за то не даетъ свѣту. Верблюдовъ собрали и уложили рядами, подсыпавъ имъ подъ морды саману (рубленой соломѣ) и начали укладываться спать. Ледоколовъ съ своимъ товарищемъ опять забрались въ тарантасъ.

Весь лагерь погрузился въ глубокой сонъ: заснули люди, заснули верблюды, тяжело вздыхая во снѣ и пережевывая свою вонючую жвачку, заснули и лошади, растянувшись на пескѣ... а изъ-за бархана, въ глубокой темнотѣ мелькнула пара огненныхъ точекъ, мелькнула еще одна, еще... то поджарые, степные волки, почуявъ мясной запахъ, подобрались потихоньку къ лагерю и поглядывали издали на удѣлѣвшую, единственную овцу, не рѣшаясь очень ужъ близко подходить къ такому многолюдному сборищу.

Къ разсвѣту поднялась тревога на станціи: пріѣхалъ переводчикъ изъ Казалы, съ нимъ пришла полу-сотня казаковъ и привели упряжныхъ казачьихъ лошадей для подъема генеральскихъ экипажей, — роскошь, которую дозволяли себѣ только самые крупные сановники; остальные-же должны были довольствоваться загнанными и все еще полудикими, киргизскими лошадьми и верблюдами.

Въ этомъ краѣ созданъ совершенно оригинальный, административный типъ переводчика, лица, повидимому, самого незначительнаго, по роду своей служебной дѣятельности, но на самомъ дѣлѣ не такого маловажнаго, какъ это кажется сначала. Тамъ, гдѣ власть находится въ рукахъ лицъ, незнакомыхъ съ мѣстнымъ языкомъ, переводчикъ-толмачъ — все: онъ не только передатчикъ воли и распоряженій начальства, онъ безконтрольный истолкователь того и другого. Онъ неизбежный посредникъ между жалующимся и лицомъ, которому приносится жалоба, онъ докладчикъ по всякому дѣлу, возникшему между туземцами. Киргизъ, вовсе незнающій русскаго языка, русскій, незнающій киргизскаго, — переводчикъ между ними, и ему открывается обширное поприще

эксплуатировать и того и другого. Сами они всё безъ исключенія азіаты, получившіе свое образованіе въ Россіи. Хитрые и пронырливые, они, съ арабской покорностью и предупредительностью, почти пресмыкаются предъ представителями русской власти и надменно, съ самымъ наглымъ презрѣніемъ, отпослется къ зависающимъ отъ нихъ туземцамъ...

Понятно, что всякій туземецъ, иждѣющій хотя какое-нибудь дѣло до представителя русской власти, спѣшитъ снискать расположеніе и покровительство толмача; въ этомъ покровительствѣ залогъ къ успѣху, и ничего не жалѣеть степной кочевникъ, чтобы только задобрить какого-нибудь тюра-толмача Бей-Булатова, или тюра-толмача Султанъ-Кучукова и братію...

Сопровождая всюду своего начальника, который безъ переводчика не можетъ ступить шагу, онъ замѣняетъ для него все: и домашняго секретаря и письмоводителя, и адъютанта, и ближайшаго наперстника во всѣхъ интимныхъ сдѣлкахъ, и мало по малу, переводчикъ, забирая въ свои руки концы отъ разныхъ запутанныхъ узелковъ, крѣпко держитъ эти концы въ своихъ цѣпкихъ рукахъ, знаа, что этимъ самымъ онъ держитъ въ рукахъ своего патрона, а значить, становится лицомъ, на дѣлѣ первенствующимъ, хотя, при разныхъ официальныхъ выходахъ, занимающимъ самую пассивную роль.

Вотъ такой-то переводчикъ и пріѣхалъ на разсвѣтъ на станцію и, пригрѣвшись подъ теплою шинелью военнаго покроя, зѣвалъ и потягивался, лежа въ своемъ тарантасѣ.

Конвойные казаки вываживали усталыхъ, замыленныхъ лошадей, станціонные казаки возились у огня, кипятя для пріѣзжаго воду; урядникъ, — онъ-же и временной смотритель почтовой станціи, — почтительно стоялъ у подножки экипажа, неловко приложивъ кисть правой руки къ надорванному козырьку своей фуражки.

— Кто такіе? слышался изъ тарантаса охрипшій отъ сна и выпивки голосъ.

— А не можемъ знать, — говорятъ, купцы.

— Гмъ, изъ Оренбурга, что-ли?

— Не сказывали.

— Что-же раньше генерала, что-ли, выѣхали, или обогнали гдѣ на пути?

- Изъ степи пріѣхали, не по тракту; на вольныхъ.
- Что за чортъ! Гдѣ-же они теперь?
- Тамъ, съ епутатами у колодцевъ, прикажете позвать?
- Позови...
- Ей, Мионовъ, бѣги въ колодцамъ, скажи купцамъ: начальникъ, молъ, требуетъ, чтобы живо!
- Одинъ изъ казаковъ побѣжалъ въ колодцамъ.
- Гмъ, что-то подозрительно, что такіе за купцы?
- Одежа нѣмецкая, съ лица словно какъ не изъ простыхъ...
- Понятся приготовь...
- Пожалуйте-съ.

Худенькая черномазал фигура, съ азіятскимъ типомъ лица, съ заспанными, оплывшими глазами, прорѣзанными нѣсколько на-искось, въ форменномъ грязномъ кителѣ съ оберъ-офицерскими погонами и въ шароварахъ туземнаго покроя, приподнялась въ тарантасѣ, осмотрѣлась и занесла ногу черезъ облучекъ, ощущывая экипажную ступеньку.

— Подмести хорошенько вокругъ кибитокъ; золу убрать! это что тамъ за падалъ валяется? оттащить подальше, чтобы не видно было! распорядился переводчикъ, сидя на облучкѣ,—Баулинъ, чай завари, водку достань изъ погребца...

Распорядженія черномазаго человѣчка исполнялись быстро.

— Къ полудню районный начальникъ пріѣдетъ генерала встрѣчать. Самъ генералъ къ ночи быть долженъ по нашему расчету. Тамъ ковры привезены; постлать ихъ въ желомейѣ и стулья поставить складныя. Да что-же купцы не идутъ?

— Мионовъ, что-жъ ты; что-же купцы? засуетился урядникъ, замѣтивъ вернувшася посыльного.

— Да не идутъ, замялся тотъ.

— Какъ не идутъ! кинулся на него переводчикъ.

— Такъ точно, говорятъ, намъ нужды нѣтъ никакой, а коли ему нужно, пусть самъ пріѣдетъ.

— Гм... Такъ и сказали?

— Въ самый разъ.

— Подозрительно... купцы-ли? подумалъ переводчикъ; у него уже начали созрѣвать кое-какія соображенія.

— Вся орда сюда валить, ваше благородіе!

— А ну, хорошо, хорошо... пашку подай изъ тарантаса... шапка моя гдѣ? Погляди, тамъ, должно быть, завалилась...

Онъ занялъ мѣсто на коврѣ, разостланномъ передъ входомъ въ желомейку, и важно развалился, приготовясь встрѣтить подходящую толпу.

Яркими, цвѣтными пятнами рисовались халаты представителей на блѣдно-желтомъ фонѣ песковъ. Этотъ красивый контрастъ еще болѣе усиливался отъ сравненія съ скромною, сѣренькою одеждою казаковъ. Верхушки вышитыхъ золотомъ, высобихъ, остро-конечныхъ шапокъ, широкіе галуны и шитье халатовъ сверкали и искрились, залитые лучами восходящаго солнца, суровыя лица смотрѣли важно. Киргизы шли не торопясь, покойною, степенною походкою и, подойдя шаговъ на десять къ желомейкѣ, поклонились, положивъ руки на желудокъ, произнесли короткое привѣтствіе и сѣли.

— А, здорово, знакомые все, весело говорилъ переводчикъ.— Ну что, пришлось ждать долго? Что дѣлать, служба. Я вотъ тоже жду; ну, да сегодня вечеромъ прѣдетъ, эй тамъ, пошлите казаковъ бурьяну и колючки нарвать по барханамъ побольше, чтобы было чѣмъ огонь поддержать; неровно подѣдетъ къ ночи, чтобы свѣтло было...

— Да ты вотъ пять часовъ ждать будешь, а насъ пять дней заставилъ. Все мы должны были бросить... началъ Ибрагимъ-бай.

— Что!.. еще скажи спасибо, что только пять. За мѣсяць притяну—все ждать будете...

— Твоя сила.

— То-то моя. Заранѣе не собрать васъ, такъ потомъ, когда надо, никого не разыщешь. У тебя сорокъ кибитокъ перекочевали къ хивинцамъ, на ту сторону. Чего смотрѣлъ?

— А я что могу сдѣлать, оправдывался старикъ Измаиль-бай.—Нашъ народъ все равно, что птицы: гдѣ ему лучше, туда и идутъ.

— А ты за всѣхъ влатить будешь. Эту подать на остальныхъ разложу; такъ и скажи.

— И остальные, пожалуй, уйдутъ.

— Да ты что-то разговаривать сталъ много. Я вѣдь бое-

что слышалъ. Гляди, старшій, не одобровать тебѣ... пришлемъ казакѡвъ въ аулы: хуже будетъ.

— Твоя сила, лаконически отвѣтилъ и этотъ.

— За верблюдовъ кто въ крѣпость присылалъ деньги спрашивать? нѣтливо посмотрѣлъ переводчикъ прямо въ глаза ученаго Ахмата.

— Я не отъ себя, я за своихъ не требую; другіе съ меня спрашиваютъ. Ты, говорятъ, собиралъ съ насъ верблюдовъ казенную крупу перевозить... ты и пооди, получай деньги...

— Я имъ такіа деньги заплачу!.. Прошлогодняго захотѣли? намекнулъ переводчикъ на какое-то событіе.

— Сохрани и помилуй аллахъ!

— Да вотъ еще что: изъ какого это аула... э... гмъ...

Переводчикъ замѣлся; онъ замѣтилъ Ледоколова и Бурченко, подходящихъ къ общей группѣ.

— Эти? шепнулъ онъ уряднику.

— Они самыя, отвѣтилъ тотъ, также шопотомъ.

— Э, здравствуйте, господа! раскланялся переводчикъ, не мѣняя позы,—мое почтеніе...

Ледоколовъ и Бурченко приподняли фуражки.

— Позвольте откомендоваться, переводчикъ районнаго начальника, хорунжій Маслакъ-Бутузовъ.

Наши пріятели назвали свои фамиліи.

— Очень пріятно. По своимъ дѣламъ ѣдете или имѣете какое порученіе?

— По своимъ.

— Интересную страну посѣтить вздумали; впрочемъ, съ вами, если не ошибаюсь, имѣлъ уже случай встрѣчаться въ этомъ краѣ.

Хорунжій Маслакъ-Бутузовъ обратился къ Бурченко.

— Да я уже здѣсь бывалъ, можетъ, и видѣлись гдѣ... Генерала поджидаете? Встрѣчу на рубежѣ, такъ сказать, устраиваете? Это хорошо.

— Представители туземнаго населенія заявили свое желаніе видѣть его превосходительство. Вотъ за сколько верстъ собрались, руководимые единственно... народъ, знаете, признательный, чувствуютъ... чаемъ позвольте просить...

— Благодарю васъ, шили, а впрочемъ...

Всѣ трое усѣлись на коврѣ. Казакъ-уралець притоплялъ посуду; туземцы сидѣли поодаль, полукругомъ и молча наблюдали за русскими. Казаки возились, приводя въ порядокъ по близости станціонныхъ кибитокъ... Синеватныя тѣни въ лощинахъ исчезали мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ выше и выше подымалось солнце. Начинало сильно припекать. Наша компанія перебралась подъ спасительную тѣнь желомейки.

Было далеко за полдень. Жара стояла невыносимая. Шестеригъ казачьихъ лошадей, дружно натянувъ веревочныя построжки и уносы, тащилъ по глубокому, сыпучему песку тяжелый дормезъ, сверкавшій на солнцѣ своими стеклами. Впереди тихонько, чуть чуть рысцєю шелъ небольшой казачій конвой; на длинной палкѣ, у одного изъ рыжебородыхъ уральцевъ, трепался красный значекъ съ вышитымъ наискось бѣлымъ крестомъ; казачій офицеръ, а за нимъ трубачъ на прихрамывающей сѣрой лошади ѣхали у самой дверцы дормеза. Въ экипажѣ полулежалъ старикъ съ сѣдыми усами въ бѣлой фуражкѣ съ большимъ козырькомъ и дремалъ надъ какою-то пѣмецкою книгою; на передней лавочкѣ сидѣлъ молодой офицеръ—адъютантъ; судя по его слипающимся глазамъ и конвульсивной зѣвотѣ, отъ которой онъ, впрочемъ, удерживался, его одолевала самая сильная сонливость, но онъ боролся съ нею довольно успѣшно и огравивался только тѣмъ, что почтительно клевалъ носомъ.

За этимъ дормезомъ тянулся четверникомъ еще большой тарантасъ съ фордекомъ, за нимъ еще нѣсколько троекъ и въ заключеніе большая русская повозка форменно-казеннаго образца съ походною кухнею. Поѣздъ замыкался еще конною группою казаковъ, растянувшейся длинною вереницею по пустынной дорогѣ.

Медленно тянулся этотъ поѣздъ, уныло брякали разнообразныя колокольчики, лѣниво покрикивали казаки-погонщики на своихъ усталыхъ лошадяхъ. На всѣхъ лицахъ было написано только одно: „Эхъ, да когда-же мы, наконецъ, доберемся“.

— А что скоро, братъ, станція? спрашивалъ генеральскій деньщикъ, сидѣвшій на козлахъ, казака-кучера.

— Не скоро... Вот видите эти мазарки?—Онъ указалъ на чуть желтѣющія вдали, на высокомъ барканѣ, могилы номадовъ, — мы мимо нихъ поѣдемъ; такъ когда поровняемся съ ними, двадцать три версты еще считается...

— Занесла нелегкая въ проклятую сторону! то-ли дѣло у насъ въ Питербурхѣ, или даже въ Польшѣ... прекрасно...

— Извѣстно, степь...

— Степь, вдохнулъ деньщикъ, — прикажете?

Онъ вытащилъ изъ кармана двѣ папирсы, одну закурилъ самъ, другую предложилъ казаку.

— Мы старой вѣры... табаку не куримъ.

— Напрасно; отъ скуки первой сортъ.

Въ слѣдующемъ экипажѣ двѣ какія-то весьма солидныя по виду личности, положивъ къ себѣ на колѣни кожаную подушку, играли въ штошь. Во всѣхъ остальныхъ тарантасахъ поголовно спали.

Долго ѣхали такимъ образомъ. Солнце начало садиться и красивый кровавый свѣтъ скользнулъ по вершинамъ бархановъ и яркимъ пятномъ отразился на стѣнахъ старыхъ гробницъ. Поѣздъ проѣзжалъ почти у подножья бархана, занятого могилами, и на лиловомъ фонѣ вечерняго неба рѣзко очерчивались ярко освѣщенные фронтоны, зубцы и купола своеобразныхъ сооружений.

— Необыкновенно оригинально и эффектно, замѣтилъ старикъ, выглядывая въ окно дормеза.

— Поразительно, ваше п—во, поспѣшилъ согласиться встрѣпенувшійся адъютантъ.

— Позвольте... вы ставите уголь отъ дамы, это все на смарку и по рублю очко?

— Да-съ, и по рублю очко-съ... доносилось изъ второго экипажа.

.

Наступила ночь, зажгли фонари, освѣтилось внутри экипажей. Громадный дормезъ съ яркимъ рефлекторомъ-фонаремъ на верху казался въ темнотѣ какимъ-то одноглазымъ чудовищемъ.

Лошади, освѣженные немного ночью прохладою, пошли бодрѣе и скоро вдали заалѣлись на горизонтѣ красноватяя пятна. Это было зарево костровъ, зажженныхъ по распоряженію хорунжаго Маслакъ-Бутузова.

Оригинальная, живая картина представилась глазамъ путешественниковъ, когда усталыя лошади остановились на дорогѣ противъ станціонныхъ кибитокъ.

Шесть громадныхъ костровъ, окаймляли ярко освѣщенное довольно большое пространство. Посрединѣ стояла желомейка, полы которой были откинуты, и тамъ пестрѣли полосатые и узорные ковры, тянувшіеся полосою вплоть до самаго генеральскаго экипажа; по одной сторонѣ, вытянувшись въ рядъ, стояли представители кочевого населенія; Измаиль-бай и Ибрагимъ держали въ рукахъ блюда, Ахмать стоялъ, выдвинувшись немного впередъ, готовый разразиться рѣчью. Раіонный начальникъ и переводчикъ, оба въ мундирахъ, стояли съ другой стороны; за бортомъ перваго торчала аккуратно сложенная бумага. Казаки, сидя на коняхъ, выстроились фронтомъ по дорогѣ и третій разъ повторяли какое-то привѣтствіе, въ которомъ ничего нельзя было разобрать, кромѣ возгласовъ: разъ два и еще чего-то, кончавшагося протяжнымъ ...ствомъ.

Старикъ выльзъ изъ дормеза, коснулся рукою козырька своей фуражки и подошелъ въ туземцамъ усталю, неловкою походкою, расправляя на ходу онѣмѣвшія ноги. Адъютантъ запутался въ дверцахъ своею саблею и освобождался съ помощью денщика.

— Ну, здравствуйте, произнесъ старикъ и ласково взглянулъ на суровыя лица представителей.

Хорунжій Маслакъ-Бутузовъ сталъ около генерала.

— Скажите имъ, что я привѣтствую ихъ и желаю имъ всякаго благополучія.

Хорунжій перевель.

— Велико-мудрый, высокопоставленный, извергающій разумъ и благочестіе... Мы всѣ, униженные рабы твои... началъ Ахмать, замаялся, потупился и замолчалъ.

— Дуракъ, шепнулъ ему по киргизски переводчикъ.

Вдругъ быстро выдвинулся Ибрагимъ, взглянулъ на переводчика и глаза его сверкнули недобримъ огнемъ.

— Мы ждали тебя, мы слышали, что ты добрый человекъ, и не дашь въ обиду тѣхъ, надъ кѣмъ ты поставленъ, началъ Ибрагимъ.

— Что онъ говорить?

— Рады прїѣзду вашего п—ства... заикаясь перевелъ хорунжій.

— Прижали насъ такъ, что намъ и солнце не въ радость, продолжалъ Ибрагимъ, воодушевляясь все болѣе и болѣе.—Съ насъ берутъ все, что взять только можно, намъ-же не даютъ чего слѣдуетъ; и не допросимся, а поѣдешь просить, бѣды наживешь и на себя, и на весь родъ свой...

— Цѣлую недѣлю мы ждемъ твоего прїѣзда; согнали насъ издалека; а дома безъ хозяевъ, самъ знаешь, какъ идетъ дѣло, выдвинулся въ свою очередь сѣдобородый Измаиль-бай, — голодали мы здѣсь, лошадей своихъ поморили...

— Говорить, что живется имъ хорошо, благодаря начальству, перебилъ Маслакъ-Бутузовъ, загородивъ оратора.—Обѣщаютъ молиться Богу, за долгоденствіе вашего п—ства и всего семейства вашего...

Изъ темноты выдвинулся Бурченко и сталъ шагахъ въ трехъ отъ генерала, за нимъ чернѣлась борода Ледоколова.

— Хивинскіе барантаци наѣдутъ, бѣду какую-нибудь на дорогѣ сдѣлаютъ, а мы отвѣчаемъ; на насъ все свалютъ, мы, говорятъ, въ степи непокойно сидимъ, а мы отъ тѣхъ барантачей больше сами терпимъ, чѣмъ русскіе караваны, говорилъ Измаиль-бай.

— Ну, будетъ-же вамъ бѣда, погодите, шепталъ переводчикъ.

Раіонный начальникъ видѣлъ и догадывался, что дѣло идетъ скверно, совсѣмъ не такъ, какъ онъ предполагалъ, и стоялъ весь блѣдный съ отвислою нижнею губою; колѣни его тряслись и болотились одно объ другое. Рапортъ о благосостояніи раіона выскользнулъ изъ-за борта и лежалъ на пескѣ, рисуясь бѣлыми четверугольникомъ.

— Они говорятъ... говорятъ, что такъ довольны, что и сказать не могутъ, пустился на пропалюю хорунжій Маслакъ-Бутузовъ.—Они просятъ только объ одномъ, чтобы милость начальства и впередъ была надъ ними, и что лучше того, что теперь, они и не желаютъ...

— Ну! что вы врете, неожиданно, какъ бомба, пробившая потолокъ, раздавался голосъ Бурченко.

Пристально посмотрѣлъ генералъ въ ту сторону, улыбнулся и произнесъ:

— Подите сюда.

— Я хорошо знаю туземный языкъ, такъ-же, какъ и свой, я слышалъ все, что говорили вотъ эти...— Бурченко указалъ на киргизовъ.— Они приносили вамъ самыя возмутительныя жалобы, они говорили не красно, половины, какое! десятой доли не высказали того, что хотѣли. Позвольте мнѣ замѣнить теперь мѣсто переводчика.

— Кто вы такой?

— Отставной поручикъ Бурченко, ѣду по своимъ дѣламъ Сюда попалъ случайно.

— Передайте имъ, что могутъ ѣхать съ Богомъ по своимъ ауламъ; чтобы ничего не боялись, чтобы впредь все говорили, что имъ нужно, скажите имъ, что я пришлю своего чиновника, который разберетъ всѣ ихъ жалобы и который имъ никакого зла не сдѣлаетъ.

Бурченко передалъ депутатамъ слова генерала. Всѣ просіяли и вдругъ всѣ разомъ повалились въ ноги.

Одинъ изъ тѣхъ чиновниковъ, что ставилъ по рублю очко, притащилъ изъ тарантаса довольно тяжелую шкатулку и началъ ее отпирать. Два казака принесли изъ другого экипажа большой чемоданъ съ почетными халатами.

Каждому изъ киргизовъ надѣтъ былъ на плечи цвѣтной халатъ съ галунами и дана медаль на красной лентѣ. Халаты оказались малы и висѣли на джухихъ плечахъ представителей словно гусарскіе ментивы; бронзовыя медали такъ ярко, такъ привѣтливо блестѣли и блескъ этихъ медалей, казалось, отражался на просвѣтлѣвшихъ лицахъ наивныхъ вочевниковъ. Они были счастливы совершенно, они забыли о всѣхъ своихъ невзгодахъ и дѣйствительно съ какимъ-то благоговѣніемъ смотрѣли на старика генерала.

— Лошадь готовы, ваше п—ство, гаркнулъ сзади начальникъ конвоя.

— Я надѣюсь еще видѣть васъ, отнесся старикъ къ Бурченко. — Передайте-же имъ, чтобы ѣхали себѣ съ Богомъ, еще разъ повторилъ онъ и, не обращая вниманія на районнаго начальника и его толмача, сѣлъ въ дормезъ.

Поѣздъ тронулся и мало-по-малу исчезъ во мракѣ, мигал изрѣдка вдали красноватыми точками фонарей.

Киргизы быстро отошли къ колодцамъ; вслѣдъ за ними пошли Ледоколовъ и Бурченко... Нѣкоторое время раздавалась хрипая ругань начальника района.

Всю ночь ликовали на колодцахъ обнадеженные депутаты. Брякали струны сааза, гудѣлъ нивѣсть откуда явившійся бубенъ и слышались громкіе, торжествующіе возгласы.

Послѣдняя дарственная овца была зарѣзана и два киргиза, засучивъ рукава халатовъ, возились около дымящейся туши, выгребая на песокъ окровавленные внутренности животнаго.

— Эхъ, кумысъ весь вышелъ, бѣда, пожалѣлъ корявый Гайнула.—Ты вотъ къ намъ въ аулы пріѣзжай, такого кумысу тебѣ дадимъ, что во всей степи не найдешь лучшаго, приглашалъ онъ Ледоколова.

— Да вамъ все равно по пути. Мы васъ на своихъ верблюдахъ повеземъ отсюда, говорилъ Ибрагимъ, — скорѣй чѣмъ по русской дорогѣ пріѣдешь...

— А вы отъ крѣпости подальше; въ прирѣчномъ курганѣ какъ-бы вамъ худа какого не сдѣлали, заботливо предупреждалъ Ахматъ.

— Сами не дадимся въ обиду, похвастался Бурченко.

— А мы было боялись жаловаться... особенно, какъ вы съ толмачемъ чай пили вмѣстѣ... Ахматъ говорилъ намъ: смотрите, берегите ваши головы...

— Мы думали, ты подосланъ къ намъ, вставилъ Измаиль-бай.

— А ужъ какъ толмачъ обругалъ нашего Ахмата, злость меня разобрала такая, за горло готовъ былъ ухватить его, говорилъ Ибрагимъ.

— Ну, теперь да будетъ надъ *нимъ* милость пророка, для насъ настало хорошее время.

— Я полагаю, они правы, ожидая лучшаго будущаго, сказалъ Ледоколовъ.

— Ваши-бы устами да медъ пить, а за неизвѣстемъ меда хватимъ чайку съ ромкомъ. Эй, тамыръ, ставь-ко къ огню поближе наши чайники.

На разсвѣтѣ только утомонился бивуакъ и то не надолго, надо было выучить верблюдовъ и готовиться къ отъѣзду по своимъ роднымъ ауламъ.

И къ полудню опять все мертво и тихо было въ пескахъ, даже казаки станціонные уѣхали вмѣстѣ съ переводчикомъ. Только киргизенокъ, лѣтъ четырнадцати, сидѣлъ на корточкахъ, въ тѣни желомейки и глядѣлъ вдаль, гдѣ на вершинѣ песчаного наноса взвился къ верху винтообразный столбъ мелкаго песку, перенесся на другой сосѣдній наносъ, оттуда еще ближе, затихъ было, потомъ опять взвился, переползъ къ самой станціи и, подхвативъ клочекъ какой-то бумаги да нѣсколько папиросныхъ окурковъ, повружился немного на мѣстѣ и распался, обдавъ киргизенка мелкою, песчаною пылью.

Н. Карзинъ.

(Продолженіе будетъ.)

ЯСНЫЙ ДЕНЬ.

Какъ ясець день... Прозрачной синевою
Раскинулись высоко небеса...
Тамъ облачко скользить, какъ парусъ надъ рѣкою...
Чернѣють коршуны... волнистой полосою
Съ полянами сливаются лѣса.

Какъ ясець день... Но теплыми лучами
Большую душу мнѣ не озарить весна;
Мой безучастный взоръ надъ дальними полями
Слѣдить за свѣтлыми, какъ жемчугъ, облаками,
А грудь моя тоской и мукою полна.

О чемъ? Не знаю я! Такъ,—грустно мнѣ и больно!
Какъ раненный орелъ, упала мысль моя;
Подъ гнетомъ спитъ она тревожно и невольно,
Пока померкнетъ день и шумъ грозы раздольной
Не потрясетъ ее,—огонь и страсть тая!

Тогда—свободная, на битву выростая,—
Она въ оковахъ тьмы становится сильна,
И лишь гроза гремитъ, сонливый міръ пугая,
Въ моей груди цвѣтеть, растетъ благоухая,
Иная, чудная, роскошная весна!..

Такъ пусть-же меркнетъ день и прячетъ свѣтъ за тучей!
Грозу встрѣчаю я, какъ вѣстника весны.
И передъ бурей—слѣпой и пемпнучей—
Одной отвагою побѣдной и могучей
И мысли, и мечты свободныя полны!

В. Славянский.

ПОЛОЖЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ ВЪ РОССІИ ПО ДО-ПЕТРОВ- СКОМУ ВОЗЗРѢНІЮ.

Созрѣвшее въ русскомъ народѣ въ періодъ византійскаго его развитія міросозерцаніе, какъ физико-антропологическое, такъ и социальное, глубоко отразилось какъ въ общественномъ взглядѣ на женщину, такъ и во всей ея личной, семейной и общественной жизни.

При признаніи обусловленнаго „закономъ сильнѣйшаго“ раздѣленія людей на „сильныхъ“ и „маломощныхъ“, и первобытное покореніе женщины мужчиной, произведенное первоначально тою-же физическою силою „сильныхъ мужей“, естественно, не могло быть не признано и неутверждено народною вѣрою. Какъ въ животномъ царствѣ господство самцовъ надъ самками, такъ и въ человѣческомъ мірѣ господство мужчины надъ женщиною, мужа надъ женой представлялось непреложнымъ уставомъ византійской доктрины, который люди должны соблюдать со страхомъ Божиимъ, свято и неизмѣнно, „по глаголу Божию, по всѣмъ тварямъ текущему“ и по заповѣди Божіей: жена да боится своего мужа“. Впрочемъ, надобно сказать, что по введеніи христіанства прежнее подчиненіе женщины господству мужчины было ослаблено; по общему выводу нашихъ историковъ, „церковь съ самого начала взяла женщину подъ свое покровительство и блюла особенно за ея нравственностію, возвысила значеніе матери на одинъ уровень съ отцомъ, своимъ судомъ вооружилась противъ похищенія дѣвицъ, противъ многоженства, противъ браковъ въ близкихъ степеняхъ родства, противъ семейнаго

срамословія и, наконецъ, блюла за тѣмъ, чтобы родители не женили сыновей и не отдавали дочерей замужъ насильно¹⁾. При этомъ учителя церковные постоянно поучали мужей и женъ во всю жизнь со страхомъ Божиимъ соблюдать церковное таинство брака. Страхъ Божій признавался первою заповѣдью брачной и семейной жизни. Іереи, вѣнчавшіе мужа и жену, обыкновенно „поучали ихъ *страху Божию*, по правиламъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, какъ жить мужу съ своею женою.“²⁾ Домострой „Благовѣщенскаго попа Сильвестра“ поучалъ: „благословляю, и поучаю, и наказую, и вразумляю сына своего и его жену утверждать себя *во всякомъ страхѣ Божіемъ* и въ законномъ жителствѣ.“³⁾ На основаніи страха Божія, и всѣ гражданскія и естественныя условія брака и брачной жизни подчинены были строгой церковной уставности. Строго возбранялось расторженіе супружествъ, даже и самыхъ несогласныхъ. Право вступленія въ бракъ ограничено было также строгими каноническими правилами. Пастыри церкви заповѣдывали: „а который мужъ женится тремя женами, или женѣ три мужа, тѣхъ по божественному правилу святыхъ отецъ и великаго Василія не давати имъ причастія святаго, а отъ правила отъ церковнаго отлучити, а съ женою третьєю разлучити; аще кто будетъ добръ младъ, а дѣтей не будетъ отъ нихъ, отъ перваго брака или втораго, тому надобно, по разсужденію великой нужды, поняти третью жену. А еще-бы дѣвицъ не вѣнчали меньше 12 лѣтъ, но вѣнчайте 13 лѣтъ.“⁴⁾ Троеженцамъ угрожали страхомъ ада. Въ „вопросахъ о живыхъ и о мертвыхъ“ сказано: кто трохъ женъ имѣлъ, тѣ какъ будутъ на томъ свѣтѣ? Отвѣтъ: чадо, стануть они со женою первою, а не со второю, ни съ третьєю: вторая бо и третія жена прелюбодѣянія ради, то-же бо есть, иже прелюбодѣянія ради блудъ сотворить: кто вторую и третью жены поялъ, тоже есть прелюбодѣй.“⁵⁾ Затѣмъ строго возбранялись всякія „нечестивыя бра-

¹⁾ Истор. Россіи Соловьева. Т. I, стр. 290.

²⁾ Буслаевъ. II, 253.

³⁾ Домострой, напеч. во «Временникѣ», кн. 1.

⁴⁾ Памятн. IV, 186—187.

⁵⁾ Памятн. III, стр. 114.

ки правовѣрныхъ съ невѣрными.“ Географическія и этнографическія условія колонизаціоннаго распространенія русской народности, по естественному ходу исторіи, неизбѣжно вели къ фізіологическому смѣшенію племенъ, и исторія фізико-этнографической организаціи великорусской народности исполнена фактами такой метисаціи; но учителя церковныя строго возставали противъ этого естественно-историческаго закона фізіолого-этнологическаго сліянія и возрожденія племенъ посредствомъ взаимныхъ браковъ. Такъ, въ 1622 году московскій патріархъ Филаретъ съ негодованіемъ писалъ къ сибирскому архіепископу Кипріану: „вѣдомо намъ учинилось отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей, которые прежде сего бывали въ Сибири, что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые и жилецкіе люди живутъ не крестьянскими обычаями, но по своимъ сквернымъ похотямъ: многіе де русскіе люди... съ татарскими, и съ остяцкими и съ вогулицкими поганскими женами смѣшаются и северная дѣютъ; а иные живутъ съ татарками некрещенными, какъ есть съ своими женами и дѣютъ съ ними противность.“¹⁾ Вслѣдствіе этого, и цари московскіе постоянно предписывали воеводамъ въ наказахъ, чтобы напередъ инородческихъ „женокъ“ научать православной вѣрѣ и крестить, а потомъ уже вѣнчать ихъ съ русскими служилыми или промышленными людьми²⁾.

Каноническое ученіе о бракѣ глубоко дѣйствовало на понятія женщины и глубоко укореняло въ ней вѣру въ святость и нерушимость церковно-брачнаго подчиненія жены мужу. Повѣсть о боярынь Уліаніи Муромской показываетъ намъ, какъ, съ одной стороны, издѣтства внушаемый женщиноу аскетизмъ непреодолимо побуждалъ ее иногда отречься отъ брака, оставить мужа и постричься въ монастырь для богоугожденія. Но, съ другой стороны, одно слово или поученіе мужа о нерасторжимости церковнаго брака способно было тотчасъ-же покорять ее волѣ мужа и удерживать въ брачномъ сожителствѣ съ нимъ. „Молила богобоязненная жена (Уліанія) своего мужа, чтобы отпустилъ ее въ монастырь: если-же не отпустишь, говорила она, то бѣгомъ ута-

1) Собр. Госуд. Грам. Ч. III, № 60.

2) См. воеводск. наказы въ Дополн. къ А. Истор. Т. III и IV.

юсъ изъ дома своего. Но мужъ, заклиная ее, прочиталъ ей книгу блаженнаго Козмы пресвитера и прочихъ святыхъ отцевъ, и многія другія божественныя писанія прочиталъ ей о божественной тайнѣ брака. Она-же, послушавъ, оставила свое намѣреніе и сказала: воля Господня да будетъ. Утѣшалась она, слыша слова апостола: жена привязана къ мужу закономъ, и своимъ тѣломъ она не владѣеть, но владѣеть имъ мужъ: спасается-же она чадородія ради. И все это блаженная жена размышляла въ сердцѣ своемъ: хотя я, говорила она, живя съ мужемъ, и порабошу ему сама тѣло свое, но да спасется духъ мой“ ¹⁾. Въ другой древней повѣсти, именно въ повѣсти о Февроніи, супругѣ муромскаго князя Петра, осязательно выражена была вѣра богобоязненной женщины и благочестиваго мужчины въ церковную санкцію брачной вѣрности жены мужу и нерасторжимости церковнаго брака. „Бояре города Мурома, гласить эта повѣсть, — по зависти и злему совѣту женъ своихъ, хотѣли разлучить Февронію съ супругомъ ея, княземъ Петромъ, общались ей все сдѣлать, чего-бы она ни захотѣла, только-бы оставила своего супруга, а сама шла, куда хочетъ. Блаженная жена дала слово исполнить волю бояръ—уйти изъ города Мурома, но, по общанію ихъ, сказала имъ: вы съ клятвой общались мнѣ безпрекословно исполнить все, что только я скажу: *я же ничего иного не прошу, токмо супруга моего князя Петра.* И блаженный князь Петръ по евангелію сотворилъ: и самодержавіе свое яко уметы вмѣнилъ, дабы заповѣди Божіей не разрушить, но по заповѣдямъ Божиимъ шель и держался ихъ, ибо богогласный евангелистъ Матфей въ благовѣстїи своемъ вѣщаетъ: *аще кто пуститъ жену свою развѣ словеси прелюбодѣйнаго, и оженится иною, той прелюбы творить.* А сама святая жена Февронія поучала и другихъ свято соблюдать тайну церковнаго брака. Когда она плыла на суднѣ по рѣкѣ Огѣ изъ города Мурома, одинъ человекъ, у котораго тутъ-же на суднѣ была вмѣстѣ съ нимъ и жена его, принѣмъ помыслъ отъ лукаваго бѣса, возревновалъ на святую жену Февронію помысломъ. Она-же, уразумѣвъ вскорѣ нечистый его помыслъ, обличила его и сказала: *вотъ вода, почерпнутая изъ одной рѣвки съ*

¹⁾ Буслаевъ, II, 253—261. Памятн. I, 63—64.

той и другой стороны судна—все одна и та же вода, равна, ни которая не слаще: такъ едино и естество женское. Почто убо свою жену оставилъ, на чужую мыслиши? Тотъ человѣкъ убоился тогда своихъ нечистыхъ помысловъ. Когда приближалось благочестивое преставленіе богобоязненныхъ супруговъ, они сотворили совѣтъ, да будутъ положены вмѣстѣ, въ одномъ гробѣ. И повелѣли учредить одинъ общій гробъ. По преставленіи же ихъ, люди, хотѣвшіе и при жизни ихъ расторгнуть бракъ ихъ, разлучили ихъ, положили въ разныхъ гробахъ, а общій гробъ оставили пустой. Но наутріе тѣ же люди увидѣли особяныя гробы пусты, а тѣла святыхъ супруговъ нашли въ одномъ гробѣ въ соборной церкви Пречистой Богородицы. Тогда неразумные люди, какъ при жизни ихъ, старались разлучить, такъ и по честномъ преставленіи опять разлучили ихъ, перенесли тѣла ихъ въ разные гробы. Но наутріе святые супруги опять найдены были въ одномъ общемъ гробѣ, въ которомъ сами повелѣли положить себя неразлучно, у соборной церкви Рождества Пречистой Богородицы, въ которой и вѣнчаны были епископомъ¹⁾). Вслѣдствіе строгаго возбраненія церковью второго и особенно третьяго брака, богобоязненная женщина, какъ-бы ни была молода и красива, по смерти перваго мужа своего ни за что не хотѣла вступить во второй бракъ, хотя-бы сватавшійся на ней человѣкъ сильно любилъ ее и въ ней самой возбуждалъ любовь къ себѣ, а бракъ съ нимъ обѣщаль ей полное счастье и довольство. Напротивъ, по чувству страха божія, боясь нарушить церковную заповѣдь о второмъ и третьемъ бракѣ, она давала твердый обѣтъ жить въ цѣломудренномъ вдовствѣ, любившаго ее мужчину „любить только Бога-ради“, и, по чувству этой „любви Бога-ради“, не только отрекалась отъ плотской любви и второго брака, но и рѣшалась постричься въ монастырь въ иночии, „боясь своей красоты и молодости“, да и любившаго ее мужчину тоже сговаривала „любить ее только Бога-ради“ и, въ знакъ этой любви, постричься въ монахи²⁾). Мало того: хотя-бы женщина вовсе не любила своего мужа, у ней все-таки изъ головы не выходи-

¹⁾ Пам. 1, 30—39.

²⁾ «Повѣсть о цѣломудренной вдовѣ». Пам.

ла мысль о неразрывномъ союзѣ съ нимъ и недлюбинаго мужа своего она величала: „братъ ты мой любезный!“ Идея ненарушимости узъ брачныхъ въ древнемъ народномъ стихѣ „о грѣшной душѣ“ выражается въ слѣдующемъ исповѣданіи грѣшной души: „еще я, душа, Богу согрѣшила: мужа съ женой я поразваживала, золотые вѣнцы поразлучивала: въ зѣтихъ во грѣхахъ Богу не каялася и отцу духовному не сказывала; и за то-то провалилася душа въ преисподній адъ, вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться“¹⁾).

Видѣтъ съ строгими правилами, которыми обставлено было брачное сожитіе, въ народѣ укоренился аскетическій взглядъ на женщину. „Не взирайте на лица женскія, поучали книжники, — да не можете взирати на доброту женскую, но ходите предъ ними *въ страхъ Божіемъ*: ибо лукави суть жены“²⁾). Всѣ поученія „о женахъ“ направлены были къ тому, чтобы воспитать и глубоко укоренить въ умѣ народномъ странное убѣжденіе, что самое „естество женское вельми есть зло“, что „жена сотворена сътъю бѣсовскою, прельщающею челоуѣка на зло“. Чтобы убѣдительно внушить и глубже укоренить это ученіе, наши книжники подтверждали его авторитетомъ восточныхъ пастырей церкви. Прототипомъ для своихъ поученій „о женахъ“ они взяли „слова Іоанна Златоуста“, именно „слово о лукавыхъ женахъ“ и поученіе „о женщинахъ или красотѣ“. Слово Златоустаго „о лукавыхъ женахъ“, переведенное подъ заглавіемъ: „слово о злыхъ женахъ“, въ славянскомъ текстѣ такъ возбуждало въ русскомъ обществѣ страхъ „злыхъ женъ“: „есть лучши въ пустыни со звѣрми жити, неже со злою женою; дикій-же звѣрь подобенъ жевѣ язвчгѣ и злѣ. Поистинѣ нѣсть инныя злобы горше злой жены... ничтоже есть злѣе жены язвччны. О, зло оружіе діаволе острое—зла жена... О, злѣе всякаго зла жена злая. Во-истину, нѣсть злобы лютѣе жены злы“ и проч. Усвоивши такой общій взглядъ на женщину, византийская мораль, въ своемъ бѣсобоязненно-аскетическомъ ученіи „о женахъ“, пошла дальше: она возвѣстила, что самое „естество жен-

1) Сборн. Варенцова, 146. См. Пам. III, стр. 120.

2) Пам. III, 34.

ское велими есть зло“, „сотворено діаволомъ, чтобы уловлять и прельщать челоуѣка ко грѣху“. Повсюду въ мірѣ боясь сътей и соблазновъ бѣсовскихъ, повсюду въ обществѣ видя одну только „злую жену“, моралисты всѣ силы своей полемики противъ злыхъ женъ напрягали къ тому, чтобы возбудить и укоренить въ народѣ аскетическій страхъ женщины, какъ злого начала, какъ страшнаго „дьявольскаго оружія, или сѣти сатаниной, соблазна и ада богоспасаемыхъ“. Постоянно устрашаемые бѣсовскими „страхованіями и соблазнами“; постоянно вызываемые на борьбу съ соблазнами плоти и міра, — они и въ женщинѣ видѣли только страшное, дьявольски-враждебное существо, или злое начало, постоянно противудѣйствующее доброму началу — мноческому чину богоспасаемыхъ мужей, и потому приписывали женщинѣ всѣ ужасныя, злыя качества дьявольскія. Женщина, — по ученію византійской гинекологіи, — это „дьяволь цвѣтъ, страшилище бѣсовское и адское, спасаемымъ соблазнъ, покоище зміино, хоругвь адова, трясавица не оставляющая, неуголимаа огневица, болѣзнь неисцѣльная, злая ратница, учительница грѣхамъ, совокупленица бѣсовская, несътная похоть, обаяница и еретица, медвѣдница и львица, змія и скорпія, ехидна и василиска“ и проч. Въ одношъ старинномъ поученіи читаемъ: „что есть жена? Сѣтъ діаволомъ сотворена! Прельщаетъ челоуѣка лестію, свѣтлымъ лицомъ, высокими очима помываетъ, ланиты складаетъ, языкомъ поетъ, гласомъ скверная глаголетъ, словами чаруетъ, ногами играетъ, злыми дѣлами обаяетъ и убиваетъ, многихъ язвить и губить. Что есть жена? Проказливая святнымъ обложница, сатанинъ праздникъ, покоище зміино, цвѣтъ дьявольскій, подгиѣчающая сковрода, спасаемымъ соблазнъ, безъ исцѣленія болѣзнь, безъизцѣльная злоба, купница бѣсовская, коза немстоваа... Что есть жена? Морозъ злой, колодецъ смрадный, первый врагъ, стрѣла съ чемеромъ“ и проч. ¹⁾ И такой челоуѣконенавистный страхъ женщины, какъ зловреднѣйшаго страшилища бѣсовскаго, какъ дьявольской, сатанинской соблазнительницы и губительницы людей, — такой челоуѣкобязанный страхъ

¹⁾ Костомаровъ, Очерк. нрав. великорусск. народ. стр. 103. Буслаева, Очерки литерат. I, 587.

женщины воспитывался и передавался наследственно отъ отцовъ къ дѣтямъ. Въ „притчѣ о женской злобѣ“ отецъ говорилъ къ сыну: слушай, сынъ мой, жена злая домовная буря, многими потокомъ, неудержимое стремленіе, сердцу копье, инокамъ сженіе. очамъ поползеніе, тайнамъ обличеніе, смертоносная бесѣда, неотступная трясавица, неуголимая огневица, лезть возстающая, печаль самохотная, грѣхамъ наставница, темный вождь, хоругвь адова, вѣтвь діавола, спасаемымъ соблазнъ, злоба безувѣтная, удобь-уловляющая дерзость; жена злая—вѣтвь сѣверь, день неведрянъ, гостинница жидовская, совокупленница бѣсовская, несытная похоть, стрѣла сатанина, уязвляющая многихъ сердца. неукротимый звѣрь, скорпія многожилная, болячка смертная. Слыши, сынъ мой! *Естество женское вельми есть зло!* Ибо жены пронырливы, лъстивы, лукавы, врадливы, злоязычны, обалницы, еретицы, медвѣдицы, львицы, зми, скорпіи, василиски и аспиды. Злая жена — оружіе діавола, мечъ сатанинъ и обогательница святымъ. Злая жена свирѣпѣе и безстуднѣе всѣхъ полевыхъ звѣрей: невозможно убѣжать лютости ея. Слыши, сынъ мой, про жену-медвѣдицу: какъ медвѣдица, когда увидитъ человѣка, то голову свою похилитъ, глаза свои посушитъ въ землю и злобно пыхнетъ, на человѣка нападеть и задушитъ его вскорѣ, такъ и злая жена главу свою наклонитъ, и очи насушитъ, и уста стиснетъ, злобою на мужа своего дохнетъ, на шею его вью наложить, гортанное дыханіе захватить, и зло покончить его. Слыши, сынъ мой, про жену-львицу: львица въ пустынь на всякаго человѣка и звѣря наскочетъ и растерзаетъ: такъ и злая жена, какъ львица, и домочадцевъ возненавидитъ, и одежду растерзаетъ, и тѣло кровью обагретъ, и волосы вырываетъ, и на мужа рыгаетъ, злобою восхищается, не ухапаетъ мужа львовыми зубами, не закаляетъ его ни ножомъ, ни мечомъ, ни копьемъ, но правомъ бываетъ злѣе львицы. Слыши, сынъ мой, про жену-змію и скорпію: зминой родъ изъ всѣхъ ползущихъ гадовъ злѣйшій есть: такъ и злая жена во всемъ человѣчествѣ злѣйшая есть. Змія вылазитъ изъ куста и, увидѣвъ человѣка, бѣжитъ отъ него; а злая жена подлѣ человѣка лежитъ, а змиинскимъ ядомъ дышетъ, какъ настолщяя запазущная змія, и злобою что шипитъ, и сердце мужа злохитрствомъ усѣнетъ, уязвить. Слыши, сынъ мой, про жену-ехидну: ехидна своихъ чадъ

ненавидить; если хочетъ родить, то наровить ихъ пожрать: а этой ехиднѣ подобны многія нынѣшнія дѣвицы: не бываютъ замужнія жены, а въ утробѣ имѣють, и родить не хотятъ, а помышляютъ: когда выйдетъ ребенокъ изъ моего чрева, я его своими руками удавлю. Хотя дѣвическую печать и разорить, а именуется дѣвицей: на видъ какъ будто дѣвица, а нравомъ какъ океанная блудница, и ходитъ быстро, глазами обзорлива, и нравомъ буйна, и во всемъ нечестива“. И такъ далѣе росписывалась женщина, не какъ человѣкъ, а какъ звѣрь, лютейшій и страшнѣйшій изъ всѣхъ самыхъ свирѣпыхъ и страшныхъ звѣрей полевыхъ, для того, чтобы доказать только, что все „естество женское вельми есть зло“¹⁾.

Когда господствовалъ такой взглядъ на женщину, понятно, каково тогда было ея положеніе въ семьѣ и въ обществѣ, въ этой рабской подчиненности мужу и общественному гнету, позору и оскорбленію, при господствѣ эгоистическихъ, поработительныхъ стремленій въ обществѣ. Во-первыхъ, когда на женщину смотрѣли, какъ на „рабу мужа“ и какъ на „бѣсовскую, сатанинскую обаялицу и учительницу грѣхамъ“, тогда какое другое юридическое положеніе могли дать женщины обществу и законодательство, кромѣ полнѣйшей подчиненности мужу и безправія личнаго и общественаго? И вотъ, и гражданское или государственное законодательство, всецѣло пронизанное смысломъ религіозно-общественнаго міросозерцанія, утвердило и разными строгими постановленіями поддерживало принципъ глубокаго страха жены передъ мужемъ. Въ „Уставахъ о церковныхъ судахъ“, приписываемыхъ великому князю Владиміру и сыну его Ярославу, духовенству предоставлена полная власть завѣдывать браками и всѣми супружескими отношеніями мужей и женъ и охранять церковно-каноническую гегемонію мужа надъ женой. Личность женщины, какъ богообреченной рабы мужа, и въ нравственно-юридическомъ отношеніи признана была несамостоятельною, безправною, и подчинена была юридической гегемоніи мужины. По юридическимъ понятіямъ московскаго государства или до-петровскаго общества, жена должна была раздѣлять участь

¹⁾ Памятн. II, стр. 461—470.

мужа въ случаѣ преступленія, совершеннаго послѣднимъ. Во времена Грознаго бояринъ или князь, давая на себя запись царю, говорилъ въ ней, что, въ случаѣ отъѣзда его или неповорности царю, царь воленъ казнить, вѣстѣ съ нимъ, и его жену¹⁾). Не только отецъ въ правѣ былъ выдавать свою дочь замужъ силой, но и помѣщикъ уполномоченъ былъ правомъ сильнаго силой выдавать свою рабу замужъ, за кого хотѣлъ²⁾). До 1637 года беременныхъ женщинъ безошадно казнили смертію, и только въ этомъ году отмѣнено было такое безчеловѣчное узаконеніе, потому что „рожденное отъ преступницы не виновато“, и вѣдно было казнить смертію беременныхъ женщинъ, когда послѣ рожденія минетъ шесть недѣль. Наконецъ, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича страшной угрозой предписало женѣ бояться своего мужа, какъ главы, и отнюдь не смѣть посягать на его личность. Относительно убійства жены мужемъ оно умалчивало, не давало никакого положительнаго правила, никакого постановленія, а относительно жены установило страшное, немилосердное, жестокое законоположеніе, именно такое: „а будетъ жена учинить мужу своему смертное убійство, или окормить его отравою, а сыщется про то допряма, и ее за то казнити, живу окопати въ землю, а казнити ея такою казнію безо-всякія пощады, хотя будетъ убитаго дѣти или инныя кто ближніе роду его того не похотятъ, что ея казнити, и ей отнюдь не дати милости и держати ее въ землѣ до тѣхъ мѣстъ, покажѣсть она умреть“³⁾).

Далѣе, когда на женщину смотрѣли, какъ на „бѣсовскую сововупницу и соблазнительницу богоспасаемымъ мужамъ“,—тогда какое другое положеніе могло дать ей общество въ семьѣ и обществѣ, кромѣ наглухо замкнутаго уединенія въ теремѣ. И вотъ ее держали, съ дѣтства до гроба, въ заперти, въ теремномъ заточеніи, на покаяніи. „Отъ младенческихъ лѣтъ,—говоритъ Кошахинъ,—до замужества своего живутъ онѣ у отцовъ своихъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ род-

1) «Исторія Россіи» Соловьева, т. VII, стр. 173: такъ именію князь Иванъ Пронскій, давая запись царю, говорилъ въ ней, что, въ случаѣ отъѣзда его, царь воленъ казнить его и его жену.

2) Бѣлаева, «Крестьяне на Руси».

3) Уложеніе, гл. 22, стр. 14.

ственниковъ чужіе люди никто ихъ и онѣ чужихъ людей видѣти не могутъ; такъ-же, какъ и замужъ выйдутъ, и ихъ потому-же люди видятъ мало... И царевны, имѣя свои особе-же покои разные, живутъ яко пустынницы, мало видятъ людей и ихъ люди, но всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываютъ, и лица свои слезами омываютъ“¹⁾).

Женщина, по понятіямъ общества, считалась ниже умомъ, малоспособнѣе мужчины. Такое убѣжденіе внушала мужчинамъ византійская литература. Въ „Повѣсти о премудрости Соломона“ они поучались зло-насмѣшливому, саркастически-унизительному взвѣшиванію мозга или „ума женскаго“. Въ „судѣ Соломоновомъ“ они назидались повѣстью о томъ, какъ премудрый Соломонъ, посредствомъ совѣта или повелѣнія мужу убить свою жену, а женѣ своего мужа, испытывалъ „умъ женовъ“ и, пришедши къ тому убѣжденію, что мужчина гораздо умнѣе женщины, въ сборникѣ стиховъ своихъ вписалъ такой выводъ: мужчину умнаго я находилъ одного въ тысячахъ людей, а женщины ни одной во всемъ мірѣ“²⁾. Подъ влияніемъ такихъ-то внушеній, русскіе люди утверждались въ томъ убѣжденіи, что мужчина вообще умнѣе женщины. „Да ушь Богъ васъ проститъ,—писалъ протопопъ Аввакумъ женщинамъ-боярынямъ,—што на васъ и дивитъ: у бабы волосы долги, да умъ коротокъ“³⁾. По ученію „Домостроя“, женщина, какъ менѣе умная, чѣмъ мужчина, лишена была всякаго права самостоятельной мысли, самостоятельнаго распоряженія даже въ дѣлахъ домашнихъ, ибо на то былъ умъ мужа — главы жены, который своими наставленіями и „плеткою вѣжливыенько“ училъ ее страху Божію и рабскому послушанію. По правиламъ „Вождя по жизни“, жена, „княгиня молодая“, не имѣла права ни о чемъ разсуждать своимъ умомъ, а могла „молвить только поклонъ отцу съ матерью: ино то не женское дѣло, кого звать и кого чествовать, и какъ чему быть: да и не стать въ слухъ при людяхъ своимъ умомъ наказывать: на это есть глава, мужъ законный; на то есть совѣтъ съ мужемъ, съ очей на очь“⁴⁾.

1) Кошкинъ, стр. 120.

2) Памят., III, стр. 56 и 63.

3) Письма Аввакума, «Русскій Архивъ», годъ 2-й, стр. 98—99.

4) Буслевъ, I, 509.

При умственномъ безправіи, женщина безправна была и въ употребленіи своихъ дѣятельныхъ силъ, въ сферѣ труда. „Домострой благовѣщенскаго попа Сильвестра“ назначалъ ей дѣятельность исключительно домашнюю, хозяйственную, и то, во всѣхъ мелочахъ, по указу и приказу мужа, подѣ страхомъ „плетки“, или особаго ремня, называвшагося „дуракомъ“. „Въ домашнемъ хозяйствѣ, говоритъ Петрей,—лучшія и знатнѣйшія женщины имѣютъ мало значенія: мужа содержать ихъ какъ невольницъ; онѣ сидятъ въ заперти въ своихъ комнатахъ и обыкновенно шьютъ и вышиваютъ на полотнѣ ширинки золотомъ, серебромъ и шелками, и въ этомъ дѣлѣ онѣ искусныя мастерицы“¹⁾. Такимъ образомъ, въ теремѣ, послѣ молитвъ, женщина могла только, въ слезахъ пригорюнясь, вышивать убрусы да ширинки, или епитрахили, ризы и „воздухи“ церковныя. И какъ сильно суживало умственный и нравственный кругозоръ дѣвицы и женщинъ это теремное руководѣнное воспитаніе въ нихъ монашескаго пристрастія къ убрусамъ, воздухамъ и ширинкамъ! Недаромъ царевна Ксенія Борисовна, когда предвидѣла свое насильственное заточеніе изъ терема въ монастырь, не умѣла иначе и выразить въ пѣснѣ своего горя-злосчастія, какъ только такимъ наивно-мелочнымъ сокрушеніемъ объ убрусахъ и ширинкахъ:

А сплachtetся на Москвѣ царевна

Борисова дочь Годунова:

А свѣты мои бранныя убрусы,

Вереза-ли вами крутити?

А свѣты золоты ширинки,

Лѣсы-ли вами дзрити?

А свѣты яхонты, сережки,

На сучья-ли васъ задѣвати?

Вотъ каковъ былъ умственный горизонтъ въ теремѣ знатной дѣвицы, да же тѣмъ царевнѣ, имя которой впервые возвеличивалось въ царскихъ грамотахъ на ряду съ именемъ царя-отца, и которая, по свидѣтельству современниковъ, „висавію книжному прилагала, цвѣла обильнымъ краснорѣчіемъ, во всѣхъ дѣлахъ была чредима, дѣла гласы воспѣваемые и пѣсни духовныя лю-

¹⁾ П. Петрей, «Описаніе московскаго государства». Чтен. общ. истор. 1867 г. кн. 2, стр. 368.

безно слышать любилъ“¹⁾. Помимо домашней, хозяйственной дѣятельности, разумѣется, для женщины немислимо, невозможно было никакое общественное занятіе. Правда, по свидѣтельству лѣтописей, уже въ древности нѣкоторыя великія вѣянія иногда оказывали вліяніе на общественныя событія, какъ совѣтницы мужей своихъ, но и такое пассивное участіе ихъ въ дѣлахъ общественныхъ возбуждало всеобщее негодованіе общества, какъ богопротивное. И Мономахъ поучалъ дѣтей своихъ: „не давайте женамъ своимъ власти надъ собою“. Всякое вмѣшательство женщины въ дѣла общественныя считалось величайшимъ зломъ. „Отъ женъ,—гласить „притча о женской злобѣ“,—много крови пролито было, и царства раззорялись, цари лишались живота, и села, и дома разрушались. Горе тому городу, въ которомъ владѣтельствуеетъ женщина! Горе дому тому, гдѣ владѣетъ женщина! Зло и мужчинѣ тому, который слушаетъ женщины“²⁾! Вообще, чуть женщина выступала изъ своей убійственно-узкой, теремной и семейной колеи, изъ предназначеннаго ей „Домостроемъ“ или „Вождемъ по жизни“ круга дѣятельности, чуть порывалась она жить и дѣйствовать своимъ умомъ-разумомъ, или согласнo съ своими физическими, умственными и социальными наклонностями,—сейчасъ всѣ кричали: „злая жена!“ Шла она въ церковь,—и тамъ слышала противъ себя всякія злохуленія „слова о злыхъ женахъ“. Шла она, по указу мужа, въ гости, на бесѣду, гдѣ былъ „покой мнихомъ“ и стояла обильная трапеза отцамъ духовнымъ, тамъ она слышала „притчу о женской злобѣ“. Занималась женщина „зеленичествомъ“, знахарскимъ леченіемъ людей, и ее, по строгой заповѣди пастырей церкви, преслѣдовали, изгоняли изъ городовъ и селъ, какъ „лихую бабу-вѣдунью“.³⁾ Что-же, послѣ этого, могло хотя нѣсколько расширить сферу дѣятельности женщины и доставить ей имя „доброй жены“? Что могло возбудить къ ней, внѣ терема или въ обществѣ, чувство благоговѣйнаго уваженія, почтенія и прославленія и открыть ей какое-нибудь поприще, какой-нибудь выходъ изъ кельи для дѣла общественнаго? Одно только все-

¹⁾ Хронографъ Кубасова.

²⁾ Пам. II, 462.

³⁾ Пам. IV, 187.

общее завѣтное чувство всей древней Руси,—чувство страха божія. Къ тому-то и направлено было самое слово Златоуста „о злыхъ женахъ“, чтобы возбудить въ женщинахъ такой страхъ божій, за который ихъ стали-бы уважать и прославлять уже не только какъ „добрыхъ женъ“, но и какъ „женъ праведныхъ, святыхъ, блаженныхъ“. Въ словѣ этомъ прямо сказано: „се, злая жены безумныя, слышавше, постыдитесь хулими и укоряеми отъ святыхъ книгъ, и живите въ богобоязньствѣ: тѣ, которыя во безстрашии Божіи пребываютъ, тѣ злыя жены суть и проказньство на рождающихся дѣтей своихъ приносятъ“. ¹⁾ Вслѣдствіе этого, при всеобщемъ господствѣ единственнаго начала всѣхъ добрыхъ дѣлъ—„страха Божія“, и для женщины возможна и позволительна была одна только общественная дѣятельность—филантропическая, внушаемая чувствомъ страха божія. И Домострой только эту дѣятельность женщины, внѣ терема, одобрялъ и дозволялъ. „Мать твоя,—говорилъ въ примѣръ сыну авторъ Домостроя, —многихъ дѣвицъ, сиротъ и бѣдныхъ воспитала, выучила и, надѣливъ, замужъ отдавала“. ²⁾ Подобныя богобоязненныя труженицы были и между боярынями, и княгинями. Напримѣръ, протопопъ Аввакумъ въ своемъ посланіи къ боярыньѣ Феодорѣ Морозовой, княгинѣ Евдокіи Урусовой и Маріи Даниловой такъ восхвалялъ филантропическіе труды и подвиги этихъ женщинъ: „Вѣмъ, другъ мой милый, Феодосья Прокосьева: жена ты была боярская, Глѣба Ивановича Морозова, вдова честная, по верху чина царева—близъ царицы. А до полунощи, съ Анною домочадицей своею, тайно бродишь по темницамъ и по богадѣльнямъ, милостивно отъ дому своего носишь деньги и ризы (одежду) и другое потребное каждому нищему довольно: овому рубль, а иному десять, а индѣ 50 рублей и мѣшою сотенной... Не облѣнюся еще припомнить твои подвиги и труды, блаженная Феодосія: въ трудахъ ты была всегда, постилась, молитву дѣяла неотложно, и власницу подъ одѣяніемъ носила на срачицѣ, устроенную отъ скота бѣлыхъ власовъ, краткорукавую. А послѣ правила и чтенія книжнаго ты раз-

¹⁾ Г. Лохвицкаго, „Памяти. старин. воспитанія въ чт. общ. истор.

²⁾ Домострой, во Времен. кн. 1.

суждала домохозяевъ и деревенскія крестьянскія нужды, безъ покою, дня, часу до девятаго и больше печешься о исправленіи крестьянскомъ, *иныхъ жезломъ наказуя*, а иныхъ любовію и милостію на дѣло Господне привлекая. Иногда-же руки твои пряслицы касались: и прала ты нити, и тѣми нитями нашивши рубахъ своими руками, въ вечеру съ Анною Амосовною, одѣвшись въ худыя рубы (рубища), по улицамъ и по стогнамъ града ходила и нищимъ раздѣляла, а иныхъ въ дому своемъ гнойныхъ держала, Федота Стефановича и прочихъ. Имъ своими руками служила, язвы гнойныя измывала, и въ уста ихъ пищу влагала. Еще-же домъ твой отверстъ былъ юродивымъ; и нищимъ и сиротамъ не возбранно было въ ложищахъ твоихъ витати, и съ ними ѣла ты изъ одинаго сосуда. И бывши на верху у царицы или у своихъ сестеръ, ты никогда не оставляла правило церковное и келейное. Если ты и сильно утомишься, а прздно не покоишься“. ¹⁾ Такова была общественная, филантропическая дѣятельность женщины, внушаемая чувствомъ страха божія. Но и эта дѣятельность возможна была только для женщинъ зажиточныхъ и даже богатыхъ. Какой-нибудь боярыня Морозовой можно было давать бѣднымъ по 50 рублей и сотенныя мѣшки, да прокармливать, обшивать и одѣвать ихъ, потому что объ пей тотъ-же протопопъ Аввакумъ писалъ къ ней самой: „Дома твоего тебѣ служащихъ было человекъ съ 300; у тебѣ-же было крестьянъ 8000 и имѣнія въ дому твоёмъ на 200 и на полтретей было; друзей и сродниковъ въ Москвѣ множество много; ѣздила ты къ нимъ на колесницѣ, т. е. въ каретѣ дорогой и устроенной муссією и серебромъ; аргамаки многи, 6 или 12 съ гремачими чепьми; за тобой-же слугъ—рабовъ и рабынь грядущихъ 100 или 200, а иногда человекъ и 300, оберегали честь твою и здоровье“. ²⁾ Но какъ-бы то ни было, а вообще, и въ семьѣ, и въ міру тѣ только женщины и заслуживали похвалу, которыя съ дѣтства имѣли страхъ божій и творили внушаемыя имъ дѣла христіанскаго милосердія. Женщина, отличавшаяся страхомъ божіимъ и проистекавшими изъ него добродѣтелями,

¹⁾ Послан. Аввакума. Русс. Архивъ, годъ 2-й, стр. 91—96.

²⁾ Тамъ-же.

возбуждала всеобщее удивленіе, какъ рѣдкое явленіе среди массы „злыхъ женъ“, отличавшихся „безстрашіемъ Божиимъ“. Въ лицѣ такой только женщины дивились „разуму“ и славили Бога. Напримѣръ, объ Уліяніи муромской писали: „сія блаженная Уліянія отъ младыхъ ногтей Бога возлюбила и Пречистую мать, такъ что всѣ дивились ея разуму: и вселился въ нее страхъ Божій, и всѣ дивились ея разуму и славили Бога“ ¹⁾. Высшимъ нравственнымъ идеаломъ женщины признавалась суровая жизнь матери и жены въ безропотномъ перенесеніи всѣхъ семейныхъ и общественныхъ оскорбленій и страданій. Чтобы женщинѣ очистить, сбросить съ себя позорно-оскорбительное клеймо „бѣсовской совокупленницы, сѣти сатаниной, спасаемымъ соблазна“ и т. д., и заслужить похвалу и прославленіе, — она должна была всю свою жизнь проводить въ „богобоязствѣ“ и страхѣ бѣсовскихъ искушеній, въ умерщвленіи плоти, въ постѣ, покаяніи, колѣнопреклоненіяхъ и денно-нощныхъ молитвахъ, да въ дѣлахъ милосердія отъ своего руководѣльа; она должна была смиренно вынести все иго семейнаго послушанія и рабства, выстрадать все горе лишеній, оскорбленій и бѣдствій житейскихъ — семейныхъ, замужнихъ и общественныхъ. Чтобы доказать людямъ, обществу, что она не „совокупленница бѣсовская“, — ей нужно было самой выдержать страшную борьбу съ „бѣсами“ семейной жизни, внушавшими раздоры семейные, самодурство отцовъ, мужевъ, свекровъ и свекровей, ссоры слугъ или рабовъ и т. п. Такая женщина возбуждала къ себѣ чувство удивленія, благоговѣнія и прославленія. Таковы были идеальныя женскіе типы древней Руси, изображаемыя въ повѣсти объ Евфросиніи Полоцкой, въ житіи Уліяніи Лазаревской, въ повѣсти о Февроніи муромской, въ легендѣ о двухъ сестрахъ — Марфѣ и Маріи. Но объ этихъ типахъ богобоязненныхъ женщинъ мы скажемъ въ слѣдующемъ очеркѣ, а здѣсь замѣтимъ только, что, вообще, во времена домостроевскаго воспитанія высшимъ, идеальнымъ типомъ женскимъ была только женщина „богобоязненная, праведная, святая, блаженная, преподобная“; только въ такой женщинѣ не боялись „бѣсовской совокупленницы и сѣти сатаниной“, а со

¹⁾ Памятн. 1, 63—64.

страхомъ и благоговѣніемъ преклонялись передъ ней. Такимъ образомъ, первобытный, религіозно-языческій страхъ передъ „мудрой, вѣщей дѣвой“, подъ вліяніемъ чувства страха божія, перевоспитывался въ чувство благоговѣнія передъ сверхъ-естественною, „богодарованною мудростью“ святой женщины. Какъ „вѣщихъ дѣвъ“ воспѣвалъ мифологическій эпосъ народный, такъ святую, мудрую женщину прославляла церковная пѣснь. И только въ этой церковной пѣснѣ, послѣ страдальческаго горя женщины въ земной, семейной и общественной жизни, съ богобоязненнымъ воодушевленіемъ привѣтствовали женщину неземными радостями и блаженствами. „Радуйся, возглашала церковная пѣснь, напряжѣръ, въ честь Февроніи муромской, — радуйся, Февронія! Яко въ женствѣи главѣ святыхъ мужъ мудрость имѣла еси. Радуйся, Февронія! Яко отъ Бога имѣла еси даръ въ дѣвственнѣи юности недуги исцѣляти“ и т. п. ¹⁾). Но надо замѣтить, что немногихъ женщинъ древняя Русь почитала, какъ святыхъ, праведныхъ, добрыхъ и мудрыхъ женщинъ; тогда какъ святыхъ мужей древняя русская церковь воспитала, ублажила и прославляла сотни; женщинъ-же, подходившихъ подъ идеалъ святости, оказалось только до 28 — княгинь и боярынь; изъ простонародныхъ-же женщинъ воспѣта и прославлена одна только Февронія муромская, тоже бывшая потомъ княгиней ²⁾).

Но невозможно-же было, чтобы всѣ женщины, „хулимыя и укоряемыя отъ святыхъ книгъ“, безъ возмущенія духа слушались „притчи о женской злобѣ“ или „слова о злыхъ женахъ“ и жили въ „богобоязньствѣ“. Человѣконенавистный, злобный и боязливо-недовѣрчивый взглядъ на женщину вообще не могъ благотворно дѣйствовать и на ея нравственное настроеніе и развитіе. Когда всѣ эти „слова о злыхъ женахъ“ и „притчи о женской злобѣ“, съ язвительными, злобноругательными прибавками русскихъ книжниковъ, безпощадно, злостно поносили женщину всякими оскорбительными выраженіями, сравненіями, примѣрами и описаніями, то могли-ли эти слова и поученія дѣйствовать благотворнымъ образомъ на женщину, могли-ли они исправлять и нравственно возвышать ее? Очевидно, нѣтъ. Напротивъ, по

¹⁾ Пам., 1, 29, 48.

²⁾ Буслевъ, Очерки старин. литературы, т. II, 242—245.

всѣмъ психологическимъ законамъ, они должны были ее только раздражать, ожесточать, озлоблять, а съ тѣмъ вмѣстѣ, большею частью, и нравственно развращать, даже „женъ добрыхъ“ обращать въ „злыхъ женъ“. Недаромъ сами составители „притчи о женской злобѣ“, всячески порицая злую жену, невольно проговаривались, высказывали такую мысль, что злое поруганіе надъ женщиной и звѣрское обращеніе съ нею не только не исправляло ее, но еще болѣе раздражало и ожесточало: „доколѣ мужъ, говорится въ этой притчѣ, — поступаетъ согласно съ женою, не говорить ей ничего вопреки, то и она ему терпитъ; а когда мужъ станетъ ей чѣмъ-либо грозить и досаждать, тогда и она на него, какъ змѣя, шипитъ; а если бьетъ ее жезломъ или пинаніемъ, или за волосы рваніемъ, то злую жену ничто нейметъ, но только раздражаетъ, и часто она отъ такого раздраженія чахнетъ и умираетъ... Дивная сія вещь: злая жена, кроткимъ обращеніемъ усмиряемая, возвышается, а когда подвержена бываетъ побоямъ, то бѣсится, сварится и подобна бываетъ болѣзни какой-нибудь“¹⁾. Недаромъ также ругательнымъ „словомъ о злыхъ женахъ“ возмущалось даже необразованное, грубое нравственное чувство простонародныхъ женщинъ, и притомъ еще старообрядокъ, слѣпо вѣрующихъ въ каждую букву стариннаго поученія. Одинъ черниговскій раскольникъ-очевидецъ рассказывалъ, что въ модельнѣ читали однажды „слово о злыхъ женахъ“ изъ стараго сборника, весьма уважаемаго раскольниками. Въ „словѣ“ были выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „лучше со львомъ и змѣями въ пустынѣ, чѣмъ съ злою женою; змѣя боится человѣка, а злая жена подлѣ мужа лежитъ и дышетъ на него змѣинымъ дыханіемъ; злая жена — орудіе діавола, стрѣла сатанина съ чемерью“. Услышавъ эти слова, женщины подняли крикъ: „это все мужики понаписали противъ насъ, отъ того, что сами сошлись, одни мужики, и написали!“ — и съ шумомъ и бранью повыходили изъ церкви²⁾. Далѣе, при всеобщемъ господствѣ животнo-эгоистической нравственности и мизантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу, очевидно, не могли выработаться и раціональныя нравственныя воззрѣнія на женщину, ко-

¹⁾ Памятн., I, 464, 466.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1864, СХХI, отд. III, стр. 88.

торья-бы возвышали, облагороживали ея нравственную жизнь въ обществѣ. Византійскіе книжники апіорически утверждали, что женщина по самой природѣ своей гораздо болѣе склонна ко злу, чѣмъ мужчина: „ангелъ Божій рече, гласить одно византійское писаніе, — яко жены зѣло распалются на блудъ, паче, сильнѣе мужа; онѣ въ сердцѣ зарятся на мужа, крашеніемъ ихъ прельщаютъ, мыслію и взоромъ ядъ вливають и потомъ дѣломъ плѣняютъ“ ¹⁾). На основаніи такого убѣжденія, мужчины, нелюбившіе или нехотѣвшіе заглядывать въ свою совѣсть, неразвивавшіе въ себѣ силу воли и нравственного самообладанія, несдерживавшіе своихъ страстей, всю вину своихъ животнo-эгоистическихъ увлеченій сваливали на „злое естество женское“, на бѣсовскую соблазнительность женскихъ прелестей. „Вѣсть бо, утверждали моралисты категорически, — вѣсть бо женское естество уловляти умы молодыхъ къ любодѣванію“ ²⁾). Въ себѣ самихъ мужчины оправдывали то, что въ нихъ еще гораздо сильнѣе и чаще, чѣмъ въ женщинахъ, животнo-эгоистическіе порывы половой страсти заглушали и чувство страха божія, а „доброта женская“ пересиливала и страхъ бѣсовскій. Многіе юноши, начитавшіеся церковныхъ книгъ, не отрицая того анти-соціального убѣжденія, что любовь къ женщинѣ возбуждается дьяволомъ, приходили, однакожь, и къ тому убѣжденію, что любить женщину не противно страху божію, что, по заповѣди апостольской, лучше жениться, чѣмъ разжигаться похотью. Когда отецъ раскрывалъ сыну „притчу о женской злобѣ“, сынъ дерзалъ возражать ему: „отче, апостоль рече: лучше жениться, нежели разжигаться; якоже палима пещь огнемъ, такъ-же и юношеская плоть къ вожделѣнію женскому разжигается; ибо огонь естественный не вѣтромъ разгнетается, затушается; видѣніемъ красныхъ лицъ взоръ мой прельщается, а время и мѣсто согрѣшенія врагъ полагаетъ: женская красота меня прельщаетъ; взирая на нее, я весель“ ³⁾). Сами почитатели „притчи о женской злобѣ“ сознаются: „если женщина будетъ прекрасна и лѣпа, то многи очи съ увлеченіемъ смотрять на нее: къ таковымъ женщинамъ многіе

¹⁾ Памятн., III, 34.

²⁾ Памятн., I, 170.

³⁾ Памятн. II, 465.

мужчины прельщаются: одинъ прельщается добродѣіемъ женщинъ, другой—разумомъ, иной — смѣхомъ, утѣхами, а иной — красноглаголаніемъ и дарованіемъ женщинъ очаровывается, и прочими лестями прельщаются ¹⁾. Но если въ мужчинахъ фізіологическая половая потребность, естественное, эстетическое и нравственное увлеченіе „добродѣіемъ, разумомъ и дарованіемъ“ женщинъ пересиливали аскетическое чувство страха бѣсовскаго и неволью заставляли ихъ противорѣчить патріархальной морали, то не вносила-ли эта мораль, эта „притча о женской злобѣ“, и въ чувства женщины тяжелого противорѣчія и борьбы? Вообще, когда мораль запрещала даже смотрѣть женщинамъ на мужчинъ, а мужчинамъ на женщинъ, и любить другъ друга, тогда, естественно, какъ молодые мужчины тайкомъ сообщались съ молодыми женщинами, или, по выраженію Кошкина, „воровали у дѣвок“, такъ, съ другой стороны, и сами женщины молодыя тоже тайкомъ сближались съ мужчинами, „тайкомъ высматривали изъ теремовъ на добрыхъ молодцевъ“. При отсутствіи нравственной выработки и облагороженности человѣческой природы, при отсутствіи высшихъ стремленій, идеаловъ и удовольствій умственной и соціальной жизни, неудивительно, что и женщина въ половыхъ отношеніяхъ, большею частію такъ-же, какъ и мужчина, только и желала грубыхъ, чувственныхъ удовольствій половой любви, и, при гнетущей, всесторонней сдержанности, половныя желанія ея проявлялись еще съ большею энергіею и усиленностью. Уединенная, теремная замкнутость дѣлала невозможнымъ свободное общеніе женщинъ съ мужчинами, между-тѣмъ естественная, фізіолого-исихическая потребность неодолимо влекла ихъ къ сообщенію съ мужчинами; вслѣдствіе такого неестественнаго раздвоенія и борьбы, вслѣдствіе стѣсненности и запуганности, какъ юноши, такъ и дѣвицы, и мужчины, и женщины тайкомъ, боязливо и даже „воровски“ выражали естественное чувство взаимнаго влеченія; а отъ этого и самая форма выраженія половой любви была самая грубая, даже часто — пошлая. Когда запрещалось „взирать на доброту женскую и уразумѣвать дѣла женщины“, узнавать и вызывать къ свободному проявленію ея умственныя и нравственныя качества, когда женщину держали взаперти, въ отрѣ-

¹⁾ Памятн., II, 462.

шенности отъ всякихъ вѣшнихъ физическихъ и общественныхъ впечатлѣній, возбужденій и вліяній, въ одуряющемъ и отупляющемъ уединеніи, на показаніи и постѣ, въ слезахъ и молитвахъ, и не пускали въ общество,—тогда, очевидно, въ ней не могли развиваться ни облагороженныя, просвѣщенно-человѣчныя формы общенія мужчинъ и женщинъ, ни разумныя бесѣды ихъ, ни нравственно-разумныя приличія въ выраженіи чувства взаимнаго влеченія и любви; напротивъ, тогда и возможны были только такія грубыя выраженія полового влеченія, какъ, напри- мѣръ, „поцѣваніе очима, бедрами трасенія, хребтомъ вихлянія и т. п. Страхъ передъ нелюбимыми суровыми мужьями побуждалъ запуганныхъ и забытыхъ женъ лстить, лицемѣрять передъ мужьями, и въ самыхъ лстивыхъ, напыщенно-лицемѣрныхъ изліяніяхъ чувства любви выражать безмолвное раболѣпіе и трепетъ. „Жена, — говоритъ притча о женской злобѣ“, — жена изыдетъ въ „срѣтеніе мужу своему, ланитами склобляется (улыбається), уничижается, и за руки мужа принимаетъ, и одѣяніе съ него совлачаетъ, устами его лобызаетъ и словесами лстить, такъ говоритъ: пойдѣ, государь мой, свѣтъ очію моего, сладость гортани моему, зрѣніе свѣта моего! Не могу ни еди- наго слова промолвити! Лицо мое померкло, и сердце мое окаменило, и когда воззрю на тебя, свѣта моего, тогда зѣло возра- дуюся: составы мои разступаются, и всѣ члены тѣла моего трепещутъ, и руки мои ослабѣваютъ! Бракъ ты мой любезный! Всегда ты предъ очами моиими, и когда услышу сладкія твои словеса, тогда не смѣю что отвѣчать: не отверзутся мои уста, огонь въ сердцѣ горитъ и лицо мое палитъ, и всѣ составы грѣются!“ ¹⁾ Страхъ деспотическаго преобладанія силы, власти и произвола мужчинъ вообще и, въ частности, мужей неволью заставлялъ женщинъ, какъ существа слабыя и лишеныя сильнаго вліянія на мужчинъ, прибѣгать къ разнымъ хитростямъ въ дѣлѣ ухаживанія за ними, для приобрѣтенія вліянія на нихъ. „Лукавы суть жены, — сказано въ одной старинной статьѣ, — ибо, не имѣя ни власти; ни силы надъ мужчинами или мужьями, лстятъ наружными прелестями, какъ-бы ихъ къ себѣ прива- дить: чего не могутъ сдѣлать силою, того достигаютъ лстію,

¹⁾ Пам. П., 463.

кращеньемъ и обольщеньемъ принуждаютъ мужчину увлекаться ими.“¹⁾ Страхъ „Закона Божія“ возбранялъ прерывать брачный союзъ съ нелюбимымъ мужемъ; между тѣмъ страхъ, внушаемый недлюбимымъ мужемъ, неволью отталкивалъ отъ него жену; а неудовлетворенность полового чувства, при разгулѣ воображенія въ теремномъ затворничествѣ, возбуждала жажду новой любви и усиливала стремленіе понравится другимъ мужчинамъ, возбудить въ нихъ очарованіе или любовь къ себѣ,—и вотъ въ душѣ запуганной и неудовлетворенной женщины разыгрывалась цѣлая драма лицемѣрія, и страстное желаніе понравится другимъ мужчинамъ выражалось тайкомъ, скрытно отъ мужей, въ самой грубой мимикѣ теремнаго волокитства. „Если въ дому мужа не прилучится,—говорить „Притча о женской злобѣ“,—то жена близъ оконцъ присѣдять, сѣмо и овамо колеблетса, а со смиреніемъ не сидитъ: скачетъ и пляшетъ, и всѣмъ тѣломъ движетса, сандаліями стучитъ, руками плещетъ, пляшетъ, бедрами трясетъ, хребтомъ вихляетъ, головою киваетъ, голосомъ поетъ, языкомъ глаголетъ, бѣсовскія ризы многія перемѣняетъ, и въ оконце часто призираетъ, и многимъ юнымъ хочетъ угодить и всякаго къ себѣ льститъ.“²⁾ Не въ силахъ будучи такъ овладѣвать мужчинами, какъ мужчины овладѣвали ими,—женщины ухищрялись плѣнять ихъ не только украшеніями и нарядами, но и „тихою поступью, легкимъ, кроткимъ обращеніемъ выи, умильнымъ зрѣніемъ“ и т. п. „Прокудливая жена,—гласила та-же „притча“,—прехитро себя украшаетъ, во пріятныя сандаліи обувается, вѣжды (брови) свои ощишетъ и духами учинитъ, лицо и выю (шею) вапами (притираньями) повапитъ, и черности во очахъ себѣ украситъ, и когда во одѣваніе себя облечетъ, перси (перстни) на руки возлагаетъ, а верхъ головы золотомъ и каменьемъ дорогимъ украшаетъ, и на лукавыя дѣла тщитса; а когда идетъ, ступаетъ тихо, и выю кротко обращаетъ, и очами не вскорѣ, не быстро и зрѣніемъ умильно взираетъ, а уста гладно, слегка открываетъ, и всѣ составы свои къ прелести ухищряетъ, и многія души огнеопальными стрѣлами устрѣляетъ.“³⁾

¹⁾ Пам. III, 34.

²⁾ Пам. II, 463.

³⁾ Пам. II, 464.

Всѣ эти наружныя выраженія женской обаятельности мораль осуждала, какъ бѣсовскія прелести; къ числу 25 самыхъ тяжкихъ грѣховъ—„дѣлъ діаволихъ“ она относила „помизаніе очима“ и между ними считала его въ числѣ 6-ти „наигоршихъ грѣховъ.“¹⁾ Чтобы сильнѣе возбудить страхъ ко всѣмъ этимъ прелестямъ бѣсовскимъ, книжники и моралисты придумали и въ писаніи раскрывали страшнѣйшія „видѣнія мукъ грѣшницы во адѣ.“ Въ „видѣніи“ этомъ, между прочимъ, сказано: „показалась двумъ мнхамъ жена на страшномъ и лютомъ змѣи, и два ужа великія сокрушали вью ея, а два перси (груды) сосали, два-же нетопыря выдирали очи ея, и отъ усть ея исходилъ огнь жупельный, руки-же ея уязвляли два пса великіе, во ухахъ ея двѣ стрѣлы великія огненныя, воззены въ голову ея, сколько было волосовъ—столько ящериць. Сіе старцы оныя ясно узрѣли, и пали аки мертвыя. Тогда женщина сказала имъ: не ужасайтесь! Я женщина проклятая... Вотъ эти ящерицы, вмѣсто волосовъ, даны мнѣ за украшеніе головы; нетопыря въ очахъ моихъ—это мученіе и казнь мнѣ за прелестное воззрѣніе и возвожденіе бровей; стрѣлы огненныя въ ухахъ—казнь за слышаніе рѣчей лестныхъ, соблазнительныхъ и пѣсней сатанинскихъ; изъ усть исходящій пламень жупельный—за прелестныя мои слова; ужы сосутъ перси мои—за нечестивое и скверное дотыканіе многихъ; озлобленіе псовъ—за пріятіе руками моими и еже ими давахъ любовникамъ моимъ; а что я сижу на великомъ и страшномъ змѣи,—это за желающую мою похоть тѣлесныхъ сластей: змѣи этотъ меня зельною нестерпимою мукою дручить, и томить, и палить огнемъ несказаннымъ адскимъ и бедра тайная и вся внутренняя.“²⁾ Такими ужасами византійско-аскетическая мораль хотѣла внушить женщинамъ страхъ мукъ адскихъ, съ тѣмъ, чтобы обуздать ихъ естественное стремленіе—правиться мужчинамъ и сдержать ихъ невольное желаніе возбуждать въ мужчинахъ, вмѣсто суроваго взгляда и аскетическаго отвращенія, доброе, любезное расположеніе и любовь къ себѣ. Но могло-ли это домоостроевское устрашеніе сдѣлать всѣхъ женщинъ богобоязненными, по своему аскетическому или домоостроевскому идеалу,

¹⁾ Пам. III, 86.

²⁾ Пам. I, 105—106.

блаженными, преподобными монахинями, или такими счастливыми „добрыми женами“, которыя-бы не имѣли нужды если по естественнымъ, то хоть искусственными средствами, — „брашеніями, ваннами и умильными, кроткими помизаніями“, — смягчать челоуѣко-ненавистный взглядъ мужчинъ на женщину и укрощать злыя сердца мужей своихъ? Очевидно, не могло. Кромѣ того, что естественныя наклонности пересиливали въ женщинѣ антифизиологическое умерщвленіе плоти, — сами-же мужчины сплошь и рядомъ не имѣли столько ни страха божія, ни правильнаго взгляда на женщину, чтобы не развращать ее, не дѣлать изъ нея „злой жены.“ Отъ чего женщина выходила „злою женою?“ Отъ мужчины, — говоритъ древняя „Пчела“, — отъ выбора, который онъ дѣлаетъ, и отъ образа его воззрѣнія и вліянія на женщину: сами мужчины портятъ женщинъ, ибо мужи-тѣлолюбцы украшенну, т. е. прекрасную жену претворяютъ въ сластолюбцу и блудницу, а мужи-благолюбцы творятъ жену умну и цѣломудренну. Мужья сами виноваты въ томъ, что женщины часто черезчуръ заботятся о своей наружности: жениться у богатаго гостя (купца) прибытка ради, и взять жену злообразную, некрасивую тоже, что осудить себя на болѣзнь, если мужъ не любитъ такую злообразную жену; даже лучше тряскею (лихорадкою) болѣть, нежели съ нелюбовною женою жить. Жена некрасивая и нелюбимая поневолѣ печалится о своей некрасотѣ, и красится и въ зеркало (зеркало) смотрится: женѣ злообразной, некрасивой не подобаешь смотритися въ зеркало, да не сотворить себѣ печаль, позрѣвъ на нелѣпство своего лица. Права и неклеветлива жена, которая вапами (притираньями) не красится паче мѣры“ и проч. ¹⁾

Укоренивши такіе общіе принципы личнаго, семейнаго и общественнаго положенія женщины, аскетическая доктрина, на основаніи бѣсобязненнаго и мизантропическаго воззрѣнія на челоуѣческую природу вообще и, въ частности, на „естество женское“, установила свои воззрѣнія и на физическія, умственныя и нравственныя качества женщины, на любовь къ женщинѣ и, наконецъ, на всю брачную жизнь ея и, вообще, супруговъ. При

¹⁾ Изъ сборника «Пчелы». См. у г. Лешкова: «Русскій народъ и государство», стр. 439—440.

выборѣ женщины для женитьбы она строго возбраняла разсматривать тѣлесныя и нравственныя качества женщины, познавать ея дѣла, а заповѣдывала руководствоваться единственно страхомъ божіимъ и упованіемъ на волю божію. Она поучала: „да не взирайте на доброту женскую, ни разумѣвайте дѣлъ женскихъ, но ходите въ страѣхъ Господни, дондеже дастъ вамъ Господь подружіе, яке самъ захочетъ ¹⁾. Въ красотѣ женской и въ любви къ женщинѣ она поучала бояться бѣсовской силы, дьявольскаго прельщенія, и потому возбраняла юношамъ „взирать на красныхъ женъ“ и любить женщину: „обрати око отъ жены благообразныя, и не внимай добротѣ женстѣй: въ добротѣ женстѣй мнози прельстишася, и отъ сего любовь, яко огонь, разгорается: не возри на доброту женскую, и посреди женъ не сиди: отъ ризъ исходитъ моль, а отъ жены лукавство женское; лучше лукавство мужа, нежели благотворная жена. Отъ жены начатокъ грѣха, и тою умираемъ вси: отврати око отъ жены красныя“ ²⁾. Въ повѣстьяхъ, изображавшихъ любовь молодой женщины и юноши, главнымъ дѣйствующимъ героемъ представлялся дьяволъ, который возбуждалъ взаимную любовь юноши и молодой женщины, въ качествѣ соблазнителя-брата и друга, являлся посредникомъ между любовникомъ и любовницей, словомъ, разгрызалъ всю драму или трагикомедію любви и любовной связи: развязка повѣсти, по обычаю, была богобоязненно-аскетическая: въ юношѣ-любовникѣ пробуждалось чувство страха божія и чудесно явившаяся ему Богородица призывала его въ монастырь для избавленія отъ дьявольской любовной связи. Такова, напримѣръ, „повѣсть зѣло предивная и страха и ужаса исполнена — града великаго Устюга купца Фомы Грудцына о сынѣ его Саввѣ, како онъ даде на себя дьяволу рукописаніе и како избавленъ бысть милосердіемъ Пресвятыя Богородицы Казанскія“ ³⁾. Чтобы подавить чувство полового влеченія въ самомъ зародышѣ, домогостроевская мораль совѣтовала возбудить въ себѣ чувство отвращенія къ женской красотѣ представленіемъ ея тлѣнности или болѣзненнаго безобразія дряхлой старухи и гнилостнаго, жервящаго раз-

¹⁾ Пам. III, 34.

²⁾ «Памяти. старин. воспит.» 56.

³⁾ «Пам. I, 170—190. «Лѣтоп. рус. литер.» IV.

ложенія тѣла умершей красавицы. Слово Іоанна Златоуста о женщинахъ и красотѣ въ славянскомъ переводѣ поучало: „егда бо увидиши жену чужду, красотой сіяющую, добръ имущую очи и лице, а дивенъ взоръ ея какъ-нибудь залипаеть твоему помыслу и похоть рождаетъ и раститъ,—не прельстися, но разумѣй, яко земля есть и пепель чюдимая красота, и престанеть болѣющая твоя душа, успокоится: помысли прекрасную жену больною и состарѣвшуюся съ лицомъ сморщившимся, съ истаявшими очами, съ отряхнувшимися власами, и со всѣмъ отшедшимъ юношескимъ цвѣтомъ, и тогда увидишь красоты той худость, да постыдися, чему чудишься: калу и пепелу дивишься, и то тебя поджигаетъ; если-же въ правду размотришь, то уразумеешь, что одна личная доброта безъ душевной добродѣтели есть ничто иное, какъ только гробу повалленному подобна, ибо всей нечистоты внутри исполнена: ибо умершая красавица, послѣ одного или послѣ двухъ дней, множество смрада и гноя и червей въ себѣ имѣеть, да подразумѣй, каковую вещь любиши, челоувѣче“¹⁾.

Если и позволялось восхищаться чѣмъ-нибудь въ женщинѣ; то ничѣмъ другимъ, какъ только глубокимъ чувствомъ ея смиренія и всѣми внушаемыми имъ добродѣтелями; въ самой тѣлесной организаціи богобоязненной женщины, во всемъ сложеніи ея членовъ видѣли живой символическій отпечатокъ чувства страха божія, молитвъ къ Богу, трехъ лицъ божества, аскетическихъ подвиговъ и христіанскаго милосердія. Вотъ какъ, напримеръ, пророкъ Аввакумъ описывалъ боярню Феодору Морозову въ одномъ посланіи къ ней: лѣпота лица твоего сіяла, яко древлѣ во Израилѣ святныя вдовы Юдѣи, побѣдившія Навуходоносора, князя Алоферна; знаменита ты была въ Москвѣ предъ челоувѣки, яко древняя Деввора во Израилѣ, Есфирь жена царя Артаксеркса: когда ты молилась на молитвѣ Господу Богу, слезы отъ очей твоихъ, яко бисеріе драгое, исходили; глаголы-же устъ твоихъ, яко каменіе драгое, удивительны предъ Богомъ и предъ челоувѣки были; персты-же рукъ твоихъ тонкостны и дѣйственны: великій, меньшій и средній перстъ въ образъ трехъ ипостасей божества, указательный-же и велико-средній — въ об-

¹⁾ «Памяти. старин. воспитан.» 28.

разъ двухъ естествъ божества и челоѳчества Христова, и сложа ихъ на чело ты возносила и на нупъ сноси и на обѣ рамѣ полагала и себя пометала на колѣни предъ образомъ Христовымъ, прося отпуста грѣховъ своихъ и всего міра; очи-же твои молніеносны держались отъ суеты міра, токмо на нищихъ и убогихъ презирають. Нозѣ-же твои дивное ступаніе имѣють въ хожденіи на дѣла христіанскаго милосердія по темницамъ и богадѣльнямъ... О каменіе драгое, акиньфъ, и измарагдъ, и апись! О трисіятельное солнце и немерцающія звѣзды!“¹⁾ Вообще съ аскетической точки зрѣнія грѣшно было созерцать и описывать тѣлесную красоту женщины — просто, съ естественно-эстетическимъ очарованіемъ, безъ идеи красоты небесной, божественной.

При богобоязненномъ взглядѣ на качества женщины, на выборъ „подружія“ — невѣсты, — и въ самой рѣшимости жениться благочестивые люди вполне полагались на волю божію. Затѣмъ, вся брачная жизнь, отъ вѣнца до гроба, подчинена была разнымъ правиламъ церковной уставности. Самое ложе брачное обставлено было разными уставами. Въ „словѣ о постѣ“ сказано: „аще кто подружіе (жену) имѣеть, то въ подобающее время приближаться въ ней, а не аки скотамъ наслаждаться плотскимъ по своему хотѣнію, безъ устава, но раздѣрнати здѣ все свое житіе, да Богъ въ ту-же мѣру отдѣритъ на страшномъ судѣ“ Женщина, по домостроевскому воззрѣнію, при многихъ фізіологическихъ явленіяхъ, представлялась нечистой и, какъ нечистую, священники очищали ее особыми молитвами; — „молитвою отъ оскверненія невѣстѣ“, „молитвою надъ женою бывшею непрадною“, „молитвою женѣ и бабѣ“, „молитвою надъ женою извергшею“. Когда женщина забеременѣвала или, по выраженію благочестивыхъ предковъ нашихъ, „егда по Божію благословенію зачнется во утробѣ младенецъ — богоданный сынъ или богоданная дочь“, — то богобоязненные мужья призывали священниковъ „молитвовать“ жену, и, недопуская никакихъ гигиеническихъ предосторожностей при беременноти и родахъ женщинъ, со страхомъ божіимъ полагались на волю Божію. Въ трудныхъ родахъ совѣтовали имѣть при родильницѣ „сонъ Богородицы“: „аще которая жена беременна и не можетъ родить младенца, или въ болѣзни родить, а сей сонъ

¹⁾ «Русскій Архивъ», годъ 2-й, стр. 91—94.

Богородицы, святую молитву твою, почитати надъ нею трижды и положить ей на главу, и ту жену, говорить Богородица, прощу, и безъ болѣзни отпущена будетъ здрава“. Точно также, страхъ бѣсовъ, поселявшихъ въ семьѣ, между мужемъ и женою, раздоръ и несогласіе, побуждалъ прибѣгать богобоязненныхъ людей къ этому-же „снѣ Богородицы“: „аще кто первымъ бракомъ или вторымъ бракомъ идетъ вѣнчаться, а сію святую молитву твою, сонъ Богородицы, съ собою несетъ въ чистотѣ, и съ чистотою и съ прилежностію читаетъ,—и тотъ человѣкъ сохраненъ будетъ и помилованъ отъ дьявольскія силы, и къ тому человѣку не приступится и не прикоснется лихой и злой человѣкъ (протившій жениха или невѣсту на свадьбѣ)“¹⁾. А такъ-какъ, по свидѣтельству Кошихина, при заочномъ сватовствѣ и на смотринахъ пѣвѣтъ, часто подставныхъ, „во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвкѣ обманства не было, — яко въ московскомъ государствѣ“ и браки заключались безъ согласія вступавшихъ въ бракъ, отчего, по словамъ патріарха Адріана, „житіе супруговъ бываетъ бѣдно, другъ другу навѣтно и дѣтей безпріютно“ и и проч., то, естественно, разводы мужей и женъ были неизбѣжны. Но когда страхъ божій возбранялъ нарушать богоутвержденную нерасторжимость церковнаго брака, тогда одинъ только исходъ для разводовъ и возможенъ былъ и считался богоугоднымъ, именно постриженіе несогласныхъ супруговъ въ монастырь, одобряемое и внушаемое тѣмъ-же чувствомъ страха божія; и дѣйствительно, нерѣдко случалось, что мужа отъ живыхъ женъ, а жены отъ живыхъ мужей постригались въ монастырь; по утвердившейся и освященной вѣрованіемъ зависимости женщины отъ мужчины, большею частію мужа силой принуждали своихъ нелюбимыхъ женъ постригаться въ инокини. „Мужъ имѣетъ право,—говоритъ Олеарій,—въ случаѣ бесплодія жены, заключить ее въ монастырь и жениться на иной. Такіе примѣры бывали и съ великими князьями, которые, не имѣя отъ женъ своихъ наслѣдниковъ, или-же имѣя только дочерей, заключали этихъ женъ своихъ въ монастырь и женились на другой. Если частный человѣкъ замѣтитъ, что жена невѣрна ему, и можетъ это доказать, то она также постригается въ монастырь, причеиъ часто мужъ дѣй-

¹⁾ Пам. III, 127.

ствуетъ болѣе по произволу, нежели по справедливости. Такъ если, иногда по одному только подозрѣнію, или по другимъ какимъ ничтожнымъ причинамъ, мужъ возненавидитъ свою жену, то онъ подкупаетъ двухъ бѣдняковъ-негодяевъ и идетъ съ ними къ судьямъ обвинять и доказывать на жену, что она застигнута ими въ томъ или другомъ нечестивомъ дѣлѣ, или въ любодѣяніи, и дѣло доводится до того, особенно если помогаютъ тутъ деньги, что добрую женщину, прежде чѣмъ она догадается, въ чемъ дѣло, одѣваютъ въ монашеское платье и заключаютъ въ монастырь, гдѣ она и должна провести остальные дни своей жизни, ибо у русскихъ посвятившій себя однажды въ монашество и будучи постриженъ, уже не можетъ выйти изъ него, а тѣмъ болѣе вступить въ новый бракъ ¹⁾. Жена, постригшаяся отъ живого мужа, называлась въ отношеніи къ нему „посестрію“, мужъ „побратимомъ“. Во второй половинѣ XVII вѣка одна такая „посестрія“ подала жалобу, что побратимъ, избываячи ее, бивалъ и мучивалъ, въ подполы и въ коникъ, крапивы настлавши, сажалъ и въ соху впрягалъ. Оказалось, что она пострижена была неволею, въ пустой избѣ, а не въ монастырѣ, родственниковъ ея при постриженіи и у записи никого не было. Вообще, какъ разводы, дозволявшіеся только подъ условіемъ постриженія котораго-либо изъ разводящихся супруговъ въ монашество, такъ и взаимное избывательство ихъ въ монастырь, особенно женъ мужьями, до того обычны были въ до-петровскомъ обществѣ и такъ часто сопровождались вопіющими неправдами, что въ 1681 году патріархъ разослалъ память: „если мужья отъ женъ, а жены отъ мужей захотятъ постричься, то ихъ не постригать; а если жена отъ мужа пострижется, то мужу ея другой жены не брать, также и женамъ, послѣ постриженія мужей, замужъ не выходить“ ²⁾. Наконецъ, только монастырь-же, съ другой стороны, искупалъ женщину и отъ общественнаго юридическаго проклятія и осужденія позорнаго, отъ немилосердо-жестокой, беспощадной кары государственнаго Уложенія за убійство или отраву мужа, и хотъ полу-живую вырывалъ ее изъ земли и спасалъ въ своихъ

¹⁾ Озарія, Опис. Пут. Чтен. Общ. Истор. 1868 г. кн. 3, стр. 214.

²⁾ Акт. Археогр. Экспед. т. IV, № 247.

кельяхъ; но и тутъ только чувство страха божія и обѣщаніе вѣчнаго покаяніа въ монастырѣ избавляли несчастную женщину отъ „окапыванія въ землѣ“, да и то по ходатайству духовенства. Такъ, въ 1677 году окопана была во Владимірѣ на торговой площади крестьянка Жукѡва за то, что отсѣла косою голову мужу своему; сутки пробыла она въ землѣ, какъ владимірское духовенство подало челобитную, чтобъ преступницу вынуть изъ земли и постричь въ монастырѣ; государь велѣлъ исполнить челобитную. Въ 1682 г. былъ такой-же случай въ Москвѣ: двѣ преступницы были окопаны въ землю, и въ землѣ обѣщались постричься и злыхъ дѣлъ не творить; государь велѣлъ ихъ выкопать и постричь ¹⁾).

Укоренившіяся въ умѣ народномъ восточныя понятія о женщинѣ и бракѣ оказали, наконецъ, значительное вліяніе и на юридическія понятія русскаго общества объ имущественныхъ правахъ женщины и на отношенія супруговъ по имуществу; вмѣстѣ съ юридическою, господствующею властью „сильнаго мужа“ супруга санкціонирована и имущественная его гегемонія. Основываясь на томъ убѣжденіи, что „мало есть женъ добрыхъ, которыя боятся Бога, а больше—все жены злыя, лукавыя“, — византійская доктрина съ особенною настоятельностью поучала—не довѣрять женамъ имущества по смерти мужей. Такъ одно древнее церковное поученіе, подъ заглавіемъ „поученія святаго отца Василія Кесарійскаго“, съ восточнымъ предубѣжденіемъ и недоувѣріемъ къ женщинѣ, предписывало такіа правила относительно наследства женъ: „Устройайте, любимыя, спасеніе душамъ своимъ въ малое настоящее время: одно время твоего житія, одна смерть, и одна душа; пекись объ ней вѣрно и устрой житіе свое добръ: часть отъ имѣнія своего отдѣлай Богу, а прочее имѣніе объяви при жизни дѣтямъ передъ послухами (свидѣтелями), а *женинымъ лествямъ не вѣрь*: ибо многія жены лукавы суть. Ради ихъ-то и писано сіе наказаніе. Ибо, если передъ послухами не явишь своего имѣнія дѣтямъ, то жена твоя, утаивши имѣніе, замужъ пойдетъ; не будетъ по тебѣ и памяти, да и дѣтямъ не доста-

¹⁾ Акт. Истор. V, № 14, 80.

нется твое стяжаніе. Того ради объяви имѣніе передъ послухами. Ибо многія жены, когда мужъ въ болѣзни будетъ и хочетъ раздать имѣніе Бога ради, плачутъ умильно, лгутъ, дабы мужъ не раздавалъ имѣнья; клянется жена сильно, много и говоритъ: хочю послѣ тебя сѣсти, остаться вдовой, или постригуся; но не исполняютъ того многія жены. Посему, *берегитесь при своей жизни, дабы послѣ тебя, мужа, не вышла жена замужъ*, солгавши передъ тобой, но управь, какъ святые отцы узаконили, передъ семью послухами. Если-же жена положить обѣтъ постричься послѣ тебя, то слава Богу; почти ее, какъ душу свою, но, Богу часть отъ имѣнія своего отдѣливъ, оставь и ей имѣнье, но скажи, объяви передъ послухами; если ей оставить много имѣнья ради черническаго ея чина, и если не пострижется, а захочетъ замужъ, или начнетъ творить блудъ, то, взявши у пей имѣнье, сохранить дѣтямъ, если еще не разумны будутъ; и въ этомъ поставь семь добрыхъ послуховъ: она-же, жена, пусть замужъ идетъ въ томъ, что на нее мужъ возложилъ, — одежда или казнь какая (вещи, принадлежащія къ нарядамъ). Знайте, что мало есть женъ добрыхъ, которыя боятся Бога и своего слова не перемѣняютъ. И я видѣлъ много женъ: передо мною обѣтъ положили постричься, и мужа повѣрили имъ, не объявили имѣнія передъ послухами; такъ жены тѣ и не постриглись, но вышли замужъ и дѣтямъ ничего не дали, и такъ посмѣялись тѣ жены надъ своими мужьями. И то бываетъ часто; если мужъ боленъ и хочетъ раздавать имѣніе ради спасенія своей души, то жена плачетъ и говоритъ: а мнѣ что ѣсть, постригшись по тебѣ? А онъ думаетъ: вотъ мнѣ задушье (поминовъ по душѣ) готово; жена пострижется по мнѣ. Она-же, лукавая, замужъ выйдетъ, ни души не будетъ, ни дѣтямъ стяжанія. Того ради семь послуховъ добро имѣть, и яви передъ ними имѣнье дѣтямъ. Сіе написано и речено для злыхъ и лукавыхъ женъ. А добрая жена и по смерти мужа своего спасетъ, и при жизни мужа все добро творить. Но добро-бы весьма было, если-бы мужья, пока еще здоровые, отдѣлили душевную часть Богу, и жизнь (животъ, имѣнье) свою урядили-бы передъ семью послухами, тогда не смѣли-бы злыя жены ничего лукаваго сотворить. Того ради, устройте жизнь свою добръ, да безмятежно здѣсь поживете, а

тамъ въ царство небесное придите“ ¹⁾). Подъ вліяніемъ такихъ-то поученій и на основаніи каноническихъ правилъ, помѣщавшихся въ „Кормчихъ книгахъ“, опредѣлялись имущественныя права женщины. Мужья, дѣйствительно, передъ послухами объявляли свое имѣнье. Хотя они имѣли обычай „отказывать“ женамъ имущество, на случай ихъ вдовства, но по большей части отказываемое имущество назначалось женѣ не въ полную собственность, а только въ пожизненное владѣніе, „для корми“. Да и при такихъ „отказахъ“ мужья нерѣдко постановляли тѣ или другія ограниченія: такъ, напримѣръ, мужъ назначалъ женѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми, все свое имущество, но съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ она послѣ смерти не вступала въ бракъ, а если-бы вступила, то должна была возвратитъ отказанное ей имущество и получала только кое-что изъ движимости и денегъ, а иногда и вовсе ничего не получала. Въ нѣкоторыхъ завѣщаніяхъ мужей прямо говорится, что если жена послѣ нихъ выйдетъ замужъ, то нѣтъ ей участка ни въ чемъ ²⁾). Псковская судная грамота, по общественному обычаю, предоставляла женѣ-вдовѣ право пользоваться имуществомъ мужа только „для корми до своего живота“ или до выхода замужъ; а если она вышла-бы замужъ, то по правилу грамоты, „и корми ей нѣтъ“ ³⁾). По Уложенію царя Алексѣя Михайловича, мужъ въ правѣ былъ завѣщать купленную вотчину бездѣтной вдовѣ, съ опредѣленіемъ срока и условій владѣнія вотчиной если она не выполнитъ этихъ условій, напримѣръ, условія или духовнаго завѣщанія мужа не выходить по смерти его замужъ, то вотчина отбиралась у нея и отдавалась сыновьямъ, братьямъ или родственникамъ ⁴⁾). Такъ какъ женщины не имѣли права или обязанности лично служить государству, то онѣ не имѣли права и владѣть помѣстьями и вотчинами; тѣ и другія предоставлялись законами, отъ Судебниковъ до Уложенія, только мужчинамъ, а женщины устранились отъ

¹⁾ Правосл. Собесѣдн. 1858 г. ноябрск. кн. стр. 510—511.

²⁾ Акт. Юрид. № 409. № 415, 418, 420, 427. Акт. Истор. 11, № 191.

³⁾ Бѣляева: о наследованіи безъ завѣщаній по древн. русс. законамъ. М. 1858 г. стр. 71. Неволина, истор. росс. граж. законовъ, V, стр. 348.

⁴⁾ Уложеніе, гл. XVII, ст. 7.

наслѣдованія ихъ ¹⁾. Съ того времени, когда явилось различіе между имуществами родовыми, выслуженными, купленными и помѣстьями, законодательство, въ видахъ государственныхъ соображеній правительства, старалось ограничить наслѣдованіе женою имущества умершаго ея мужа; съ тѣхъ поръ, наслѣдникомъ вотчинъ умершаго обыкновенно считался государь, а женѣ выдавалась изъ нихъ только извѣстная часть на прожитокъ или прокормленіе. Судебники Іоанна III и Іоанна IV уже не признавали жену наслѣдницей послѣ мужа. При Михаилѣ Федоровичѣ было прямо опредѣлено закономъ, что жена не можетъ наслѣдовать родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ мужа. Духовная власть, на основаніи церковныхъ законовъ византійской кормчей книги, подтверждала такія установленія. Такъ, патріархъ Филаретъ, любившій издавать законы на основаніи Номоканона, признавалъ несогласнымъ съ законами, изложенными въ кормчей, отдавать родовыя и выслуженныя вотчины умершихъ вотчинниковъ бездѣтнымъ женамъ ихъ, а не боковыми родственникамъ, а потому, указомъ 1627 года декабря 3, подтвержденнымъ и царемъ Михаиломъ Федоровичемъ, постановлено было, „чтобы женамъ тѣхъ умершихъ вотчинниковъ, которые останутся бездѣтны, давать имъ изъ животовъ ихъ четверть да приданное, а до родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ имъ дѣла нѣтъ.“ Если даже у мужа не было никакихъ помѣстій, кромѣ родовыхъ, то и въ такомъ случаѣ вдовы лишались права наслѣдовать эти родовыя помѣстья. Такимъ образомъ, законъ 1627 года совершенно устранилъ бездѣтныхъ женъ отъ наслѣдованія выслуженныхъ и родовыхъ вотчинъ, даже призналъ прежнія выдачи такихъ вотчинъ женамъ незаконными и опредѣлилъ возвратить ихъ назадъ. Указъ этотъ и впоследствии не разъ былъ подтверждаемъ ²⁾. Какъ мірскія лица, такъ и духовныя власти, въ вотчинахъ своихъ, жаловали вдовъ, послѣ смерти ихъ мужей, частью изъ ихъ помѣстій, но также только „на прожитокъ, покажѣсть она замужъ не пойдетъ или въ монастырь не устроится“ ³⁾. По Уло-

¹⁾ Г. Алексѣева: «объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу въ древней Россіи и въ Польшѣ. Чтен. Общ. Истор. 1863 г., кн. 2, стр. 22.

²⁾ Алексѣевъ, стр. 49 — 50.

³⁾ Акты истор., II, № 315.

женію, „женамъ до родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ умершихъ мужей дѣла вѣтъ, опричь купленныхъ вотчинъ“. Если-же мужъ не оставялъ женѣ никакихъ купленныхъ вотчинъ на прожитокъ, то хотя ей и давалась часть изъ выслуженныхъ вотчинъ на пропитаніе, однако, она не вправѣ была такия выслуженныя вотчины ни продать, ни заложить, ни по душѣ отдать и т. п. ¹⁾. Правда, жена имѣла право свободно распоряжаться своимъ собственнымъ имуществомъ — приданнымъ или благопріобрѣтеннымъ, движимымъ и недвижимымъ, но и то по большей части съ соизволенія или по духовному завѣщанію мужа. Мужъ въ завѣщаніи говорилъ: „а что жены моей приданое, въ томъ приданомъ вольна моя жена“, или: „села, купленныя моею женою, вольна она отдать, кому хочеть и т. п. ²⁾. Законами не были строго и точно опредѣлены права жены на собственное ея приданое и особенно власть мужа въ пользованіи женинимъ приданнымъ. Вслѣдствіе этого мужа сплошь и рядомъ, особенно въ эпоху до Уложенія, полновластно распоряжались приданнымъ жены, часто безъ всякаго согласія съ ея стороны продавали ея приданое имѣніе ³⁾. Въ 1769 году били челомъ служилые люди, что родственницы ихъ выданы замужъ съ вотчинами и мужья ихъ бьютъ и мучатъ, приневоливаютъ, чтобы онѣ свои приданныя вотчины продавали и закладывали своими именами; по этому случаю состоялся указъ, чтобы мужья не продавали и не закладывали вотчинъ женъ своихъ ихъ именами ⁴⁾. Въ XIII вѣкѣ, да и послѣ существовало правило, по которому жена отвѣчала за долги мужа и, въ случаѣ неуплаты ихъ, поступала вмѣстѣ съ дѣтьми въ кабалу. Несмотря даже на запрещеніе кормчихъ взискивать долгъ мужа съ жены, на дѣлѣ нерѣдко имущество жены шло на уплату долговъ мужа ⁵⁾. Наконецъ, согласно съ законами Моисеевыми, помѣщавшимися въ кормчихъ книгахъ, дочери устранялись отъ наслѣдованія родительскаго имущества. Судебникъ, изданный царемъ Иваномъ Васильевичемъ III (въ 1497

¹⁾ Уложеніе, гл. XVII, ст. I, гл. XVI, ст. 16.

²⁾ Акты юрид. № 410. Акты относ. доюрид. быта. №№ 84, 116 и др.

³⁾ Алексѣева, стр. 30.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак., № 751, 762.

⁵⁾ Алексѣева, 32, 33.

году), хотя и признавалъ за дочерями право наслѣдованія отцовскаго имущества, но только въ томъ случаѣ, если не было сыновей-наслѣдниковъ ¹⁾. И на дѣлѣ зачастую отцы не оставляли дочерямъ никакого приданого; все имѣніе отдавали въ наслѣдство сыновьямъ, или если надѣляли и дочерей, то самой ничтожной долей. Не мало было отцовъ въ родѣ какого-нибудь Петра Молечкина, который, не имѣя дѣтей, въ духовномъ завѣщаніи своемъ (въ 1524 г.) писалъ: „если послѣ меня родится у моей жены сынъ, то отчина моя вся сыну моему, съ тѣмъ, чтобы онъ роздалъ по моей душѣ 50 рублей по церквамъ; если же родится дочь, то ей дать 80 рублей изъ моего имѣнья; а жену мою благословляю, за ея приданое, своими вотчинными землями, если не пойдетъ моя жена замужъ и вдовой станетъ сидѣть“ ²⁾. Иногда и по ряднымъ записямъ приданое невѣсты предназначалось не ей, а ея мужу, такъ что оно становилось не собственностью жены, а собственностью мужа ³⁾. Бывало даже, что не только отецъ, но и мать, въ родѣ княгини Согорской, выдавала свою дочь-вдову за князя, писала рядную (1542 г.) отъ своего имени и въ ней все свое приданое, состоявшее изъ образовъ, земель, изъ закабаленныхъ и дворскихъ людей и денегъ, давала не дочери, а зятю. Прибавимъ къ этому, что дѣла о приданомъ и вообще споры объ имуществѣ между супругами съ древнѣйшихъ временъ разбирались духовною властію. На это прямо указываетъ уставы Владиміра великаго о церковныхъ судахъ и земскихъ дѣлахъ: въ нихъ „пошибаніе промежу мужемъ и женою о животѣ“ прямо отнесено къ вѣденію духовныхъ судовъ. То-же сдѣлалъ и стоглавный соборъ. Вслѣдствіе этого въ затруднительныхъ случаяхъ относительно наслѣдства и сами женщины обращались къ власти церковной: такъ, одна вдова обращалась къ московскому митрополиту Кипріану съ вопросомъ: что ей дѣлать? Мужъ ея умеръ насильственной смертію, завѣщанія не оставилъ, дѣтей нѣтъ, но есть пріемышъ. Митрополитъ рѣшилъ, что она имѣетъ право владѣть землею, людьми и всѣмъ имуществомъ мужа своего, поминать его душу, дитя свое пріем-

¹⁾ Тамъ-же, 20, 21.

²⁾ Акты юрид., № 418.

³⁾ Акты юрид., № 399. Алексѣева, стр. 17.

ное кормить и распорядиться мужниимъ имѣніемъ въ завѣщаніи какъ хочетъ ¹⁾).

Вся эта государственная доктрина объ имущественныхъ правахъ женъ и основанная на ней общественно-экономическая эксплуатация женщины не могли также не деморализировать женщину. Какъ-бы ни осуждала домостроевская мораль злую жену за нарушение ученія о наследствѣ имущества жены, за нарушение завѣщанія мужа роздать все его имѣніе церквямъ, монастырямъ и нищимъ, но, естественно, не умирать-же было женщинѣ съ дѣтьми съ голоду, послѣ смерти мужа, раздавши все имѣніе монастырямъ, вродивымъ и нищимъ. Неудивительно, что, оскорбленная завѣщаніемъ мужа, поставленная съ дѣтьми въ бѣдственное положеніе по распоряженію его, она поневолѣ не добромъ поминала его и помышляла выйти замужъ — только за „богатаго мужа“. Въ „притчѣ о корыстолюбцѣ“ читаемъ: „горе тѣмъ челоуѣкамъ, которые здѣсь живутъ, а о душахъ своихъ не радѣютъ: грабятъ, насилюють, а при животѣ своемъ церквямъ Божиимъ и слугамъ церковнымъ не подаютъ, ни страннаго не по милують, ни нагого не одѣвають, ни больного не посѣтятъ; а отходя отъ сего свѣта, они приказываютъ управлять своимъ имѣніемъ такимъ-же злымъ людямъ, грабителямъ немилостивымъ, и этотъ худоумный челоуѣкъ обрадуется такому злему собранью имѣнія, думая себѣ на умѣ: когда онъ самъ, другъ мой, не роздалъ имѣнія своего при жизни своей, то и я не дамъ, и не вѣдаю, откуда что взято, правдою или неправдою, и не знаю, кому что роздать. А когда онъ такъ размышляетъ, въ то время припадаетъ къ нему ангелъ сатанинъ, который есть корень сребролюбія, и научаетъ его: добрый челоуѣкъ! то тебѣ Богъ далъ за твои добрыя дѣла, владѣй, пей, ѣшь, а чадъ воскорми въ наследіе себѣ, и они послѣ твоей жизни раздадутъ имѣніе. И тотъ худоумный челоуѣкъ, принявъ въ сердце свое бѣсовскую прелесть, радъ былъ и началъ владѣть; такъ прожилъ много лѣтъ въ питіи, въ яденіи безвременномъ, а отходя отъ свѣта сего, указалъ послѣ своей жизни имѣніе свое женѣ и дѣтямъ своимъ и приказалъ имъ распространно давать и свое, и чужье.

¹⁾ Акты ист., I, № 255.

И вотъ, оставшаяся послѣ мужа жена начнетъ съ дѣтьми помышлять, такъ разсуждалъ чада мои, что это умыслилъ отецъ вашъ, а мой мужъ? Думаю, что онъ безуменъ былъ: повелѣлъ свои и чужія имѣнія раздать нищимъ и церквямъ Божиимъ, а меня и васъ оставляетъ сиротами. Во-истину безумно такое завѣщаніе моего мужа. Чада мои! Умыслила я такъ: съ такимъ богатствомъ выйду замужъ за богатаго мужа и онъ меня возлюбитъ и воскормитъ....“¹⁾ Когда женщина ничѣмъ не была гарантирована въ правахъ имущественныхъ, не могла выработывать и приобрѣтать для себя средства обезпеченія, тогда она, естественно, неохотно и работала на мужа въ домашнемъ хозяйствѣ, не радѣла о руководѣльи, о какомъ-нибудь шитьѣ „ножного одѣванія мужу“, такъ обидно съуживавшемъ ея умственную и экономическую сферу труда. Мало того: зная общее, оскорбительное недовѣріе мужей относительно наслѣдованія женами ихъ имущества, опасаясь деспотическаго произвола мужа лишить ее наслѣдства, боясь чернаго дня, жена невольно тайкомъ отъ мужа скапливала себѣ имѣнье, даже вкрала его у мужа, или-же, не получая отъ мужа достаточныхъ средствъ для нарядовъ и украшеній, злилась и роптала на него, завидовала другимъ, болѣе обезпеченнымъ женамъ и т. п. Въ „притчѣ о женской злобѣ“ такъ характеризуются женщины, недовольныя своимъ трудомъ на мужа и недостаточнымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ отъ него: „пронырливая жена руководѣля дѣлать не хочетъ, а какъ мужъ ея придетъ, и она лежитъ — шипитъ, стонетъ, встаетъ — охаетъ, и мужъ ей скажетъ: о чемъ, жена, скорбишь и отъ чего не радѣешь о домашнемъ дѣлѣ? А она, хотя и здорова, но скажетъ: не могу. Такая строительница — не помощница ни мужу своему, ни дому: она и мужу своему ножного одѣванія не сдѣлаетъ: и если мужъ что ей прикажетъ, она пронырствомъ своимъ все въ убытокъ сдѣлаетъ. Лукавство женское такое: имѣетъ жена умъ острый и выказываетъ его передъ мужемъ своимъ, и мужъ никакъ не можетъ уразумѣть лукавства ея: ибо съ мужемъ живетъ какъ единокрушная, а въ сердцѣ своемъ мыслить: если мужъ мой умретъ, а живота своего мнѣ не прикажетъ, то мнѣ и за иного

¹⁾ Памятн., II, 471. Къ сожалѣнію, конца повѣсти не сохранилось.

мужа пойти не съ чѣмъ будетъ и никто меня за себя не возьметъ. И такъ разсуждая, задумываетъ вотъ что: нынѣ я всему добру госпожа, учиню себѣ сокровище тайное! И начнетъ у мужа своего красть, а онъ этого не знаетъ, и такъ спроситъ ее: отъ чего это, жена, мы обвиняли и домъ нашъ сталъ въ большой скудости? А она отвѣтитъ ему: а то, господине, грѣхъ ради нашихъ, а я некрадливая! Такъ все имѣніе своего мужа утаитъ, погубитъ и оба живутъ въ обвинаніи¹⁾. Иная женщина еще въ родительскомъ домѣ привыкла къ богатству, къ нарядамъ и украшеніямъ, а въ замужествѣ, при отсутствіи собственныхъ средствъ, особенно при скупости или незажиточности и мотовствѣ мужа, она не могла имѣть многихъ дорогихъ нарядовъ, и вотъ изъ-за этого она ссорилась съ мужемъ, корила его, богатствомъ своего рода-племени, завидовала тѣмъ женамъ, которыхъ мужья одѣвали богато, роскошно, роптала на то, что отсутствіе въ рукахъ ея богатства лишало ее почета общественнаго и т. п. „Если какой мужъ,—гласитъ также „притча о женской злобѣ,—не дастъ женѣ средствъ на роскошные наряды и украшенія, то она сильно вздыхаетъ, плачетъ, шепчетъ, ни худа, ни добра не говоритъ, очи свои измѣнитъ, носъ потупитъ и зубами своими сврежестеть; а если что мужъ скажетъ ей, то она вспыхнетъ, и передъ нимъ плачетъ день и ночь, и мужу своему покою не даетъ, сердится, и говоритъ: у иныхъ мужей жены ходятъ красно, и всѣ ихъ почитаютъ, а я, бѣдная, въ женахъ возненавидѣна, никѣмъ незнаема и всѣми укоряема! Почто ты мнѣ нынѣ мужъ? Лучше-бы я тебя не знала! Я была дочь отца богатаго и матери доброй и племени славнаго. Будучи дочерью такихъ родителей,—была-бы только я дѣвица,—то былъ-бы у меня и мужъ богатаго отца сынъ, и была-бы я госпожа добру многому, и вездѣ-бы я была честна и хвальна, и почитаема отъ всѣхъ людей!“ Когда господствовали экономическія понятія Домостроя, съ которыми мы познакомились въ слѣдующей главѣ,—тогда, не удивительно, что и женщина, страшившаяся за свое будущее жизненное обезпеченіе, часто только и мечтала выйти замужъ за богатаго мужа, быть

¹⁾ Притча о женской злобѣ, стр. 463.

госпожею многого добра, получить прибыль, и за эти домо-строевскія качества приобрести общую похвалу и честь, согласно съ конечною цѣлью домостроевского идеала хозяйки. Наконецъ, вслѣдствіе крайней ограниченности имущественныхъ и трудовыхъ правъ женщины, не только простонародныя женщины, жены посадскія и крестьянскія, но и самыя знатныя до того иногда скудно, мало обеспечены были средствами жизни, что вынуждены были сами всякими тайными способами приобретать деньги. Никогда не приучаясь посредствомъ собственнаго, свободнаго и разумнаго труда, понимать всю цѣну честнаго труда, честнаго трудового приобретения средствъ къ жизни и имущественной независимости,—поневоля даже и царевны, какъ увидимъ дальше, не понимали, какъ унижались передъ какой-нибудь ростовщицей, выпрашивая у нея денегъ взаймы, унижались передъ лавочницей, выпрашивая у ней сластей безъ денегъ, унижались передъ всякимъ чуть-знакомымъ домохозяиномъ, напрашиваясь къ нимъ на обѣды и, наконецъ, тайкомъ страстно предавались исканію кладовъ, по какимъ-то „планетнымъ тетрадамъ“ и проч.

Таковы были главныя начала, которыми византійское міросозерпаніе опредѣляло общественное положеніе женщины до Петра великаго. Въ слѣдующемъ очеркѣ мы прослѣдимъ, въ общихъ чертахъ, разнообразную судьбу до-петровской женщины, вмѣстѣ съ судьбою до-петровскаго „добраго молодца“, какою она представляется въ „Повѣсти о горѣ-злосчастіи“, съ точки зрѣнія византійскаго міросозерпанія, начиная съ воспитанія и до послѣдняго исхода, какою находила женщина въ тогдашнемъ обществѣ.

А Щаповъ.

БЕЗЪ ИСХОДА.

РОМАНЪ.

XXV.

Лѣтъ за десять до описанныхъ событій въ II. появилась замѣчательная драматическая актриса, Надежда Алексѣевна Наумова. Рѣдкій талантъ сразу обратилъ на себя вниманіе и сдѣлалъ ее любимицей публики. Кто разъ видѣлъ ее въ лучшихъ ея роляхъ, тотъ не могъ забыть талантливой артистки. Съ самаго начала она привлекала симпатію зрителя, а подъ конецъ совсѣмъ завладѣвала имъ своей страстной, нервной, глубоко-натуральной игрой; случалось, что артистка, играя „Бѣдную Невѣсту“, такъ натурально падала безъ чувствъ, что пораженный театръ на секунду тайлъ дыханіе и потомъ бѣшено разражался рукоплесканіями. Но артистка часто не могла подняться съ подмостковъ; блѣдная красавица въ самомъ дѣлѣ лежала безъ чувствъ и рукоплесканія публики не могли поднять ее. Ее уносили за кулисы и, больную, нервно потрясенную, увозили домой.

Глядя на игру Наумовой, подчасъ становилось страшно. Зритель забывалъ, что онъ сидитъ въ театрѣ, передъ нимъ была страдающая дѣвушка, а не талантливая артистка. И она сама забывала, что она на сценѣ и всю накипѣвшую на сердцѣ тоску она изливала въ роляхъ. Публика и не догадывалась, что передъ нею разыгрывается живая жизнь, играютъ нервы, а не мускулы, что женщина оплакиваетъ собственную жизнь; публика рукоплескала этому живому горю, не понимая, что только живое горе

могло владѣть зрителемъ такъ, какъ владѣла имъ игра Наумовой.

Дѣйствительно, жизнь Надежды Алексѣевны нельзя было назвать счастливой. Отецъ ея былъ тихій, богомольный старикъ, посвятившій конецъ своей жизни посту и молитвѣ, а мать—настоящій дьяволъ въ юбкѣ; она мучила, ревновала и всячески терзала свою дочь и притомъ страшно, по-своему, ее любила, какъ это часто бываетъ у множества матерей-самодурокъ. Она нерѣдко и бивала свою дочь, хотя послѣ плакала, мучилась и просила прощенія. Отецъ все это видѣлъ, но помочь не могъ, потому что и ему доставалось порядкомъ, такъ какъ онъ самъ былъ безотвѣтнымъ, жалкимъ существомъ, за которое не рѣдко заступалась Надежда Алексѣевна. Отставной дворецкій графскаго дома, Алексѣй Трифоновичъ Наумовъ, отличался необыкновенной робостью передъ своей характерной супругой. Сидя вѣчно въ отведенномъ ему уголкѣ (Наумовы жили въ двухъ небольшихъ комнатахъ), онъ все почитывалъ Четы-Миней да Апокалипсисъ и все собирался посѣтить Афонъ и Иерусалимъ. Когда госпожа Наумова бывала не въ духѣ (а это случалось ежедневно), она обыкновенно срывала сердце на своемъ супругѣ Алексѣѣ Трифоновичѣ.

— Ну, что ты, старый хрычъ, разсѣлся здѣсь, видишь, — гладить нужно! обыкновенно, словно голодная собака, начинала воркотню хозяйка.

— Я, Лизавета Петровна, уйду, сейчасъ уйду... Только куда бы уйти? разсуждалъ Алексѣй Трифоновичъ, надвигая очки въ мѣдной оправѣ на свой оплѣшивѣвшій лобъ.

— Куда? горячилась Лизавета Петровна. — Къ чорту! Вотъ куда!

Алексѣй Трифоновичъ богобоязненно крестился и поникалъ головой.

— Ты подумай, Лизавета Петровна, что ты говоришь-то? И развѣ это не грѣхъ? тихимъ, слегка укоряющимъ тономъ замѣчалъ Алексѣй Трифоновичъ.

— Ахъ, ты, старый халдей! Еще грѣхожь стращать вздумалъ! Кабы не я, кто-бы тебя, дуракъ, кормилъ, а? А туда-же: грѣхъ!

— Разумѣется грѣхъ! еще тише шепталъ старикъ.

— Сейчасъ-же проваливай!.. Ступай по церквамъ, а то хоть прямо на Афонъ... убирайся!.. кричала Лизавета Петровна.

— Маменька! раздавался изъ сосѣдней комнаты тоненькій голосъ Нади, — оставьте папашу

— И ты за него? У, чортово отродье! Изъ-за тебя ночей не сплю, не добѣдаю, не допиваю, а ты такъ-то мать уважаешь?

Обыкновенно Алексѣй Трифоновичъ, не дожидаясь конца такой сцены, собиралъ тихонько свои духовныя книги, бережно пряталъ ихъ въ шкафчикъ и, поцѣловавъ и благословивъ дочку, уходилъ изъ дому, и только поздно вечеромъ возвращался домой, вволю пошатавшись по разнымъ церквямъ. Тихо укладывался въ своемъ углу на жесткой кровати и долго еще нашептывалъ разныя молитвы.

Когда Лизавета Петровна сживала изъ дому мужа, то принималась грызть дочь. Она обвиняла ее во всевозможныхъ гадостяхъ. То корила воображаемыми любовниками, то винила въ неблагодарности, въ нелюбви, въ безсердечіи и тому подобномъ. Тогда, вся въ слезахъ, Нада убѣгала изъ дому...

Оставшись одна, Лизавета Петровна предавалась раскаянію: она вслухъ упрекала себя, называла себя извергомъ и по цѣлымъ часамъ неутѣшно рыдала, бія себя въ грудь передъ образами. Пообѣдавъ одна, Лизавета Петровна выпивала рюмки двѣ наливки и шла въ театръ. Въ галлерей пятого яруса ей давали бесплатно мѣсто и Лизавета Петровна, глядя на свою играющую дочку, смѣялась и плакала, какъ ребенокъ. Если сосѣди ея дѣлали замѣчанія не въ пользу дочки, она, не обинуясь, громко называла ихъ ничего непонимающими свиньями и вообще вступала въ такую крупную брань, что нерѣдко усовѣщевать Лизавету Петровну приходилось капельдинеру. — Когда, однажды, послѣ одной изъ домашнихъ сценъ, Надежда Алексѣевна, играя какую-то роль несчастной дѣвушки, грохнулась взаправду безъ чувствъ въ театрѣ, зрители пятого яруса видѣли пожилую женщину съ сѣдоватыми волосами, съ энергичнымъ, умнымъ лицомъ, кинувшуюся опрометью вонъ съ мѣста и кулаками расчищавшую себѣ ходъ, такъ-что ее приняли за сумаспешную.

То была Лизавета Петровна. Какъ полуумная, вбѣжала она за кулисы и, припавъ къ помертвѣлому лицу нервной дочери, при множествѣ актеровъ и актрисъ, просила у нея прощенія, заливаясь сама самыми искренними слезами.

Восторженная, самолюбивая отъ похвалъ, возвращалась моло-

дая артистка домой и еще суровѣй и печальнѣй казалась ей дѣйствительность. Она, кажется, и жила двумя жизнями: одной—въ театрѣ, другой—дома. Тамъ—восторгъ и сочувствіе, Здѣсь—брань, попреки и чистенькая бѣдность. (Наумова получала 500 рублей жалованья, на которое и жила вся семья). Возвращаясь изъ театра домой, Надежда Алексѣевна садилась на кровать къ старику отцу и рассказывала ему о своихъ успѣхахъ.

— Вотъ ты какая! съ восторгомъ шепталъ старикъ, глядя своей худой рукой по щекамъ дочери.

Самъ Алексѣй Трифоновичъ никогда не видалъ своей Нади на сценѣ; онъ вообще считалъ неприличнымъ для себя ходить въ театръ, но никогда, впрочемъ, не отговаривалъ дочь бросить артистическую карьеру.

— Пусть каждый соблюдаетъ себя по возможности! говаривалъ старикъ.

Въ отвѣтъ на восторженные рассказы дочери о блескѣ, успѣхахъ и оваціяхъ въ театрѣ, Алексѣй Трифоновичъ рассказывалъ Надѣ о красотахъ Афона, о дальнихъ путешествіяхъ, которыя его манили, о странникахъ, подвижникахъ и богомольцахъ. И голосъ старика, во время этихъ рассказовъ, слегка дрожалъ отъ умиленія; рѣчь его лилась плавно; онъ, вѣчно забытый, робкій старикъ, говорилъ теперь увлекательно съ какимъ-то мистическимъ вдохновеніемъ, такъ что Надя заслушивалась его по цѣлымъ часамъ.

— Папаша, мой милый, спрашивала иногда Нада,—отчего ты такой святой? Отчего это ты все молишься, голубчикъ мой?

— Грѣшилъ, Наденька, много. Охъ, много!

И старикъ больше ничего не объяснялъ.

Только Лизавета Петровна во время сильнаго гнѣва разъясняла иногда причины такого усерднаго подвижничества своего супруга.

— Небойсь, упрекала она, не въ мѣру сердитая,—старые грѣхи, подлецъ, замаливаешь! Съ вашимъ графомъ загубили вы боюсь душу, христонпродавцы!

Ничего не отвѣчалъ на тяжкій упрекъ Алексѣй Трифоновичъ, а только пуце поникалъ головой и пуце молился. И нерѣдко, во время страстной его молитвы, передъ старикомъ являлся образъ молодой, блѣднолицей дѣвушки, которая съ убійственнымъ уко-

ромъ глядѣла прямо старику въ глаза и ея губы, казалось, шептали: „за что вы убили меня? Что я вамъ сдѣлала?“

Въ такія минуты ужасъ пробиралъ старика; глаза его какъ-то дико смотрѣли передъ собой и молитва не шла на уста. Прш-лое вставало во всей наготѣ своей и въ этомъ прошломъ воспоминалъ старикъ свою племянницу, блѣднолицую дѣвочку 15 лѣтъ, Машу, принесенную Алексѣемъ Трифоновичемъ въ жертву разврата своего барина графа. Онъ думалъ облагодѣтельствовать племянницу, сдѣлавъ ее наложницей сѣдого старика, и онъ чуть-ли не силой привезъ ее отъ матери, а Маша не вынесла и черезъ годъ умерла отъ чахотки, проклиная и графа, и Алексѣя Трифоновича. Графъ давно забылъ объ этомъ происшествіи, но его бывший камердинеръ не могъ забыть этого до сихъ поръ. Онъ тогда-же ушелъ отъ графа, всѣ скопленныя имъ деньжонки отдалъ Машиной матери, а самъ съ тѣхъ поръ искалъ утѣшенія въ постѣ и молитвѣ...

Съ самаго того дня, какъ Алексѣй Трифоновичъ отдалъ скопленныя годами деньги, Лизавета Петровна возненавидѣла мужа. Она рассчитывала на жизнь въ покоѣ и тишинѣ, полагала даже сдѣлать приращеніе къ небольшому мужнину капиталцу, отдавая деньги въ ростъ подъ залоги, словомъ, рассчитывала прикупить деньги для дочери и вдругъ, вмѣсто будущей спокойной жизни, пришлось снова работать, снова жить въ бѣдности среди заботъ о кускѣ хлѣба.

— Подлецъ ты этакій! плюнула Лизавета Петровна мужу въ глаза послѣ его поступка.

И съ того самаго дня ежедневно точила Алексѣя Трифоновича, работая сама дни и ночи, чтобы какъ нибудь да сдѣлать изъ своей Нади не дѣвку, а барышню.

— Дѣвкамъ плохо, разсуждала Лизавета Петровна, — ихъ бьютъ, а барышнямъ лучше: онѣ бить могутъ! Пусть-же лучше мое дитя бьетъ, чѣмъ его будутъ бить! Знаю я, больно камъ-то достается! говаривала дѣятельная женщина, вспоминая свое подневольное житье.

Такимъ образомъ Надю опредѣлили въ театральное училище, изъ котораго она дѣйствительно вышла не дѣвкой, а барышней, съ самымъ смутнымъ понятіемъ о жизни, безъ всякихъ знаній... По счастью, талантъ ея выручилъ.

Отецъ и дочь крѣпко любили другъ друга. Въ тѣ дни, когда Лизавета Петровна уже черезчуръ грубо копалась своими рабочими, не знавшими устали, пальцами въ сердцѣ Алексѣя Трифоновича, старикъ украдкой подходилъ къ дочери и, цѣлуя ея бѣленькія, маленькія ручки, тихо, тихо, словно ребенокъ, плакалъ.

— Не плачь, папаша, не плачь, дорогой! Переждемъ-ка съ тобой и будемъ жить отдѣльно! говорила Надя, утѣшая отца.

— Что ты, Надя, что ты? пугался старикъ. — Да гдѣ-же это показано, чтобы дитя отъ матери врозь? Нѣтъ, Надя, нѣтъ! Нельзя оставлять родную мать. Жизнь наша временная, тамъ за то лучше будетъ!

И разговоръ обыкновенно кончался тѣмъ, что отецъ и дочь вмѣстѣ плакали.

Лизавета Петровна стала еще болѣе тѣснить Алексѣя Трифоновича, вида, какъ Надя любитъ отца и ухаживаетъ за нимъ; она ревновала дочь не только къ постороннимъ, но даже — и еще сильнѣе — къ отцу.

Однажды, разучивая роль, Надя заглянула въ полурасстворенную дверь на сидящаго за книгой старика и вдругъ, подъ вліяніемъ прихлынувшаго теплаго чувства, подбѣжала къ отцу, обхватила руками его шею и крѣпко, крѣпко поцѣловала.

— Милое ты мое дитя, ласковое ты мое дитя! сказалъ расстроганный старикъ. — Одна ты только меня и любишь!

Лизавета Петровна увидала этотъ поцѣлуй; онъ ужалилъ ревнивую мать, — ей никогда не случалось дожить до такого счастья, а какъ хотѣлось! — она подпрыгнула, словно разъяренная тигрица, у котораго отняли тигренка, и бросилась къ дочери.

— Надька, дура! Пошла въ свою комнату, пошла! Тебѣ учить ролю надобно, а не точить ласы; вечеромъ вѣдь въ этотъ проклятый театръ поѣдешь, тамъ комунибудь да будешь на шею вѣшаться! Пошла! закричала Лизавета Петровна, побагровѣвшая, какъ варенный ракъ.

— Не обижай Надю, Лизавета Петровна! робко вступился старикъ.

— Я обижаю, я? Ты еще будешь говорить, богомоль проклятый! А кто въ домъ все дѣлаетъ, кто? Ты, небойсь, ты? Отъ

тебя, какъ отъ козла молока, изъ твоихъ книгъ супу не сварить, а туда-же: обижаетъ! У, подлець старый!

Алексѣй Трифоновичъ молчалъ, а молчаніе еще болѣе взрывало Лизавету Петровну, она, какъ и всѣ самодуры, любила, чтобы передъ ней дрожали и ее видимо пугались.

— Да ты оглохъ, что-ли? крикнула Лизавета Петровна.

Старикъ не отвѣчалъ, а бормоталъ про себя какой-то акафистъ.

— Оглохъ, говорю, скотина? Отвѣчай-же, идолецъ!

Алексѣй Трифоновичъ не подавалъ голоса и все глядѣлъ въ книгу.

Тогда разсвирѣпѣвшая Лизавета Петровна на отмахъ взмахнула рукой и ударила старика по щекѣ.

Онъ не проронилъ слова, перекрестился, бережно собралъ книги и собирался уйти. Только одна крупная слеза скатилась на сѣдую бороду, лучше словъ говоря, каково старику.

Надя бросилась къ матери и, глотая слезы, крикнула:

— Это подло такъ обижать папашу! За что вы его обижаете? За то, что я его люблю? Ну да, люблю, а васъ нѣтъ!

— И ты, змѣенышъ, туда-же? Вотъ тебѣ, вотъ! забылась вовсе мать и нѣсколько разъ ударила дочь.

Надя вскрикнула, схватила шляпку и выбѣжала вслѣдъ за отцомъ изъ дому.

— Папаша, дорогой мой папаша, нагнала она отца, — уйдемъ отъ нея!

— Другъ мой, я совсѣмъ уйду! тихо отвѣчалъ Алексѣй Трифоновичъ. — Уйду туда! добавилъ старикъ, показывая куда-то рукой.

— Куда?

— На Афонъ уйду, завтра-же уйду! А ты оставайся, тебѣ легче будетъ. Мать изъ-за меня и тебя ѣстъ! Я ее пищей сдѣлалъ, а тебя она любитъ. Господь съ ней, я на нее не сержусь и тамъ за всѣхъ васъ помолюсь Богу! прибавилъ рѣшительно Алексѣй Трифоновичъ.

Печальная пришла Надя къ своей подругѣ и въ тотъ-же вечеръ играла „Катерину“. Все вспомнилось Наумовой во время игры, свое горе подошло къ сердцу и театръ дрожалъ отъ рукоплесканій.

На другой день Алексѣй Трифоновичъ прощался съ женой и дочерью. Онъ былъ одѣтъ странникомъ, въ черной ряскѣ, съ котомкой за плечами, въ рукахъ была длинная палка.

— Прости, Лизавета Петровна, сказалъ старикъ, низко кланяясь,—и не поминай лихомъ.

Лизавета Петровна какъ ни крѣпилась, а зарыдала.

— Ну, поцѣлуемся, продолжалъ Алексѣй Трифоновичъ,—не годъ вѣдь съ тобой прожили, а, почитай, двадцать пять лѣтъ!

И когда супруги обнялись, у обоихъ изъ глазъ текли обильные слезы.

— Ну, Надя, будь счастлива! рыдалъ старикъ.—Лизавета Петровна, береги дочь.

Надя такъ и припала къ отцу.

Наконецъ Алексѣй Трифоновичъ оторвался и ушелъ. Съ тѣхъ поръ она никогда его не видала. Гдѣ онъ? Надежда Алексѣевна до сихъ поръ не знаетъ.

Разлука съ отцомъ сильно подѣйствовала на нервную натуру дѣвушки. Первые дни она тосковала, исхудала и наконецъ слегла въ постель въ нервной горячкѣ.

Лизавета Петровна была безутѣшна. Она страстно ухаживала за дочерью, позвала доктора, не спала ночей, но какъ только дочь стала поправляться,—таки не выдержала и упрекнула:

— Отца, небойсь, любишь, даже заболѣла! А мать не любишь!

Надя отвернулась, не сказавъ ни слова, а Лизавета Петровна снова стала каяться и до того измучилась, что заболѣла сама.

Такъ шла жизнь Надежды Алексѣевны. Она только и жила на сценѣ. Дома—учила роли или читала романы, какіе попадались подъ руку, да слушала брань и упреки. Всѣ эти противоположности сильно вліяли на дѣвушку и она стала любить какой-то заоблачный, ею самой созданный міръ и ненавидѣть дѣйствительность; въ романахъ она находила для этого благодарную почву. Впрочемъ, время взяло свое; вѣчныя дразги дома, закулисныя интриги и чрезмѣрное поклоненіе поклонниковъ и ее подточили; она сдѣлалась раздражительна, капризна, властолюбива съ тѣми, кто поддавался. Эго ужъ знали при театрѣ. Скоро узнала это и мать, когда дочь понемногу стала выходить изъ положенія рабы. Мать сперва бранилась, но потомъ, когда Надя сама ста-

ла браниться, помирилась съ своей новой ролью и только жаловалась, утирая слезы, за рюжкой вишневки, своей пріятельницѣ:

— Житья нѣтъ! Не дочь, а чортъ! Родную мать изъ дому хотѣла выгнать... Родную, а, каково это? За всѣ мои заботы... До чего дожила я, бѣдная? плакалась Лизавета Петровна, изливая рючки слезъ послѣ третьей и четвертой рюжки.

Дѣйствительно, однажды, послѣ безобразной сцены, Надежда Алексѣевна въ порывѣ сказала, что она оставитъ мать и будетъ жить одна. Лизавета Петровна сообразила, что жалованье получаетъ не она, а дочь и... поджала хвостъ, смирилась. Такихъ-то образомъ, мало-по-малу, онѣ помѣнялись ролями. Рабъ сталъ господиномъ, а господинъ рабомъ. При подобной жизни иначе и быть не могло. Ктонибудь да долженъ былъ тѣснить другого.

XXVI.

Поклонниковъ у Надежды Алексѣевны было, разумѣется, множество. Каждый разъ, по окончаніи спектакля, около ея кареты стояла толпа молодыхъ людей, каждый вечеръ ей видались букеты, нерѣдко подносились подарки. Не разъ она получала и записки: однѣ—почтительно влюбленныя, другія—прилично-развращенныя, въ которыхъ предлагали ее „холить, какъ царицу“, а въ замѣнъ этого просили сердца или, говоря откровеннѣе,—тѣла. Надежда Алексѣевна сначала плакала, разрывая эти записки, но потомъ привыкла, не рвала, а смѣялась. Впрочемъ, не всегда можно было и смѣяться! Разъ ей чуть не пришлось покинуть сцену изъ-за преслѣдованій одного важнаго и вліятельнаго старика....

Изъ числа многихъ поклонниковъ Надежды Алексѣевны особенно отличался ухаживаніемъ Александръ Андреевичъ Колосовъ, въ то время блестящій молодой кавалеристъ, постоянно сидѣвшій въ первомъ ряду во время спектаклей, въ которыхъ участвовала молодая актриса. Ухаживанье его было долгое и деликатное; онъ каждый разъ стоялъ у театральнаго подъѣзда, былъ чрезвычайно внимателенъ и ни разу не позволялъ себѣ ни одной оскорбительной любезности. Напротивъ: однажды, когда одинъ изъ его то-

варищей сказалъ Надеждѣ Алексѣевнѣ какую-то пошлость, Колосовъ немедленно вступился за дѣвушку и чуть было не произошла дуэль; такъ, по крайней мѣрѣ, говорили въ то время и слухи эти, конечно, дошли и до Надежды Алексѣевны. Дуэль, впрочемъ, не состоялась, такъ какъ оскорбившій дѣвушку просилъ извиненія. Надежда Алексѣевна замѣтила своего рыцаря и изрѣдка дарила его взглядами, отъ которыхъ душа кавалериста уходила въ пятки и Колосовъ влюблялся все болѣе и болѣе. Но Александръ Андреевичъ все еще не могъ попасть въ домъ къ Наумовымъ; даже на первую просьбу его пріѣхать къ Надеждѣ Алексѣевнѣ съ визитомъ ему отвѣчали отрицательно. Это, конечно, еще болѣе подзадорило молодого человѣка и онъ далъ себѣ слово добиться позволенія бывать у нея.

Мѣсяца два спустя послѣ первой просьбы Колосовъ какъ-то встрѣтилъ Надежду Алексѣевну на улицѣ; онъ подошелъ къ ней и снова просилъ позволенія бывать у нея.

— Къ чему? усмѣхнулась Надежда Алексѣевна.

— И вы еще спрашиваете, Надежда Алексѣевна? Стыдно вамъ! проговорилъ мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ Александръ Андреевичъ, робко взглядывая на дѣвушку.

— Я знаю, вы ухаживаете за мной, Колосовъ, но вѣдь за мной многіе ухаживаютъ! Что-же изъ этого?

— Не говорите такимъ тономъ... Я не ухаживаю, я...

— Вы все шутите!.. перебила дѣвушка.

Тогда Колосовъ заговорилъ о своей любви. Онъ говорилъ страстно, нѣжно, увлекательно. Онъ ничего не ждалъ, только просилъ одного: не отталкивать его.

Наумова слушала это признаніе молча, прикрывъ длинными рѣсницами опущенные глаза и, когда Колосовъ кончилъ, вскинула ихъ на него и сказала:

— Вѣрю, но я васъ не люблю! Сдѣлайте такъ, чтобы я васъ полюбила, и тогда...

Она не докончила и, оставивъ Колосова на улицѣ, скрылась въ подъздѣ.

Прошелъ годъ. Молодая дѣвушка стала больше обращать вниманія на своего влюбленнаго рыцаря и, замѣтивъ его трогательное постоянство, пригласила его бывать у нея. Колосовъ сталъ каждый день ѣздить къ Наумовой и держалъ себя тамъ удивительно

скромно: онъ очень робко говорилъ о своей привязанности, не требуя отвѣта, и просиживалъ вечера, рассказывая анекдоты и играя въ дурачки съ Лизаветой Петровной. Уходя, онъ просилъ позволенія быть въ слѣдующій день, обыкновенно ему его давали и онъ уходилъ веселый. Даже Лизавета Петровна, при всей своей недовѣрчивости, успѣла полюбить Колосова и нерѣдко говаривала дочери:

— Кажется, добрый человѣкъ, Надя; на другихъ не похожъ! Ты, Надя, счастливица! Выйдешь за богатаго и хорошаго человѣка замужъ!

— Не въ богатствѣ, мамаша, сила... любить-ли онъ?..

— Полно вздоръ-то городить! Безъ богатства замужемъ не ахти какая малина! А что любить—развѣ не видишь? Видишь сама: ѣздить и на содержаніе не просить!.. Между ними это рѣдкій человѣкъ...

Прошло еще нѣсколько времени. Въ одинъ изъ вечеровъ Александръ Андреевичъ снова заговорилъ о любви и просилъ категорически отвѣта. Надежда Алексѣевна грустно поглядѣла на Колосова и сказала:

— Что-жъ я вамъ отвѣчу?.. Нѣтъ, Александръ Андреевичъ, не бывайте у насъ; я васъ не люблю...

Колосовъ осовѣлъ.

— Ничего, ничего... прибавила она. — Не люблю и только, что дѣлать?

Александръ Андреевичъ совсѣмъ растерялся и слезы показались на его темныхъ глазахъ.

— Не бывайте лучше у насъ. И вамъ тяжело будетъ да и мнѣ не весело... Не будете бывать,—забудете!.. Прощайте-же, мой бѣдный рыцарь! полушутливо, полусерьезно сказала Надежда Алексѣевна и ушла въ свою комнату, оставивъ Колосова одного.

Александръ Андреевичъ уѣхалъ отъ Наумовой влюбленный болѣе прежняго. Образъ красивой дѣвушки преслѣдовалъ его вездѣ, и преслѣдовалъ до того, что въ голову Колосова забѣжала даже шальная мысль, въ случаѣ крайности, жениться, испробовавъ, конечно, прежде всѣ средства, чтобы сдѣлать изъ Колосовой любовницу. Молодой человѣкъ все-же не могъ забыть, что онъ записанъ въ седьмой книгѣ, а она дочь дворецкаго. Уже Колосовъ, повидимому, приближался къ цѣли, бывалъ у Наумовой,

понравился матери и ждалъ только какого нибудь удобнаго случая въ родѣ ужина съ шампанскимъ, какъ вдругъ его просятъ не бывать!

Въ тотъ-же день въ ресторанѣ Александръ Андреевичъ встрѣтилъ товарищей, которые за шампанскимъ поздравляли его съ побѣдой надъ такой замѣчательной красавицей и спрашивали:

— Дорого далъ? Сколько положилъ на ея имя? Гдѣ наймешь ей квартиру?

Колосова бѣсили эти распросы. Онъ отвѣчалъ, что всѣ эти слухи—сплетни, однако, категорически не опровергалъ ихъ и улыбался очень двусмысленно и далъ себѣ слово добиться Наумовой, хоть-бы пришлось и жениться.

Въ то время Колосовъ былъ еще молодъ, богатъ и еще не изучилъ хорошо науки жизни; въ то время онъ только проѣдалъ и пропивалъ свое состояніе, прожитая жизнь; только впоследствии онъ сумѣлъ пожинать плоды съ „последняго“, какъ нѣсколько лѣтъ позже Колосовъ называлъ свое истраченное состояніе.

„Она будетъ моею во что-бы то ни стало!“ рѣшили Колосовъ и продолжалъ бывать вездѣ, гдѣ только могъ встрѣтить Надежду Алексѣевну; насмѣшки пріятелей еще болѣе раздражили его, а равнодушіе дѣвушки доводило его до бѣшенства. Впрочемъ, онъ и тогда уже умѣлъ скрывать подъ маской любезнаго выраженія свои чувства и на вопросы своихъ знакомыхъ о Наумовой всегда отвѣчалъ съ таеютомъ.

Онъ зналъ, что дѣвушки любятъ постоянство и игралъ на этой струнѣ. Колосовъ не ошибся. Замѣчая его вездѣ, Надежда Алексѣевна сочла его преслѣдованіе за рыцарскую любовь и стала сама привязываться къ нему. Она еще никого не любила и первая любовь развилась полнымъ, пышнымъ цвѣтомъ. Она полюбила полно, безотчетно, со страстью впервые любящей дѣвушки.

Въ одинъ весенній вечеръ, Надежда Алексѣевна, увидѣвъ Колосова въ Лѣтнемъ саду, сама подошла къ Александру Андреевичу, увела его въ боковую аллею и, крѣпко стиснувъ ему руку, сказала ему страстнымъ, задумчивымъ шепотомъ, такъ часто трогавшимъ зрителя въ театрѣ:

— Я люблю тебя! Я люблю тебя, мой милый!

— „Наконецъ-то!“ подумалъ Колосовъ и готовъ былъ броситься сейчасъ-же обнимать дѣвушку, съ покорнымъ видомъ те-

перь стоявшую передъ нимъ, еслибъ они были одни; онъ сдержалъ бѣшенный порывъ и только самодовольная улыбка скользнула по его губамъ.

Скоро у Наумовой явился экипажъ, хорошая квартира, дорогія платья, бездѣлки, брилліанты, ее, какъ райскую птичку, лелѣяли въ роскошно убранномъ гнѣздышкѣ. Она ничего этого не хотѣла, но хотѣлъ этого Колосовъ, а слова его стали закономъ для любящей дѣвушки. Каждый день пріѣзжалъ Колосовъ и уже не спрашивалъ о любви; Надежда Алексѣевна сама чаще спрашивала и горячими поцѣлуями прерывала его рѣчи. О свадьбѣ Колосовъ еще ничего не говорилъ, но за то Лизавета Петровна зорко глядѣла за молодыми людьми и какъ-то разъ прямо отрѣзала Колосову:

— Когда-же ваша свадьба будетъ?

— Черезъ мѣсяцъ, добрѣйшая Лизавета Петровна, Надя будетъ моей женой передъ людьми и Богомъ! отвѣчалъ нѣсколько торжественно Колосовъ, хотя вопросъ матери и покоробилъ его.

— То-то-же! ворещула Лизавета Петровна.

Не совсѣмъ легка была борьба для Колосова и онъ думалъ: „ужь не отступиться-ли?“ Но страсть, жгучая страсть взяла свое, рѣшивъ борьбу въ пользу свадьбы. Онъ подалъ въ отставку и сталъ уговаривать Надежду Алексѣевну бросить театръ.

— Зачѣмъ-же, Саша? Я такъ люблю театръ... Развѣ тебѣ стыдно, что твоя жена будетъ актрисой?..

— Совсе не потому, Надя; но вѣдь ты знаешь, что намъ надо ѣхать въ деревню... Надо поправить имѣніе, похозяйничать; будемъ хозяйничать вмѣстѣ...

— И никогда...

— А надоѣсть тебѣ, мой другъ, перебилъ Колосовъ, — ты опять, коли захочешь, поступишь на сцену.

— И ты позволишь?..

— Еще-бы, развѣ я могу тебѣ не позволить! окончилъ Колосовъ, цѣлуя невѣсту и думая про себя: „никогда этого не будетъ! Моя жена не должна показываться всѣмъ на сценѣ!“

Черезъ мѣсяцъ молодые люди обвѣнчались и уѣхали въ деревню. Лизавета Петровна осталась одна и ей былъ общасть отъ Александра Андреевича небольшой пенсіонъ.

XXVII.

Молодые провели цѣлый годъ въ деревнѣ. Этотъ годъ прошелъ, какъ сонъ для Надежды Алексѣевны; ее лелѣяли, ласкали и исполняли ея малѣйшія прихоти, ей ни о чемъ не давали подумать, потому что думали за нее. А состояніе Колосова въ это время уменьшалось и уменьшалось; по мѣрѣ этого уменьшенія Александръ Андреевичъ все болѣе и болѣе хмурился и становился холоднѣй къ женѣ; ея наивности уже не такъ нравились ему, какъ, бывало, прежде; ея страстные ласки уже пресытили его, такъ что онъ уже начиналъ останавливать ее и нерѣдко тихонько, отклоняя ея объятія, говорилъ:

— Экая какая ты экзальтированная, Надя... Довольно, довольно! Не все-же намъ цѣловаться съ тобой!

Подобныя замѣчанія производили на молодую женщину дѣйствіе ушата холодной воды. Сперва она горевала, потомъ стала вглядываться въ мужа. Чѣмъ ближе она узнавала его, тѣмъ яснѣе видѣла, что мужъ хоть и любитъ ее, но какъ-то странно, какъ-то по-султански; кромѣ ласки и покровительственнаго тона отца къ ребенку она ничего не видала; серьезно онъ съ ней никогда не говорилъ. Она пробовала открыть ему свой внутренній міръ, онъ выслушалъ ее, какъ ребенка, скучающаго по игрушкѣ. Она пробовала спорить съ нимъ, онъ какъ-то шутя, мягко доказывалъ ей, что она ребенокъ и ничего не понимаетъ... Она начинала плакать, онъ тихо вытиралъ ея слезы платкомъ и говорилъ, что она послѣ слезъ хорошенькая; она, бывало, начинала дуться, Колосовъ будто не замѣчалъ этого; а при капризахъ мягко выговаривалъ ей, что ему ихъ слушать некогда. Незамѣтно для самой себя, она понемногу попадала въ бархатныя лапки мужа и наконецъ вполне подчинилась его волѣ, хотя, повидимому, она была вполне свободна; на дѣлѣ Александръ Андреевичъ дѣлалъ съ молодой женой все, что ему хотѣлось; онъ мягко, но основательно забралъ ее въ руки. Случалось, что мужъ во всемъ согласится съ женой, а смотришь, Надежда Алексѣевна дѣлаетъ такъ, какъ хочетъ Александръ Андреевичъ... Все это дѣлалось незамѣтно, безъ рѣзкостей, безъ шума. Такимъ образомъ, эта система тонкой, улучшенной тираниі окончательна опутала Надежду Алексѣевну и

она, видя въ Александрѣ Андреевичѣ умнаго и характернаго чело-
вѣка, мало по малу даже стала его немного побаиваться.

Жизнь въ деревнѣ послѣ жизни на сценѣ наскучила молодой
женщинѣ и вотъ однажды она приступила къ мужу съ просьбой
переѣхать въ Петербургъ.

— Отчего-же, Надя? Переѣдемъ, вотъ только дай немножко
привести дѣла въ порядокъ...

— И тыпустишь меня на сцену?

— Видишь-ли что, Надя; я, конечно, не прочь, чтобы ты
играла, но только, душа моя, это мнѣ повредить... Ты ребенокъ
и не понимаешь, какъ странно свѣтъ смотритъ на общественное
положеніе актрисы...

Долго еще говорилъ въ этомъ родѣ Колосовъ и окончилъ во-
просомъ:

— А ты развѣ захочешь стать на дорогѣ мужу?..

Что оставалось дѣлать Надеждѣ Алексѣевнѣ?

— Ты не горюй, Надя, время не ушло... Я вѣдь не противъ
сцены, но только подожди, голубушка!..

Въ ожиданіи прошелъ еще годъ. А дѣла Колосова все шли
хуже и хуже; въ деревнѣ то и дѣло получались неприятныя пись-
ма, въ которыхъ напоминали о долгахъ, и даже не разъ приѣз-
жалъ становой съ бумагами, не особенно веселыми. Кредиторы
требовали уплатъ. Колосовъ-пажъ, Колосовъ-блестящій офицеръ
слишкомъ широко жилъ и шутя сорилъ деньгами и вотъ теперь
Колосовъ-помѣщикъ хотѣлъ, во что-бы то ни стало, вернуть
обратно свои деньги. Жить умѣренно для него было невозможно
и, ради этой цѣли, бывшій кавалеристъ обратился въ прожектора;
онъ сталъ выдумывать проекты, ѣздилъ въ Петербургъ, хлопо-
талъ; но проекты его какъ-то не шли, люди вліятельные его не
слушали съ тѣмъ вниманіемъ, котораго добивался Колосовъ. То-
гда онъ рѣшилъ позвать на помощь жену. „Меня не слушаютъ
эти старцы, думалъ онъ, — хорошенькую женщину навѣрно выслу-
шаютъ!“

Онъ началъ посылать къ вліятельнымъ людямъ Надежду Алек-
сѣевну, которой давалъ на этотъ счетъ точныя инструкціи.

— Ты, Надя, съ этими стариками говори слаще; они это лю-
бятъ и отъ нихъ все зависитъ... Одѣвайся, душа моя, элегантно
и шикарно... слегка пококетничай...

Когда Колосовъ въ первый разъ прочитывалъ такое наставленіе, Надежда Алексѣевна вспыхнула и почти что крикнула:

— Но вѣдь это, Александръ...

— Гадко, хочешь ты сказать, мой милый ребенокъ? Эхъ, Надя, Надя, милая ты моя Надя! Да вѣдь ты для насъ-же будешь хлопотать! И развѣ я прошу тебя сдѣлать чтонибудь нехорошее? Что ты, голубчикъ?.. Ты только не будь съ ними дика, будь любезна, мила, не кричи, коли тебѣ поцѣлуютъ твою маленькую ручку,—эка важность! и смотришь, дѣло, о которомъ мы хлопочемъ,—удастся... А что-же ты, собственно говоря, дурного сдѣлала, Надя?.. Ты только пособила мужу!.. Впрочемъ, прибавлялъ Колосовъ, — я тебя, Надя, не стѣсняю, поступай, какъ знаешь, но только тогда наше дѣло другому достанется... Вѣдь у насъ безъ хлопотъ ничего не дается!..

Что было отвѣчать на такіе убѣдительные доводы? И отчего не помочь своему-же мужу?

Александръ Андреевичъ цѣловалъ свою жену, называлъ ее умницей и посылалъ ее одѣваться. За туалетомъ ея тоже онъ самъ слѣдилъ, выбиралъ платья къ лицу, декольтировалъ жену болѣе обыкновеннаго и, полюбовавшись красавицей женой, отправлялъ ее, не забывая замѣтить на прощанье, чтобы она была развязнѣе и не особенно пугалась „этихъ длинноухихъ старцевъ“.

Надежда Алексѣевна не безъ какого-то щемящаго чувства ѣхала, просила, выслушивала комплименты, выдерживала пожатія рукъ и томные взгляды и успѣвала; мужъ получалъ какой-нибудь мудреный подрядъ и даже сумму на задатки. Тогда уплачивались долги и начинались затѣи. Колосовъ строилъ въ деревнѣ новый домъ, выписывалъ изъ-за границы новую мебель, машины, экипажи, подаривалъ жену массой ненужныхъ, но дорогихъ вещей и деньги такъ-же легко улетучивались, какъ и доставались... Онъ снова пускалъ въ ходъ какую-нибудь новую аферу, снова поправлялъ прозрачную косынку, еле закрывавшую прелестную шею жены, отправляя ее къ финансовому тузу, и снова доставалъ деньги, которыя снова сорилъ...

Во время этой прожектерской дѣятельности Колосовы попеременно жили въ Петербургѣ, Москвѣ и въ деревнѣ, и жили открыто. Александръ Андреевичъ сталъ ближе узнавать людей и увидалъ, что достаются деньги нѣсколько труднѣй, чѣмъ тратятся;

понялъ онъ также, что достаются деньги умѣючи и что для этого надо не быть особенно разборчивымъ въ средствахъ... Онъ такъ и дѣлалъ и, наѣзжая въ обѣ наши столицы, съумѣлъ завести связи, влѣзая въ душу нужнаго человѣка съ той артистической ловкостью, которая со временемъ сдѣлалась его второй натурой. Обладая, кромѣ того, здравымъ смысломъ, вѣрной оцѣнкой людскихъ слабостей и нѣкоторымъ презрѣннемъ къ людямъ и владѣя хорешо рѣчью, Колосовъ скоро приобрѣлъ репутацію умнаго и даровитаго человѣка, изъ котораго, при случаѣ, можетъ выйти крупный дѣятель...

— Съ вашими способностями служить надо! говорили ему вліятельные люди.

Колосовъ и самъ былъ отъ этого не прочь; безтолковая, мелкая прожектерская дѣятельность не была ему по душѣ; его натура искала чего нибудь посолиднѣй и поосновательнѣй... „Большому кораблю большое и плаваніе“! мечталъ въ тиши кабинета Александръ Андреевичъ и бередилъ своего честолюбиваго червяка, засѣвшаго у него въ сердцѣ...

Удовлетворенный страстью къ женѣ, Александръ Андреевичъ охладѣлъ къ ней, а съ охлажденіемъ онъ сталъ еще болѣе понимать и чувствовать, что такая красавица жена, какъ Надежда Алексѣевна, въ добрыхъ рукахъ можетъ быть хорошимъ средствомъ для человѣка, собирающагося въ большое плаваніе по морю житейскому. Онъ по-прежнему былъ ласковъ, любезенъ и внимателенъ и только развѣ посторонній взглядъ могъ замѣтить, что мужъ глядитъ на жену съ сладострастіемъ кушца, мечтающаго получить отъ красоты жены немалые проценты.

Во время долгихъ отлучекъ мужа Надежда Алексѣевна по цѣлымъ мѣсяцамъ жила одна въ деревнѣ. Понятно, что одиночество и скука заставили ее съ удовольствіемъ принимать посѣщенія сосѣда ихъ, молодого, любезнаго князя Вяткина, сына того старца, съ которымъ читатель уже познакомился. Онъ бывалъ у своей сосѣдки почти ежедневно, такъ мягко и осторожно съумѣлъ расшевелить слабыя струны сердца женщины, такъ деликатно сочувствовалъ ея положенію, что Надежда Алексѣевна сперва благодарно глядѣла на молодого человѣка, а потомъ полюбила его...

Со страхомъ ждала Надежда Алексѣевна возвращенія мужа... Горькими страданьями искушала она свою первую невѣрность...

Она исхудала и осунулась... Когда пріѣхалъ мужъ, она бросилась къ нему въ ноги и, рыдая, рассказала все, ничего не тая.

Колосовъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ боли оскорбленнаго самолюбія... Въ первую минуту ему стало жутко. Однако, благоразуміе и желаніе изо всякаго обстоятельства вытянуть пользу заглушили порывы и онъ успокоился со стоицизмомъ философа нашего времени. Онъ взглянулъ не безъ презрѣнія на рыдающую жену и въ практической головѣ его успѣла даже шевельнуться мысль: „я ее прошу и тогда она у меня совсѣмъ въ рукахъ“!

Онъ поднялъ жену, ласково усадилъ ее, поцѣловалъ и нѣжно шепнулъ, что увлеченіе позволительно и не ему карать его; кстатѣ понадѣялся, что князь Вяткинъ („хорошо, что еще не какой-нибудь сельскій учитель!“ промелькнуло у мужа) скромнень на языкъ, и окончилъ рѣчь свою увѣреніемъ, что онъ ничего не помнитъ и любить свою Надю по-прежнему.

Надежда Алексѣевна ожидала иного пріема. Она ждала упрековъ, брани, гнѣва, пожалуй, даже удара и что затѣмъ ее бросятъ, какъ недостойную жену, и вдругъ, вмѣсто этого, такое человѣчное отношеніе...

— О Боже, какой ты святой Александръ и какая я гадкая! рыдала, обливая слезами его руки, растроганная женщина...

— Полно, полно мое дитя!.. утѣшалъ ее Александръ Андреевичъ.— Не плачь и перестанемъ объ этомъ говорить...

— Я тебя люблю еще больше... милый ты мой!..

Когда жена нѣсколько успокоилась, Александръ Андреевичъ посовѣтывалъ женѣ принимать молодого Вяткина, какъ будто ничего и не случилось.

— Ты не показывай и виду, Надя, что пережѣвилась къ нему, а то замѣтятъ люди, пойдутъ сплетни... Богъ съ ними... А я вѣрю тебѣ!..

Колосовой былъ нѣсколько страненъ такой проектъ.

— Чему дивишься? Вѣдь нельзя-же выгнать человѣка изъ дома... Тогда скажутъ: вотъ бывалъ, а мужъ пріѣхалъ, — пересталъ! и выведутъ Богъ знаетъ какія заключенія... А если ты будешь любезна съ нимъ, никто ничего и не подумаетъ... Я вѣдь о тебѣ, дитя мое, хлопочу!..

Когда пріѣхалъ молодой Вяткинъ, Колосовъ его принялъ отлично, скоро сошелся съ нимъ на ты и мѣсяца черезъ два за-

нялъ у него десять тысячъ и побѣжалъ въ Москву по дѣламъ... Скоро уѣхалъ и князь, которому надоѣло бывать у сосѣдки только для разговоровъ, и Надежда Алексѣевна снова сидѣла одна въ деревнѣ и часто длинными, зимними вечерами горько, горько плакала, повѣряя изрѣдка грустныя мысли своей вѣрной Дашѣ.

Прошло пять лѣтъ. Въ это время супруги успѣли покороче узнать другъ друга, и если не особенно довѣряли другъ другу, то все-же таки настолько свыклись, что мужъ съвозъ пальцы смотрѣлъ на увлеченія жены, (увлеченія, — впрочемъ, маленькія, — случались и жена въ нихъ не каялась такъ искренно, какъ въ первый разъ), а жена, въ свою очередь, охотно хлопотала по дѣламъ мужа, мало по малу примиряясь со своимъ положеніемъ; она не любила мужа, но привыкла къ нему и слегка его боялась; онъ былъ ласковъ, добръ, ровень, ни въ чемъ не отказывалъ ей и она цѣнила это и подчасъ звала добрымъ папашей. И жизнь ея текла безъ заботы и огорченій до той поры, пока увлеченіе не захватывало сильнѣе сердце молодой женщины въ расплохъ... Она не боролась противъ чувства, а отдавалась ему и тогда ненавидѣла мужа. Задумываясь, волнуясь и плача, она искала исхода. Гдѣ онъ? Оставить мужа? Но развѣ онъ позволитъ? И гдѣ энергія, сила?.. гдѣ она? Въ такія полосы жизни Надежда Алексѣевна проклинала, что вышла замужъ и оставила сцену...

Эти вспышки не пугали мужа. Онъ былъ увѣренъ, что еще одна, другая такая вспышка, еще нѣсколько лѣтъ и Надежда Алексѣевна станетъ самой милой женой, хотя и не брезгающей любовниками, но не смущающей мужа ни раздирательными сценами, ни намѣреніями въ родѣ побѣга. Глядя на жену, Колосовъ былъ твердо убѣжденъ, что „коникъ обойдется“ и будетъ наслаждаться жизнью безъ всякаго скандала...

Однако, прошло цѣлыхъ десять лѣтъ, а коникъ не обходился и, какъ читатель видѣлъ, хотя и слабо, но все-жъ протестовалъ.

— Ну, Надя, сказалъ однажды Колосовъ, чуть было не попавшій, вслѣдствіе неудавшейся аферы, въ долговое отдѣленіе, — тебѣ надо съѣздить въ Петербургъ...

— Зачѣмъ, Саня? (полоса была нѣжная). Опять афера? Брось ты ихъ!

— Брошу, Надя... Довольно аферъ! Дѣло теперь болѣе солидное... Ты поѣзжай къ князю Вяткину рѣге'у, попроси жену fils'a она познакомитъ, старикъ глупый и до барынь охотникъ, пріодѣнся, конечно, и когда рѣге пріѣдетъ къ своей невѣсткѣ, поговори со старцемъ понѣжнѣе, а онъ, Надя, таесть, какъ снѣгъ въ печкѣ... А я, съ своей стороны, пишу ему письмо... Ты ему и напомни!

Надежда Алексѣевна поѣхала и, встрѣтившись у молодой Вяткиной (съ которой была знакома) съ рѣге'омъ, увлекла старика до того, что онъ проболталъ съ нею цѣлый вечеръ. Въ то время старикъ былъ въ силѣ и шутя исполнилъ просьбу Колосова.

Ему дали хорошее мѣсто въ Грязнополѣ.

XXVIII.

Колосовы переѣхали въ Грязнополѣ, завели большое знакомство и зажили открыто. Надежда Алексѣевна на первомъ-же балу поразила Грязнополѣ своей красотой и сразу завоевала себѣ множество поклонниковъ къ крайней зависти Настасьи Дмитріевны Стрекаловой. Колосовъ давалъ тонкіе обѣды и залѣзалъ въ долги; по счастью, Александра Андреевича скоро назначили опекуномъ одного несовершеннолѣтняго богача, дальняго родственника Колосова, такъ-что дѣла почтеннаго опекуна поправились и онъ даже купилъ у опекаемаго родственника прехорошенькое имѣніе. Къ этому-же времени подоспѣли дворянскіе выборы. Нельзя утверждать, чтобы Колосовъ очень рассчитывалъ на выборъ въ предводители, но и нельзя скрыть того обстоятельства, что Александръ Андреевичъ мѣсяца за два до выборовъ особенно часто кормилъ грязнополцевъ обѣдами, пилъ со многими брудершафты на „ты“, былъ, что называется, душой на распашку и никогда не отказывалъ въ займѣ (а то и самъ предлагалъ) грязнополцу, нуждающемуся въ деньгахъ.

Наконецъ насталъ день выборовъ. Очевидцы рассказывали, что когда въ залѣ раздался говоръ: „Колосова, Колосова выбрать!“, то на лицѣ Александра Андреевича выразилось недоумѣніе, точно онъ и не могъ ожидать этой чести, онъ весь какъ-то съезжился, принизился; но когда въ залѣ послѣ балотировки громогласно

объявили, что Колосовъ избранъ губернскимъ предводителемъ дворянства, Александръ Андреевичъ поднялся съ мѣста и въ этотъ мигъ словно выросъ въ глазахъ дворянъ. Собраніе утихло и Александръ Андреевичъ своимъ нѣжнымъ, мягкимъ голосомъ сказалъ трогательную рѣчь, въ которой благодарилъ за честь, но...

— Но, прибавилъ маленький Пій, — я, господа, какъ вамъ извѣстно, не имѣю большого состоянія, а потому быть достойнымъ предводителемъ достойнаго грязнопольскаго дворянства мнѣ невозможно. Еще разъ, господа, благодарю отъ всей души за честь и довѣріе, — (Александръ Андреевичъ съ чувствомъ приложилъ руку къ лѣвой сторонѣ груди), — которыми вы меня почтили, но, къ сожалѣнію, я долженъ отказать...

Само собою разумѣется, господа дворяне были съ этимъ несогласны. Во-первыхъ, имъ такъ понравилась рѣчь, а во-вторыхъ, имъ очень хотѣлось обѣдать. Они прослезились и не безъ гордости заревѣли, что у нихъ, слава Богу, есть деньги и что изъ-за такихъ пустяковъ нечего разсуждать.

Александръ Андреевичъ тоже прослезился и заявилъ, что онъ „понимаетъ и чувствуетъ такое довѣріе и надѣется оправдать его“. Дворянство положило давать своему предводителю по 10,000 рублей въ годъ.

Съ тѣхъ-же поръ Колосовъ сталъ показывать, что онъ оправдываетъ довѣріе. Онъ зажилъ царькомъ и для того, чтобы поддержать свое званіе, сталъ хозяйничать съ общественными дворянскими суммами, точно со своими. Господа дворяне пожирали у своего предводителя такіе обѣды, что съ восторгомъ разсказывали другъ другу о томъ, какъ умѣетъ Колосовъ жить. Если-же до Александра Андреевича доходили изрѣдка слухи, что недовольные (а гдѣ ихъ нѣтъ?) ругаютъ его и замѣчаютъ, что „какъ-то онъ отдастъ отчетъ въ суммахъ“, то Колосовъ на это съ олимпійскимъ спокойствіемъ замѣчалъ:

— Дураки! Я ихъ кормлю, а они-же ругаютъ!.. Небойсь, прикусать языки, когда я имъ отдамъ отчетъ...

Однимъ словомъ, почтеннѣйшій Александръ Андреевичъ нисколько не сомнѣвался, что съумѣетъ отдать отчетъ...

Въ обществѣ Колосова боялись и уважали. Конечно, были люди, и не любившіе его, но большинство преклонялось передъ нимъ, какъ передъ человѣкомъ сильнаго ума. Предшественникъ ны-

нѣшняго градоначальника, очень мягкой военный генераль даже побаивался его. Скоро Александра Андреевича узнали и оцѣнили въ Петербургѣ; тамъ онъ заслужилъ особенное расположеніе послѣ того, какъ Александръ Андреевичъ энергическими мѣрами предупредилъ возникшее было между крестьянами недоразумѣніе... За такое усердіе, выказанное въ горячее время (это было вскорѣ послѣ освобожденія), въ Петербургѣ ему пожали руку и назвали „почтеннѣйшимъ Александромъ Андреевичемъ“. Подвигъ этотъ очень высоко поднялъ Колосова въ глазахъ всего грязнопольскаго общества, глядѣвшаго съ тѣхъ поръ на Александра Андреевича, какъ на героя, хотя военное начальство и даже самъ военный генераль были нѣсколько въ претензіи на Александра Андреевича, помѣшавшаго военнымъ людямъ дать случай и имъ показать свою отвагу и распорядительность. Впрочемъ, впоследствии Александръ Андреевичъ и другимъ предоставилъ случай: онъ былъ человекъ деликатный и расчетливый и не хотѣлъ мѣшать и другимъ показать себя съ хорошей стороны.

Такъ-то, не безъ препятствій, не безъ бурь дожилъ Александръ Андреевичъ до настоящаго; жизнь его была полна уроковъ и онъ пользуется ими. Недавно, передъ тѣмъ, какъ началъ Колосовъ хлопотать о предсѣдательствѣ въ управѣ, онъ ѣздилъ въ Петербургъ и зайкнулся было о „высокомъ постѣ“, но тамъ ему сказали: „молодъ, послужи-ка еще“, и Колосовъ вернулся въ Грязнополе, готовый еще послужить...

XXIX.

Лампадовъ закатился на цѣлую недѣлю и, несмотря ни на какія увѣщанія матери, не переставалъ пьянствовать. Съ утра, опохмѣлившись, уходилъ онъ изъ дома и къ обѣду возвращался совсѣмъ готовый; мать укладывала его спать, поила огуречнымъ разсоломъ и ругала его всяческими ругательствами, пока не убѣждалась, что брань ея ему, что стѣнѣ горохъ. Наконецъ, на седьмой день онъ отрезвѣлъ, и когда мать стала стращать его, что предводитель наконецъ потеряетъ терпѣніе и выгонитъ пьяницу со службы, Иванъ Петровичъ, обыкновенно робкій и безот-

вѣтнѣй передъ матерью, теперь напустилъ на себя отважный видъ и, охорашиваясь, сказалъ:

— Это еще мы, маменька, посмотримъ!

— Чего смотрѣть-то? Станетъ онъ на тебя, на дурака пьянаго, смотрѣть?

— Вы, маменька, потише... Этакіе дураки всѣмъ дворянствомъ орудуютъ, а вы: дураки!.. Потише, маменька! хорохорился Иванъ Петровичъ.

Старуха отъ удивленія. при этихъ рѣчахъ, крестилась и отплевывалась.

— Да ты, любезный, спятилъ, что-ли?

— Нѣтъ, маменька, я не спятилъ, а онъ у меня, маменька, вотъ гдѣ! не унимался Лампадовъ, сжимая свой кулакъ и показывая, что Колосовъ у него тамъ спрятанъ.— Одно слово скажу и предводителя въ тартары... Слышали это?..

Старуха въ самомъ дѣлѣ начинала думать, что бѣднѣй ея сынъ рехнулся.

— Я молчалъ, долго молчалъ и буду молчать, но только ежели ты хочешь бѣдному человѣку въ душу залѣзть и душу продать дьяволу, тогда слуга покорный... Шалишь, ваше превосходительство! Дудки!..

— Ваня, Иванъ Петровичъ! Да Господь съ тобой, что ты это несообразное говоришь... ну гдѣ тебѣ, бѣдненькому, предводителя осилить?.. Усни опять, еще не выспался!..

— Нѣтъ, маменька!.. Конечно, я назюзился, но только теперь въ твердой памяти, а вы лучше вотъ-что скажите: могу я понравиться дѣвицѣ?..

— Это еще какія новости?

— А такія! Пойдетъ за меня портниха Феничка замужъ.

— Да проспись ты лучше, Иванъ Петровичъ, а то болтаешь, какъ очумѣлый... Нашель—портниху!.. Глупый! За тебя лучше кто пойдетъ, съ приданымъ...

— Не надѣ мнѣ лучше!.. Впрочемъ, и портниха не пойдетъ... Любовь!.. какъ-то висло прибавилъ Лампадовъ.— Н-н-н-нѣтъ! Его превосходительство ошибутся... Шалишь, другъ!..

Иванъ Петровичъ до того расходился, что даже сталъ кричать и стучать по столу кулаками. Въ это время пришелъ отъ Колосова слуга и принесъ записку, въ которой Колосовъ снова

напоминаль дѣлѣ“. Лампадовъ прочель записку, объ „извѣстномъ хватилъ сразу рюмки три водки, одѣлся и вышелъ изъ дому.

Сперва онъ было думаль отыскать прямо Крутовского и просить помѣстить въ сатиру, своего покровителя, но потомъ почему-то раздумаль и повернулъ къ слободкѣ, по дорогѣ къ Галкину переулку, гдѣ жилъ портной Кошельковъ. Нѣсколько поблѣднѣвшій отъ недѣли запоя, Иванъ Петровичъ быстро шагаль по улицѣ, придумывая самыя различныя планы, чтобы спасти Феничку отъ ожидавшей ее участи. На „сатиру“ онъ хотя и надѣялся, но мало. Сказать отцу? Пьяный человекъ только обрадуется! „Эхъ, кабы да деньги были!“ вслухъ пожалѣль Иванъ Петровичъ. „Пусть-бы жила и вспоминала Ивана Петровича!“ Храбрость Лампадова, выказываемая имъ при матери, прошла послѣ полученной записки и онъ очень хорошо чувствовалъ, что не ему, маленькому человекъ, сталкиваться съ Александромъ Андреевичемъ...

Лампадовъ пришелъ въ слободку и остановился передъ невзрачнымъ домикомъ, надъ воротами котораго была прибита полинялая отъ дождя небольшая вывѣска: „Портной Андронъ Кошельковъ изъ Санктъ-Петербурга“. Иванъ Петровичъ черезъ калитку вошелъ въ грязный дворикъ, потомъ повернулъ въ маленький проулокъ, образовавшійся двумя нагнувшимися другъ къ другу ветхими флигельками и не безъ нѣкотораго волненія отворилъ двери одного изъ нихъ, предварительно очравивъ свои рыжеватые волосы. Очутившись въ теплыхъ вонючихъ сѣнцахъ, Иванъ Петровичъ ощупью нашель дверную ручку и вошелъ въ мастерскую. Это была небольшая низкая комната о двухъ окнахъ, въ которой работали четверо мастеровыхъ, сидѣвшихъ съ поджатыми ногами на нарахъ. Несмотря на отворенныя окна, въ мастерской было смрадно и душно.

— Андроничъ дома? спросилъ Лампадовъ, входя въ мастерскую.

— Нѣтъ его! сухо отвѣтилъ одинъ изъ мастеровыхъ, молодой блондинъ.

— Давно ушелъ?..

— Со вчерашняго дня!..

— А Федосья Андроновна?..

Блондинъ опять искоса поглядѣль на Ивана Петровича.

— Да вамъ ее на что?

— Значить, надо, когда спрашивают!..

Блондинъ нехотя всталъ съ мѣста и ушелъ въ сосѣднюю дверь, а Иванъ Петровичъ пока закурилъ папироску, усѣвшись на стулъ.

Черезъ минуту изъ сосѣдней комнатки вышла Феничка, очень молодая и красивая дѣвушка, скорѣй даже дѣвочка, несмотря на свои двадцать лѣтъ; выраженіе ея лица было совсѣмъ дѣтское, особливо улыбка ея, такая ребячья, искренняя... Вся то она была маленькое, худощавое граціозное созданье съ худенькимъ личикомъ, слегка зарумяненнымъ; бѣлокурые волосы были акуратно причесаны и подобраны гладко назадъ, а пара большихъ прекрасныхъ синихъ глазъ глядѣли на міръ Божій съ такимъ дѣтски-пугливымъ выраженіемъ, что довольно было разъ взглянуть на эти глаза, чтобы сказать, что хозяйка ихъ совсѣмъ забитое созданье.

Увидавъ Лампадова, Феничка сконфузилась.

— Здравствуйте, Федосья Андроновна!.. проговорилъ Иванъ Петровичъ, робко подавая свою руку.—Какъ здоровье ваше?..

— Благодарствуйте...

— Папеньки нѣту?..

— Нѣту-съ.

— Скажите ему, пожалуйста, что я былъ... вѣдь вы меня знаете?

— Знаетъ! вступился блондинъ мастеровой.

— Не съ тобой говорятъ!.. сухо обратился Иванъ Петровичъ къ блондину.—Такъ скажите папенькѣ, что я прошу его зайти ко мнѣ: платье, моль, заказать.

— Угодно-съ, и я могу мѣрку снять?..

— Нѣтъ, не угодно-съ. Такъ скажете? Да кромѣ того, маменька проситъ васъ зайти платки подрубить... можете-съ?..

— Могу-съ...

— А затѣмъ прощайте-съ, Федосья Андроновна!..

И Лампадовъ ушелъ, оставивъ блондина въ весьма дурномъ расположеніи духа. Блондинъ давно любилъ и былъ любимъ Феничкой, но отецъ ея, старый пьяница, не выдавалъ дочь замужъ за человѣка, у котораго и сапогъ нѣтъ. Феничка не смѣла послушаться, а Афанасій (такъ звали блондина) ужъ второй годъ ко-

пилъ деньги, но скопилъ всего двадцать рублей. Недавно онъ прослышалъ черезъ кухарку Лампадова о томъ, что предводителю понравилась его невѣста, и горю его не было границъ. Онъ былъ ревнивъ и всякій человѣкъ, разговаривавшій съ Феничкой, былъ его врагомъ; теперь-же, послѣ прихода Лампадова, котораго онъ зналъ, самыя ужасныя подозрѣнія закрались въ сердце мастерового.

— Не ходи, смотри, туда! сказалъ Афанасій Феничкѣ, послѣ ухода Ивана Петровича.

— Отчего?

— Оттого!.. Развѣ не знаешь, кто онъ? Секретарь предводительскій!

Феничка испуганно взглянула на Афанасія и дала слово не ходить. Она знала Лампадова, какъ давальца ея отца, и человѣка крайне къ ней ласковаго, но, конечно, не имѣла никакого понятія о его служебномъ положеніи.

— И отцу не говори, что звалъ.

— Хорошо.

— Я самъ скажу... Эхъ, Феня, Феня... не судьба, видно! вздохнулъ Афанасій, крѣпко обнимая пугливую Феничку.

Иванъ Петровичъ былъ радъ, что не засталъ дома Феничкина отца, „по крайней мѣрѣ, опять скажу, думалъ онъ, что, молъ, дома нѣтъ... Эхма, горе ты, горе!..“ вздохнулъ Иванъ Петровичъ и направился домой. Дома онъ усидчиво работалъ до вечера, отнесъ къ Колосову бумаги, а самъ опять закатился въ трактиръ. Онъ спросилъ себѣ пуншу и велѣлъ завести органъ. Подъ вліяніемъ музыки и пунша Иванъ Петровичъ какъ-то размякъ и его свѣтленькіе глазки мигали отъ набѣжавшихъ слезъ. Нѣсколько поздиѣ въ трактиръ пришелъ Крутовской. Лампадовъ его замѣтилъ и тотчасъ подошелъ къ нему...

— Г. Крутовской, кажется?

— Онъ самый, что вамъ угодно?

— Угодно мнѣ... Нѣтъ-съ, лучше по порядку... Вы меня знаете?

— Гдѣ-то видѣлъ!

— Лампадовъ-съ... еще въ газетахъ обругали...

— Можетъ быть! со смѣхомъ отвѣчалъ Крутовской...

— Конечно, это обидно-съ, но только Богъ вамъ судья! какъ-

то робко говорилъ Иванъ Петровичъ.—А у меня къ вамъ просьба, отпечатайте-ка вы въ газетахъ предводителя...

— Вашего начальника? усмѣхнулся Крутовской.

— Именно, но только такъ отпечатайте, чтобы его пробрало! съ чувствомъ злости сказалъ Лампадовъ.

— За что? съ любопытствомъ спросилъ Крутовской.

Тогда Иванъ Петровичъ разсказалъ ему про намѣреніе предводителя.

— Что за гнусность! вскрикнулъ Крутовской и его маленькіе глазки уже метали молніи. — И вы согласились? Я вѣдь тоже Феничку знаю, она женѣ работаетъ...

— Мы люди маленькіе...

— Вѣдь это... это подло, г. Лампадовъ! съ негодованіемъ сказалъ Крутовской, взглядывая на хмѣльного чиновника съ явнымъ презрѣніемъ.

Лампадовъ ничего не отвѣтилъ на это, а только какъ-то кисло улыбнулся.

— Вы вотъ думаете, г. Крутовской, что мы и понимать ничего не можемъ! сказалъ онъ, немного погодя. — Нѣтъ-съ, понимаемъ! Грязь-то эту я не хуже вашего вижу! Можетъ быть, мнѣ и больше вашего жаль Феничку да только вѣдь и я тварь: хочется и ѣсть, и пить, и въ преферансикъ иной разъ сыграть. Уклонись я теперь явно, и онъ отъ меня уклонится. Что тогда будетъ? какъ-бы самого себя спрашивалъ Иванъ Петровичъ. — А вѣдь на рукахъ у меня, батюшка вы мой, мать! Сегодня опять ругать за дебошъ будетъ! добродушно усмѣхнулся Иванъ Петровичъ.—Вѣдь что я буду, коли мѣсто отымутъ, что? Вотъ вы меня въ газетахъ пропечатали, вамъ-то смѣшно, а если-бы меня-бы изъ-за сатиры вашей въ шею выгнали, а? улыбался со всѣмъ сквозь слезы Иванъ Петровичъ, потягивая пуншъ.—Вѣдь пришлось-бы на улицу: пожалуйста оставному чиновнику!.. Смѣшно-бы было, ась?..

Лампадовъ помолчалъ и посмотрѣлъ на Крутовского.

Крутовскій скорѣй съ состраданіемъ, чѣмъ съ презрѣніемъ, глядѣлъ теперь на своего собесѣдника, котораго онъ въ корреспонденціи изображалъ тонкой шельмой.

— Вѣдь и я, г. сочинитель, божья тварь и скажу по совѣсти отъ природы не золъ, но только своими боками знаю, что самую

эту глупую жалость кинуть нашему брату надобно. Ибо будешь ты других жалѣть, самъ безъ сапогъ останешься, ну, и коли тебя не жалѣютъ, — а меня не жалѣли! — и ты жалѣть не станешь! Вѣрно-ли я говорю?

Крутовской рѣзко кивнуть головой.

— А предводитель меня призрѣлъ. Я какъ получилъ волчій паспортъ (кажусь: за несоблюденіе казеннаго интереса былъ уволенъ... не соблюдалъ-сь, хе, хе, хе... не соблюдалъ-сь!), такъ хоть волкомъ вой первое время;—я, г. сочинитель, воровалъ помаленьку на прокормленіе и ничего не скопиль-сь! а Александръ Андреевичъ призрѣли, оцѣнивъ меня. Работать я мастеръ... Но только какъ я ему ни благодаренъ, а въ сатиру его прошу помѣстить, потому такое это грязное дѣло... дѣвушку жаль...

Несмотря на цинизмъ признанія, Крутовской почти что съ любовью глядѣлъ на этого бѣднаго человѣка. И какою жалкой, глупой показалась ему, послѣ рѣчей Лампадова, его корреспонденція, обличавшая забитаго человѣка. Глядя на пьяноватаго чиновника, какъ-будто говорившаго: „ну, вотъ я весь тутъ, я и ворипка, я и сводникъ—казни меня, если можешь“, Крутовскому невольно вспомнился стихъ Некрасова: „бичуя маленькихъ ворипшекъ для удовольствія большихъ“, и онъ, прежде радовавшійся хлесткости своей статьи о Лампадовѣ, теперь смотрѣлъ на нее, какъ на нѣчто дѣтское, глупое и злое...

— Вы, Иванъ Петровичъ, протяните это дѣло еще недѣльки двѣ... можно? А я тѣмъ временемъ денегъ достану, быть можетъ. Отца умолаемъ, чтобы Феничку отдалъ замужъ, да и спровадимъ отсюда на время.

— Со дна достанетъ: такой человѣкъ. Что зарубить, подай. Конечно, если сатира... въ городѣ стануть говорить, быть можетъ, и испугается.

— А все попробуйте. За сатирой, какъ вы говорите, дѣло не станеть.

— Перо ваше, могу сказать, острое. Прежде я негодовалъ, ну, а тамъ, знаете-ли, пересталъ... но перомъ восхищенъ... Перо доброе... Выпьемъ-ка...

Они выпили.

— А насчетъ волокиты ужъ я съ мѣсяцъ дѣло волочу. Можно и еще двѣ недѣльки протянуть, у насъ теперь время горячее —

выборы. Дай вамъ только Богъ денегъ достать да отца уломать,—корыстенъ только онъ! И отъ меня лепту на дѣло это примите; рублей пятьдесятъ какъ-нибудь ухитрюсь отъ маменьки вытянуть. Я вѣдь слабъ-съ, запиваю и маменька меня въ страхѣ держать! признавался, добродушно моргая глазами, Иванъ Петровичъ.—На руки больше трехъ-рублевой не отпускаетъ!.. Говорить: прошешь. И правду говорить: пропью!

Крутовскій протянулъ Ивану Петровичу руку и крѣпко ее пожалъ.

— Тоже вѣдь и я тварь!.. И скажу вамъ по совѣсти, г. сочинитель, я суть понимаю и вижу, что коли ты меня бить станешь, мнѣ больно сдѣлается и я бить кого-нибудь стану и такъ будемъ мы, г. сочинитель, лупцовать другъ дружку, пока до послѣдняго скота не доберемся. Мы все это поняли своими боками: безъ капитала ты,—тебя бьютъ, съ капиталомъ,—самъ бьешь... Вотъ вы многому учились, видно, и перо бойкое, а какой у васъ чинъ?

— И вовсе нѣтъ! усмѣхнулся Крутовской.

— То-то и есть!.. Поди-же, и вамъ нелегко хлѣбъ насущный достается? И я въ семинаріи былъ, сперва учился, но послѣ бросилъ, тоже желательно было вкусно поѣсть и попить. А вы сатиру, чтобы первый сортъ! Потому Феничку жаль... Вѣдь я... говорить, что-ли? Ну да все равно!.. Вѣдь я... конечно, что я и изъ себя, можно сказать, дрянъ, а тоже имѣю сердце и знатели... въ законный бракъ не прочь-бы съ Федосеей Андроновной. То-есть какъ-бы, кажется, берегъ ее. Пить-бы бросилъ... робко, совсѣмъ конфузясь, признавался рыжий, невзрачный человѣкъ. — Но только куда намъ съ суконнымъ рыломъ въ калашный рядъ... Молода, въ Саксоніи не была... Эй, любезный! крикнулъ Лампадовъ половому,—ну-ка, „не бѣлы снѣги!“

За полночь они вышли изъ трактира. Иванъ Петровичъ такъ плохо держался на ногахъ, что Крутовской усадилъ его на извозчика и бережно довезъ до квартиры, гдѣ и сдалъ на руки поджидавшей его матери.

XXX.

Крутовской всякую гадость принимала близко къ сердцу. Разсказъ Лампадова взволновалъ его и онъ рѣшился во что-бы то ни стало спасти бѣднаго ребенка. Но какъ? Ну, положимъ, онъ напишетъ статью, рѣзкую, громовую... Принесетъ-ли только она пользу?.. Въ первый разъ въ жизни, теперь, Крутовской какъ-будто и самъ усомнился въ большой пользѣ того дѣла, которое онъ дѣлаетъ... Неужели и помочь невозможно? спрашивалъ онъ себя съ какимъ-то страннымъ, помимо его воли, закрадывающимся въ сердце, сомнѣнiемъ... „Надо непременно достать денегъ!“ Но тутъ Крутовской горько улыбнулся; онъ самъ еле перебивался и, потерявъ изъ-за рѣзкой статьи о желѣзной дорогѣ мѣсто, успѣлъ, дожидаясь денегъ за свои корреспонденціи, производившія фуроръ, перезаложить все, что только было можно. „Черемисовъ достанетъ! Онъ и придумаетъ, какъ помочь Феничкѣ!“ вспомнилъ Крутовской и хотѣлъ было сейчасъ-же бѣжать къ Глѣбу. „А отчего-же не я? Точно безъ него и обойтись нельзя?.. начинало грызть самолюбьице.— И зачѣмъ я пойду первый... Нѣтъ, вздоръ!“ И Крутовской круто свернулъ съ дороги къ стрелаловскому дому. „Пусть жена ему напишетъ, если я ничего не сдѣлаю!“ разсуждалъ Крутовской. Самолюбіе мелкое, пошлое во второй разъ помѣшало ему протянуть руку пріятелю.

Недовольный, раздражительный пришелъ онъ домой. Людмила Николаевна встрѣтила его со слезами на глазахъ и молча подвела къ постелѣ ребенка. Ребенокъ горѣлъ и лежалъ въ бреду. Людмила Николаевна не сказала ни слова и только грустно, грустно глядѣла на мужа. Крутовского взорвалъ этотъ молчаливый взглядъ, въ которомъ онъ успѣлъ замѣтить упрекъ.

— Ну что ты такъ смотришь?.. Ну болѣнъ ребенокъ, доктора надо!..

— Я тебя ждала, Володя...

— Да что я привязанъ, что-ли, къ тебѣ, Люда? Точно я и со двора уйти не смѣю. Подъ юбкой, что-ли, сидѣть долженъ? раздражительно крикнулъ Крутовской.

— Ты меня не понялъ! тихо шепнула Людмила Николаевна. — Денегъ у меня нѣтъ!..

— Гдѣ-же деньги?..

— Вышли всѣ!.. еще тише говорила жена.

— Ну, что-же, ты-бы все-же могла послать за докторомъ, послѣ отгадимъ, а то слезы, вѣчныя слезы. Эка, что за жизнь! громко крикнулъ Крутовской.

— Тише, тише, Володя, умоляла жена. — Онъ спить, разбудишь!

— Да что онъ у насъ, герцогъ, что-ли, какой?

— Сынъ нашъ!..

— И безъ тебя знаю, что сынъ, а я спрашиваю, герцогъ онъ, что-ли? кипятился Крутовской, искавшій случая на комъ-нибудь вымѣстить досаду.

Людмила Николаевна тихо плакала.

— Опять? какъ-то злобно крикнулъ Крутовской и выбѣжалъ изъ дому за докторомъ.

И досада, и тоска и кака-то безпричинная ненависть къ женѣ попеременно грызли истерзанное сердце безпокойнаго, нервнаго человѣка.

Крутовской сунулся къ лучшему грязнопольскому доктору. Сказали, что спить.

— Разбудить! чуть не крикнулъ на лакея Крутовской.

— Не велѣли... заикнулся было лакей.

— Будите! съ такой злобой прошипѣлъ Крутовской, что лакей не безъ удивленія посмотрѣлъ на маленькаго господина и пошелъ будить доктора.

— Кто зоветъ? спрашивалъ нѣмецъ докторъ, высовывая изъ подъ одѣяла лысую, солидную и благообразную физиономію въ бѣломъ колпакѣ.

— Не знаю-съ... Какой-то господинъ... сердитый...

— И ночью покоя нѣтъ! сквозь сонъ промышчалъ докторъ. — Узнай!..

— Ну, что, разбудить? накинулся Крутовской на лакея, возвратившагося изъ кабинета.

— Просятъ узнать вашу фамилію?..

— Господи, что за прохвость! Его зовутъ, а онъ фамилію. Скажи: графъ Потелицынъ!.. отчеканилъ Крутовской, улыбаясь своей подвижной физиономіей.

— Графъ Потелицынъ! докладывалъ лакей, снова заснувшему доктору. — Карлъ Карлычъ!.. Проснитесь!..

— А, а... что такое?..

— Васъ просятъ къ больному...

— Кто такой?

— Графъ Потелицынъ!..

— Графъ Потелицынъ?.. Странная фамилія... Вѣрно, пріѣзжій?..

подавай одѣваться.

Докторъ не спѣша одѣлся и вышелъ, одѣтый точно на раутъ. Платье было новенькое, туго накрахмаленные воротнички свѣжести только что выпавшаго сѣнга подпирали его плотную, широколобую голову. Онъ вѣжливо поклонился и промолвилъ:

— Я къ вашимъ услугамъ, графъ...

— Ѣдемте!

Они вышли и сѣли на извозчика.

— Вы давно изволили пріѣхать?.. осведомлялся докторъ у своего спутника.

— Давно... Два года здѣсь живу...

— Странно... Какъ это до сихъ поръ я нигдѣ не имѣлъ чести васъ встрѣчать...

— Не приходилось...

„Эксцентричный графъ!“ подумалъ докторъ, благоразумно умолкая.

Пріѣхали. Вошли. „Странный графъ!“ думалъ докторъ, оглядывая бѣдня комнаты. Людмила Николаевна бросилась на встрѣчу и повела доктора къ ребенку. Докторъ постукалъ по животу, сперва разъ и покачалъ головой, потомъ постукалъ по спинѣ другой разъ и опять покачалъ головой. Ребенокъ проснулся. Докторъ спросилъ, какъ онъ поживаетъ, но ребенокъ вмѣсто отвѣта зарыдалъ благимъ матомъ. Мать, было, стала его уговаривать, а докторъ снисходительно замѣтилъ:

— Въ первый разъ видитъ докторъ, графиня!

Сперва Людмила Николаевна не обратила вниманія на то, что ее называли графинею, но затѣмъ часто повторяемый титулъ заставилъ ее взглянуть на мужа. Крутовской едва удерживалась отъ улыбки.

— Ну, что?..

— Опасности нѣтъ, никакой, графъ... Маленькій катарръ легкій... сѣтчатый оболочка поврежденъ... мы прспишемъ беладонъ съ сиропъ и два гранъ хинъ и болѣзнь приметъ свое теченіе.

Докторъ прописалъ лекарство и собирался уѣзжать.

— Будьте спокойны... у ребенка ничего опаснаго нѣтъ. Черезъ два дня будетъ здоровъ! говорилъ онъ, раскланиваясь любезнѣйшимъ образомъ.

— Спасибо, докторъ, пожалуй ему руку Крутовской, — но только деньги я вамъ пришлю не раньше недѣли... Теперь нѣтъ... И въ заключеніе я долженъ извиниться, я вовсе не графъ...

— А кто-же? не безъ испуга спросилъ докторъ, ворочая своими телячьими бѣлками.

— Да простой смертный, по фамиліи Крутовской...

— Милостивый государь... Сожалѣю, что такой мистификація...

— И я сожалѣю, но я зналъ, что иначе вы-бы не поѣхали. Васъ звали къ больному, а вы спрашиваете фамилію, ну, я и назвался графомъ! улыбнулся Крутовской.

Докторъ уѣхалъ и до самаго дома не могъ придти въ себя отъ изумленія. Онъ разругалъ лакея безъ всякой причины и, надѣвая колпаекъ, съ задумчивостью повторялъ:

— O mein Gott, mein Gott, какой нынче молодежь нахальная стала...

И на утро записалъ этотъ случай въ свою записную тетрадь, озаглавивъ его „Мистификаціонный случай“.

XXXI.

Послѣ отъѣзда доктора, Крутовской долго еще смѣялся и пошелъ въ аптеку; вернувшись, онъ подсѣлъ къ женѣ и, обнимая ее, сказалъ:

— Люда, прости меня, голубчикъ; я чортъ знаетъ, что наговорилъ... прости!

— Я не сержусь, Володя...

— Не сердись... Просто такая досада давеча была, такое раздраженіе... извини...

И Крутовской снова нѣжно и искренно обнялъ Людмилу Николаевну. Она изъ любви къ мужу удерживала готовныя вырваться изъ груди рыданья и утирала глаза.

— Что тебѣ докторъ говорилъ?.. Ничего опаснаго?

— Завтра Володька будетъ здоровъ. Просто легкій гриппъ, который для важности нѣмецъ назвалъ катарромъ легкихъ...

— Правда? испуганно допрашивала Людмила Николаевна.

— Успокойся, правда... Правда, моя милая графиня!..

И Крутовской не безъ смѣха разсказаль о своей продѣлкѣ съ докторомъ и объ удивленіи нѣмца.

— Да вотъ еще что... да ты что-же, Люда?..

Крутовской остановился. Людмила Николаевна истерически рыдала. Ее поражали такіе рѣзкіе переходы въ характерѣ мужа. Легкость, съ которою онъ отъ тяжкаго упрека переходилъ къ ласкѣ и смѣху, больно кольнула ее... Давно скрываемое подозрѣніе, что мужъ ее не очень любить, снова всплыло наружу и слезы, горькія слезы лились изъ глазъ молодой женщины, облегчая ея горе. Онъ нѣжно взялъ ея руки, гладилъ ихъ и, словно ребенка, сталъ ее успокоивать, называя самыми нѣжными именами... Она улыбнулась сквозь слезы.

— Любишь-ли ты меня, Володя? съ какой-то странной, недовѣрчивой улыбкой спросила она, робко пряча свое лицо на его груди.

— А то нѣтъ?..

— Станный ты какой-то...

— Уже такой, Люда, уродился...

— Знаешь-ли что? Вѣдь я тебѣ не пара! тихо, совѣмъ тихо шепнула Людмила Николаевна.

Крутовской промолчалъ. Она ждала, что онъ станетъ спорить. Нѣсколько минутъ прошло, оба молчали.

— Ты часто раскаяваешься, что женился на мнѣ? Скажи, часто? наконецъ, заговорила Людмила Николаевна.

— Полно тебѣ, Люда, вздоръ городить...

— Нѣтъ, Володя, не отвиливай... Правду, по совѣсти, скажи!..

И она смотрѣла своими ясными, чистыми глазами въ лицо обожаемаго Володи.

— Что-же ты молчишь?

— Да полно, Люда, глупости спрашивать...

— Раскаявался?.. сожалѣлъ?..

— Да нѣтъ-же...

— Никогда?..

— Никогда! промолвилъ Крутовской, цѣлуя жену.

Людмила Николаевна нервно бросилась къ нему на шею и, крѣпко стиснувъ, прошептала:

— Если-бъ ты только зналъ, какъ я тебя люблю!

Она повеселѣла. Крутовской разсказалъ ей о встрѣчѣ съ Лампадовымъ и о Феничкѣ и, конечно, нашель въ женѣ самаго сочувственнаго помощника. Она завтра-же обѣщала написать Черемисову и вмѣстѣ съ нимъ сходить къ Феничкѣ, и если та согласится, пригласить ее къ себѣ, пока не устроится дѣло. Она заранѣе надѣялась на успѣхъ, и дѣтски радовалась случаю быть полезной ближнему.

— Черемисовъ доставеть денегъ... Онъ добрый... Отчего ты самъ не сходишь къ нему и первый не протянешь руки? Вѣдь ты виновать, Володя?

— Схожу, Люда, но не теперь... послѣ...

— Ну, хочешь, я помирю васъ?..

— Нѣтъ, Люда, ни слова обо мнѣ не говори...

— Экій ты какой...

— Гадкій? подсказалъ Крутовской.

— Самолюбивый! покраснѣла Людмила Николаевна и, сказавъ это, испугалась: не обидѣла-ли она своего Володю.

— Полюби насъ черненькими, а бѣленькими всякій полюбитъ! засмѣялся Крутовской, уходя въ кабинетъ.

Онъ сейчасъ-же засѣлъ за столъ и сталъ писать. Онъ писалъ скоро, нервно и при этомъ возбуждался во время работы до того, что злость, казалось, сама капала съ его пера. Когда онъ кончилъ и прочелъ, то даже самъ удивился жолчи и яду, которыми былъ пропитанъ его небольшой разсказъ о предводителѣ Донъ-Жуанѣ. Читая этотъ разсказъ, казалось, что такого злодѣя, какъ Колосовъ, еще свѣтъ не родилъ, и что ему мало висѣлицы, и все это описывалось страстнымъ, убѣжденнымъ языкомъ подъ диктовку горячаго возмущеннаго сердца.

Вмѣстѣ со статьей Крутовской послалъ въ редакцію письмо, въ которомъ ругался безпощадно за невысылку стараго гонорарія и требовалъ немедленно выслать деньги. „Теперь редакторъ навѣрно вышлетъ. Небойсь, проберетъ его трехъ-этажную шкуру!“ наивно надѣялся Крутовской, запечатавъ письмо, и, усталый, бросился въ постель.

Людмила Николаевна еще долго сидѣла у постели сына и только убѣдившись, что жаръ спалъ, она раздѣлась и легла счастливая послѣ объясненія съ мужемъ. Она уже совсѣмъ забыла о прошлой сценѣ, а только помнила его ласковые взгляды и его увѣренія, что никогда раскаянье не закрадывалось въ его сердце. Людмила Николаевна тихо заснула съ мыслью о мужѣ и сынѣ.

К. Станюковичъ.

(Продолженіе будетъ.)

В Е С Н Ъ.

(Изъ А. Петёфи.)

Чудо-дочь зимы старухи,
Милая весна,
Что-жь не сходишь ты на землю, —
Ждетъ тебя она.

Приходи! Стоять въ тревогѣ
Всѣ твои друзья;
Подъ твоимъ шатромъ зеленымъ
Пусть цвѣтутъ поля.

Оживи облыную зорьку:
Посмотри, она
Надъ землею восходитъ въ небѣ
Мертвенно блѣдна.

Оживи ее и снова
Свѣтлая роса—
Эти радостные слезы—
Воскресить лѣса.

Будетъ жаворонокъ снова
Въ небѣ пѣть, кружась,
Пѣсню чудною свободы
Вдохновляя насъ.

Да цвѣтовъ, цвѣтовъ побольше
Приноси, мой другъ,
Разсыпай ихъ сколько можешь
Изъ обѣихъ рукъ.

Все растетъ обитель смерти
И не мало въ ней
Спать боровшихся за правду
Пламенныхъ людей.

Не оставь-же безъ покрова
Ихъ могилы ты
И ковромъ живымъ надъ ними
Разстели цвѣты.

А. Михайловъ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ВЪ ШВЕЙЦАРИИ *).

I.

До сихъ поръ наши очерки первоначальнаго образованія касались большихъ, сильныхъ и богатыхъ государствъ. Теперь намъ приходится коснуться государства далеко не богатаго, не сильнаго и не большого. Мы будемъ говорить о Швейцарии.

Кто изъ образованныхъ людей не знаетъ этой страны съ ея свѣтлыми и прозрачными озерами, съ ея живописными горами, вершины которыхъ занесены снѣгами, съ ея мирными долинами, съ ея „шале“, раскинувшимися и въ долинахъ и въ горахъ? Сообщеніе въ горахъ между этими шале порою довольно затруднительно, иногда по горнымъ дорогамъ трудно пробѣжать, нерѣдко по нимъ трудно даже пройти; онѣ заносятся снѣгами, грозятъ снѣжными обвалами. По этимъ-то дорогамъ дѣтямъ нужно порою проходить отъ своего жилища половину или три четверти лье до школы, иногда надо пройти и цѣлое лье. Уроки обыкновенно начинаются въ восемь часовъ утра и потому большей части дѣтей приходится вставать и пускаться въ дорогу до свѣта и воз-

*) *G. Moynier*: Les institntions ouvrières, 1867 г.—Швейцарія и швейцарцы *B. Г. Диксона*, 1872 г.—*H. Morf*: Zur Biographie Pestalozzi's, 1868 г.—*Adolf Beer und Franz Hochegger*: Die Fortschritte des Unterrichtswesens in den culturstaaten Europas.—*Max Wirth*: Statistik der Schweiz, 1871 г.—Michigan teacher, October, 1872 etc.

вращаться домой почти ночью. Имъ приходится проходить по тропинкамъ, по которымъ не ходитъ почти никто по цѣлымъ недѣлямъ; эти тропинки занесены снѣгомъ и являются не только трудными, но и опасными. Вы, вѣроятно, не разъ видѣли на картинкахъ въ иностранныхъ и русскихъ „Иллюстраціяхъ“ изображенія этихъ бѣдныхъ иногда шести-семи лѣтнихъ дѣтей, среди горъ и лѣсовъ съ трудомъ пробирающихся по глубокому снѣгу въ школу, защищаясь отъ снѣга большими дождевыми зонтиками и закутываясь отъ холода въ свою неуклюжую одежду. На картинахъ очень красиво выглядятъ подобные сюжеты. Но, конечно, вы согласитесь, что подобныя условія въ жизни не особенно способствуютъ развитію школьнаго дѣла.

Но это только одна изъ невыгодныхъ сторонъ, которыми обставлено швейцарское первоначальное образованіе, и хорошо-бы было, если-бы ему приходилось бороться только съ нею. Къ несчастію, этихъ невыгодныхъ сторонъ такъ много!

Прежде всего нужно замѣтить, что народонаселеніе Швейцаріи далеко не богато; даже тѣ богачи, которые въ послѣднее время стали поигрывать на биржѣ и пускаться въ различныя спекуляціи, могутъ считаться очень жалкими капиталистами въ сравненіи съ биржевыми спекуляторами Франціи или съ старыми лордами Англій. Но эти богачи въ Швейцаріи являются рѣдкимъ исключеніемъ, большинство-же едва-едва сводитъ концы съ концами. Рядомъ съ этими людьми, живущими, что называется, въ обрѣзъ, встрѣчаются значительныя массы людей, получающихъ вспомошествованія отъ общины или, лучше сказать, живущихъ милостынею. Этими бѣднякамъ всѣми способами стараются заградить пути къ женитьбѣ, но все-таки иногда они женятся и дарятъ государству новыхъ гражданъ. Этихъ бѣдняковъ стараются иногда спихнуть за границу; для нихъ устраивали особыя эмиграціонныя бюро въ Гаврѣ, въ Нью-Орлеанѣ и т. д. и они эмигрировали сотнями, тысячами. Но все-таки ихъ достаточно оставалось и дома. Одинъ получающій помощь бѣднякъ приходился на 25 жителей въ Цюрихѣ, а гдѣ-нибудь въ Нейенбургѣ одинъ приходился на девять человѣкъ, въ Люцернѣ одинъ—на восемь, а въ городѣ Базелѣ одинъ—на семь. И чѣмъ могло помочь имъ ихъ общество? Въ крайнемъ случаѣ оно выдавало имъ въ годъ по 186 франковъ, т. е. по 46 $\frac{1}{2}$ р. на человѣка

или около 4 р. въ мѣсяцъ; но и такая помощь была исключеніемъ, необыкновеннымъ счастіемъ; большею-же частью помощь не превышала 50 фр. въ годъ, т. е. 1 руб. въ мѣсяцъ; такою помощью пользовались бѣдняки въ Бернѣ, въ Ааргау, въ Люцернѣ, въ Фрейбургѣ, въ Золотурнѣ, въ Нейенбургѣ, и ихъ было не сто, не двѣсти человѣкъ, а десятки тысячъ—26,789 въ Бернѣ, 11,251 въ Ааргау, 15,057 чел. въ Люцернѣ и т. д. Вы понимаете, что эта масса является не двигательницею, а тормазомъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

Но это не все.

Вы знаете, что менѣе всего способствуетъ народному образованію католичество, а католичество и его духовенство играютъ не малую роль въ Швейцаріи, такъ какъ 41% народонаселенія этой страны состоитъ изъ католиковъ. Здѣсь было сравнительно много монастырей и тогда какъ въ Россіи одинъ монастырь приходился на 41,000 жит., а въ Великобританіи одинъ на 94,000 жителей, въ Швейцаріи одинъ монастырь считался на 27,800 жителей. Когда католическое населеніе Швейцаріи составляло 1.023,000 человѣкъ, число католическихъ монаховъ доходило до 1,960 человѣкъ, т. е. одинъ монахъ приходился на 522 католика. Это было болѣе невыгодное отношеніе, чѣмъ въ Италіи, Греціи, Сербіи, Испаніи, Россіи и т. д. Католическое духовенство стремилось здѣсь всѣми средствами привлечь къ себѣ адептовъ и запугать народонаселеніе. Оно устроило 23 святыхъ мѣста, куда должны были ходить католики на богомолье въ извѣстныя времена года; оно старалось пробудить вѣру въ совершающіяся донинѣ въ этихъ мѣстахъ чудеса; оно всячески раздражало католическое населеніе противъ не католическаго; оно доводило вражду католиковъ противъ не католиковъ до того, что первые готовы были выбрасывать изъ могилъ трупы послѣднихъ, еслибы эти трупы были погребены на католическомъ кладбищѣ; вообще оно парализировало всѣ усилія общества дѣйствовать сообща и единодушно.

Если эти обстоятельства сами по себѣ не особенно благопріятны для успѣшнаго развитія народнаго образованія, то они должны были, повидимому, дѣйствовать еще гибельнѣе тамъ, гдѣ не могло явиться Петровъ и Фридриховъ Великихъ, гдѣ никто и никогда не смѣлъ сказать: „я хочу, чтобы здѣсь былъ выстроенъ го-

родъ, я приказываю, чтобы здѣсь основали школу.“ Эта непреклонная и желѣзная воля, при помощи которой великіе власти-тели наперекоръ всѣмъ препятствіямъ производили самыя смѣлныя реформы,—была чужда и незнакома свободному швейцарскому народу.

Итакъ, всѣ обстоятельства сложились, повидимому, не въ пользу развитія народнаго образованія. А между тѣмъ, взгляните, какихъ результатовъ достигла страна въ дѣлѣ народнаго образованія: еще въ 1864 году въ Швейцаріи приходилась одна народная школа на 352 жителя, т. е. пропорція самая благопріятная, такъ какъ во всей Европѣ только одинъ Саксенъ-Альтенбургъ былъ поставленъ еще лучше въ этомъ отношеніи, имѣя одну школу на 345 жителей, всѣ-же остальные государства Европы стояли на этомъ пути значительно позади Швейцаріи. Число школъ возрастало быстро: въ 1852 году ихъ было 5,660, а въ 1864 году ихъ было 7,160, т. е. въ годъ прибавлялось по 123 школы или на 2,2%. И Пруссія, и Великобританія, и Нидерланды, и Бельгія и множество другихъ государствъ отстали въ этомъ отношеніи отъ Швейцаріи. Посѣтителями школъ являлись во всей Швейцаріи 94,8% изъ всѣхъ дѣтей, способныхъ посѣщать школу, то-есть процентъ былъ больше, чѣмъ въ Даниі, Гессенъ-Касселѣ, Ганноверѣ, Саксенъ-Кобургъ-Готѣ, Брауншвейгѣ, Франціи, Нидерландахъ, Великобританіи, Бельгіи и т. д. Но этого мало, кантонъ Цюрихъ стоялъ впереди всей Европы, такъ какъ въ немъ посѣщали школу 113% изъ всѣхъ дѣтей, способныхъ посѣщать школу. И не только однѣми первоначальными школами богата Швейцарія, — нѣтъ, въ ней встрѣчаются самыя благопріятныя цифры числа реальныхъ училищъ и гимназій. Вообще образованіе дается не однимъ мальчикамъ, но и дѣвочки пользуются равными правами въ этомъ отношеніи, и чаще, чѣмъ гдѣ-нибудь, встрѣчаемъ мы здѣсь на учительскихъ мѣстахъ не учителей, а учительницъ, что ясно свидѣтельствуетъ о болѣе разумныхъ и трезвыхъ взглядахъ на женщинъ.

Но какъ-же согласить противорѣчивые факты, какъ объяснить то, что при множествѣ препятствій страна сдѣлала болѣе, чѣмъ тѣ страны, у которыхъ не было никакихъ особыхъ препятствій для развитія образованія? Или такія обстоятельства, какъ трудныя и дурныя дороги, какъ бѣдность, какъ отсталость клери-

каловъ, какъ отсутствіе желѣзной могучей воли одного создающаго человѣка, ничего не значать въ дѣлѣ развитія народныхъ школъ?

Да, всѣ эти обстоятельства очень важны, но среди этихъ враждебныхъ условій, было два благопріятныхъ условія и имъ то, главнымъ образомъ, обязана Швейцарія тому, что она стоитъ теперь на такой высокой ступени народнаго образованія, до которой не могли еще подняться ни Франція, ни Пруссія, ни Англія.

Бросимъ бѣглый взглядъ на исторію Швейцаріи.

II.

Въ 1218 году угасъ послѣдній членъ дома Церингенъ, управлявшаго Швейцаріей, и страна попала въ руки многихъ управителей, начавшихъ притѣснять и давить народъ. Но этотъ народъ, жившій въ горахъ, привыкшій къ труду и къ борьбѣ, не легко было задавить. Онъ все тѣснѣе и тѣснѣе сплывался вмѣстѣ, чтобы отстаивать свои права. Уже въ 1297 году кантоны Швицъ и Ури заключили союзъ съ полукантономъ Унтервальденъ-подъ-лѣсомъ, а черезъ нѣсколько времени къ нимъ присоединился и второй полукантонъ Унтервальденъ-надъ-лѣсомъ. Всѣ эти союзники произнесли клятву: „каждый за всѣхъ и всѣ за cadaго.“ Черезъ два мѣсяца послѣ этого союза Швицъ и Ури заключили новый союзъ съ Цюрихомъ. Всѣ эти союзные акты подготовили почву для общаго союза. Когда-же въ Швейцарію явился знаменитый Гесслеръ, человѣкъ жестокой, надменный и властолюбивый, чаша терпѣнія уже переполнилась. Начались самыя страшныя насилія со стороны правителей и вызвали со стороны народа самыя рѣшительныя доказательства того, что народъ готовъ на самооборону. Фогтъ изъ Роцберга, Вольфеншисъ, является въ домъ къ красавицѣ женѣ Конрада Баумгартена и велитъ приготовить себѣ ванну, требуя въ то-же время отъ женщины слишкомъ безчестныхъ услугъ; въ это время является самъ Конрадъ, случайно находившійся дома, и убиваетъ фогта. Одинъ изъ мужиковъ въ Мельхталѣ въ Унтервальденѣ, по имени Генрихъ, лишается по милости фогта Ланденбера двухъ быковъ; сынъ

Генриха, Арнольдъ, въ горячемъ спорѣ объ этомъ дѣлѣ съ слугою фогта переламываетъ слугѣ въ пылу гнѣва палець и бѣжить, — фогтъ-же приказываетъ выколоть глаза Генриху за проступокъ сына. Подобныхъ событій было безчисленное множество. Несчастливымъ швейцарцамъ приходится бѣжать и скрываться отъ преслѣдованій. Число этихъ бѣглецовъ росло съ каждымъ днемъ и вотъ, наконецъ, представители недовольныхъ собираются вмѣстѣ. „Когда эти тридцать три человѣка, пишетъ историкъ Швейцаріи, были связаны тѣсною дружбою вслѣдствіе тяжелыхъ опасностей того времени, когда они сошлись вмѣстѣ въ Грюгли, — они не боялись уже ни короля Альбрехта, ни могущества Австріи. Вожди этихъ людей — Вальтеръ Фюрстъ, Арнольдъ Мельхталь и Вернеръ Штауффахеръ — простерли къ небу свои руки и поклялись, что никто въ этомъ дѣлѣ не будетъ дѣйствовать по своему произволу, что никто не оставитъ другихъ, что не проливать кровь, а завоевать свободу для своихъ внучатъ хотять они. Тридцать остальныхъ членовъ союза то же подняли руки и дали клятву.“ Съ этой минуты начинается рѣшительная и упорная борьба противъ иноземныхъ пришлецовъ, старавшихся подавить страну.

Двѣсти лѣтъ продолжалась эта борьба. Швейцарскій союзъ все росъ и крѣпчалъ. Враги его позорились самыми постыдными пораженіями, въ родѣ битвы при Моргартенѣ, когда закованные въ латы, надменные рыцари герцога Леопольда были побиты камнями, изрублены топорами и алобардами, утоплены въ озерѣ, раздавлены подъ копытами взбѣсившихся коней и все это сдѣлалось, почти безъ боя, горстью враговъ, забравшихся на скалы и осыпавшихъ рыцарей камнями. И какіе люди являлись среди этихъ мужиковъ! Какой, на примѣръ, возвышенный образъ является предъ нами въ лицѣ Арнольда Винкельрида, когда этотъ человѣкъ бросается грудью на непріятельскія копыта, захватываетъ ихъ въ охапку, крикнувъ своимъ друзьямъ: „Я разчищу вамъ дорогу! Не оставьте мою жену и дѣтей!“ Ж. Ж. Руссо совершенно вѣрно замѣтилъ, что въ „Швейцаріи являютя античные герои въ новѣйшія времена“. Мало по малу швейцарцы изъ оборонительнаго положенія перешли къ наступательному, стараясь округлить свои владѣнія. Наконецъ, въ 1499 году, Швейцарія дѣлается совершенно независимою *de facto*, а въ 1648 году, во время

вестфальскаго мира, признается ея полная независимость и *de jure*.

Реформаціонное движеніе въ самой Швейцаріи началось почти одновременно съ реформаціоннымъ движеніемъ въ Германіи, хотя и независимо отъ послѣдняго. Сынъ одного изъ служащихъ лицъ въ Вильдгаузенѣ, въ графствѣ Тогенбургъ, Ульрихъ Цвингли, родившійся въ 1484 году, явился однимъ изъ первыхъ вожаковъ этого движенія. Онъ учился въ Базелѣ, въ Бернѣ и, наконецъ, въ Вѣнѣ. Возвратившись въ Швейцарію, онъ занялъ мѣсто въ Базелѣ и продолжалъ свои теологическія занятія подъ руководствомъ Виттенбаха. Въ 1506 году Цвингли получилъ званіе священника и проповѣдника въ Гларусѣ, а черезъ десять лѣтъ получилъ мѣсто въ Швицѣ, гдѣ, среди монаховъ, онъ нашелъ нѣсколько друзей, смотрѣвшихъ одинаково съ нимъ на разныя злоупотребленія католической церкви. Здѣсь начинается проповѣдь Цвингли противъ этихъ злоупотребленій и, главнымъ образомъ, противъ ежегодныхъ хожденій народа на поклоненіе въ монастырь. Почва для проповѣдей Цвингли была подготовлена, такъ какъ посреди населенія царствовало недовольство духовенствомъ, жившимъ въ роскоши и развратѣ. Мало по малу проповѣди дѣлались смѣлѣе и въ 1519 году Цвингли уже выступаетъ противникомъ босоногого монаха, Бернарда Самсона, продававшаго въ Швейцаріи свидетельства на отпущеніе грѣховъ. Около Цвингли образовался кружокъ единомыслящихъ съ нимъ людей, въ то-же время явились у него и враги, нападавшіе не на одни его религіозныя убѣжденія, но и на политическія, такъ какъ онъ, напримѣръ, сильно возставалъ противъ служенія швейцарцевъ въ иностранныхъ войскахъ. „Швейцарцы, говорилъ онъ, — считаютъ грѣхомъ ѣсть мясо въ постъ, но не считаютъ преступленіемъ продавать чужеземнымъ князьямъ человѣческую кровь.“ Послѣ нѣсколькихъ публичныхъ диспутовъ, въ 1524 году Цвингли удалось осуществить на практикѣ многія изъ задуманныхъ имъ реформъ, довольно близко подходившихъ къ реформамъ Лютера. Отмѣна католическихъ постовъ, борьба противъ продажи отпущеній грѣховъ, уничтоженіе нищенствующаго монашества, передача брачныхъ дѣлъ свѣтскимъ властямъ, истребленіе въ церквяхъ разныя статуи и тому подобныя реформы очень смѣло проводились Цвингли на практикѣ, несмотря на то, что папа старался скло-

нить его на свою сторону, предлагая ему очень почетныя и выгодныя духовныя мѣста. Но Цвингли, твердый и благородный по характеру, оставался непоколебимымъ и неподкупнымъ. Швейцарія, между тѣмъ, раздѣлилась на двѣ партіи: аристократическая, т. е. болѣе образованная, пристала къ Цвингли, демократическая-же осталась при старомъ католичествѣ. Раздоры дошли до открытаго боя и 11 октября 1531 года Цвингли палъ въ битвѣ. „Какое несчастіе, какое несчастіе! воскликнулъ благородный реформаторъ.— Впрочемъ, пусть мои противники поражаютъ мое тѣло, моя душа останется жива! Аминь!“ Одинъ изъ католиковъ, Кунци Блингау, произнесъ при этомъ характеристичныя слова: „Эхъ, если-бы тутъ дѣло шло не о нашей святой католической вѣрѣ, вздохнулъ онъ,—кровь нашихъ братьевъ, задушенныхъ нами, возопіяла-бы къ небу и солнце померкло-бы, чтобы не видать этихъ ужасовъ братоубійства!“

Несмотря на поражение, реформаторамъ удалось удержать за собою нѣсколько кантоновъ. За Цвингли проповѣдникомъ реформаторскихъ идей явился французъ Жанъ Шовень, или Ковень, извѣстный подъ латинизированнымъ именемъ Кальвина. Онъ родился 10 іюля 1509 года въ Пикардіи, учился въ Парижѣ, отличался замѣчательными способностями и умомъ и уже на восемнадцатомъ году получилъ мѣсто священника. Но онъ не долго оставался священникомъ и отправился въ Орлеанъ, а потомъ въ Буржъ изучать юридическія науки. Въ эти годы страстнаго стремленія къ знанію онъ основательно познакомился съ идеями нѣмецкихъ реформаторовъ и рѣшился идти по ихъ пути. Онъ сдѣлался во Франціи однимъ изъ вожаковъ той партіи, которая мечтала о религіозной реформѣ. Онъ нашелъ себѣ даже покровительницу въ лицѣ Маргариты Наваррской, но, несмотря на это, ему все-таки пришлось бѣжать изъ Франціи. Поселившись въ Базель, онъ въ 1535 году издалъ свое знаменитое: „Ученіе о христіанской религіи“. Здѣсь было полное изложеніе его религіозныхъ взглядовъ, отличавшихся глубиной идей, пронизательностью, логичностью и, наконецъ, силою и красотой изложенія. Въ каждомъ изъ изданій, слѣдовавшихъ за первымъ изданіемъ этой книги, Кальвинъ дополнялъ свое ученіе. Совершивъ путешествіе по Италіи, посѣтивъ снова родину, Кальвинъ поселился въ Женеvѣ, гдѣ его встрѣтилъ неожиданный успѣхъ. Народъ стекался

къ его жилищу массами. Но суровая нравственность Кальвина надѣлала ему много враговъ и вліятельные женеvцы добились его изгнанія въ 1538 году. Онъ уѣхалъ сначала въ Базель, а потомъ переселился въ Страсбургъ. Но изгнаніе продолжалось недолго. Кальвинистская партія снова взяла перевѣсъ въ Женевѣ и женеvцы снова стали просить Кальвина возвратиться къ нимъ. Въ 1541 году онъ явился къ нимъ и такъ какъ всѣ жители говорили, что они были не причастны въ дѣлѣ его изгнанія, то онъ шутиливо писалъ къ одному изъ своихъ друзей: „если можно вѣрить увѣреніямъ женеvцевъ, то никто изъ нихъ не зналъ о моемъ изгнаніи и меня, должно быть, изгнали изъ этого города дома, а не люди“. Съ этой поры Кальвинъ рѣшительно вліяетъ и на духовныя, и на социальныя отношенія Женевы. „Тѣ, которые смотрятъ на Кальвина просто, какъ на теолога, пишутъ Ж. Ж. Руссо, очень плохо знаютъ обширность его генія. Редакція нашихъ мудрыхъ законовъ, въ которой онъ принималъ большое участіе, дѣлаетъ ему столько же чести, какъ и сами наши учрежденія. Какіе-бы перевороты ни произошли со временемъ въ нашей вѣрѣ, но куда среди насъ не угаснетъ любовь къ родинѣ и свободѣ, память этого великаго человѣка не перестанетъ благословляться нами... Онъ вмѣстѣ съ членами магистрата составилъ собраніе гражданскихъ и церковныхъ законовъ, одобренныхъ въ 1543 году народомъ и сдѣлавшихся основными законами республики. Излишекъ церковныхъ имуществъ, поддерживавшій до реформы роскошь католическихъ епископовъ и ихъ подчиненныхъ, пошелъ на основаніе госпиталя, коллегіи и академіи.“

Въ сущности Кальвинъ былъ правителемъ Женевы и дѣла у него было столько, что онъ писалъ: „я не имѣю на столько свободнаго времени, чтобы посмотреть на божій свѣтъ иначе, какъ изъ своей комнаты, и если дѣла пойдутъ такъ-же и дальше, то я, наконецъ, совершенно забуду, какъ онъ выглядитъ“. Цѣлыя массы учениковъ стекались къ этому человѣку и воспитывались подъ его руководствомъ. Въ 1558 году онъ основалъ гимназію, превратившуюся потомъ въ университетъ, гдѣ самъ Кальвинъ занималъ кафедру теологіи. Ученныя занятія, участіе въ городскомъ управленіи, проповѣди, съѣзды богослововъ, обширная переписка, все это сломило и безъ того слабое здоровье Кальвина и онъ умеръ отъ истощенія силъ въ 1564 году, на пятьдесятъ-пятомъ

году отъ рожденія. Кальвинъ былъ реформаторомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Его занимали не одни религіозные вопросы, нѣтъ, онъ страстно и иногда безпощадно вмѣшивался во всю внутреннюю жизнь своихъ послѣдователей. Ему было мало того, чтобы они думали по его, — ему нужно было, чтобы они поступали по его правиламъ. „Трудно найти человѣка болѣе рѣзкаго, болѣе повелительнаго, болѣе рѣшительнаго, болѣе считающаго себя безошибочнымъ, чѣмъ Кальвинъ, говоритъ Ж. Ж. Руссо; — для него малѣйшая оппозиція, малѣйшее возраженіе были всегда дѣломъ дьявола, преступленіемъ, достойнымъ костра“. Нѣкто Серве и заплатилъ жизнью за оппозицію требованіямъ Кальвина. Правда, эта смерть лежитъ пятномъ на памяти Кальвина, но нужно вспомнить, въ какое время дѣйствовалъ онъ, и не забывать, что фанатики своихъ идей, энергическіе реформаторы вообще рѣдко отличались мягкостью или, если они отличались этою мягкостью, то имъ рѣдко удавалось добиться торжества своихъ идей. Кальвинъ былъ человѣкъ безупречной нравственности и потому онъ требовалъ, чтобы его послѣдователи были такъ-же нравственны, какъ онъ. Вообще онъ мало походилъ по складу своего ума и характера на француза, а скорѣе напоминалъ собою представителя пуританъ.

Но, конечно, Кальвинъ и его ученіе никогда не пользовались бы такимъ успѣхомъ, если-бы для этого не была подготовлена почва. Сначала его предшественникомъ, какъ мы уже сказали, явился Цвингли, потомъ Еколампадіусъ въ Базелѣ, Галлеръ и Мануэль въ Бернѣ, Фарель въ Женевѣ. Сюда явились реформаторы изъ Франціи и Германіи: „Сюда, говорилъ Мишле, — послѣ смерти Франциска I (въ 1547 году) бѣжали сто-пятьдесятъ семействъ; эта избранная часть французскаго общества виѣсть съ избранною частью итальянскаго общества создала настоящую Женеву, этотъ удивительный пріютъ, находящійся среди трехъ націй и безъ всякой поддержки существующій единственно вслѣдствіе своей нравственной силы“. Сюда бѣжалъ и умеръ, въ 1523 году, на островѣ Цюрихскаго озера, Уфенау, знаменитый преслѣдуемый боецъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ; здѣсь въ 1572 году, послѣ страшной Варфоломеевской ночи нашли пріютъ бѣжавшіе изъ Франціи гугеноты. Послѣ отміны нантскаго эдикта въ 1685 году, Женева снова переполнилась эмигрантами, заносившими въ

нее горячую проповѣдь противъ преслѣдователей и надежды на лучшее будущее. Такимъ образомъ, Женева съ давнихъ поръ сдѣлалась какъ-бы учительскою семинаріею реформаціи въ широкомъ смыслѣ этого слова. „Народамъ, находившимся въ опасности, говоритъ Мишле,—Спарта послала, вмѣсто войска, одного изъ спартанцевъ. То-же дѣлала и Женева. Англіи она дала Петра Мученика, Шотландіи Нокса, Нидерландамъ Марникса, — трехъ человѣкъ и три переворота.“

Итакъ, Швейцарія очень рано начала пользоваться самоуправленіемъ. При самоуправленіи народное образованіе является не случайностью, зависитъ не отъ воли одного какого-нибудь лица, но представляется неизбѣжною необходимостью, которую понимаетъ весь народъ. Такъ, въ Америкѣ, послѣ освобожденія негровъ и дарованія имъ полныхъ гражданскихъ правъ, первое, что бросилось въ глаза неграмъ, было то, что они не умѣли записывать при избраніи своихъ именъ, и прежде всего они увидели необходимость умѣть писать. Но рядомъ съ неизбѣжностью этого сознанія необходимости образованія въ Швейцаріи шло еще одно обстоятельство, способствовавшее усиленію ея стремленій къ умственному развитію,—это обстоятельство заключалось въ притокѣ въ Швейцарію передовыхъ людей реформаціи и вообще всѣхъ европейскихъ движеній, которыя долго шли за реформаціею, какъ вспышки огнедышащей горы. Эти люди—французы, нѣмцы, венгерцы, итальянцы—не проходили безслѣдно для страны и заносили въ нее множество идей, которыя, быть можетъ, не развились-бы въ Швейцаріи безъ появленія въ ней этихъ бойцовъ. Вотъ главныя двѣ причины, почему это государство, несмотря на всѣ враждебныя образованію обстоятельства, обогнало почти всю Европу въ дѣлѣ народнаго образованія и заслуживаетъ удивленіе даже американцевъ.

„Посѣтивъ болѣе ста школъ въ различныхъ кантонахъ Швейцаріи, пишетъ Нортропъ, я еще болѣе оцѣнилъ швейцарскую систему народнаго образованія. Швейцарцы народъ прогрессивный и ихъ превосходная педагогическая система служитъ доказательствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ причиной ихъ общаго прогресса. Въ ней есть черты, заслуживающія подражанія даже и у насъ въ Америкѣ“.

III.

Вплоть до конца прошлаго столѣтія Швейцаріи пришлось страдать отъ междуусобной борьбы. Сначала, какъ мы видѣли, эта борьба имѣла чисто-религіозный характеръ, потомъ, когда управленіе страню приняло болѣе правильную форму, причины борьбы сдѣлались чисто политическими. Республика, созданная народомъ, управлялась аристократами, которые вслѣдствіе своего матеріальнаго благосостояніа и высшаго уровня развитія успѣли захватить власть въ свои руки. Аристократы были между кантонами и между отдѣльными личностями, населявшими кантоны. Аристократическіе кантоны, то есть самыя старыя и самыя сильныя кантоны, держали въ своихъ рукахъ подчиненныя и слабыя кантоны. Аристократія въ этихъ кантонахъ точно также держала въ своихъ рукахъ народъ. Кантоны были соединены между собою не однимъ какии-нибудь общимъ договоромъ, но множественностью самыхъ разнообразныхъ условій и сдѣлокъ. Каждый кантонъ при этомъ старался взять перевѣсъ въ общемъ управленіи страню и это, разумѣется, вызывало непріязненныя отношенія между кантонами. Иногда дѣло доходило и до войны. Такъ въ 1655 году произошла война между цюрихскимъ и бернскимъ кантонами съ одной стороны и Ури, Люцерномъ, Швицемъ, Унтервальденомъ и Цугомъ съ другой. Только при помощи вмѣшательства остальныхъ кантоновъ удалось кое-какъ уладить дѣло и прекратить братоубійственную рѣзню. Не оставался спокойнымъ и народъ, видя, что имъ управляютъ совершенно произвольно нѣсколько семействъ, недопускающихъ его даже до выбора правителей и обдѣлывающихъ всѣ дѣла *en famille*. Не разъ мужики, жители деревень, возставали противъ своихъ правителей—горожанъ. Иногда дѣло принимало очень рѣшительный характеръ, какъ, на примѣръ, въ 1653 году, когда мужики Берна, Люцерна, Золотурна и Базеля возстали противъ городскихъ общинъ, чтобы освободиться отъ слишкомъ тягостныхъ налоговъ. Но это возстаніе, какъ и множество другихъ, было быстро подавлено и предводители мужиковъ были казнены.

При такомъ положеніи дѣлъ, конечно, не удивительно было то, что Швейцарія, уже имѣвшая нѣсколько высшихъ и сред-

нихъ учебныхъ заведеній, почти не имѣла сносныхъ первоначальныхъ школъ. Правда и въ городахъ и въ деревняхъ были первоначальныя школы,—но каковы онѣ были? Чтобы имѣть о нихъ хотя приблизительное понятіе, достаточно заглянуть въ отчеты о школьномъ дѣлѣ въ Цюрихѣ, доставленные властямъ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ этихъ отчетовъ, такъ какъ они крайне интересны и хорошо рисуютъ положеніе школьнаго дѣла въ то время.

Школьныхъ домовъ съ помѣщеніемъ для учителя было мало; изъ 350—360 школъ въ Цюрихскомъ кантонѣ едва-ли 130 имѣли отдѣльныя классныя комнаты, да и эти комнаты не соответствовали своему назначенію. Онѣ были низки, мрачны, узки и малы, такъ что иногда ученики не находили въ нихъ для себя мѣста. Духота и вредныя испаренія наполняютъ эти комнаты, изъ оконъ льетъ вода, дѣти, чтобы сойдти съ мѣста, должны лазать черезъ столы. Но болѣе чѣмъ въ двухстахъ общинахъ не было и такихъ комнатъ. Учителю приходилось учить въ своемъ собственномъ помѣщеніи, гдѣ, конечно, возилась и хозяйничала во время уроковъ и его семья. Иногда сюда-же собирались съ пражей сосѣдки, такъ какъ тутъ было *тепле* отъ множества народа. Такимъ образомъ, выборъ учителя во многихъ общинахъ обуславливался не знаніями учителя, а обладаніемъ имъ квартирою. За помѣщеніе общины большею частію не прибавляли ни гроша къ жалованью учителя. Бывали и такіе случаи, что ни община, ни самъ учитель не имѣли комнаты для школы, тогда школа „путешествовала“, — сегодня дѣти обучались въ одномъ домѣ, завтра—въ другомъ. Получали за свой трудъ учителя очень мало, большею частью натурою: виномъ, зерновымъ хлѣбомъ, дровами и т. д. Хуже всего приходилось тѣмъ учителямъ, которые получали содержаніе не прямо отъ общины, а отъ родителей учениковъ; плата производилась понедѣльно и потому иной ученикъ, прогулявъ дѣля недѣли, не приносилъ денегъ за прогульные дни и, такимъ образомъ, учитель никогда не могъ опредѣлять размѣровъ своихъ постоянныхъ доходовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ какой-нибудь пастухъ получалъ болѣе учителя. Такъ, въ одной общинѣ около Тунскаго озера учителю платили въ годъ отъ 35 до 40 франковъ, тогда какъ пастухъ

тамъ-же получалъ 62 франка за лѣто и кромѣ того пользовался даровымъ обѣдомъ. Но бѣдность народа была такъ велика, что и за эту скудную плату шли люди въ учителя и даже конкурировали съ своими собратьями. Въ одномъ изъ кантоновъ на вакантное мѣсто сельскаго учителя явилось семь соискателей; прежній учитель получалъ здѣсь 52 флорина въ годъ, первый изъ новыхъ кандидатовъ предложилъ свои услуги за 50, второй за 40, третій за 30 флориновъ, самый-же умѣренный изъ конкурентовъ взялъ 20 флориновъ въ годъ и получилъ мѣсто. И какую жалкую роль игралъ тогдашній швейцарскій учитель! Онъ не только долженъ былъ христарадничать изъ-за каждаго гроша, но даже въ школѣ онъ не былъ господиномъ и дѣлалъ только то, чего требовали родители учениковъ. Дѣти поступали въ ученіе, когда приходила родителямъ фантазія начать ихъ учить; возрастъ для поступленія въ школу и для выхода изъ школы не былъ опредѣленъ. Вслѣдствіе этого дѣти иногда поступали въ школу 4 или 5 лѣтъ и выходили изъ нее 8 и 9 лѣтъ, когда они могли уже кое-что работать дома. Для родителей важно было только одно, чтобы имѣть возможность сказать, что ихъ ребенокъ былъ въ школѣ. Его считали очень знающимъ, если онъ безъ запины зналъ наизусть катехизисъ; если-же онъ заучивалъ кромѣ того 119 псаломъ и нѣсколько отрывковъ изъ библіи, то его считали просто чудомъ; на ребенка, успѣвшаго прочесть всю библію, хотя и безъ всякаго смысла, указывали пальцемъ. Чтобы достигнуть такой мудрости дѣтей, ихъ родители распорядились ходомъ обученія. Они приказывали учителю тогда-то учить дѣтей складамъ, тогда-то чтенію, тогда-то зубренію наизусть. Они опредѣляли, по какой книгѣ долженъ учиться ихъ ребенокъ. Если учитель не часто спрашивалъ ребенка, то бѣдному наставнику задавались головоломки. Такъ какъ дѣти учились по разнымъ книгамъ, такъ какъ они были не одинаково подготовлены, такъ какъ учились всѣ вдругъ, читая въ слухъ, то школа представляла какой-то базаръ, гдѣ каждый хочетъ перекричать другого. Когда дѣти на мгновеніе смолкали, учитель замѣчалъ имъ: что-же вы не учитесь?—и гамъ начинался снова. Ученіе давалось дѣтямъ не легко, такъ какъ они должны были выучиться почти самоучкою. Учитель называлъ буквы азбуки и оставлялъ ребенка, потомъ спрашивалъ снова и опять называлъ буквы,

оставляя ученика; конечно, ребенокъ заучивалъ азбуку съ трудомъ только чрезъ много дней; тогда начиналась та-же исторія со складами, съ чтеніемъ отдѣльныхъ словъ, съ чтеніемъ цѣлыхъ предложеній; порою ученикъ заучивалъ цѣлыя страницы, не зная въ сущности ни одной буквы, ни одного слова, еслибы пришлось назвать эту букву или это слово не по порядку. Писать учились не всѣ дѣти, дѣвочки-же почти никогда не учились писать. Считать учили въ рѣдкихъ школахъ и то только тѣхъ дѣтей, „у которыхъ есть къ тому охота“. Книги, употребляемыя въ школахъ были большею частью духовнаго содержания—катехизисы, бібліи, основанія христіанской религіи, жизнь Іисуса Христа, небесныя наслажденія, райскій вертоградъ, разговоры души, духовный фиміамъ, храмъ души и т. д. Только иногда въ нѣкоторыхъ отчетахъ учителей является намекъ на стремленіе сдѣлать обученіе болѣе приложимымъ къ практической жизни; такъ, одинъ учитель пишетъ, что у него дѣти читаютъ, между прочимъ, „квитанціи“, „торговые счета“ и т. д. другой пишетъ, что у него дѣти учатся писать подобныя „квитанціи“ и „торговые счета“. Но далѣе этого покуда швейцарскіе учителя не заходили. И кто-же были эти люди? Одинъ былъ сперва столяромъ, другой слесаремъ, третій сапожникомъ, четвертый „батракомъ у мужика“ и т. д. Не было ни одного учителя, который самъ учился-бы когда-нибудь въ порядочной школѣ. Правда, въ одномъ изъ лучшихъ кантоновъ, въ цюрихскомъ, нашелся всего только одинъ учитель, который не могъ написать отвѣта на заданные ему вопросы, такъ какъ „онъ не совсѣмъ твердо умѣетъ писать“; но за то всѣ безъ исключенія учителя, умѣя, можетъ быть, твердо писать, далеко не твердо знали орфографію. Иногда трудно понять въ ихъ отчетахъ, что они хотѣли написать, что думали выразить. Положимъ, что слово Schule они писали только двумя способами: Schule и Schulle,—это еще сносно; но, напримѣръ, слово Maedchen, они писали: Maedchten, Maegchten, Machten, Maerjdchen, наконецъ, нѣкоторые, не умѣя вовсе справиться съ этимъ словомъ, замѣняли его словомъ: Tochter и писали его: Tohter, Dohter, Tochder и т. д. Но лучше всего написалъ злополучное слово одинъ учитель изъ Бюнау, онъ изобразилъ его такъ: Meitli, написавъ въ то-же время на вопросъ: откуда онъ? никому неизвѣстный отвѣтъ: „Nienen“.

А между тѣмъ для полученія мѣста нужно было выдержать передъ мѣстнымъ совѣтомъ экзамень и всѣ эти учителя въ своихъ официальныхъ отвѣтахъ показали, что они держали экзамень, хотя въ лежащихъ передо мною учительскихъ отчетахъ я насчиталъ болѣе десяти способовъ писанія самого слова „экзами-наторъ“.

Таково было положеніе народныхъ школъ въ Швейцаріи въ концѣ прошлаго столѣтія. Къ несчастію, самъ народъ, склонный къ мистицизму отъ природы, какъ всѣ жители горныхъ странъ, долго волновавшійся религиозною борьбою, не только не думалъ объ улучшеніи школъ, но даже боялся всякихъ нововведеній въ школьномъ дѣлѣ, какъ чего-то грѣховнаго; онъ видѣлъ одну потребность въ религиозномъ обученіи и всякое другое знаніе считалъ вреднымъ. Это настроеніе народнаго духа очень ярко высказывается въ письмѣ одного священника, горячаго поборника просвѣщенія, бывшаго школьнымъ инспекторомъ въ оберъ-зиментальскомъ округѣ. Онъ производилъ публичный экзамень. Заставивъ учениковъ читать библію, писать и отвѣчать наизустъ катехизисъ и псалмы, онъ перешелъ къ чтенію книги, изданной для швейцарскаго юношества. „Я выбралъ, пишетъ онъ, — рассказъ „о трудолюбивомъ мальчикѣ и откровенномъ Августѣ“. Тогда въ народѣ началось недовольство. Говорили, что это свѣтскія книги, не приносящія пользы, что главное дѣло религія, что дѣтей нужно заставлять читать библію (это было сдѣлано уже утромъ) и что нужно спрашивать гейдельбергскій катехизисъ. Особенно неприлично вели себя два крестьянина, такъ-что я долженъ былъ прервать экзамень на полчаса, чтобы вразумить ихъ. Я почти потерялъ терпѣніе. Одна женщина бѣгала между тѣмъ въ толпѣ и говорила, что я учу по „чортовымъ книгамъ“; она старалась возстановить противъ меня народъ, такъ-что нѣкоторые изъ моихъ добрыхъ друзей нашлись вынужденными предостеречь меня на счетъ того, какъ я вечеромъ пойду домой. Вечеромъ я собралъ всѣхъ дѣтей въ церковь, заставилъ пропѣть нѣсколько псалмовъ и обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ, говоря имъ, чтобы они день радости не испортили къ ночи безпорядочными поступками и безнравственнымъ поведеніемъ. Родителямъ я сдѣлалъ нѣсколько необходимыхъ кроткихъ наставленій и пошелъ домой, не будучи никѣмъ тронутъ на дорогѣ.

Правда, всё спѣшили въ трактиръ и не имѣли времени посмотреть, куда я пошелъ. Но недовольство въ народѣ все-таки продолжается. Я узналъ отъ вѣрныхъ людей, что когда я отправлюсь въ Тунъ, меня постараются уничтожить на томъ или другомъ мѣстѣ, чтобы я не вернулся снова въ общину и не вводилъ никакихъ измѣненій въ школу. Но, конечно, если Богъ пошлетъ мнѣ здоровье, я поѣду все-таки на общее собраніе въ Тунъ. Мое правило такое: народу нужно показывать, что мы ничего не боимся, когда мы сознаемъ, что стоимъ за доброе дѣло“.

Этотъ человѣкъ былъ однимъ изъ представителей тѣхъ твердыхъ и преданныхъ своему дѣлу бойцевъ, которые въ это время задумывали радикальное измѣненіе первоначальнаго образованія въ родной странѣ. Во главѣ этихъ людей стоялъ благородный, оживленный искреннимъ желаніемъ добра, умный и чрезвычайно ученый человѣкъ, профессоръ философіи и филологіи въ Бернѣ, министръ искусствъ и наукъ, Альбертъ Штапферъ.

IV.

Французская революція не прошла безслѣдно и для Швейцаріи. Революціонныя власти спѣшили преобразовывать на свой ладъ старыя республики, тоже задумали онѣ сдѣлать и со Швейцаріей. Несмотря на всю уступчивость, на всю предупредительность Швейцаріи, Франція заняла ее своими войсками, которыя сначала заняли Ваадъ, а потомъ разграбили Бернъ. Старая республика была уничтожена и Швейцаріи вручилась новая конституція, выработанная въ Парижѣ. Согласно съ этою конституціею, республика дѣлилась на равныя части съ центральной властью, засѣдавшей въ Ааргау, въ Люцернѣ, а потомъ въ Бернѣ. Центральная власть состояла изъ законодательныхъ совѣтовъ — сената и великаго совѣта — и изъ избранной этими совѣтами исполнительной директоріи, состоявшей изъ пяти членовъ. Для управленія отдѣльными частями государственныхъ дѣлъ, директорія имѣла подъ рукою четырехъ министровъ, въ число которыхъ попалъ и Штапферъ.

Какъ-бы ни былъ насильствененъ этотъ переворотъ, произве-

денный постороннею властью, — онъ имѣлъ одну хорошую сторону.

Онъ убивалъ окончательно de jure привилегіи тѣхъ или другихъ кантоновъ и тѣхъ или другихъ фамилій и лицъ. Выборное начало должно было войти въ полную силу, народъ дѣлался правителемъ страны. Но не такъ-то легко управлять дѣлами тому, кто лишень всякой подготовки, кто едва умѣеть читать и почти не умѣеть ни писать, ни считать. Это, конечно, не могло ускользнуть отъ вниманія такого человѣка, какъ Штапферъ. Подобно Лютеру, понимавшему, что реформація можетъ поддержатья только школою, онъ видѣлъ въ школѣ главную поддержку свободѣ и единству, которыми долженъ былъ дорожить и пользоваться народъ. Впрочемъ, сами законодатели понимали это, говоря въ новой конституціи, что „просвѣщеніе народа есть одно изъ главныхъ основаній общественнаго благосостоянія, а нравственное усовершенствованіе человѣческаго рода есть задача каждаго гражданина“. Они даже назначили министра наукъ и искусствъ, но далѣе этого, кажется, и не думали идти. Штапферу приходилось создавать все одному. Взгляды этого человѣка далеко не дюжинные и потому прежде всего мы должны показать, какъ онъ смотрѣлъ на дѣло и почему считалъ это дѣло святымъ.

„Новый порядокъ вещей, говоритъ онъ, — уничтоженіе существовавшихъ до сихъ поръ подданическихъ отношеній, политическая равноправность и свобода всѣхъ, все это осуществилось нѣсколько насильственно. Правда, народу подарили одно изъ лучшихъ благъ, стоящее величайшихъ жертвъ и составляющее главную цѣль стремленій всѣхъ народовъ, — ему подарили свободу; но большинство получившихъ этотъ даръ не обрадовано и не воодушевлено, а равнодушно и даже враждебно смотритъ на дѣло, потому-что не понимаетъ значенія этого дара. Когда-же народъ проникнется пониманіемъ высокаго значенія этого блага, тогда онъ будетъ смотрѣть на этотъ даръ, какъ на драгоценнѣйшій плодъ и скорѣй пожертвуетъ имуществомъ и кровью, чѣмъ позволить хотя на іоту уменьшить добытыя имъ права.“

„Но это благо, подаренное народу безъ его воли, можетъ быть поддержано въ будущемъ не правительствомъ, а только народомъ. Народъ-же станетъ поддерживать свои права, когда пойметъ ихъ

значеніе. Значить нужно поскорѣе позаботиться о томъ, чтобы дать народу средства для этого пониманія“. „Спасеніе, улучшеніе и расширеніе нашихъ учебныхъ заведеній; поддержаніе и усовершенствованіе способовъ для развитія нашей націи — это священныя средства, которыя являются тѣмъ болѣе важными, чѣмъ болѣе ихъ исполненіе касается не только настоящаго поколѣнія, но и грядущихъ поколѣній и чѣмъ яснѣе становится то, что только одни они ведутъ нашихъ гражданъ къ полному пользованію добытой снова свободой, а также обезпечиваютъ гражданъ противъ всѣхъ будущихъ нарушеній приобрѣтенныхъ правъ“.

„Народное расположеніе можетъ теперь доставить каждому безъ исключенія самня первыя мѣста въ государствѣ и дать человѣку такое вліяніе, которое въ рукахъ невѣжества и своекорыстія можетъ повести къ гибели весь общественный строй жизни; если мы при этомъ не сдѣлаемъ главными предметами заботъ образованіе и воспитаніе народа, то это значить, что мы въ сущности самымъ необдуманнѣмъ образомъ ставимъ на карту спасеніе и благо отчизны. Если-бы руль корабля отдавался поочередно въ руки каждому матросу безъ всякихъ исключеній, то, конечно, для команды корабля было-бы важно, чтобы на корабль не вступалъ никто, въ комъ нѣтъ способности и знанія управлять рудемъ“. „Одно право голоса при избраніи само-по-себѣ уже требуетъ предусмотрительности и честности. Каждый такъ-же знаетъ, что при республиканскомъ образѣ правленія бываетъ сильное возбужденіе страстей и соревнованіе между собою всевозможныхъ способностей и талантовъ. Это возбужденіе можетъ быть направлено на общую пользу только при помощи общаго, однообразнаго и благопріятнаго развитія нравственности и народнаго образованія“. „Извѣстно въ какомъ положеніи находятся народныя школы въ Швейцаріи. Теперь необходимо помочь ихъ недостаткамъ и пополнить большіе пробѣлы народнаго образованія. Когда наши сограждане увидятъ, что мы горячо заботимся облагородить ихъ и поднять ихъ человѣческое достоинство, что мы этимъ хотимъ воспитать ихъ для самостоятельности, возвысить ихъ до самостоятельнаго образа мыслей, до самодѣтельности и самоуваженія, тогда, и только тогда, они поймутъ, что революція была не простою прихотью случая, смѣнившаго одного правителя

другимъ, но что она есть истинное возрожденіе государства, перемѣна, имѣющая въ виду всеобщее благо и уваженіе къ челоуѣчеству“.

Такъ думалъ Штапферъ. Его идеи одобрялись его собратьями по власти, этимъ идеямъ рукоплескали, но этимъ и ограничивалось все участіе правителей въ дѣлѣ народнаго образованія. Съ трудомъ приходилось добиваться Штапферу самыхъ ничтожныхъ мѣръ для развитія народныхъ школъ. Такъ, ему удалось устроить въ главныхъ мѣстностяхъ кантоновъ учебные совѣты, состоявшіе изъ семи членовъ; каждый изъ этихъ совѣтовъ долженъ былъ назначать окружныхъ комиссаровъ для наблюденія за школами. Этимъ способомъ министру удалось, по крайней мѣрѣ, заручиться людьми, съ которыми онъ могъ непосредственно сноситься по школьнымъ дѣламъ. Вполнѣ понимая, что прежде всего нужно узнать состояніе школьнаго дѣла въ разныхъ частяхъ страны, онъ обратился съ вопросами къ школьнымъ учителямъ, къ пасторамъ, къ школьнымъ совѣтникамъ и проч. Каждое изъ этихъ лицъ получило по экземпляру съ вопросными пунктами, которыхъ было довольно много. Мы уже видѣли, какъ рисовалось состояніе школъ въ этихъ отвѣтахъ, доставленныхъ въ такомъ множествѣ, что одинъ цюрихскій кантонъ представилъ до 365 отчетовъ.

Читая эти отчеты, Штапферъ невольно долженъ былъ придти къ убѣжденію, что прежде всего нужно подготовить способныхъ людей, которые взяли-бы на себя учительскія обязанности. Безъ этого школьное дѣло не могло подвинуться впередъ ни на шагъ, даже при самыхъ щедрыхъ затратахъ. „Какъ-бы ни было необходимо изданіе законовъ, касающихся общей системы воспитанія, писалъ онъ директори, но еще необходимѣе образованіе годныхъ къ дѣлу народныхъ учителей. Самые прекрасные планы рушатся, самые цѣлесообразные законы будутъ безплодны, самые разумные учебники не помогутъ дѣлу, если его исполненіе будетъ ввѣрено невѣжественнымъ, необразованнымъ людямъ. Поэтому первою заботою правительства, желающаго блага народу, должно быть стремленіе воспитать пригодное къ дѣлу сословіе учителей“. Прежде всего министр думалъ превратить въ учительскую семинарію одну уже существовавшую школу; потомъ онъ хотѣлъ воспитывать учителей при одномъ духовномъ учили-

щѣ; далѣе ему предлагали издать учебники съ тѣмъ, чтобы обязать народныхъ учителей выучить эти учебники и преподавать по нимъ. Но всѣ эти проекты, страдавшіе многими недостатками, прошли незамѣтно и по разнымъ обстоятельствамъ не могли осуществиться. Штапферъ, между тѣмъ, настойчиво и серьезно стремился устроить совершенно новую и разумно организованную учительскую семинарію.

Съ этой поры начинается для Штапфера тяжелое время изысканія средствъ для созданія учительской семинаріи. Равнодушіе директоріи, бездѣйствіе законодательныхъ властей, полнѣйшее безденежье, вотъ тѣ тормазы, которые парализовали всю дѣятельность этого министра.

V.

Прежде всего министръ началъ подыскивать подходящаго человѣка для управленія семинаріею. Онъ обратился къ Песталоцци, къ человѣку, уже извѣстному за хорошаго педагога. Но Песталоцци отклонилъ предложеніе министра, заявивъ, что „онъ хочетъ провѣрить сначала въ дѣтской школѣ вѣрность своихъ взглядовъ на лучшее народное образованіе“. Затѣмъ министръ обратился къ Иоганну Бюелю въ Гемисгофенѣ, бывшему помощникомъ пастора и основавшему по своему желанію народную школу. Этотъ человѣкъ не только завѣдывалъ своею школою, но и успѣлъ приобрѣсти себѣ имя, какъ писатель-педагогъ. Его сочиненія: „Чему можно и должно учить въ народной школѣ“, „Замѣчанія для народныхъ учителей и ихъ друзей“ имѣли успѣхъ, а его „Письмовникъ“ и „Книга для чтенія“ были самыми распространенными школьными пособіями. Бюель согласился на предложеніе, но испугался военнаго положенія, въ которомъ находились главныя части Швейцаріи, и удалился черезъ нѣсколько недѣль въ свой мирный уголокъ.

Въ это время совершенно случайно министръ былъ пораженъ свѣтлыми взглядами и преданностью дѣлу народнаго образованія, ярко выразившимися въ одномъ изъ представленныхъ ему плановъ учительской семинаріи. Составитель проекта въ то-же время предлагалъ свои услуги для осуществленія этого плана. Это былъ начальникъ министерской канцеляріи Фишеръ. Фишеръ получилъ

основательное образованіе и съ юныхъ лѣтъ горячо любилъ дѣло народнаго образованія. Еще студентомъ посѣтилъ онъ нѣмецкія учительскія семинаріи и былъ хорошо знакомъ съ устройствомъ этихъ заведеній. Кончивъ свое теологическое образованіе, онъ получилъ мѣсто пастора, но тотчасъ-же послѣ образованія министерства наукъ и искусствъ успѣшилъ опредѣлиться въ это министерство, чтобы поближе стать къ тому дѣлу, которое было ему дороже всего и которое, какъ мы увидимъ ниже, въ концѣ-концовъ, свело его въ могилу. Въ апрѣлѣ 1799 года онъ объѣхалъ бернскій кантонъ, отыскивая подходящее мѣсто для учительской семинаріи.

Онъ остановился на Бургдорфѣ, гдѣ былъ просторный замокъ и немалое число школъ. Замокъ отчасти былъ занятъ французскими солдатами и легко могъ быть очищенъ для семинаріи; школы-же могли дать возможность семинаристамъ практиковаться, обучая дѣтей. При замкѣ были довольно большія земли, отдававшіяся въ аренду за ничтожную сумму и могущія приносить гораздо больше дохода, такъ-что эти лишніе доходы могли-бы идти на пользу семинаріи. Фишеръ передалъ свои соображенія Штапферу и тотъ съ свойственной ему горячностью началъ хлопотать передъ правительствомъ объ учрежденіи семинаріи въ Бургдорфѣ. Представляя свой планъ, Штапферъ дѣлаетъ одно, не лишнее интереса предложеніе. „Если власти, говоритъ онъ, — освободятъ молодыхъ людей, посвящающихъ себя учительской дѣятельности, отъ военной службы, то учительская семинаріи можетъ основаться и существовать безъ особенной поддержки со стороны государства. При извѣстномъ отвращеніи къ этой службѣ, существующемъ въ нашемъ народѣ, освобожденіе отъ этой службы учителей произведетъ то, что въ семинарію поступятъ воспитанниками сыновья зажиточныхъ и значительныхъ сельскихъ хозяевъ, хотя въ другомъ случаѣ имъ и въ голову не пришло-бы выбрать для себя подобныя, не особенно цѣнимыя обязанности. Это значительно подниметъ учительское сословіе въ глазахъ народа. На эти мѣста пойдутъ не одни гонимые нуждою и голодомъ или ни къ чему другому неспособные люди.“ Министръ представлялъ всѣ матеріальныя выгоды для государства отъ принятія подобной мѣры. Наконецъ, онъ получалъ слѣдующій отвѣтъ директоріи:

„Исполнительная директорія, принимая во вниманіе, что обще-

ственное народное образование можетъ быть улучшено только тогда, когда будутъ хорошіе учителя, что среди войны нужно противодѣйствовать дикости нравовъ и поддерживать и вызывать все то, что создаетъ мнрѣ,—что государство даетъ искалѣченными защитникамъ отечества двойное вознагражденіе, доставляя имъ возможность заняться почетною и полезною дѣятельностью и давая имъ приличное содержаніе, —

постановляетъ:

1) Гражданинъ Фишеръ *долженъ быть поощренъ одобреніемъ* директоріи и можетъ осуществить свое предпріятіе, учительскую семинарію,—съ увѣренностью, что при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ она будетъ превращена въ учрежденіе, поддерживаемое государствомъ.

2) Ему должно содѣйствовать набирать повсюду въ республикѣ *искалѣченныхъ молодыхъ защитниковъ отечества, находящихся какъ въ лазаретахъ, такъ и внѣ оныхъ*, въ случаѣ, если онъ найдетъ ихъ годными быть воспитанниками его заведенія.

3) Когда онъ учредитъ свой институтъ, тогда ему черезъ каждые шесть мѣсяцевъ будутъ выдавать за каждаго воспитанника опредѣленную плату.

4) Такъ-какъ для основанія подобнаго учрежденія оказывается вполне пригоднымъ замокъ Бургдорфъ, то, по крайней мѣрѣ, комнаты этого замка будутъ свободны отъ постоя до тѣхъ поръ, пока въ этомъ не явится крайней необходимости.

5) Земли, принадлежащія замку, не отдадутся въ чужія руки, прежде чѣмъ будетъ спрошено у Фишера, не желаетъ-ли онъ оставить ихъ за собою за арендную плату.

6) Какъ только предприниматель займетъ замокъ Бургдорфъ, онъ можетъ брать изъ національныхъ лѣсовъ необходимые ему дрова и его жилище будетъ освобождено отъ постоя.

7) Планъ учебныхъ предметовъ, методовъ и т. п. будетъ разсмотрѣнъ министромъ наукъ и искусствъ.

8) Исполнительная директорія назначаетъ Фишера профессоромъ философіи и педагогики и адъюнктомъ учебнаго совѣта бернского кантона.

Это рѣшеніе въ сущности говорило: вы дѣлайте дѣло, а мы будемъ одобрять. Главное стремленіе министра добиться освобож-

денія учителей отъ военной службы не было исполнено. Директорія позволяла вербовать въ учителя молодыхъ калѣкъ, но это позволеніе было вовсе не нужно, такъ какъ они и безъ того были свободны отъ военной службы и имъ не было расчета идти на жалкія мѣста сельскихъ учителей. Однако, министръ и Фишеръ не опустили рукъ. Фишеръ отправился въ Бургдорфъ и населеніе приняло его радушно, передавъ въ его руки всѣ свои школы, которыя онъ очень быстро преобразовалъ и улучшилъ. Какъ горячо заботился Фишеръ о школьномъ дѣлѣ, видно уже изъ слѣдующаго факта. Въ Аппенцелѣ, С. Галленѣ и другихъ восточныхъ кантонахъ царствовалъ въ это время страшный голодъ. Фишеръ тотчасъ-же написалъ одному изъ своихъ друзей, пастору Штейнмиллеру, чтобы тотъ прислалъ ему 50—60 чело-вѣкъ дѣтей самыхъ бѣдныхъ родителей; этихъ дѣтей онъ обѣщаль помѣстить у зажиточныхъ и честныхъ жителей Бургдорфа. Пасторъ отправилъ въ Фишеру 44 ребенка, которыхъ послѣдній принялъ, какъ родныхъ дѣтей. Онъ помѣстилъ ихъ въ зажиточныя семейства и отдалъ обучаться въ школу подъ руководствомъ прѣхавшаго съ нимъ учителя Германа Крюзи, будущаго сотрудника Песталоцци.

Среди этихъ дѣтей выросъ между прочимъ одинъ изъ даровитыхъ помощниковъ Песталоцци Іоганнъ Рамзауеръ, бывшій потомъ воспитателемъ принцевъ Александра и Петра Ольденбургскихъ. Но главный планъ Фишера не подвигался впередъ: въ семинарію богатыне не шли, бѣдныхъ онъ не могъ принимать даромъ, такъ какъ онъ самъ едва-едва могъ кормиться своими небольшими средствами. Онъ сообщилъ министру, что семинарія не можетъ осуществиться безъ субсидіи правительства, такъ какъ послѣднее отняло у нея средства къ существованію, не согласившись освободить семинаристовъ отъ военной повинности. Министръ употребилъ все краснорѣчіе, представляя директоріи скромный бюджетъ такого необходимаго учрежденія, какъ учительская семинарія. Директорія отказала министру, находя, что предпріятіе стоитъ слишкомъ дорого. Министръ еще сократилъ бюджетъ, назначивъ Фишеру жалованье въ 1,000 фр., его помощнику въ 576, на содержаніе пансіонера по 156 фр. въ годъ, на всѣ учебныя пособія отъ 500 до 700 фр. Новый бюджетъ найденъ удобопринимаемымъ, но директорія объявила, что за ут-

верженіемъ его должно обратиться къ законодательному совѣту. Штафферъ пишетъ полное горечи письмо законодательному совѣту. Отвѣта не получается. Сама директорія дѣлаетъ запросъ совѣту. Продолжается то же гробовое молчаніе. А между-тѣмъ идутъ дни, недѣли, мѣсяцы.

Наконецъ, Фишеръ написалъ министру, что изъ начатаго ими дѣла, вѣроятно, ничего не выйдетъ и что онъ желаетъ получить съ правительства вознагражденіе за убытки и затраты, сдѣланные имъ въ это потерянное время. Штафферъ дѣлаетъ послѣднюю отчаянную попытку упросить директорію не губить такого прекраснаго дѣла, какъ учительская семинарія. Но все напрасно. „Исполнительная комиссія, значилось въ отвѣтѣ директоріи, слушала съ интересомъ чтеніе вашего доклада о выгодахъ, которыя произтекутъ изъ учрежденія въ Швейцаріи нормальной школы для образованія учителей; она сожалѣетъ, что не можетъ принять ваши заключенія на счетъ устройства подобной школы въ Бургдорфъ подъ управленіемъ гражданина Фишера; но крайнее истощеніе финансовъ принуждаетъ комиссію отложить исполненіе этого дѣла, какъ и всѣ другія издержки, въ которыхъ не предвидѣться самой настоятельной крайности. Что касается до вознагражденія Фишера за убытки, понесенные имъ во время, посвященное заботамъ о народномъ воспитаніи, то исполнительная комиссія поручаетъ вамъ выдать ему за все время пребыванія въ Бургдорфѣ то жалованье, которое онъ получилъ-бы, служа по-прежнему въ вашемъ бюро. Кромѣ того вамъ поручается пригласить его снова занять старое мѣсто до тѣхъ поръ, покуда болѣе благопріятныя обстоятельства позволятъ правительству воспользоваться его талантами вполне согласно съ его желаніями“.

Съ величайшимъ сожалѣніемъ и съ любовью провожали жители Бургдорфа уѣзжающаго педагога, внесшаго новый духъ въ маленькій городокъ. Но еще тяжелѣе было на сердцѣ у самого этого человѣка, видѣвшаго, что его завѣтныя надежды не осуществились, предчувствовавшаго, что не скоро переимѣнятся тяжелыя обстоятельства, связавшія его по рукамъ и ногамъ. Это горе въ нѣсколько недѣль уложило его въ могилу. Штафферъ упалъ духомъ, видя гибель своего плана и смерть того, кто могъ-бы такъ превосходно осуществить этотъ планъ.

Но что вы подѣлаете, когда денегъ нѣтъ. Былъ вотъ колодезь въ замкѣ Бургдорфѣ. Воду доставали ведрами, прицѣпленными къ двумъ веревкамъ, намотаннымъ на колесо. Веревки отъ времени перетерлись и пришлось обратиться къ директоріи съ просьбою купить двѣ новыя веревки. Послѣ долгаго совѣщанія и зрѣлаго обсужденія государственныхъ финансовъ, директорія пришла въ заключенію, что „веревки нужно покуда починить и какъ-нибудь обходиться при помощи ихъ, покуда лучшія времена не дадутъ возможности купить новыя веревки.“ Согласитесь, что на учительскую семинарію нужно все-таки немного больше денегъ, чѣмъ на двѣ колодезные веревки.

VI.

Въ Швейцаріи не было энергическаго и настойчиваго правительства, которое могло-бы, несмотря на всѣ внѣшнія и внутреннія препятствія, осуществить ту или другую идею. Вслѣдствіе этого трудно было ожидать, чтобы при полнѣйшемъ безденежьи идея объ устройствѣ семинаріи осуществилась хотя отчасти. Но въ свободномъ обществѣ всегда бывають сильны частная инициатива и самодѣятельность отдѣльныхъ личностей. Если въ такомъ обществѣ новая идея пріобрѣтеть хотя нѣсколько горячихъ послѣдователей, то можно ручаться, что она не погибнетъ и такъ или иначе проведется въ жизнь. Это-же случилось съ идеею объ устройствѣ учительскихъ семинарій. Фишеръ погибъ, Штапферъ упалъ духомъ, но ихъ идея подхватилаь другими, этой идеѣ начинала сочувствовать извѣстная часть общества,—и вотъ почти въ то-же время, когда попытки Фишера и Штапфера погибли, мы видимъ, что на ихъ путь выступаетъ новая личность и дѣйствуетъ въ томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ дѣйствовали они, то-есть въ томъ-же Бургдорфѣ, и попытка этой личности увѣнчивается успѣхомъ.

Эта личность—Песталоцци. Прежде чѣмъ говорить о дѣятельности Песталоцци въ Бургдорфѣ, мы должны посмотреть, что это былъ за человекъ.

Генрихъ Песталоцци родился въ 1746 году въ Цюрихѣ. Его отецъ былъ врачомъ. На пятомъ году Генрихъ потерялъ отца и

его матери было довольно трудно поддерживать семью, состоявшую изъ нея и трехъ человекъ дѣтей. По словамъ Песталоцци, эта женщина отказывала себѣ во всемъ, чтобы воспитать дѣтей, и только ей да еще одной служанкѣ, давшей вѣтву умиравшему отцу Генриха не покидать семью, обязаны были дѣти тѣмъ, что они не остались безъ образованія. Такимъ образомъ, дѣтскіе годы мальчика прошли исключительно подъ вліяніемъ женщинъ. Онъ среди крайней бѣдности видѣлъ около себя только примѣры любви, благодарности, довѣрія, самоотреченія, самопожертвованія и вѣры этихъ двухъ женщинъ, употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы поддержать дѣтей и скопить лишній грошъ на ихъ образованіе. Эти обстоятельства придали особую мягкость характеру мальчика, придали его уму склонность къ тихой мечтательности. Въ то-же время обстановка много содѣйствовала тому, чтобы мальчикъ развился довольно слабымъ и хрупкимъ существомъ въ физическомъ отношеніи. У него было мало движенія, мало дѣтскихъ игръ. Когда ему хотѣлось бѣжать на улицу или идти куда-нибудь погулять, вѣрная служанка замѣчала ему, его сестрѣ и брату: „Для чего вы станете безъ пользы трепать платье и обувь? Посмотрите, ваша мать, чтобы воспитать васъ, отказываетъ себѣ во всемъ; она по цѣлымъ мѣсяцамъ никуда не ходитъ и копитъ каждый крестецъ, который необходимъ для вашего воспитанія.“ И ребенокъ оставался дома. Эта жизнь ребенка, незнающаго дѣтства и лишеннаго шумныхъ товарищей, не могла пройти безслѣдно. Ребенокъ былъ уменъ, терпѣливъ, быстро увлекался идеями, но онъ былъ непрактиченъ, онъ пренебрегалъ формою вещей, для него внутреннее содержаніе было все, а внѣшность равнялась нулю. Плохо зная греческій языкъ, онъ переводилъ однажды пламенными и страстными словами рѣчь Демосфена; какъ переводъ эта работа никуда не годилась, какъ передача идей великаго оратора это было блестящее произведеніе. Гдѣ нужно было выказать умственную силу, способность соображать, — тамъ онъ былъ первымъ; гдѣ нужно было правильно или разборчиво написать что-нибудь, тамъ онъ былъ слабѣе самыхъ слабыхъ учениковъ. Непрактичность его сказывалась уже въ очень раннемъ возрастѣ. „Уже ребенкомъ, пишетъ онъ, я очень часто встрѣчалъ неудачи въ томъ, что я предпринималъ. Я дѣлалъ промахи въ сотняхъ и въ сотняхъ мелочей, ошибался болѣе другихъ дѣ-

тей.“ „Онъ былъ самымъ неловкимъ и самымъ беспомощнымъ среди своихъ сотоварищей и при этомъ онъ все-таки желалъ въ известной степени стоять выше, чѣмъ другіе.“ Это, разумѣется, вызывало насмѣшки надъ нимъ и только его добродушіе и справедливость обезоруживали дѣтей и дѣлали его общимъ любимцемъ школы.

Кто пристально присматривался къ дѣтямъ, кто серьезно изучалъ жизнь дѣтей, тотъ очень хорошо знаетъ, что выходитъ изъ тайныхъ дѣтей, какимъ былъ Генрихъ Песталоцци. Подобныя дѣти, слабыя тѣломъ и сильныя духомъ, выросшія подъ исключительнымъ вліяніемъ нѣжной материнской любви и видѣвшія постоянно, какъ ради ихъ страдали любимыя ими личности, пригнетаемыя нуждой, подобныя дѣти, впечатлительныя и нервныя, вѣчно мечтающія о лучшей жизни и вѣчно возмущаемыя совершающимися вокругъ нихъ несправедливостями, дѣлаются первыми слугами товарищей и первыми вожакими этихъ товарищей,—это коноводы школы. Они заступаются за слабыхъ, они работаютъ за другихъ, они борются за всѣхъ. Такимъ росъ и Песталоцци. „Школьникъ, пишетъ онъ самъ, посылали меня туда, куда они сами шли неохотно; я шелъ туда, куда не рѣшались идти они, и дѣлалъ то, что они хотѣли.“ Но этого мало. Его возмущали каждое нарушеніе правъ, каждая несправедливость. „Однажды онъ вступилъ въ борьбу съ несправедливымъ и недостойнымъ низшимъ учителемъ и къ удивленію всего класса вышелъ побѣдителемъ изъ смѣлой борьбы за свои грубо нарушенныя права. Сознавая свою силу и свою побѣду, онъ съ этой поры искалъ случая защищать школу отъ всякихъ несправедливостей.“ Однажды ему пришлось даже пострадать за свою отвагу. Онъ какъ-то рѣшился въ анонимномъ письмѣ къ властямъ раскрыть всѣ тайныя гадости, совершающіяся въ одномъ изъ общественныхъ учебныхъ заведеній. Исслѣдованіе, сдѣланное вслѣдствіе этого письма, подтвердило справедливость заявленныхъ мальчикомъ фактовъ. Но, къ несчастію, мальчикъ не былъ настолько хитеръ, чтобы скрыть свой поступокъ; его выдали училищныя власти, раздраженныя головоюшкой, грозили ему примѣрнымъ наказаніемъ, такъ что онъ долженъ былъ бѣжать къ своему дѣду, пастору Песталоцци. Какъ всѣ идеалисты, онъ былъ крайне довѣрчивъ въ отношеніи къ людямъ и воображалъ, что всѣ они такъ-же добродушны и

незловивы, какъ онъ самъ. Какъ всѣ фанатики идей, онъ совершенно не придавалъ значенія своимъ собственнымъ неудачамъ и невзгодамъ и всегда отличался тою веселостью, которая носила какой-то отпечатокъ младенческой ясности души. Онъ самъ говоритъ, что ему было достаточно два раза выпастся, чтобы совершенно забыть о томъ, что ему не удалось, что его пугало, что его огорчало, если только это касалось его одного, а не другихъ. „Безъ этого веселаго расположенія духа, писалъ онъ на семидесятомъ году жизни, я не дожилъ-бы до такихъ преклонныхъ лѣтъ послѣ всего испытаннаго мною.“

Образованіе Песталоцци началось въ довольно счастливое время. Цюрихъ въ эту эпоху сдѣлался при помощи Бодмера и Брейтингера однимъ изъ литературныхъ центровъ. Очень сильно настаивали эти люди на необходимости для образованнаго человѣка полнѣйшаго и серьезнаго знакомства съ иностранными литературами и особенно съ англійской. Они не признавали доморощенныхъ самородковъ-геніевъ, которые пишутъ, что имъ взбредетъ въ голову, не отдавая себѣ отчета, для чего они пишутъ, почему нужно писать то, а не это, такъ, а не иначе, какое, наконецъ, отношеніе къ жизни имѣютъ ихъ писанія. Уже такіе люди, какъ Клопштокъ, Виландъ и Клейстъ, спѣшили посѣтить Цюрихъ и послѣдній изъ этихъ поэтовъ писалъ къ Глейму: „Цюрихъ дѣйствительно несравненное мѣсто не только по своему прекрасному мѣстоположенію, единственному въ мірѣ, но и вслѣдствіе тѣхъ хорошихъ и бодрыхъ людей, которые живутъ въ немъ. Тогда какъ въ большомъ Берлинѣ едва найдешь трехъ, четырехъ человѣкъ со вкусомъ и талантомъ, въ маленькомъ Цюрихѣ отыщешь ихъ болѣе двадцати или тридцати. Правда, это не все Рамлеры; но они и мыслятъ, и чувствуютъ и не лишены генія.“ Среди учителей въ это время выдавались Циммерманъ, очень ученый профессоръ теологіи, отличавшійся крайнею терпимостью и человѣколюбіемъ; Бодмеръ, преподававшій исторію и политику, знакомявшій учениковъ съ новѣйшею литературою и скорѣе бесѣдовавшій съ учениками, чѣмъ читавшій лекціи, онъ отличался особенною любовью къ свободѣ и свободнымъ учрежденіямъ; Брейтингеръ, профессоръ греческаго и еврейскаго языковъ, умѣвшій знакомить учениковъ не съ одними сухими грамматическими пра-

вилами, а съ духомъ языковъ и литературныхъ произведеній древности.

Но какииъ-же духомъ вѣяло въ этомъ литературномъ центрѣ, къ чему вель онъ молодое поколѣнiе?

„Независимость, самостоятельность, милосердіе, самопожертвованіе и любовь къ отчизнѣ—вотъ лозунги нашего общественнаго воспитанія того времени, говоритъ Песталоцци. Духъ, господствовавшій въ преподаваніи, вель насъ къ пренебреженію всякими внѣшними средствами, богатствомъ, почестями и чинами.“ Молодежь стремилась создать все при помощи честной и страстной преданности общему дѣлу, при помощи бережливости и ограниченія своихъ собственныхъ потребностей. Подъ вліаніемъ этихъ идей росло поколѣнiе идеалистовъ и мечтателей, но идеалы и мечты этихъ людей были святы и возвышенны и сами эти идеалисты и мечтатели готовы были пожертвовать послѣдней каплею крови въ борьбѣ за свои идеалы и мечты. Но если вообще цюрихская школа могла готовить въ эту пору такихъ людей, то еще легче ей было сдѣлать такого человѣка изъ Генриха Песталоцци: тутъ ея сѣмена падали на хорошую, подготовленную семью почву.

VII.

Исполненный идей о благѣ отчизны, о благѣ бѣднаго народа, Песталоцци имѣлъ случай близко видѣть этотъ народъ. Онъ постоянно проводилъ каникулярное время у своего дѣда пастора, котораго и сопровождалъ, когда тотъ посѣщалъ школы и дома крестьянъ. Здѣсь молодой человѣкъ близко увидалъ умственную неразвитость и неумѣлость народа, увидалъ сельскія школы съ ихъ мертвеннымъ обученіемъ грамотѣ, притупляющимъ юные пытливые умы, увидалъ гибельныя послѣдствія для дѣтей, происходящія отъ ранняго фабричнаго труда. Принимая всякое чужое горе близко къ сердцу, онъ уже въ это время давалъ страстные обѣщанія „помочь этому народу.“

„При такомъ настроеніи духа Песталоцци едва-ли могъ удовлетвориться изученіемъ теологіи. Правда, онъ мечталъ о томъ, что въ роли священника онъ будетъ близко стоять къ народу, и

потому сначала горячо принялся за дѣло. Рядомъ съ теологіей онъ изучалъ древнія и новѣйшія литературы, близко познакомился съ философіей Вольфа. Но стремленіе стоять ближе къ общественнымъ дѣламъ родного города и родной страны начало все сильнѣе и сильнѣе манить его къ изученію юриспруденціи. Случайная неудача, встрѣченная имъ при его первой проповѣди въ деревнѣ, быть можетъ, тоже повліяла на его рѣшеніе сдѣлаться юристомъ. Въ это время въ Швейцаріи начиналось сильное движеніе. Уже въ 1707 году бюргерство Женевы хотѣло во время избранія ограничить своеволіе аристократическихъ семействъ, управлявшихъ республикой. Послѣднія объявили отечество въ опасности и, выпросивъ себѣ на помощь войска у Цюриха и Берна, отомстили народу кровавой местию. Спокойствіе на время водворилось. Но въ тридцатыхъ годахъ началась снова борьба опять при помощи Цюриха, Берна и Франціи. Въ 1738 году удалось, повидимому, уладить дѣло между магистратомъ и бюргерствомъ, такъ какъ послѣднему было дано полное право представительства и петицій. Но это были чисто-призрачныя права, какъ оказалось послѣ. Дѣломъ въ 1762 году магистратъ женеvской республики осудилъ „Эмиля“ и „Общественный договоръ“ Ж. Ж. Руссо, какъ сочиненія, возбуждающія недовольство и ниспровергающія христіанскую религію и правительство, и самого Руссо приговорилъ къ тюремному заключенію. Бюргеры сдѣлали докладъ магистрату, признавая приговоръ неосновательнымъ и требуя его пересмотра. Имъ было отказано. Наконецъ, имъ было сказано, что всякая ихъ петиція, всякое представленіе будутъ оставлены безъ вниманія, если совѣтъ признаетъ ихъ неосновательными. Опять начались волненія, опять отечество было объявлено въ опасности, опять явились посредники изъ Цюриха, Берна и Франціи, опять въ сущности не было сдѣлано ничего для бюргерства и было сдѣлано все для совѣта, для магистрата. Въ это-то время, т. е. въ 1766 году, сильнымъ защитникомъ гражданъ и вообще народной партіи явился Бодмеръ. Въ Цюрихѣ Бодмеръ устраиваетъ кружокъ изъ молодежи съ цѣлью развить въ ея средѣ правильныя нравственныя, педагогическія, политическія и общественныя понятія. Эта партія носитъ названіе „молодыхъ патриотовъ“, „молодого Цюриха“ и въ ней является дѣятельнымъ членомъ Песталоцци. „Молодые

патріоты“ были поклонниками Руссо и стремились къ простотѣ и естественности въ жизни и въ воспитаніи, ихъ симпатію особенно привлекала къ себѣ семейная жизнь мирнаго земледѣльца. Патріоты основали свой журналъ, редактируемый Лафатеромъ и Фюссли. Песталоцци дѣятельно сотрудничалъ въ ихъ органѣ. Власти смотрѣли косо на дѣятельность патріотовъ и уже нѣсколько разъ придирались къ нимъ за ихъ статьи, наконецъ, въ 1767 году появилась статья: „Разговоръ мужиковъ“, не особенно лестно говорившая о женевскихъ дѣлахъ и вмѣшательствахъ въ эти дѣла со стороны Цюриха. „Это, по словамъ властей, постыдное, направленное къ гибели и разрушенію отечества, сочиненіе“ принадлежало перу нѣкоего Мюллера. Но прежде чѣмъ патріоты успѣли уговорить Мюллера объявить, что статью написалъ онъ, Мюллеръ успѣлъ скрыться. Вслѣдствіе этого началось слѣдствіе надъ всѣми патріотами и Песталоцци былъ обвиняемъ, какъ человѣкъ, устроившій бѣгство Мюллера, такъ какъ Песталоцци наканунѣ бѣгства былъ нѣсколько разъ у Мюллера съ порученіемъ отъ патріотовъ на счетъ того, чтобы Мюллеръ признался въ составленіи статьи. Въ приговорѣ, состоявшемся по этому ничтожному дѣлу, значилось, что „патріоты—бунтовщики, враги отечества, постыдные измѣнники“; они должны были заплатить за дрова, употребленные на сожженіе книги; они должны были вознаградить за убытки, понесенные ратушей вслѣдствіе кормленія ихъ во время ареста; они, наконецъ должны были выслушать официальное внушеніе и угрозу „лишить ихъ гражданскихъ правъ въ случаѣ новаго подобнаго преступленія“. Газета патріотовъ была прекращена. Конечно, при такомъ положеніи дѣлъ Песталоцци не могъ уже мечтать о государственной службѣ; онъ въ кружкахъ господствующихъ фамилій считался революціонеромъ. Члены этихъ фамилій очень хорошо знали, что Песталоцци враждебно смотритъ на нихъ. Вообще добродушный, онъ не могъ безъ желчи говорить объ этихъ фамиліяхъ, и когда однажды при немъ употребили выраженіе „свободный швейцарскій мужикъ“, онъ рѣзко замѣтилъ: „Не говорите вы мнѣ о свободныхъ швейцарскихъ мужикахъ; они болѣе крѣпостные, чѣмъ какіе-нибудь мужики въ Лифляндіи“. Бросивъ юридическія занятія, Песталоцци занялся агрономіею и обратился къ знамени-

тому въ то время сельскому хозяину въ Бернѣ, Тшифели, у котораго пробылъ до осени 1768 года.

Въ это время Песталоцци страстно влюбился въ Анну Шультгессъ, молодую дѣвушку, чрезвычайно умную, очень образованную и горячо интересовавшуюся всѣми политическими и общественными вопросами. Эта крайне симпатичная, подвижная и впечатлительная личность стояла неизмѣримо выше своихъ сверстницъ и сразу поняла Песталоцци: этотъ человѣкъ походилъ, какъ двѣ капли воды, на тотъ идеалъ истиннаго гражданина, который носился предъ нею въ ея дѣвическихъ мечтахъ. Она всею душою отдалась юношѣ, который не скрывалъ предъ нею, что, можетъ быть, имъ придется ѣсть одинъ хлѣбъ и пить одну воду, что если у нихъ и явится излишекъ, то онъ отдастъ его первому, кто постучится въ его дверь съ просьбой о помощи, что онъ не думаетъ жить среди шумной и пестрой жизни городовъ, но поселится въ глуши деревни, что онъ не остановится ни передъ какою опасностью и пойдетъ на встрѣчу ей, если этого потребуетъ гражданскій долгъ. Она знала, что это не фразы, что ея любимый другъ не рисуется, что каждое его слово есть выраженіе твердаго и непоколебимаго убѣжденія, и она не колебалась ни минуты, смѣло протягивая руку этому человѣку, чтобы идти съ нимъ рядомъ на радость и горе. Наперекоръ отцу и матери, которыхъ не могли уговорить ни Лафатеръ, ни Фюссли, оставила она родительскій домъ и вошла въ тотъ домъ, гдѣ ей, быть можетъ, было суждено „довольствоваться хлѣбомъ и водой“, какъ зловѣще пророчила ея мать.

Купивъ 15 юхартовъ земли за 230 гульденовъ, арендовавъ за 40 гульденовъ домъ съ пристройками, Песталоцци при помощи матери и старой вѣрной служанки сталъ устраивать свое хозяйство. Мы не станемъ слѣдить за тѣмъ, какъ жилъ и хозяйничалъ въ это время Песталоцци, хотя его дневникъ и дневникъ его жены даютъ возможность прослѣдить за каждою мелочью изо дня въ день. Но эти внѣшнія стороны ихъ жизни для насъ не имѣютъ значенія. Гораздо важнѣе другая сторона ихъ жизни—сторона внутренняя, духовная. Эту пору жизни Песталоцци и его жены можно назвать порою выработки характера. Молодые люди упорно и разумно слѣдятъ за каждымъ своимъ движеніемъ, за каждымъ своимъ поступкомъ и творятъ надъ собою судъ. Въ

ихъ дневникѣ встрѣчаются на каждой страницѣ упреки себѣ за необдуманность, за горячность, за легкомысліе; они сознательно и твердо идутъ по пути самоусовершенствованія; они стремятся достигнуть того идеала нравственнаго развитія, который имъ дорогъ. И какіе результаты даетъ ихъ трудная работа надъ само-развитіемъ! Мало-по-малу родители Анны Песталоцци сходятся съ молодою четой, черезъ нѣсколько времени они съ уваженіемъ относятся къ молодымъ людямъ, далѣе мы видимъ, что они уже дѣлаются горячими друзьями молодыхъ людей; вокругъ Песталоцци и его жены собирается кружокъ друзей, ищущихъ и со-вѣта и наставленія отъ юной четы и сознающихъ, что молодые супруги рѣзко выдаются изъ окружающей среды, что это не обыкновенныя, не будничныя личности. Да, дѣйствительно, это не будничныя личности, это ясно сознаешь, когда читаешь, на-примѣръ, въ дневникѣ Анны Песталоцци, какъ серьезно смо-трѣла она на обязанности матери, какъ подготавливалась она къ исполненію этихъ обязанностей, какое значеніе придавала она воспитанію дѣтей, какъ ясно сознавала она, что мать прежде всего должна жить такъ, чтобы быть „примѣромъ“ для дѣтей, чтобы ея „слово“ никогда не расходилось съ „дѣломъ“. А какъ самъ Песталоцци слѣдитъ за каждымъ шагомъ своего едва начавшаго ходить сына, какъ онъ постепенно знакомитъ его съ природою, какъ онъ подмѣчаетъ каждую черту въ характерѣ ребенка, какъ онъ противо-дѣйствуетъ въ мальчикѣ дурнымъ наклонностямъ и развиваетъ въ немъ хорошія, — это цѣлыя лекціи педагогики. Это время семейной жизни не прошло такимъ образомъ даромъ для молодыхъ супруговъ и именно въ эту пору они выработали тѣ высокія черты своихъ характеровъ, которыя имъ удалось со-хранить во всей юношеской свѣжести на семидесятомъ году жизни.

„Это была чистѣйшая и благороднѣйшая душа, какую я встрѣчалъ когда-нибудь на землѣ,“ говоритъ Песталоцци передъ своею смертію о своей женѣ. Эти-же слова съ полнымъ правомъ могла сказать она про него самого.

VIII.

Такъ проходили дни. Дѣла супруговъ въ матерьяльномъ отношеніи были не блестящи; послѣ разныхъ сдѣлокъ съ кредиторами изъ родственниковъ, у Песталоцци оставалось все-таки до 4,000 гульденовъ долгу. „Моя жена, пишетъ Песталоцци,—глубоко страдала отъ этихъ обстоятельствъ; но ни она, ни я не на минуту не поколебались и подъ вліяніемъ ихъ не отказались отъ намѣренія употребить наше время, наши силы и остатки нашего имущества на упрощеніе народнаго образованія и на воспитаніе народа для домашней жизни“.

Отсюда начинается великая педагогическая дѣятельность Песталоцци, надѣлавшая въ Европѣ столько шуму и оставившая по себѣ неизгладимые слѣды.

Центромъ своей педагогической-земледѣльческой дѣятельности Песталоцци сдѣлалъ свою землю. Его учрежденіе должно было быть филантропическимъ. Существующія до сихъ поръ средства благотворительности онъ считалъ только „пальятивами, которые раздражаютъ и распложаютъ нищенство, поддерживая лицемеріе и низкопоклонство и возбуждая омерзеніе въ каждомъ честномъ и свободомыслящемъ человѣкѣ.“ Единственное средство спасенія, по его мнѣнію, заключается въ томъ, чтобы мы постарались развить, оживить и сдѣлать самостоятельною присущую человѣку силу трудиться и удовлетворять свои потребности. Прежде всего нужно развить въ бѣднякахъ всѣ ихъ тѣлесныя, умственныя и духовныя задатки, развить такъ, чтобы бѣднякъ могъ съ пользою для себя и для общества употреблять свои силы въ частномъ, въ семейномъ и въ общественномъ положеніи. Это собственно тотъ единственный фундаментъ, на которомъ можно создать честную и счастливую жизнь человѣка. Въ пространномъ изложеніи этого плана Песталоцци слышалось и искреннее убѣжденіе и неподдѣльный жаръ. Одинъ изъ современниковъ великаго дѣятеля замѣтилъ, что „его идея нова, возвышенна и обличаетъ въ своемъ творцѣ царя въ области воспитанія.“

Пріютъ въ домѣ Песталоцци въ Нейгофѣ открывался для 50 человѣкъ дѣтей, которыхъ иногда вытаскивалъ изъ грязи и нуж-

ды и подбиралъ на улицахъ самъ Песталоцци. Песталоцци не упустилъ изъ виду и практическую сторону предпріятія. Онъ надѣялся, что избранный имъ родъ помощи найдетъ самъ въ себѣ средства для поддержанія бѣдныхъ. Дѣло въ томъ, что дѣти должны лѣтомъ обрабатывать землю, а зимою прясть и ткать. Такимъ образомъ, они могли научиться работать, полюбить трудъ и, наконецъ, сдѣлаться самостоятельными, поддерживая себя своимъ трудомъ. Во время работы должно было происходить чтеніе вслухъ и умственное счисленіе. Въ домѣ долженъ былъ царствовать чисто семейный характеръ. Планъ былъ превосходенъ. Но Песталоцци не принадлежалъ къ числу тѣхъ натуръ, которыя, подобно Франке, задумавъ какое-нибудь хорошее предпріятіе, умѣютъ выжать деньги изъ чужихъ кармановъ на осуществленіе своей идеи. Онъ не выставялъ кружки для сборовъ, онъ не ходилъ по домамъ просить пожертвованій, онъ надѣялся все сдѣлать на свои средства. Но средства эти были малы. Прибавьте къ этому неумѣнье вести коммерческіе обороты, продавать выгодно пряжу и ткани; прибавьте, что дѣти нищихъ были такъ избалованы и лѣнивы, что они брезгали тою пищею, которою питался самъ Песталоцци съ семьєю, не хотѣли работать, находя, что они жили на улицѣ и лучше и веселѣе; прибавьте, что власти не думали помогать Песталоцци, что онъ стоялъ одинъ съ своею женою въ главѣ всего дѣла и вы поймете, почему предпріятіе должно было рухнуть. Въ 1780 году онъ долженъ былъ закрыть пріютъ. Самъ онъ вышелъ изъ своего дома совершеннымъ нищимъ.

Тяжело было положеніе этого человѣка: паденіе любимаго предпріятія „рѣзало по сердцу“; нищета давила и его и его любимую семью; друзья, не имѣвшіе силъ помочь, сторонились отъ бѣдняка, чтобы не мучить его еще болѣе своими сожалѣніями; благоразумные люди говорили, что „самъ-то этотъ человѣкъ хуже всякаго послѣдняго поденщика, а туда-же думаетъ помочь народу“; догадливые пророки предсказывали, что „этотъ человѣкъ кончитъ жизнь въ госпиталѣ или въ сумасшедшемъ домѣ.“ Но самъ Песталоцци и его жена ни на минуту не отказались отъ своихъ идей, не усомнились въ вѣрности своего плана; раздѣляли ихъ вѣру нѣсколько женщинъ, подругъ Анны Песталоцци, два-три вѣрныхъ товарища самого Песталоцци и, наконецъ, старіеъ тестъ послѣдняго. Пе-

сталогци, неимѣя возможности продолжать практическіе опыты воспитанія, занялся усердно литературою и издалъ въ 1780 году „Вечерніе часы отшельника“, нѣчто въ родѣ своего педагогическаго символа вѣры, а въ 1781 году „Лейнгарда и Гертруду“, одно изъ самыхъ популярнѣйшихъ произведеній того времени. Эта книга была написана въ нѣсколько недѣль. Она разнесла имя Песталогци по всей Европѣ. Экономическое общество въ Бернѣ послало автору благодарственный адресъ, 50 дукатовъ и медаль въ такую-же цѣну съ надписью: „civī optimo.“ Великій герцогъ тосканскій вступилъ съ нимъ въ переписку и предлагалъ ему мѣсто. Песталогци очень хорошо понималъ, что его романъ читается болѣе ради удовольствія, чѣмъ ради жажды знанія, и попробовалъ написать другую книгу, разъяснявшую въ разговорной формѣ идеи перваго романа. Книга почти не имѣла успѣха. Тогда онъ рѣшился издать продолженіе Гертруды, чтобъ показать, какимъ долженъ быть человекъ въ разныхъ общественныхъ отношеніяхъ. Образъ Гертруды былъ портретомъ живого лица—Елисаветы Нефъ, служанки, поступившей въ это время въ услуженіе къ семьѣ Песталогци. Эта замѣчательная восемнадцатилѣтняя дѣвушка подняла хозяйство въ домѣ Песталогци и самъ Песталогци не только срисовалъ съ нея портретъ, но и читалъ ей отрывки изъ своей книги, совѣтуясь съ ней на счетъ этого произведенія. Онъ говоритъ, что онъ обязанъ ей тѣмъ, что онъ вышелъ именно такимъ человекомъ, какимъ онъ сдѣлался послѣ, что безъ нея онъ и самъ былъ-бы хуже и его воспитательная теорія имѣла-бы меньше значенія. Его жена тоже признавала необыкновенныя заслуги этой умной, трудолюбивой и далеко недюжинной личности, принимавшей самое дѣятельное участіе въ дальнѣйшихъ педагогическихъ попыткахъ Песталогци. Кромѣ „Гертруды“ Песталогци издалъ еще нѣсколько сочиненій и занимался изданіемъ небольшой газеты.

Въ 1798 году, когда въ Швейцаріи начались сильныя преобразованія, Песталогци снова увидѣлъ возможность практической педагогической дѣятельности и успѣшилъ напомнить директоріи, что необходимо позаботиться о воспитаніи бѣдныхъ дѣтей. Онъ вошелъ въ переписку съ Штапферомъ и, отказавшись отъ директорства въ учительской семинаріи, сталъ хлопотать о мѣстѣ въ школѣ для бѣдныхъ дѣтей. Послѣ различныхъ переговоровъ,

представленій программъ и тому подобныхъ формальностей, было рѣшено основать въ Станцѣ домъ для воспитанія бѣдныхъ дѣтей, отдавъ его подъ непосредственное управленіе Песталоцци. Въ заведеніе поступили сначала 50 дѣтей, потомъ ихъ число дошло до 80. Песталоцци работалъ безъ усталы и успѣхи дѣтей превосходили всякія смѣлыя ожиданія. Въ официальныхъ отчетахъ, докладчики говорили, что, глядя на совершенное этимъ человекомъ, не вѣришь своимъ глазамъ и ушамъ; онъ въ годъ сдѣлалъ больше, чѣмъ другой сдѣлалъ-бы въ десять лѣтъ.

Но, къ несчастію, военныя событія и волненія въ Швейцаріи заставили закрыть сиротскій домъ и Песталоцци долженъ былъ оставить Станцъ, когда „только что начали сбываться его завѣтные сны.“

Разныя интриги помѣшали Песталоцци возвратиться въ Станцъ, когда снова началась дѣятельность сиротскаго дома, этого созданія великаго педагога. Но, все еще твердо вѣря въ осуществимость своихъ сновъ, Песталоцци отправился въ Бургдорфъ и принялся здѣсь снова за практическую педагогическую дѣятельность. Здѣсь онъ былъ счастливѣе Фишера.

Мы должны будемъ нѣсколько подробнѣе коснуться дѣятельности Песталоцци въ Бургдорфѣ, такъ какъ она имѣла особенно важное значеніе для Швейцаріи.

А. Михайловъ.

ВЕНГЕРЦЫ ЗАГРАНИЦЕЙ.

(Изъ А. Петёфи.)

Какъ проказу родныи любимой,
Вызвалъ васъ на Божій свѣтъ порокъ.
Еслибъ былъ огнемъ я,—я-бы выжегъ
Вашей крови зараженный сокъ.

Не огонь я, не дано мнѣ пламя,
Но мой стихъ громащій къ вамъ дойдетъ,
Посылая вамъ мое проклятье,
Проклиная васъ изъ рода въ родъ.

Нашъ-ли край скопиль себѣ богатства,
Для которыхъ мѣста даже нѣтъ,—
Этотъ край, измученный страданьемъ,
Нищетой гнетомый столько лѣтъ?

И какъ воры, потъ, который въ мукахъ
Пролить былъ во имя лучшихъ дней,
Вы несете въ дань чужимъ кумирамъ,
Преклонясь у чуждыхъ алтарей.

Край родной, какъ нищій, просить хлѣба,—
Но для васъ вѣдь это все равно:
Плачеть онъ кровавыми слезами,—
Пьете вы въ странѣ чужой вино.

Вы назадъ на родину вернетесь,
Но вернетесь съ нищенской клюкой,
Чтобъ предъ тѣмъ, кого вы обобрали,
Нагло встать съ протянутой рукой.

Вы отвергли бѣдный кровь отцовскій,
Вы родную пылъ стряхнули съ ногъ,—
Такъ пускай вашъ прахъ земля отвергнетъ,
Пусть отвергнетъ души ваши Богъ!

А. Ш.

КРЕСТЬЯНСКІЕ ВЫБОРЫ.

(СЦЕНЫ.)

Въ в... уѣздѣ не нашлось-бы челоуѣка, не знавшаго крестьянина деревни Ш...ъ Данилы Иракліевича Безсомыкина или „Еракыча“, какъ называли его крестьяне, съ трудомъ выговаривающіе мудренныя имена. Извѣстностью Данила Иракліевичъ пользовался благодаря своему состоянію, которое измѣрялось народною жолвой десятками тысячъ. Онъ имѣлъ обширныя пасеки, разведенныя и въ горахъ, заросшихъ лѣсомъ, и въ лугахъ, водяную мукомольную мельницу, и воскобойню, въ которую со всѣхъ концовъ уѣзда крестьяне свозили воскъ для выдѣлки. Велъ онъ торговлю хлѣбомъ, доставляя его на винокуренныя заводы и золотыя пріиски; на послѣдніе онъ поставлялъ и мясо битаго скота. Доморощенные кони Данилы Иракліевича славились даже и за предѣлами губерніи. И что это были за кони! Рослые, статные, сильные и большею частью, какъ на подборъ, гнѣдой масти. Они не даромъ составляли его гордость. Двухъ-этажный, обшитый тесомъ домъ, съ обширными вокругъ него пристройками, напоминалъ скорѣе домъ богатаго купца, живущаго по старинѣ, чѣмъ крестьянской. Стѣны внутри его были оклеены обоями и увѣшаны портретами героевъ крымской компаніи и изображеніями тѣхъ „Мальвинъ“ и „Аделей“ съ соблазнительными формами, которыя составляютъ неизмѣнное украшеніе станціонныхъ домовъ и квартиръ холостыхъ чиновниковъ, получающихъ содержаніе не свыше 300 руб. въ годъ. Мягкіе, обитые ситцемъ стулья, ломберныя столы и простѣлочные зеркала, въ потускнѣвшихъ отъ времени золоченыхъ ра-

махъ, дополняли домашнюю обстановку Данилы Иракліевича. Крестьяне, смотрѣвшіе на Данилу Иракліевича, какъ на человѣка, стоявшаго выше ихъ среды, привыкли и относиться къ нему не какъ къ равному лицу, а скорѣе, какъ къ своему помѣщику. Проходя мимо его дома, каждый изъ нихъ считалъ обязанностью снять шапку, хотя въ окнахъ его рѣдко можно было видѣть кого-либо изъ обитателей. Посидѣть въ избѣ Данилы Иракліевича (такъ-какъ комнаты предназначались только для начальствующихъ лицъ, которымъ постоянно и отводились въ домѣ его квартиры, для другихъ-же онѣ были закрыты), выпить поданный имъ своеручно стаканъ жиденькаго чая, а въ праздникъ густого медаго пива считалось за честь, выше которой они ничего не знали. И какъ-же иначе они могли относиться къ нему, когда въ виду ихъ толстую съ коротенькими пальцами руку Данилы Иракліевича пожимали и исправникъ и мировой посредникъ, запросто заѣзжавшіе къ нему въ гости,—лица, къ которымъ каждый крестьянинъ подходилъ съ просьбой не иначе, какъ крестясь и мысленно творя молитву; и тутъ-же, въ ихъ виду, сановникъ, проѣзжавшій на ревизію, предъ которымъ, въ свою очередь, и исправникъ и мировой посредникъ стояли на вытяжку, подаль Данилѣ Иракліевичу руку, благодаря его за гостепрѣимство.

Человѣкъ онъ былъ степенныхъ лѣтъ, небольшого роста, еще болѣе скрадываемаго толщиною, придававшюю его тѣлу овальную форму. Въ тяжелой развалистой походкѣ его отражалась самоувѣренность человѣка, привывшаго относиться къ себѣ съ сознаниемъ собственнаго достоинства, хотя наружность его не носила на себѣ печати этого достоинства. Она была мелка, если можно такъ выразиться. Сплюснутый лобъ не обѣщаль особеннаго ума, широкая-же и выдававшаяся впередъ нижняя челюсть выдавала основную черту характера—упрямство, соединенное съ лукавствомъ, свѣтлѣвшимъ въ его живыхъ сѣрыхъ глазкахъ, бойко сверкавшихъ въ узенькихъ орбитахъ. Какъ и большинство ограниченныхъ людей, Данила Иракліевичъ былъ сильно упрямъ и въ то-же время самолюбивъ, такъ что, несмотря на свою скупость, готовъ былъ принести какія угодно жертвы для удовлетворенія своего тщеславнаго самолюбія. Отъ вліянія приближающейся старости онъ жилъ, по собственному выраженію его, на „спокой“, т. е. предоставивъ веденіе хозяйства по дому, воскобойнѣ и мельницѣ

своему племяннику, тихому и безотвѣтному человѣку; остальными же торговыми операціями и сдѣлками у него заправлялъ однодеревенецъ его Трофимъ Кириловичъ Шебалинъ.

Говоря о Данилѣ Иракліевичѣ, нельзя не остановиться и на Трофимѣ Кириловичѣ. Они составляли одно цѣлое, нераздѣльное, при всей противоположности ихъ характеровъ и общественнаго положенія. Трофимъ Кириловичъ не наслѣдовалъ, какъ Данила Иракліевичъ, своего состоянія отъ родителей, а провелъ свое сиротливое дѣтство и молодость въ городѣ, сначала въ качествѣ служки, а потомъ прикащика, что дало ему возможность по возвращеніи на родину заняться самостоятельнымъ дѣломъ. Онъ такъ же, какъ и Данила Иракліевичъ, торговалъ хлѣбомъ, воскомъ, медомъ, скупалъ у крестьянъ ленъ и шкуры, но торговля его шла далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ у перваго, да и средства его были очень ограничены. У cadaго ловкаго человѣка, опытомъ пріобрѣтающаго житейскую мудрость и задавагося цѣлью составить себѣ финансовую или служебную карьеру, всегда есть много услужливой и дальновидной вкрадчивости; въ совершенствѣ обладалъ ею и Трофимъ Кириловичъ. Хитрый и пронырливый, онъ въ то-же время умѣлъ казаться простодушнымъ и довѣрчивымъ. Уступалъ онъ во всемъ людямъ болѣе его зажиточнымъ, часто въ ущербъ своимъ интересамъ, чтобы только не потерять ихъ довѣрія и упрочить за собою мнѣніе о своей простотѣ. къ людямъ бѣднымъ онъ относился съ радушіемъ и участіемъ, при случаѣ наперстывая на нихъ свою уступчивость богатымъ, но наперстывалъ такъ, что бѣднякъ всегда считалъ себя одолженнымъ и искренно былъ признателенъ ему. Если-бы кто спросилъ у крестьянъ у—й волости мнѣнія о Трофимѣ Кириловичѣ, то навѣрное-бы получилъ въ отвѣтъ: „мужикъ, што говорить, душа!“ Благодаря неусыпной хлопотливости, дѣла Трофима Кириловича годъ отъ году шли лучше и лучше, но онъ тщательно скрывалъ это, жилъ бѣдно, ѣздилъ всегда на одной лошади въ телѣжкѣ-качалкѣ; костюмъ его никогда не отличался щеголеватостью, напротивъ, былъ простъ и даже убогъ, на немъ нерѣдко можно было видѣть и прорванные, но починенные бродни и усѣянный заплатами зипунъ. Въ общественныя дѣла онъ, какъ и Данила Иракліевичъ, не виѣшивался и держалъ себя въ сторонѣ, но въ дѣйствительности всегда чутко прислушивался ко всему, что гово-

рилось по волости, и зорко слѣдилъ за дѣйствіями и сельскихъ старость и волостныхъ чиновъ. Когда спрашивали его мнѣніе о какой-нибудь надбавкѣ сверхъ положеннаго оклада при сборѣ податей, онъ или молчалъ, или давалъ уклончивый отвѣтъ: „не мое-де это дѣло“! Но въ тихомолку предъ людьми *надежными* онъ порицалъ образъ дѣйствій и волостныхъ чиновъ, и мирового посредника, и земскихъ властей. Отъ надежныхъ людей подобныя мнѣнія его, какъ водится въ этихъ случаяхъ, разносились по волости и подъ влияніемъ ихъ крестьяне тоже въ тихомолку поговаривали: „не гляди, што Шебалинъ-то тихоня мужикъ, а душа-а!“ Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда мѣры и претензіи властей достигали взрыва общаго неудовольствія, готоваго перейти въ ронотъ и неповиновеніе, Трофимъ Кириловичъ открыто сдерживалъ недовольныхъ, логично выясняя имъ всѣ послѣдствія, какія выйдутъ отъ того и всею силою обрушется на нихъ-же. Это съ наилучшей стороны рекомендовало его во мнѣніи мѣстныхъ властей, и крестьяне, хладнокровно вдумавшіеся въ истину: „что плетью обуха не перешибешь“, снова говорили о немъ: „поди-бо, мужикъ-то тихоня, простота, а ума — што въ писаной книгѣ“! Отзыви эти не могли не доходить до Трофима Кириловича, но онъ относился къ нимъ болѣе чѣмъ равнодушно. Онъ не принадлежалъ къ разряду людей, мелочное самолюбіе которыхъ удовлетворяется лестнымъ словомъ; задача его жизни, его планы шли далѣе этого.

Съ перваго-же времени переселенія въ деревню, онъ сталъ сближаться съ Данилой Иракліевичемъ, прибѣгая къ нему за совѣтами, какъ къ человѣку умному, опытному, давая чувствовать ему во всемъ превосходство надъ собой, и въ короткое время, благодаря умѣнью дѣйствовать на слабыя стороны его характера, приобрѣлъ къ себѣ полное расположеніе его и довѣріе; оно простиралось до того, что Данила Иракліевичъ ввѣрялъ ему на руки тысячи, безконтрольно относясь къ его отчетамъ. И нужно отдать справедливость Трофиму Кириловичу, онъ не злоупотреблялъ его довѣріемъ, не изъ честности или привязанности къ нему, нѣтъ, — эгоистическія природы не способны привязываться ни къ чему, кромѣ своей цѣли. Онѣ заискиваютъ въ людяхъ, дорожатъ ихъ расположеніемъ и довѣріемъ только во время надобности въ нихъ, и какъ только надобность миновала, онѣ сейчасъ-же готовы отвернуться отъ человѣка, которому наканунѣ пожимали руку, увѣряя

въ искренности своихъ отношеній. Во имя своей цѣли Трофимъ Кириловичъ дорожилъ интересами Данилы Иракліевича, даже въ ущербъ своимъ; вліяніе его, какъ чловека умнаго, не могло не отразиться на Данилѣ Иракліевичѣ. Дѣйствуя, повидимому, во всемъ самостоятельно, Данила Иракліевичъ и самъ не замѣчалъ, что находился въ полномъ распоряженіи Трофима Кириловича. Былъ отголоскомъ его воли и мысли. Вліяніе это не ускользало и отъ наблюдательности крестьянъ, такъ что, имѣя постоянную нужду въ Данилѣ Иракліевичѣ, каждый изъ нихъ шелъ прежде всего къ Трофиму Кириловичу и былъ вполне увѣренъ, что просьба его будетъ исполнена, если онъ изъявлялъ на то согласіе. О согласіи Данилы Иракліевича никто и не спрашивалъ.

Въ описываемое время Данила Иракліевичъ, кромѣ обязательствъ съ винокуренными заводчиками и золотопромышленниками по поставкѣ хлѣба и мяса, взялъ еще обширный подрядъ на поставку въ казну хлѣба и крупы для мѣстныхъ войскъ. Операция эта обѣщала громадныя выгоды и Трофимъ Кириловичъ принималъ въ ней дѣятельное участіе не въ качествѣ довѣрителя, но компаньона. Онъ ѣздилъ и на торги въ городъ Т — въ, оставшіяся за нимъ по предложеннымъ имъ цѣнамъ. Отъ своего имени онъ внесъ въ обезпеченіе подряда 8000 рублей пятипроцентными билетами, врученными ему Данилой Иракліевичемъ, и самый контрактъ былъ заключенъ на его имя. Данило Иракліевичъ оставался въ сторонѣ и участвовалъ въ этомъ дѣлѣ только своимъ капиталомъ.

Въ небольшой комнатѣ, увѣшанной въ переднемъ углу пеонами въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ, у стола на кованномъ сундукѣ, накрытомъ коврикомъ, сидѣлъ Данила Иракліевичъ, одѣтый по домашнему въ халатъ изъ толстаго чернаго сукна; въ дни пріѣзда гостей онъ надѣвалъ длиннополный тонкій скрутукъ съ воротникомъ, доходившимъ до ушей. Напротивъ его, облокотившись локтями на столъ, сидѣлъ Трофимъ Кириловичъ, только что возвратившійся изъ города. Сальная свѣча, вставленная въ деревянный подсвѣчникъ, тускло освѣщала лица собесѣдниковъ и окружающіе ихъ предметы, комната эта была „домашняя“ и отличалась отъ парадныхъ своею обыкновенной обстановкой. Задній уголъ ея занимала печь съ лежанкой, на которой въ зимнее время Данила Иракліевичъ отдыхалъ послѣ обѣда. У двери помѣщалась кровать съ горою пуховиковъ и по-

душекъ. Въмсто мебели, около стѣнъ стояли большіе кованые сундуки. Выбѣленные стѣны были облѣплены золотыми бумажками и картинками отъ конфетъ, фактурками отъ сигтцевъ, изображавшими зданія фабрикъ, съ клубами дыма изъ безчисленныхъ трубъ; попадались среди ихъ фактурки и отъ сахарныхъ головъ съ надписью „Молво“ или „Кенигъ“. Но всего болѣе обращали на себя вниманіе стѣнные часы „съ кукушкой“; механизмъ ихъ отъ времени испортился и съ шумомъ выскакивавшая кукушка, вмѣсто ожидаемаго напѣва, молча разѣвала предъ слушателями ротъ; эти часы утратили способность правильнаго опредѣленія времени, но все-таки ежедневно, аккуратно заводились самимъ Данилой Иракліевичемъ.

— Сокрушаюсь я все, Данила Иракычъ, какъ-бы намъ, то-исъ, не просчитаться? задумчиво говорилъ Трофимъ Кириловичъ съ соотвѣтствующимъ тономъ выраженіемъ на своемъ кругломъ, какъ шаръ, лицѣ, окаймленномъ черной окладистой бородой. Впрочемъ, лицо его способно было принимать, смотря по желанію, какое угодно выраженіе. Только глаза всегда исчезали при этомъ, точно прятались, оставляя наблюдателю окружающую ихъ сложную сѣть узкихъ морщинъ, выпуклыя румяныя щеки и толстый, нѣсколько аляповатый носъ.

— Въ чемъ сокрушенье-то? спросилъ, неглядя на него, Данила Иракліевичъ, слегка выворачивая пальцы правой руки, издававшіе при этомъ хрустъ.

— О подрядѣ-то говорю!

— Поперегъ горла онъ тѣ сталь, штоль?

— То и говорю, што мое-то горло ишо большихъ-то кусковъ не глатывало, вотъ и боюсь, кабы, храни Богъ, вмѣсто выгоды-то убытокъ-бы не понестъ? Подрядъ-то взять мы взяли, тѣмъ-же тономъ продолжалъ онъ, — разсчитывали таперича хлѣбъ-то закупить пятнадцать копѣекъ за пудъ, ну хорошо, а што какъ не скушимъ мы хлѣбъ-то за энту цѣну, а по двадцати, аль по двадцать двѣ, вотъ тѣ и убыль, а случай-то экой неровень!

— Случаю-то экому не съ чего быть, стало быть, и сокрушенье-то твое што пустая пѣна съ браги! самоувѣренно отвѣтилъ ему Данила Иракліевичъ и, зѣвнувъ, перекрестилъ ротъ.

— Давай Богъ, кабы такъ-то да вишь скушпиковъ-то нонѣ много появилось.

— А тебя завидь взяла на нихъ, а?.. Не врушись, на каждую долю Богъ пошлетъ, не обѣдняемъ!

— А коли цѣны-то набьютъ, тогда какъ?

— Не супротивъ-ли меня тягаться стануть, а?..

— Съ тобой-ли тягаться, Данила Еракичъ? Ты рѣчь-то мою не въ ту сторону повернулъ! Я въ тому говорю, што цѣну-то у мужиковъ не набили-бы!

— Нѣшто мужики-то наши промѣняютъ меня на кого, а? Кто я имъ-то?

— Эвто опять другой разговоръ, про эвто чего говорить, я и новѣ вотъ, какъ ѣхаль, разговариваль по деревнямъ-то: ужъ вы, говорю, милые, держитесь Данила Еракича, стѣна онъ ваша каменная, такъ погляди-ко, чего они заговорили: „о-отца не надоть, кабы не онъ, чего-бы, говорятъ, и было съ нами“.

— Это мужики-то?

— Ну да, вѣдь въ голосъ и старшій и малшій!

— Чувствуютъ-же?..

— Какъ и не чувствовать-то!.. Э-эхъ, Данило Еракичъ, вѣдь мы всѣ почестъ отъ тебя хлѣбъ жуемъ! Рази ты въ самокъ дѣлѣ мало для нихъ дѣлашь, они хоша и темный народъ-то, а тоже по своему-то понимаютъ!

Данила Иракліевичъ, вмѣсто отвѣта, тряхнувъ головой, молча погладил свою жиденъкую бородку.

— Гдѣ это болѣ говорили-то? спросилъ онъ послѣ минутнаго раздумья.

— Гдѣ?.. Да вездѣ почестъ и въ Т—ѣ, и въ З—ѣ, и въ И—ой, и въ Т—ъ заводѣ!

— Надоть-бы имъ какую ни на есть помогу! прервалъ его Данила Иракліевичъ. — Я вотъ люблю, гдѣ добро-то помнать, стало быть, совѣсть у человѣка есть, на такихъ-то можно и надежу положить, а есть вѣдь иные безчувственные!

— На міру-то всякаго дѣбра много, Данила Еракичъ!

— Есть!.. Тѣхъ-то я не люблю!

— И тварь безсловесная отъ безчувственныхъ-то носъ воротитъ, сторонится! Да вотъ, Данила Еракичъ, ужъ будто къ слову пришлось: поймалъ меня въ заводѣ-то Михѣй Гавриловъ, онъ тѣ два года, сказываль, восемь рублей въ долгу состоятъ,

такъ ужъ изъ милости просилъ это обождать, походательствовать предъ тобой!

— А самому-то што-жъ-бы не придти съ повинной, аль нога не скользнуть?..

— Робѣть!

— Деньги-то брать не робѣлъ?

— Какъ, говорить, вспомню это предстать предъ него, продолжалъ между тѣмъ Трофимъ Кириловичъ, — такъ, говорить, убей лучше, такая робость настигнетъ, потому, говорить, не вынесу я, какъ это онъ взглянетъ!

Данила Иракліевичъ усмѣхнулся и снова провелъ правой ладонью по бородѣ.

— И то сказываютъ, самодовольно началъ онъ, — што не всякой-же ко миѣ зря-то идетъ, а все болѣ съ робостью, глазу-то, говорятъ, боимся!..

— По душѣ и глазъ свѣтлый!..

— Пожалуй што! согласился съ нимъ и Данила Иракліевичъ.

Настала минутная пауза, Трофимъ Кириловичъ, поплевавъ на пальцы, снялъ ими вмѣсто щипцовъ пагарь со свѣчи и обтеръ ихъ о полу зипуна. Данила Иракліевичъ, слоноившись локтями на колѣни, молча пощелкивалъ пальцами.

— Ну, и та исхо опаска беретъ, снова началъ Трофимъ Кириловичъ, — насчетъ энто хлѣба-то, кабы насъ Егоръ-то Бычковъ не подѣлъ?

— Энтотъ съ чего-бъ, Бычковъ-то Егоръ? Къ которому тѣ это колесу примкнулъ-то его?

— Старшиной-то какъ выберуть!

Данила Иракліевичъ, изумленно поднявъ голову, пристально посмотрѣлъ на собесѣдника.

— Отволь ты это взялъ-то? спросилъ, наконецъ, онъ.

— Нѣшто ты не слыхалъ? спросилъ его въ свою очередь, Трофимъ Кириловичъ. — Слава тебѣ Господи... гляди-ко цо деревнямъ-то только и говорю, што Егора да Егора!..

— А-а-а!.. Полюбился онъ имъ, ну, да што-жъ, и то сказать надоть, мужикъ добрый.

— Мужикъ, што говорить, Данила Еракичъ, по правдѣ живеть, душа-то у него совѣстливая! Я, говорить, по волости не пушту экихъ порядковъ, штоба міръ зорить! многозначительно

какъ-то произнесъ Трофимъ Кириловичъ. — Не стану, говорить, какъ эти волостные, дѣлать, што-ба хлѣбные магазей стояли въ пустѣ, хлѣбъ-бы весь въ недоимкѣ на міру числился, а въ самомъ-то дѣлѣ только-бы скупщики его скупали и наживались, а какъ придетъ голодъ—и надѣвай людъ суму.

Данила Иракліевичъ задумался, медленно вытягивая пальцы. Морщины на лбу его сдвинулись и лицо выразило напряженное усиліе уловить еще невыяснившуюся мысль.

— Стало быть, онъ въ одинъ годъ хочеть собрать всю хлѣбную недоимку, штоль? спросилъ онъ.

— Не то у него на умѣ! Эфтимъ-то онъ хочеть только угоду мужикамъ сдѣлать! Къ примѣру взять: вотъ мы съ тобой зададимъ впередъ деньги по пятнадцати копѣекъ за пудъ. Ну, придетъ пора къ расчету, мужикъ, извѣстно, первое дѣло въ слезы: „вотъ такъ-де и такъ, надбавь, хлѣбъ-то-де въ цѣнѣ дороже стоитъ!“ Ты, извѣстно, въ волость къ старшинѣ, а старшина-то заодно съ нимъ, его поддержитъ, стой-де на немъ, иско хлѣбной недоимки много, коли не хощь взять по его цѣнѣ, такъ онъ и остановить хлѣбъ-то въ казну или тебя заставить рассчитать мужика по его цѣнѣ! Вотъ я про то и опасаюсь, подѣсть онъ насъ эфтимъ-то!

— Рано онъ экія порядки-то задумалъ, выберуть-ли иско?..

— Выберуть,—помяни...

Настало продолжительное молчаніе. Дверцы у часовъ съ шумомъ распахнулись и выскочившая кукушка молча позвала на собесѣдниковъ. Трофимъ Кириловичъ искоса наблюдалъ за Данилой Иракліевичемъ, сидѣвшимъ все также опершись на колѣни и потягивая пальцы.

— Данила Еракычъ! внезапно окликнулъ онъ.

Тотъ молча поднялъ голову и вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Не погнѣвись ты на меня, я все, глядя на тебя, дивуюсь, ей-Богу дивуюсь! Какой ты такой человекъ есть? началъ онъ,— это я-бы таперича съ твоимъ умомъ да капиталомъ, то исъ, и а-а-ахъ ма-а-а!

Недокончивъ своей рѣчи, Трофимъ Кириловичъ потряхнулъ головой и, повернувшись внезапно бокомъ къ хозяину, уперъ локоть правой руки въ столъ.

— Не токма-бы, то ись, волосью, у-уѣздомъ-бы тресь! заключилъ онъ, пока Данила Иракліевичъ смотрѣлъ на него съ самодовольной усмѣшкой.

— И то сказываютъ, што не по уму это я тихъ-то! поглядивъ бороду, отвѣтилъ замѣтно оживившійся Данило Иракліевичъ.

— По-о-околебаль-бы!.. Одно, ума твоего нѣтъ!—и Трофимъ Кириловичъ, съ видомъ отчаянія, хлопнулъ себя лѣвой рукой по бедру.

— За немногимъ дѣло-то стало, а-а-ахъ-ха-ха-а!.. Нѣтъ, Трофимъ, не берись, большой умъ на это надоть, бо-о-ольшой!.. А я-бы вотъ таперича, къ слову, если-бъ разыгралъ, пошла-бъ волна-а? съ усмѣшкой спросилъ онъ.

— Я-бы, Данила Еракычъ, на твоёмъ-бы мѣстѣ, да съ твоимъ умомъ, кто-бы мнѣ любъ, того-бъ и въ старшины посадилъ, ей-Богу, а миръ-бы у меня за все въ уздѣ былъ!

— Тихъ я, Трофимъ, потому и покоенъ! отвѣтилъ ему Данила Иракліевичъ. — Э-эхъ, Трофимъ, Трофимъ, снова началъ онъ послѣ непродолжительной паузы, — доживи до моихъ лѣтъ, устанешь, особливо, если въ тебѣ ума избытокъ!..

— Оно должно, въ тяготуе умъ-то, Данило Еракычъ? спрятавши глаза въ сѣтъ морщинъ, съ неувлимою улыбкою спросилъ его Трофимъ Кириловичъ.

— Съ умомъ человекъ, Трофимъ, надоть за все провидѣть!

— Не легко-же!

— Пришелъ вотъ ты ко мнѣ, а я тебя ужъ вижу насквозь, всю твою душу, всякой тапера фальшь!

— Откровеніе-то, а?

— Чистъ ты и душа у меня къ тебѣ лежитъ; безъ ума ты этого не можешь?

— Безъ ума, Данила Еракычъ, послѣднее дѣло!

— Ты вотъ мнѣ задалъ задачу, продолжалъ между тѣмъ, прервавъ его, Данила Еракевичъ, — а я ужъ и провидѣлъ; я тапера што скажу тебѣ: не бывать Егору Бычкову старшиной, слышалъ ты это?..

— Добрый онъ мужикъ-то, Данила Еракычъ, обидѣть-то-бы его...

— И пообижу... потому я провидѣлъ, што онъ недругъ мнѣ!

— На все твоя власть, извѣстное дѣло!

— По-о-бизу! Коли ты супротивъ меня измыслилъ, што и таперича я прозрѣлъ, и не быть тебѣ! Вотъ тебя старшиной посажу!

— Што ты, што ты, Данила Еравычъ! даже какъ-будто попятившись съ испугу, произнесъ Трофимъ Кириловичъ,—да я, съ моимъ умишкомъ!..

— И сиди, прервалъ хозяинъ,—худой-ли у тебя умишко, хороший-ли—миѣ знать!

— Не натворить-бы, ' говорю...

— Помогутъ!.. Мой-то умъ на што, а?..

— А-а-ахъ, вотъ какъ ты меня усуслонилъ этимъ... индѣ въ потъ кинуло, говорилъ Трофимъ Кириловичъ, обтирая лобъ, но если-бы человекъ болѣе проницательный взглянулъ въ это время въ глаза его, то замѣтилъ-бы странную противоположность въ выраженіи ихъ съ выраженіемъ въ лицѣ. Они сверкали сарказмомъ и вмѣстѣ радостью, знакомой каждому при исполненіи его затаенной мысли.

— Оно-бы што-жъ, продолжалъ онъ, — съ твоимъ-то умомъ я-бъ и въ старшинахъ высидѣлъ! Да вѣдь какъ общество-то, Данила Еравычъ?

— Общество-то? А што оно миѣ, общество-то?.. Тыфу-у... вотъ я на общество-то! Чей оно хлѣбъ-то ѣсть, а?.. Мо-ой!.. Только само будто съеть его, да жнетъ! О-общество!.. Оно ужъ душу-то миѣ свою прозаклало, я вотъ имъ двѣ копейки надбавлю на пудъ хлѣба, да Амфику работника въ старшины-то посажу; онъ и будетъ сидѣть, судить ихъ!—и Данила Иракліевичъ, оживившись, приподнялъ повыше колѣна спустившіяся на полъ полы халата и засучилъ рукава. — А начальство-то наше, снова началъ онъ послѣ минутной паузы, — все въ моихъ рукахъ, не я къ нему, а оно ко миѣ ѣдетъ съ поклономъ, оно мной живетъ, — живетъ мной, слышалъ ты это?..—И Данила Иракліевичъ даже привсталъ при послѣднихъ словахъ, но, подобравъ полы у халата, снова сѣлъ.—На чьихъ лошадяхъ оно ѣздитъ?.. На мои-ихъ!.. Все мои дары! Чей медъ ѣсть?.. Мо-ой!.. И печенымъ и варенымъ везутъ отъ меня-жъ! Сотнямъ-то, што за ними плаваютъ въ долгахъ, я и счетъ потерялъ, такъ неужъ оно моей воли не исполнить, а?.. Моя на все воля, Трофимъ, моя-я! заключилъ, наконецъ онъ,—а ты миѣ не перечь!..

— И въ помyslѣ-то у меня не было, началъ было Трофимъ Кириловичъ.

— Сиди старшиной, коли сажу!.. прервалъ его Данила Иракліевичъ,—ума не хватить — моимъ живи... и не разговаривай!.. А мужикамъ денегъ не задавай, я самъ имъ задамъ, ишло старыхъ счетовъ много!

— Къ чему-бъ тебѣ затрудняться-то съ ними?

— Нѣшто считать не умѣю, штоль?

— А-а-ахъ, Данила Еракычъ, поспѣшно прервалъ его Трофимъ Кириловичъ,—все ты какъ-то не то, точно я тѣ супротивникъ какой! Тебѣ-ли, говорю, съ экимъ капиталомъ, экія хоромны наживши, да не умѣть считать?

— То-то!

— Я къ тому говорю, што утруждаться-то тебѣ при твоихъ таперя преклонныхъ лѣтахъ не кстати-бы... я вотъ къ чему!..

— Деньги-то считать, Трофимъ, не трудъ; другое што— оно точно... а энто болѣ баловство!..

— Слава тѣ Господи, Данила Еракычъ, што баловать-то есть чѣмъ, а все съ умомъ, за умъ все энто Творецъ многомилостивый!... Я вотъ таперя, грѣшный человекъ, въ ину пору и подумашъ: дастъ-же это Господь такой благодати въ одну голову, а нѣтъ, штоба по частямъ между всѣми-бы, ну да опять и то, какъ въ размышленіе-то войду, зазнались-бъ! Каждый-бы не почиталъ превысихъ себя, старшихъ-бы не было и было-бы кромѣшное!... Вотъ таперя къ слову, коли ты деньги будешь задавать, и твоя воля, твоя рука владыка! Почтителенъ кто, во всемъ въ послушествѣ,—отъ щедрныи, гляди, и себѣ въ ущербъ, да 20 на пудъ положишь!

— Положу, отъ меня это за все...

— А воспротивился, набрался этой гордыни губительной, ну и...

— Гложи ее гордыню-то, скусна-ли, а-ахъ, ха-ха-ха-а! прервалъ его со смѣхомъ Данила Иракліевичъ,—и сиди голодомъ.

— Я завсегда мужикамъ-то говорю: цѣните, говорю его; души-то, говорю, вы его не знаете, худа онъ вамъ не пожаждетъ, а ужъ чѣго онъ хочеть, стало быть, вашу-же пользу провидить, вамъ-же добро!

— Не понять имъ этого... темные!

— Понимають!

— А-а!.. Ну, видать, поиѣ свѣтъ къ тому, а ты учи ихъ, молоденца-то научить уму угодно Богу!

— Учу, за все учу ихъ, Данила Еракичъ.

— Учи! Предъ Господомъ все взыщется! докторальнымъ тономъ заключилъ хозяинъ.—Учи, штобъ не противились мнѣ, не люблю вотъ я этого супротивства! Сдѣлалъ ты по-моему я навсегда для тебя ничего не пожалѣю, участвую всякаго... Таперь вотъ я тебя за всю твою службу мнѣ, за твое покорство, въ старшины сажу и сяди и будь ты старшиной и пушшай миръ видить, какъ Данила Ераковъ награждать за службу! А денегъ мужикамъ не задавай, ко мнѣ шли, я самъ задамъ, посмотрю, нѣтъ-ли ишо въ нихъ строптивости!..

— Я, Данила Еракичъ, хотѣль-бы ишо съ тобой на тотъ случай потолковать, началъ, выслушавъ его, Трофимъ Кириловичъ,—не присогласить-ли намъ, къ поставкѣ-то хлѣба, кой-кого изъ нашихъ торгующихъ крестьянъ, а?.. Оно-бы и разногосицы не было, а всѣ-бы въ купѣ, хоша-бы вотъ Макара Вешнякова, мужикъ обстоятельный, Пругикова Финогена, Абрссина Иволгина, оно-бы шибко способно по-моему-то и на руку-бы намъ!

— Энто, пожалуй, што ты дѣло говоришь!..

— Резонтъ-то имъ-бы можно подогнать, къ примѣру сказы-бы: што, молъ де, коли вы порадѣете, возьмете по 15 съ пуда, такъ какая отъ подряда будетъ прибыль по частямъ-бы подѣлили!..

— Это я сталь-бы свое кровное дѣлить! съ удивленіемъ произнесъ Данило Иракиевичъ,—да ты што съ радости-то свихнулъ, што-ль?..

— Да это-бы посулить только имъ!

— И сулить не хочу!

— Воля твоя!.. А я-бы посулилъ, Данила Еракичъ; не во гнѣвъ тебѣ, хлѣбомъ-то они торгуютъ ходко, особливо Вешняковъ, видѣ въ другихъ округахъ его скупаеть... Присогласи его на дѣлежъ-то, онъ и поддастся, а опосля вѣдь все въ твоей волѣ, отъ посула-то до дѣла пѣсня длинна. Оно-бы можно опосля и того... на дверь показать!..

— Стало быть, надуть, а-а-ахъ ха-ха-а...

— Къ тому и говорю, дѣло торговое!

— Энтакъ-то я согласенъ надуть-то, а-ахъ ха-а... энто ты по моему. Ну, ну, полакомъ ихъ посуломъ, а опосля...

— И облизнулся! со смѣхомъ прервалъ его Трофимъ Кириловичъ.

— У-у-у-у-у-у-у ты мнѣ энтимъ, Трофимъ, какъ это они облизнутся вмѣсто барыша-то, а-а-ахъ-ха-ха-а-а...

И Данило Иракліевичъ, точно вообразивъ комически плачевныя мины облизнувшихся компаньоновъ, залая радужнымъ, веселымъ хохотомъ. Трофимъ Кириловичъ, тоже довольный своею мыслью, вторилъ ему изъ уваженія, пуская свой смѣхъ нотой ниже.

— Энтакъ-то я согласенъ, дѣлай, оно и намъ-то менѣ хлопоть, а опосля мы имъ и того-о... а-ахъ-ха-ха-а! взамѣнъ барыша-то по губамъ рукотерникомъ!.. заключилъ, наконецъ, онъ. — Торговое дѣло, Трофимъ, та-же война, продолжалъ онъ послѣ минутнаго раздумья, — таперя завсегда надоть такъ пригонять, шгобы ты за все всѣхъ обманывалъ, а тебя-бы нието! На то вотъ и умъ Господь даетъ, вотъ тутъ-то за все и надоть провидѣть! Умъ, Трофимъ, это бо-о-ольшое дѣло, молодъ ты ишо!..

— Ужъ супротивъ тебя мнѣ не гнаться, Данила Еравичъ!

— И не гонись, не догонишь, а поколь живъ я—учись! Нау-у-ука это, Трофимъ, наука!..

— Отплатить-то вотъ чѣмъ мнѣ тебѣ за все твое добро, радѣнье-то ко мнѣ, вѣдь ты мнѣ отецъ!

— Мнѣ твоей отплаты, Трофимъ, ненадоть! Будь только за все въ покрствѣ, и усчастливию, гордыни шгобы только этой!..

Но Трофимъ Кириловичъ не далъ ему докончить и, быстро вставъ, нагнулся и поцѣловалъ его руку. Несжиданное доказательство такого уваженія до того взволновало Данила Иракліевича, что онъ только потрясъ отъ избытка чувствъ головою. „Ну, Трофимъ, ты для меня и заболь сынъ!“ произнесъ онъ. — „А-а-ахъ...“ и, закрывъ голову рукой, онъ задумался.

Въ деревнѣ все спало глубокимъ сномъ, когда изъ калитки дома Данилы Иракліевича вышелъ Трофимъ Кириловичъ и направился къ избѣ своей, стоявшей на концѣ улицы. Темнота не позволяла видѣть выраженія его лица, но по быстрой и легкой походкѣ его можно было догадаться, что умъ его волновали самыя отрадныя мысли.

Опасеніе Трофима Кириловича о выборѣ въ волостные старшины Егора Бычкова раздѣляли въ описываемое время всѣ зажиточные крестьяне у—ой волости, ведущіе различные торговые обороты. Выборъ старшины составляетъ весьма важное явленіе въ быту крестьянъ; отъ нравственныхъ достоинствъ избираемаго зависитъ многое и въ административномъ и въ экономическомъ положеніи ихъ. Тутъ нужно имѣть умъ, распорядительность, пониманіе и охраненіе интересовъ общества въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они сталкиваются съ требованіями административныхъ властей, т. е. земской полиціи и мирового посредника, имѣющихъ прямое и въ большинствѣ случаевъ неограниченное надъ ними вліяніе. Нужна честность отношеній избраннаго старшины къ самому обществу, обуславливаемая не только неспособностью старшины къ лихоимству и къ злоупотребленіямъ, какія постоянно допускаются волостными начальниками при сборѣ податей, и вообще въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ по волости, — нужно пониманіе условий, связывающихъ взаимныя отношенія крестьянъ въ обществѣ. Необходима безпристрастность отношеній его равно и къ богачу и къ бѣдняку, что рѣдко встрѣчается въ этомъ темномъ и бѣдномъ мірѣ; а главное, что еще рѣже или никогда почти не встрѣчается, но что должно-бы составлять неотъемлемую обязанность старшинъ и волостныхъ начальниковъ, защита слабыхъ отъ произвола и насилій, какіе часто позволяютъ въ отношеніи къ нимъ люди зажиточные; тѣмъ болѣе, что въ силу многихъ обычаевъ подобнымъ отношеніямъ придается законный видъ, со стороны не только волостныхъ начальниковъ, но и самыхъ представителей болѣе высшей администраціи. Говорю „законный“ не безъ основанія! Многимъ-ли извѣстна система законтрактовыванія, къ какой постоянно прибѣгаютъ для успѣшнаго, бездоимочнаго сбора податей съ крестьянъ? Въ этихъ случаяхъ часто половина населенія деревни или села отдается въ полную зависимость людей зажиточныхъ, противъ которой бѣдняки лишены всякаго права протеста. Окладной сборъ податей обыкновенно раздѣляется для большей легкости взысканія на двѣ половины. Первая половина за первое полугодіе производится въ январѣ, февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ, вторая за второе полугодіе по окончаніи полевыхъ работъ и по наступленіи хорошаго саннаго пути. Но, несмотря на эти видимыя облегченія, немногіе изъ бѣдняковъ, какихъ всегда бываетъ большинство, могутъ приготовить къ извѣст-

ному времени требуемую сумму, и для того, чтобы не допустить нарастания недоимки при сборахъ податей часто прибѣгаютъ и къ насильственнымъ мѣрамъ, во-первыхъ, къ угрозамъ тѣлеснаго наказанія и чаще всего къ самому наказанію, выправляя имъ деньги, которыя, по понятію многихъ причастныхъ къ сбору лицъ, крестьяне скрываютъ, не желая платить. Иногда при этомъ продаютъ лишнюю скотину или пристройки при домѣ — амбарушку или сарайчикъ на сломъ, пополняя вырученными за нихъ деньгами требуемую сумму. Продають хлѣбъ и другіе хозяйственные продукты *). Но чаще всего уговариваютъ какого-нибудь зажиточнаго крестьянина внести за неисправнаго плательщика подать, давая ему тѣмъ безконтрольное право выбирать внесенную сумму или личнымъ трудомъ законтрактованнаго или продуктами его хозяйства. Мы не будемъ говорить о томъ, что крестьянинъ, попавши разъ въ подобную зависимость, долго, а иногда всю жизнь не можетъ оправиться, если только его не выручитъ какой-нибудь особенно благоприятный случай. Да и какъ ему поправиться? Допустимъ, что у него благодарный урожай, который при другихъ обстоятельствахъ могъ-бы поправить его хозяйство продажей избытка хлѣба въ постороннія руки по существующимъ на него цѣнамъ. Но внесшій за него подать крестьянинъ не допуститъ его до этой продажи и, по цѣнѣ, всегда самовольно назначаемой, заберетъ хлѣбъ въ свою пользу, въ пополненіе долга. Допустимъ, что бѣднякъ избыткомъ хлѣба уплатилъ весь долгъ ему, но наступаетъ новый сборъ податей—и у него снова нѣтъ средствъ внести ихъ, такъ-какъ весь его заработокъ употребленъ на пополненіе стараго долга, и снова поневолѣ онъ прибѣгаетъ къ помощи своего благодѣтеля, выжимающаго изъ него послѣдніе соки, или сами волостные чины принимаютъ на себя эту миссію... Кромѣ того, въ Сибири существуетъ еще обыкновеніе законтрактовывать неисправныхъ плательщиковъ податей и недоимокъ въ работы къ ли-

*) Многие мелкие городские торговцы, такъ-называемые «прасолы», при наступленіи времени сбора податей, всегда уѣзжаютъ въ деревни и часто даютъ довольно значительныя взятки волостному начальству именно за то, чтобы при сборѣ податей и недоимокъ оно не допускало отсрочекъ и продавало скотъ, хлѣбъ и другіе продукты, которые они скупаютъ, пользуясь этимъ благоприятнымъ для нихъ случаемъ, за крайне-ничтожныя цѣны. Что терпитъ отъ этого крестьянинъ, предоставляю судить читателю.

цамъ, постороннимъ крестьянскому міру, — такъ, напр., на золотые пріиски или на суда и рыбныя ловли промышленниковъ по рѣкѣ Оби.

Даже изъ этого бѣлаго очерка допускаемыхъ мѣръ для бездомочнаго сбора податей каждый убѣдится, какъ легко и скоро наживаются крестьяне, занимающіеся торговлей, какъ самыя мѣры эти распложаютъ кулачество, возводятъ его на степень законнаго явленія, вмѣсто того, чтобы бороться съ нимъ, какъ со зломъ, развѣдающимъ экономическое благосостояніе народа и самую нравственность его. И не одни торгующіе крестьяне богатѣютъ благодаря этимъ мѣрамъ, но и городскія торговныя сословія, — мѣщане и купцы средней руки, вступающіе въ различные подряды съ казной, и особенно крупные рыбопромышленники тобольской и томской губерній; богатѣютъ отъ этого и сами волостныя власти, особенно волостные писаря, и только одинъ крестьянинъ выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть этихъ мѣръ и, не видя просвѣта отъ тяжелаго труда, обогащающаго другихъ, самъ остается въ нищетѣ.

Мѣстные торгующіе крестьяне дѣлаютъ еще проще, не ожидая и вмѣшательства волостныхъ чиновъ. Когда приближается время взноса податей, они задаютъ впередъ деньги нуждающимся въ нихъ бѣднякамъ, отъ которыхъ, конечно, не бываетъ отбоя, подъ хлѣбъ и другіе необходимые для ихъ торговыхъ операцій продукты, понижая, конечно, цѣнность ихъ до того минимума, далѣе котораго нельзя идти. И бѣднякъ, подталкиваемый безвыходною нуждою и предстоящими для него неприятностями, неминуемыми въ случаѣ неуплаты податей, соглашается на все ихъ условія. Нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ лица, задающія имъ деньги, и не выясняютъ своихъ условій — „послѣ-де сочтемся“ — даже потомъ уже ничѣмъ не ограничиваютъ своего произвола. Конечно, крестьяне всегда-бы могли встрѣчать и даже, по смыслу существующихъ законоположеній, должны были-бы находить охраненіе своихъ интересовъ въ лицѣ стоящихъ надъ ними волостныхъ начальниковъ — людей, избираемыхъ изъ ихъ же среды, ближе всѣхъ знакомыхъ съ ихъ жизнью, со всѣми условіями, стѣсняющими или благопріятствующими благосостоянію ихъ; но рѣдкій волостной начальникъ соотвѣтствуетъ своему назначенію, не потому, чтобы въ народѣ не находилось людей, ода-

репныхъ умомъ, яснымъ пониманіемъ дѣла, энергіей, необходимою для борьбы съ существующими злоупотребленіями, — нѣтъ: подобныхъ людей много въ средѣ нашего народа, но они всегда остаются въ тѣни, наперекоръ желанію большинства, указывающаго на нихъ. Вотъ почему вопросъ о выборѣ старшины, о честности и нравственныхъ качествахъ его составляетъ такое важное явленіе въ быту крестьянъ.

Въ числу такихъ излюбленныхъ народомъ личностей принадлежалъ крестьянинъ деревни Бурановой, Егоръ Семеновичъ Бычковъ. Никто не обладалъ такимъ здравымъ пониманіемъ дѣла, какъ онъ, соединеннымъ съ твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ, энергіей, незнающей препятствій. Онъ казался страшнѣе своимъ вліяніемъ на народъ не однимъ міроѣдамъ, видѣвшимъ въ немъ непреодолимую, неподкупную оппозицію, но и мировому посреднику, которому онъ казался человѣкомъ крайне-неподатливымъ. Егоръ Семеновичъ былъ человѣкъ небогатый, — правда, онъ имѣлъ обширную пасеку и пользовался репутаціей опытнаго пчеловода, имѣлъ необходимый для веденія обширнаго хозяйства скотъ, но ограничивался тѣмъ посредственнымъ достаткомъ, какой дается въ быту крестьянъ неутомимымъ, усиленнымъ трудомъ. Ему было болѣе пятидесяти лѣтъ; старшему сыну его шель уже двадцать третій годъ; но, несмотря на такіе, повидимому, преклонныя лѣта, въ немъ много сохранилось и свѣжести, и мужественной красоты. Казалось, ни тяжелая трудовая жизнь, ни время не производили разрушительнаго вліянія на могучій организмъ его. А могучъ былъ этотъ организмъ! И громадный ростъ, и соответствующая ему физическая сила вошли въ к...омъ округѣ въ пословицу. Въ народѣ называли его „медвѣжьимъ пугаломъ“, съ тѣхъ поръ, какъ, подкарауливъ у своей пасеки медвѣдя, онъ, безоружный, кинулся въ погоню за нимъ. Въ наружности его было странное свойство наводить робость, но робость, вытекавшую не изъ страха, а изъ уваженія, изъ инстинктивнаго сознанія богатства внутренней своей силы надъ нимъ. Старый и малый, при встрѣчѣ съ нимъ, снимали шапки и кланялись, и начальствующія лица, при разговорѣ съ Егоромъ Семеновичемъ, невольно понижали тонъ изъ повелительнаго въ ласкающій. Они боялись его, боялись большихъ черныхъ глазъ, съ свѣтившимся въ нихъ лукавымъ юморомъ, см-

трѣвшихъ смѣло, гордо и, казалось, заглядывавшихъ въ душу, читая въ ней самыя сокровенныя мысли. Полное, смуглое лицо его дышало крѣпостью и здоровьемъ; высокій, съ характерными выпуклостями лобъ, широкій въ вискахъ, оттѣненный черными прямыми волосами, дополнялъ общее впечатлѣніе, говорившее о сильномъ, прямомъ характерѣ, о саркастическомъ умѣ, чаще всего встрѣчающемся у русскихъ простолюдиновъ, такъ что трудно рѣшить, составляетъ-ли этотъ сарказмъ свойство русскаго человѣка или развивается въ немъ подъ вліяніемъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя сопровождаютъ его незавидную долю. Егоръ Семеновичъ постоянно улыбался и улыбка его оставляла каждаго въ напряженномъ ожиданіи ѣдкаго словца. Онъ много умѣлъ говорить своей улыбкой и люди, стоявшіе несравненно выше его по своему развитію, при видѣ этой улыбки невольно взвѣшивали свое слово, свою мысль прежде, чѣмъ высказать ее передъ этимъ простымъ, неграмотнымъ человѣкомъ. Даже въ чертахъ лица его, въ голосѣ, въ манерѣ, обращеніи съ людьми, какъ и въ улыбкѣ, проглядывало что-то ѣдкое и въ то-же время сухое, отчего и самая личность его казалась на первыхъ порахъ не симпатичной. Въ немъ не было и тѣни привлекательнаго добродушія, — удѣла чаще всего натуръ слабыхъ и безхарактерныхъ; къ нему никто не рѣшался обратиться за помощью, хотя были случаи, что людямъ, впавшимъ въ бѣдность по несчастію, онъ помогалъ, не ожидая ихъ просьбъ, нерѣдко удѣляя даже рой пчель на разживу, вопреки предразсудкамъ, существующимъ у пчеловодовъ *). Но не отталкивала отъ него окружающихъ эта черствость обращенія съ ними, а напротивъ, привлекала ихъ къ нему. Не эта-ли скрытая въ немъ сила и побуждала все слабое и униженное искать въ немъ опоры для себя, выдвигать его изъ своей среды, какъ надежную защиту своихъ интересовъ и нуждъ.

Само собою, что подобная личность не могла не обратить на

*) Отдача роя пчель, по мнѣнію пчеловода, ведетъ за собою разоренье, а именно: пчелы перестанутъ водиться и перейдутъ всѣ къ тому, кому отданъ рой. Также точно ни одна домовитая хозяйка-простолюдинка не отдастъ гнѣзда отъ домашняго укуса, по той-же причинѣ, что укусъ непременно испортится, не будетъ болѣе водиться въ домѣ. Ни одна изъ нихъ не дастъ и остатка „опары“, на которой замѣшиваются хлѣбы, иначе хлѣбы скиснутъ и выйдутъ неукладные, съ закаломъ подъ верхней и нижней коркой.

себя враждебнаго вниманія лицъ, возводящихъ въ принципъ безмолвную покорность крестьянъ къ ихъ несправедливостямъ. Еще до введенія мировыхъ учреждений, когда Алтай находился въ безусловномъ завѣдываніи горнаго вѣдомства, Егоръ Семеновичъ терпѣлъ гоненія отъ мѣстнаго начальства за то, что отъ имени крестьянъ подалъ просьбу, въ которой были выведены всѣ злоупотребленія частныхъ управителей, урядниковъ, нарядчиковъ и распредѣлителей работъ и подрядчиковъ, бравшихся за крестьянъ доставлять на заводы уголь и другіе матеріалы и разорявшихъ край. Какъ и слѣдовало ожидать, своимъ усиленнымъ, энергичнымъ ходатайствомъ Егоръ Семеновичъ, не принеся пользы и облегченія крестьянамъ, навлекъ на себя гоненіе, которое, по всей вѣроятности, кончилось-бы для него весьма дурно, еслибъ подоспѣвшая реформа не спасла лично его и не сняла этого гнета съ крестьянъ. Народъ ожилъ и въ первый разъ вздохнулъ свободно, въ надеждѣ на лучшее будущее. Но отъ дурнаго примѣненія и выбора лицъ прекрасная сама по себѣ и много обѣщающая реформа теряла отчасти свое обновляющее значеніе.

Въ людяхъ съ характеромъ Егора Семеновича часто вмѣстѣ съ практической, житейской положительностью соединяется несомнѣнная съ нею поэтическая экзальтація, дѣйствующая въ нихъ наперекоръ тому, что диктуетъ имъ ихъ-же собственный жизненный опытъ. Они хорошо, на примѣръ, сознаютъ истину, что плетью обуха не перешибешь, и все-таки бьютъ по обуху, не замѣчая, что наносимые ими удары, въ силу отраженія, падаютъ на нихъ-же съ двойною силою. Но таково ихъ свойство души! Они всецѣло отдаются своему дѣлу, не останавливаясь ни передъ чѣмъ и не щадя себя; въ нихъ много неискоренимой вѣры въ правду и они доискиваются ея всѣми путями, они незнакомы съ разочарованіемъ, хотя жизнь на каждомъ шагу наталкиваетъ ихъ на него, и когда передъ ними закрываются всѣ пути, ведущіе къ ихъ цѣли, они пробиваютъ новые и все-таки идутъ, идутъ къ ней, пока не падутъ подъ бременемъ неравной борьбы. Съ первыхъ-же лѣтъ послѣ реформы Егоръ Семеновичъ вооружилъ противъ себя и новое волостное начальство, и писаря, и мирового посредника. Конечно, шедшая между ними борьба была мелочна, жалка по своимъ причинамъ

и результатамъ; но вѣдь и окружающая жизнь была также мелочна и жалка, а кто-же не знаетъ, что житейскія мелочи сильнѣе стѣсняють людей, чѣмъ великія, міровыя событія. Во главѣ всего крестьянскаго общества онъ первый поднялъ голосъ противъ поборовъ. Волостной старшина настоялъ, чтобъ каждый крестьянинъ обязательно доставилъ по лѣснѣ на домъ волостного писаря, особеннаго его любимца. Егоръ Семеновичъ на сходѣ заявилъ, что пусть старшина заплатитъ по полтора рубля съ лѣсины, работать-же даромъ на писаря, на ихъ-же наемника, у крестьянъ ни времени, ни лошадей нѣтъ. И писарь вынужденъ былъ закупить лѣсъ въ другой волости. Вскорѣ послѣ этого волостной старшина обложилъ каждого крестьянина-пчеловода обязательной доставкой полупуда меда на мирового посредника, и снова Егоръ Семеновичъ выдвинулся изъ толпы съ протестомъ, и общество, руководимое имъ, не дало меда, несмотря на всѣ настоянія и даже насилія волостныхъ. Слишкомъ-бы много и долго-бы пришлось перечислять подобныя факты и столкновенія, нерѣдко вызывавшіе въ крестьянской средѣ ропотъ. Мы не беремся описывать негодованіе мирового посредника, когда волостной писарь привезъ ему извѣстіе, что на мѣсто волостного старшины, отданнаго подъ судъ за намѣреніе скрыть убійство съ корыстною цѣлью, общій голосъ народа избираетъ Егора Семеновича, человѣка, такъ много нанесшаго ему чувствительныхъ уколовъ. Мы отчасти знаемъ, какъ смотрѣли на выборъ его богатые крестьяне, зная его умъ, непреклонную волю и честность, вошедшую въ такую-же пословицу, какъ ростъ и сила. Но что чувствовалъ писарь, это было-бы трудно и выразить, онъ чуть-ли не лучше всѣхъ зналъ, что былъ за человѣкъ Егоръ Семеновичъ и чего онъ долженъ былъ ожидать отъ него.

Недѣли черезъ двѣ послѣ разговора, происшедшаго между Данилой Ираклѣевичемъ и его кліентомъ, въ ворота двух-этажнаго каменнаго дома, единственнаго въ городѣ К., въѣхала телѣжка, запряженная паромъ рослыхъ гнѣдыхъ лошадей. Правившій ими пожилой крестьянинъ, одѣтый въ вуцый армякъ поверхъ овчин-

ной шубы, остановилъ ихъ у крыльца флигеля, стоявшаго посреди двора; сидѣвшій въ телѣжкѣ Данила Иракліевичъ, вынувъ зарытый въ сѣно холщевый мѣшокъ, лежавшій около объемистой бадьи, повидимому, съ медомъ, вылѣзъ изъ телѣжки и вошелъ съ мѣшкомъ въ рукахъ на крылечко флигеля. Дождь этотъ занималъ мировой посредникъ Клементій Ивановичъ Шлепфельдъ. Пока лавкей его, бойкій мальчикъ, съ наивнымъ лицомъ и вороватыми хватками, въ будни ходившій въ засаленномъ тиковомъ пиджакѣ и въ шароварахъ, запущенныхъ въ длинныя голенища стопанныхъ сапогъ, въ праздники же одѣваемый казачкомъ, побѣждалъ изъ флигеля, въ которомъ помѣщалась кухня и жилье для прислуги, доложить барину о пріѣздѣ Данилы Иракліевича, мы дозволимъ себѣ познакомить читателя съ личностью Клементія Ивановича. Ему было около сорока лѣтъ, росту онъ былъ выше средняго, стройный, съ пріятной полнотой въ лицѣ и фигурѣ, отличавшей здоровье и избытокъ силъ. Черты лица его были правильны и, можно-бы сказать, красивы, если-бы общаго впечатлѣнія производимаго ими, не портило выраженіе большихъ зеленыхъ глазъ и тонкихъ, постоянно сжатыхъ губъ, обрамленныхъ рыжими усами и окладистой бородой. Что-то злое и вмѣстѣ нахально насмѣшливое было розлито въ нихъ, невольно заставлявшее cadaго сторониться отъ него и быть осторожниѣе въ его присутствіи. И небольшое бюрократическое общество городка К. не только сторонилось отъ него, но и боялось его, отдавая ему дажь наружнаго почтенія, боялось его способности къ инсинуаціямъ, къ умѣнью сплетать всякую быль съ небылицей, и благодаря этой способности, Клементій Ивановичъ съ изумительнымъ тактомъ умѣлъ поставить себя во главѣ общества, принять надъ нимъ начальственный, повелительный видъ. Съ такимъ-же тактомъ онъ велъ и дѣла свои, не заводился благопріобрѣтеннымъ, не вступалъ, какъ сослуживцы его, ни въ какіе торговныя операціи и, громко возвышая свой голосъ противъ нихъ, рисовался на фонѣ заводимыхъ ими фермъ, домовъ и мельницъ своимъ сомнительнымъ безкорыстіемъ. Онъ никогда не рѣшался ѣздить одинъ въ свой участокъ, а всякій разъ приглашалъ съ собой исправника или засѣдателя для защиты своей особы отъ постоянно ожидаемыхъ непріятностей. Вниманіемъ его и лаской, выражавшейся въ насмѣшливо фамиллярномъ обращеніи, пользовались только богатые крестьяне; они имѣли къ нему сво-

бодный доступъ, онъ подавалъ имъ руку, останавливался всегда у нихъ во время своихъ разъѣздовъ по деревнямъ, не брезговалъ принимать на себя роль свата, устраивая браки своихъ писарей на ихъ дочеряхъ и помогалъ имъ своимъ вліяніемъ въ торговыхъ сдѣлкахъ. Ни въ одномъ участкѣ не было развито такого шпіонства, какъ у него, онъ зналъ всѣхъ своихъ враговъ изъ народа. Иногда самого ничтожнаго повода было достаточно для Клементія Ивановича, чтобы искоренять подобныхъ людей, ихъ позорили тѣлеснымъ наказаніемъ, отнимая тѣмъ возможность служить когда-либо по выборамъ и пользоваться незапятнанной репутаціей, садили въ волостныя тюрьмы и держали тамъ нерѣдко по нѣскольку мѣсяцевъ, приводя тѣмъ хозяйство ихъ въ упадокъ, или запутывали въ какія-нибудь дѣла, влекушія за собой содержанію въ острогѣ, пока бѣднякъ не догадывался наконецъ, и не выселялся въ другой округъ, спасая себя отъ худшей доли. Много возникало жалобъ со стороны крестьянъ на Клементія Ивановича, но всѣ онѣ не достигали своей цѣли, порождая въ народѣ грустное сознаніе о своей беззащитности.

При входѣ въ обширную залу, Данила Иракліевичъ засталъ Клементія Ивановича за его любимымъ занятіемъ бездѣльнаго хожденія изъ угла въ уголь съ руками, заложенными въ карманы домашняго пальто.

— А, Данила Иракліевичъ или, какъ крестьяне-то называютъ тебя, Еравычъ! любезно встрѣтилъ его Клементій Ивановичъ, подавъ ему руку, — ну, что новаго, а? спросилъ онъ, предложивъ ему сѣсть на стоявшій у порога стулъ.

— Много-бы новаго-то, Клемень Иванычъ, отвѣтилъ онъ, заворотивъ сначала сзади полы своего сюртука и потомъ бережно опустившись на стулъ. — Наша сторона такая: новинокъ, што мухъ, не оберешься! Не погнѣвись, Клемень Иванычъ, на гостинцахъ-то; рябковъ *) новѣ закупилъ парочно для тебя!

— Свѣжіе?

— Самые, новѣшняго убоя... неужъ тебѣ тухлыхъ привезу, ну да меду, чѣмъ богатъ, ужъ не погнѣвись, говорю!..

— Медь-то твой вѣдь я знаю... прелесть!

*) Рябчики.

— Ме-едъ, это точно... не поскучаю на Бога, тебѣ-жь я липоваго привезъ самой слезы!..

— Ну, ну, хорошо, спасибо!.. Попробуемъ, я твои меда люблю, противъ твоихъ едва-ли и въ уздѣ найдешь, а?! съ ироніей спросилъ онъ, задѣвая самую чувствительную струну его самолюбія.

— По-о-ощемъ!.. не безъ гордости отвѣтилъ Данила Иракліевичъ.— Лопнись я исправнику бадеечку даль... такъ онъ, а-ахъ будь ты грѣхъ!..

— Што-жь?.. — и Клементій Ивановичъ остановился противъ него въ вопросительной позѣ.

— Припрыгъ ажъ!..

— Съ радости?..

— Неужъ съ горя! Да зацѣпилъ это меду-то на пальцы, да съ пальцевъ-то такъ и лижетъ, такъ лизма и лижетъ, ну, и смѣ-ѣхъ-же!

Клементій Ивановичъ улыбнулся и молча посмотрѣлъ на него.

— А что, какъ твои дѣла идутъ? спросилъ онъ послѣ минутной паузы.

— Дѣла-то?.. Да какія-бы дѣла-то у меня, рази вотъ подрядъ-то?..

— Ну, подрядъ-то?..

— Орудую, слава тѣ, Господи!

— Много надѣнешся барыша запибить, а?

— Барыша-то?.. Да вѣдь какъ оно Господь дастъ, неузнано! Торговое-то дѣло, Клемень Иванычъ, потьма, гдѣ набредешь, а гдѣ и мимо пройдешь, все въ Божьей волѣ, да надоть-бы, по моему-то счету, тыщъ-бы десять взять!

— Одного барыша?..

— За труды-бы будто!

— Куда ты, Еракычъ, и съ деньгами-то это, а?.. снова съ той-же иронической улыбкой спросилъ онъ.

— Съ деньгами-то?.. съ улыбкой самодовольствія на лицѣ переспросилъ и Данило Иракліевичъ.

— Не лопни, смотри, съ насады...

— О-о... я-то будто...

— Тебя и то ужъ горой дуетъ! съ насмѣшкой прервалъ его Клементій Ивановичъ;— смотри, вѣдь скортукъ-то годъ тому назадъ

шилъ, а ужь онъ не сходится!.. произнесъ онъ, указывая на разстегнутый скюртугъ его, изъ-подъ котораго видѣлась бархатная, съ крупными алыми и синими цвѣтами жилетка.—Тебѣ-бы ходить больше нужно, продолжалъ онъ,—а ты все лежишь!

— Подъ меня и подъ лежачаго плыветъ! самодовольно отвѣтилъ онъ и, покачавъ головой, засмѣялся.—Ну и шутникъ-же ты, пра-аво шутникъ, куда, говоришь, съ деньгами, а?.. хе!.. Деньгамъ-то на бѣломъ свѣтѣ мѣсто найдется, скучать это нечего, а вотъ безъ денегъ-то, а-а-хъ... ху-удо!.. заключилъ онъ, покачавъ головой.

— Худо, Еракычъ, правда, вотъ какъ мое теперь дѣло!

— Неужь-ты безъ денегъ сидишь, а?.. Коль надоть, возьми-и, сочтется когда ни на на есть, свои люди-то!

— Я пошутилъ!.. Только тебя пощупать хотѣлъ, каковъ ты, добрый-ли?..

— Я добрый!.. ужь и щупать-то меня нечего... щупанный, што добрая курица за все съ яйцомъ!..

— Кѣмъ щупанъ-то, а?..

— Всѣмъ на немножку! Тоже вѣкъ-то не даромъ прожилъ! А коли и въ заболъ тебѣ, Клемень Ивановичъ, деньги надоть, такъ ты чего робѣшь, слава тѣ Господи, а тѣ за твою хлѣбъ-соль и за всюю милость...

— Отдай-ко вотъ гнѣдеа-то мнѣ, а?.. неожиданно прервалъ хозяинъ его монологъ.

— Гнѣдеа-а... какого это гнѣдеа?..

— Помнишь, что ты казалъ мнѣ съ бѣлой-то пятинкой на лбу!..

— Э-э-э... ка-акой ты... съ удивленіемъ протянулъ онъ,—ай-ай, буды мѣтнулъ хе-е... вѣдь энтотъ конь-то у меня тыща рублей.

— Ужь и тысяча!..

— Святъ Богъ!.. Безъ отиѣну говорю: тыща! Энтотъ конь-то кра-а-аса!

— Красивъ-то красивъ, правда! Только вѣдь и ты ужь хватилъ, братъ, тысячу рублей, легко сказать... и триста-то за глаза, а триста и даль-бы!.. произнесъ онъ, пытливо посмотрѣвъ на него...

— О-охъ-хо-хо-о... Ну, Клемень Ивановичъ, и легка-жь, братъ, у тебя рука коней покупать!.. съ усмѣшкой отвѣтилъ онъ.

— А что?..

— Ничаво... я въ слову говорю...

— Что-жь... мало, что-ли... иль много по твоему, а?..

— Ужь такъ надоть сказать, што ты совѣмъ это зря говоришь, необдумавши, обидчиво произнесъ онъ. — Триста рублей, эка штука: за экого коня да триста рублей, а?.. Да я тѣ за триста рублей, што ись, и пѣгаго не отдамъ, а пѣгой, сказать тебѣ, супротивъ гнѣдка, што ворона супротивъ сокола и ей-Богу, экой конь, да триста рублей, а?..

— Что-жь онъ у тебя, особенность какая, что-ли?.. насмѣшливо подстрекнулъ его Клементій Ивановичъ.

— Особенность!

— Какая-же?..

— А такъ, въ масть! Да касательно чего не возьми, во всежь особенность, хоша-бы вотъ плевое дѣло хвостъ, и то, ей-Богу, што пухъ! То-ись у этого коня чего ты не возьми.... а-а-ахъ ты, братецъ, да и говоришь-то... вѣдь энтотъ конь...

— Ну что-жь, конь какъ конь! насмѣшливо прервалъ Клементій Ивановичъ.

— О-обчелся!.. Энтотъ конь... а-а-ахъ, да не вводи ты меня...

И, вставъ со стула, онъ вышелъ въ переднюю и, высморкавшись при помощи пальцевъ, досталъ изъ кармана клѣтчатыи платокъ и вытеръ имъ носъ и пальцы. — Право, грѣхотворникъ, шутливо-заискивающимъ тономъ произнесъ онъ, возвращаясь въ залу. — За экого коня триста рублей, а?.. Ужь лучше даромъ отдамъ его, чѣмъ триста рублей возьму, пра-аво!

— И триста рублей деньги!

— Не видывалъ я денегъ, што-ли... да мнѣ и тыща-то, то-ись, тѣфу-у... не токмо триста! А ужъ триста рублей за экого коня за одинъ конфузъ не возьму, ей-Богу, владай ужъ лучше даромъ.

— Я не хочу даромъ!

— О-о! Штожь такъ, отъ меня-то можно-бы!

— А что-же ты такое, что отъ другихъ нельзя, а отъ тебя можно, а?.. Развѣ тоже особенность какая?

— Ну, Клемень Ивановичъ, скажу я тебѣ на эфто такое слово, што другого такого Данилу Еракича, ты свѣтъ изойди, не сыщешь! самоувѣренно произнесъ онъ.

— Это правда! насмѣшливо отвѣтилъ тотъ.

— И-и-и, вѣрно говорю, не сыщешь! Потому, я скажу, чело-
вѣкъ братецъ ты мой!

— Съ головы до пятъ вижу!

— Вѣрно!

— И слава Богу!

— И это ты въ точности его многомилосливаго долженъ за
все молить! Его окошъ превознесенъ, и ей-Богу!.. Ну, а ужъ
будто што поспорили, расквилилъ вотъ ты меня, владай гнѣд-
комъ!—И, взявъ полу сюртука въ руку, онъ подалъ ее ему.

— Ты что-жъ это и въ самомъ дѣлѣ даришь?.. съ удивле-
ніемъ, въ свою очередь, спросилъ его Клементій Ивановичъ.

— Дарствую!

— Полно... полно, вѣдь я пошутить!

— Бери, коль дають!

— Ты, Еракичъ, сдурѣлъ никакъ?

— И дуръ да моя! А коли дають, бери, а то осержусь.

— Посердись... ну, ну... погляжу я, каковъ ты въ сердцѣ-то?

— Бѣ-ѣдовный! Крутой я, Клемень Ивановичъ, человѣкъ, такъ
тебѣ скажу! Вотъ ты хоша и посредственникъ, начальство, а
уважилъ ты меня лаской и я тебѣ... то ись вотъ... въ лучшемъ
видѣ все предоставлю! Денегъ-ли, коня-ли по моему богатству не
постою те ись... тѣфу... вотъ какъ ей-Богу!.. только уважь ты
меня, хоша я вотъ и мужикъ, а уважь, потому мнѣ уваженье
дорого... и я за все за это...

— Какъ-же тебя уважить-то, Еракичъ, если я гнѣдеа возъ-
му, а?..

— Сдѣлай только по-моему!

— Что-жъ тебѣ сдѣлать-то: на божничеу тебя посадить, а?..

— Нѣтъ, ты меня въ свое мѣсто не сади.

— Боишься упасть, а?..

— Энтимъ, братъ, мѣстомъ грѣхъ глумить, Клемень Иванычъ,
грѣ-ѣхъ, а ты вотъ только не сади намъ въ старшины Бычкова
Егора.

— То-олько!.. Ну, а если посажу, тогда ты и гнѣдеа отбе-
решь, а?

— Гнѣдеа-то!.. Вотъ ты мнѣ задачу-то задалъ, а?.. шутливо
произнесъ онъ, почесавъ въ затылкѣ.

— Што-жь: говори, отберешь или нѣтъ!..

— По-одумаю... постой!..

— Ну... ну, утѣшься... не ломай напрасно головы; пригодится еще... насмѣшливо началъ онъ;—такъ и быть, уважу тебя... не бойся, не сядетъ онъ въ старшины, будь покоенъ: или ужь меня не будетъ, или Вычкова, понялъ?.. спросилъ онъ, остановившись противъ него.

— Это-то я вотъ понялъ! За эфто спа-асибо, а то съѣсть онъ насъ!

— Развѣ вы боитесь его, а?..

— Властный онъ мужикъ-то, Клемень Иванычъ, и небогатый-бы, а гляди-жь, какую силу имѣеть, въ пору што съ тыщами человекъ, любить его мужики-то!

— Гм... ну, а что-жь-бы онъ могъ тебѣ, напримѣръ, сдѣлать, если-бъ старшиной былъ, вѣдь ты его не боишься, а?..

— Не боюсь... я... я... не боюсь!..

— Такъ чѣмъ-же онъ съѣлъ-бы тебя, а?

— А съѣлъ-бы!.. Онъ, Клемень Иванычъ, всякую-бы торговлю нашу съѣлъ! Вѣдь онъ, послушай-ко, чего разводитъ: я, говоритъ, этихъ хлѣбныхъ скупщиковъ-то, што мѣръ зорать, не пушшу въ народъ-то наживатьъ на его слезы...

— А-а... такъ онъ ужь и порядки новые думаетъ заводить? съ нервной дрожью въ голосѣ спросилъ Клементій Ивановичъ.

— Заводитъ! А заводы-то его, Клемень Иванычъ, не скоро расхлебашь... не такой онъ! Ослобони ужь ты насъ отъ него, сдѣлай милость, а тутъ такія дѣла пойдутъ, што и не оберешься! Уважь ты насъ ужь, хочу я тѣ въ ноги повлдониться, посади ты въ старшины-то намъ Трофима Шебалина, ду-ушевный мужикъ-то и тебѣ-то служить-то съ нимъ по-овадно-бы было!

— Шебалинъ... это... это што у тебя-то?

— Его самого!..

— Гм!.. И Клементій Ивановичъ учиненно зашагалъ по залѣ, навивая на пальцы свою бородку,—обыкновенный жестъ доказывавшій его раздумье.—Я знаю его! заговорилъ наконецъ онъ,—онъ важетса, толковый мужикъ-то, а съ народомъ-то каково онъ живетъ, а?..

— О-обходительный мужикъ, скажу тебѣ!

— Ума много надо старшиной-то служить, Еракичъ!

— И энтаго ему не занимать!.. Таперя посмотри, какую онъ торговлю ведетъ, хоша-бы и у меня дѣлами орудуешь, безъ ума не наорудуешь?

— Правда!

— У него ума, безъ лихвы скажу, Клемень Иванычъ, па-алата! И изъ твоей-то воли онъ не выйдетъ: ужъ я, говорить, за Клемена Иваныча душу положу; ужъ изъ-за него ты за все-бы за волость-то сповойнымъ духомъ былъ, ей-Богу; ужъ я тебѣ худа не пожелаю, гѣрь!

Клементій Ивановичъ продолжалъ ходить все въ томъ-же раздумьи.

— Уважь ты меня, сле-езница это моя предъ тобой!.. А мужиковъ-то мы подладимъ, Егора-то спишемъ съ ихъ совѣсти и тебѣ-то покойно будетъ; а то съ Егоромъ-то, Клемень Иванычъ, мно-о-ого тебѣ возни будетъ; мужикъ съ поровомъ, а энтотъ Трофимъ-то совсѣмъ особъ статья, энтотъ изъ твоей воли и за тыщи не выйдетъ, ей-Богу, и намъ-то рука-а-бы!..

— А знаешь ты, что я и самъ на него мѣтилъ, а?..

— О-о-о!.. съ радостнымъ удивленіемъ протянулъ онъ, — вотъ это ужъ ты уважилъ меня!..

— И другого гнѣдка не пожалѣешь, а?

— Ну... оно того... пока и одного будетъ, Клемень Иванычъ! пугливо отвѣтилъ онъ.

— А ты-же сказалъ, что за уваженъе все отдашь, а?..

— На-а-акладно ужъ все-то! Вѣдь энтотъ конь-то, сказать тебѣ, и-и-и одинъ чего стоитъ!

— Это ужъ я слышалъ!

— То-то, конь, и въ губерніи, братъ, рты-бы разинули... и въ упряжи-то идетъ, а-а-ахъ ты, мать моя... вра-аса!

— Спасибо, спасибо!.. Теперь ужъ я твой должникъ!

— Со-о-очтемся!.. А конь, другъ, и-ну... только тебѣ одному и пожертвовалъ, а другому-бы, то-исъ, и рукъ полой марать не сталъ, ей-Богу! Такъ ужъ это што-жъ, Клемень Иванычъ, выходитъ: о Трофимѣ-то порѣшонное дѣло, а?..

— Подготовьте народъ!.. Подлецы вѣдь!

— Унастуетъ-емъ!.. Противъ меня мужики-то! Отець вѣдь я имъ!..

— Скажи имъ, что, если они будутъ за Бычкова стоять, то...

ну, да объ этомъ послѣ... да пошли ко мнѣ писаря, какъ поѣдешь!..

Данила Иракліевичъ всталъ и пошарилъ около себя на стулѣ, ища шапку.

— Ты куда... седи, чаю съ твоимъ медомъ отвѣдаемъ, посмотрижъ, какого-ты привезъ, можетъ быть, говоришь только липоваго, а онъ и дрянъ!

— Это мой-то медъ-бы, а?.. ну, нѣ-ѣтъ это ты, Клемень Иванычъ, только зря языкъ чешешь, ей-Богу, шу-утникъ ты! Ужъ посижу-же вотъ, хоша-бы ѣхать и надо, а погляжу, какъ ты ухлебывать начнешь его, дрянной-то медъ!..

Поздно вечеромъ изъ воротъ дома Клементія Ивановича выѣхала та-же телѣжка, сопровождаемая всей дворней его, которой подгулявшій нѣсколько Данила Иракліевичъ пожертвовалъ отъ щедротъ своихъ три рубля.

Н. Наумовъ.

(Продолженіе будетъ.)

СТАРЫЙ ЗНАМЕНЩИКЪ.

(Изъ А. Петѣфи.)

Трусливый нашъ недругъ въ смятеньи
Бѣжитъ подь побѣдный нашъ крикъ,
Бѣжитъ передь знаменемъ нашимъ,
Которое держитъ старикъ.

Кто-жь онъ—этотъ старый знаменщикъ,
Съ душою, какъ встарь, молодой?
Горжусь я, о немъ вспоминая,—
Старикъ тотъ—отецъ мой сѣдой.

Отецъ мой нашъ старый знаменщикъ.
„Отчизна въ бѣдѣ!“—этотъ звукъ
Услышавъ, онъ взялся за знамя,
Забывъ свой костыль и недугъ.

Забылъ онъ полвѣка страданій,
Годины нужды и невзгодъ,
И душу и тѣло,—и рядомъ
Старикъ съ молодежью идетъ.

Недавно къ столу отъ постели
Онъ могъ дотащиться съ трудомъ,—
Теперь онъ, какъ юноша, бодрый
Упорно слѣдитъ за врагомъ.

Не думалъ онъ въ битвѣ кровавой
Богатства свои защищать,—
Онъ нищій, а вражеской силѣ
У нищаго нечего взять.

.
.
.
.

Родной мой, любимый, донинѣ
Гордился ты сыномъ своимъ,—
Но время настало иное:
Я славенъ тобою однимъ.

Вѣнецъ заслужилъ ты со славой!
О, еслибы свидѣться намъ,
Я руку, посвящую знамя,
Прижалъ-бы въ восторгѣ къ устамъ.

Но если тебя я не встрѣчу,—
Я славу увижу твою
И, словно россою, слезами
Могилу твою окроплю.

А. Ш.

КРОШКА ГОДЖЪ.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ РАЗСКАЗЪ

ЭДВАРДА ДЖЕНКИНСА.

Автора „Джинкоова Младенца“.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ СОЮЗЪ И ВНѢ ЕГО.

I.

Вопросъ жизни и смерти.

— Три фунта пять съ половиною унцовъ, сказалъ поваръ приходскаго союза для бѣдныхъ, бросая пол-унца на одну изъ чашекъ вѣсовъ для равновѣсія.

На другой оловянной чашкѣ лежалъ завернутый въ бѣлую салфетку наименьшій образецъ человѣческой породы, когда-либо появившійся на свѣтъ.

— Ну, произнесъ докторъ, — я никогда не видалъ такого маленькаго ребенка. Не стоило бѣдной женщинѣ изъ-за этого и страдать.

— Гм! замѣтилъ мистеръ Ми, смотритель союза, — этотъ народъ никогда не думаетъ, сколько заботъ и расходовъ онъ причиняетъ союзу, рожая дѣтей. Станный, право, сочинили законъ, чтобы кормить и воспитывать нищенское отродье.

— Бѣдное созданіе! сказала сидѣлка, снимая маленькое, живое существо съ чашки вѣсовъ, которые были нарочно принесены изъ кухни для опредѣленія его удѣльнаго вѣса; — какое малень

кое тѣло, негдѣ и жизни-то пріютиться. Его легкія, вѣрно, не больше зернышка, не такъ-ли докторъ?

— Этотъ ребенокъ, отвѣчалъ медикъ, — не останавливаясь на невѣжественномъ понятіи сидѣлки о сравнительной анатоміи и указывая на красный кусокъ мяса, который сидѣлка завертывала въ салфетку, — очень золотушень и въ головѣ у него вода; не даромъ голова такъ велика и вѣситъ почти то-же, что все остальное тѣло. Я никогда не видывалъ живого существа съ такими ногами и руками. Онѣ годились-бы любому жуку. Въ Спартѣ немедленно утопили-бы такого щенка, а живи вы, мистриссъ Гуссетъ, среди индѣйскихъ племенъ Сѣверной Америки, то вамъ пришлось-бы, увидавъ такую ошибку природы, прижать пальцами дыхательное горло этого маленькаго чудовища и тѣмъ спасти племя отъ лишней обузы.

Въ эту минуту глухой стонъ прервалъ разговоръ, происходившій въ приемномъ покоѣ кодльтонскаго приходскаго союза въ Руссетширѣ. Стонъ раздался съ кровати, на которой лежала мистрисъ Годжъ, жена Джона Годжа изъ Ганверлея, которая явилась сюда родить въ восьмой и послѣдній разъ на счетъ прихода. Она только-что произвела на свѣтъ рѣдкую дивовину, вызвавшую глубокія историческія и социальныя размышленія доктора.

— Бѣдное созданіе! ей недолго прожить, сказала мистрисъ Гуссетъ, поспѣшно подходя къ кровати.

Она нѣжно наклонилась къ больной и ласково спросила, что ей нужно; но, вмѣсто отвѣта, больная съ неожиданной энергіей схватила маленькое живое существо, лежавшее на ея рукѣ и, прижавъ его къ своей груди, залилась горькими слезами. По ея блѣднымъ, изнуреннымъ нищетою щекамъ неудержимо лился слезный потокъ и въ этой купели материнской любви окрещена была молодая жизнь, грустно, печально являвшаяся на свѣтъ. Изумленная сидѣлка старалась успокоить больную и взять назадъ ребенка, но она все крѣпче и крѣпче прижимала его къ себѣ. Наконецъ, все это заняло не болѣе минуты, слезы изсякли, порывистое дыханіе пресѣклось и ребенокъ выпалъ изъ судорожно сжатыхъ рукъ. Приходскій союзъ сдѣлалъ все, что могъ для живой мистрисъ Годжъ; для мертвой не нужно было ничего, кромѣ могилы.

Сидѣлка невольно вскрикнула; докторъ подошелъ и взялъ руку умершей, но тотчасъ ее опустилъ.

— Я этого ожидалъ, сказалъ онъ холодно:— у нея почти не оставалось крови. Кровообращеніе совершенно прекратилось. Она вѣчно жила, вѣрно, на капустѣ, рѣпѣ и моркови, безъ малѣйшей питательной пищи. Я удивляюсь, какъ этотъ народъ имѣетъ еще дѣтей.

— Однако, они родятъ безъ счета, замѣтилъ мистеръ Ми;— и еще приходятъ родить сюда. Этотъ союзъ несчастный. Теперь ребенка придется вскормить на рожкѣ и, конечно, отецъ возложить это на насъ.

— Мать не могла-бы его сама вскормить, сказала м-съ Гусеть, держа въ одной рукѣ ребенка, а другою сдернувъ простыню, указала на блѣдно-синеватую, изсохшую отъ тридцати-пятилѣтнихъ трудовъ и нищеты бездыханную грудь умершей женщины;— хорошо, что она умерла, бѣдная!

Сидѣлка почтительно покрыла мертвое тѣло и отвернулась съ ребенкомъ отъ преждевременной могилы всѣхъ его надеждъ.

— Подождите, я запишу въ книгу, произнесъ докторъ:— не нужно никакого слѣдствія, не правда-ли, м-ръ Ми? Смерть произошла отъ истощенія силъ послѣ родовъ. Знаете что, м-съ Гусеть, попробуйте отдать ребенка молодой дѣвушкѣ, которую вчера прислали изъ замка. Она довольно здорова для двухъ дѣтей. Нечего сказать, грустный канунъ Рождества. Впрочемъ, желаю вамъ обоямъ веселыхъ праздниковъ. Прощайте.

II.

Напрасное горе.

На слѣдующее утро Джонъ Годжъ съ помощью тринадцатилѣтней дочери одѣлъ своихъ остальныхъ дѣтей, приготовилъ имъ похлебку изъ большого количества воды, небольшой дозы хлѣба, капусты и маленькаго, не болѣе вершка, кусочка ветчины, и потомъ отправился въ пріемный покой приходскаго союза узнать о здоровьѣ своей жены.

Привратникъ грустно взглянулъ на него, зная, что за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ принесли гробъ для его жены.

— Съ праздникомъ, сказала Джонъ Годжъ.

— Сегодня грустный день для васъ, отвѣчалъ привратникъ;— идите въ комнату зрителя.

— Такъ ребенокъ родился?

Привратникъ молча кивнулъ головою.

— Родился мертвый? продолжалъ Джонъ Годжъ, не подозрѣвая о случившемся;— ну, трудно ихъ теперь вскармливать. У ней бѣдной и безъ того много труда и заботы. Но я знаю, она будетъ сильно горевать.

— Гм! возразилъ привратникъ, — ребенокъ-то здоровъ, хотя, говорятъ, никогда не рождалось на свѣтъ такого крошки.

— Ребенокъ здоровъ, а сегодня грустный для меня день, провинность Джонъ, припоминая первыя слова привратника и внезапно постигая ихъ смыслъ;— такъ, значить, не ладно съ Мэри?

Привратникъ опять молча кивнулъ головою.

— О, она поправится! продолжалъ Джонъ, съ увѣренностью;— она и прежде бывала очень больна, но всегда поправлялась. Она сильнѣе, чѣмъ кажется, моя Мэри.

— Она никогда не поправится, Джонъ, сказала привратникъ нѣжно, но твердо.

— Что! воскликнулъ Джонъ и слезы мгновенно брызнули изъ его глазъ. — Что, моя Мэри умерла? Вы говорите, Томасъ, что Мэри умерла? Это невозможно! Невозможно!

Джонъ Годжъ былъ пораженъ, уничтоженъ. У него какъ будто оборвалась послѣдняя опора подъ ногами. Не стало соучастницы его низкаго заговора противъ общественнаго благосостоянія и экономическаго закона; подруга его тяжелой, адской жизни оставила теперь его одного съ одинадцатью дѣтьми—плодомъ ихъ обоюдной глупости и преступнаго легкомыслія. Уста, уничтожавшія часть его скуднаго заработка, — хотя, видитъ Богъ, эта часть была самая незначительная и самая послѣдняя, — были теперь на вѣки закрыты. Зачѣмъ-же Джонъ Годжъ предавался тяжелому горю въ сѣняхъ кодльтонскаго приходскаго союза, при извѣстии, что его Мэри умерла!

Наревѣвшись вдоволь надъ скромнымъ гробомъ, совѣщавшимъ въ себѣ все, что оставалось отъ его жены, онъ прошелъ въ другую комнату, гдѣ его птенецъ всасывалъ въ себя жизнь изъ полной, здоровой груди молодой дѣвушки, съ которой случилось несчастье въ замкѣ.

— Господи, какой маленькій! восхликнулъ онъ, увидавъ сквозь туманную дымку слезъ миниатюрное созданіе; — у него силъ не хватить и жпть!

На минуту горе Годжа какъ-бы ступевалось передъ уморительнымъ фактомъ, что онъ былъ отцомъ самого маленькаго ребенка въ свѣтъ.

III.

Достатокъ.

Крошка Годжъ оставался впродолженіи недѣли на попеченіи бѣдной дѣвушки, прогнанной изъ замка. Благодаря своимъ миниатюрнымъ размѣрамъ, онъ требовалъ немного пищи и казался отъ природы довольно тихимъ. Во всякомъ случаѣ его крики не могли достигнуть далеко. Если-бы общество и приходъ оставили его тамъ, гдѣ онъ случайно очутился, то была-бы достигнута идеальная цѣль консервативной политики, именно онъ выросъ-бы спокойно и сдѣлался-бы обыкновеннымъ человекомъ, неимѣющимъ никакой исторіи. Но печать завладѣла имъ; а когда печать завладѣваетъ ребенкомъ или человекомъ, то для этого ребенка или человека на вѣки пропадаетъ всякое спокойствіе. Никто тогда не скажетъ, будетъ-ли въ состояніи этотъ ребенокъ или человекъ когда-нибудь успокоиться въ лонѣ забвенія и неизвѣстности? Въ мѣстной газетѣ появилось извѣстіе, что въ Кодльтонскомъ приходскомъ союзѣ родился самый маленькій ребенокъ въ свѣтъ. Конечно, это извѣстіе перешло въ столичныя газеты и такимъ образомъ, достигло Америки, Австраліи и Сандвичевыхъ острововъ. Безъ всякихъ усилій съ своей стороны крошка Годжъ приобрѣлъ славу. Многие посѣтители явились въ Кодльтонъ, именно: доктора, анатома, естествоиспытатели и два социальныхъ философа. Они пришли всѣ къ тому заключенію, что онъ былъ очень маленькаго роста и не могъ долго жить. Одинъ джентльменъ, извѣстный своимъ участіемъ въ различныхъ выставкахъ, рѣшился извлечь изъ этой диковины пользу для всѣхъ. Онъ просилъ, общая хорошее вознагражденіе, чтобы послѣ смерти крошки Годжа, смотритель заведенія вложилъ-бы его старательно въ банку со спиртомъ и прислалъ-бы въ западно-поктинскій музей. Такимъ образомъ крош-

въ Годжу выпала-бы на долю счастливая судьба, сидя въ этой банѣ, способствовать успѣхамъ просвѣщенія народныхъ массъ. Принесла-ли-бы его смерть такую-же пользу, какъ принесла его жизнь, — это вопросъ. Между-тѣмъ, иѣстная его популярность была громадна. Сквайръ съ женою и дѣтьми и другіе сосѣдніе аристократы посѣтили его, предсказывая этому малюткѣ такую-же успѣшную карьеру, какую сдѣлалъ Томъ Пусъ.

Замѣчательно, какой интересъ возбуждаетъ въ насъ физическое уродство, тогда какъ самыя чудовищныя явленія, нравственныя и социальныя, оставляютъ насъ холодными зрителями. Ни ученые, ни сквайръ, ни пасторъ, ни судья не признали въ этомъ ребенкѣ признаковъ вырожденія класса, который доставляетъ намъ всѣ необходимыя предметы жизни. Какъ часто мы предпочитаемъ смотрѣть на стекло, вмѣсто того, чтобъ смотрѣть черезъ него; какъ часто мы съ любопытствомъ изслѣдуемъ конкретный фактъ и забываемъ отвлеченные принципы, лежащіе въ его основѣ. Еслибы мы глядѣли въ микроскопъ на многіе факты, черезъ которые скользятъ нашъ взглядъ, не сознавая настоящаго ихъ значенія, то развѣ мы могли-бы по совѣсти дозволить дальнѣйшее существованіе этихъ фактовъ.

Но еще другая власть, ближе касавшаяся крошки Годжа, обратила на него свое вниманіе; это былъ приходъ, въ рукахъ котораго находилась его судьба во волѣ провидѣнія и англійскихъ законовъ. Его отецъ, Джонъ Годжъ, былъ земледѣлецъ у сосѣдняго фермера, который, не смотря на свою грубую одежду и грубыя манеры, назывался джентльменомъ-фермеромъ. Джонъ Годжъ получалъ въ недѣлю девять шиллинговъ, рыночную цѣну въ той мѣстности; кромѣ того онъ имѣлъ бесплатное жилище, которое я впоследствии опишу. Передъ этой хижиной находился уголокъ земли въ тридцать футовъ длины и шестнадцать ширины, на которомъ трудами покойной мистриссъ Годжъ весною зеленѣлъ горохъ, а осенью виднѣлись картофель и капуста.

Все это, однако, не истощало достатковъ Годжа. Во время жатвы мистеръ Джали, — такъ звали джентльмена-фермера, — давалъ каждому изъ своихъ рабочихъ награду въ тридцать шиллинговъ, увеличивая такимъ образомъ общій ихъ годовой доходъ до 24 ф. 18 ш. Во время уборки хлѣба и молотбы они получали ежедневно по кружкѣ слабаго, домашняго пива, которое самъ фер-

меръ всегда пробоваль на полѣ для доказательства его отличнаго качества; онъ легко выносилъ этотъ напитокъ, но полуголодные желудки рабочихъ не всегда съ нимъ мирились. Семейство Годжа имѣло также свою долю въ ежегодномъ сборѣ колосьевъ послѣ жатвы, служившемъ значительнымъ прибавленіемъ къ запасу продовольствія. На Рождествѣ семейство каждаго рабочаго получало отъ сквайра кусокъ говядины, мѣшокъ картофеля и пол-тонн угля, а отъ прихода двѣ простыни. Второй сынъ Годжа получаль по два шиллинга въ недѣлю въ продолженіи полутора или двухъ мѣсяцевъ въ году, за работу на полѣ.

Итакъ, мы можемъ опредѣлить слѣдующимъ образомъ всѣ доходы семейства Джона Годжа, состоявшаго изъ двухъ взрослыхъ людей и десяти дѣтей, не принимая въ расчетъ крошки Годжа:

Деньгами:

	ф. ст.	ш.	п.
Жалованье Годжа за 52 недѣли по 9 шил.	23	8	„
Прибавокъ за жатву.	1	10	„
Жалованье Джэка—8 недѣль по 2 шил.	„	16	„
Итого въ годъ	25	14	„

Натурой:

Сборъ колосьями послѣ жатвы	3	„	„
60 кружекъ слабаго пива по 3 п. (9)	„	15	„
10 фун. говядины по 11 пен.	„	9	2
1 мѣшокъ картофеля	„	6	„
Пол-тонн угля въ 21 ш.	„	10	6
Двѣ простыни.	„	12	„
Итого	5	12	8

Если мы положимъ за домъ съ маленькимъ уголкомъ земли громадную ренту въ 80 ш., окажется, что весь достатокъ Джона Годжа равняется 35 ф. ст. въ годъ. На эту сумму онъ долженъ былъ поддерживать свои силы для работы и кормить, одѣвать и учить, если возможно, многочисленныхъ дѣтей. Онъ и его жена одинаково ненавидѣли просить помощи у прихода, но въ послѣднее время они принуждены были, въ критическія минуты, подобныя той, которой открылся нашъ разговоръ, обращаться за содѣйствіемъ прихода. Такимъ образомъ, каждый мѣстный платель-

щикъ податей долженъ былъ фактически увеличивать хоть на небольшую сумму доходъ Годжа и на гораздо значительнѣйшую доходы другихъ поселянъ, которые не отличались такимъ-же трудолюбиемъ и совѣстливостью. Всѣмъ понятно, почему мистеръ Джали былъ ярнымъ противникомъ увеличенія заработной платы и въ доказательство своего мнѣнія многозначительно указывалъ на переполненные приходскіе союзы. Но дешевле-ли было платитъ на содержаніе приходскаго союза, чѣмъ платитъ рабочимъ такую заработную плату, которая могла-бы удержать ихъ отъ приходскаго союза?

IV.

Надежда.

Я уже сказалъ, что приходъ завладѣлъ маленькимъ Годжемъ. „Что онъ будетъ съ нимъ дѣлать?“ вотъ вопросъ, который могъ естественно поставить въ тупикъ торійскаго романиста и въ продолженіи еще многихъ лѣтъ будетъ ставитъ въ тупикъ подобныхъ писателей. Предавъ землѣ свою жену, Джонъ Годжъ, держа за руки своихъ двухъ старшихъ дѣтей, которыя одни только понимали понесенную ими потерю, возвратился домой. Первою его мыслью теперь было:

— Что дѣлать съ крошкой?

Онъ слышалъ, что, по словамъ пастора, его жена умерла съ надеждой, вполне достовѣрной, на блаженное воскресеніе. Но какая надежда была у тѣхъ, которыхъ она оставила на землѣ? Сердце Годжа болѣзненно сжалось, когда онъ сталъ лицомъ къ лицу съ этимъ вопросомъ. Пасторъ, приходъ, мистеръ Джали и его собственное положеніе, казалось, торжественно издѣвались надъ всякой надеждой. Онъ мрачно предчувствовалъ, что законъ обяжетъ его воспитывать крошку и что онъ не можетъ надѣяться на дальнѣйшую помощь прихода. Онъ никогда не подозрѣвалъ, что самъ неправильно отягощалъ себя излишнимъ семействомъ. Онъ считалъ дѣтей естественнымъ учрежденіемъ или даромъ Провидѣнія, такой-же необходимостью, какъ дождь и ведро. Въ его сердцѣ точно такъ-же, какъ въ инстинктѣ животныхъ, не былъ написанъ экономическій законъ Мальтуса. Какія-же могъ онъ питать со-

мнѣнія? Поэтому мы не должны сомнѣваться, что онъ считалъ Провидѣніе, приходъ, своего хозяина или когонибудь иного обязаннымъ доставить ему возможность поддерживать семейство. Въ эту минуту, когда второй столбъ семьи исчезъ, вопросъ этотъ съ еще большей настоятельностью требовалъ разъясненія. Впослѣдствіи мы поговоримъ о результатахъ размышленій Джона Годжа по этому предмету, а теперь расскажем о томъ, что сдѣлалъ приходъ въ отношеніи его младшаго сына.

V.

Приходскій совѣтъ.

— Мистеръ Бандъ, секретарь приходскаго союза для бѣдныхъ, мистеръ Ми, смотритель, и мистеръ Кольманъ, надзиратель, созвали чрезвычайное собраніе совѣта. Предстояло разрѣшить нѣсколько важныхъ вопросовъ: о контрактѣ на мясо, о доставкѣ угля, о проступкѣ Симонсъ, 18-ти лѣтней служанки, позорно выгнанной изъ замка при открытіи нѣкоего несчастнаго обстоятельства и искавшей убѣжища въ союзѣ, тогда какъ причина ея несчастья, красивый грумъ, остался въ услуженіи сквайра, и, наконецъ, о крошкѣ Годжѣ. О всѣхъ этихъ вопросахъ, кромѣ послѣдняго, мистеръ Ми составилъ себѣ заранѣе опредѣленное мнѣніе, но относительно Годжа онъ находился въ сильномъ сомнѣніи. Онъ зналъ, въ какомъ положеніи находился этотъ бѣдный человѣкъ. У него было на рукахъ десять человѣкъ дѣтей, старшему изъ которыхъ тринадцать лѣтъ; жена его только что умерла, и онъ проводилъ отъ десяти до одиннадцати часовъ въ день на тяжелой работѣ внѣ дома; поэтому ясно было, что, отдавъ ему новорожденнаго младенца, союзъ поставилъ-бы его въ самое безвыходное положеніе. Но, съ другой стороны, было также ясно для мистера Ми, что законъ обязывалъ Годжа разрѣшить неразрѣшимый вопросъ о прокормленіи ребенка. Однако, онъ все-же надѣялся, что самъ или кто нибудь изъ попечителей придумаеъ хорошій предлогъ для оставленія маленькой диквины въ Союзѣ, и потому не исполнилъ тотчасъ своей обязанности и не отправилъ крошки Годжа къ его отцу на другой день послѣ похоронъ мистрисъ Годжъ. Мистеръ Ми былъ чиновникъ и, слѣдовательно, обя-

занъ смотрѣть на все съ официальной точки зрѣнія, недопускавшей никакихъ проявленій естественныхъ человѣческихъ чувствъ, но въ глубинѣ его сердца теплилась нѣкоторая доля человѣколюбія, которая невольно откликнулась на жалобные крики крошки Годжа. Онъ убѣдился изъ словъ молодой дѣвушки, на попеченіе которой былъ отданъ крошка, что онъ, благодаря своимъ миніатюрнымъ размѣрамъ и требованіямъ, нисколько не вредитъ ни ей, ни ея ребенку, и въ этомъ обстоятельствѣ старался найти себѣ оправданіе въ отступленіи отъ буквы закона.

Составъ совѣта попечителей приходскаго союза не представляетъ, быть можетъ, для насъ ничего любопытнаго, но въ сельскихъ округахъ его вліяніе чрезвычайно велико и его юрисдикція обнимаетъ тысячи нашихъ соотечественниковъ, интересами которыхъ мы слишкомъ часто пренебрегаемъ, въ виду ихъ разрозненности и разбросанности по громадному пространству. Кодльтонскій союзъ заключалъ въ себѣ шестнадцать приходовъ и членами его были ex-officio пасторы и мировые судьи, кромѣ того нѣсколько мѣстныхъ сквайровъ и довольно значительное количество фермеровъ; послѣдніе не часто являлись на собранія, но все-же ихъ можно было завербовать въ важныхъ случаяхъ. Въ тотъ день, когда должна была рѣшиться судьба крошки Годжа, въ собраніи присутствовали: пасторъ Винвудъ Лестеръ, капитанъ Колингсби, Сидней Биртонъ, владѣлецъ сосѣдняго замка и предсѣдатель совѣта, мистеръ Кальдвелъ, стряпчій, мистеръ Гаррисъ, оптовый торговецъ, и нѣкоторые другіе.

Контрактъ на мясо былъ быстро обсужденъ и рѣшено испробовать въ палатѣ старухъ австралійскую говядину; поставка угля была отдана племяннику мистера Гарриса и состоялось опредѣленіе обязать красиваго грума вносить извѣстную сумму на содержаніе ребенка молодой служанки, не смотря на протестъ сквайра, который увѣрялъ, что „ея вины было гораздо болѣе, чѣмъ его“. Вслѣдъ за этимъ на очереди стоялъ вопросъ о крошкѣ Годжѣ. Мистриссъ Годжъ похоронили на счетъ прихода и, по словамъ мистера Ми, невозможно было взыскать эти расходы съ ея мужа, съ чѣмъ, послѣ непродолжительныхъ преній, совѣтъ вполнѣ согласился.

— Ребенокъ тоже умеръ? спросилъ пасторъ, помощникъ котораго хоронилъ бѣдную женщину.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ мистеръ Ми.

— Что-жъ отецъ съ нимъ сдѣлалъ?

— Вотъ видите, сэръ, мы не хотѣли взять на себя при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ отсылку ребенка. Молодая служанка Симонсъ кормитъ его, не находя въ этомъ для себя никакого затрудненія, и такъ какъ союзу это ничего не стоитъ, то я оставилъ ребенка до разрѣшенія совѣтомъ этого вопроса.

— Совершенно незаконно, мистеръ Ми, сказалъ страпчій;— *contra legem*.

— Но вотъ видите, мистеръ Кальдвель, возразилъ пасторъ, — намъ это ничего не стоитъ и, въ виду этого обстоятельства, распоряженіе мистера Ми совершенно благоразумно. Вѣроятно, у этого Годжа нѣтъ никого дома, кто-бы могъ присмотрѣть за ребенкомъ.

— Ни души, отвѣчалъ мистеръ Ми.

— Ни матери, ни сестры покойной? спросилъ страпчій.

— Никого, отвѣчалъ мистеръ Ми.

— Все-же это неправильно. Благодаря новому закону о бѣдныхъ, нерадѣнію попечителей и излишней филантропіи, наши интересы теперь постоянно пренебрегаются самымъ позорнымъ образомъ.

— Какъ-бы то ни было, продолжалъ мистеръ Ми, чувствуя, что почва подъ его ногами становится тверже: — вотъ факты, господа. У Годжа десять человѣкъ дѣтей, и старшему тринадцать лѣтъ; онъ получаетъ десять шиллинговъ въ недѣлю, работая шесть дней съ утра до вечера. Кто-же будетъ заботиться о новорожденномъ младенцѣ, такъ какъ его мать умерла?

Это простое изложеніе обстоятельствъ дѣла произвело поразительное впечатлѣніе на всѣхъ членовъ совѣта, точно также какъ подобныя лагоническія, но фактически ясныя изрѣченія благороднаго англійскаго государственнаго человѣка нашего времени возбуждаютъ восторгъ печати и публики.

— Это насъ не касается, возразилъ страпчій; — человѣкъ, родившій ребенка, долженъ самъ его содержать. Будьте увѣренны, если мы оставимъ ребенка у себя, то центральный департаментъ назоветъ намъ голову. Вѣдь это только пустыя слова, что ребенокъ намъ ничего не стоитъ, такъ какъ его кормитъ ваша служанка, господинъ предсѣдатель.

— Я попрошу васъ, милостивый государь, воскликнулъ гордый сквайръ, — придерживаться фактовъ. Она — не моя служанка!

— Это все равно, продолжалъ стряпчій, — она была вашей служанкой прежде, чѣмъ явилась сюда. Псвѣрьте, я не желалъ сказать ничего для васъ обиднаго. Но дѣло въ томъ, что эта женщина, какъ ее тамъ зовутъ, будетъ болѣе ѣсть бульона и пить пива при своей двойной работѣ, если я могу такъ выразиться; и конечно, на это обратить вниманіе мистеръ Мордонтъ.

Мистеръ Мордонтъ былъ директоромъ центрального департамента. Но члены совѣта были въ веселомъ настроеніи духа и рѣшили на время оставить крошку Годжа. Такимъ образомъ, Джонъ Годжъ освободился отъ разрѣшенія неразрѣшимаго вопроса или, лучше сказать, вопросъ этотъ былъ отсроченъ.

VI.

Центральное правительство.

Въ послѣднее время одно изъ центральныхъ правительственныхъ управленій въ Англіи, путемъ цѣлаго ряда успѣшныхъ хитростей, забрало въ свои руки почти все мѣстное самоуправленіе. Бывало, и еще не очень давно, англійскій народъ ревниво охранялъ свои права на самоуправленіе. Всякое поползновеніе центральной власти встрѣчало отпоръ въ безчисленныхъ, могущественныхъ учрежденіяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ прихода. Могучь, даже слишкомъ могучь былъ въ тѣ дни этотъ духъ самоуправления. Мѣстные администраторы, судьи, попечители бѣдныхъ, дорожныя комиссіи, всѣ возможные совѣты и комисары были полными господами въ своихъ округахъ; и всякій инспекторъ, присланный для ревизіи ихъ книгъ, изслѣдованія ихъ дѣйствій и представленія отчета о замѣченныхъ неправильностяхъ, былъ-бы невозможной диковиной, такъ что, по всей вѣроятности, его отправили-бы ни съ чѣмъ къ тому министру, который его прислалъ. Конечно, приходъ былъ дурной администраторъ и онъ съ большею справедливостью, чѣмъ кто другой, могъ покаяться, „что онъ дѣлалъ то, чего не слѣдовало, и не дѣлалъ того, что слѣдовало“. Слишкомъ часто онъ былъ медлителенъ, слѣпъ, легкомысленъ, корыстенъ и его услуги слишкомъ дорого стоили. Но въ немъ было одно великое достоинство, которое свободный народъ не могъ не цѣнить высоко: онъ развивалъ и поддерживалъ мѣстную независимость, мѣ-

стное самоуправленіе. Примѣняя чудовищно-скверные законы относительно помощи бѣднымъ, онъ былъ достаточно человѣченъ, чтобъ обходить ихъ, если это клонилось въ его пользу, и онъ щедро распоряжался фондами, конечно тѣми, которые ему не принадлежали. Онъ смотрѣлъ на законъ для бѣдныхъ, какъ на средство для развитія земледѣлія, и дѣйствовалъ согласно этому взгляду. То, что онъ дѣлалъ въ санитарномъ отношеніи, было очень дурно, такъ какъ онъ отличался полнымъ невѣдѣніемъ естественныхъ законовъ народнаго здравія, подобно большинству законодателей. Для устраненія этихъ недостатковъ мѣстнаго самоуправления современные законодатели, вмѣсто того, чтобъ образовать членовъ прихода и сдѣлать ихъ способными на лучшую дѣятельность, связали приходъ по рукамъ и по ногамъ, подчинивъ его совершенно верховной, центральной власти. Это средство примѣнялось и примѣняется съ такой геройской рѣшимостью, что вскорѣ бѣдный приходъ превратится въ ученую собаченку, танцующую на веревкѣ, приводимой въ движеніе искуснымъ министромъ, засѣдающимъ въ старинномъ, полуразвалившемся храмѣ общественнаго милосердія въ Вайтголь. Велика его власть и иногда совершенно необходима, но только иногда; и чѣмъ рѣже она примѣняется, тѣмъ лучше. Но если это распространеніе централизаціи будетъ продолжаться такъ-же энергично, то мы скоро дойдемъ въ Англіи до того, что никто не будетъ смѣть высморкаться безъ приказанія правительства, изъ боязни распространить міазмы, или, высморкавшись, всякій будетъ обязанъ послать свой платокъ для анализа къ правительственнымъ химикамъ. Конечно, каждому понятно, какъ проста и легка эта система, какъ неизмѣримо она легче всякихъ другихъ средствъ, на примѣръ, приведенія законовъ въ лучшую и болѣе систематическую форму и реорганизаціи мѣстнаго самоуправления съ цѣлью сдѣлать его болѣе разумнымъ и энергичнымъ.

Какъ-бы то ни было, великій народъ и его передовая пресса обоюдными усиліями предали себя въ руки вышесказаннаго министра, кто-бы онъ ни былъ, смотря по требованіямъ партій. Этотъ великій министръ съ гордостью засѣдаетъ въ своемъ центральномъ управленіи, вполнѣ сознавая, что всѣ мѣстныя, административныя власти и попечительные совѣты для бѣдныхъ находятся въ его рукахъ. Онъ знаетъ все; поселянинъ, заболѣвшій

животомъ, старая лошадь, начавшая кашлять, сидѣлка, уволенная изъ приходской больницы, — составляютъ предметъ подробнаго донесенія этому могучему диктатору. Я нисколько не оспариваю безпорной пользы, доставляемой въ иныхъ случаяхъ этимъ надзоромъ, или необходимости какого-нибудь контроля, но, конечно, тотъ фактъ, что дурные законы дурно прижѣнялись дурно составленными мѣстными учреждениями, не доказываетъ еще необходимости отказаться отъ своей вѣковой системы и броситься въ объятія централизаціи. Простому человѣку казалось-бы гораздо рациональнѣе прежде испытать, какіе результаты дали-бы лучшіе законы, прижѣняемые лучше составленными мѣстными учреждениями, подъ высшимъ надзоромъ контролирующей, но не диктаторской власти.

Крошкѣ Годжу было суждено обратить на себя бдительное вниманіе могущественнаго министра. Это произошло не отъ того, чтобы приходскій питомецъ производилъ много шума; нѣтъ, его жалобные крики и требованія были не особенно назойливы. Но однажды великій министръ, сидя за письменнымъ столомъ и обсуждая съ своими двумя секретарями полученныя отвсюду донесенія, остановился на слѣдующей выпискѣ изъ отчета кодльтонскаго приходскаго союза:

„Положеніе удовлетворительно. Число лицъ, получившихъ вспомошествованіе въ истекшую четверть года:

Въ заведеніяхъ (обоого пола)	567.
На дому	1,643.
Умерло	8.
Родилось	5.

„Смотритель доноситъ, что одинъ изъ родившихся дѣтей, сынъ женщины, по имени Годжъ, умершей послѣ родовъ, менѣе всѣхъ дѣтей, когда-либо виданныхъ въ тѣхъ краяхъ, и вѣсилъ при рожденіи только три фунга. Въ виду его миниатюрности и невозможности со стороны отца, Джона Годжа, работника, имѣющаго десять другихъ дѣтей, оказать ему необходимое попеченіе, ребенокъ оставленъ въ союзѣ, но безъ всякихъ расходовъ, такъ-какъ его кормитъ вышеназванная въ отчетѣ Анна Симонсъ“.

Прочитавъ эти слова, великій министръ насушилъ брови.

— Вотъ еще доказательство, сказалъ онъ, — всей мудрости нашей недавней мѣры. Посмотрите, какъ этотъ совѣтъ попечи-

телей самымъ незаконнымъ образомъ содержитъ ребенка на счетъ плательщиковъ податей, когда у него есть отецъ, обязанный о немъ заботиться. Мы должны обратить на это особенное вниманіе.

— Но позвольте мнѣ замѣтить, произнесъ младшій секретарь,—что этотъ случай „*sui generis*“. Дѣло въ томъ, что отецъ не имѣетъ возможности содержать ребенка и онъ ничего не стоитъ союзу, такъ-какъ его кормитъ Симонсъ.

— Во-первыхъ, отвѣчалъ министръ,—для здороваго человѣка въ Англии нѣтъ ничего невозможнаго. Во-вторыхъ, кто кормитъ Симонсъ? Вѣдь ее содержитъ союзъ, и неужели я повѣрю, что она можетъ кормить двухъ дѣтей при той-же самой пищѣ и питьѣ, которыхъ было-бы достаточно для прокормленія одного. Вѣдь это противорѣчило-бы логикѣ и всѣмъ законамъ природы.

— Я только-что хотѣлъ это сказать, замѣтилъ старшій секретарь.

— Да, сказалъ младшій секретарь,—это совершенно справедливо для большинства случаевъ, но этотъ ребенокъ чрезвычайно миниатюрень, и я позволяю себѣ сказать, измѣняя нѣсколько текстъ, „*de minimis non curat lex*“.

— М-ръ Докстеръ, сказалъ министръ, строгимъ тономъ,—я удивляюсь, какъ вы, прослуживъ столько лѣтъ въ этомъ департаментѣ и вполне ознакомившись съ нашей новой системой, рѣшаетесь повторять передъ мною такой избитый, давно выдохшійся афоризмъ. Знайте, сэръ, что при теперешнемъ управленіи нѣтъ ничего слишкомъ мелкаго и недостойнаго нашего надзора, и я всѣми силами стараюсь организовать столь совершенную систему инспекціи, чтобы каждый атомъ въ нашей странѣ былъ подвергнутъ микроскопическому наблюденію центральной власти.

М-ръ Докстеръ былъ совершенно пораженъ и уничтоженъ такимъ выговоромъ.

— Это дѣло должно быть вполне изслѣдовано, сказалъ старшій секретарь.—Вы, м-ръ Докстеръ, напишите письмо къ секретарю совѣта попечителей и потребуйте подробнаго объясненія.

И почтенная административная тройка перешла къ другимъ дѣламъ.

Такимъ образомъ, инстинктъ страпцаго, мистера Кальдвелля, оказался вѣрнымъ и высшіе администраторы обратили вниманіе на

крошку Годжа, злоупотреблявшаго общественной благотворительностью.

О, господинъ великій министръ, господинъ первый секретарь и господинъ второй секретарь, есть точка зрѣнія, съ которой приведенный выше афоризмъ является исторической истиной. Какъ долго законъ не заботился о подобныхъ мелочахъ! Какъ мало покоились законъ и общество, источникъ закона, о бѣдныхъ, слабыхъ, униженныхъ, мелкихъ людяхъ, разбросанныхъ по нашей обширной, богатой родинѣ! Если теперь, когда мелкіе люди вышашутъ голосъ, заставляютъ себя слушать и приобрѣтаютъ могучую силу, трудно и даже опасно о нихъ заботиться, то кто-жъ въ этомъ виноватъ? Во всякомъ случаѣ, благословенъ будетъ тотъ день, когда мы станемъ заботиться объ этихъ мелкихъ, забытыхъ людяхъ!

VII.

Борьба между центральной и мѣстной властями.

На первомъ засѣданіи приходскаго совѣта, послѣ переданнаго выше разговора, снова былъ поднятъ вопросъ о крошкѣ Годжѣ. Секретарь прочелъ слѣдующее письмо:

„Центральное управленіе.
Вайтголь, 30 іюня 18—“.

„Сэръ, мнѣ поручено увѣдомить господъ попечителей, что вниманіе начальника центральнаго управленія обращено на одинъ изъ фактовъ, обозначенныхъ въ послѣднемъ отчетѣ Кодльтонскаго союза, а именно, что Годжъ, сынъ Джона Годжа изъ Ганкерлея, содержится союзомъ, хотя его отецъ не находится въ его учрежденіяхъ, не сумасшедшій, не умеръ и не пользуется никакою помощью союза.

„Мнѣ поручено господиномъ начальникомъ указать на эту важную неправильность, которая, если не будетъ удовлетворительно объяснена, можетъ возбудить слѣдствіе и ревизію особымъ комиссаромъ. Между тѣмъ попечительный совѣтъ приглашается представить подробное объясненіе фактовъ и причинъ, если таковыя имѣются, для отступленія отъ закона.

Честь имѣю...

Джереми Докстеръ.“

По прочтеніи этого письма, попечители взглянули молча другъ на друга. Лицо мистера Кальдвеля сіяло удовольствіемъ, какъ человѣка, который предсказалъ дурное, и оно, по счастью, совершилось. Сквайръ первый прервалъ молчаніе. Щеки его гнѣвно пылали подъ тѣнью высокихъ воротничковъ и сѣдыхъ бакенбардъ.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ.—Центральное управленіе слишкомъ стало придирчиво. Какое дѣло начальнику этого управленія до того, что мы расходуемъ свои деньги на крошку Годжа? Весь разговоръ о какихъ-нибудь сорока шилингахъ, а онъ грозитъ намъ слѣдствіемъ. Увѣряю васъ, господа, что если дѣла будутъ такъ идти, то ни одинъ порядочный человѣкъ не пойдетъ въ попечители. Неужели представители лучшихъ, стариннѣйшихъ родовъ графства дозволятъ, чтобъ ими помывалъ какой-нибудь демократическій выскочка, повровительствуемый радикальнымъ министерствомъ? Нѣтъ, сэръ...

Тутъ раздраженіе сквайра дошло до того, что онъ не могъ продолжать своей рѣчи и гнѣвно ударилъ рукою по столу.

— Да, замѣтилъ пасторъ, спокойнымъ тономъ,—подобными дѣйствіями мѣстное самоуправленіе доводится до абсурда. Мы собираемся сюда, какъ люди мыслящіе (глаза пастора сомнительно остановились на нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ), только для того, чтобъ помѣчать предписанія мистера Мордонта. Еслибъ я не былъ обязательнымъ членомъ, то, конечно, вышелъ-бы изъ собранія, имѣющаго столь комическое значеніе.

Сквайръ бросилъ ободрительный взглядъ на пастора.

— Но что-же мы будемъ дѣлать съ ребенкомъ? сказалъ стряпчій.—Стоить-ли бороться съ центральнымъ управленіемъ изъ-за такого пустяка? Если я не ошибаюсь, единственное основаніе нашего предъидущаго рѣшенія—миниатюрные размѣры ребенка. Не правда-ли, господинъ секретарь?

— Я не знаю другого предлога къ нашему оправданію, отвѣчалъ секретарь;—вѣдь мы на самомъ дѣлѣ содержимъ ребенка.

— Весь этотъ шумъ изъ ничего, замѣтилъ мистеръ Гаррисъ:—ребенокъ ничто и онъ ничего не стоитъ; не такъ-ли, мистеръ Кальдвель?

— Ха, ха, ха! Очень остроумно, произнесъ стряпчій, имѣвшій уважительныя причины соглашаться съ Гаррисомъ, но видя, что сквайръ и пасторъ даже не улыбнулись, онъ принялъ немедленно

серьезный тонъ;—впрочемъ, теперь, мистеръ Гаррисъ, не до шутокъ. Это очень важный вопросъ, что намъ дѣлать?

— Бороться до смерти! воскликнулъ капитанъ Колингсби, который въ свое время воевалъ не только на словахъ, но на дѣлѣ и безъ малѣйшаго укора совѣсти навелъ-бы шестидесяти-четырехъ-фунтовую пушку на центральное управленіе;—тутъ дѣло не въ ростѣ; еслибъ ребенокъ былъ великанъ, то это нисколько не измѣнило-бы нашего положенія. Я говорю о принципѣ. Если начальникъ центрального управленія будетъ совать свой носъ въ подобныя дѣла, которыя совѣтъ вполне способенъ разрѣшать по-своему, то пусть онъ самъ пріѣзжаетъ сюда и распоряжается. Лопни мои глаза, если я стану засѣдать здѣсь для того, чтобъ исполнять его приказанія.

— Э, капитанъ! сказалъ мистеръ Гаррисъ, который, какъ оптовый торговецъ и радикалъ, не нравился многимъ членамъ прихода, отличавшагося чрезвычайно отсталыми понятіями;—я полагаю, что приходскія дѣла могли-бы вестись гораздо лучше, если-бы обращалось побольше вниманія на интересы плательщиковъ налога, чѣмъ на титулы господъ. Можетъ быть, еслибъ вы удалились, то мы замѣнили-бы васъ какимъ-нибудь болѣе практическимъ человѣкомъ.

— Который умѣлъ-бы обдѣлывать свои дѣлишки, прибавилъ капитанъ.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, прои~~звѣ~~сквайръ, не глядя на мистера Гарриса, — вы знаете близко все, что касается торговли углемъ, свѣчами и т. д. и, вѣроятно, мы могли-бы найти другихъ подобныхъ вамъ лицъ, которыя согласились-бы вступить въ совѣтъ, особливо если у нихъ племянники также занимаютъ торговлю; но я позволю себѣ сказать, что если страна желаетъ хорошей администраціи въ дѣлахъ о бѣдныхъ, то въ совѣтѣ должны быть только люди способные и вліятельные.

— Хорошо, отвѣчалъ Гаррисъ добродушно;—но если джентльменъ откажется отъ своего мѣста, то его всегда замѣнитъ торговецъ.

— Вопросъ теперь ясенъ, сказалъ мистеръ Кальдвель;—что же намъ дѣлать съ Годжемъ? Кстати, зачѣмъ его до сихъ поръ не крестили, г. секретарь?

— Онъ не крещенный! воскликнулъ пасторъ. — Этого быть не можетъ. Кто-нибудь да окрестилъ его!

Паника была общая. Всѣ обратились къ мистеру Ми, и тотъ объяснилъ, что ребенокъ не былъ еще принятъ въ лоно церкви. Тогда пасторъ, въ явномъ неудовольствіи стряпчаго и оптоваго торговца, объявилъ, что онъ не можетъ участвовать въ дальнѣйшихъ преніяхъ и по совѣсти обсуждать интересы ребенка, прежде чѣмъ онъ получитъ какія-нибудь права черезъ святое крещеніе. Еслибъ онъ умеръ въ такомъ положеніи, то его не похоронили-бы на кладбищѣ. Пламенная энергія пастора подѣйствовала на присутствующихъ и было рѣшено немедленно окрестить младенца.

Анна Симонсъ принесла крошку Годжа и пасторъ, прочитавъ установленныя молитвы, приступилъ къ обряду крещенія.

— А какое ему дать имя? неожиданно спросилъ онъ.

— Вы можете воспользоваться священнымъ писаніемъ, отвѣчалъ стряпчій; — назовите его Веніаминомъ.

— Во имя Отца и Сына, и Святого Духа, произнесъ пасторъ, — крестится Веніаминъ.

Такимъ образомъ крошка Годжъ сдѣлался христіаниномъ.

Когда обсужденіе спорнаго вопроса снова возобновилось, присутствовавшіе фермеры присоединились къ капитану и сквайру. Они сдѣлали это, сознавая, что вопросъ былъ серьезный. Очевидно, министръ хотѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ всю власть, сдѣлать попечителей простыми пѣшками, на что англичане никогда не согласятся. Уничтоживъ ихъ власть, онъ уменьшитъ ихъ вліяніе на рабочихъ и заработную плату. Поэтому было рѣшено, не смотря на протесты обязательныхъ членовъ совѣта и нѣкоторыхъ другихъ, послать министру отвѣтъ, въ которомъ, сожалѣя объ его вмѣшательствѣ въ дѣло, касающееся исключительно попечителей, совѣтъ, указывая на всю безвыходность положенія Годжа, объявилъ-бы рѣшеніе попечителей о продолженіи покровительства прихода Аннѣ Симонсъ, кормившей крошку Годжа.

Только англичане могутъ понять смыслъ всего того, что послѣдовало за этимъ постановленіемъ совѣта. Особый правительственный чиновникъ былъ посланъ въ Кодльтонъ для изслѣдованія дѣла. Онъ посѣтилъ всѣ учрежденія союза, подвергъ допросу Анну Симонсъ и смотрителя заведенія, освидѣтельствовалъ ребенка и опредѣлилъ точное количество пищи и питья, которое

эта молодая женщина употребляла сверхъ обыкновеннаго количества, отпускаемаго кормилицамъ. Результатомъ этого слѣдствія былъ ученый докладъ, въ которомъ докторъ Сурчасъ, послѣ химическаго анализа, пришелъ къ тому заключенію, что Анна Симонсъ ѣстъ болѣе въ день на четыре унца и пьетъ пива болѣе на пол-кружки, чѣмъ еслибъ кормила одного ребенка, а слѣдовательно, плательщики налога для бѣдныхъ подвергаются явному обману.

Вслѣдствіе этого доклада, центральное управленіе предписало совѣту попечителей кодльтонаскаго приходскаго союза немедленно прекратить незаконное покровительство, оказываемое крошкѣ Годжу, и внушить отцу его, что онъ обязанъ содержать своего ребенка. Совѣтъ исполнилъ это предписаніе, хотя и противъ воли. Англичане походятъ въ этомъ отношеніи на Фальстафа; они любятъ исполнять свои обязанности даже изъ подъ палки, что составляетъ характеристическую черту, достойную вниманія законодателей и администраторовъ.

(Продолженіе будетъ.)

МОИ ПѢСНИ.

(Изъ А. Петѣфи.)

Одиновій, часто ночью я мечтаю
И, Богъ вѣсть, куда я думой залетаю.
Быстрою стрѣлою надъ родимымъ краемъ,
Надъ землей, надъ міромъ съ нею мы летаемъ,—
Сердце сны ласкаютъ, пѣсни льются сами,
Серебрясь въ туманѣ лунными лучами.

Мысль порой приходитъ:—лучше-бъ бросить грезы
И скорѣй заняться жизненною прозой,
Будущность устроить... Но, унявъ тревогу,
Я твержу: пусть будетъ, что угодно Богу,—
Въ сердцѣ нѣтъ заботы, пѣсни льются сами,—
По цвѣтамъ тѣ пѣсни вьются мотыльками.

Повстрѣчавъ красотку на своей дорогѣ,
Я еще упорнѣй прочь гоню тревоги
И, какъ звѣзды смотреть въ полумракѣ ночи
Въ глубь озеръ зеркальныхъ, я смотрю ей въ очи,—
Сердце страсть волнуетъ, пѣсни льются сами,
Распускаясь пышно дивными цвѣтами.

Я любимъ—я шумно пью вино родное,
Я отвергнуть—съ горя пью его я вдвое,
А когда въ стаканахъ блещетъ эта влага,
Въ головѣ бушуютъ радость и отвага,—
Сердце въ опьяненъи, пѣсни льются сами,—
Радужныя краски въ нихъ блестятъ огнями.

А. Ш.

БЕЗДОЛЬНЫЕ.

(Изъ В. Гюго.)

Самку убили, самца
Черная кошка заѣла;
Въ гнѣздышкѣ тихо, несмѣло
Слышатся вопли птенца.
Бѣдный дрожить, коченѣеть,
Ждетъ онъ отца или мать—
Ихъ-то ему не видать...
Кто-же его отогрѣеть?

Стадо оставилъ пастухъ,
Вѣрной собаки не стало;
Волчье чутье не дремало—
Вдругъ нападенъе, испугъ,
Ужасъ, тревога, смятенъе...
Всякому жизнь дорога—
Кто-жъ противъ силы врага
Къ стаду придетъ на спасенъе?

Мужъ на галерахъ, жена
Прямо съ постели больничной
Путь совершила обычный
И на погостъ свезена.
Вѣтеръ въ подвалѣ гуляетъ,
Слабый младенческій стонъ
Пѣсню его заглушенъе...
Кто-жъ сироту воспитаетъ?

И. Бяшнинъ.

СТАТИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССИИ.

III.

Распределение народонаселения по поламъ.—Женскій вопросъ съ статистической точки зрѣнія. — Численное отношеніе женщинъ къ мужчинамъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, въ различныхъ сословіяхъ и возрастахъ.— Вліяніе этого отношенія на браки и на смертность.—Распределение населенія по возрастамъ.—Соціальное значеніе этого распределенія.—Сравненіе данныхъ русской статистики съ данными западно-европейской статистики.

Вопросъ о распределеніи населенія по поламъ представляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ и существенныхъ вопросовъ статистики народонаселенія. Вліяніе этого распределенія, вліяніе численного отношенія мужчинъ къ женщинамъ, отражается почти на всѣхъ сторонахъ общественной и экономической жизни народа; имъ, до известной степени, опредѣляется не только семейное и общественное положеніе женщины, но и ея физическое, умственное и нравственное развитіе. Разумѣется, степень и характеръ этого вліянія должны зависѣть, въ свою очередь, отъ *основныхъ условій* даннаго экономического порядка. При различіи этихъ условій одно и то-же численное отношеніе половъ можетъ повести къ самымъ противоположнымъ результатамъ. При отсутствіи войнъ, при сохраненіи первобытныхъ условій дикой жизни, численный перевѣсъ, повидимому, всегда долженъ оказываться на сторонѣ мужчинъ, и дѣйствительно мальчиковъ всегда родится больше, чѣмъ дѣвочекъ (кажется, европейская статистика не знаетъ ни одного исключенія изъ этого общаго правила); только уже послѣдующія условія общественной жизни измѣняютъ это *естественное* или, лучше сказать, *прирожденное* отношеніе половъ и даютъ обыкновенно перевѣсъ женскому населенію надъ

мужскимъ. Отсюда можно думать, что тѣ страшныя войны, которыя опустошали Европу въ моментъ вторженія въ римскія области варваровъ и которыя съ небольшими перерывами тянутся и до нашихъ дней, что эти войны имѣли роковое значеніе для женщины. Онѣ уменьшили число бракоспособныхъ мужчинъ, но ихъ гибельное вліяніе встрѣтило себѣ противодѣйствіе во вліяніи другого, болѣе могущественнаго фактора — фактора экономическаго. Въ то время, какъ человѣческая кровь лилась во всѣхъ углахъ Европы и повсюду рѣдѣло число мужчинъ, а число женщинъ возрастало, въ это время экономическая жизнь развивалась въ силу своей собственной логики, подкопала феодализмъ, уничтожила рабство, раздвинула городскіе центры, расширила торговлю, создала и разрушила мануфактуру, а на ея развалинахъ воздвигла фабрику.

Всѣ отрасли промышленности, какъ-бы оживленные паромъ, получили развитіе, безпримѣрное въ человѣческой исторіи, спросъ на трудъ увеличился пропорціонально этому развитію; но онъ не только увеличился, онъ сталъ разнообразнѣе; почти каждая сила, каждая способность человѣка имѣла шансы найти себѣ покупателей. При такомъ экономическомъ состояніи общества, численный перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами, вмѣсто того, чтобы ухудшить общественное и семейное положеніе женщинъ, долженъ былъ, напротивъ, улучшить его, или, по крайней мѣрѣ, вызвать потребность къ улучшенію. На рынокъ, гдѣ спрашиваютъ такъ много труда, женщина могла явиться конкурентомъ мужчинъ; эта конкуренція, конечно, понизила цѣну на человѣческой трудъ вообще, но за-то она открыла женщинамъ *мужскія сферы дѣятельности*. Женщины, невышедшія замужъ, шли на промышленный рынокъ и, такимъ образомъ, численный перевѣсъ женщинъ, благодаря вліянію экономическаго фактора, перевелъ ихъ на тотъ рынокъ, гдѣ онѣ цѣнятся только, какъ *рабочія силы*. Въ словѣ „работница“ сглаживается различіе половъ. Какъ *рабочая сила*, женщина получаетъ ту-же цѣну, какую имѣетъ и мужчина. Но это еще не все. Когда часть женщинъ не находитъ себѣ выхода въ бракѣ, когда ихъ рабочая сила получаетъ самостоятельное значеніе, когда передъ ними открывается возможность существовать не только въ качествѣ женъ, но и въ качествѣ работницъ, — у нихъ является потребность развивать въ себѣ тѣ способности, тѣ свой-

ства человѣческой природы, о которыхъ прежде имъ и думать было не зачѣмъ.

Всѣ эти чисто-апріористическія соображенія находятъ себѣ полное подтвержденіе въ фактахъ исторіи и статистики. Мы ограничимся здѣсь указаніемъ лишь на нѣкоторые изъ нихъ.

Опустошительныя войны времяя республики и первой имперіи, а также, не менѣе войнъ, губительно дѣйствовавшая на взрослое мужское населеніе система такъ называемаго „вооруженнаго мира“, съ ея тягостными конскрипціями и громадными арміями, совершенно разстроили численное равновѣсіе половъ. Правда, оно было разстроено и прежде, но не въ такой степени. Военное затишье, послѣдовавшее за войнами Людовика XIV и Фридриха II, нѣсколько пополнило комплектъ мужского населенія: въ началѣ же XIX вѣка, женское населеніе превышало мужское: во Франціи на 727,233 чел., въ Англіи на 355,555, что давало на 100 мужчинъ 105,108 женщ.; въ Австріи на то-же число мужчинъ приходилось 125 женщинъ. Вообще-же во всѣхъ государствахъ тогдашней Европы (относительно которыхъ имѣются свѣденія) число женщинъ значительно превышало число мужчинъ. Къ этому-же времени, т. е. къ первой четверти столѣтія, относится и начало движенія въ пользу женщинъ. Затѣмъ движеніе это получаетъ особенно сильное развитіе не во Франціи, а въ Англіи и Германіи. Между тѣмъ, экономическія причины, вызвавшія женскій вопросъ въ Англіи и Германіи, были на лицо и во Франціи. Но во Франціи мужское населеніе быстро стремилось уравниваться съ женскимъ *), въ Англіи и отчасти въ Германіи такого уравниженія не только не происходило, но скорѣе замѣчалось обратное явленіе; въ Англіи, наприимѣръ, съ 1851 по 1871 г. перевѣсъ женскаго населенія надъ мужскимъ увеличился за 70% (см. статью г. Шаш-

*) Стремленіе это обуславливается, кажется, въ значительной степени большимъ перевѣсомъ мужскихъ рожденій надъ женскими. Любопытныя данныя въ этомъ отношеніи для сравненія Англіи приводятся Моро-де-Жонесомъ. Приведемъ здѣсь только общій выводъ: въ Англіи съ 1801—30 г. родилось дѣвочекъ — 4,836,788; мальчиковъ—5,050,678; разность—213,890; во Франціи, въ тотъ же періодъ, дѣвочекъ—13,730,814; мальчиковъ—14,620,830, разность—890,016; слѣдовательно, на 100 дѣвочекъ въ Англіи рождалось 104 мальчика, а во Франціи 106; послѣ 30-тихъ годовъ перевѣсъ рождающихся мальчиковъ надъ дѣвочками во Франціи еще болѣе увеличился. (См. Elem. de stat. p. 311).

кова „Хроника по женскому вопросу“, „Дѣло“, 1872, № 5). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія во Франціи, какъ мы видѣли, на 100 мужч. приходилось 105 женщ.; къ 30-тымъ годамъ перевѣсъ женскаго населенія нѣсколько увеличился, а съ 1831 г. сталъ быстро понижаться, и въ 60-тыхъ годахъ на 100 мужч. приходилось всего 100,3 женщ. (Леуга). Въ то-же время (1861 г.), въ Англіи на 100 мужч. приходилось 105,2 женщ., въ Шотландіи 111,5; въ Виртембергѣ 107,2; въ Саксоніи 104,3; въ Швейцаріи 103; въ государствахъ, входившихъ въ составъ Германскаго таможеннаго союза, 102 (цифры взяты у Леуга и Кольба) и т. д.

Напомнимъ, наконецъ, читателямъ, что и эмансипаціонное движеніе женщинъ въ Америкѣ съ особенною силою развилось послѣ междоусобной войны Юга съ Сѣверомъ.

Посмотримъ-же теперь, какое отношеніе существуетъ у насъ между обоими полами.

По вычисленіямъ Воен.-стат. Сборн. (вып. IV, стр. 49), это отношеніе представляется въ такомъ видѣ:

На 100 мужчинъ приходится:

Въ 50-ти губ. Европ. Россіи.	102,5	женщ.
„ Царствѣ Польскомъ.	106,8	„
„ Финляндіи.	105,4	„
„ Сибири.	95,9	„

При этомъ нужно замѣтить, что отношенія эти весьма сильно измѣняются въ различныхъ частяхъ имперіи. Напримѣръ, въ губерніяхъ ярославской, костромской, вятской на 100 муж. приходится отъ 111 до 118 женщ. Въ губерніяхъ-же петербургской, херсонской и таврической—отъ 80—90 женщ. Вообще, относительно численности половъ, Россію можно раздѣлить на двѣ рѣзко-противоположныя части: сѣверо-восточную и югозападную. Къ первой принадлежать губерніи, въ которыхъ на 100 мужч. приходится болѣе 107 женщинъ *); ко второй—губерніи,

*) Губерніи: архангельская (107,4 женщ.); олонеккая (110,6); вологодская (109,1); вятская (111,7); пермская (110,6); нижегородская (108,5); костромская (114,8); ярославская (118,6); тверская (108,8).

въ которыхъ на 100 мужч. приходится менѣе 100 женщинъ *). Перевѣсъ женскаго населенія надъ мужскимъ имѣетъ мѣсто въ 37 губерніяхъ, въ 10-же (бессарабская, херсонская, подольская, кіевская, екатеринославская, таврическая, херсонская, московская, минская и петербургская) мужское населеніе преобладаетъ надъ женскимъ; въ трехъ губерніяхъ (саратовская, оренбургская, харьковская) оба пола находятся почти въ равновѣсіи (на 100 мужч. отъ 100,1 до 100,8 женщ.). Военно-стат. Сбор. объясняетъ такое характеристическое различіе южной и сѣверной полосъ Россіи тѣмъ обстоятельствомъ, что въ послѣдней „господствуютъ многіе промыслы и фабричныя занятія, губящіе мужчинъ болѣе, чѣмъ женщинъ; въ первой-же заключаются губерніи, развившіяся преимущественно насчетъ мужскихъ переселенцевъ, которые и понынѣ продолжаютъ приливать туда для различныхъ работъ, въ большей пропорціи, чѣмъ женщины“ (стр. 50). О вліяніи городовъ на распредѣленіе половъ будетъ говорить въ слѣдующей главѣ.

По болѣе новѣйшимъ изслѣдованіямъ, обнаруженнымъ Центр. Статист. Ком. въ 1871 году (Статистическій Врем. II, вып. I), отношеніе мужскаго народонаселенія къ женскому представляется въ такомъ видѣ:

Въ губерн. Европ. Россіи, на 100 мужч.	102,4 ж.
„ Царствѣ Польскомъ.	106,7 „
„ губ. и област. Азіат. Россіи.	91,7 „
Вообще въ Россіи.	101,2 „

Среднее отношеніе женскаго населенія къ мужскому ниже, чѣмъ среднее отношеніе, существующее въ Европѣ вообще. По мнѣнію одного весьма авторитетнаго въ этомъ случаѣ писателя (Моро-де Жонесъ), среднее отношеніе женскаго населенія къ мужскому для всей Европы равняется приблизительно 21:20, т. е. на 100 мужч. приходится 105 женщинъ. (Elem. de Stat. p. 309). Однако, по вычисленію Лега (La France et l'Etranger, т. I, p. 655), въ Даніи, Италіи, Бельгіи и Франціи на 100 мужч. приходится

*) Сюда относятся губерніи: бессарабская (88,4); херсонская (91,4); подольская (98,2); кіевская (99,6); екатеринославская (98,2); таврическая (88,9) и астраханская (97,2).

еще менѣе женщинъ, чѣмъ у насъ: въ Бельгіи и Италіи около 99,5, во Франціи 100,5, въ Даніи 100,9.

Посмотримъ теперь, какъ распредѣляются помы по сословіямъ. Вычисленія наши будутъ основаны на данныхъ, собранныхъ Центр. Статист. Комитетомъ. Извѣстно, что наше народонаселеніе во всѣхъ официальныхъ статистическихъ документахъ раздѣляется не по профессіямъ (что было-бы крайне необходимо), а по сословіямъ. Въ этомъ дѣленіи есть много искусственнаго, но, за неимѣніемъ другой классификаціи, намъ приходится ограничиться только этой. Однако, рубрики, неимѣющія почти никакого жизненно-практическаго значенія, въ родѣ, напр., дѣленія почетныхъ гражданъ на потомственныхъ почетныхъ гражданъ и личныхъ, или дѣленія дворянъ: на потомственныхъ и личныхъ, мы все-таки соединимъ въ одну рубрику, и при этомъ почетныхъ гражданъ соединимъ съ купцами.

Дворянъ за 1867 годъ считалось: На 100 мужчинъ:

мужчинъ.	409,604	
женщинъ.	427,868	104,4

Духовенства:

мужчинъ.	301,353	
женщинъ.	323,030	107,1

Городскихъ сословій вообще:

мужчинъ.	2,819,328	
женщинъ.	2,924,498	103,7

Сельскихъ сословій вообще:

мужчинъ.	25,586,354	
женщинъ.	26,667,343	104,2

Военныя сословія, иностранцы и лица, неприписанныя ни къ одному изъ вышеозначенныхъ сословій:

мужчинъ.	2,333,930	
женщинъ.	1,865,572	79,9

Городскія сословія, т. е. купцы и мѣщане, представляютъ слѣдующія численныя отношенія половъ:

Почетные граждане и купцы:	На 100 мужчинъ:	
мужчинъ.	233,348	
женщинъ.	227,909	97,6

Мѣщане и другія город. сословія:

мужчинъ.	2,411,911	
женщинъ.	2,530,090	104,8

Сельскія сословія могутъ быть распредѣлены на:

1. Крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ. 104,6
Крестьянъ, принадлежащихъ къ вѣдомству государственныхъ имуществъ и удѣльному. 104,8
2. Колонисты 97,4

Такимъ образомъ, наибольшей перевѣсъ женскаго населенія надъ мужскимъ представляетъ духовенство; за нимъ слѣдуютъ мѣщане, за ними крестьяне и наконецъ, дворяне; у купцовъ *) же, военныхъ сословій и колонистовъ численность мужского пола перевѣшиваетъ численность женскаго. Интересно было-бы прослѣдить, какъ вліяетъ это распредѣленіе половъ по сословіямъ на браки и смертность, но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ для этого никакихъ данныхъ. Ни браки, ни смертность, ни рождаемость, распредѣленные по сословіямъ, никогда еще не приводились и не приводятся въ извѣстность Статистич. Комитетами. Это весьма прискорбный и весьма существенный пробѣлъ нашей статистики народонаселенія. Намъ приходится по необходимости ограничиться разсмотрѣніемъ вліянія численныхъ отношеній половъ на браки и смертность не по сословіямъ, а вообще безразлично для всего народонаселенія Россіи.

Судя теоретически, можно-бы было подумать, что обиліе браковъ должно зависѣть (въ извѣстной, конечно, степени) отъ большаго

*) Относительно купцовъ, перевѣсъ мужского населенія надъ женскимъ можетъ быть объясненъ отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что нерѣдко мужчины, записываясь въ гильдію, не берутъ гильдейскаго свидѣтельства для лицъ женскаго пола. Впрочемъ, такой-же перевѣсъ мужчинъ надъ женщинами существуетъ и въ сословіи такъ наз. почетныхъ гражданъ (потомственныхъ и личнѣхъ), взятомъ отдѣльно отъ купцовъ.

перевѣса женскаго населенія надъ мужскимъ; что чѣмъ больше въ данной мѣстности женщинъ, тѣмъ больше будетъ заключаться и браковъ. Однако, факты не только не оправдываютъ такого апріористическаго разсужденія, но прямо его опровергаютъ. Стоитъ только сравнить приведенныя выше данныя о численномъ отношеніи половъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи съ данными объ относительномъ числѣ браковъ въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, чтобы вполне въ этомъ убѣдиться. Мы видѣли, что относительно численнаго распредѣленія половъ Россія раздѣляется на двѣ рѣзко-очерченныя полосы: сѣверо-восточную и юго-западную. Въ первой женское народонаселеніе имѣетъ рѣшительный, далеко отклоняющійся отъ средняго уровня перевѣсъ надъ мужскимъ; во второй, наоборотъ, мужское населеніе преобладаетъ надъ женскимъ. Среднее относительное число браковъ, приходящихся на каждую изъ 9 губер. сѣв. полосы, равняется 0,90 браковъ на 100 чел. жителей, т. е. 1 бракъ приходится на 111 жит.; въ губерніяхъ юго-западной полосы 1 бракъ приходится на 99 жит. Затѣмъ, самый крупный итогъ вообще браковъ падаетъ на губ.: волынскую, воронежскую, в. в. донского, курскую, оренбургскую, орловскую, пензенскую, полтавскую, самарскую, рязанскую, тамбовскую, тульскую, черниговскую и харьковскую; во всѣхъ этихъ 14 губерніяхъ 1 бракъ приходится менѣе, чѣмъ на 100 жит. (среднимъ числомъ 1 бракъ на 90,9 жит.) и именно въ нихъ-то численное отношеніе женщинъ къ мужчинамъ всего ближе подходитъ къ среднему отношенію, вычисленному для всей Россіи, именно къ 102 женщ. на 100 мужч. Въ 5-ти изъ названныхъ губерніяхъ оно равняется 101 женщ. на 100 мужч., въ двухъ (харьковской и оренбургской) число женщинъ почти равно числу мужчинъ (100,5:100), въ четырехъ число женщинъ относится къ числу мужчинъ, какъ 103:100, и только въ трехъ число первыхъ относится къ числу послѣднихъ, какъ 104:100.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ сравненій можно вывести слѣдующее заключеніе: число браковъ всего обильнѣе въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ женское населеніе по численности своей или менѣе мужскаго населенія, или равно ему, или если и превосходитъ его, то на самый незначительный процентъ (1—2%);

напротивъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ число женщинъ значительно превышаетъ (свыше 4%) число мужчинъ, число браковъ слускается до своего minimum'a. Это общее заключеніе можетъ быть подтверждено еще и слѣдующими фактами. Въ Россіи, какъ мы видѣли, коэффициентъ браковъ значительно превышаетъ коэффициентъ браковъ во всей Европѣ, за-то у насъ и численный перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами гораздо ниже перевѣса женскаго пола надъ мужскимъ въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ. Въ Россіи среднимъ числомъ на 104 мальчика родится 100 дѣвочекъ *), между тѣмъ смертность въ женскомъ полѣ весьма мало рознится отъ смертности въ мужскомъ; такъ, въ началѣ 60-тыхъ годовъ (60—64) на 1,544,236 (среднее годовое число) родившихся мальчиковъ умерло 1,093,607; разность—440,629; на 1,478,511 родившихся дѣвочекъ умерло 1,066,576; разность—411,935; слѣдовательно, въ то время, какъ разность между родившимися мальчиками и дѣвочками равнялась 65,725, разность между умершими мальчиками и дѣвочками не превышала 27,031.

То же явленіе повторилось и въ концѣ 60-хъ годовъ (съ 1868—1871): разность между родившимися мальчиками и дѣвочками равнялась 70,097; между умершими—46,069. Изъ 1,000 родившихся рождалось въ это трехлѣтіе 511 мальчиковъ и 489 дѣвочекъ (беру круглыя числа); изъ 1,000 же умершихъ: первыхъ приходилось 509, вторыхъ 491. Вслѣдствіе этого у насъ перевѣсъ бракоспособныхъ мужчинъ (принимая за бракоспособныхъ мужчинъ — мужчинъ въ возрастѣ отъ 20—60 л.) надъ бракоспособными женщинами (считая за бракоспособныхъ женщинъ—женщинъ, имѣющихъ еще, по своимъ лѣтамъ, шансы на замужество, т. е. отъ 16—40 лѣтняго возраста) можетъ быть выраженъ отношеніемъ 10:7 т. е. на 100 бракоспособныхъ мужчинъ приходится всего 70 бракоспособныхъ женщинъ **).

*) За пятилѣтіе, съ 1859—64 г., приходилось, среднимъ числомъ, на 100 дѣвочекъ 103 мальчика; въ 1867—104; съ 1868—1870—104 и т. д.

**) Вычисленіе сдѣлано мною на основаніи подробныхъ свѣденій о православномъ народонаселеніи за 1867 г., обнаруженныхъ въ прошломъ году (1872). Цен. Стат. Комит., и расчетовъ г. Бунаковского о возрастномъ распредѣленіи нашего народонаселенія.

Другое подтвержденіе нашего заключенія мы можемъ видѣть также въ слѣдующемъ фактѣ. Изъ всѣхъ вѣроисповѣданій обильнѣе всего браками магометанское. Въ то время, какъ въ Россіи, вообще, 1 бракъ приходится на 100 жит., у магометанъ 1 бр. приходится на 92 жит.; за то въ Россіи вообще на 100 мужчинъ приходится 102 женщины; у магометанъ на то же число мужчинъ приходится только 90 женщинъ.

Такимъ образомъ, законъ спроса и предложенія проявляется здѣсь во всей своей силѣ: чѣмъ больше мужчинъ, сравнительно съ женщинами,—тѣмъ выше спросъ на послѣднихъ и тѣмъ энергичнѣе онѣ привлекаются къ брачной жизни. Наоборотъ, чѣмъ меньше мужчинъ, тѣмъ ниже брачный спросъ на женщинъ и тѣмъ большее количество ихъ отбрасывается на рынокъ промышленнаго труда.

Усиленный спросъ на бракосочетанія съ одной стороны, а съ другой—слишкомъ ранніе браки должны имѣть своими послѣдствіями увеличеніе числа вдовцовъ и вдовицъ. И дѣйствительно, статистическія данныя подтверждаютъ эти предположенія. По свѣденіямъ, обнародованнымъ Центр. Стат. Комит. въ прошломъ (1872) году, въ 1867 году на 100 браковъ приходилось у насъ:

Браковъ холостыхъ съ дѣвцами. .	75,8
„ „ со вдовами , .	4,6
„ вдовыхъ съ дѣвцами. .	10,2
„ „ со вдовами . .	9,5

Слѣдовательно, на 100 брачущихся мужчинъ оказывается около 20 вдовцовъ (т. е. 25%), на 100 брачущихся женщинъ приходится около 14 вдовъ, или болѣе 16%. Легко произвелъ подобныя же вычисленія для Франціи, и вотъ выводы, къ которымъ онъ пришелъ: на 100 брачущихся мужчинъ приходится 87,02 холостыхъ, 12,98 вдовцовъ, на 100 брачущихся женщинъ 92,67 дѣвцы и 7,33 вдовицъ; слѣдовательно, процентъ вдовцовъ во Франціи равняется лишь 14,9%, а вдовъ 7,9%. Такимъ образомъ, у насъ число вдовъ *болѣе* чѣмъ въ два раза, и число вдовцовъ *почти* въ два раза превышаетъ сравнительно съ числомъ вдовъ и вдовцовъ во Франціи. На 100 браковъ

у насъ оказывается *вдовьихъ браковъ* (т. е. гдѣ одна изъ сторонъ или обѣ стороны вдовья 24,6, во Франціи — 18,2.)

Таково вліяніе численнаго отношенія половъ на браки; что-же касается до его вліянія на смертность, то въ Россіи оно весьма ничтожно. Мы уже видѣли, что смертность между женщинами у насъ почти такъ-же велика, какъ и между мужчинами. Изъ 26 мужчинъ умираетъ 1,— одна умершая женщина приходится на 27 женщ.; 1 мужчина умираетъ изъ 53 жит. обоого пола,— 1 женщина—изъ 54 (цифры эти относятся къ 4-хъ-лѣтію, съ 1867—70 гг.). Наибольшая разность въ смертности мужчинъ и женщинъ падаетъ на года: отъ 0—20 л. и отъ 55—90 л. До 5-лѣтняго возраста мальчиковъ доживаетъ 59%, дѣвочекъ 61%. Въ 20-лѣтнему возрасту остается изъ 1,000 род. мужчинъ 519; изъ 1,000 родив. женщ. 540. Слѣдовательно, отъ 0—20 л. возраста процентъ умирающихъ мужчинъ —48,1%, процентъ умирающихъ женщинъ 46%. Благодаря этому обстоятельству, въ этотъ возрастъ (т. е. отъ 0—20 л.) на 10,000 населенія приходится, по вычисленіямъ Буняковскаго, 4,816 мужчинъ и 4,767 женщинъ, что даетъ разность въ пользу мужчинъ-94. Съ 20 до 55 лѣтняго возраста смертность у обоихъ половъ почти одинакова, въ чемъ можно убѣдиться изъ слѣдующей таблицы:

Изъ числа дожившихъ	Умираютъ въ теченіи 5 лѣтъ.		Разность:	
	Муж.	Женщ.	Муж.	Женщ.
До 20-ти лѣтъ.	3,5%	3,4%	+ 0,1	—
» 25 »	4,2%	4,1%	+ 0,1	—
» 30 »	5,0%	5,2%	—	+ 0,2
» 35 »	5,5%	5,7%	—	+ 0,2
» 40 »	7,2%	7,6%	—	+ 0,4
» 45 »	8,9%	8,6%	+ 0,3	—
» 50 »	11,1%	11,3%	—	+ 0,2.

Съ 50 до 90 л. средняя цифра возрастныхъ процентовъ смертности будетъ для мужчинъ 32,5, для женщинъ только 30,4.

Такимъ образомъ, отсюда мы видимъ, что смертность между женщинами, сравнительно съ смертностью между мужчинами, почти одинакова у обоихъ половъ въ возрастѣ отъ 20—30 л., а въ возрастахъ отъ 30—35, отъ 35—40, отъ 40—45, отъ 40—55 л. коэффициентъ смертности у женщинъ выше, чѣмъ у

мужчинъ. Вслѣдствіе того въ возрастѣ отъ 19 — 51 года въ нашемъ населеніи замѣчается почти такой-же рѣзкій перевѣсъ сверстниковъ мужчинъ надъ сверстницами женщинами, какой имѣеть мѣсто въ возрастѣ отъ 0—15 л. Отъ 0—15 л. разность между числомъ мужчинъ сверстниковъ и числомъ женщинъ сверстниковъ = 98, т. е. на 10,000 населенія приходится отъ 0—15 лѣтъ мужчинъ: 3,636, женщинъ 3,538, или на 100 мужч. 97 женщинъ. Съ 14—18 л. число женщинъ беретъ перевѣсъ надъ мужчинами: въ этотъ возрастъ на 10,000 населенія оказывается 829 мужчинъ и 833 женщ., что даетъ на 100 мужч. 100,4 женщ.; въ возрастѣ отъ 18 — 19 л. число женщинъ и число мужчинъ равны; съ 19 по 51 г. на 10,000 насел. приходится 3,980 мужч. и 3,804 женщины, что даетъ разность въ пользу мужчинъ въ 176, или на 100 мужч. 95 женщ.; начиная съ 51 года число женщинъ снова беретъ перевѣсъ надъ числомъ мужчинъ и съ 51 до 90 и болѣе лѣтъ на 100 мужч. приходится 120 женщ. Это возрастное распредѣленіе половъ, съ одной стороны, снова подтверждаетъ высказанную выше мысль о вліяніи численнаго отношенія половъ на браки, а съ другой,—опредѣляетъ характеръ его вліянія на коэффициентъ смертности. Мы видимъ, что коэффициентъ женской смертности особенно высокъ, сравнительно съ коэффициентомъ мужской смертности, въ такъ наз. *рабочіе года* челоуѣческой жизни (съ 20—55 л.); слѣдовательно, чѣмъ больше будетъ женщинъ отъ 20—55 л., тѣмъ выше долженъ быть за этотъ возрастъ и общій коэффициентъ смертности для всего народонаселенія. Во всѣхъ остальныхъ возрастахъ (за исключеніемъ, впрочемъ, возрастовъ отъ 85 — 90 и 90 — 95 л.) женщины умираютъ рѣже, чѣмъ мужчины, потому обиліе женщинъ отъ 0—20 и отъ 55—85 л. не можетъ имѣть дурного вліянія на общій коэффициентъ смертности.

Есть много и другихъ въ высокой степени интересныхъ вопросовъ, связывающихся съ вопросомъ о численномъ отношеніи мужчинъ и женщинъ, напр., вопросъ о состояніи здоровья народонаселенія, о преобладаніи той или другой формы болѣзней, о заработной платѣ и т. п.,—но наша статистика не представляетъ достаточно данныхъ для подобныхъ изслѣдованій и потому мы не будемъ ихъ здѣсь касаться. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ,

когда мы будемъ говорить о наклонности нашего народонаселенія къ пьянству и къ преступленіямъ,—мы еще разъ вернемся къ численному отношенію половъ, теперь-же перейдемъ къ другому не менѣе важному вопросу въ статистикѣ народонаселенія, къ вопросу о распредѣленіи жителей по *возрастамъ*.

Важность этого вопроса трудно даже преувеличить: послѣдствія возрастнаго распредѣленія народонаселенія, подобно послѣдствіямъ полового распредѣленія, отражаются сильно и въ экономическихъ и въ нравственныхъ сферахъ общественной жизни. Отъ того и другого возрастнаго распредѣленія будетъ зависѣть не только взаимное отношеніе существующихъ въ обществѣ *рабочихъ* силъ къ нерабочимъ, но также и отношеніе силъ прогрессивныхъ къ силамъ регрессивнымъ. Поразительное подтвержденіе этой мысли мы находимъ въ сравнительныхъ данныхъ возрастнаго распредѣленія европейскаго и сѣверо-американскаго народонаселенія. Въ 9 государствахъ ¹⁾ западной Европы (относительно другихъ у насъ нѣтъ данныхъ), на 10,000 жит. приходится среднимъ числомъ въ возрастѣ отъ 20—30 л. 1,727 чел., отъ 60—100 л. 797; разность равняется 930 чел., т. е. на каждого старца въ Европѣ приходится 2,16 юношей. Въ Америкѣ, на 10,000 насел. считается юношей (отъ 20—30 л.) 1,856, старцевъ (свыше 60-ти лѣтъ) 420, т. е. на каждого старца приходится 4,4 юноши. При такомъ благоприятномъ отношеніи юности къ старости можетъ-ли Америка не прогрессировать?

Точно также преобладаніе возраста отъ 30—40 и 50 л.,—того возраста, когда человѣческой умъ достигаетъ наибольшей зрѣлости и наивысшей производительности (что подтверждается статистическими данными, приведенными Кетле въ его *Sur l'homme, etc.* и *Physique sociale*),—надъ старческимъ возрастомъ (свыше 60-ти лѣтъ) должно обезпечить обществу и большую сумму индивидуальных силъ, высшій интеллектуальный прогрессъ. Въ Англіи и Пруссіи на 10,000 жит. приходится 1,327 чел. въ возрастѣ отъ 30—40 л.; въ Даніи и Норвегіи—1,377, на то-же числѣ

¹⁾ Вычисленіе сдѣлано на основаніи таблицы, приведенной у Блока (*L'Europe, etc.*, р. 44), 9 упомянутыхъ въ текстѣ государствъ: Франція, Бельгія, Голландія, Данія, Швеція, Ирландія, Великобританія, Норвегія и Пруссія.

жителей въ первыхъ двухъ странахъ считается 668 чел. свыше 60 лѣтъ; въ двухъ послѣднихъ 867; слѣдовательно, въ то время, какъ въ Англіи и Пруссіи на 1 старца приходится почти 2 умственно-зрѣлыхъ человѣка (1,98), въ Даніи и Норвегіи — всего 1,5.

Экономическое значеніе возрастнаго распредѣленія еще очевидно. „Дѣти, говорить по этому поводу знаменитый Брока, — эта радость семьи и надежда націи, съ точки зрѣнія общественной экономіи, бремя для народа: они потребляютъ, ничего не производя. Они живутъ въ долгъ; этотъ долгъ они, конечно, уплатятъ въ послѣдствіи, если только останутся живы; но если она умрутъ раньше, чѣмъ успѣютъ расквитаться съ нимъ, то общество теряетъ даромъ весь потраченный на нихъ капиталъ“ *). Тоже можно сказать и о старикахъ, неспособныхъ къ работѣ: не производя ничего или производя очень мало, они являются, съ чисто-экономической точки зрѣнія, общественными паразитами. Потому возрастъ отъ 0 — 15 л. и отъ 60 — 100 самый убыточный возрастъ для націи. Это въ особенности справедливо относительно Россіи; хотя въ Россіи средняя вѣроятная жизнь стариковъ въ 60, 70 и 80 лѣтъ не превышаетъ среднюю вѣроятную жизнь ихъ сверстниковъ въ Англіи, Франціи, Бельгіи и др. государствахъ Западной Европы; за то средняя вѣроятная жизнь дѣтей отъ 0 — 15 л. несравненно короче, чѣмъ на Западѣ. Такимъ образомъ, наши старики имѣютъ столько-же шансовъ умереть, сколько и старики Западной Европы, а дѣти — гораздо меньше шансовъ жить, чѣмъ дѣти западно-европейцевъ. Для большей наглядности я позволю себѣ привести слѣдующую таблицу, составленную мною для европейскихъ государствъ по даннымъ Блока, — а для Россіи, по вычислениямъ г. Буяковскаго:

*) Выписка сдѣлана по пятатѣ Ле-Фора (см. его ст. Du mouvement de la popul. en France; Revue des Deux Monde, 1867, № 2, за май).

Средняя вероятная жизнь для возрастовъ:

СТРАНЫ.	при рожде- ніи.	въ 5 л.	въ 10 л.	въ 15 л.	въ 60 л.	въ 70 л.	въ 80 л.
Швеція . . .	51 г.	56	53	48	13	7	4
Англія . . .	45 „	55	51	47	13	8	4
Франція . . .	32 „	51	48	44	13	7	3
Бельгія . . .	42 „	53	50	46	13	7	4
Голландія . .	34 „	53	50	46	12	7	3
Россия . . .	26 „	50	47	43	12	7	4

Извѣстно, что нигдѣ такъ не велика смертность между дѣтьми, какъ въ Россіи. По вычисленіямъ Легуа (La France et l'Étranger, II, 1870, p. 482), изъ 1000 родившихся до 1 года доживаютъ:

Во Франціи	791 ч.	
— Бельгій	791 „	
— Англіи	786 „	
— Германіи	750 „	(это старая, впрочемъ, цифра Эсмильха).
— Шлезвигъ и Гольштейнъ	764 „	
— Швеціи	773 „	
— Норвегіи	801 „	
— Даніи	738 „	
— Испаніи	761 „	

Въ Россіи-же, по вычисленію г. Буяковскаго, до 2-го года доживаетъ изъ 1,000 только 735 (по Легуа, только 603, но его цифра ошибочна; 397 чел. изъ 1,000 род. умираетъ не въ теченіи перваго года, а въ первые четыре года). Та-же усиленная смертность дѣтей продолжается у насъ и въ первые пять лѣтъ послѣ рожденія. Изъ 1,000 родившихся у насъ умираетъ въ первые четыре года 407, такъ что до 5 лѣтъ доживаютъ только 593; между тѣмъ въ Англіи, по вычисленію Фарра, до 5 лѣтъ доживаютъ 742; въ Бельгій, по вычисленію Кетле, 730; во Франціи, по вычисленію Демонферону, 707 (а по вычисленію Легуа 669); въ Швеціи, по вычисленію Варинтина, 647 (а по

Леуга 626); въ Норвегій, по вычисленію Леуга, 687; въ Даниі, по вычисленію того-же статистика, 625.

Еще рельефнѣе обнаруживается этотъ фактъ изъ тѣхъ данныхъ, которыя обнародованы въ прошедшемъ (1872) году Центр. Статистич. Комит. Изъ нихъ оказывается, что въ 1867 г. изъ 100 умершихъ до 1 года умираетъ 33,6 чел.; до 5 л.—21 чел.; слѣдовательно, въ первыя 5 л. умираютъ 54,6 чел., т. е. на первыя 5 лѣтъ приходится умирающихъ болѣе, чѣмъ на всѣ послѣдующіе возрасты человѣческой жизни.

Если мы теперь возьмемъ за среднюю цифру ежегодныхъ рожденій въ европейской Россіи 3.000,000 *), и если далѣе предположимъ, согласно вычисленіямъ г. Буяковскаго, что изъ 100 чел. до 1 года умираетъ среднимъ числомъ 26 чел.; до 2 лѣтъ 32 чел.; до 3 лѣтъ 36 чел.; до 4 лѣтъ 38 чел.; до 5 лѣтъ 40 чел.; то окажется, что изъ общаго средняго числа ежегодно рождающихся мы теряемъ:

Въ 1 годъ . . .	780,000 чел.
— 2 — . . .	184,000 —
— 3 — . . .	120,000 —
— 4 — . . .	60,000 —
— 5 — . . .	60,000 —

Всего на 5 л. 1,200,000 чел.

Эти 1,200,000 рожденія составляютъ ничѣмъ не вознаградимую потерю для общества; суммы, потраченныя на содержаніе этого милліона дѣтей, — дѣтей, родившихся какъ будто только для того, чтобы ввести родителей въ расходъ на крестины и похороны, навсегда останутся безвозвратно потерянными. Если мы предположимъ, что содержаніе каждаго ребенка, начиная съ $\frac{1}{2}$ года и до 5 л., обходится около 3 коп. въ день, что на его похороны и крестины тратится по 1 рублю, что леченіе обхо-

*) Эта цифра нѣсколько ниже дѣйствительной. По вычисленію „Воен. Стат. Сборн.“, за 5 лѣтъ (съ 1859—64 г.) ежегодно рождалось, среднимъ числомъ, 3.022,746. Въ 1867 г. цифра рожденій, по вычисленію Центр. Стат. Комит., равнялась 3,101,810. По «Русскому Календарю», съ 1868—70 г. она равнялась 3.151,825. Для простоты вычисленій мы взяли въ текстъ круглую цифру въ 3 милліона.

дится, ну хоть, въ 20—30 коп.; то цифра этой потери, переведенной на деньги, дойдетъ почти до 17 мил. руб. Такимъ образомъ, ежегодно болѣе милліона родителей облакдываются 17-милліоннымъ налогомъ въ пользу смерти. Уми ихъ дѣти въ утробѣ матери, общество сберегало-бы ежегодно, по крайней мѣрѣ, около 6 десятковъ милліоновъ рублей. Потому высокій коэффициентъ нашихъ рожденій, при еще болѣе высокомъ коэффициентѣ дѣтской смертности, представляетъ скорѣе печальное, чѣмъ утѣшительное явленіе; если-бы у насъ рождалось не 3, а 2 мил., то наша денежная потеря уменьшилась-бы почти на 17 мил.

Съ 5-лѣтняго возраста смертность начинаетъ уменьшаться, но все-таки до 15 лѣтъ,—тѣхъ лѣтъ, когда на ребенка можно смотрѣть, какъ на производительную силу (я, разумѣется, говорю о дѣтяхъ большинства, а не меньшинства),—изъ 100 родив. умираетъ еще 5 человекъ. Такимъ образомъ, изъ общаго числа ежегодно рождающихся до рабочаго возраста доживаютъ только 1,650,000 дѣтей, т. е., немножко больше половины. Въ слѣдующее десятилѣтіе, съ 15—25 л., смертность уменьшается до 4 чел. на 100 родив.; затѣмъ она снова поднимается до 5 чел. въ возрастѣ отъ 25—35; въ возрастѣ отъ 35—45 доходитъ до 7 чел. на 100; отъ 45—55 до 8 чел.; отъ 55—65 л. до 9 и отъ 65—75 до 11 чел.; съ 75 лѣтъ коэффициентъ смертности снова начинаетъ понижаться. На возвышеніе коэффициента смертности въ рабочей возрастѣ (отъ 25—50 л.) особенно сильное вліяніе оказываетъ, какъ мы видѣли, увеличеніе женской смертности. Рабочій возрастъ обходится женщинамъ дороже, чѣмъ мужчинамъ; въ то время, какъ изъ 1,000 родив. мужч. въ этотъ возрастъ умираетъ 162, на то-же число родившихся женщинъ умираетъ 172. Эту разность нужно отнести не столько на счетъ материнскихъ обязанностей женщины, сколько на счетъ тяжелыхъ физическихъ работъ, отъ которыхъ у крестьянъ она рѣдко освобождается и во время беременности. Предположеніе это основано на слѣдующихъ данныхъ: по свѣденіямъ Ц. Ст. Ком. (Стат. Врем., вып. VIII, 1872, стр. 451) въ 1867 г. на 100 умершихъ приходилось въ возрастѣ отъ 25—50 л. женщинъ—17; мужчинъ—16 (беру круглыя цифры), между тѣмъ въ большихъ городахъ умирало въ томъ-же возрастѣ на 100 умершихъ 31

мужч. и только 15 (14,8) женщинъ, а въ уѣздахъ и селахъ— 14 мужч. и 17 женщ.

Посмотримъ теперь, какъ вліяетъ эта возрастная смертность на возрастной составъ нашего населенія. Ле-Форъ (Du mouv. de la popul. en Fran. par Leon Le-Fort), группируя народонаселеніе на три возраста: младенческій (отъ 0 — 20), возмужалый (отъ 20—60) и старческій (свыше 60 л.), опредѣляетъ въ слѣдующихъ цифрахъ возрастной составъ населенія Франціи, Бельгіи, Голландіи, Англіи и Пруссіи.

На 10,000 жителей приходится:

	отъ 0—20 л.	отъ 20—60 л.	свыше 60 л.
во Франціи . . .	3,612 чел.	5,373 чел.	1,015 чел.
„ Бельгіи . . .	4,132 „	4,973 „	895 „
„ Голландіи . . .	4,266 „	4,964 „	770 „
„ Англіи . . .	4,534 „	4,732 „	734 „
„ Пруссіи . . .	4,740 „	4,683 „	577 „

А въ Россіи, по вычисленіямъ г. Буняковского, на то-же число жителей приходится: отъ 0—20 л.—4,814; отъ 20—60 л.—4,594 чел. и свыше 60 л.—592.

Слѣдовательно, у насъ дѣтскій и старческій возрасты являются преобладающими: на каждые 100 чел. населенія дѣтей и старцевъ приходится: во Франціи 46,2; въ Бельгіи и Голландіи 50,2; въ Англіи и Пруссіи 52,9; въ Россіи-же 54,06. Правда, процентъ старцевъ у насъ, сравнительно съ другими государствами, весьма незначителенъ, въ одной только Америкѣ онъ еще ниже *), но за то процентъ дѣтей выше, чѣмъ во всѣхъ государ-

*) Вотъ сравнительная таблица числа старцевъ (т. е. лицъ, имѣющихъ свыше 60 лѣтъ), рассчитанная на 10,000 народонаселенія:

С.-Америка . . .	420
Россія . . .	599
Пруссія . . .	602 (это по Блову, а по Ле-Форю 577).
Ирландія . . .	647
Англія . . .	734
Голландія . . .	770
Швеція . . .	782
Данія . . .	838
Бельгія . . .	895
Норвегія . . .	897
Франція . . .	1,015

ствахъ западной Европы (относительно которыхъ у насъ имѣются свѣденія), за исключеніемъ одной Германіи. Въ Ирландіи, какъ и въ Россіи, на 100 чел. населенія болѣе 48 лицъ отъ 0 — 20 л.; во Франціи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Швеціи, Норвегіи, Англіи и Пруссіи на то-же число жителей приходится только 41,8, отъ 0—20 лѣтъ. Потому въ Россіи, несмотря на незначительное число стариковъ, возмужалый возрастъ представляетъ менѣе благопріятное отношеніе къ населенію вообще, чѣмъ на Западѣ; въ то время, какъ въ 8 поименованныхъ выше государствахъ на 100 жит. приходится болѣе 48 (48,4) жит. въ возрастѣ отъ 20—60 л., въ Россіи всего только 45 чел. Особенно поразительный контрастъ представляютъ въ этомъ случаѣ Франція и Россія. Во Франціи, какъ извѣстно, коэффициентъ рожденія наиболѣе уклоняется *внизъ* отъ средняго обще-европейскаго коэффициента; въ Россіи, наоборотъ, онъ отклоняется *наиболѣе вверхъ*. Годичное число роженій у насъ достигаетъ своего maximum'a, во Франціи своего minimum'a. На 100 жителей во Франціи приходится 2,6 роженій (Ле-Форъ), въ Россіи 4,3 роженія (Буныковский). И, несмотря, однако, на это сравнительно ничтожное число роженій, въ первой странѣ на 100 жителей приходится возмужалыхъ рабочихъ (отъ 20—60 л.) 53,7 чел., во второй только 45,9 чел.

Слѣдовательно, 30,000,000 народонаселенія даютъ во Франціи болѣе 16 мил. рабочихъ, а въ Россіи то же народонаселеніе, при двойномъ числѣ роженій, даетъ только 13,782,000 рабочихъ.

Легко вычислить (приблизительно, конечно), какъ великъ долженъ быть тотъ экономическій ущербъ, который мы ежегодно несемъ, благодаря этому, крайне неблагопріятному, сравнительно съ западной Европой, возрастному распредѣленію нашего населенія. По послѣднимъ свѣденіямъ (съ 1867 — 1870 г.) народонаселеніе Россіи (какъ европейской, такъ и азіатской) доходить до 81 милліона; если-бы у насъ процентъ возмужалыхъ рабочихъ стоялъ на той-же высотѣ, какъ во Франціи или, по крайней мѣрѣ, какъ въ Европѣ вообще, въ такомъ случаѣ число лицъ, годныхъ для работы (какъ мужчинъ, такъ и женщинъ), равнялось-бы 43 ¹/₂ милл. или 39 милл. человекъ.

Но при томъ уровнѣ, на которомъ онъ у насъ стоитъ въ дѣйствительности, число это почти не превышаетъ 37 милл.,—слѣдовательно, при французскомъ возрастномъ распредѣленіи населенія, у насъ было-бы 6-ью, а при общеевропейскомъ 2-мя милліонами болѣе рабочихъ, чѣмъ мы имѣемъ ихъ въ настоящее время. Полагая, по крайне-низкой оцѣнкѣ, что каждый рабочій производитъ ежегодно цѣнностей на 70 рублей (по Бушену, средняя ежегодная производительность Россіи равняется почти $2\frac{1}{2}$ милліардамъ рублей), мы, при 6-ти милл. лишнихъ рабочихъ, производили-бы на 420 милл., а при 2-хъ милл. на 140 милл. рублей болѣе, чѣмъ производимъ теперь. Эти-то 420 или, по крайней мѣрѣ, 140 милліоновъ мы и теряемъ ежегодно, благодаря нашему возрастному распредѣленію.

Но не одна только національная производительность страдаетъ отъ такого распредѣленія: отъ него прежде всего страдаютъ сами рабочіе (т. е. *рабочіе* по лѣтамъ, а не по профессіи), — имъ приходится отбывать подати и повинности за слишкомъ большое число *нерабочихъ* лицъ.

Къ сожалѣнію, у насъ не имѣется точныхъ данныхъ для опредѣленія тѣхъ видоизмѣненій, которымъ подвергается этотъ средний возрастной составъ народонаселенія въ различныхъ частяхъ имперіи. Въ 1871 г. Центральный Статистическій Комитетъ обнародовалъ, правда, нѣкоторыя свѣденія о возрастномъ составѣ населенія по губерніямъ (Статист. Врем., II, в. I), но свѣденія эти, по признанію самого комитета, крайне отрывочны, недостовѣрны и притомъ-же касаются лишь 4-хъ губерній: ярославской, нижегородской, кіевской и курляндской. Во всѣхъ этихъ губерніяхъ возрастное распредѣленіе жителей гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ остальной Россіи, и значительно отклоняется отъ *среднихъ чиселъ* г. Бунаковского; такъ, въ ярославской губ. отъ 0 до 20 л. на 100 жит. приходится 36,9, а отъ 20 до 60—51,5; въ нижегородской отъ 0 до 20—42, а отъ 20 до 60—51,2; въ кіевской отъ 0 до 20—48,5, а отъ 20 до 60—47,5. Читатель видитъ, что средняя общерусская норма возрастнаго распредѣленія сохраняется еще отчасти въ кіевской губерніи, но въ губерніяхъ ярославской и нижегородской она совершенно видоизмѣняется. Для ярославской губерніи мы находимъ

отчасти оправданіе этой аномаліи въ томъ, что тамъ средній коэффициентъ дѣтской смертности ниже средняго коэффициента дѣтской смертности для всей Россіи. На 1,000 смертныхъ случаевъ въ Россіи вообще приходится 634 умершихъ въ возрастѣ отъ 0 до 20 лѣтъ, а въ ярославской только 532. Но въ нижегородской губерніи дѣтей умираетъ не меньше, если не больше, чѣмъ во всей Россіи (на 1,000 смертн. случ. отъ 0 до 20 лѣтъ умираетъ 656 чел.). Поэтому тамъ перевѣсъ возмужалаго населенія надъ дѣтскимъ нужно приписать вліянію какихъ-нибудь чистомѣстныхъ, случайныхъ причинъ, а быть можетъ, и невѣрности статистическихъ вычисленій.

Болѣе точныя свѣденія имѣются о Царствѣ Польскомъ и В. К. Финляндскомъ. Въ обоихъ этихъ областяхъ возрастное распредѣленіе жителей рѣшительно благопріятнѣе, чѣмъ въ остальной Россіи. Въ Царствѣ Польскомъ на 100 жит. приходится въ возрастѣ отъ 0 до 20 л.—41,2 чел.; затѣмъ свыше 20—58,8; въ Финляндіи на 100 жит. приходится: моложе 15 л.—35 чел., отъ 15 до 40—40 чел. и отъ 40 до 60—18 чел.

Разсмотримъ теперь нѣкоторыя частности возрастныхъ отношеній; до сихъ поръ мы дѣлили, для удобства сравненія, все народонаселеніе на три возраста, но такое дѣленіе слишкомъ обще: оно даетъ понятіе лишь объ отношеніи рабочихъ силъ къ нерабочимъ. А между тѣмъ, какъ мы сказали выше, возрастное распредѣленіе интересно не только съ этой чисто-экономической точки зрѣнія; отъ него до извѣстной степени зависитъ направленіе общественной и умственной жизни націи. Возрастъ отъ 18 до 30 лѣтъ можно принять за тотъ возрастъ, когда человѣкъ наиболѣе стремится къ активности, когда, недостаточно еще умудренный опытомъ, онъ обнаруживаетъ наибольшую смѣлость въ своихъ стремленіяхъ, наибольшую неустрашимость въ своихъ дѣйствіяхъ. Періодъ жизни отъ 28 до 40 лѣтъ отличается, какъ извѣстно, наивысшею умственною зрѣлостью и потому въ эти годы является та осторожная обдуманность, которая, подъ вліяніемъ „уроковъ жизни“, такъ легко выродается въ вялость и трусливую нерѣшительность. Жизненные цѣли опредѣляются; во внутреннюю и внѣшнюю дѣятельность вносятся большій порядокъ, она утрачиваетъ свою прежнюю порывистость,

она становится *практичнѣе*, а потому и менѣе расходится съ дѣйствительностью, по своимъ стремленіямъ и идеаламъ. Но умъ, продолжая развиваться, усиленно работая, не позволяетъ чело-вѣку слишкомъ сѣзуть свой кругозоръ, слишкомъ измельчить свои интересы. Послѣ 40 лѣтъ стремленіе къ покою начинаетъ преобладать надъ стремленіемъ къ дѣятельности. Посмотримъ-же, въ какомъ взаимномъ отношеніи находятся эти возрасты у насъ. Возьмемъ мужское народонаселеніе европейской Россіи и раздѣлимъ его на 5 возрастовъ: дѣтскій отъ 0—18 л.; юношескій отъ 18—28 л.; возмужалый отъ 28—40 л.; зрѣлый отъ 40—55 и престарѣлый свыше 55 л. Изъ таблицъ г. Буяковскаго слѣдуетъ, что на 100,000 мужчинъ въ Россіи приходится:

Отъ 0—18 лѣтъ	4,464	или	44,6%
„ 18—28 „	1,806	„	18%
„ 28—40 „	1,640	„	16,4%
„ 40—55 „	1,273	„	12,7%
свыше 55 „	817	„	8,1%

Мужское народонаселеніе европейской Россіи равняется почти 32 мил.; за вычетомъ дѣтей, у насъ остается 18,728,000 чел. Слѣдовательно, число нашихъ юношей можно опредѣлить въ 5,760,000 чел.; людей отъ 28—40 л. 5,248,000 чел., отъ 40—55 л. 4,064,000 чел.; свыше 55 л. 3,656,000 чел. Такимъ образомъ у насъ на 1 челоуѣка въ возрастѣ свыше 40 лѣтъ приходится 1,4 чел. въ возрастѣ отъ 18—40 л., а на 1 чел. въ возрастѣ отъ 18—28 л. приходится 1,3 чел. въ возрастѣ свыше 40 л., и 0,91 чел. въ возрастѣ отъ 28—40 л.; вообще же на каждого юношу приходится 2,2 чел. въ возрастѣ свыше 28 лѣтъ. На западѣ почти въ такомъ-же отношеніи къ взрослому населенію (т. е. къ населенію свыше 30 л.) стоятъ лица въ возрастѣ отъ 20—30 лѣтъ; такъ, въ Бельгіи, Даніи, Швеціи и Норвегіи на 1 лицо въ этомъ возрастѣ приходится отъ 2,5 до 2,2 взрослыхъ. Во Франціи и Голландіи почти 3 взрослыхъ для юношей, а въ Англіи 2,1, въ Пруссіи 2,09. Среднимъ числомъ въ Европѣ можно положить на 1 чел. отъ 20—30, 24 чел. свыше 30 л. Въ Америкѣ-же на 1 юношу (отъ 20—

30 л.) приходится только 1,7 взрослыхъ (т. е. свыше 30 л.). Въ Россіи 1,6 взрослыхъ.

Слѣдовательно, съ этой стороны, возрастное распредѣленіе нашего населенія отличается отъ западно-европейскаго болѣе благоприятнымъ отношеніемъ юношей отъ 20—30 лѣтъ къ населенію свыше 30 лѣтъ. Кроме того, на западѣ перевѣсъ юношей, т. е. лицъ отъ 20—30 л., надъ лицами отъ 30—40 л. менѣе значителенъ, чѣмъ у насъ. У насъ на 100 чел. населенія въ возрастѣ отъ 20—30 л. считается 22, а въ возрастѣ отъ 30—40 л. считается 15,4; слѣдовательно, перевѣсъ первыхъ надъ вторыми = 6,6; въ сѣверной Америкѣ онъ = 6,3. Но въ Европѣ онъ гораздо меньше, а именно въ Англии = 4,5; въ Пруссіи = 3,8; въ Швеціи = 4,2; въ Даніи = 5,1; въ Норвегіи = 3,9; въ Голландіи = 4; въ Бельгіи = 3,1; а во Франціи всего 1,6.

По всей вѣроятности, возрастной составъ нашего населенія въ городахъ, особенно большихъ, значительно разнится отъ приведенныхъ здѣсь среднихъ цифръ. Но у насъ нѣтъ данныхъ для опредѣленія этой разницы. Точныя свѣденія о возрастномъ составѣ населенія имѣются только относительно одного Петербурга. Въ Петербургѣ возрастъ отъ 20 — 40 лѣтъ является преобладающимъ возрастомъ населенія. На 100 жит. отъ 20—30 л. приходится 29,2 чел.; отъ 30—40 л. 19,2; отъ 40—60 л. 17,9, а отъ 60—100 л. 6. Слѣдовательно, характеристическія особенности петербургскаго возрастнаго распредѣленія выражаются: во 1) въ весьма ничтожномъ процентѣ дѣтей (отъ 0 — 20 л.), не превышающемъ 27,7 (что объясняется, конечно, съ одной стороны обиліемъ пришлаго рабочаго населенія, а съ другой, какъ увидимъ ниже, меньшою плодovitостью браковъ); 2) въ чрезвычайномъ перевѣсѣ юношескаго народонаселенія надъ народонаселеніемъ въ возрастѣ отъ 30 — 40 л. (этотъ перевѣсъ = 10) и въ 3) въ чрезвычайно вообще благоприятномъ отношеніи юношей къ остальному населенію: во всей Россіи на 100 жит. приходится 22 юноши (отъ 20—30 л.), въ Петербургѣ 29,4; на 1 юношу въ Петербургѣ 1,4 чел. старше 30 л., а во всей Россіи 1,6 *).

*) Возрастной составъ народонаселенія долженъ оказывать несомнѣнное вліяніе на «уголовную статистику» страны, но объ этомъ вліяніи мы будемъ еще говорить ниже, и потому здѣсь нѣтъ надобности касаться этого предмета.

Разсмотрѣвъ главные факторы „движенія народонаселенія“ всей Россіи вообще, перейдемъ теперь къ анализу тѣхъ видоизмѣняющихся вліяній, которыя оказываютъ на эти факторы различныя мѣстныя условія: городская и сельская жизнь, промышленныя и земледѣльческія занятія, земельныя отношенія и т. д.

Н. Н.

НА РОДИНѢ.

(Изъ А. Петефи.)

Родныхъ полей желтѣющая гладь
И марево увидѣлъ я опять...
Я ихъ узналъ, а ты, страна моя,
Узнала-ль вновь забытое дитя?

Была пора, когда въ осенній день
Мнѣ тополи твои давали тѣнь,
И надо мной, чуть видные вдали,
Свой перелетъ свершали журавли.

Когда съ душой, исполненной тревогъ,
Покинулъ я въ слезахъ родной порогъ,
И матери послѣднее прости
Развѣялъ вихрь безслѣдно на пути.

Шли чередой обычною года
И много ихъ исчезло безъ слѣда
Съ тѣхъ поръ, какъ я рѣшился какъ нибудь
Пробить себѣ на свѣтѣ новый путь.

Весь этотъ міръ сталъ школой для меня
И пролилъ въ немъ не мало поту я,
Стремясь впередъ обрывистой стезей
Иль падая въ пустынѣ подъ грозой.

Рядъ этихъ мукъ мнѣ опытъ указалъ,
Онъ горечью наполненный бокалъ
Далъ мнѣ испить и горечь та стократъ
Была страшнѣй, чѣмъ смертоносный ядъ.

Но все-жъ свершенъ тернистый этотъ путь,
Замолкла скорбь, терзавшая мнѣ грудь,
И на глазахъ, какъ память прошлыхъ лѣтъ,
Блаженныхъ слезъ свергаетъ яркій слѣдъ.

Я счастливъ вновь: вотъ колыбель моя,
Гдѣ молокомъ роднымъ былъ вскормленъ я,—
Здѣсь шлють привѣтъ, какъ сыну, съ вышины
Мнѣ небеса родимой стороны.

А. Ш.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БОЛЬНЫЕ ЛЮДИ.

VI.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, какъ отнесся г. Достоевскій къ тому поколѣнію, представителями котораго были отцы Верховенскіе и Ставрогинны; теперь посмотримъ, какъ онъ представляетъ намъ ближайшую ихъ генерацію, ихъ родныхъ дѣтокъ.

Люди изъ „либераловъ-идеалистовъ“ à la Верховенскій или матери изъ категоріи помѣщицъ-самодурокъ à la Ставрогина имѣли прекрасное обыкновеніе держаться относительно воспитанія своихъ дѣтей спокойнаго правила *laissez-faire*. Сбывъ ребенка въ какое-нибудь казенное заведеніе, сдавъ на руки гувернеру или учителю, они считали свою воспитательную роль оконченною и тщательно воздерживались отъ всякаго вліянія на подраставшее поколѣніе. Конечно, это дѣлалось не ради какого-нибудь отвлеченнаго принципа, а просто по лѣни, эгоизму да невѣжеству. Люди, подобные Верховенскимъ и Ставрогиннымъ, очень хорошо знали, что въ теплой атмосферѣ вѣрнопостного быта дѣти должны были рости чисто-ростительною жизнію; отъ нихъ не требовалось ни развитія активной воли, ни воспитанія общественнаго чувства, тѣмъ менѣе образованія, которое-бы становилось въ разрѣзъ съ общепризнан-

нымъ кодексомъ крѣпостныхъ понятій и привычекъ. Такъ-какъ будущая карьера ребенка заранѣе опредѣлялась извѣстнымъ служебнымъ рангомъ, и матеріальное его обезпеченіе готовымъ крестьянскимъ оброкомъ, то родительскія заботы о рѣціональномъ воспитаніи были совершенно излишни. Да и къ чему-бы послужило это воспитаніе, если-бъ оно и сознавалось въ такой невѣжественной и лѣнливой школѣ, какъ маменьки Ставрогинны и папеньки Верховенскіе, когда дальнѣйшее умственное развитіе дѣтей обусловливалось, по преимуществу, интересами и умственнымъ складомъ той среды, въ которую они попадали. Правда, въ большинствѣ случаевъ, интересы и умственное міросозерцаніе этой среды ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ интересовъ и міросозерцанія родителей. Дѣти попадали обыкновенно въ житейскіе тиски такихъ-же самодуровъ или такихъ-же тряпичныхъ идеалистовъ, какими были и ихъ почтенные папеньки и маменьки. Но съ дѣтьми гг. Верховенскихъ и Ставрогинныхъ приключилась неожиданная штука; въ тотъ самый моментъ, когда имъ пришло время учиться, та среда, которой было препоручено ихъ обученіе, подверглась вторженію нѣкоторыхъ новыхъ, рутинною непредусмотрѣнныхъ, умственныхъ элементовъ. Дѣтей охватилъ потокъ какихъ-то „идей“, ни разу еще непопадавшихъ въ прописи, какихъ-то „высшихъ интересовъ“, весьма мало гармонировавшихъ съ реальными интересами ихъ отцовъ. Можетъ быть, эти дѣти, всѣ эти Верховенскіе, Ставрогинны, Шатовы, Кириловы, Виргинскіе etc. etc. при иной наслѣдственной организаціи и не оказались-бы слишкомъ падкими на „новыя идеи“ и „высшіе интересы“; но организація-то ихъ была ужь очень восприимчива. Восковыя свойства нашихъ душъ, конечно, еще не разъ дадутъ себя знать въ нашей послѣдующей исторіи, и имъ мы будемъ обязаны еще многими чудными метаморфозами въ близкомъ будущемъ. Но едва-ли хоть одна изъ предстоящихъ намъ метаморфозъ будетъ заключать въ себѣ столько трагическаго элемента, сколько та метаморфоза, которая превратила законныхъ дѣтищъ гг. Верховенскихъ, Ставрогинныхъ, Шатовыхъ, Кириловыхъ etc. въ „рыцарей идей“. Это была просто какая-то глупая и въ то же время безчеловѣчная иронія судьбы: изъ воска вздумали лѣпить фигуры, предназначенныя для мышленія! Какая несообразность! Но это еще не все: позволивъ этимъ фигуркамъ

думать, желать, создавать великолѣпнѣйшіе идеалы, имъ не дали ни малѣйшей возможности осуществлять свои желанія, переводить теорію въ практику, идеаль—въ дѣйствительность. Ихъ идеи были какъ-бы законопачены въ ихъ головахъ; если имъ и позволялось иногда вылѣзть наружу, то все-таки не иначе, какъ подъ формою все той-же абстрактной идеи. Вѣчно носить въ умѣ идеи, которымъ никогда не суждено перейти въ дѣло, т. е. дойти до послѣдняго фазиса развитія каждой мысли,—это уже само по себѣ пытка, и страшно-мучительная пытка. Однако, и это еще было не все. Можно жить, и даже очень пріятно жить, однимъ идеями, не мечтая о ихъ практическомъ осуществленіи, если только въ запасѣ имѣется достаточное количество пищи для постоянного обновленія и развитія этихъ идей. Въ этомъ случаѣ самый процессъ развитія идей до такой степени можетъ увлечь человѣка въ міръ безпечальнаго созерцанія „отвлеченностей“, что до всего прочаго, до практическаго міра реальныхъ конкретностей, ему и дѣла никакого не будетъ; онъ станетъ самодовольно наслаждаться въ своемъ царствѣ, и хотя это царство только идеальное царство, но онъ не промѣняетъ его на царство реальное, земное. Какъ-бы ни шла въ разрѣзъ дѣйствительность съ его идеалами—это нисколько не разстроитъ его счастливаго настроенія духа, а только еще болѣе заставитъ его привязаться къ послѣднимъ и стать въ сторонѣ отъ первой. Не въ такомъ положеніи очутилось несчастное потомство господъ Верховенскихъ и Ставрогинныхъ. Въ ихъ головы было втиснуто нѣсколько идей, но имъ не дано было никакихъ прочныхъ ресурсовъ для питанія и развитія этихъ идей. Жить идеями, полюбить эти идеи и въ то-же время не имѣть возможности ни осуществлять ихъ во внѣ, ни поддерживать внутренній процессъ ихъ развитія—вотъ по-истинѣ великая пытка, способная сломить и *железнаго*, не только-что *воскового* человѣка! И на эту пытку осудила жизнь ничѣмъ неповинное потомство Верховенскихъ и Ставрогинныхъ. Конечно, и сами родители не могутъ тутъ „умыть руки“. Не могутъ они сказать: мы тутъ не причемъ; независанція отъ насъ обстоятельства сдѣлали изъ нашихъ дѣтей то, чѣмъ они никогда не сдѣлались-бы, если-бы...“ и т. д. Правда, насчетъ и идей—отцы не повинны; эти идеи, по большей части, забрались въ юныя головы, какъ уже сказано, безъ отцовской воли и благословенія. Но воско-

подобный характеръ, но трусливая пассивность, слабость мозговъ, привычка къ умственной спячкѣ—развѣ это не отцовское наслѣдіе и развѣ не ему обязаны дѣти своей трагической судьбою? Конечно, тутъ были и другія условія, имѣвшія роковое значеніе въ ихъ жизни, но все-таки за ними никогда не слѣдуетъ просматривать вліяніе наслѣдственности. Спору нѣтъ, что дѣйствительность слишкомъ мало гармонировала съ лучшими стремленіями, навѣянными новыми идеями, конечно, требовалось много героизма, чтобы вступить съ нею въ борьбу; все это вѣрно. Однако-жъ вѣрно и то, что борьба, какъ-бы она ни была сама по себѣ безнадежна, въ тысячу разъ лучше вѣчнаго приготовленія къ ней, безконечныхъ сборовъ и никогда неосуществляющихся ожиданій. Тамъ всѣтаки дѣятельность, тамъ жизнь, здѣсь пассивное, сонное прозябаніе. Человѣкъ, вступившій въ борьбу, не чувствуетъ ранъ, наносимыхъ ему вражескимъ оружіемъ, онъ не замѣчаетъ своей крови, ему некогда ни скучать, ни отчаяваться; онъ забываетъ о самомъ себѣ, и хотя онъ погибаетъ, но вы не назовете его несчастнымъ. Несчастенъ, глубоко несчастенъ только тотъ человѣкъ, который падаетъ и изнемогаетъ еще прежде, чѣмъ вступить въ реальную борьбу, который самъ вѣчно убиваетъ себя малодушнымъ сомнѣніемъ и, постоянно приготовляясь къ чему-то, постоянно опускаетъ руки, съ отчаяніемъ восклицая: зачѣмъ? Что изъ этого выйдетъ? Что я могу сдѣлать? При подобномъ настроеніи духа, идея, требующая энергіи, является дѣйствительно мучителемъ человѣка, она тиранитъ его и, взаимѣ этихъ мученій, не общаетъ ему никакихъ радостей. Разъ попавъ въ человѣческую голову, не находя тамъ никакихъ матеріаловъ для своего дальнѣйшаго внутренняго развитія и никакихъ средствъ для своего вышняго осуществленія на практикѣ, она становится какимъ-то уже чисто-паталогическимъ явленіемъ. Задержанная въ своемъ логическомъ развитіи, она беспорядочно вышивается во всѣ сферы внутренней жизни человѣка, насильно ввязывается въ такіе психическіе процессы, которые безъ нея совершались-бы гораздо правильнѣе; она получаетъ какое-то уродливое, ненормальное развитіе... Прибавьте къ этому тотъ унаслѣдованный болѣзненный темпераментъ, о которомъ я говорилъ выше, и вы легко поймете, что метаморфоза, превратившая „либераловъ-идеалистовъ“, „самодуровъ“, лакействующихъ крѣпостныхъ въ „рыцарей идей“, въ протестантовъ, что эта

метаморфоза создала почву, въ высокой степени благопріятную для развитія психическихъ аномалій, умственного помѣшательства. Я не хочу этимъ сказать, будто умственное помѣшательство было необходимымъ, естественнымъ продуктомъ тѣхъ психическихъ и общественныхъ условій, при которыхъ росли разные Шатовы, Кириловы, Верховенскіе и имъ подобныя, что личности въ родѣ названныхъ должны быть типическими представителями своего поколѣнія. Нѣтъ, и у этого поколѣнія, несмотря на всё благопріятныя обстоятельства, болѣзненное вырожденіе характера уже потому не могло сдѣлаться общимъ, обыденнымъ явленіемъ, что оно имѣло, подобно поколѣнію отцовъ, восковую душу. Восковая душа, облегчивъ съ одной стороны, усвоеніе новыхъ идей, проникновеніе новыми интересами, съ другой, предохранила юношей отъ печальныхъ послѣдствій метаморфозы, ускорила или, по крайней мѣрѣ, сдѣлала возможнымъ ея обратный процессъ: отъ „рыцаря идеи“ къ либералу-идеалисту, отъ смѣлаго теоретика къ осторожному практику, отъ протестанта къ вялому самодуру или къ пассивно-подчиняющемуся человѣку. Восковая душа спасла многихъ отъ отчаянія и самыхъ непримиримыхъ превратила въ тихенькихъ овечекъ; она приспособила большинство къ новымъ или, лучше сказать, новѣйшимъ требованіямъ жизни, и, такимъ образомъ, благодаря ей, дѣтская трагедія окончилась водевилемъ съ перелѣваньями. Восковая душа облегчила непосредственный переходъ дѣтей господъ Верховенскихъ и Ставрогинныхъ въ адвокатуру, земство, пристроила ихъ къ концессіямъ, ко всевозможнымъ акціонернымъ компаніямъ, къ желѣзно-дорожному дѣлу, къ обществу поощренія русской торговли и промышленности и т. п. Вообще воскъ, какъ извѣстно, вещество весьма пригодное для выдѣлки маленькихъ фигурокъ, и воскового рыцаря идей очень легко было перелѣпить въ современнаго Молчанина. Для того, чтобы человѣкъ могъ помѣшаться на идеѣ, нужно, чтобы онъ былъ вообще способенъ крѣпко прилѣпиться къ идеѣ, чтобы она сдѣлалась выдающимся, господствующимъ факторомъ его душевной жизни. Но воскъ очень мягокъ и вылѣпленные изъ него формы не отличаются большою прочностью; ихъ безъ особаго труда можно смять и перелѣпать. Вотъ почему, какъ я уже сказалъ, помѣшательство, несмотря на условія, несомнѣнно ему благопріятствовавшія, все-таки не сдѣлалось явленіемъ общимъ, а скорѣе является, какъ

нѣкоторое исключеніе. Но если рѣзко-выраженныя формы умственныхъ болѣзней и составляютъ рѣдкое изъятіе изъ общаго правила, то нельзя того-же сказать о формахъ менѣе ясно выраженныхъ, о тѣхъ формахъ, которыя являются какъ-бы переходною ступенькою между здоровымъ и больнымъ состояніемъ человѣческой души. Идеи, запертыя въ головахъ, въ уединенное заключеніе и посаженныя на весьма скудную діету, не могутъ развиваться вполне нормально; желанія, которымъ никогда не суждено удовлетворяться, не могутъ не оставлять слѣда какой-то приниженности, недовольства на общемъ фонѣ психической жизни. И пока уединенно законопаченныя идеи окончательно не повытряхаются изъ головы, пока не замрутъ желанія и не затухнутъ „высшіе интересы“ другими интересами, хотя и не столь возвышенными, но за-то болѣе реальными, пока всѣ эти метаморфозы не совершатся въ восковой душѣ юноши, до тѣхъ поръ въ этой душѣ есть много поводовъ къ развитію психическихъ аномалій. Мы указали нѣкоторые изъ нихъ; но это еще не всѣ; были и другіе и, быть можетъ, не менѣе существенные. Здѣсь намъ нѣтъ надобности перечислять ихъ отъ перваго до послѣдняго, но нельзя не остановить вниманіе, по крайней мѣрѣ, хоть на одномъ изъ нихъ, — на рѣшительномъ преобладаніи интеллектуальной жизни надъ прочими сторонами характера дѣтей. Такое отсутствіе равновѣсія въ отправленияхъ психическаго организма, взятое само по себѣ, можетъ быть, и не составляетъ недостатка, и во всякомъ случаѣ никто не увидитъ въ немъ болѣзненную аномалію. Но вспомните, что психическій организмъ младшихъ Ставрогинныхъ, Верховенскихъ, и др. былъ весьма мало подготовленъ къ подобному казусу; вспомните, что длинный рядъ предшествующихъ генерацій велъ жизнь, по преимуществу, растительную; что у этихъ полу-людей элементъ чувственно-животный рѣшительно преобладалъ надъ элементомъ интеллектуальнымъ; вспомните, что нѣкоторыя изъ этихъ дѣтей, какъ, напр., Шатовъ непосредственно вышли изъ той „суровой среды“ гдѣ, по мѣткому замѣчанію одного современнаго поэта, „поколѣнія людей живутъ бессмысленнѣй звѣрей и мрутъ безъ всякаго слѣда и безъ урока для дѣтей“. И вдругъ этотъ слабый интеллектъ, непривыкшій къ самостоятельной работѣ, всегда игравшій второстепенную, подчиненную роль, возводится на степень главнаго, преобладающаго фактора душевной жизни; ему не-

редаются всё бразды внутренняго управленія, ему стараются насильственно подчинить тѣ чисто-инстинктивныя проявленія чело-вѣческой природы, которыя еще такъ недавно считались неподлежащими никакому разумному контролю. Развѣ подобный психическій переворотъ, развѣ это неожиданное переищженіе центровъ тяжести психической жизни не грозитъ весьма серьезными опасностями бѣдному уму дѣтей? Правда, и тутъ восковыя свойства ихъ души помогли имъ и счастливо выручили изъ бѣды; „жизнь по принципу“, надъ которой въ свое время такъ много смѣялись, въ которой, дѣйствительно, часто встрѣчалось не мало нелѣпостей и эксцентричностей, но которая все-таки показывала, что у чело-вѣка преобладаетъ критика надъ рутиню, разумность надъ животностью,—эта жизнь очень скоро выродилась въ пустое и водянистое резонерство, язву нашихъ дней.

Наконецъ, нельзя не указать еще на одно обстоятельство, въ высокой степени благопріятствовавшее болѣзненному вырожденію характеровъ,—это тѣ внѣшнія условія, та матеріальная обстановка, въ которой очутилось большинство дѣтей послѣ отбвѣны крѣпостного права. Здѣсь не мѣсто говорить подробно объ этихъ условіяхъ, но никто не станетъ отрицать, что даже съ чисто-гигіенической точки зрѣнія они были крайне неудовлетворительны. Жизнь пролетарія, а именно такую жизнь приходилось вести разнымъ Верховенскимъ, Виргинскимъ, Шатовымъ, Кириловымъ и т. п., уже сама по себѣ представляетъ весьма мало шансовъ для здороваго развитія чело-вѣческаго организма. Только природы энергическія, только дѣятельные и мужественные характеры, только люди, привыкшіе къ самостоятельному труду, не раздавлены ея тяжелымъ бременемъ, только они въ состояніи выйдти цѣлыми и невредимыми изъ той тяжелой борьбы, которую она имъ готовить. Но потомство людей сороковыхъ годовъ, какъ мы уже знаемъ, не отличалось подобными качествами; имъ негдѣ и некогда было выработаться.

Крѣпостное право завѣщало имъ лѣнь, непривычку къ дѣятельной жизни, пассивность и вялость. И съ такими свойствами имъ пришлось попасть въ обстановку пролетарія! Правда, и это вліяніе недолго имѣло мѣсто. Скоро для дѣтей открылись заманчивыя перспективы практической дѣятельности; потребовались „дѣятели и сѣятели“, открылись вакансіи въ судебномъ вѣдомствѣ, пошли въ ходъ раз-

ные банки, акціонерныя, торговыя, техническія и инныя общества, бѣдняку была брошена довольно вкусная подачка, и настроеніе его духа совершенно измѣнилось. Но все это случилось уже нѣсколько позже. Условія жизни юншества измѣнились, и восковыя свойства его души, гарантировали его отъ дальнѣйшихъ умственныхъ и нравственныхъ потрясеній. Тѣмъ не менѣе, однако, раньше, какъ мы старались выше объяснить, несомнѣнно существовалъ такой моментъ, когда всѣ условія, — и наследственныя предрасположенія, и внѣшняя обстановка и характеръ воспитанія, — были въ высокой степени благоприятны для развитія психическихъ аномалій, весьма близко приближающихся къ концу пограничной области, отдѣляющей болѣзнь отъ здоровья.

VI.

Г. Достоевскій беретъ на себя трудъ анализировать эти аномаліи. Задача, повидимому, вполне соответствующая его таланту, таланту весьма искусному въ психіатрическомъ анализѣ и никогда невыходящему за предѣлы этого анализа. Однако, на этотъ разъ работа оказалась совершенно не подъ силу автору. Я уже выше сказалъ, что г. Достоевскій способенъ на анализъ лишь *нѣкоторыхъ* психіатрическихъ явленій; изъ „Бѣсовъ“ оказывается, что это именно тѣ явленія, которыя, такъ сказать, болѣе или менѣе присущи его собственной душѣ; что онъ, какъ и большинство нашихъ беллетристовъ, совершенно неспособенъ къ объективному наблюденію; созерцая собственныя внутренности, наблюдая за проявленіями своей личной психической жизни, г. Достоевскій, какъ истый русскій романистъ, воображаетъ, будто онъ изучаетъ дѣйствительность и создаетъ характеры живыхъ людей. Въ „Бѣсахъ“ авторъ представляетъ намъ цѣлую галерею помѣшанныхъ юношей: Верховенскаго, Ставрогина (сыновей), Шатова, Кирилова, Шигалева, но ни въ одномъ изъ нихъ вы не увидите ни образа, ни подобія живого человѣка, это какіе-то манекены, и къ каждому манекену нашить ярлыкъ съ означеніемъ характера бреда, которымъ онъ одержимъ. Одинъ бредитъ (въ буквальный смыслъ этого слова, см. ч. II, стр. 280) проектомъ будущаго соціальнаго устройства, по которому все человѣчество должно быть раз-

дѣлено на двѣ неравныя части: одна десятая получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятими; а эти послѣдніе превращаются въ какихъ-то вьючныхъ животныхъ; и путемъ длиннаго ряда переходовъ достигаютъ состоянія первобытной райской невинности (ib, стр. 282). Другой бредитъ теоріею самоубійства; третій бредитъ теоріею самого г. Достоевскаго, изложенною въ „Гражданинѣ“, о *народъ боиносирь*, — теоріею, которая отождествляетъ понятіе о Богѣ съ понятіемъ о національности (см. ч. II, стр. 62—64). Четвертый бредитъ теоріею какого-то разрушенія, долженствующаго произойти при помощи всеобщаго разврата, оглубнія, мошенничества и подставнаго Ивана Царевича (ч. II, стр. 304—308). Пятый ничѣмъ особеннымъ не бредитъ, но развратничаетъ до самозабвенія, кусается и выкидываетъ всевозможныя эксцентрическія штуки. За вычетомъ бреда, манекены г. Достоевскаго ничѣмъ особеннымъ другъ отъ друга не отличаются: Шатова не распознаешь отъ Кирилова, Верховенскаго отъ Ставрогина и т. п. Ихъ бредъ не находится ни въ какой логической связи съ ихъ характерами, да и характеровъ-то у нихъ никакихъ нѣтъ. Шатовъ и Кириловъ внѣ сферы своего бреда совсѣмъ какъ-бы не существуютъ; Верховенскій сколько-нибудь своеобразенъ только въ своей фанатической исповѣди Ставрогину (ч. II, стр. 299—309) Но эта исповѣдь нимало не гармонируетъ съ общимъ характеромъ героя, выкроеннаго по шаблону дѣсковскихъ нигилистовъ. Ставрогинъ—это какое-то блѣдное воплощеніе какой-то мистической теоріи о характерѣ „русскаго человѣка“, подробно излагаемой авторомъ въ фельетонахъ „Гражданина“. Съ точки зрѣнія этой теоріи русскій человѣкъ, съ одной стороны, постоянно хочетъ дерзнуть, съ другой стороны, — дерзнувъ, стремится къ смиренному покаянію и самоубиенію. Такого-то, на все дерзающаго и кающагося, человѣка тщится г. Достоевскій изобразить въ взбалмошномъ сынѣ Варвары Петровны. Впрочемъ, моментъ покаянія отгѣненъ весьма слабо. Ставрогинъ хотя и терпѣливо сноситъ плухи „за грѣхи свои“, но вообще кается не особенно усердно. За это авторъ истомляетъ его внутренними страданіями, доводитъ до отчаянія и заставляетъ повѣситься. Но, независимо отъ полнаго отсутствія художественности въ изображеніи характеровъ „юныхъ безумцевъ“, субъективизмъ автора съ особою рельефностью высказывается въ

содержаніи того бреда, который онъ влагааетъ въ уста своихъ ма-неменовъ.

Бредъ вертится на такихъ мистико-загадочныхъ вопросахъ, о которыхъ, кромѣ двухъ, трехъ московскихъ кликушъ, самого автора, да развѣ еще философа Страхова, вѣроятно, никто никогда во всей Россіи не думалъ и не думаетъ. Если-бы наше юношество воспитывалось подъ исключительнымъ вліяніемъ достопамятнаго Ивана Яковлевича, если-бы оно почерпало всю свою мудрость изъ богословскихъ писаній Хомякова и философскихъ трактатовъ Кирѣевского, если-бы его вмѣсто гимназій и университетовъ отправляли въ монастыри и къ отцамъ схимникамъ, если-бы оно съ пеленокъ было окружено спертою атмосферою семинарской схоластики, казарменной школы и юродствующаго невѣжества, — тогда, и только тогда, изъ его среды могли-бы выходить больные, одержимые шатовскимъ и кириловскимъ бредомъ. Авторъ какъ-будто не подозреваетъ, что между міросозерцаніемъ сумасшедшаго и міросозерцаніемъ той среды, изъ которой онъ вышелъ, всегда существуетъ самая тѣсная неразрывная связь. Его занимаютъ тѣ-же вопросы, онъ разрабатываетъ тѣ-же темы, которые занимаютъ и разрабатываются окружающими его людьми; онъ никогда не выходитъ изъ круга *ихъ* интересовъ, *ихъ* мыслей. „Среда“ доставляетъ ему весь тотъ психическій матеріалъ, весь тотъ умственный фондъ, изъ котораго его больной мозгъ строитъ свои болѣзненные представленія и черпаетъ свои *idées fixes*. Идеи сумасшедшаго отличаются отъ идей породившей его среды не по своему содержанію, а по характеру своего развитія и въ особенности по своимъ отношеніямъ къ прочимъ факторамъ психической жизни человѣка. Какъ ни одинъ человѣкъ не можетъ видѣть во снѣ ничего такого, чего-бы онъ сознательно или бессознательно не передумалъ и не почувствовалъ на яву, — такъ точно ни одинъ психически больной не можетъ формировать свои идеи независимо отъ данныхъ, сознательно или бессознательно усвоенныхъ отъ окружающихъ его людей. Поэтому по характеру сумасшествія и по содержанію бреда больного всегда возможно опредѣлить характеръ и міросозерцаніе среды, изъ которой онъ вышелъ. Въ болѣзненныхъ представленіяхъ уродцевъ, созданныхъ не совсѣмъ нормальной фантазіей г. Достоевскаго, — уродцевъ, помѣшавшихся на какихъ-то неопредѣленно мистическихъ пунк-

тахъ, — очевидно, нисколько не отражается міросозерцаніе той среды, — среды лучшей образованной молодежи, изъ которой они вышли. Правда, пунктъ помѣшательства Верховенскаго нѣсколько болѣе правдоподобенъ. Его *idée fixe* рѣзко отличается отъ туманныхъ фантазмагорій Шатова и Кирилова. Между нею и вопросами, волнующими ту среду, изъ которой вышелъ Верховенскій, дѣйствительно существуетъ нѣкоторая связь, и помѣшательство на ней сына Степана Трофимовича, не представляя никакого абсурда, могло-бы, напротивъ, стать очень благодарною темою для психіатрическаго анализа. Но тутъ-то вотъ и обнаружилось все безсиліе авторскаго таланта, способнаго лишь на произведеніе своихъ субъективныхъ ощущеній. Онъ никогда не наблюдалъ и не можетъ себѣ представить, даже въ самыхъ общихъ, я не говорю уже, — образныхъ чертахъ психическое состояніе человѣка, помѣшавшагося на идеѣ разрушенія. Потому идея у него осталась сама по себѣ, а человѣкъ самъ по себѣ; между бредомъ и бредящимъ не существуетъ ни малѣйшей связи. Если-бы какой-нибудь шутникъ вырѣзалъ изъ романа тѣ страницы, на которыхъ напечатанъ разговоръ Верховенскаго съ Ставрогинимъ объ Иванѣ Царевичѣ (ч. 3, стр. 299—309), то читателю и въ умъ-бы никогда не пришло, что Верховенскій фанатикъ, одержимый несбыточными идеями. Вообще характеръ этой личности составленъ механически крайне грубымъ и топорнымъ образомъ, изъ двухъ частичекъ, неимѣющихъ между собою ничего общаго: съ одной стороны, авторъ, позаимствовавъ изъ одного стенографическаго отчета нѣсколько біографическихъ данныхъ объ одномъ подсудимомъ, вздумалъ воспроизвести ихъ въ лицѣ своего героя, съ другой стороны, онъ подслушалъ гдѣ-то чью-то мысль о необходимости „разрушенія“, не понявъ ея, перевралъ, перепуталъ, затѣмъ эту перевертанную мысль облекъ въ формы безсвязнаго бреда и объявилъ, будто этотъ бредъ—*idée fixe* его героя. Но какой-же читатель этому повѣритъ? Читатель видитъ только плохое олицетвореніе одного стараго стенографическаго отчета и пришитую къ нему бѣлыми нитками какую-то нелѣпость, самимъ авторомъ изобрѣтенную и ничего общаго съ его стенографическимъ олицетвореніемъ неимѣющую. Совершенно не понимая, не имѣя даже ни малѣйшаго предчувствія о тѣхъ психическихъ и фізіологическихъ феноменахъ, которые совершаются въ душѣ человѣка, одержимаго

какою-нибудь *idée fixe*, авторъ нѣвольно воображаетъ, будто достаточно заставить человѣка говорить безсвязный отрывочный вздоръ, притомъ вздоръ ни мало несообразный ни съ образомъ жизни этого человѣка, ни съ его поведеніемъ, ни съ дѣятельностью,—и характеръ больного субъекта очерченъ. Благодаря такой забавной мысли, герои послѣдняго романа г. Достоевскаго болѣе походятъ на пьяныхъ или на одержимыхъ острымъ *delirium tremens*, чѣмъ на хронически больныхъ, или вообще на трезвыхъ людей. Когда Верховенскій начинаетъ излагать Ставрогину свое *profession de foi*, то у послѣдняго прежде всего является вопросъ: „гдѣ онъ успѣлъ напиться“? Вѣроятно, тотъ-же вопросъ приходилъ на умъ и гостямъ Виргинскаго, присутствовавшимъ при „бредѣ“ Шигалева (ч. 2, стр. 279—281). Этотъ юноша задался идеею, что онъ избобрѣлъ какое-то удивительнѣйшее рѣшеніе социальнаго вопроса, котораго до него никто и не подозрѣвалъ, и въ которомъ, по его мнѣнію, заключается все спасеніе человѣчества. „Кромѣ моего разрѣшенія общественной формулы, восторженно восселицаеть онъ,—не можетъ быть никакого“... „все, что изложено въ моей книгѣ, незамѣнимо и другого выхода нѣтъ, никто ничего не выдумаетъ“ (ч. 2, стр. 280—281). Но кромѣ этого восторженнаго заявленія ничто не даетъ намъ право заключать, что Шигалевъ дѣйствительно одержимъ какою-нибудь *idée fixe*. Въ своемъ безсвязномъ бреде онъ даже самъ съ ироніею относится къ своей теоріи. „Я, бредить онъ, запутался въ собственныхъ данныхъ, и мое заключеніе въ прямомъ противурѣчьи съ первоначальной идеею, изъ которой я выхожу“... (ib.). Г. Достоевскій не подозрѣваетъ, кажется, что у сумасшедшаго, одержимаго хроническимъ однопредметнымъ помѣшательствомъ, есть своя логика, и логика очень сильная; онъ обыкновенно излагаетъ свои мысли связно, пространно и совершенно спокойно (если только ему не противурѣчатъ); онъ слишкомъ убѣжденъ въ своей правотѣ и непогрѣшимости, онъ слишкомъ проникнутъ возможностью своихъ умозрѣній, чтобы лѣзть изъ-за нихъ на стѣну. Въ его рѣчахъ гораздо болѣе торжествующаго самодовольства, чѣмъ горячечнаго волненія. При томъ-же въ настоящее время, при современныхъ успѣхахъ психіатріи, странно воображать, какъ это дѣлаетъ авторъ „Бѣсовъ“, будто мѣстное пораженіе мозга, помѣшательство на одной какой-нибудь идеѣ, можетъ имѣть мѣсто безъ общаго, болѣе или менѣе ясно выражен-

наго разстройства всего психическаго организма; будто человекъ можетъ возрастить въ своей головѣ безумныя идеи, породить по поводу ихъ всякую чушь, и въ то-же время оставаться совершенно здоровымъ во всѣхъ прочихъ проявленіяхъ своей аффективной и интеллектуальной жизни. Только люди, впавшіе во временной горячечный бредъ, подъ вліяніемъ алкоголя или какихъ-нибудь иныхъ сильныхъ нервныхъ потрясеній, представляютъ нѣкоторую аналогію съ юными героями „бѣсовъ“, въ особенности съ Верховенскимъ и Шигалевымъ. Шатовъ и Кириловъ въ развитіи своихъ безумныхъ идей обнаруживаютъ болѣе логики, но и они все-таки болѣе смахиваютъ на пьяныхъ, чѣмъ на больныхъ. Если-бы они слишкомъ часто не впадали въ бредъ, читатель ни за что-бы не догадался, что это хроническіе больные, помѣшанные одинъ—на отрицаніи, другой—на исканіи истины. Они бредятъ, „точно по книжкѣ читаютъ“ (см. ч. 2, стр. 60), отчитываютъ и все кончено и незамѣтно, что они сумасшедшіе. Одинъ Кириловъ составляетъ нѣкоторое исключеніе и то только потому, что авторъ постоянно заставляеть его бредить и, кромѣ этого бреда, не знакомитъ насъ рѣшительно ни съ чѣмъ, что могло-бы имѣть хоть какое-нибудь отношеніе къ его внутренней жизни. Вы получаете нѣкоторое понятіе о свойствѣ бреда Кирилова, но у васъ не остается ни малѣйшаго представленія о самомъ Кириловѣ. О Шатовѣ уже и говорить нечего; это плохое олицетвореніе фельетоновъ „Гражданина“ (Дневника писателя), какъ Верховенскій олицетвореніе стенографическаго отчета, и ничего болѣе. Тутъ опять сказывается все безсиліе художественнаго таланта автора. Идеи, вложенныя въ уста Шатова и Кирилова, очевидно, его собственныя идеи, онъ самъ додумался до нихъ, онъ не подслушалъ ихъ гдѣ-то на улицѣ, какъ онъ подслушалъ у кого-то шигалевскую философію и верховенскія теоріи; потому онъ развиваетъ ихъ (т. е. заставляеть своихъ героевъ развивать) довольно логично, до такой степени логично, что даже „Гражданинъ“ не прочь позаимствовать у Шатова его мистическія бредни. Видимо, что эти бредни—плоть отъ плоти, кровь отъ крови самого автора. Но за то ими однѣми и исчерпывается весь характеръ Шатова и Кирилова. Кромѣ отвлеченнаго, абстрактнаго бреда, въ нихъ нѣтъ рѣшительно ничего реального, конкретнаго: онѣ изображаютъ собою одинъ горячечный бредъ и только. Авторъ пережилъ идеи, вло-

женныя имъ въ уста его двухъ героевъ, но онъ, вѣроятно, не помышлявъ на этихъ идеяхъ, для него онѣ не болѣе, какъ нѣкоторыя отвлеченныя умозрѣнія, неиграющія никакой господствующей роли въ его психической жизни. У него онѣ имѣютъ, такъ сказать, чисто мѣстный характеръ, занимаютъ лишь очень маленький уголокъ въ его внутреннемъ мірѣ. Если-бы значеніе ихъ измѣнилось, если-бы онѣ превратились въ деспотическія *idées fixes*, то и весь внутренній міръ автора измѣнился-бы, онъ испыталъ-бы такія субъективныя ощущенія, которыхъ теперь и представить себѣ не можетъ. Тогда-бы онъ могъ дать намъ если не художественный образъ (онъ, вообще, не обладаетъ способностью къ художественному синтезу) то, по крайней мѣрѣ, вѣрный и правдивый анализъ шатовскаго и кириловскаго характеровъ. Теперь-же онъ далъ намъ лишь анализъ своихъ идей, а изъ однихъ идей, да еще несомнѣнно нелѣпныхъ, нельзя выкроить характера. Вотъ отчего его Шатовъ и Кириловъ вышли только манекенами. Но и манекеновъ-то онъ не сумѣлъ создать порядочныхъ; вмѣсто того, чтобы соображаться при ихъ построеніи съ тѣми безумными идеями, которыя они должны были воплощать въ себѣ, онъ, подъ вліяніемъ, вѣроятно, своего шаловливаго чортика, вздумалъ соображаться съ тѣми несчастнымъ стенографическимъ отчетомъ, изъ котораго уже сдѣлалъ столько ненужныхъ заимствованій и въ которомъ всего менѣе могъ найти матеріалы, пригодныя для своихъ манекеновъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть-ли какая-нибудь логическая возможность предположить, будто люди, долженствующіе служить олицетвореніемъ московскаго кликушества и философіи „Гражданина“, чтобы эти люди впутались въ тайное политическое общество, руководимое Верховенскимъ и преслѣдуемое цѣли, неимѣющія ничего общаго съ ихъ *idées fixes*? Между міросозерцаніемъ Ставрогинныхъ, Верховенскихъ, Виргинскихъ, Шигалевыхъ т. п. и міросозерцаніемъ Шатова и Кирилова не было ни единой точки соприкосновенія; то, что волновало и интересовало первыхъ, было совершенно индифферентно для послѣднихъ, и наоборотъ. Зачѣмъ-же романисту вздумалось свести всѣхъ этихъ людей вмѣстѣ? Вѣдь они принадлежали не только къ различнымъ, но и противоположнымъ лагерямъ. Неужели г. Достоевскій не могъ понять, что на манекена, приноровленнаго къ средѣ Верховенскихъ и Ставрогинныхъ, нельзя нашивать кириловско-шатовскаго міросозерцанія? Неужели его нисколько не шоки-

рвала дикая нелѣпость измышленнаго имъ сопоставленія? Безъ преувеличенія можно сказать, что ни одинъ изъ самыхъ даже лубочныхъ беллетристовъ отечественной прессы никогда еще не впадалъ въ такой психическій абсурдъ, никогда еще такъ грубо не нарушалъ самыхъ элементарныхъ правилъ художественнаго творчества, самыхъ законныхъ требованій правдоподобія.

VIII.

Будь г. Достоевскій хоть капельку менѣ субъективенъ, обла- дай онъ хоть въ слабой степени художественнымъ синтезомъ, онъ- бы, конечно, никогда не написалъ своихъ „Бѣсовъ“, по всей вѣро- ятности, онъ не написалъ-бы ихъ и въ томъ случаѣ, если-бы могъ предчувствовать, въ какомъ невыгодномъ свѣтѣ обрисуются въ нихъ его микроскопическій талантъ. До „Бѣсовъ“ г. Достоев- скаго если и нельзя было считать за художника, въ истинномъ значеніи этого слова, то все-таки мы могли въ немъ видѣть очень тонкаго и искуснаго анализатора различныхъ психическихъ аномалій, *поэта выражающихся характеровъ*. „Бѣсы“ пока- зали теперь, что кругъ патологическихъ явленій человѣческой души, доступныхъ анализу автора, крайне ограниченъ и что чуть только онъ вздумалъ выйти изъ него, онъ тотчасъ утратилъ всю свою чуткость и наблюдательность. Куда дѣвалась его способность къ анализу? Что случилось съ его умѣньемъ тонко подмѣчать и жѣтко обрисовывать различныя оттѣнки болѣзненныхъ настроеній души? Только въ обрисовкѣ характеровъ Верховенскаго-отца и Варвары Петровны Ставрогинной г. Достоевскій обнаруживаетъ прежнюю силу своего анализа, но, переходя къ характерамъ боль- ныхъ людей изъ современнаго поколѣнія, онъ уже ничего не об- наруживаетъ, кромѣ притязательной бездарности. Тутъ уже нѣтъ и слѣда художественнаго творчества, тутъ нѣтъ и намека на ка- кой-бы то ни было анализъ, мы видимъ только простое, механи- ческое сочетаніе отрывковъ стенографическаго отчета съ нелѣпными идеями самого автора. Такимъ образомъ, и г. Достоевскаго по- стигла та-же судьба, какую испытали его сверстники-беллет- ристы 40-хъ годовъ; когда они ограничивались въ своихъ про-

изведеніяхъ анализомъ собственныхъ внутренностей, дѣло шло недурно; таланта ихъ какъ разъ хватало на эту работу, на ней они создали свою репутацію. И эта репутація ввела ихъ въ заблужденіе. Они воображали, будто и въ самомъ дѣлѣ они—хорошіе художники, будто имъ стоитъ только захотѣть, и они воспроизведутъ жизнь молодого поколѣнія съ такимъ-же искусствомъ, съ какимъ они воспроизводили свою собственную. Известно, какъ жестоко они были наказаны за свои притязанія, и какой позорный фіаско потерпѣли ихъ quasi-художественныя изображенія недоступнаго ихъ наблюденію міра. Но до „Бѣсовъ“ г. Достоевскаго романисты тщились воспроизводить характеры здоровыхъ юношей, они брали изъ ихъ жизни то, что считали въ ней наиболѣе нормальнымъ, живымъ и дѣйствительнымъ. Г. Достоевскій, вздумалъ, на-оборотъ, коснуться аномальныхъ, патологическихъ явленій этой жизни, но, какъ мы видимъ, не былъ счастливѣе своихъ собратій.

Если беллетристы-сверстники г. Достоевскаго сочиняли карикатуры на *здоровыхъ* людей „новаго (теперь-то, впрочемъ, стараго) поколѣнія“, то авторъ „Бѣсовъ“ написалъ карикатуру на *больныхъ* людей того-же поколѣнія. Карикатура его вышла очень плоха; но какъ-бы ни была плоха карикатура, она все-же должна имѣть хоть какое-нибудь сходство съ подлинникомъ; въ противномъ случаѣ это не будетъ и карикатура. Когда критикѣ приходится имѣть дѣло съ невѣрнымъ, фальсифицированнымъ, карикатурнымъ изображеніемъ дѣйствительности, положеніе ея становится затруднительнымъ: съ одной стороны, она обязана выяснить читателю смыслъ того жизненнаго явленія, которое изображается въ данномъ произведеніи, указать на вызвавшія его причины и т. п., руководствуясь при этомъ главнымъ образомъ матеріаломъ, заключающимся въ самомъ-же произведеніи; съ другой стороны, какъ можетъ она это сдѣлать, когда матеріалъ, собранный авторомъ, крайне-сомнительнаго достоинства, когда его произведеніе не воспроизводитъ, а уродуетъ и искажаетъ дѣйствительность? Повидимому, критика имѣетъ полное право освободить себя въ этомъ случаѣ отъ неблагодарнаго труда — отыскивать зернушки такъ-называемой *жизненной правды* въ кучѣ всякой лжи и фантастическихъ вымысловъ. Но я этого не думаю: мнѣ кажется, что чѣмъ болѣе данное произведеніе искажаетъ дѣй-

ствительность, тѣмъ необходимѣе для критики возстановить истинный характеръ этой искаженной авторомъ дѣйствительности. Нѣтъ ни одного такого произведенія, которое было-бы ложью отъ начала до конца: творческій процессъ всегда отправляется отъ какихъ-нибудь опытныхъ наблюденій, въ основѣ его всегда лежатъ какіе-нибудь реальные факты. Наблюденія эти могутъ быть очень поверхностны, факты эти могутъ быть дурно поняты и небрежно обследованы, но все-таки это — факты и наблюденія. Чѣмъ болѣе творческій процессъ удовлетворяетъ требованіямъ художественности, тѣмъ менѣе искажаются подвергшіеся наблюденію факты, и, наоборотъ, чѣмъ менѣе онъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, тѣмъ болѣе искажается добытая авторомъ опытная истина. И сама-то по себѣ эта истина можетъ быть весьма скромныхъ размѣровъ (тутъ все зависитъ отъ размѣровъ авторской наблюдательности и впечатлительности) да если еще при этомъ авторъ покроетъ ее толстымъ слоемъ умышленной и неумышленной лжи, нелѣпыхъ вымысловъ, затопитъ ее въ волнахъ своихъ често-субъективныхъ ощущеній, то добравшись до нея становится дѣломъ крайне-затруднительнымъ, а между тѣмъ фальсифицированная истина, незамѣтно проникая въ умы читателей, порождаетъ ложныя умственные представленія, нелѣпыя заключенія и, что хуже всего, ведетъ къ невѣрному пониманію явленій окружающей дѣйствительности и къ неразумному отношенію къ ней. Чтобы предотвратить эти неизбѣжныя послѣдствія всякой преднамѣренной или непреднамѣренной фальсификаціи, критика, какъ мнѣ кажется, должна постараться выяснить не только характеръ самой фальсификаціи, но и характеръ фальсифицированной истины, т. е. она должна показать не только то, что въ произведеніи ложно и невѣрно, но и то, что въ немъ истинно и вѣрно. Читатель можетъ, конечно, и не согласиться съ доводами критики, но это не важно, — важно то, что у него у самого явится желаніе вникнуть въ настоящій смыслъ произведенія автора, отдѣлать въ немъ ложное отъ истиннаго, реальное отъ вымышленнаго. Мы видѣли уже, что ложно и вымышленно въ изображеніи *больныхъ людей* молодого поколѣнія, выведенныхъ г. Достоевскимъ. Ложны ихъ характеры, вымышленно содержаніе ихъ бреда. Посмотримъ теперь, что у него — истинно и реально.

Я уже сказалъ, что и умственные предрасположенія, унаслѣ-

дованныя *дѣтми* отъ родителей, и тѣ общественныя условія, и тѣ воспитательныя вліянія, среди которыхъ этимъ дѣтямъ пришлось жить и дѣйствовать, — что все это могло только благоприятствовать развитію въ ихъ внутреннемъ мірѣ разнаго рода психическихъ аномалій. Мнѣ уже не разъ приходилось указывать на эти аномаліи; здѣсь достаточно будетъ напомнить только о той, которая имѣетъ ближайшее отношеніе къ занимающему насъ предмету. Развитіе новыхъ интеллектуальныхъ потребностей, новыхъ кругозоровъ мысли съ одной стороны, а съ другой — невозможность дать возбужденной потребности надлежащее удовлетвореніе, проявить свои новыя мысли въ соотвѣтствующей имъ дѣятельности, — безъ сомнѣнія, должно было крайне вредно отразиться на психическомъ организмѣ этихъ людей.

Конечный результатъ мысли — цѣлесообразная дѣятельность; въ дѣятельности она находитъ и свое высшее проявленіе, и свою повѣрку, и матеріалъ для дальнѣйшаго развитія. Мысли, незавершающіяся дѣятельностью, *мысли бездѣятельныя* очень скоро вырождаются и становятся *больными мыслями*. Хорошо еще, если эти бездѣятельныя, больныя мысли суть не болѣе, какъ мимолетныя эпизоды въ умственной жизни человѣка, если онъ не придаетъ имъ никакого существеннаго значенія, если онъ принимаетъ ихъ безъ восторга и разстается съ ними безъ боли, тогда ему очень легко отъ нихъ освободиться, — да онѣ и сами освободятъ его отъ себя: затертыя и заслоненныя массою другихъ мыслей, неимѣющихъ съ ними ничего общаго, онѣ очень скоро замрутъ и заглохнутъ, не оставивъ послѣ себя никакого прочнаго слѣда. Но совсѣмъ иначе отразится ихъ вліяніе на психическомъ организмѣ человѣка, если онѣ составляютъ, такъ-сказать, основной фонъ его міросозерпанія, если онѣ тѣсно сплелись и перепутались со всѣми тончайшими нитями той ткани, изъ которой выкроена вся его умственная жизнь, если онѣ играютъ въ ней роль господствующихъ, преобладающихъ факторовъ: въ этомъ случаѣ человѣку трудно, почти невозможно разстаться съ ними, забыть ихъ; но, съ другой стороны, мысль, которая не находитъ *въ дѣйствіи* своего законнаго исхода, которой суждено вѣчно биться, какъ плѣнной птичкѣ, въ тѣсной клѣткѣ человѣческаго мозга, которая никогда не можетъ вырваться на волю и полетѣть по свѣту, будя людей своею пѣсней, — такая, если можно такъ вы-

разиться, бессильная и импотентная мысль почти неизбежно должна повести къ весьма серьезнымъ разстройствомъ въ умственныхъ отправленіяхъ человѣка. Лишенная возможности реагировать на *внѣшній міръ*, она уходитъ въ себя и давитъ всю свою тяжестью на *внутренній міръ* человѣка, угнетаетъ его, подчиняетъ его своему деспотическому игу. Она, говоря словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ „Бѣсовъ“, *сздаетъ челоѵка*. Челоѵкъ, поѵдаемый идеею, относится къ ней, въ свою очередь, совершенно пассивно и, такъ-сказать, страдательно; его нельзя назвать *фанатикомъ идеи*, — съ этимъ понятіемъ у насъ невольно сочεταιся представленіе объ активности, объ энергическомъ обнаруженіи идеи во внѣшнемъ мірѣ, о цѣлесообразной дѣятельности. Но тутъ нѣтъ ничего подобнаго: тутъ полная бездѣятельность. Въ одномъ только отношеніи этотъ „сздаемый идеею“ челоѵкъ похожъ на фанатика: онъ такъ-же, какъ и послѣдній, одностороненъ и исключителенъ. Его „идея“, непровѣряемая и неразширяемая опытомъ жизни и ненаходящая достаточно пищи въ тѣхъ однообразныхъ внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, изъ которыхъ слагалась его умственная жизнь, перестаетъ развиваться и совершенствоваться, — она безцѣльно вертится въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ, постоянно угнетая и раздражая его. Онъ становится угрюмымъ, сосредоточеннымъ и раздражительнымъ, начинаетъ жить исключительно внутреннею жизнію, наконецъ, онъ теряетъ всякое сознаніе о реальномъ мірѣ и реальныхъ отношеніяхъ, — онъ становится умственно больнымъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Такова въ общихъ чертахъ исторія умственнаго вырожденія людей, у которыхъ самыя любимыя, завѣтныя и дорогія идеи поражены роковымъ безсиліемъ, — людей, которые и не смѣютъ, и не умѣютъ открыть доступъ своему идеалу во внѣшній міръ — въ міръ широкой, практической дѣятельности. Такова была и исторія помѣшательства Шатова, Кирилова, Шигалева... Правда, авторъ, совершенно неспособный войти во внутренній міръ незнакомой ему жизни, ни единымъ словомъ не касается этой исторіи; онъ представляетъ намъ только окончательный результатъ и *людей, сздаемыхъ идеею*. Какою или, лучше сказать, какими идеями? Читатель уже это знаетъ; онъ знаетъ также, что эти идеи (за исключеніемъ, быть можетъ, идей Шигалева и Верхо-

венскаго) имѣютъ очень мало общаго съ господствующимъ міросозерцаніемъ той среды, изъ которой вышли „помѣшанные“ г. Достоевскаго. Но въ идеѣ нужно различать ея *содержаніе* отъ ея *мотива*; идеи, весьма различныя по своему содержанію, могутъ быть одинаковы по своему мотиву и наоборотъ. Для оцѣнки общаго направленія и характера умственной жизни данной среды, тѣ мотивы, подъ вліяніемъ которыхъ создаются ея идеи, часто бывають гораздо важнѣе самаго содержанія этихъ идей. Устранимъ-же на-время содержаніе идей, развиваемыхъ „больными“ г. Достоевскаго, и посмотримъ на вызвавшій ихъ мотивъ. У всѣхъ у нихъ онъ одинаковъ; у всѣхъ у нихъ была одна и та-же исходная точка—это желаніе принести людямъ *возможно-большую пользу*. Ихъ мысль, постоянно работая въ этомъ направленіи, привела ихъ къ различнымъ выводамъ, а эти выводы, крѣпко засѣвъ въ ихъ головѣ, разстроили, подъ вліяніемъ причинъ, указанныхъ выше, ихъ умственныя отправленія, нарушили равновѣсіе ихъ внутренней жизни. У каждаго изъ нихъ, какъ хочетъ показать авторъ, благородная и безкорыстная идея жить на пользу ближнихъ, всецѣло посвятить себя служенію ихъ интересамъ, выродилась въ какую-нибудь узенькую и нелѣпую идейку, деспотически овладѣвшую ихъ существомъ,—идейку, на алтарѣ которой они самымъ добросовѣстнымъ образомъ *сжигаютъ* свою жизнь. Возьмите, для примѣра, хоть Кирилова. Его фізіономія обрисована авторомъ съ особеннымъ тщаніемъ, а развитіе его бреда наглядно показываетъ намъ, какъ изъ очень хорошихъ и вполне здоровыхъ побужденій можетъ развиться дикая *idée fixe*.

Кириловъ искренно желаетъ сдѣлать что-нибудь полезное для людей и у него есть въ головѣ одна такая идея, которая можетъ дать имъ счастье. Онъ въ этомъ твердо увѣренъ,—и тутъ еще, конечно, нѣтъ никакого безумія: пусть-же онъ развиваетъ эту идею, пусть онъ ее доказываетъ и пропагандируетъ; передъ нимъ откроется широкая и разнообразная дѣятельность и что-бы изъ нея ни вышло, но идеѣ, во всякомъ случаѣ, будетъ разчищенъ доступъ къ людямъ, которыхъ ей предназначено осчастливить, она не заглохнетъ безслѣдно въ его индивидуальномъ умѣ. Да, она не заглохла, но и во внѣшней дѣятельности она не могла проявиться: условія той среды, въ которой жилъ Кириловъ, не допустили-бы этого. Впрочемъ, у него даже и желанія не являлось вступать съ ними

въ борьбу и, наперекоръ имъ и помимо ихъ, проводить въ жизнь свою завѣтную идейку. Для этого нужна была извѣстная смѣлость и отвага, а ихъ-то у него и не было. Гораздо спокойнѣе и безопаснѣе сокрыть свою идею въ глубинѣ души и ограничиться простымъ лишь созерцаніемъ ея. Но простое созерцаніе, очевидно, также не могло удовлетворить его: идея, съ которою тѣсно сочetalось представленіе о человѣческомъ счастьи, во имя этого счастья, должна-же какъ-нибудь обнаружиться; ей нужно отыскать какой-нибудь выходъ. Кириловъ ищетъ, мучается и, наконецъ, находитъ самоубійство. Самоубійствомъ онъ докажетъ всему міру истину поѣдающей его идеи, самоубійствомъ онъ „спасетъ людей“ (ч. 3, стр. 230). Какимъ логическимъ путемъ дошелъ онъ до этой идеи—это для насъ не важно, важна тутъ лишь та психологическая необходимость, которая привела его къ ней. Ставрогинъ или, лучше сказать, самъ авторъ устами Ставрогина объясняютъ это самоубійство тѣмъ, что Кириловъ „не вынесъ своей идеи“ (ч. 3, стр. 309). Идея, ненаходящая себѣ никакого удовлетворенія во внѣшней дѣятельности, мучила и угнетала его; онъ былъ безсиленъ передъ нею, но онъ не сознавалъ этого безсилія. Потому-то онъ и былъ сумасшедшій. Онъ убѣдилъ себя, что у него не только есть вѣрное средство осчастливить людей, но что онъ знаетъ также и наилучшій способъ открыть это средство всему міру. Способъ былъ очень простъ, для его осуществления не требовалось ни энергіи, ни смѣлости, ни безпокойной дѣятельности. Никому не возбраняется утилизировать актъ самоубійства въ интересахъ той или другой идеи. Мысль-же, вызвавшая самоубійство съ представленіемъ о человѣческомъ счастьи,—мысль, могшая зародиться, очевидно, только въ поврежденномъ умѣ, была вызвана психологическою необходимостью. Кириловъ не убилъ-бы себя, если-бы онъ не былъ увѣренъ, что его самоубійство послужитъ самымъ лучшимъ и неопровержимымъ доказательствомъ истинности его идеи. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія своей логики, онъ неизбѣжно долженъ былъ придти отъ мысли сдѣлать людей счастливыми къ мысли убить себя. Вырожденіе идеи разумной и плодотворной въ идею безумную и нелѣпую здѣсь вызывалось роковою необходимостью, всею совокупностью тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условий, подъ вліяніемъ которыхъ развилась и сформировалась его умственная жизнь.

Нѣсколько труднѣе уяснить себѣ эту роковую необходимость вырожденія хорошей идеи въ безумную у другихъ „больныхъ“ г. Достоевскаго; авторъ слишкомъ небрежно и поверхностно анализируетъ ихъ душевныя состоянія, потому характеры Шигалева, Шатова, Верховенскаго-сына не могутъ дать критикѣ никакого матеріала для какихъ-бы то ни было выводовъ. Все, что она можетъ сказать по поводу ихъ, это только то, что они ниже всякой критики. Однако, общія черты процесса вырожденія и тутъ остаются тѣ-же; не имѣя возможности перевести свою идею въ дѣло, не умѣя и не смѣя отыскивать для нея какое-нибудь дѣйствительное удовлетвореніе, они начинаютъ приискивать для нея какое-нибудь *мнимое*, фантастическое удовлетвореніе. Результатомъ такого исканія и является безумная идея, и они отдаются этой идеѣ всѣмъ своимъ тѣломъ и всею своею душою, потому что она примиряетъ ихъ съ печальною необходимостью *жить идеєю и ничего не мочь сдѣлать для этой идеи.*

Вспомните хоть Шигалева. Шигалевъ, какъ и Кириловъ, проникнуть мыслью о служеніи человѣчеству; какъ и Кирилову, ему кажется, что онъ отыскалъ вѣрное средство осчастливить людей,—это средство заключалось, какъ мы знаемъ, въ изобрѣтенной имъ новой соціальной теоріи. Теорія была въ высочайшей степени дика и нелѣпа, но въ ней не было еще ничего безумнаго: мало-ли сколько дикихъ и нелѣпыхъ теорій сочиняются людьми завѣдомо здоровыми и нерѣдко пользующимися даже репутаціею весьма умныхъ. Безумно было собственно только *отношеніе* Шигалева къ своему изобрѣтенію. Онъ увѣрилъ себя, что его теорія альфа и омега соціальной мудрости, что онъ разрѣшилъ загадку, которую до него никто не могъ разрѣшить, и что люди, рано или поздно, неизбежно должны будутъ вернуться къ ней. „Если люди отвергнутъ мою теорію, говоритъ онъ,—то они другого выхода не найдутъ ни-ка-ко-го! Упустивъ-же время, повредятъ себѣ, такъ какъ потомъ неминуемо къ тому-же вернутся“ (ч. 2, стр. 281). Такая спокойная увѣренность въ непогрѣшимости и неизбежномъ торжествѣ своей идеи, конечно, есть несомнѣнный признакъ безумія. Но что-же вызвало эту увѣренность? Опять все тѣ-же психическіе факторы, которые обусловили и кириловскую идею самоубійства. Вѣра въ неизбежность торжества теоріи примиряла его съ бездѣятельностью; а вѣра въ ея непогрѣшимость была есте-

ственнымъ продуктомъ этой бездѣтельности. Я уже говорилъ, — да и кто этого не знаетъ, — что мысли, которымъ нѣтъ выхода наружу, мысли *бездѣтельныя*, осужденныя на вѣчное прозябаніе въ человѣческомъ мозгу, что такія мысли всегда будутъ носить на себѣ печать исключительности и односторонности. А само собою понятно, что чѣмъ исключительнѣе и одностороннѣе мысли человѣка, чѣмъ менѣе онъ провѣряетъ ихъ опытомъ *дѣятельной* жизни, тѣмъ легче ему увѣрить себя въ ихъ непогрѣшимости...

Н. Н.

ЖЕНЩИНЫ-МЕДИКИ.

Женщины-медики. Сочиненіе миссъ Джексъ-Блэкъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1873 г.

Положеніе женскаго дѣла въ Европѣ въ настоящее время сильно напоминаетъ тотъ „честный опытъ“, который продѣлываютъ во Франціи съ республикой. Стремленія женщинъ къ образованію и къ равноправности сдѣлались до того настойчивыми, что противники женскаго дѣла принуждены уступать имъ; но уступаютъ они шагъ за шагомъ, постоянно создавая новыя препятствія и оставляя разныя лазейки, которыя могутъ доставить имъ возможность взять назадъ свои уступки. Успѣху этихъ маневровъ много содѣйствуетъ незнакомство общества съ исторіей женщинъ. Въ Азіи, въ Европѣ, въ Америкѣ и въ древности, и въ новое время мы видимъ множество примѣровъ того, какъ женщины вполне успѣшно занимались науками, были профессорами, медиками, судьями, дѣятельно участвовали въ политической жизни и т. д. Ихъ способность ко всякаго рода общественной дѣятельности давно уже доказана опытомъ тысячелѣтій. Но объ этомъ опытѣ мало знаетъ общество, такъ-какъ исторія женщинъ остается до сихъ поръ неразработанною *). И поэтому, когда женщины известной страны или мѣстности начинаютъ съ такой настойчивостью добиваться какого-нибудь права, что уступка имъ становится неизбѣжною, то имъ даютъ упомянутое право, но почти

*) Очень много данныхъ относительно этого можно найти въ книгѣ г. Шапкова: «Историческія судьбы женщины», изданіе 2-е, 1872 г.

всегда съ нѣкоторыми существенными ограниченіями и „въ видѣ опыта“. Болѣе двадцати лѣтъ назадъ „въ видѣ опыта“ стали учить медицинѣ въ особыхъ коллегіяхъ и допускать въ мужскіе университеты въ Соединенныхъ Штатахъ. Опытъ удался блистательно; но въ Европѣ какъ-будто и не знали о немъ, и когда цюрихскій университетъ уступилъ просьбамъ нѣкоторыхъ женщинъ, то объявилъ, что онъ допускаетъ ихъ въ свое святилище науки тоже въ „видѣ опыта“. Удался и этотъ опытъ. Въ зимній семестръ 1865 г. въ цюрихскомъ университетѣ была только 1 женщина, а зимой 1873 г. въ немъ слушали лекціи уже 109 женщинъ, изъ нихъ 98 русскихъ. Цюрихскій опытъ не остался безъ вліянія. Медицинскій факультетъ въ Парижѣ, университеты шведскіе, цюрихская политехническая школа, университеты бернскій, женеvскій, пизанскій, гельсингфорскій, лейпцигскій, College de France открыты для женщинъ. „Опытъ“ удастся вездѣ, и несмотря на это, вездѣ стараются возражать и мѣшать ему, подрывать въ общественномъ мнѣніи довѣріе къ его несомнѣнному успѣху. Даже таія свѣтила науки, какъ Бишоффъ, Рейхъ и К^о, никакъ не могутъ понять, чтобы женщина могла быть способною къ чему нибудь другому, кромѣ приготовленія картофельнаго супа для своихъ мужей и обладателей. Съ какими трудностями, кознями, интригами принуждена бороться желающая учиться женщина, показываетъ исторія современныхъ женщинъ-медиковъ въ Англіи. Въ этой странѣ только двѣ женщины признаны закономъ въ качествѣ врачей, и медицинскій уставъ 1858 г. отнялъ у женщинъ всякую возможность получать право медицинской практики. Борьбу противъ этого закона начала нѣсколько лѣтъ назадъ миссъ Блэкъ. Недопущенная въ лондонскій университетъ, она въ 1869 г. обратилась въ эдинбургскій. Нѣкоторые профессора вполне сочувственно отнеслись къ ея желанію учиться; другіе встрѣтили ее непріязненно и даже невѣжливо; большинство-же не противоdѣйствовало, но и ничѣмъ не содѣйствовало ей. Сначала ее допустили слушать нѣкоторыя лекціи „въ видѣ опыта“; но уже въ апрѣлѣ 1869 г. это дозволеніе было отмѣнено совѣтомъ, „въ виду затрудненій, возникающихъ относительно пріема въ университетъ одной женщины“. Въ іюнѣ того-же года миссъ Блэкъ и еще четыре другихъ женщины снова подали просьбы о допущеніи ихъ на медицинскій факультетъ. Вслѣдствіе этого

профессорамъ университета было разрѣшено устроить, по соглашенію съ просительницами, особые женскіе курсы. Курсы устроились (теперь на нихъ занимается 10 женщинъ), почти всѣ студентки оказали блестящіе успѣхи; но многіе профессора и большая часть студентовъ употребляли всѣ усилія, чтобы отучить женщинъ отъ университета. Имъ не дозволили даже посѣщать королевскаго госпиталя для практическихъ занятій, а въ концѣ 1870 г. масса студентовъ, поощряемая многими профессорами, устроила враждебную для женщинъ манифестацію. „Когда, по обыкновенію, рассказываетъ миссъ Блэкъ, — мы явились на лекцію, насъ встрѣтила толпа грубыхъ студентовъ, захлопнувшихъ передъ нами двери въ классы и оттуда осыпавшихъ насъ разными оскорбительными выраженіями. Небольшое число молодыхъ людей бросилось защищать насъ и силою отворило намъ двери. Докторъ Гэндиссайдъ предложилъ намъ, по окончаніи лекціи, которая прошла, разумѣется, не безъ шума, удалиться черезъ боковую дверь, но мы отвѣтили, что защитниковъ у насъ довольно, чтобы не сояться оскорбленій. Дѣйствительно, наши товарищи окружили насъ, и мы удалились безъ скандала, пострадали развѣ только наши платья, запачканныя брошенными въ насъ комками грязи. Въ слѣдующіе дни наши защитники опять тѣмъ-же порядкомъ встрѣчали и провожали насъ, заглушая своими возгласами оскорбительные крики толпы. Такъ шло дѣло, пока, наконецъ, враждебная партія не успокоилась, и мы могли снова продолжать наши занятія, не подвергаясь оскорбленіямъ и обидамъ“ (стр. 67). Такъ-какъ студентовъ не допускали на госпитальныя лекціи и нѣкоторые профессора отказывались вовсе читать имъ, то они принуждены были брать много частныхъ уроковъ. Чтобы прекратить это, въ 1871 г. были изданы новыя университетскія правила, запрещавшія студентамъ изучать болѣе 4 предметовъ внѣ университетскихъ стѣнъ. Женщины подали просьбу, чтобы сенатъ университета или отмѣнилъ для нихъ это распоряженіе или-же назначилъ-бы для нихъ особыхъ лекторовъ. Отказъ. Сторонники студентовъ представили это дѣло на обсужденіе лорда-адвоката Шотландіи, которой отвѣчалъ, что во-1, „университетскія власти должны принять всѣ мѣры для облегченія женщинамъ возможности пріобрѣтать знанія, и во-2, медицинскій факультетъ обязывается допускать женщинъ къ спеціальнымъ экзаменамъ, по предметамъ, въ которыхъ онѣ окажутся

свѣдущими“. Съ женщинъ взяли обычную плату за экзаменъ и выдали билеты на допущеніе къ нему, а потомъ, наканунѣ самаго экзамена, объявили, что ихъ не пустятъ экзаменоваться. По жалобѣ женщинъ, представители юридической власти отмѣнили это послѣднее распоряженіе медицинскаго факультета, и женщины экзаменовались съ блестящимъ успѣхомъ, хотя были приняты мѣры, чтобы не дать имъ времени приготовиться. Матрикулы студентки получили также съ бою. Затѣмъ въ январѣ 1872 года имъ было дано право посѣщать больницы наравнѣ съ студентами, но враждебная имъ партія нашла возможность затянуть на неопредѣленное время выдачу билетовъ, необходимыхъ для посѣщенія больницы. Въ то-же время университетскій совѣтъ объявилъ студенткамъ, что онъ „не находитъ средствъ, могущихъ содѣйствовать къ продолженію ими курса съ цѣлью полученія ученой степени, но что если-бы онѣ согласились совсѣмъ оставить этотъ вопросъ и удовольствовались-бы только аттестатами въ знаніяхъ, то совѣтъ постарается содѣйствовать ихъ цѣлямъ“. Начался новый фазисъ борьбы за право на ученую степень и медицинскую практику. Меньшинство профессоровъ вполнѣ соглашается съ требованіями женщинъ, но большинство до настоящаго времени стоитъ на своемъ и пускаетъ въ ходъ всевозможныя штуки, чтобы избавиться отъ женщинъ-медиковъ. Во главѣ этой оппозиціи стоитъ старѣйшій, а поэтому и „почтеннѣйшій“ изъ эдинбургскихъ профессоровъ, сэръ Христинсонъ. Ему съ К^о крайне непріятно видѣть этихъ молодыхъ и талантливыхъ женщинъ, какъ опасныхъ соперницъ, какъ дѣятелей, которые, проникнувъ въ заповѣдное святилище, сдѣлаютъ его доступнымъ для молодыхъ и свѣжихъ женскихъ силъ, передъ которыми придется спасовать допотопнымъ ученымъ знаменитостямъ, дошедшимъ до полного нравственнаго цинизма и почти до идиотизма. Эти знаменитости оказываются до того недалекими, что не умѣютъ даже облечь въ благовидныя формы свое противодѣйствіе женщинамъ, а выживаютъ ихъ изъ университета дерзостями, самыми пошлыми выходками и науськиваньемъ грубыхъ и глупыхъ студентовъ и т. д. На одномъ изъ засѣданій университетскаго совѣта д-ръ Вудъ рѣшительно высказался противъ допущенія женщинъ на томъ только основаніи, что „у него есть сыновья, желающіе поступить въ университетъ, и что женщины, занимая ваканціи студентовъ, послужатъ препятствіемъ къ исполненію ихъ

желаній“ (стр. 64). И вся оппозиція стремленіямъ женщинъ основана на подобныхъ мотивахъ. Для однихъ ученныя женщины не выгодны и опасны, какъ соперницы, а для другихъ онѣ просто страшны по своей развитости и образованности. „Ученая женщина! Ну, что я стану дѣлать съ ученой женщиной?“ Такъ восклицаетъ гражданинъ, кн. Мещерскій. Положеніе выйдеть въ самомъ дѣлѣ затруднительное. Теперь такихъ людей нерѣдко уважаютъ хотя ихъ собственныя жены и дочери, но это уваженіе основано на невѣжествѣ и нравственной неразвитости. Любовь и уваженіе развитой женщины не для нихъ...

Б. А. Павловичъ. Разказы изъ русской исторіи. Спб. 1873 г.

Въ педагогической литературѣ есть цѣлый обширный разрядъ сочиненій для дѣтей, который слѣдовало-бы назвать конфетной литературой. Эти книжки подобны конфетамъ, завернутымъ въ красивыя обертки, съ привлекательными для дѣтей картинками, вкуснымъ и сладкимъ, но разстраивающимъ желудокъ. Такое-же значеніе, какъ эти конфеты, имѣютъ и тѣ сочиненія для дѣтей, авторы которыхъ имѣютъ въ виду не столько умственное питаніе и развитіе ребенка, сколько увлекательность формы, — живость разсказа, иллюстрированнаго заманчивыми картинками, возбуждающаго не умственную силу, а фантазію и замѣняющаго для ребенка сказку. Въ числѣ этихъ сказочниковъ первое мѣсто занимаетъ теперь Жюль Вернъ, которому очень посчастливилось и въ Россіи. Онъ пишетъ дѣйствительно увлекательно, но его книжки не имѣютъ другого значенія, кромѣ конфетнаго. Всѣ его разказы совершенно фантастическіе; научныя свѣденія вклеены въ нихъ только по мѣстамъ, для очистки совѣсти, и изложены такъ-же туманно, сбивчиво, утомительно и непопулярно, какъ въ самомъ обыкновенномъ учебникѣ. И дѣти, и взрослые, при чтеніи Ж. Верна, обыкновенно, пропускаютъ эти выписки изъ учебниковъ и читаютъ дальше, что нисколько не вредитъ цѣлостности и интересу сказки. При этомъ Вернъ сплошь и рядомъ вводитъ необразованнаго читателя въ самыя грубыя заблужденія: простыя гипотезы и фантазіи выдаетъ за несомнѣнныя научныя истины. Описывая, напримѣръ,

фантастическую экспедицію въ сѣверному полюсу, онъ не только рассказываетъ объ открытіи послѣдняго, но даже прилагаетъ подробную карту полюса и приполярныхъ, нигѣмъ еще неоткрытыхъ мѣстностей!

Въ нашей литературѣ много подобныхъ писателей для дѣтей, которые, однакожь, не имѣютъ и тѣни такого таланта, какимъ, безспорно, обладаетъ Жюль Вернь, единственный въ своемъ родѣ мастеръ въ приготовленіи учено-фантастическаго бланъ-манже. Эти сочинители берутъ одну или нѣсколько книгъ о данномъ сюжетѣ, выбираютъ изъ нихъ то, что кажется имъ интереснымъ и доступнымъ для дѣтей, излагаютъ это какъ можно популярнѣе, заказываютъ нѣсколько картинокъ и красивую папку, и книжка готова. О возбужденіи юной мысли, о развитіи извѣстной идеи, о критической провѣркѣ сообщаемыхъ данныхъ они не заботятся. Большею частію они даже сознательно пренебрегаютъ критическимъ анализомъ и преднамѣренно вводятъ въ свою книжку фантастическій элементъ, насколько это возможно. Такъ поступаетъ и г. Павловичъ. Не сумѣвъ составить для юношества общей и занимательной картины древне-русской жизни, онъ замѣнилъ ее пересказами разныхъ легендъ и историческихъ мифовъ, которыми историкъ можетъ пользоваться не въ ихъ цѣломъ, неимѣющемъ никакой исторической достовѣрности, а только въ отдѣльныхъ чертахъ, рисующихъ ту или другую сторону жизни въ данную эпоху. Порабы уже отстать отъ всѣхъ этихъ сказокъ объ Андрѣе на горахъ кievскихъ (стр. 81), о Гостомыслѣ (стр. 49), объ Ольгиной мести (стр. 53—60), о томъ, какъ Владиміра совращали въ свою вѣру католики, евреи, магометане (стр. 85—89), какъ онъ мгновенно изъ самого дурного человѣка сдѣлался самымъ хорошимъ (стр. 102), какъ спасся Новгородъ отъ нашествія суздальцевъ съ Андреемъ Боголюбскимъ (стр. 143) и т. д., и т. д. Обо всемъ этомъ г. Павловичъ рассказываетъ подробно, какъ о дѣйствительныхъ историческихъ фактахъ, и въ то-же время умалчиваетъ о множествѣ событій и фактовъ первостепенной важности. Рассказавъ о татарскомъ игѣ, онъ ничего не говоритъ о тѣхъ слѣдахъ, какіе оставило оно на всей русской жизни. Въ рассказѣ „Московское Самодержавіе“ онъ не упоминаетъ ни о расколѣ, ни о развитіи крѣпостного права. Значеніе петровской реформы выяснено тоже крайне плохо и изъ рассказа Павловича реб-

нокъ можетъ узнать нѣсколько фактовъ, но ихъ историческаго значенія онъ не пойметъ. То-же самое слѣдуетъ сказать и обо всѣхъ другихъ разсказахъ, изъ которыхъ состоитъ книжка. Написаны они довольно легко, но связь и значеніе разсказываемыхъ событій оставлены безъ всякаго вниманія. Дѣтямъ, конечно, слѣдуетъ знать и о томъ, „какъ жилали при Аскольдѣ наши дѣды и отцы“, и о присоединеніи Малороссіи при Хмѣльницкомъ, и о жизни Петра Великаго, но все эти свѣденія необходимо передавать дѣтямъ не отрывочно, а въ общей связи, чтобы имъ было понятно, въ чемъ заключается смыслъ исторіи и прогрессъ народа. Исторія можетъ служить отличнымъ средствомъ для пробужденія и развитія въ юности общественной мысли. Въ европейской и американской литературахъ давнымъ давно уже есть популярныя историческія произведенія, которыя имѣютъ важное воспитательное значеніе, какъ для простаго народа, такъ и для юношества. У насъ въ этомъ родѣ было сдѣлано только два сносныхъ опыта — „Разказы о старинныхъ людяхъ“ и „Древняя Русь“. Что-же касается всѣхъ остальныхъ историческихъ произведеній, написанныхъ для народа или для дѣтей, и въ томъ числѣ книги г. Павловича, то мы думаемъ, что даже лучшія изъ нихъ могутъ имѣть лишь ту пользу, что не отбиваютъ у дѣтей охоты къ чтенію, хотя въ то-же время набиваютъ голову ребенка ложными понятіями. Сочинители этихъ книжекъ не считаютъ нужнымъ даже сообразоваться съ изслѣдованіями и выводами новѣйшихъ историковъ; перелагая въ популярную форму Карамзина и Соловьева, они оставляютъ безъ вниманія то, что сдѣлали для русской исторіи Щаповъ и Костомаровъ; пережевывая идеи Карамзина и его послѣдователей, они ничего не хотятъ знать объ успѣхахъ новой соціальной мысли. Исторія для взрослыхъ далеко ушла послѣ Карамзина и постепенно принимаетъ характеръ науки; исторія для дѣтей остается почти такой-же, какъ и во дни „великаго историографа“. Первая давно уже признала народъ главнымъ и основнымъ факторомъ исторической жизни; вторая до сихъ поръ продолжаетъ толковать почти исключительно о герояхъ, будто-бы творящихъ исторію. Г. Павловичъ, впрочемъ, нѣсколько отстываетъ отъ этой рутинной программы и начинаетъ свою книгу довольно сноснымъ опытомъ о бытѣ народовъ арийскаго племени въ доисторическое время. Но, начавъ вслѣдъ за

этимъ разсказывать о бытѣ славянъ, онъ скоро сбивается на рутинный ладъ, излагаетъ легенды о Гостомыслѣ, Владимірѣ и т. д., а въ остальныхъ разсказахъ, оставляя безъ вниманія судьбы, положеніе и развитіе народной массы, повѣствуетъ исключительно о жизни отечественныхъ героевъ, такъ что изъ его книги выходитъ не русская исторія, а исторія о русскихъ князьяхъ, боярахъ, генералахъ и т. д. Впрочемъ, кто-же теперь не берется за воспитаніе и ученіе дѣтей своими жиденькими, но съ виду привлекательными книжонками. У книгопродавца Волфа открыта цѣлая фабрика для изготовленія этого педагогическаго крема.

Куль хлѣба и его похожденія, разсказанныя С. Максимовымъ.
Съ 105 картинами и рисунками. Спб. 1873.

Когда г. Максимовъ, при просвѣщенномъ содѣйствіи начальства, путешествовалъ по разнымъ странамъ любезнаго отечества и описывалъ свои странствованія, то его многіе читали съ удовольствіемъ. Въ водянистыхъ и широкովѣщательныхъ сочиненіяхъ его все-таки встрѣчалось кое-что новое и интересное. Но когда онъ усѣлся на мѣстѣ и сдѣлался редакторомъ „Полицейскихъ Вѣдомостей“, то вмѣсто путешествій по стогнамъ столицы, что совершенно подходило-бы къ его наклонностямъ и должностнымъ обязанностямъ, онъ началъ стряпать книжицы для просвѣщенія меньшей братіи. Книжицы эти—нѣчто въ родѣ блиновъ съ постнымъ масломъ; во-первыхъ, онѣ также тонки и также неудобоваримы, какъ блины; во-вторыхъ, онѣ писаны въ томъ тонѣ, который въ семинарскихъ руководствахъ гомилетики носитъ техническое названіе „съ помазаніемъ“. Мы достовѣрно не знаемъ, до какой степени успѣшно торговалъ г. Максимовъ въ калачномъ ряду нашей литературы этими, на постномъ маслѣ, блинами, но полагаемъ, что торговалъ съ прибылью. Ибо послѣ такой мелкой операціи, какъ продажа блиновъ, онъ пускается уже въ болѣе крупныя предпріятія и, намоловъ цѣлый „Куль хлѣба“, вывезъ его на базаръ продавать мужичкамъ за 3 р. сер. Несомнѣнно, что мужички предпочтутъ купить на 3 рубля настоящаго хлѣба, а не съ максимовской литературной мельницы. Но авторъ предви-

дѣль это обстоятельство и, посвятивъ свою книгу „милымъ дѣтямъ, Ванѣ и Сашѣ“, далъ понять почтеннѣйшей публикѣ, что его „Куль“ годится и для деревенскихъ мужиковъ и для городскихъ дѣтей. Для привлеченія покупателей г. Максимовъ пришилъ въ „Кулю“ не мало картинокъ и рисунковъ, снятыхъ хотя и съ порядочныхъ оригиналовъ, но выполненныхъ безобразно. Нѣкоторыя картинки, напр. *Нижній Новгородъ* и „*Вѣтъ хлѣбъ*“, до того безобразны, что самъ авторъ счелъ необходимымъ подписывать подъ ними объясненія въ такомъ родѣ: подъ изображеніемъ мужика съ лопатой: „*вѣтъ хлѣбъ; сзади вѣальщика хлѣбъ сложенъ скирдою*“, и т. д. Привлекая покупателей картинками, г. Максимовъ кромѣ того, старается прельстить ихъ своимъ острословіемъ и, какъ истый офеня, уснащаетъ свою рѣчь шутовскими поговорками, прибаутками и самыми пошлыми словесными фокусами. „Батюшка-овесъ“, „матушка-рожь“, „хлѣбушко“, „стелется по полю рожь колосистая“ — подобными фразами испещрена каждая страница максимовскаго „Куля“. Вотъ какъ, напр., крестьянская баба говоритъ у него мужу, передавая ему мѣшокъ подъ хлѣбъ: „вотъ тебѣ, мужъ, и отъ моихъ трудовъ праведныхъ на мѣшкѣ и мое немудреное руководѣлье! Теперь поѣзжай на мельницу. Заказывай муку на себя и на базаръ про людей чужихъ и невѣдомыхъ, про барскаго и купческаго сына, про попа-батюшку и про нищую и нищую братію“ (стр. 171). Г. Максимовъ, вмѣстѣ со многими другими „друзьями народа“, воображаетъ, что главное достоинство народнаго писателя заключается въ поддѣлкѣ подъ простонародный языкъ и для того, чтобы понравиться мужику, стоитъ только заговорить съ нимъ тономъ офеня или наметавшагося въ прибауткахъ начетчика. Охъ ты, гой еси сударь-батюшка, Сергѣй Васильевичъ, Максимовъ сынъ! Много ты ѣздилъ, много хаживалъ по святой Руси, много говаривалъ съ мужиками деревенскими, а и все то тебѣ не въ провъ пошло и не знаешь ты, какъ писать надо, чтобы научить ихъ уму разуму! Хотѣлъ быть народнымъ писателемъ да учителемъ, а вышель офеню, офеню да пустомелею!

Какъ ни многорѣчивъ г. Максимовъ, но ему все-таки не удалось-бы написать такой большой „Куль“, если-бы онъ говорилъ исключительно о хлѣбѣ и его значеніи въ народной жизни. И вотъ онъ начинаетъ вмѣстѣ съ мукой набивать свой куль всякой

всячиной. Опъ описываетъ и родины, и крестины, и крестьянскія свадьбы и похороны, разсказываетъ мужикамъ о простонародныхъ примѣтахъ, которыя, конечно, лучше его знаетъ каждая деревенская баба, ни въ селу, ни къ городу пишетъ нѣсколько страницъ объ островѣ Таити (стр. 81—86), сообщаетъ тому-же мужику, что въ февралѣ въ Персїи расцвѣтають „fleurs d'orange“ (стр. 73), хвастаетъ, что онъ „ѣдалъ самыя вкусныя сибирскіе пироги, какихъ рѣдко кому доведется ѣсть въ Россїи“ (стр. 14), наполняетъ нѣсколько страницъ рисунками земледѣльческихъ машинъ, вовсе не объясняя устройства ихъ и только замѣчая, что онѣ по своей дороговизнѣ недоступны крестьянамъ, и т. д. Вотъ, напр., какими драгоцѣнными свѣденіями обогащаетъ мужика г. Максимовъ: „Вотъ за пестрой недѣлей прикатила и честная широкая масляница, — *всемірный праздникъ* (!), самый веселый изо всѣхъ: на горахъ покататься, въ блинахъ повалиться. Блины — пшеничные, яшныя, овсяныя, гречневые, изъ прѣснаго и кислаго тѣста, изъ манной крупы, изъ творогу, блины съ лукомъ, съ яйцами, со сѣтками, съ масломъ, со сметаной и т. д. Не станемъ уже говорить объ оладьяхъ и пышкахъ, которыя въ достаточныхъ семьяхъ замѣняютъ блины и помогаютъ имъ, какъ разнообразіе: гдѣ оладьи, тутъ и ладно, гдѣ блины, тамъ и мы. Безъ пирога не именинникъ, безъ блиновъ не масляна“.. Затѣмъ великій постъ. „Съ перваго-же дня православная тюря, да какую хочешь кашу, да какой выберешь кисель... Киселемъ брюха не испортишь, для него всегда мѣсто... На выручку къ киселю саламата... Этой саламатой ливенцы орловскіе даже мостъ обломали, когда по горшку со двора вывезли новому воеводѣ“ (стр. 17—18). Авторъ такъ восхищается всѣми этими саламатами, кулагами, толокномъ, вообще „хлѣбушкомъ“, что, говоря почти объ исключительномъ питанїи русскаго народа преимущественно растительною и дурно обработанною пищею, онъ не только умалчиваетъ о вредѣ такого питанїя, но даже полагаетъ въ немъ источникъ какой-то исполинской силы русскаго мужика!.. Вообще онъ изображаетъ послѣдняго самыми розовыми, идиллическими красками. Вотъ, на примѣръ, какъ счастливые максимовскіе пейзажи проводятъ зиму: „Старики завалились на печь, дѣвушки засвѣтили лучину, начали прясть; запѣли пѣсни; поватились съ горъ на саночкахъ; ребята въ снѣжки заиграли, потянулись долгіе вечера и длинныя сказки про силь-

ныхъ могучихъ богатырей. А тамъ веселыя святки и развеселая масляница. За то они и веселы, что есть запасы, есть чѣмъ полакомиться, приправить бесѣду яшной брагой или пивомъ“ и т. д. (стр. 157). Вообще, „передъ народомъ нашимъ теперь полная возможность догонять и опережать на свободныхъ и широкихъ поляхъ нашей родины всѣ другіе народы“ (стр. 56). Правда, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жить плохо, но вѣдь изъ нихъ можно перейти въ другія: „на св. Руси для рабочихъ людей дорога широкая, для каждаго найдется. путь и пропитаніе: *иди куда хочешь, въ какую угодно сторону*“ (стр. 33)!.. Если не хочется ѣсть хлѣба съ мякиной, лебедой или сосновой заболонью, то можно вѣдь и уйти куда нибудь, на Волгу, напримѣръ, бурлачить. Можно и не ходить, потому что, несмотря на мякину и лебеду, въ упомянутыхъ мѣстностяхъ все-таки найдется что нибудь вкусное. На сѣверѣ, напримѣръ, „гдѣ рожь не родится и ячень съ трудомъ дозрѣваетъ, тѣмъ не менѣе выдуманы очень вкусныя лепешки и булочки, называемыя шанежками. Архангельцовъ за то и зовутъ шанежниками и дразнятъ прозвищемъ *шаньга кислая*. До того шаньги вкусны, что объ нихъ стосковались голландцы, прибывшіе по зову Петра Великаго на своихъ корабляхъ въ новую столицу Петербургъ вмѣсто Архангельска“ (стр. 38). Вообще, народъ не только благоденствуетъ самъ, но еще кормитъ своимъ хлѣбомъ Европу, которая, по своей безнравственности, „за нашу хлѣбъ-соль бранится, клеветаетъ на насъ, придумываетъ всякія напраслины“ (стр. 292). Читая все это, такъ и видишь передъ собой, во всей своей прелести, того прасола, который, продавая лошадь мужику, сначала началъ хвалить лошадь, потомъ жену мужика и наконецъ до того заврался, что расхвалилъ въ пухъ и себя, и всѣхъ своихъ родственниковъ.

Эхъ, г. Максимовъ, бросьте вы свое сочинительство для народа, и поступайте лучше въ „Гражданинъ“. Г. Достоевскій былъ не хуже васъ; и ужъ если человѣкъ, въ которомъ Бѣлинскій указывалъ чаяніе Израиля, если авторъ „Мертваго Дома“, дописавшись до чортиковъ въ своемъ романѣ „Вѣсы“, поступилъ въ страннопріимный домъ кн. Мещерскаго, — то вамъ-то и подавно подобаетъ пріютиться тамъ-же. Въ настоящее время въ „Гражданинъ“ очень хорошо, несмотря на то, что у него

почти вовсе нѣтъ подписчиковъ. Гг. Мещерскій и Достоевскій удостоились такой чести, что

Ихъ самъ Аскоченскій замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ!..

Называя себя и своихъ единомышленниковъ „убогими вѣщателями правды“, редакторъ „Домашней Бесѣды“ признаетъ ее полною солидарною съ „Гражданиномъ“ и велегласно зываетъ къ нему: „Такъ давайте-же руку, почтенный „Гражданинъ“, и поидемте вмѣстѣ на дѣло и дѣланіе наше. Вы станете говорить въ гостяхъ, мы — дома“. Тщитесь, г. Максимовъ, и новая компанія Аскоченскаго, Мещерскаго и Достоевскаго пріютитъ васъ. Тогда вы будете признаны великимъ этнографомъ, подобно тому, какъ кн. Мещерскій провозгласилъ несчастнаго г. Страхова величайшимъ современнымъ философомъ; тогда вы можете сами расхваливать въ „Гражданинѣ“ свои произведенія, какъ это безъ всякаго зазрѣнія совѣсти дѣлаетъ г. Достоевскій относительно своего романа „Бѣсы“. Тогда вы будете, по крайней мѣрѣ, пристроены къ опредѣленному мѣсту и попадете въ пантеонъ, славный именами Булгарина, Бурачка, Каткова, Мещерскаго, Аскоченскаго и его преемника, О. Достоевскаго. Теперь-же какъ-то непріятно смотрѣть на васъ, когда вы появляетесь въ литературѣ, услуживая и нашимъ и вашимъ... Пишите-ка, благословясь, сочиненіе „Куча сору“, вмѣсто „Куля хлѣба“, да и несите его въ „Гражданинъ“. Сей счастливый супругъ „Домашней Бесѣды“ приметь съ радостію и васъ самихъ, и вашу „Кучу“... Чѣмъ вы хуже г. Страхова, столь взысканнаго милостію кн. Мещерскаго!..

Враги человѣчества. Картушъ. Фра-Діаволо и Шиндерганесь. Биографическіе рассказы Евгенія Пасмурова. Спб. 1873.

Эта книга приводитъ читателя въ большое недоумѣніе. Сочиненія подобнаго содержанія, обыкновенно, издаются въ Москвѣ, пишутся или переводятся безтолково и безграмотно, даже на своей вѣѣшности они носятъ отпечатокъ грязи и неряшливости. Книжка г. Пасмурова издана въ Петербургѣ, отличается щегольскою

наружностью, написана грамотно и даже довольно бойко, по крайней мѣрѣ, такъ бойко, какъ обыкновенно пишутъ набившіе руку фальтетины. Содержаніе книги довольно забористо: убійства, пожары, казни, пикантныя любовныя исторійки, насилуванія, „слезы и вопли несчастныхъ женщинъ, возбуждающихъ въ разбойникѣ сильнѣйшее сладострастіе“ (стр. 257), потѣшные анекдоты о жидкахъ (350) и т. д., и т. д. Очень занимательно и страшно! Только почему авторъ не указываетъ и ничего не говоритъ о степени достовѣрности тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствованы разсказанныя имъ ужасты? Въ понимающемъ читателѣ возникаетъ сильное сомнѣніе относительно справедливости нѣкоторыхъ анекдотовъ и полу-исторій. По всей вѣроятности, авторъ руководствовался тѣми біографіями мошенниковъ, которыя съ незапамятныхъ временъ издаются въ такомъ изобилии и наполняются разными небылицами и сложившимися въ народѣ мифическими сказаніями о дьявольскихъ жестокостяхъ разбойниковъ и ловкихъ подвигахъ мошенниковъ. Въ извѣстныхъ общественныхъ слояхъ подобныя анекдоты служатъ любимую темою бесѣды, и мы не сомнѣваемся, что книга г. Пасмурова придется по вкусу той публикѣ, которая любитъ разсказы о привидѣніяхъ, романы съ ужастями, судебныя процессы о кровавой уголовщинѣ и которая стекается на зрѣлище смертной казни съ биноуклами и лорнетами... Въ біографіи Картуша г. Пасмуровъ подробно разсказываетъ, какъ воспитывался этотъ архимазурикъ; какъ деспотизмъ отца, глупое ханжество матери и потомъ пребываніе въ іезуитской коллегіи развили въ немъ лживость, изворотливость и наклонность къ мошенничеству. Но все это довольно сильно отзывается романомъ и потому возбуждаетъ вопросъ о степени достовѣрности разсказа. Авторъ заботится не столько о развитіи своей мысли, сколько о подборѣ эффектныхъ анекдотовъ. Да, собственно говоря, у него и нѣтъ сколько нибудь выдержанной, логически развитой идеи. Говоря о преступленіи, онъ является сторонникомъ розогъ; онъ даже думаетъ, что если-бы извѣстнаго преступника во-время хорошенько высѣчь, то это, „можетъ быть, спасло-бы его отъ эшафота, отбивъ охоту къ дальнѣйшимъ мошенничествамъ“ (стр. 25). Нѣкоторыя отдѣльныя мысли автора являются перлами своего рода, достойными украшать собою страницы любого апраксинскаго изданія. Напримѣръ: „Взглядъ спрятавшагося всегда магнетически притя-

гиваетъ посторонніе глаза къ тому мѣсту, гдѣ онъ прячется“ (стр. 25). „Революціи, втаптывая въ грязь людей, истинно знатныхъ и заслуженныхъ, всегда и всюду выводятъ въ знать темныхъ людей изъ плебейской грязи“ (стр. 268). Хороши также разсужденія г. Пасмурова о филантропіи. Онъ слыхалъ гдѣ-то, что филантропія вовсе не имѣетъ того соціального значенія, какое приписываютъ ей благодѣтели „миленькихъ бѣдныхъ“. Но, слышавъ звонъ и не зная, откуда онъ, г. Пасмуровъ накидывается на филантроповъ за ихъ честолюбіе и читаетъ имъ мораль о необходимости смиренія. Его особенно возмущаетъ то, что на вывѣскахъ благотворительныхъ заведеній къ обычнымъ надписямъ прибавляется еще „для бѣдныхъ“. „Это, ораторствуетъ г. Пасмуровъ,—неделикатно и безтактно. Ни самъ благодѣтель, ни его помощники никогда не должны сиротамъ, которымъ даютъ образованіе и кусокъ хлѣба, подсказывать словъ благодарности; не должны протягивать руку своихъ для цѣлованія; не должны учить ихъ пѣть себѣ благодарственные пѣсни; чувства благодарности должны быть не прививныя, а самородныя; пусть-же выражаютъ ихъ люди своимъ благодѣтелямъ безъ суфлеровъ, безъ кононарховъ!“ (стр. 303). Г. Пасмуровъ въ своихъ разсказахъ напираетъ на тотъ фактъ, что „враги человѣчества“ грабятъ и убиваютъ обыкновенно богатыхъ людей и щадятъ бѣдняковъ (стр. 89, 98, 236 и др.). Но задняя мысль, которая скрывается за этимъ, также поймана авторомъ гдѣ-то на лету и не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Ужъ будто, г. Пасмуровъ, однихъ только богачей и грабятъ враги человѣчества? Напротивъ, „враговъ человѣчества“ такъ много, а богачей такъ мало, что первымъ по необходимости придется эксплуатировать преимущественно массу. Бѣдняки-то главнымъ образомъ и страдаютъ отъ враговъ человѣчества. Если-же такіе крупныя дѣятели, какъ Картушь или Фра-Діаволо, налегаютъ исключительно на людей богатыхъ, то это потому, во-первыхъ, что около бѣдняковъ пожива гораздо хуже, а во-вторыхъ, вооружая противъ себя все зажиточное общество, эти разбойники стараются пріобрѣсть себѣ популярность въ массѣ народа и избѣгаютъ случаевъ раздражать ее. Изображать-же мазуриковъ представителями сознательнаго протеста бѣдной массы, софистами, разсуждающими о томъ, что война—то-же убійство, или опредѣляющими собственность извѣстною фразою Прудона,

какъ это дѣлаетъ Картушъ въ книгѣ г. Пасмурова,—въ высшей степени глупо. Въ видѣ исключеній въ жизни встрѣчаются подобныя личности, но не изъ того сорта, о которомъ рассказываетъ г. Пасмуровъ... Намъ кажется также несостоятельнымъ мнѣніе, которое высказываетъ вслѣдъ за многими другими г. Пасмуровъ,— мнѣніе, что разбойники и мазурики—натуры даровитыя, но испорченныя обстоятельствами, что, при другихъ условіяхъ, они могли бы быть „истинно великими людьми, гордостью человѣчества“ (стр. IX). Нѣтъ сомнѣнія, что между этими отверженниками общества есть даровитыя, талантливыя личности, которыя, будучи направлены съ дѣтства на другой путь, сдѣлались-бы вполне хорошими и полезными людьми. Но масса ихъ отличается замѣтными умственными недостатками. Намъ случалось наблюдать мазуриковъ всякаго сорта, начиная отъ босоногого парня, приученнаго къ воровству бѣдностью, и до богатаго барича, измощеннаго влѣдствіемъ мотовства. На каждомъ изъ нихъ дѣйствительно отражаются результаты дурнаго воспитанія,—положительное отсутствіе общаго образованія, слабость характера, развращенность. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ незамѣтно никакихъ слѣдовъ сколько нибудь сильнаго природнаго ума. Ихъ мошенническіе подвиги часто довольно сложны и замысловаты, но почти всегда отличаются рутинностью и однообразіемъ. При благопріятныхъ условіяхъ, изъ этихъ личностей не выработалось-бы, конечно, мошенниковъ, но за то не вышло-бы и людей замѣчательныхъ. Что-же касается архимазуриковъ, въ родѣ Картуша или Шиндерганнеса, то хотя даровитость ихъ натуры не подлежитъ сомнѣнію, но о степени этой даровитости едва-ли можно высказываться такъ рѣшительно, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые.

Литературные вечера. Сборникъ беллетристическихъ произведенийъ въ прозѣ и стихахъ, для публичныхъ чтеній, въ двухъ частяхъ, составленный и изданный В. П. Бефани. Спб. 1873 г.

У издателей, выступающихъ въ первый разъ на арену книжнаго барышничества, есть дурная привычка робѣть и обнаруживать свою робость жалкими предисловіями, въ которыхъ, для очищенія совѣсти, обыкновенно, говорится объ общественной потребности, о посильной пользѣ, просвѣщеніи и прочихъ невещественныхъ сюжетахъ, долженствующихъ свидѣтельствовать о безкорыстіи издателя. Изъ словъ г. Бефани оказывается, что и его изданіе, глупѣ котораго, конечно, не изобрѣтутъ даже гг. Манухинъ и Плотниковъ, вызвано общественной потребностью и еще—чѣмъ-бы вы думали?—благотворительностью, какъ объясняетъ г. Бефани въ своемъ предисловіи. Но чѣмъ-же именно благотворить онъ? Говоря откровенно, мы не видимъ, въ чемъ заключается благотворительная цѣль г. Бефани, кромѣ 2 р. 50 к., которые онъ намѣренъ собрать съ публики за литературный залежавшійся товаръ. Перепечатка старыхъ, всѣми прочитанныхъ, если невнученныхъ наизусть статей всегда бессмысленна, для чего-бы онѣ ни предназначались, но иногда бессмысліе это выкупается хорошимъ выборомъ статей, въ которомъ можетъ проглядывать одна общая идея, соответствующая личнымъ воззрѣніямъ составителя. Но ничего похожего нѣтъ въ сборникѣ г. Бефани. Кого только и чего только ни намѣсилъ онъ въ эту литературную окрошку, которую онъ состряпалъ изъ русскихъ беллетристовъ и поэтовъ! Тутъ и мертвые жрецы абсолютнаго искусства, гг. Гончаровъ, гр. Л. Толстой, И. Тургеневъ, и слюноточивый идеализмъ г. Марко-Вовчокъ, и гг. Глѣбъ и Николай Успенскіе, хихикающіе надъ простонародной рѣчью и занимающіеся травлей русскаго мужика, и шутовскія сцены г. Горбунова, и А. Милюковъ, и даже самъ г. Бефани, съ его „комическимъ отрывкомъ“. Къ перламъ глупости надо отнести сцены г. Горбунова и „комическій отрывокъ“ самого

г. Бефани, разумѣется, если не говорить о такомъ старомъ юношѣ, какъ г. А. Милюковъ. О сценахъ г. Горбунова намъ даже стыдно упоминать, не потому стыдно, чтобы въ нихъ было нѣчто *исключительно* бессмысленное, но потому, что въ нихъ нѣтъ этой исключительности. Г. Горбунова можно только считать крайнимъ и даже болѣе логическимъ представителемъ того невѣжественнаго и грубаго натурализма, за который г. Глѣбъ Успенскій чуть-чуть не попалъ въ гѣни.

Читатель можетъ судить объ этомъ натурализмѣ по слѣдующей небольшой выдержкѣ изъ сцены г. Горбунова:—Живемъ въ свое удовольствіе.—И. Поднести, что-ли? (Къ слугѣ).—В. Опосля этакого разу какъ не выпить?—всѣ выпьемъ. Съ наступающимъ, дѣдушка! Дай Богъ всегда такъ. Яшенька, по рюмочкѣ.—Яша. Во что это вы пьете-то?—В. Въ свое удовольствіе (ударяетъ его по животу). Эхъ ты, милый! Садись на счастье. Ну-ка, обидчикъ, сдавай (играютъ въ карты).—И (сдаетъ). Обидишь васъ!—В. Н-да!..—И. Мы торговцы мелкіе!—В. Мелкіе!—И. Обидѣтъ насъ недолго. — И. Всякое дыханіе да хвалить Господа! — В. Вонъ оно что!—И. Немоци наши! — В. Немоци наши! и т. д. Сопоставивъ безпристрастно это *воспроизведеніе* дѣйствительности съ юмористическими очерками другихъ беллетристовъ-отмѣтчиковъ, напр., г. В. Слѣщова („На желѣзной дорогѣ“) или Н. Успенскаго („Работникъ“), вы поражены будете полною сходства. Удивительная вѣрность въ передачѣ подмѣченной или подслушанной обыденной дѣйствительности и ни тѣни своей мысли, своего анализа, своего душевнаго движенія. Если человѣкъ, поставивъ себѣ задачей изучить французскій языкъ, вызубрить отъ первой до послѣдней страницы лексиконъ Макарова, то насъ интересуютъ, конечно, не знанія этого человѣка, но его ослиное терпѣніе. И именно терпѣнію мы удивляемся въ гг. Слѣщовѣ, Успенскихъ и Горбуновѣ, изучающихъ бытъ народа, какъ слова въ лексиконѣ, сцена за сценой, безъ участія какихъ-бы то ни было умственныхъ способностей съ ихъ стороны, кромѣ памяти. Когда заходила рѣчь о значеніи этихъ писателей въ современной беллетристикѣ, критика становилась въ тупикъ, и никто никогда не зналъ, обрѣтаются-ли какія-либо думы въ душѣ этихъ молчалиниковъ, хотя почему-то ихъ всегда относили къ категоріи либераловъ. Но вотъ теперь одинъ изъ нихъ, г.

Глѣбъ Успенскій, обнаружилъ этотъ либерализмъ, договорившись въ „Отеч. Запискахъ“ до такого мракобѣсія, о которомъ едва-ли случилось когда-нибудь г. Стебницкому или Ключникову. Когда г. Успенскій сидѣлъ себѣ спокойно въ своей крошечной скорлупѣ своего куриного міросозерцанія и оттуда робко поглядывалъ на свѣтъ божій, мы не замѣчали ни его теоретическихъ воззрѣній, ни степени его умственного развитія, и относились къ нему, какъ къ подающему какія-то надежды... Но вотъ онъ, поощряемый успѣхомъ общаго невѣжества, приободрившагося и пріосанившагося въ наше время, выдѣзъ изъ своей скорлупы и заговорилъ о такихъ вещахъ, которыя не его ума дѣло. Онъ сообщаетъ намъ, что онъ не только не питаетъ никакихъ симпатій къ Западу (да возрадуются приснопамятныя тѣни Хомякова и Кирѣевского), но находитъ, что наши житейскіе порядки и нравы не въ примѣръ лучше заграничныхъ. „У насъ лучше!“ восклицаетъ онъ съ отроческимъ пафосомъ чуть не въ каждой строчкѣ своихъ „Записокъ“. Прусскій солдатъ, наивно поясняетъ г. Успенскій, — пропоретъ брюхо врагу, не моргнувъ глазомъ, а русскій воинъ зарѣжетъ какого-нибудь турку или француза съ глубокой увѣренностью, что его враги хорошіе и добрые люди. Развѣ у насъ не лучше? Да, лучше, но знаете-ли, г. Успенскій, что было-бы лучше? Не совать вамъ носа туда, гдѣ васъ не спрашиваютъ..

Кромѣ прозы, въ „Сборникѣ“ г. Бефани есть, къ сожалѣнію, и поэзія, о которой намъ остается сказать немного. Кромѣ двухъ-трехъ сносныхъ стиховъ, остальные или заучены почти всѣми наизусть, или пошлы и безсодержательны до безобразія. Подобно беллетристамъ, и поэты г. Бефани идутъ кто въ лѣсъ, кто по дрова. „Грѣшница“ г. А. Толстого, облекшись въ „сквозныя тѣани“, какъ-будто собирается затѣнуть за поясъ дѣвицу Гандонъ и отплясать бѣшеный канканъ:

Ея и серьги и запястья,
Звены, къ восторгамъ сладострастья,
Къ утѣхамъ пламеннымъ зовутъ.

Какое стихъ! Найдется-ли такой эротическій поэтъ, который возвысился-бы или, если хотите, снизошелъ-бы до такой вульгарной выразительности идеальнаго пѣснопѣнія графа? Но если гр. Толстой категорически зоветъ читателя къ „пламеннымъ

утѣхамъ“, то рѣшительно трудно понять, куда и зачѣмъ зоветъ его г. Майковъ, хотя и онъ, очевидно, зоветъ, зоветъ туда, гдѣ-бъ былъ

И безпорядокъ, и движенье,
Гдѣ-бъ походило все на бредъ—

Ужъ не въ „Гражданинъ“-ли, или не къ г.-ли Бефани въ его литературную окрошку?

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Если мы раскроемъ географическую карту и сдѣлаемъ по ней приблизительный расчетъ, сколько на земномъ шарѣ обитаетъ цивилизованныхъ народовъ и въ какой пропорціи они относятся къ племенамъ дикимъ, то мы убѣдимся, что двѣ трети населенія земного шара находятся еще въ чисто-варварскомъ или полу-варварскомъ состояніи. Начиная отъ звѣроподобнаго фиджи, сѣдающаго съ особеннымъ аппетитомъ своего стараго отца, и до культивированнаго араба, занимающагося грабежемъ на большой дорогѣ, лежатъ тысячи градацій человѣческой дикости, безчисленное множество оттѣнковъ, отдѣляющихъ бушмена отъ европейски-образованнаго человѣка. Но эта пропорція цивилизованнаго міра къ варварскому еще болѣе сократится, если мы поищемъ среди народовъ, пользующихся всѣми плодами цивилизаціи,—въ нашихъ европейскихъ городахъ и столицахъ,—тѣхъ дикарей, которые ничѣмъ не отличаются отъ бушмена и нерѣдко стоятъ еще ниже его въ умственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, отличается такой цивилизованный разбойникъ, какъ испанскій карлистъ, поджигающій церковь, наполненную народомъ, отъ такого невиннаго каннибала, который подстерегаетъ своего ближняго за кустомъ, чтобы убить и сожрать его? Не хуже-ли во сто разъ такіа организованныя человѣческія боины, какими руководилъ Наполеонъ I, такихъ мелкихъ и случайныхъ убійствъ, которыя совершаютъ варвары между собою? Если цивилизація состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать человѣка возможно болѣе счастливымъ и возможно болѣе обезпеченнымъ въ своемъ счастіи, то надо признаться, что вліяніе ея пока еще ничтожно и путь развитія ея впереди длиненъ. Великій законъ международныхъ отношеній, формулированный въ половинѣ XVII вѣка теоретически,—законъ, по которому «каждая нація, желающая упро-

чить свое благополучіе, должна содѣйствовать благополучію всѣхъ другихъ», и до сихъ поръ остается теоретическимъ закономъ, невошедшимъ въ общее сознаніе и политическую практику. По крайней мѣрѣ, онъ практикуется въ совершенно обратномъ смыслѣ цивилизованнымъ Западомъ по отношенію къ полу-дикимъ племенамъ Востока.

Громадный азіатскій континентъ, на которомъ разбросано болѣе пяти-сотъ милліоновъ жителей, въ правѣ былъ-бы ожидать отъ образованной Европы тѣхъ благъ, какими гордится ея цивилизація. Японскій микадо, одинъ изъ самыхъ энергическихъ реформаторовъ нашего времени, совершившій великій переворотъ въ своей странѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ одномъ изъ своихъ декретовъ выразился такъ: «мы должны ожидать свѣта изъ Европы; она принесетъ намъ знаніе и силу»,—и онъ отворилъ всѣ порты Японіи для иностранцевъ и снялъ заборы съ ея границъ для выѣзда своихъ подданныхъ во всѣ европейскія государства. Но такъ-ли думаетъ и дѣйствуетъ западная Европа относительно Востока? Несетъ-ли она туда знаніе и силу? Въ чемъ ея цивилизующее вліяніе на эти бѣдныя и рабскія племена, коснѣющія цѣлыя вѣка въ безысходномъ мракѣ и неподвижности? Мы знаемъ изъ исторіи завоеванія Мексики, какими страшными злодѣйствами сопровождалось столкновеніе фанатической Испаніи съ туземными народами Америки. Костры и пирамиды изъ человѣческихъ головъ Тамерлана блѣднѣютъ передъ этими гуртовымъ истребленіемъ, которымъ ознаменовались первыя побѣды европейцевъ надъ краснокожими индѣйцами. Мы знаемъ, какъ дорого обошлось Индустану знакомство его съ англичанами; мы могли-бы указать на цѣлыя расы, исчезнувшія съ лица земли, благодаря той европейской цивилизаціи, отъ которой японскій микадо рекомендуетъ своимъ подданнымъ ожидать «знанія и силы». А между тѣмъ, онъ, этотъ микадо, совершенно правъ, приписывая европейской цивилизаціи тѣ гуманныя и прогрессивныя начала, въ которыхъ такъ нуждается окаменѣвшій въ своихъ традиціяхъ Востокъ; онъ правъ потому, что если-бы отношеніями западно-европейскихъ націй къ Востоку руководили другія стремленія, то цивилизація ихъ не вносила-бы въ восточныя страны ничего другого, кромѣ знанія, мира и развитія. Въмѣсто пороха и ружей, вмѣсто рабства и завоеванія, водки, опиума и сифилиса, она могла-бы дать полудикимъ племенамъ свои лучшія учрежденія, свои школы и университеты, свои телеграфы, желѣзныя дороги, техническія изобрѣтенія, научить ихъ рациональному труду, экономической солидарности, однимъ словомъ, сообщить имъ весь богатый запасъ своей многовѣковой

опытности, культуры и своего высокаго образованія. Тогда, нѣтъ сомнѣнія, историческія судьбы Востока были-бы другія; онъ давно уже вышелъ-бы изъ своего рабски-коснаго состоянія и сотни милліоновъ людей, теперь прозябающихъ чисто-растительною жизнію, стояли-бы если не на одномъ уровнѣ съ европейцами, то въ положеніи, очень близкомъ къ нимъ. Нечего и говорить, что сумма человѣческой дѣятельности удесятерилась-бы, и стимулъ прогресса былъ-бы гораздо сильнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Теперь отсталость одной націи неизбѣжно оттягиваетъ назадъ и другія, точно также какъ прогрессъ большаго числа народовъ увлекаетъ за собою впередъ и остальные части человѣчества. Въ этомъ случаѣ солидарность подчиняется строго-соціальному закону взаимнаго воздѣйствія. Но, чтобы возвыситься до пониманія общечеловѣческой солидарности, политика западно-европейскихъ государствъ должна выйти изъ своихъ узко-эгоистическихъ и буржуазныхъ расчетовъ; не эксплуатація одного народа другимъ, не сила оружія, не тѣ отвратительныя явленія, какія мы и до сихъ поръ наблюдаемъ въ эксплуатаціи Африки европейцами, сближаютъ народы и оказываютъ имъ взаимную помощь и поддержку, а гуманныя сношенія, основанныя на принципѣ экономическаго равенства и политической свободы.

Какіе-бы перевороты не ожидали въ будущемъ Среднюю Азію, но историческая ея роль зависитъ отъ двухъ народовъ,—отъ Англіи и Россіи. Въ то время, когда Англія съ южной оконечности индѣйскаго полуострова подвигается на сѣверъ, Россія тяготеетъ на югъ... Вотъ почему между прочимъ въ началѣ нынѣшняго года и парламентъ, и общественное мнѣніе англичанъ подняли такой шумъ по поводу новаго движенія русскихъ въ Средней Азіи. Когда англичане серьезно занялись этимъ давнишнимъ и тревожнымъ вопросомъ, породившимъ у слабонервныхъ тори особеннаго рода болѣзнь—*руссофобію*, когда они дѣлали одну за другою запросъ за другимъ своему парламенту, читали публичныя лекціи, собирали митинги, издавали географическія карты, посылали экспедиціи, русское общество недоумѣвало, удивляясь, изъ за чего это горячатыя и хлопочутъ «просвѣщенные мореплаватели». А просвѣщенные мореплаватели и не менѣе просвѣщенные янки недоумѣвали, почему это молчать русское общество о такомъ вопросѣ, который всего ближе касается его и который сдѣлался вопросомъ для всей Европы. Какъ американцы, такъ и англичане, естественно, предполагали, что мы, обладатели Туркестана, интересуемся имъ не меньше, чѣмъ они; они хотѣли познакомиться и съ нашими взглядами, и съ нашими свѣденіями о Средней Азіи. Пріѣзжавшій въ Петербургъ изъ Индіи пасторъ Лонгъ читалъ даже публичныя лекціи объ Индіи

и хотѣлъ узнать, какъ думаетъ русское общество о Туркестанѣ; но онъ не добился отъ насъ никакого толку. Чудаки эти иностранцы! Вмѣсто того, чтобы недоумѣвать о молчаніи русскаго общества и предполагать тутъ какую-то заднюю мысль, имъ стоило-бы только обратиться съ нѣкоторыми вопросами къ нашей интеллигенціи, и причина молчанія объяснилась-бы немедленно. Оказалось-бы, что наши свѣденія о Средней Азійи простираются не далѣе того, что тамъ, у этихъ сартовъ и туркменовъ, водится отличная баранина, что отправляющимся туда выдаются двойные прогоны и хорошее жалованье. Съ этой точки зрѣнія насъ только и интересуетъ Средняя Азійа. А иностранцы воображаютъ, что русская пресса серьезно фразируетъ о нашей миссіи на Востокѣ, что наше общество сильно занято русско-восточной политикой и сознательно участвуетъ въ ходѣ ея! Они и не подозреваютъ, что мы даже и не думаемъ и не помнимъ о существованіи цѣлыхъ обширныхъ провинцій, равныхъ, по своему пространству, всему ихъ гнилому Западу... При началѣ амурской колонизаціи, напр., мѣсяца два сильно интересовались Амуромъ и много толковали о немъ, а потомъ предали его совершенному забвенію; Амуръ сдѣлался для насъ пустымъ звукомъ. Что тамъ творится, какъ идетъ колонизаціа, развиваются-ли промышленность и торговля,—всѣ эти вопросы занимаютъ насъ гораздо менѣе, чѣмъ вопросъ о томъ, гдѣ-бы и какъ-бы достать свѣжихъ маргаритокъ для приподнесенія прощальнаго букета Патти. Одинадцать лѣтъ наша пресса безмолвствовала объ Амурѣ и только въ прошломъ году мы снова вспомнили о существованіи его, при извѣстїи о двухъ страшныхъ наводненіяхъ, которыя затопили, разрушили, снесли большую часть колоній, пашни, хлѣбные запасы и скотъ. А между тѣмъ на заселеніе этого отдаленнаго края израсходовано болѣе 50,000,000 р. сер.—Ну, что-жъ?—а намъ что до этого за дѣло? Неудивительно послѣ этого, что во время крымской войны мы знали его географическое положеніе хуже, чѣмъ иностранцы...

Такъ относится къ вопросу о Средней Азійи масса російскихъ Подлиповцевъ. Люди, интересующіеся этой страной, и хотѣли-бы познакомиться съ ней поподробнѣе, да не изъ чего. Въ нашей литературѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного вѣснаго сочиненія о Туркестанѣ вообще, кромѣ кое-какихъ отдѣльныхъ статей по частнымъ вопросамъ, разбросанныхъ по журналамъ разныхъ годовъ. Изъ устныхъ разсказовъ и изъ литературныхъ повѣствованій такихъ джентльменовъ, какъ гг. Пашино или Костенко, узнаешь немного. Не очень-то богаты свѣденіями и «Матеріалы для Статистики Туркестанскаго края, изданіе Туркестанскаго Статистическаго комитета, 2 тома, Спб. — 1872

1873 г. ». Однакожь, они пополняютъ нѣкоторые изъ многочисленныхъ пробѣловъ въ нашихъ свѣденіяхъ о Средней Азіи. Они, по крайней мѣрѣ, разъясняютъ намъ вѣшнюю сторону дѣла и даютъ тотъ сырой матеріалъ, которымъ можно воспользоваться впоследствии. И на томъ спасибо!

Въ будущемъ намъ предвидится имѣть дѣло съ обширною страной отъ береговъ Каспія и Урала до восточной границы бывшаго китайскаго Туркестана, до степи Гоби; отъ предѣловъ губерній тобольской и томской до линіи хребтовъ Гиндукуша и Кюэнлюнь. Страна эта немногимъ меньше всей Европы. Она раздѣляется на двѣ главные части, сѣверную и южную, и линіей раздѣла можно считать 44 градусъ. Сѣверная часть только на своихъ окраинахъ, примыкающихъ къ Сибири, болѣе или менѣе способна къ культурѣ; большая-же часть ея пространства годится, да и то не совсѣмъ, для кочевой жизни скотоводовъ. Отсутствіе лѣсовъ, крайняя скудость травъ и прѣсной воды, солончаки и солончаковыя болота, пески, гибельныя снѣжные бураны и гололеда зимой, лѣтомъ температура, одинаковая съ Константинополемъ, Триестомъ и Лиссабономъ, а зима на одинъ только градусъ теплѣе страшной зимы на Новой Землѣ. Большая часть пространства, лежащаго южнѣе 44 градуса, также представляетъ голую пустыню. Земли туркменовъ, обширныя песчаныя пустыни Кызылъ-Кумъ, Батыкъ-Кумъ и другія—годны лишь для кочевковъ разбойничьихъ племенъ, между тѣмъ, какъ другая половина—ничто иное, какъ песчаное море, лишенное какой-бы то ни было жизни и только устѣнное костями людей и животныхъ, обозначающими направленіе проходящихъ здѣсь каравановъ. Безъ горъ обѣ половины Средней Азіи были-бы сплошной пустыней; но горы даютъ жизнь даже къ сѣверу отъ 44 градуса. Благодаря Алтаю и Тянь-Шаню, семирѣчнская область и китайскій Туркестанъ, съ ихъ озерами и рѣками, являются одними изъ лучшихъ мѣстностей Средней Азіи. Громадные хребты горъ, Гиндукушъ, Болоръ, Тянь-Шань, Паропомизъ, оживляютъ и всю западную половину страны до Аральскаго и Каспійскаго морей. Текуція изъ горъ на западъ и сѣверозападъ рѣки Сыръ, Заравшанъ, Аму и проч. орошаютъ даже лежащую вдали отъ горъ пустыню и даютъ человѣку возможность создавать на ней пѣвгущіе оазисы, въ родѣ Бухары и Хивы. Въ горныхъ мѣстностяхъ обиліе лѣсовъ и влажность атмосферы позволяютъ заниматься земледѣіемъ безъ искусственнаго орошенія; а въ степяхъ воды рѣкъ посредствомъ безчисленныхъ

каналовъ отводятся въ разныя стороны и превращаютъ пустыню въ рядъ обширныхъ садовъ, изъ которыхъ каждый окруженъ необозримыми песчаными равнинами, солончаками или-же хребтами бесплодныхъ горъ. Сибѣжной зимы на этихъ оазисахъ почти вовсе не бываетъ; Аму-Дарья въ устьяхъ замерзаетъ на 1 мѣсяць, а въ среднемъ своемъ теченіи недѣли на двѣ; въ мартѣ земля покрывается уже зеленью, а лѣтомъ жары доходятъ до 45° R. и болѣе. Виноградъ, абрикосы, груши, тутовое дерево, хлопчатникъ растутъ свободно, несмотря на дурной уходъ за ними. Коканъ, Кашгаръ, Бадакшанъ, Бухара—лучшія мѣстности этого дикаго края.

Люди жили здѣсь во времена самой глубокой древности и земли, занимаемая теперь русскими, не переставали упитываться человѣческой кровью впродолженіи нѣсколькихъ тысячелѣтій. Здѣсь во многихъ мѣстахъ и до сихъ поръ сохранились слѣды греческихъ колоній и походовъ Александра Македонскаго; эту страну опустошали и войска Чингиса и арабы; здѣсь былъ центръ великой монархіи Тамерлана, умершаго въ Самаркандѣ, гдѣ хранятся его мечеть, тронъ и гробница. Вся страна усыяна развалинами городовъ, водопроводовъ, буддійскихъ монастырей, — развалинами, свидѣтельствующими, что опустошительныя войны не прекращались здѣсь цѣлые вѣка, истребивъ миллионы людей и превративъ снова въ пустыню тѣ мѣстности, которыя, посредствомъ упорнаго труда человѣка, покрывались культурной флорой и садами, окружавшими богатые города и деревни. Нисколько не преувеличивая дѣйствительности, можно сказать, что въ Средней Азій пространствѣ, заселенное теперь осѣдлыми жителями, занятое поселеніями, садами, пашнями, водопроводами, караванъ-сараями, гораздо меньше пространства, покрытаго развалинами и остатками прежней культурной жизни. Все свидѣлствуетъ, что войны, междоусобицы и грабежи, которые въ независимыхъ владѣніяхъ до сихъ поръ свирѣпствуютъ съ такой-же силою, какъ и во времена Александра Македонскаго, постепенно опустошали страну, которая становилась вслѣдствіе этого все болѣе и болѣе пустынною и необработанною. Хива, напр., по лѣвую сторону Аму занимала прежде полосу обработанной земли почти въ три раза шире, чѣмъ теперь, и если эти земли, удобныя къ орошенію, вновь заселятся, то хивинское ханство можетъ давать торговлѣ до 3,000,000 пудовъ хлопка (Матер., II, 19). Опустошеніе страны и истребленіе какъ ея лѣсовъ, такъ и культурной растительности; не мало способствовало и постепенному ухудшенію ея климата. Воды ея постепенно высыхаютъ, уменьша-

ются, и существуютъ несомнѣнные доказательства, что прежде климатъ Средней Азіи былъ гораздо умѣреннѣе, чѣмъ теперѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что трудъ человѣка, при мало-мальски сносной соціальной жизни, могъ-бы устранить многія естественныя неудобства этого края, но никакой правильный трудъ невозможенъ тамъ, гдѣ все дышетъ анархіей и живетъ грабежомъ. Постоянныя войны среднеазиатскихъ царьковъ между собой, междоусобицы безчисленныхъ претендентовъ на престолы, возстанія городовъ и провинцій или ихъ управителей противъ хановъ, разбойничьи набѣги кочевниковъ или воинственныхъ жителей осѣдлыхъ мѣстностей, баранта, разграбленія купеческихъ каравановъ—все это продолжается съ глубокой древности и можетъ прекратиться лишь съ полнымъ утверженіемъ здѣсь европейскаго владычества. Воровство и разбой въ Средней Азіи—вовсе не пороки, а доблести и любимѣйшія занятія, о которыхъ поютъ матери своимъ дѣтямъ и которыми люди хвастаются другъ передъ другомъ, какъ киргизскій полковникъ Тезекъ, который съ гордостью говоритъ о себѣ: «когда я былъ молодъ, то подобнаго мнѣ вора и мошенника нельзя было во всей ордѣ отыскать!» Разбойничьи набѣги здѣсь одинъ изъ самыхъ главныхъ промысловъ, которымъ живетъ не только множество отдѣльныхъ личностей, но даже цѣлыя племена. Набѣгъ доставляетъ скоть, товары, плѣнниковъ, человѣческія головы, за которыя щедро платятъ ханы. Главное разбойничье гнѣздо—это Хива, аристократія которой, предоставивъ земледѣію рабамъ, занимается исключительно грабежомъ. Вамбери былъ свидѣтелемъ, какъ на главную площадь Хивы вернулись изъ похода 100 всадниковъ. «Каждый изъ нихъ велъ плѣнныхъ, между которыми были дѣти и женщины, привязанные или къ хвосту лошади, или къ лукъ. Къ каждому сѣдлу было привязано по мѣшку съ отрубленными непріятельскими головами, такъ какъ онѣ служили доказательствомъ геройскихъ дѣлъ всадника. Прибывъ на площадь, всадникъ дарилъ плѣнныхъ хану или какому-нибудь вельможѣ, затѣмъ развязывалъ мѣшокъ, бралъ его за два угла и къ ногамъ пріемщика высыпалъ, какъ картофель, головы съ бородами и безъ бородъ. Слуги стлкали ихъ ногами въ одно мѣсто, гдѣ скоро образовалась большая куча изъ нѣсколькихъ сотенъ головъ. Каждый герой получалъ квитанцію въ доставленныхъ головахъ, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого слѣдовала уплата отъ хана халатами.» Положеніе плѣнныхъ во всей Средней Азіи и особенно въ Хивѣ ужасное. Тотъ-же Вамбери присутствовалъ при слѣдующей сценѣ. «На наружномъ дворѣ я увидѣлъ 300 военноплѣнныхъ чаудоровъ; покры-

тые лохмотьями, измученные страхомъ смерти и голодомъ, несчастные походили на мертвецовъ, вѣставшихъ изъ гробовъ. Они были уже раздѣлены на двѣ группы: одни, недостижиміе еще сороколѣтняго возраста, назначались въ продажу или въ подарокъ; другіе считавшіеся вслѣдствіе положенія или старости аксакалами, должны были подвергнуться наказанію по опредѣленію хана. Первыхъ сковали по 10 и 15 человекъ вѣстѣ и увели; послѣдніе, покорные своей участи, ожидали приговора; палачи пришли и потащили ихъ, какъ связанныхъ барановъ. Въ то время, какъ многихъ повели на висѣлицу или въ темницу, 8 старцовъ легли по одному знаку палача. Связавъ ихъ по рукамъ и по ногамъ, палачъ выкололъ имъ глаза; всякій разъ послѣ такой операціи, онъ становился на грудь ослѣпленнаго и обтиралъ объ его сѣдую бороду свой окровавленной ножъ. Ужасно было видѣть, какъ эти жертвы послѣ мучительнаго наказанія, освободившись отъ веревокъ, старались приподняться, ощупывая руками окружающіе ихъ предметы. Одни ударялись головами другъ о друга, другіе падали безъ чувствъ на землю и испускали глухой стонъ. Эти мученики осуждены на самое жалкое, безнадежное рабство, которое въ настоящее время не имѣетъ нигдѣ столь ужаснаго характера, какъ въ этихъ странахъ. Главные поставщики рабовъ—кочевые туркмены, эти полудикія орды, которыя живутъ исключительно грабежомъ и разореніемъ сосѣднихъ странъ, преимущественно восточныхъ провинцій Персіи. На захваты плѣнниковъ они смотрятъ, какъ на благородный промыселъ и на священную обязанность; отправляясь въ набѣгъ, они получаютъ благословеніе своихъ муллъ, а погибшіе въ разбоѣ считаются героями и святыми. Въ каждой палаткѣ туркмена путешественникъ встрѣчаетъ одного или нѣсколько плѣнниковъ, которыхъ держатъ или въ надеждѣ получить за нихъ выкупъ, или продать въ сосѣднія мѣстности. Въ ханствахъ Хивы и Бухары торговцы рабами (*даймабуры*) составляютъ правильно организованную гильдію. Въ Хивѣ въ каждомъ значительномъ мѣстечкѣ есть мелочной торговецъ, который находится въ сношеніи съ оптовыми работорговцами или беретъ товаръ на комиссію. Въ Хивѣ на 300,000 жителей считается 40.000 рабовъ, преимущественно персовъ. Узбеки, питая положительное отвращеніе ко всякому производительному труду, взваливаютъ его на невольниковъ, безъ которыхъ нѣкоторыя ханства, особенно хивинское, не имѣли-бы даже своего хлѣба. По свидѣтельству Вамбери, масса рабовъ находится въ болѣе ужасномъ положеніи, чѣмъ негры. Но, не смотря на это, отдѣльныя личности изъ персовъ и русскихъ, силою

своего умственного превосходства надъ варварами, успѣвають не только освободиться отъ рабства, но и дѣлаться вліятельными лицами. Въ Хивѣ, напр., начальникомъ артиллеріи недавно служилъ, а можетъ быть, служить и теперь, плѣнный русскій матросъ, Сергѣй Ивановъ, у котораго есть и мусульманскій гаремъ, и моельня, увѣшенная русскими иконами и заваленная церковными книгами (матер., II, 368). Но, выбиваясь изъ неволи, подобныя личности большею частію совершенно падаютъ нравственно и дѣлаются столь-же безчеловѣчными, какъ и ихъ господа. Множество самыхъ значительныхъ работорговцевъ изъ бывшихъ персидскихъ рабовъ. Чтобы зарекомендовать себя, эти рабы безчеловѣчно относятся даже къ своимъ собратьямъ и соотечественникамъ. Одинъ русскій, взятый туркменами, обращенный ими въ исламъ и усыновленный однимъ кочевникомъ, который поклялся не выдавать его русскимъ, — съ своей стороны, далъ торжественную клятву не измѣнять туркменамъ во время разбоевъ и нападений на русскія суда на каспійскомъ морѣ, причемъ, для большаго увѣренія ордынцевъ въ преданности имъ, срубилъ съ одного русскаго плѣнника голову и началъ пить его кровь (ib., 356).

Даже въ самыхъ рабовладѣльческихъ мѣстностяхъ, напр., въ Хивѣ, рабы составляютъ меньшинство населенія, что совершенно естественно въ полудикой странѣ, большинство народонаселенія которой занимается не земледѣіемъ или другою осѣдлою промышленностью, а грабежомъ и отчасти скотоводствомъ. Такъ называемый туркменскій перешеекъ, между морями каспійскимъ и аральскимъ, занятъ кочевниками, которыхъ считается до 900.000. Въ областяхъ акмолинской, семипалатинской, тургайской и собственно въ Туркестанѣ кочуетъ 2.200.000 киргизовъ и нѣсколько десятковъ тысячъ другихъ племенъ. Въ туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ изъ общаго числа народонаселенія на долю кочевого элемента приходится 1.085.000, а на долю полукочевого и осѣдлаго 375.000, т. е. $\frac{1}{5}$ (Мат., I, 123). Только въ трехъ южныхъ уѣздахъ (кураминскомъ, джизакскомъ и ходжентскомъ) осѣдлое народонаселеніе преобладаетъ надъ кочевымъ. Киргизскія степи — страна вполнѣ скотоводческая, равно какъ и земли туркменовъ; туркестанское генераль-губернаторство имѣетъ также преимущественно скотоводскій характеръ и скота въ немъ полагается до 10.000.000 головъ, изъ которыхъ овцы составляютъ болѣе $\frac{9}{10}$. Самая природа страны поддерживаетъ это преобладаніе скотоводства надъ земледѣіемъ, и хотя земель, годныхъ къ воздѣлыванію, несравненно больше, чѣмъ ихъ воз-

дѣлывается въ настоящее время, но все-таки ихъ очень мало сравнительно съ величиной всей территоріи. Безводныя степи если и могутъ быть эксплуатируемы, то исключительно посредствомъ скотоводства. Въ горахъ, гдѣ земледѣліе можетъ существовать безъ орошенія искусственнаго, оно все-таки служитъ второстепеннымъ занятіемъ, такъ какъ большая часть здѣшнихъ мѣстностей удобна лишь для пастбищъ (ib., 50). Даже въ наиболѣе благопріятной для земледѣлія семирѣчннской области считается удобной для обработки земли 600.000, а неудобной 3.500.000 десятинъ. Составляя главный промыселъ страны, скотоводство находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Разведеніе скота и уходъ за нимъ носятъ грубый, первобытный характеръ; множество животныхъ погибаетъ отъ болѣзней, отъ недостатка корма и морозовъ зимой, отъ выгоранія травъ вълѣдствіе сильныхъ жаровъ лѣтомъ. Обработка животныхъ продуктовъ находится на самой низшей ступени развитія.

Кочевое населеніе, занимаясь скотоводствомъ и разбоемъ, даетъ изъ себя главный контингентъ и тѣхъ военныхъ людей, которые составляютъ дружины хановъ и многочисленныя воинственныя банды, принимающія такое дѣятельное участіе въ государственныхъ переворотахъ, войнахъ и междуусобицахъ. Интеллигенцію страны составляетъ осѣдлое народонаселеніе сартовъ и таджиковъ, частью арійскаго, частью смѣшаннаго происхожденія. Въ ихъ рукахъ находятся торговля, ремесла, земледѣліе, преподаваніе въ школахъ, они-же большею частью служатъ и муллами; но все-таки владычество надъ страной принадлежитъ и принадлежало до сихъ поръ не имъ, а узбекамъ и киргизамъ. Хань Средней Азіи всѣ изъ узбековъ или кичаковъ. Въ Бухарѣ большинство населенія сарты, но владычествуютъ узбеки; то-же самое и въ Коканѣ. Изъ кочевниковъ здѣсь формируется что-то въ родѣ военной касты, которая имѣетъ политическое преобладаніе надъ осѣдыми жителями, занимающимися мирными промыслами. Сарты, таджики и осѣдые жители другихъ племенъ занимаются преимущественно земледѣліемъ. Основная форма землевладѣнія въ Средней Азіи общинная, но это община такого первобытнаго характера, такой полудикой формы, что спасти народъ отъ развитія безземельнаго пролетаріата не могла и не можетъ. Желать уничтоженія такого общиннаго землевладѣнія совершенно естественно, но смѣшивать форму съ принципомъ могутъ у насъ только такіе мудрецы, какъ, напр., профессоръ Совѣтовъ. Впрочемъ патриархальная средне-азиатская община сама собою разлагается, переходя въ индивидуальное владѣніе. Кто разводитъ на своемъ участкѣ садъ, стро-

ить домъ или засѣваетъ его дженнушкѣ (въ родѣ клевера), тотъ получаетъ его себѣ въ полную собственность. Вслѣдствіе такой легкости' прибрѣтенія поземельной собственности, община постепенно разрушается и въ настоящее время въ Бухарѣ вся земля, годная для земледѣлія, принадлежитъ уже частнымъ лицамъ. Земля очень дорога; въ чимкентскомъ округѣ, напр., десятина стоитъ отъ 120 до 180 р. Бѣднякамъ поэтому нечего и думать о землевладѣніи; имъ остается только или снимать землю въ аренду, или-же поступать въ батраки къ землевладѣльцамъ. Половина сартовскихъ земель обрабатывается такими наемными рабочими, большинство которыхъ не имѣетъ даже дома, а живетъ въ самыхъ отвратительныхъ мазанкахъ. Хлѣбопашество и садоводство, возможныя безъ искусственнаго орошенія только въ гористыхъ мѣстностяхъ, въ долинахъ существуютъ лишь при помощи оросительныхъ канавъ. Всѣ эти оазисы изрѣзаны искусственными водопроводами, система которыхъ составляетъ жизненный нервъ страны. Земледѣліе находится въ патриархальномъ состояніи, хотя хлѣба производится съ избыткомъ и при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ можетъ производиться его несравненно болѣе. Садоводство распространено обильно; всѣ города и селенія тонутъ въ зелени садовъ, въ которыхъ множество яблоковъ, грушъ, сливъ, винограда. Плоды составляютъ одинъ изъ главныхъ продуктовъ осѣдлыхъ мѣстностей. Не менѣе распространено и огородничество. Разведеніе хлопка постепенно усиливается и въ настоящее время Туркестанъ производитъ его болѣе 3.000.000 пудовъ (II. 510). Чрезвычайное изобиліе тутоваго дерева и превосходныя качества туркестанскихъ шелковичныхъ червей дѣлаютъ здѣсь очень выгоднымъ шелководство. Но оно, какъ и всѣ безъ исключенія другіе промыслы, находится въ первобытномъ состояніи. Невѣжество и анархія мѣшаютъ развитію промышленности и торговли. Пути сообщенія по степямъ опасны вслѣдствіе разбоевъ, жаровъ и песчаныхъ урагановъ, погребаящихъ цѣлые караваны; въ независимыхъ ханствахъ торговлю разоряютъ хищническія пошляны; въ горахъ тоже разбой и ужасныя дороги по обрывамъ, скаламъ и заоблачнымъ вершинамъ; черезъ рѣки переправляются на шестихъ или привязавъ лодку къ лошадиному хвосту; противъ теченія ходятъ бичевой, не зная ни парусовъ, ни весель; когда русскіе, плывя по Аму, подняли парусъ, то всѣ хивинскіе рабочіе попадали отъ страха на дно лодки и кричали: «ай, шайтанъ, шайтанъ!» до тѣхъ поръ, пока не убрали парусъ. Вслѣдствіе такой неразвитости и социальной анархій, среднеазиатцы народъ не только не богатый, но даже и не-

достаточный. Между ними нѣтъ такихъ капиталистовъ и такого зажиточнаго средняго класса, какъ въ Индіи, Китаѣ, Японіи; а масса народа находится въ такомъ-же общипанномъ положеніи, какъ и въ этихъ странахъ. О виѣшнихъ удобствахъ жизни и говорить нечего. Дома строятся на живую нитку, тѣсны, грязны, употребленіе стеколъ неизвѣстно; улицы узки и города тонуть въ грязи; вода въ канавахъ полна всевозможныхъ нечистотъ и изверженій; болота, отхожія ямы, ничѣмъ неприкрытыя, гніеніе падали и разной дряни, выбрасываемой на дворы и улицы, наполняетъ воздухъ заразительными міазмами. Множество туземцевъ страдаетъ отъ чарши и проказы, которыя распространяются главнымъ образомъ каналами, вода которыхъ служитъ также для питья и омовеній и разноситъ по городамъ заразительныя нечистоты, глисты, солитеровъ и т. д. Изъ прокаженныхъ составляются цѣлыя колоніи отверженниковъ обоаго пола, которые плодятъ такое-же потомство. Сифилисъ свирѣпствуетъ страшно. Кромѣ множества другихъ извѣстныхъ болѣзней въ родѣ лихорадокъ, оспы, холеры, есть еще одна мѣстная, — *ригита*. Болѣзнь эта состоитъ въ томъ, что подъ кожу заводится червь, достигающій аршинной длины. Все тѣло больного пухнетъ, начинаются лихорадочное состояніе и ломъ въ костяхъ, образуется нарывъ, и когда онъ прорвется, то въ немъ появляется головка червя. Паразита потихоньку вытягиваютъ; но если онъ оборвется, то размножается въ тѣлѣ въ огромномъ количествѣ, и больной страдаетъ ужасно (Mat., II, 113, 272 и др.).

Но что значитъ эта поражающая бѣдность, эта грязь, эти ужасныя болѣзни въ сравненіи съ нравственнымъ и общественнымъ состояніемъ народа, образчикъ котораго мы уже видѣли, когда говорили о невольничествѣ. Съ своими грубыми деспотами, съ грабительствомъ своихъ правителей, со своими земляными тюрьмами, въ которыхъ люди заживо съѣдаются клопами, съ своими ужасными казнями, съ ватагами шпіоновъ, — ханства Средней Азіи представляются образцами самаго дикаго и необузданнаго деспотизма. И съ этимъ деспотизмомъ рука объ руку идетъ религія, такъ какъ всѣ ханы — покровители и защитники магометанства, а эмиръ бухарскій — папа Средней-Азіи. Жизнь до малѣйшихъ мелочей регулируется магометанскими догматами и главная обязанность полиціи состоитъ въ наблюденіи за выполненіемъ религіозныхъ обрядовъ. Всякое незаконное дѣйствіе здѣсь преступленіе противъ религіи, а она караетъ жестоко. За кражу на сумму болѣе 2 р. полагается отсѣченіе руки; за убійство рубятъ голсу; за соращеніе изъ магометанства и предлюбодѣаніе женщины, а также за

проституцію побиваютъ камнями; за пьянство наказываютъ плетью, до 300 ударовъ и т. д. Знаніе вѣры и посѣщеніе мечетей обязательно для всѣхъ. За этимъ наблюдаетъ родъ жандармовъ, *раисы*. Съ четырехвостною плетью въ рукѣ, раисъ объѣзжаетъ улицы и площади и испытываетъ людей въ вѣрѣ; невѣждъ, хотя-бы то были шестидесятилѣтніе старики, онъ посылаетъ въ школы учиться. Въ часы молитвы раисъ сгоняетъ всѣхъ въ мечети. Слѣдовательно, здѣсь не только обязательное школьное ученіе, но и религія внушается плетью. Тотъ-же *раисъ* наблюдаетъ за порядкомъ въ городѣ, за мѣрами и вѣсами на базарахъ, наказывая тутъ-же на мѣстѣ виновныхъ, по его мнѣнію, людей, и мужчинъ и женщинъ, плетью отъ 15 до 79 ударовъ. Для этихъ экзекуцій его сопровождаютъ полицейскіе служители. Раису-же приносятъ на своихъ мужей жалобы и тѣ жены, которыя чувствуютъ себя обиженными рѣдкостью супружескихъ ласкъ. Народныя школы* и семинаріи, или медресе, въ которыхъ семинаристы учатся иногда лѣтъ тридцать, весьма многочисленны, особенно въ Бухарѣ, въ этомъ центрѣ магометанской учености. Но все это образованіе имѣетъ своею цѣлью одно поддержаніе и распространеніе мусульманскаго фанатизма, высшею ступеню котораго является юродство. Многочисленный орденъ юродивыхъ пользуется особымъ уваженіемъ, какъ классъ святыхъ избранныхъ. Безчисленные муллы, юродивые, хаджи, пророки, имамы, проповѣдники, святые мѣста, древнія мечети, священные ручьи и озера, встрѣчающіяся на каждомъ шагу могилы самыхъ разнородныхъ святыхъ, начиная отъ древнихъ апостоловъ ислама и кончая гробницею какого-нибудь туземнаго артиллерійскаго генерала (II, 340), — все это дѣлаетъ среднюю Азію самую фанатическою страню въ магометанскомъ мірѣ. До какихъ отвратительныхъ нечѣпостей доходитъ здѣсь шарлатанство муллъ и глупое ханжество народа, можно видѣть, напр., на знаменитомъ муллѣ Халифѣ Ніасѣ, о которомъ рассказываетъ Вамбери. Славясь своею святостью, онъ получалъ изъ Мекки разрѣшеніе читать народу священные стихи. Читая ихъ, онъ обыкновенно ставилъ передъ собою чашку съ водою, въ которую плевалъ по окончаніи каждаго стихотворенія. Эта слюна, пропитанная святостью словъ, продается потомъ, какъ цѣлебное средство противъ разныхъ недуговъ, тѣмъ, кто за нее больше даетъ. При такомъ фанатизмѣ и постоянномъ страхѣ то религіознаго проклятія, то кровожадной прихоти деспота, народная мысль скована до того, что правовѣрный боится о чемъ-бы то ни было самостоятельно думать. Самыя элементарныя понятія цивилизованнаго человѣка, если

они выходятъ изъ заколдованнаго круга религіозной рутинны, чужды этимъ поработаннымъ умамъ. Достаточно сказать, что бухарцы всего лѣтъ десять назадъ предавались мечтаніямъ о томъ, что ихъ эмиръ и султанъ турецкій покорятъ всю землю и раздѣлятъ ее между собою!.. Ненависть къ невѣрнымъ и ихъ цивилизаціи не уменьшается даже послѣ того, какъ эти фанатики соприкасаются съ Европой и невольно признаютъ ея превосходство надъ собой. «Съ западныхъ предѣловъ Ислама, говоритъ Вамбери, — вплоть до отдаленныхъ восточныхъ границъ его, я слышалъ, какъ всѣ, исповѣдующіе исламъ, турки, арабы, персы, татары, узбеки, постоянно восхваляютъ добродѣтели и достоинства магометанъ, ругая и осмѣивая при этомъ свои собственные недостатки. Они соглашаются, что человеколюбіе и справедливость составляютъ качества кафировъ, но все-таки съ сверкающими глазами прибавляютъ: «хваленіе Богу, что я мусульманинъ!»...»

Весьма многіе ориенталисты и путешественники восхваляютъ азіатскихъ магометанъ за господствующія между ними чувства братства и равенства. «У магометанъ, говоритъ Борисъ въ своемъ «Путешествіи въ Бухару», — нѣтъ различія между знатностью и бѣдностью: ханъ обѣдаетъ такъ-же просто, какъ и поселянинъ, и никогда не подумаетъ вкусить пищи прежде, чѣмъ раздѣлитъ ее между людьми, его окружающими» и т. д. Но это наружное равенство ничто иное, какъ укоренившійся обычай утонченной азіатской вѣжливости, которая всегда уживается съ самымъ грубымъ рабствомъ. Тотъ-же ханъ, который ѣсть съ бѣднякомъ, не задумается снести ему голову по одному капризу; богачъ, который обѣдаетъ съ нищимъ, только услаждается своею ролью великодушнаго кормильца и въ глубинѣ души презираетъ этого нишага; сеиды, ходжи, киргизскіе султаны — *люди белой кости* — съ истинно-азіатскою заносчивостью взираютъ на людей черной кости; гласный и *рабный*, повидимому, судъ мотивируетъ свои приговоры взятками или ходатайствами за виновныхъ почтенныхъ людей; рабство женщины, рабство плѣнниковъ, отверженность всѣхъ немусульманъ, поголовное рабство передъ ханами — какое-же это равенство?! Враждебныя отношенія другъ къ другу киргизовъ, сартовъ, таджиковъ, узбековъ; полное отсутствіе идеи національнаго единства; постоянныя родовыя ссоры и междоусобицы кочевниковъ; войны одного ханства съ другимъ; отсутствіе солидарности даже въ культурныхъ и вполне сложившихся общинахъ сартовъ, въ которыхъ каждый богачъ имѣетъ свою партію изъ родственниковъ и протежируемыхъ бѣдняковъ и борется не на животъ, а на смерть съ такою-же пар-

тією другого богача; язва взаимнаго шпіонства, непрерывныя интриги и искусство подкапываться другъ подъ друга, — какое-же это братство?! Конечно, и у азіятцевъ есть свои хорошія нравственныя качества, но нельзя приписывать имъ небывалыя доблести и нравственное превосходство надъ цивилизованными народами. Свѣтскій и религіозный деспотизмъ совершенно обезсильяетъ энергію и не развиль въ нихъ активной воли. Физическій развратъ извращаетъ ихъ нравственное чувство и преждевременно истощаетъ организмъ. Независимо отъ пьянства, которое усиливается между ними по мѣрѣ сближенія съ тѣмъ грязнымъ отстоемъ цивилизаціи, который выбрасываетъ къ нимъ Европа, среднеазіятцы во множествѣ употребляютъ опій, гашшъ, настойки конопли и мака и превращаются вслѣдствіе этого въ положительныхъ идіотовъ (Mat., II, 120 и др.). Развратъ, особенно въ Хивѣ и Бухарѣ, достигаетъ ужасающихъ размѣровъ... Онъ губить тысячи мальчиковъ, истощаетъ силы и ведетъ за собой то, что вся средняя Азія потребляетъ всевозможныя возбуждательныя средства въ громадномъ количествѣ. Даже министры хановъ не стыдятся вымалывать у европейцевъ драгоценнаго снадобья (ib., 478). Эти заботы объ искусственномъ возбужденіи приводятъ иногда къ трагическимъ результатамъ въ чисто-восточномъ вкусѣ. Вамбери рассказываетъ, что окончательно истощенный хивинскій ханъ лечился сначала у одного туземнаго лекаря, пріобрѣтшаго репутацію колдуна. «Ханъ долгое время пользовался искусствомъ хаджи Измаила; но его величество не выполнилъ предписанной діеты, потому что не могъ выдерживать стрѣлъ Купидона. Слѣдствіемъ этого было общее расслабленіе и ломъ въ костяхъ. Ханъ разгнѣвался на своего придворнаго врача, уволилъ его отъ службы и на мѣсто его поставилъ лекарку, славившуюся своимъ искусствомъ. Эта госпожа возымѣла счастливую мысль предписать больному хану 500 дозъ того лекарства, которое такъ благотворно подѣйствовало на царя-поэта въ древности. Приготовленіе такого лекарства было-бы затруднительно въ Европѣ, но при хивинскихъ учрежденіяхъ это было легко, и бѣдный пациентъ, проглотивъ 50 или 60 такихъ дозъ, замѣтилъ, что онѣ имѣютъ совершенно противоположное дѣйствіе. За неудачный совѣтъ бѣдная женщина поплатилась головой.»

Таковы главныя характерныя черты средне-азіятской площади, населяемой дикими племенами, — площади, въ которую русскіе постепенно проникаютъ вотъ уже болѣе ста сорока лѣтъ. Что нужно этой странѣ, чтобы выйти изъ своего многовѣкового анархическаго состоянія и возродиться для новой жизни? Говоря языкомъ восточныхъ-же

преданій, что нужно этому несчастному краю, чтобы Ормузд побѣдилъ Аримана? Въ настоящее время и люди, и природа находятся здѣсь въ постоянномъ враждебномъ отношеніи — природа вредитъ и подавляетъ человѣка, а человѣкъ хищнически распоряжается ея силами. Чтобы привести эти два фактора во взаимно-гармоническое отношеніе и заставить ихъ дѣйствовать на пользу другъ другу, необходимо создать новую политическую и соціальную жизнь; — нѣтъ сомнѣнія, что это—трудъ обширный, работа на нѣсколько сотъ лѣтъ, но, какъ мы видѣли изъ предыдущаго очерка, здѣсь все ожидаетъ этого труда, и только путемъ великихъ и энергическихъ реформъ цивилизующаго европейскаго населенія эта природа и эти люди могутъ выйти изъ своего варварскаго быта. Тотъ, кому дѣйствительно выпадеть на долю эта миссія, долженъ хорошо знать всѣ ошибки прежней грубой завоевательной системы. Въ наше время люди мыслящіе понимаютъ, что сближеніе культивированной расы съ дикою совершается не насиліемъ, не экономическимъ давленіемъ на слабого и безпомощнаго дикаря, а тѣми гуманными мѣрами, какія только доступны современному цивилизованному челоѣку. До сихъ поръ восточные народы смотрятъ на европейца, какъ на «рыжого разбойника», какъ на врага своего. Пусть-же они убѣдятся изъ самыхъ фактовъ, что это не врагъ и не эксплуататоръ ихъ, а другъ и наставникъ. Дайте имъ хоть сотую долю лучшихъ пріобрѣтеній европейской цивилизаціи и спасите ихъ хоть отъ нѣкоторой доли ея недостатковъ и мрачныхъ сторонъ.—и они сами, безъ всякаго завоеванія, подчинятся европейскому господству... Спрашивается, что насъ влекло въ среднюю Азію, въ эту дикую пустыню, въ то время, когда наша собственная территорія еще такъ слабо населена и воздѣлана? Посмотримъ, что скажутъ на это историческіе факты.

Въ XVIII вѣкѣ южную границу Сибири постоянно тревожили своими набѣгами и грабежами киргизы и кочевавшіе въ ихъ степяхъ и въ китайскомъ Туркестанѣ калмыки. Оренбургскій край и Сибирь вслѣдствіе этого оцѣплены линіей укрѣпленій, и хотя это не избавляло край отъ набѣговъ, хотя гарнизоны этихъ укрѣпленій отплачивали кочевникамъ тою-же монетою, но такіе взаимные раздоры, которые современемъ должны были утихнуть и прекратиться, сначала вовсе не внушали нашимъ политикамъ мысли о необходимости покорять степи ради ихъ замиренія. Въ среднюю Азію насъ влекли другіе разсчеты: полагаясь на молву объ ея несмѣтныхъ богатствахъ, мы думали найти въ ней золотыя горы, свою Калифорнію. Еще Петръ Великій отправлялъ экспедицію на несущее

ствующую рѣку Яркенъ, въ которой, по слухамъ, скрывались не-смѣтныя богатства. Экспедиція была предпринята безъ всякаго предварительнаго изученія края, даже безъ географическихъ свѣдѣній о немъ, съ единственною надеждою на желѣзную выносливость русскаго солдата, и, конечно, не удалась, но мечта о средне-азиатскомъ Эльдорадо продолжала дѣйствовать на нашу политику и послѣ Петра. Мечтая добывать въ Туркестанѣ золото и сплавлять его по Амударьѣ, отвѣдя ея воды по прежнему руслу въ Каспійское море, мы подвигались впередъ и въ 1732 г. съ восторгомъ приняли подъ свое подданство киргизовъ, которые, погибая отъ нашествія джунгарскихъ калмыковъ и собственныхъ междоусобицъ, въ лицѣ хана Малой Орды обратились къ намъ съ просьбой: «земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; придите владѣть нами». Начали «владѣть»; но золота въ степяхъ не нашли, и хотя все еще продолжали вѣрить въ существованіе его въ глубинѣ Туркестана, но скоро убѣдились, что добраться до него чрезвычайно трудно. Начали подумывать объ эксплуатаціи степей и выгодахъ торговли съ Средней Азіей. Но длинный рядъ неудачныхъ вѣтръ, хищничества казаковъ, старинныя административныя крючки, междоусобицы самихъ киргизовъ, — все это было причиною того, что мы въ продолженіи цѣлаго столѣтія владѣли киргизскою степью только номинально, и относительно насъ она находилась въ положеніи постоянно воюющаго или бунтующаго улуса. Чтобы утвердить ея покорность, оградить развивавшуюся торговлю съ Средней Азіей отъ грабежей и разбоевъ, обезопасить русскія границы отъ набѣговъ кочевниковъ и отъ увода русскихъ въ плѣнъ цѣлыми сотнями, мы шли все впередъ и впередъ, строя укрѣпленія и покрывая степь казачьими пикетами. Но миръ не водворился, тѣмъ болѣе, что недовольные киргизы находили себѣ помощниковъ и постоянныхъ подстрекателей въ жителяхъ Хивы, Бухары, Кокана и другихъ ханствъ Средней Азій, между тѣмъ, какъ съ другой стороны тревожили русскихъ и дѣлали невозможною прочную торговлю съ Туркестаномъ разбойничья племена туркменовъ. До половины настоящаго столѣтія въ административныхъ сферахъ господствовало мнѣніе, что киргизы необходимы намъ, какъ поставщики сырья на наши рынки, и поэтому оренбургскимъ киргизамъ всячески противодействовали переходить къ осѣлости и заниматься земледѣліемъ. Благосостояніе степи падало, а управленіе ею стоило чрезвычайно дорого. Торговля съ Средней Азіей шла плохо и всѣ попытки поднять ее посредствомъ мирныхъ договоровъ съ ханами оставались тщетными. Ханы не могли выполнять договоровъ даже въ томъ

случаѣ, если-бы хотѣли. И ихъ подданные, и жители другихъ государствъ и независимыя разбойничьи племена ничего не хотѣли знать о договорахъ, продолжая грабить караваны и захватывать въ плѣнъ русскихъ. Совѣтники хановъ и даже народная масса сплошь и рядомъ заставляли ихъ относиться къ намъ враждебно. Последнія дѣйствія противъ русскихъ бухарскій эмиръ началъ по настоянію народа. Даже послѣ паденія Самарканда, узнавъ, что эмиръ намѣренъ заключить миръ, фанатическое народонаселеніе Бухары взбунтовалось и требовало войны. Эмиръ бѣжалъ въ степь и послалъ своего друга Назуметдина уговаривать народъ. Революція была укрощена краснорѣчіемъ Назуметдина и особенно жирнымъ обѣдомъ, который онъ устроилъ для народа (Мат., II, 432). Частая переиѣна властителей и постоянныя междоусобицы, а также фанатизмъ, боязнь и рѣшительное отвращеніе самихъ хановъ къ сношенію съ русскими дѣлаютъ недействительными все договоры съ ними. Все наши миссіи въ Среднюю Азію со временъ Годунова и до настоящаго времени, по выраженію Ханыкова, имѣли одинъ результатъ: «дружескія увѣренія и положительный отказъ исполнить хотя одно изъ увѣренныхъ требованій». Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ началось военное занятіе восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, устройство укрѣпленій до Сыръ-Дарьи, учрежденіе аральской флотиліи, присоединеніе заклійскаго края, Туркестана, Ташкента, Ходжента, Самарканда, Кульджи и учрежденіе туркестанскаго генераль-губернаторства.

Пассивный характеръ среднеазіятцевъ обнаружился немедленно послѣ того, какъ они сознали силу русскихъ. Управлять ими и держать ихъ въ подчиненіи оказалось очень легко. «Соображая числительность войскъ, употребляемыхъ для карауловъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, писалъ генераль Черняевъ, и огромныя суммы, издерживаемыя на содержаніе полиціи, я не могъ себѣ представить, чтобы Ташкентъ, съ его 70,000 мусульманскимъ народонаселеніемъ, стекающимся для торговли со всехъ концовъ Азіи, потребовалъ-бы такъ мало войскъ для удержанія въ немъ спокойствія и порядка. Черезъ недѣлю послѣ взятія города штурмомъ, полное спокойствіе и порядокъ водворились безъ всякаго почти съ нашей стороны вмѣшательства. Но это спокойствіе вовсе не означаетъ полного примиренія покоренныхъ съ побѣдителями. Каково-бы ни было русское управленіе, оно во всякомъ случаѣ лучше прежнихъ порядковъ, но религіозный фанатизмъ и національная ненависть долго еще будутъ возмущаться даже свѣтлыми сторонами нашихъ порядковъ. Русскіе уничтожили рабство и, привлекая на свою сторону рабовъ, въ то-же время возбудили къ себѣ нена-

висть рабовладѣльцевъ. Оставивъ туземцамъ ихъ національные суды, мы лишили ихъ права употреблять тѣлесныя наказанія и приговаривать къ смертной казни. Въ средне-азіятскомъ обществѣ эта гуманная мѣра встрѣчена съ неудовольствіемъ, какъ поблажка ворами и мошенникамъ. Провозглашая равенство всѣхъ передъ закономъ и поддерживая его, русское управленіе также затронуло одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ недостатковъ азіятскаго общества, въ которомъ считается вполнѣ справедливымъ и естественнымъ не давать спуска рабамъ, бѣднякамъ, и оказывать всяческое снисхожденіе людямъ богатымъ и вліятельнымъ. Недавно выборные уральской волости жаловались на своего старшину, что «онъ не смотритъ ни на кого, не различаетъ большаго отъ малаго и одинаково ко всѣмъ требователемъ и взыскателемъ» (II, 130). Замиреніе страны, покоренной русскими, возбуждаетъ также сильное недовольство во всѣхъ тѣхъ, которые жили прежде набѣгами, разбоями, барантой (II, 346). Подати и налоги значительно уменьшились съ водвореніемъ русскаго владычества; но послѣдовавшее затѣмъ увеличеніе ихъ начало возбуждать въ туземцахъ сильное безпокойство. Прошлогоднее возмущеніе въ Ходжентѣ, ближайшимъ поводомъ къ которому было обязательное оспопрививаніе, было возбуждено главнымъ образомъ упомянутымъ возвышеніемъ налоговъ и собираніемъ статистическихъ свѣдѣній, которое было принято туземцами въ томъ смыслѣ, что все ихъ имущество отписывается въ казну. Сборъ податей предоставленъ хозяйственнымъ управленіямъ, которыя состоятъ изъ выбранныхъ самими туземцами аксакаловъ. Но эти аксакалы остались въ томъ-же положеніи, какъ и до прихода русскихъ; туземное самоуправленіе идетъ плохо и его самостоятельность не развивается; русская администрація не въ силахъ искоренить злоупотребленій аксакаловъ, которые распределяютъ неравномѣрно налоги и собираютъ ихъ гораздо больше той суммы, какую представляютъ въ казну. Это также одна изъ главныхъ причинъ недовольства туземцевъ.

Дальнѣйшее увеличеніе доходовъ казны при настоящихъ условіяхъ почти невозможно; а между тѣмъ, край далеко не окушаетъ издержекъ управленія. Доходовъ поступило въ 1868 г. 1,800,000 р., а въ 1869 г. 2,302,000 р. (съ 1,500,000 жителей); но они далеко не покрыли расходовъ и дефицитъ по управленію краемъ представляется въ слѣдующихъ почтенныхъ цифрахъ:

Въ 1868 году	3,856,000 р.
» 1869 »	1,877,000 »
» 1870 »	3,009,000 »

» 1871	»	4,611,000	»
» 1872	» до	6,000,000	»
		22,353,000	р.

Нѣтъ сомнѣнія, что рациональное развитіе производительныхъ силъ страны можетъ современемъ уравнивать доходы съ расходами. Но сколько понадобится для этого трудовъ, знанія, денегъ! Надежды на легкую эксплуатацію богатствъ Средней Азіи теперь уже были-бы дѣтской мечтой. Слухи о золотоносности Туркестана оказываются ложными. Они произошли вслѣдствіе хвастливости туземцевъ и вслѣдствіе того, что послѣ смерти шаха Надира Средняя Азія дѣйствительно была завалена награбленными имъ сокровищами, которыя разошлись по странѣ. Съ 1748 по 1755 г. въ Оренбургъ и Троицкъ, кромѣ контрабанды, было вывезено до 50 пуд. золота и 4,600 пуд. серебра. Воображая, что эти металлы добыты въ Туркестанѣ, мы стремились въ это Эльдorado, но въ концѣ концовъ увидѣли, что въ самой золотоносной мѣстности, на Зарявшанѣ, рабочій можетъ добывать золота только на 6 р. въ мѣсяцъ или 20 коп. въ день. Богатыя залежи каменнаго угля около Кульджи и въ Туркестанѣ могли-бы снабдить превосходнымъ топливомъ и народонаселеніе и русскіе пароходы, которые теперь, истребивъ послѣдніе остатки кустарника саксаула, жгутъ фруктовые деревья. Но эти залежи разрабатываются хотя и не въ обширныхъ, но все-таки въ довольно сносныхъ размѣрахъ, только китайцами около Кульджи. Въ Туркестанѣ-же въ 1867 г. устроили особое горное управленіе и казенный рудникъ, что стоило въ два года около 30,000 р. и далеко не окупило расходовъ. Послѣ этого частныя лица принялись за разработку каменнаго угля, но его до сихъ поръ добывается такъ мало, что не удовлетворяются даже потребности немногихъ казенныхъ пароходовъ (т. II, 223, 226 и 461). Въ Ташкентѣ керосинъ продается иногда по 80 коп. фунтъ, а стеариновые свѣчи по 1 р. 20 к. за фунтъ, а между тѣмъ богатые источники нефти, при ихъ разработкѣ, могли-бы съ избыткомъ снабжать всю Среднюю Азію и дешевымъ керосиномъ, и асфальтомъ (стр. 441 и 446). Но разработка ихъ почти еще не начиналась. Свинцу тоже много, но онъ все-таки получается изъ Россіи и стоитъ 4 р. 50 к. за пудъ! Въ 1869 г. г. Первушинъ взялся за разработку свинцовой руды и, обязавшись поставить казнѣ 3,000 пуд., могъ выработать только 370 пуд. (стр. 464 и 476). Въ Туркестанѣ можно съ успѣхомъ разводить табакъ; десятина, засѣянная имъ, можетъ дать чистаго дохода до 1,400 р. (стр. 457). Но, не смотря на одиночные и удавшіеся опыты, табаку не разво-

дится. Для развитія шелководства не только ничего не сдѣлано русской администраціей, но до послѣдовавшаго недавно запрещенія лучшіе коконы скупались и вывозились въ Италію. Разведеніе и обработка хлопка остаются въ прежнемъ, незавидномъ положеніи. Садоводство, которымъ такъ славятся оазисы Средней Азіи, даже падаетъ, потому что фруктовыя деревья во множествѣ истребляются на топливо. Пчеловодство, которое можетъ здѣсь вполне процвѣтать, находится на низшей ступени развитія. Главный продуктъ мѣстныхъ русскихъ фабрикъ и заводовъ—водка. Въ семирѣчинской области всѣ фабрики и заводы, числомъ 20, при 342 рабочихъ, производятъ на 251,000 р.; изъ нихъ 3 винокуренныхъ и водочныхъ завода, при 147 рабочихъ, производятъ на 137,000 руб. (т. I, таблицы, стр. 204 — 205).

Несомнѣнно, что главныя производительныя силы страны заключаются въ различныхъ видахъ земледѣлія и скотоводствѣ, для развитія которыхъ необходимо бороться со множествомъ физическихъ препятствій. Главное дѣло — экономическое и рациональное пользованіе наличною суммою воды. Между тѣмъ, наша частная и общественная предпріимчивость не только ничего не сдѣлала въ этомъ отношеніи, но положительно содѣйствовали уменьшенію количества влаги въ атмосферѣ и на поверхности земли. Междоусобицы азіятцевъ и борьба съ ними русскихъ вели за собой окончательное истребленіе лѣсовъ во всей странѣ, кромѣ сѣверныхъ окраинъ ея да малодоступныхъ горныхъ мѣстностей. Киргизскія степи въ какія-нибудь 15 — 20 лѣтъ дошли до настоящаго, почти совершеннаго уничтоженія не-только строевого лѣса, но даже кустарниковыхъ растеній тамъ, гдѣ, при рациональномъ пользованіи лѣсомъ, его хватало-бы на цѣлыя поколѣнія (т. II, стр. 555). И это опустошеніе производили не одни казаки и киргизы, но и мирные русскіе крестьяне, выселеніе которыхъ въ семирѣчинскую область принимаетъ болѣе и болѣе обширные размеры. Ихъ переселилось сюда въ 1868—1870 гг. 2,889 семей; но они далеко не благоенствуютъ, такъ какъ не умѣютъ примѣняться къ мѣстнымъ физическимъ условіямъ (т. I, стр. 133, табл. 195, т. II, стр. 297). Въ нѣсколько лѣтъ колонисты совершенно истребили всѣ лѣса въ занятыхъ ими мѣстностяхъ (т. II, стр. 301—481). Съ истребленіемъ лѣсовъ, высыхаютъ ручьи, озера, рѣчки, гибнутъ травы и страна превращается въ бесплодную степь. Искусственное разведеніе лѣсовъ — главная потребность края; но, дорогое само по себѣ, оно становится еще дороже вслѣдствіе необходимаго для него искусственнаго орошенія степей. Воды въ степяхъ достаточно даже

вадали отъ рѣкъ, но вся она скрыта педь поверхностью земли. Устройство артезіанскихъ и простыхъ колодезь, искусственные скопы снѣга въ стѣняхъ зимою, употребляемые и теперь, только въ ничтожныхъ размѣрахъ, проведеніе канавъ, которыя-бы препятствовали господствующимъ здѣсь сѣвернымъ вѣтрамъ сдувать снѣгъ со степей, а въ мѣстностяхъ, лежащихъ въ бассейнахъ рѣкъ и около озеръ, проведеніе новыхъ водопроводовъ, — вотъ мѣры, которыми вполне успѣшно можно достигъ орошенія значительной части страны, покрыть ее травами и лѣсомъ, сдѣлать удобною для земледѣлія и скотоводства (II, 105, 480—505). Но для этого нужны самыя лучшія интеллигентныя силы, знающіе и энергическіе техники, хорошіе администраторы и громадныя средства; нужны постоянныя изысканія и улучшенія, безъ которыхъ край будетъ постепенно высыхать и обращаться въ неплодныя степи... Цивилизація наша не особенно содѣйствовала и улучшенію азіатскаго земледѣлія. Да и трудно содѣйствовать ему, такъ-какъ азіатское земледѣліе во многихъ отношеніяхъ стоитъ выше русскаго, напр., на своей превосходной системѣ искусственнаго орошенія полей, а средне-азіатскій плугъ, при всемъ его несовершенствѣ, все-таки лучше русской сохи. Но при всемъ томъ, мы могли-бы вліять на усиленіе перехода кочевниковъ къ земледѣлію. Дѣло въ томъ, что изъ кочевниковъ принимаются за плугъ почти только тѣ бѣдняки, которые, лишившись скота и всего имущества, по необходимости ищутъ своего пропитанія въ производительной силѣ земли. Имъ необходимо предоставить какія-нибудь льготы, между тѣмъ какъ въ настоящее время они платятъ налоговъ сравнительно больше, чѣмъ кочевники.

Вообще русскіе жители Туркестана не занимаются промышленностью сами и не содѣйствуютъ развитію ея у туземцевъ. Да и какая нужда заниматься промышленностью, когда даже мелочная торговля, какой-нибудь винокуренный заводъ, кабакъ, трактиръ даютъ въ годъ чистаго барыша до 100, а по мѣстамъ даже до 300%! Торгуя только! Ну, и торгуютъ... Торговля наша съ Средней Азіей развивалась за послѣднее время довольно быстро.

	Привезено на	Вывезено на
Въ 1857 г.	6,047,545 р.	3,838,867 р.
» 1861 »	8,371,795 »	5,882,335 »
» 1864 »	12,091,149 »	6,576,170 »
» 1866 »	9,479,162 »	10,847,335 »
» 1867 »	12,850,405 »	16,634,396 »

Но въ послѣдніе годы итогъ нашей торговли значительно понизился. Англійскіе товары сильно соперничаютъ съ русскими уже и теперь

своей дешевизною и добротностью даже въ туркестанской области, куда они проникаютъ контрабанднымъ путемъ. Въ независимыхъ-же отъ насъ торговыхъ центрахъ англійскіе товары рѣшительно преобладаютъ надъ русскими тѣмъ болѣе, что англичане могутъ давать въ кредитъ на годъ, а наши купцы только на мѣсяць, много на три. Англійская торговля съ средней Азіей быстро развивается и въ последнее время изъ Остѣ Индіи прошло въ Туркестанъ 6,560 верблюдовъ съ чаями и европейскими товарами. Когда-же дороги изъ Индіи улучшатся, то англійское соперничество можетъ сдѣлаться вполне убійственнымъ для нашей торговли, неговоря уже о безусловномъ успѣхѣ его въ томъ случаѣ, если удастся проектируемая англійская желѣзная дорога въ Индію черезъ Персію. Въ этомъ сознаются даже самые рьяные защитники русскихъ успѣховъ въ Средней Азій. А торговля наша до сихъ поръ была единственнымъ связующимъ звѣномъ съ азіатскимъ континентомъ.

Многіе причину неуспѣховъ русской цивилизаціи въ Туркестанѣ полагаютъ въ малочисленности русскаго народонаселенія, котораго на всю Среднюю Азію приходится до 70,000 ч., да и то преимущественно служащихъ. Въ Ташкентѣ, напр., 78,165 жителей, изъ нихъ русскихъ только 2,073, изъ которыхъ 1,599 человекъ военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ служащихъ, а остальные, удовлетворяя потребностямъ этихъ служащихъ, занимаются услуженіемъ, ремеслами и торговлею. Понятно, что такая горсть людей не можетъ имѣть цивилизующаго вліянія на страну, тѣмъ болѣе, что большинство этихъ лицъ прибыло сюда на короткіе сроки, съ исключительными цѣлями и при исключительныхъ условіяхъ...

Ясно, что въ такомъ положеніи дѣла не должны оставаться... Читатель видѣлъ, что впродолженіи ста сорока лѣтъ русскіе все шли впередъ и впередъ, чтобы умиротворить страну, распространить свою торговлю, прекратить междоусобицы и разбои, отыскать новые источники богатства, которые хотя-бы покрывали расходы по покоренію и управленію страной. Мы видѣли выше, что цѣли эти далеко еще не достигнуты. Управление краемъ пока даетъ ежегодный дефицитъ; южныя ханства, лежащія около границъ Афганистана, враждебны намъ и недоступны для нашей торговли, равно какъ и богатая страна Алтышаръ; въ китайскомъ Туркестанѣ господствуетъ анархія, гибельная для нашей торговли и небезопасная даже для нашихъ границъ: хивинцы занимаютъ устья Аму-Дарьи, грабятъ караваны, захватываютъ въ плѣнъ русскихъ, волнуютъ подданное намъ мусульманское народонаселеніе; Бухара тоже ненадежна; только Ко-

канъ находится въ дружескихъ отношеніяхъ къ Россіи, но Худояръханъ можетъ умереть или быть свергнутымъ, и эти отношенія легко могутъ измѣниться на совершенно противоположныя; независимыя туркменскія орды также опасны для нашихъ владѣній и торговли. Поэтому, признавая невозможнымъ оставаться при настоящемъ statu quo, мы должны составить себѣ самое точное понятіе о томъ, чѣмъ было наше движеніе въ Среднюю Азію до сихъ поръ; чтобы не отступать назадъ и идти дальше надо знать, какъ мы «шли впередъ» до сихъ поръ.

Впродолженіи ста сорока лѣтъ нами заняты:

	квадратныхъ миль.	жителей.	на 1 кв. миліо жи- телей.
Киргизскія степи оренбургскаго и сибирскаго вѣдомства . . .	33,878	1.450,000	43
Туркестанскій край: Сыръ-Дарьин- ская область	8,800	771,500	88
Семирѣчинская	6,200	550,000	89
Зарявшанскій округъ	190	200,000	1,053
Всего занято.	49,068	2.971,500	61
Земли независимыя:			
Бухара	3,200	1.500,000	469
Коканъ	1,500	600,000	400
Хива	2,100	300,000	133
Афганскій Туркестанъ	2,000	300,000	150
Мелкія владѣнія въ вер- ховьяхъ Аму-Дарьи	2,700	100,000	37
Туркменскія земли	21,100	600,000	28
Не занято еще.	32,600	3.400,000	104

Словомъ, выражаясь словами г. Костенко, «наша задача состоитъ въ томъ, чтобы быть хозяевами по сю сторону Гиндукуша; только въ этомъ случаѣ наше среднеазиатское зданіе увѣнчается». Совершенно справедливо; но приведенная таблица неприсоединенныхъ еще земель далеко не полна. Западный Китай, который, отложившись уже, по всей вѣроятности, не можетъ быть покоренъ китайцами, и по своей производительности, торговлѣ и политическимъ обстоятельствамъ несравненно выгоднѣе для насъ и Хивы и Бухары; тамошняя анархія уже вызвала занятіе Кульджи русскими; но совершенно въ такомъ-же положеніи и въ такихъ-же отношеніяхъ къ намъ, какъ

Кульджа, находятся тѣ мѣстности, въ которыхъ лежатъ Чугучакъ, Уласутай, Урумчи, Яркандъ, Кашгаръ, Хотанъ и др. до Гоби къ востоку и хребта Кознлюнь къ югу. А эта территория и гораздо обширнѣе, и населеннѣе и несравненно богаче, чѣмъ та, о которой говорится въ предъидущей таблицѣ.

Мы не увлекаемся мечтами объ этихъ присоединеніяхъ, которыя должны поставить насъ въ ближайшія торговыя сношенія съ Индией, Тибетомъ и Китаемъ и создать изъ Средней Азіи русское царство въ родѣ англійскаго Индустана. Мы только указываемъ на неизбежную дилемму: идти впередъ или отступить, которая при данныхъ условіяхъ неизбежно будетъ рѣшаться въ смыслѣ движенія впередъ, а не въ смыслѣ отступленія съ того пути, на который мы вовлечены были обстоятельствами болѣе ста лѣтъ назадъ.

Для поднятія благосостоянія края необходимо развитіе земледѣлія и торговли. Для теперешнихъ земледѣльцевъ, для русскихъ колонистовъ, для безземельныхъ туземцевъ и для кочевниковъ, переходящихъ къ осѣдой жизни, необходимо увеличить количество удобныхъ къ воздѣлыванію земель. Этого можно достигнуть только однимъ путемъ, посредствомъ проведенія новыхъ оросительныхъ каналовъ изъ туркестанскихъ рѣкъ. Но дѣло въ томъ, что главные источники искусственнаго орошенія, рѣки Сыръ и Аму, въ то-же время безусловно необходимы, какъ лучшіе пути сообщенія въ край, какъ единственные возможные при настоящихъ условіяхъ каналы, посредствомъ которыхъ будущая русская торговля можетъ направляться въ глубь Средней Азіи черезъ Каспійское море, туркменскій перешеекъ, аральское море и побочныя рѣки. Чѣмъ больше будутъ отводить воды изъ этихъ рѣкъ въ оросительные каналы, тѣмъ болѣе онѣ будутъ мелѣть и сдѣлаются вовсе негодными даже для плаванія небольшихъ судовъ. Въ сущности эти рѣки очень значительны, но и въ настоящее время онѣ уже истощены отводомъ воды до такой степени, что по нимъ съ величайшимъ трудомъ да и то не всегда могутъ пробираться маленькіе пароходы. Что-же дѣлать? И Аму и Сыръ можно сдѣлать вполне судоходными, для этого стоятъ только сократить число отводныхъ оросительныхъ каналовъ и не проводить новыхъ; но вслѣдствіе этого значительно падеть земледѣліе и многіе изъ цвѣтущихъ теперь оазисовъ обратятся въ безплодные пустыри; съ другой стороны, поднять земледѣліе очень легко, стоитъ только ушатерить, удесятерить число существующихъ теперь оросительныхъ каналовъ, но это поведетъ за собой окончательное паденіе судоходства.

Между тѣмъ, развитіе земледѣлія, особенно воздѣлыванья хлопка

и развитіе торговли представляются неизбежными условіями для поднятія производительности края и для прекращенія милліонныхъ дефицитовъ. Для торговли-же необходимы пути легкаго и скорого сообщенія. У насъ долго толковали о возможности повернуть Аму-Дарью въ ея старое русло, но теперь окончательно приходится отказаться отъ этой мечты, такъ какъ, по тщательнымъ изслѣдованіямъ, Аму по своему старому руслу не въ состояніи будетъ достигнуть Каспійскаго моря и потеряется въ пескахъ. Что-же дѣлать? Кто рѣшить эти вопросы?

Само собою понятно, что за рѣшеніемъ ихъ мы должны прежде всего обратиться къ господамъ ташкентцамъ...

Господа ташкентцы не задумываются и предлагаютъ желѣзную дорогу. Съ ноября 1872 г. въ обществѣ содѣйствія русской торговлѣ и промышленности, въ особой комиссіи обсуждается вопросъ о соединеніи европейской Россіи съ азіатскими рынками, т. е. съ Персіей, Туркестаномъ, Индіей и Китаемъ. Комиссія состоитъ изъ русскихъ людей и добрыхъ патріотовъ, незараженныхъ ни малѣйшимъ вѣяніемъ скептицизма. И вотъ, съ патріотическою вѣрою въ неисчерпаемыя силы отечества и съ размахистостью настоящей русской натуры, она порѣшила, что необходимо какъ можно скорѣе построить желѣзную дорогу до Ташкента. Но комиссія оказалась еще довольно скромною въ своихъ требованіяхъ. Люди, хорошо знакомые съ Средней Азіей, доказываютъ, что проведеніе желѣзной дороги только до Туркестана мало поможетъ дѣлу. «Мы, пишетъ полковникъ Краевскій въ 32 № «Голоса», должны идти впередъ возможно быстрѣе, и цѣль нашего движенія впередъ есть соединеніе среднеазіатской торговли съ индійскою... Тогда половина индійскихъ товаровъ, идущихъ въ Европу, будетъ перевозиться по нашей желѣзной дорогѣ... Это гордіевъ узелъ для нашей финансовой системы, и развяжетъ его тотъ, кто устроитъ тоннель въ Гиндукушѣ для соединенія Индіи съ Европой.» Г. Краевскій думаетъ, что мы въ этомъ дѣлѣ можемъ предупредить затѣи англичанъ и построить дорогу въ двѣнадцать лѣтъ. Г. Соболевъ идетъ еще далѣе и доказываетъ, что среднеазіатскаго рынка намъ мало, а подавай, дескать, всю Азію! Appetitъ по истинѣ ташкентскій!.. Г. Соболевъ, кромѣ дороги въ Индію проводить другую черезъ всю Сибирь въ Китай; тогда изъ Петербурга можно будетъ въ 8 дней докатить до Индустана и въ 12 до Пекина; тогда Россія сдѣлается центромъ всемірной торговли. «Проведя желѣзныя дороги въ Китай и Индію и заключивъ въ желѣзныя объятія всю Азію, мы, съ помощью всей Европы, пробудимъ

отъ летаргіи этотъ обширный материкъ Старога Свѣта и вызовемъ его на обширную арену общечеловѣческой дѣятельности» («Голосъ», № 32).

Всѣ эти мечтанія о столь грандіозныхъ предпріятіяхъ тѣмъ забавнѣе, что люди, предаваясь имъ, думаютъ соперничать съ англичанами, которые хлопчуть о томъ-же, быстро утверждаютъ свое торговое вліаніе въ независимыхъ отъ насъ ханствахъ Средней Азіи и хотятъ вести свою желѣзную дорогу въ Индію. Но мы за то превосходимъ ихъ смѣлостью своихъ мечтаній. Впрочемъ, фантазіи гг. Соболевыхъ, Краевскихъ и тому подобныхъ преобразователей далеко не представляютъ собою самаго широкаго и радикальнаго рѣшенія среднеазіатскаго вопроса. Есть еще болѣе смѣлый и болѣе радикальный проэктъ г. Демченко «О наводненіи Арало-Каспійской низменности для улучшенія климата прилежащихъ странъ, Кіевъ, 1871.» Г. Демченко посредствомъ серьезныхъ научныхъ аргументовъ доказываетъ, что Обь, Иртышъ, Енисей и другія рѣки посредствомъ гидравлическихъ сооружений могутъ быть направлены въ арало-каспійскую низменность, вслѣдствіе чего послѣдняя превратится въ большое средиземное море, портовыми городами котораго будутъ Саратовъ, Самара, Уральскъ, Чарджуй (противъ Бухары), Енисейскъ: это море будетъ соединять Сибирь съ Индіей и съ юговосточной Россіей; всѣ прибрежныя мѣстности, даже воды ледовитаго океана будутъ теплѣе. Всѣ работы по этому затопленію предполагается кончить въ 30 лѣтъ, капиталу нужно до 5.000.000.000 рублей, а на образованіе полнаго моря потребуется до 280 лѣтъ. Такимъ образомъ скромный кіево-печерскій ученый, г. Демченко, оказывается еще гораздо храбрѣе и тароватѣе на фантазіи, чѣмъ господа ташкентцы. Пять миллиардовъ рублей, конечно, плевое дѣло для насъ, но 280 лѣтъ для осуществленія патологически-смѣлаго проэкта кіево-печерскаго ученаго это уже не шутка, а серьезное дѣло, особенно если принять въ соображеніе наши ученныя и интеллектуальныя силы, которыхъ недостаетъ для многихъ кафедръ въ нашихъ университетахъ, которыхъ нѣтъ у насъ въ наличности, чтобы помочь намъ спасти свой скотъ отъ эпизоотій и дать городамъ и селамъ сносную санитарную обстановку... Г. Демченко, конечно, извѣстно, какихъ трудовъ и сколькихъ миллионѣвъ стоило такое скромное, сравнительно съ его проэктомъ, предпріятіе, какъ прорытіе суэзкаго канала. Но при современномъ состояніи не нашего, а даже европейскаго знанія это предпріятіе еще сомнительно въ своемъ окончательномъ осуществленіи. Никто не поручится, чтобы лѣтъ черезъ двадцать или тридцать Европа не отказалась отъ

него, благодаря тѣмъ громаднымъ средствамъ, которыхъ оно потребуетъ для постояннаго поддержанія пескомъ заносимаго русла въ надлежащемъ видѣ. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что трудъ и знаніе человѣка способны измѣнить шаръ земной, дать ему совершенно ныя формы и примѣненія къ нашимъ социальнымъ потребностямъ и прогрессу, создать моря тамъ, гдѣ теперь песчанья пустыни, развить флору и фауну тамъ, гдѣ теперь голыя и безжизненныя степи, но... но для осуществленія такихъ грандіозныхъ плановъ намъ нужно готовиться самимъ не менѣе 280 лѣтъ, особенно при томъ черепашьемъ ходѣ нашей науки и общественной культуры, которому намъ угодно придавать названіе *неудержимаго прогресса*. Что-же касается желѣзно-дорожной мечты господъ ташкѣнцевъ и желанія ихъ произвести переворотъ во всемірной торговлѣ, то мы посоветовали-бы имъ позаботиться лучше о своей собственной торговлѣ, внутри Россіи, и вывести ее изъ того регрессирующаго положенія, въ которомъ она находится за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Это было-бы и дешевле, и практичѣе. Иначе, занимаясь всемірными прозектами, мы совершенно забудемъ, что у насъ есть цѣлыя провинціи, страдающія отъ неурожаевъ, въ то время, какъ въ другой полосѣ Россіи хлѣбъ гниетъ въ запасныхъ складахъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Неизмѣнный законъ, управляющій жизнью человѣчества и природы. — Вліяніе эмиграціи на ходъ историческихъ событій. — Ея прогрессивное значеніе. — Средній уровень эмигрантовъ. — Путь, которому слѣдуетъ эмиграція. — Значеніе умѣреннаго пояса въ дѣлѣ эмиграціи. — Почему переселеніе идетъ по градусамъ широты, а не по градусамъ меридіана. — Главныя причины неудачной колонизаціи въ Алжирѣ. — Эмиграція англичанъ въ Индію. — Переселеніе массами ирландцевъ въ Соединенные Штаты. — Процвѣтаніе англійско-австралійскихъ колоній. — Неудавшійся опытъ въ Новой Зеландіи. — Африканскія колоніи. — Неправильное мнѣніе о неспособности французовъ къ колонизаціи. — Канада. — Переселеніе народовъ романской расы въ Лапландскую долину. — Эмиграція нѣмцевъ въ Америку. — Неудачныя попытки нѣмцевъ составить господствующую партію въ Соединенныхъ Штатахъ. — Разселеніе нѣмцевъ по всему міру. — Значеніе и дѣятельность вагабитовъ. — Слабость Персіи. — Грабительства туркменовъ. — Вліяніе персіянъ въ средней Азій. — Переселенія индійскихъ кули. — Океанійцы. — Китайская эмиграція.

Жизнь человѣчества по сравненію съ жизнью природы слишкомъ коротка; отношеніе ея продолжительности къ жизни природы выражается весьма ничтожной дробью. Но какъ ни коротка эта жизнь, въ ней не трудно прослѣдить дѣйствіе того неизмѣннаго закона, что настоящее всегда является прямымъ результатомъ извѣстныхъ комбинацій, совершившихся во времена прошедшія, и само оно, въ свою очередь, работаетъ для созданія извѣстнаго строя въ будущемъ. Этотъ законъ съ такой-же неизмѣнностью дѣйствуетъ и въ жизни всей природы. Ландшафтъ, которымъ вы любуетесь сегодня, съ теченіемъ времени долженъ измѣниться; отъ него, быть можетъ, не останется ни одной теперешней черты, онъ совершенно преобразится и на мѣстѣ живописнаго холма, пожалуй, явится озеро или болото.

«Швейцарскія горы, озера и долины представляютъ собою живую книгу, въ которой можно прочесть исторію нашей земли, пишетъ

одинъ изъ нашихъ друзей, проживающій теперь въ Швейцаріи. — Я читаю эту книгу, бродя по берегамъ озера Лугано. Картина здѣшней природы особенно великолѣпна, когда дневная жара начинаетъ спадать, а солнце близится къ закату. Альпійскія горы, съ ихъ бѣлыми снѣжными вершинами, причудливыми фигурами оттѣняются на горизонтѣ; громадная, массивная, пирамидальная скала Сальваторъ кажется погруженной въ темно-синее небо. На покатостяхъ Альпъ въ два и три ряда раскинулась богатая растительность, принявшая теперь лиловый оттѣнокъ; мѣстами изъ нея выдѣляются бѣловатые и желтоватые пятна, это—дома и церкви. Отъ подножія горъ къ самой водѣ озера тянутся зеленые всходы хлѣбовъ и луга. Эти долины идутъ террасами; вертикальныя ихъ части остаются въ тѣни и отцвѣчиваютъ неопредѣленнымъ темнымъ цвѣтомъ; но горизонтальныя находятся подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, которые окрашиваютъ ихъ въ яркій золотисто-зеленый цвѣтъ, въ тысячу разъ болѣе нѣжный и ласкающій зрѣніе, чѣмъ блескъ изумруда. Цвѣтушія фруктовыя деревья и кустарники пріятно разнообразятъ картину. Тысячи насѣкомыхъ жужжатъ въ воздухѣ; громче всѣхъ раздается жужжаніе большой мухи, которая, повидимому, считаетъ себя центромъ всего этого блеска и великолѣпія, озеръ, горъ и скалъ...

«Подобно этой жужжащей мухѣ, подобно философствующему и рационализирующему Гегелю, хотѣлось-бы и мнѣ считать себя интеллектуальнымъ центромъ всѣхъ этихъ формъ, всего этого свѣта и блеска. Мнѣ стоять большихъ усилій убѣдить себя, что я ничтожность, появившаяся такъ-же случайно, какъ рябь на водѣ, а что всѣ эти окружающія меня массивныя наслоенія, точно отлитыя изъ бронзы, родились и выросли не въ одинъ день, что нужно было пройти многимъ тысячелѣтіямъ, пока они окончательно приняли теперешнюю форму. Эти отлогости, эти долины находились подъ водою или служили берегами озера; гора, возвышающаяся надъ ними, была островомъ. Нѣкогда вся эта мѣстность служила дномъ моря, въ которомъ кишѣли плезиозавры и ихтиозавры. Потомъ, можетъ быть, она измѣнилась въ тропическій лѣсъ, гдѣ встрѣчались между собой слоны и тапировъ...»

Подобно тому, какъ совершались перемѣны въ исторіи земли, совершались они и въ исторіи человѣчества. Но, къ несчастію, до сихъ поръ еще мы обращаемъ вниманіе на перемѣны, происходящія на нашихъ глазахъ, только въ такомъ случаѣ, если онѣ сопровождаются пушечными выстрѣлами, громомъ битвъ и заревомъ пожаровъ. Что же совершается тихо, спокойно и медленно, мимо того мы проходимъ

безъ вниманія, почти игнорируемъ его; между тѣмъ, только эти перемѣны существенны, только онѣ долговѣчны, если только можно назвать чтонибудь долговѣчнымъ въ нашемъ свѣтѣ. Посмотрите вокругъ себя, прислушайтесь къ тому, что говорятъ, перечитайте лучшія экономическія и соціалогическія сочиненія,—и что-же вы услышите и узнаете? Вокругъ васъ идутъ толки о событіяхъ, производящихъ шумъ; изъ книгъ вы узнаете, что самыя смѣлыя мечты большинства экономистовъ и извѣстныхъ литераторовъ ограничиваются представленіемъ въ будущемъ Европы, покрытой громадною сѣтью желѣзныхъ дорогъ; иные рискуютъ сказать, что они вѣрятъ въ прогрессъ воздухоплаванія и что настанетъ время, когда вездѣ возникнутъ воздушныя сообщенія. О настоящемъ-же переворотѣ, который совершается хотя медленно, но непрерывно, можно найти кое-гдѣ развѣ только слабыя намеки. Эти перемѣны еще мало занимаютъ нашихъ изслѣдователей. Что касается прошедшаго, то хотя здѣсь и болѣе данныхъ для выводовъ, однакожь, и въ этомъ направленіи мы ушли не особенно далеко. Конечно, не трудно представить себѣ то время, когда, на мѣсто теперешняго прусскаго солдата, по землѣ, занимаемой нынѣшней Германіей, расхаживалъ красноволосый, длинноволосый, растрепанный германецъ и грабилъ и убивалъ подобныхъ-же себѣ красноволосыхъ, длинноволосыхъ и растрепанныхъ германцевъ;—когда въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь торгуетъ и набиваетъ свои карманы французская буржуазія, нѣкогда воздвигались жертвенники, на которыхъ дикіе галлы приносили въ жертву своимъ богамъ плѣнныхъ воиновъ;—когда въ странахъ, занимаемыхъ теперь шведами, датчанами и русскими, бродили дикія орды скандинавовъ, скифовъ и сарматовъ. Намъ не трудно представить себѣ, что наши предки населяли міръ, значительно отличавшійся въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ отъ нашего. Въ своемъ воображеніи, особенно послѣ чтенія путешествій по странамъ современныхъ дикарей и романовъ Купера, мы можемъ представить себѣ довольно вѣрное изображеніе ихъ фигуръ, ихъ одеждъ, ихъ жилищъ. Но на этомъ мы и останавливаемся. Между тѣмъ это далеко не все.

Перемѣны, уже совершившіяся въ жизни человѣчества, и тѣ, которыя должны еще совершиться, составляютъ рядъ послѣдовательныхъ явленій, естественно вытекающихъ одно изъ другого. Эти перемѣны совершаются медленно и незамѣтно для грубаго человѣческаго зрѣнія и постоянно измѣняютъ настоящее положеніе.

I.

Эмиграція принадлежитъ къ числу именно такихъ постоянно дѣйствующихъ причинъ, измѣняющихъ видъ и положеніе человѣческихъ расъ и племенъ; она создаетъ новыя племена и расы, новыя коллективныя группы, которыя рано или поздно выступаютъ на историческую сцену и вносятъ въ жизнь новые элементы. Она вліяетъ на измѣненіе экономическаго быта тѣхъ странъ, откуда выходитъ, а также и тѣхъ, куда направляется. Она служитъ прогрессу человѣчества.

До сихъ поръ дѣятельности эмиграціи и вліанію ея на ходъ историческихъ событій придавали и придаютъ далеко не то значеніе, какое она имѣла въ дѣйствительности. Людямъ, проживающимъ всю жизнь въ своемъ отечествѣ, въ одномъ и томъ-же городѣ или деревнѣ, чрезвычайно трудно влѣзть въ кожу людей, покидающихъ свое отечество, свою профессію для того, чтобы удалиться за тысячи верстъ, основать тамъ новый очагъ и жить жизнью, совершенно отличной отъ той, къ какой они привыкли. Между тѣмъ, почти миліонъ людей ежегодно уходитъ изъ Европы за море искать счастья, проще, возможности существовать. И если взять средній уровень эмигрантовъ, то нельзя не вывести заключенія, что переселяются по преимуществу люди сильные, рѣшительные, съ сильнымъ характеромъ. И въ самомъ дѣлѣ, нужно имѣть достаточно сильную энергію, чтобы разомъ разорвать съ своимъ прошедшимъ, съ усвоенными привычками, переплыть моря, поселиться въ незнакомой странѣ, гдѣ, быть можетъ, выпадетъ на долю тяжкое существованіе, страшный трудъ и далеко не соразмѣрное съ усиліями вознагражденіе. Поэтому-то переселяются по большей части люди сильные, съ твердыми убѣжденіями, люди, способные приносить огромную пользу: конечно, также и люди, готовые дѣлать зло въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Въ числѣ переселенцевъ всегда находится не мало людей, изъ которыхъ каждый стоитъ сотни и даже тысячи своихъ соотечественниковъ, оставшихся дома, въ нѣдрахъ своихъ семействъ.

Однакожъ, не многіе изъ этихъ работниковъ будущаго оставляютъ свое отечество, побуждаемые единственно героическимъ инстинктомъ или необходимостью отыскать такую арену для своей дѣятельности, гдѣ они лучше и удобнѣе могутъ приложить свою энергію. Большая часть изъ эмигрантовъ только съ грустію и послѣ долгой борьбы принимаетъ тягостное рѣшеніе разстаться съ родиной. Чаще всего ихъ

гонить нищета или опасеніе, что въ скоромъ времени она ихъ одолѣетъ. Но хотя они покидаютъ свою страну противъ своего желанія, это нисколько не уменьшаетъ ихъ заслугъ. Далекое не всякій, кого постигла нищета, обладаетъ мужествомъ эмигрировать и силой воли, чтобы устроить себѣ новое положеніе, побѣдить или погибнуть въ борьбѣ. Болѣе слабые люди колеблются; убитые морально ложатся на дорогѣ и вслѣдствіе отчаянія или по глупости терпѣливо ждутъ, чтобы смерть прекратила ихъ страданія. Они не дѣлаютъ ничего, чтобы выйти изъ своего тяжкаго положенія, потому что впередъ знаютъ, что ничто имъ не удастся по трапичности и слабости ихъ натуры; они не осмѣливаются, потому что не знаютъ, — не хотятъ, потому что не могутъ. Благотворительныя учрежденія во Франціи и Великобританіи заявляютъ фактъ, что существуютъ фамиліи бѣдныхъ, состоящія ихъ пенсіонерами уже нѣсколько поколѣній. Нищенство переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, подобно тому, какъ нѣкогда переходили мѣста полковыхъ командировъ. Многія семейства обладаютъ привилегіей занимать извѣстное мѣсто на церковной паперти для прошенія милостыни: привилегія существуетъ вездѣ, даже среди нищеты. Въ Европѣ, такимъ образомъ, промышляетъ каста нищихъ, доступъ въ которую сопряженъ съ извѣстными затрудненіями, какъ и во всякую касту.

Люди, принадлежащіе къ этой кастѣ, конечно, не смѣютъ и помышлять объ эмиграціи. Желающій эмигрировать необходимо долженъ обладать извѣстными матеріальными, умственными и нравственными средствами. Прежде всего ему надо заплатить за мѣсто на кораблѣ и плату не маленькую, такъ какъ путешествіе предстоитъ длинное; онъ долженъ имѣть нѣсколько денегъ, чтобы не умереть съ голода въ новой странѣ, пока не отыщетъ себѣ занятій или не устроитъ себѣ осядлость съ доходомъ, обезпечивающимъ его существованіе. По изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ Соединенныхъ Штатахъ, оказывается, что каждый высадившійся туда эмигрантъ привозитъ съ собою среднимъ числомъ 200 рублей. 200,000 эмигрантовъ, такимъ образомъ, ввозятъ туда ежегодно 40 милліоновъ рублей, — сумма, которой нельзя гнушаться даже и въ наше время крупныхъ бюджетовъ. Это только денежная прибыль Соединенныхъ Штатовъ; но есть-ли возможность вычислить, сколько выгоды получается ими отъ знаній, дѣятельности и энергіи переселенцевъ, а эти выгоды нигдѣ не умѣютъ такъ цѣнить и пользоваться ими, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. То, что пріобрѣтаетъ американская республика, составляетъ прямую потерю тѣхъ странъ, откуда идетъ эмиграція. Спеціальныя

комиссиі, назначенныя въ Германіи, во Франціи и въ Италіи для составленія отчета о постоянно усиливающейся эмиграціи, заявили, что уходят по большей части люди избранные, лучшіе изъ рабочихъ и крестьянъ, и что ихъ исчезновеніе составляетъ большую потерю для матери-отечества, которое становится бѣднѣ деньгами, людьми и способностями. Для ослабленія эмиграціи въ разное время были изданы различные законы, принимались различныя мѣры, но всё они оказывались безсильными остановить переселеніе. Понятно, если люди желаютъ серьезно уйти, развѣ возможно удержать ихъ теперь, при существованіи сообщенія посредствомъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ. Не надо забывать, что очень рѣдки случаи эмиграціи для собственнаго удовольствія; а если принять въ соображеніе тягости пути и расходы, обуславливающіе эмиграцію, нельзя не согласиться, что соединяется много уважительныхъ причинъ для побужденія человѣка къ эмиграціи. Въ заключеніе своихъ отчетовъ, комиссиі выражаются приблизительно такимъ образомъ: «Уходятъ люди болѣе энергическіе, болѣе смѣлые, болѣе рѣшительные, но также и болѣе безпокойные. Съ ихъ удаленіемъ уменьшаются шансы инсуррекцій и сопротивленія установленному порядку».

II.

Со временъ глубокой древности, съ тѣхъ поръ, какъ началась болѣе или менѣе достовѣрная исторія человѣчества, эмиграція слѣдовала теченію солнца; она направлялась съ востока на западъ. Изъ Азіи переселеніе шло въ Европу и Африку; изъ Европы и Африки въ обѣ Америки; изъ обѣихъ Америкъ въ Океанію и Австралію. Во всё время эмиграція совершалась преимущественно въ умѣренныя поясы, болѣе другихъ населенные; она совершалась по теперешней дорогѣ изъ Пекина въ Москву, изъ Москвы въ Варшаву, изъ Варшавы въ Берлинъ, изъ Берлина въ Брюссель и Парижъ, изъ Парижа въ Лондонъ, изъ Лондона въ Нью-Йоркъ, изъ Нью-Йорка въ Сан-Франциско, изъ Сан-Франциско въ Іеддо, изъ Іеддо въ Пекинъ.

Эмиграція—актъ энергіи, умственного развитія и сильной воли—въ значительныхъ размѣрахъ совершается только въ умѣренномъ поясѣ сѣвернаго полушарія. Эмиграція въ умѣренномъ поясѣ южнаго

полушарія далеко не такъ многочисленна. Съ перваго взгляда казалось-бы, что естественнѣе всего человѣческимъ эмиграціямъ направляться, подобно птичьимъ перелетамъ, съ сѣвера на югъ въ сѣверномъ полушаріи и съ юга на сѣверъ въ южномъ. Казалось-бы, что человѣку, тѣло котораго ничѣмъ не защищено отъ вліянія холода, весьма натурально желать переселенія въ страны, гдѣ теплый климатъ даетъ ему возможность не заботиться объ одеждѣ и гдѣ средства для пропитанія даются легко; гдѣ не требуется приложенія тѣхъ усилій, безъ которыхъ нельзя обойтись въ странахъ болѣе холодныхъ. На самомъ-же дѣлѣ не такъ. Правда, уроженецъ юга въ сѣверномъ полушаріи съ большимъ трудомъ привыкаетъ къ сѣверному холодному климату, онъ вѣчно тоскуетъ о роскошной южной растительности. Его захватываетъ въ распахъ несравненно болѣе сложная и трудная жизнь на сѣверѣ, чѣмъ та, къ какой онъ привыкъ на югѣ. Онъ теряется и запутывается въ мудреныхъ комбинаціяхъ новой для него политической и экономической жизни: ему приходится очень ловко маневрировать, чтобы его не втянулъ водоворотъ этой жизни. Уроженецъ юга постоянно чувствуетъ себя въ ссылкѣ въ сѣверной странѣ; на лицѣ его постоянно выражается меланхолическая грусть по отдаленной прекрасной родинѣ.

Еще хуже чувствуетъ себя человѣкъ, переселившійся съ сѣвера на югъ. Здѣсь онъ опускается и портится; онъ становится лѣнивымъ, неподвижнымъ и, мало-по-малу дѣлается неспособнымъ къ физической дѣятельности и интеллектуальной энергіи. Его мускулатура ослабляется; нервная дѣятельность засыпаетъ; умственные способности, при отсутствіи труда, прекращаютъ свою функцію. Предаваясь однимъ физическимъ наслажденіямъ и сладострастнымъ излишествами, онъ мало-по-малу глупѣетъ и почти оскотинивается. Его ослабленный организмъ затѣмъ уже не въ состояніи представлять достаточное сопротивленіе вліяніямъ климата, по большей части, нездороваго. Его часто мучаютъ южныя лихорадки; многое, что сходило ему на сѣверѣ и не требовало большихъ усилій для восстановленія потраченныхъ силъ, теперь влечетъ за собой опасныя послѣдствія. Средняя продолжительность жизни сѣверныхъ обитателей, переселившихся на югъ, несравненно короче, чѣмъ жизнь ихъ бывшихъ соотечественниковъ, и, хуже всего, дѣти переселенцевъ рѣдко достигаютъ возраста мужества; большинство изъ нихъ умираетъ въ дѣтствѣ. Конечно, бываютъ исключенія и сѣверный человѣкъ акклиматизировывается на югѣ, но мы имѣемъ въ виду большинство, преимущественно англичанъ, переселяющихся въ Индію, и голланд-

цевъ—на Зондскіе острова. Точно также мы говоримъ здѣсь только о дѣтяхъ, родившихся отъ европейскъ и европейцевъ, и оставляемъ въ сторонѣ интересный вопросъ о смѣшанныхъ расахъ, креолахъ, мулатахъ и пр. Мы хотимъ показать, что эмиграція по градусамъ меридіана несравненно затруднительнѣе, чѣмъ эмиграція по градусамъ широты, и затрудненія эти такъ серьезны, что эмиграція въ этомъ направленіи предпринимается въ несравненно меньшихъ размѣрахъ и уменьшается въ своей численности по мѣрѣ приближенія къ экватору.

Убѣдительнымъ примѣромъ затруднительности колонизаціи, если эмиграція направляется по градусамъ меридіана, служитъ Алжирія. Сорокъ лѣтъ уже прошло, какъ она завоевана французами: это завоеваніе стоитъ Франціи милліоновъ денегъ и нѣсколькихъ десятковъ тысячъ солдатъ. Франція употребила очень много усилій для офранцузенія края, для колонизаціи его своимъ населеніемъ, но этотъ край и до сихъ поръ не обратился въ новую Францію, какъ того желали. Между тѣмъ Алжирія лежитъ не слишкомъ далеко отъ Франціи; ихъ раздѣляетъ только Средиземное море; въ Алжиріи климатъ не особенно жаркій, такъ какъ онъ постоянно освѣщается вѣтрами, дующими съ Средиземнаго моря. Условія для колонизаціи, повидимому, благоприятныя, однакожъ, англичане постоянно указываютъ на Алжирію, какъ на примѣръ неспособности французовъ къ колонизаціи, даже при самыхъ выгодныхъ обстоятельствахъ. Правда, Франція держалась и до сихъ поръ даже держится въ Алжиріи самою неудобною политикой. Она сосредоточила тамъ громадную массу войскъ, и своихъ тюркосовъ, зуавовъ и спаговъ преобразовала въ корпусъ кровожадныхъ мамелюковъ, которыхъ во всякое время можетъ напустить не только на колонистовъ, но даже послать на Парижъ, Лионъ, Марсель и пр. для помощи возбудить и поддерживать гражданскую войну. Въ настоящее время въ Константинолѣ идетъ слѣдствіе, раскрывающее самыя возмутительныя факты, находящіяся отчасти въ связи съ дѣятельностію Базена въ Мэцѣ. Въ то самое время, когда Франція падала подъ ударами пруссаковъ, французскіе генералы и директора арабскихъ бюро въ Алжиріи, находя подобный моментъ удобнымъ для своихъ цѣлей, готовили подъ рукою возстаніе противъ Франціи, съ убійствами, грабежомъ, пожарами и другими ужасами. Въ виду такихъ фактовъ можно согласиться, что англичане правы въ своемъ приговорѣ: такіе факты возможны только при томъ порядкѣ, который, къ ея великому несчастію, долго тяготѣлъ надъ Франціей; возможны при администраторахъ, получив-

нихъ воспитаніе въ бонапартистской школѣ. Англичане, повторяемъ, правы: худшей администраціи невозможно и придумать. Но въ Алжиріи колонистовъ немного главное потому, что она принадлежитъ къ числу тѣхъ южныхъ странъ, къ которымъ невозможно привлечь быстрый притокъ эмиграціи. И если алжирская колонизація, хотя медленно, но все-таки прогрессируетъ, то честь этого менѣе всего можно приписывать эмиграціи французской и швейцарской; она принадлежитъ мальтійцамъ, итальянцамъ и испанцамъ, несравненно легче свыкающимся съ алжирскимъ климатомъ, который менѣе разнится отъ климата ихъ родныхъ странъ, чѣмъ отъ климата французскаго и швейцарскаго.

Могутъ намъ замѣтить, что значительная часть военныхъ экспедицій направлялась съ сѣвера на югъ: норманы гуляли по всей Европѣ отъ Англіи до Константинополя и Сициліи; германцы наводняли римскую имперію и переходили даже въ Африку, галлы нападали на Италію, Грецію, пробирались даже въ малую Азію... Можно указать также на частыя экспедиціи германскихъ Гогенштауфеновъ въ Ломбардію... Дѣйствительно, эти бурныя движенія шли съ сѣвера на югъ; они тоже оставили весьма замѣтные слѣды въ исторіи человечества; но они въ большей части случаевъ предпринимались въ видахъ хищническихъ: въ воображеніи сѣвернаго варвара южныя страны представлялись всегда странами чудесъ и непомернаго богатства. Бѣдные и жадные варвары алчно накидывались на цивилизованныя страны; разоряли и грабили богатые, процвѣтающіе города. Эти разорительныя вторженія совершенно противоположны мирной эмиграціи рабочихъ и промышленниковъ. Вліяніе первыхъ скоропреходяще; вліяніе вторыхъ весьма продолжительно. Первые истребляютъ богатства; вторыя ихъ создаютъ. Варварскія вторженія могутъ оставить по себѣ только одинъ слѣдъ: развалины. Даже и въ томъ случаѣ, если варвары завладѣвали разоренной страной и оставались въ ней, они расплывались въ побѣжденной націи, часто не оставляя по себѣ никакого слѣда; они исчезали, какъ исчезаетъ снѣгъ подѣ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей. Чуждая для нихъ почва и они какъ-бы не были созданы другъ для друга.

Также слаба эмиграція съ запада на востокъ; она идетъ не массами, не націями, а отдѣльными личностями. Самая значительная эмиграція въ этомъ направленіи, продолжающаяся уже два столѣтія— эмиграція нѣмцевъ въ Россію. Съ точки зрѣнія гигиены и климата, разница очень не велика въ движеніи съ востока на западъ или на-оборотъ, лишь-бы оно совершалось въ однихъ и тѣхъ-же или

близких широтахъ. Россія точно также двигается на востокъ и колонизуетъ Сибирь и среднюю Азію.

Примѣромъ движенія съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ можетъ служить занятіе Индіи Англіей. Это занятіе имѣетъ смѣшанный характеръ коммерческой эмиграціи и военнаго вторженія. До послѣдняго времени этимъ движеніемъ руководила коммерческая индѣйская компанія и на него официально смотрѣли, какъ на частное предпріятіе. Но какъ-бы тамъ ни было, нужно быть завзятымъ англо-маномъ, чтобы вѣрить, что Индія еще долгое время будетъ англійской имперіей. Независимо отъ всѣхъ другихъ политическихъ, религиозныхъ, экономическихъ и соціальныхъ причинъ, прямымъ указаніемъ на это можетъ служить тотъ фактъ, что въ Индіи не существуетъ чисто англійскихъ семей: дѣти, родившіяся въ Индіи отъ англичанина и англичанки, немедленно отсылаются въ Англію. Метисы, происходящіе отъ англичанъ и туземныхъ женщинъ, немногочисленны, ихъ считаютъ всего полмилліона. Эти метисы въ молодости довольно развиты и дѣятельны, затѣмъ быстро дряхлѣютъ и вообще отличаются довольно слабыми физическими силами и болѣе хрупкими организмами, чѣмъ организмы ихъ отца и матери. Во всякомъ случаѣ они служатъ посредниками между расами побѣдителей и побѣжденной и составляютъ индо-англійскую бюрократію, истинную владычицу Индіи.

Англичане, взятые индивидуально, вообще не могутъ долго жить въ Индіи, иначе здоровье ихъ окончателно разстраивается. Послѣ 10, много 12-лѣтняго пребыванія въ Индіи они возвращаются въ Европу. И еслибы даже брамины, мусульмане, будисты, парсы, раи, земиндары и крестьяне смѣнили свою ненависть къ англичанамъ на привязанность; если-бы даже не было причины опасаться новаго возмущенія сейковъ и сипасевъ, сама индѣйская почва произнесла свой приговоръ надъ англичанами: она не желаетъ, чтобы они селились на ней, и имъ, волей-неволей, придется разстаться съ Индіей.

Постоянно усиливающаяся эмиграція англичанъ въ Австралію, т. е. изъ умѣреннаго пояса сѣвернаго полушарія въ умѣренный-же поясъ нашихъ антиподовъ, не можетъ считаться движеніемъ съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ. Ее правильнѣе считать движеніемъ съ востока на крайній западъ и изъ умѣреннаго пояса въ умѣренный-же.

Тотъ-же выводъ приходится сдѣлать говоря о переселеніи французовъ, испанцевъ и даже итальянцевъ въ ла-платскую равнину. Ихъ привлекаетъ климатъ, схожій съ климатомъ ихъ родины. Корабли, перевозящіе этихъ переселенцевъ, правда, проходятъ тропики, но

стараятся миновать ихъ какъ можно скорѣе, и очень немногіе изъ переселенцевъ высаживаются въ нездоровыхъ портахъ Бразиліи, этой печальной страны, гдѣ существуетъ еще рабство. Только въ самомъ узкомъ значеніи этого слова можно сказать, что испанецъ, высадившійся въ Буэносъ-Айресъ или Монтевидео, переселился на югъ. Онъ селится въ странѣ, обладающей подобныиъ-же климатомъ, какъ и Испанія, и лежащей, какъ и она, въ умѣренномъ поясѣ. Умѣренный поясъ южнаго полушарія, въ свою очередь, долженъ заселиться такъ-же густо, какъ и нашъ умѣренный поясъ и, можетъ быть, недалеко то время, когда и онъ начнетъ играть свою роль въ исторіи человечества. Государства южной Америки, Австралія и южная Африка, лежащая внѣ тропиковъ, съ каждымъ годомъ населяются все болѣе и болѣе и въ нихъ начинается развиваться цивилизація.

III.

Опредѣливъ географическое направленіе эмиграціи, скажемъ нѣсколько словъ отдѣльно о тѣхъ народахъ, изъ среды которыхъ преимущественно выдѣляются переселенцы. Замѣчательно, что расположеніе къ эмиграціи далеко не одинаково у различныхъ народовъ, да же если причины къ переселенію тождественны. Есть страны, изъ которыхъ никто не эмигрируетъ; есть и такія, жители которыхъ не рѣшаются даже предпринимать путешествія въ иностранныя земли. Есть другія мѣстности, и преимущественно горныя, въ Европѣ, какъ Овернь, Дофинэ, Тироль и др., откуда молодые люди постоянно уходятъ на цѣлую зиму. Въ Албаніи они уходятъ на нѣсколько лѣтъ и, заработавъ извѣстную сумму денегъ, возвращаются на родину. Въ Россіи, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, также есть мѣстности, откуда уходятъ на заработки все взрослое мужское населеніе и въ иныхъ мѣстахъ отлучка изъ дому продолжается нѣсколько лѣтъ. Наконецъ есть и такія страны на землѣ, откуда уходить всякій, кто можетъ, безъ надежды возвратиться домой.

Между послѣдними народами первое мѣсто занимаютъ ирландцы, начавшіе эмигрировать уже давно, эмигрирующіе постоянно, и которые, повидимому, станутъ эмигрировать до тѣхъ поръ, пока совершенно не очистятъ своего отечества. Но это не потому, чтобы ирландцы не любили своей страны; напротивъ, они любятъ ее страстно, но ихъ гонятъ оттуда нищета, феодальная система землевладѣ-

нія и нелѣпная политика, которую англійское правительство теперь измѣняетъ, но, кажется, уже слишкомъ поздно. Англичане сумѣли вселить такую ненависть къ себѣ въ Ирландіи, что даже послѣднія, дѣйствительно хорошія реформы, не могли нисколько ее уменьшить. Ежегодно изъ Ирландіи выселяется почти 70,000 человекъ. Оставшіеся въ странѣ, несмотря на свою относительную малочисленность, противятся насколько могутъ англичанамъ и постоянно заявляютъ, что никогда ирландцы не сольются съ англичанами и что, рано или поздно, они добьются того, что Ирландія будетъ управляться самими ирландцами. Ирландцы, переселившіеся въ Соединенные Штаты и, путемъ тяжелого труда, добившіеся признанія за собой правъ гражданина американской республики, продолжаютъ любить такъ-же, какъ и прежде, свое несчастное отечество, Ирландію. Они работаютъ неутомимо, экономизируютъ, чтобы составить сумму, необходимую для расходовъ по переселенію ихъ родственниковъ, которымъ и посылаютъ ее, приглашая ихъ бѣжать изъ Ирландіи. Новые эмигранты, въ свою очередь, дѣлаютъ то же самое. Теперь въ Соединенныхъ Штатахъ ирландцевъ почти столько-же, какъ и въ самой Ирландіи. Нація раздѣлилась на двѣ части и ея болѣе богатая и развитая половина, состоящая изъ горячихъ патріотовъ, живетъ за нѣсколько тысячъ верстъ отъ своей родины. Составивъ многочисленную, и потому довольно вліятельную партію въ усynoвившемъ ихъ отечествѣ, ирландцы стараются добиться, чтобы оно, рано или поздно, начало жестокую и кровавую войну съ Англіею. Ненависть ирландцевъ къ своимъ завоевателямъ англичанамъ тамъ сильна, что ею нельзя пренебрегать, что, однакожь, только теперь начали понимать англійскіе государственные люди. Прежде они обыкновенно старались выставить въ смѣшномъ видѣ движеніе феніевъ и выказывать къ нему презрѣніе. Правда, организація и политика феніевъ далеки отъ совершенства, феніи слишкомъ много болтаютъ, слишкомъ театральничаютъ, слишкомъ часто прибѣгаютъ къ пустымъ, фейерверочнымъ эффектамъ, но всѣ эти странности слѣдуетъ приписать національному характеру ирландцевъ, которые любятъ во всемъ крайности. Однакожь, это не доказываетъ, что они неспособны къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Эти странности и излишества ирландцевъ, правда, помогли англичанамъ удержаться въ Ирландіи, но нѣтъ причины думать, что ирландцы никогда не освободятся отъ этихъ своихъ недостатковъ.

Не надо забывать, что ирландцы эмигрируютъ преимущественно въ Соединенные Штаты, и здѣсь селятся почти исключительно въ городахъ, гдѣ они занимаются торговлей, ремеслами, берутъ на себя

даже обязанности слугъ и самыя непривлекательныя работы, лишь-бы только жить вкушѣ, не разсѣваясь по странѣ. Они охотно занимаются земледѣльными работами, но непремѣнно группируются въ большія партіи, составляя изъ себя «ирландскія бригады». Тщетно англичане пытались направить ихъ переселеніе въ Канаду, въ Австралію, въ Новую Зеландію; нѣсколько человекъ, подкупленные чрезмѣрно выгодными условіями, шли въ эти страны, но масса по прежнему отправлялась въ Соединенные Штаты, въ надеждѣ, что съ помощью американской республики въ одинъ прекрасный день она освободитъ свое милое отечество изъ подъ власти англичанъ.

Но если переселеніе ирландцевъ приноситъ много невыгодъ Англіи и грозитъ для нея въ будущемъ серьезными затрудненіями, то эмиграція собственно англичанъ имѣетъ своимъ прямымъ результатомъ усиленіе могущества и благосостоянія метрополіи. Эмиграція въ Австралію болѣе всего другого способствовала сильному развитію англійской торговли и промышленности. Это развитіе усиливало эмиграцію, а эмигранты, занимая новыя территоріи, въ свою очередь, открывали новыя пути для торговли. Среднимъ числомъ ежегодно выселяется на британскіе острова около 150,000 человекъ, но въ послѣдній годъ число эмигрантовъ возрасло даже до 200,000 человекъ. Устраивая на новыхъ мѣстахъ свое собственное благосостояніе, колонисты съ тѣмъ вмѣстѣ работаютъ и на пользу метрополіи. Эта работа сопровождается громадными результатами. Посмотримъ-же, что съ самаго начала англійской колонизаціи сдѣлано ея эмигрантами.

Англійскіе колонисты основали Соединенные Штаты сѣверной Америки; принципы англійской жизни, ея учрежденія послужили основаніемъ устройства нынѣшней американской республики, достигшей высокой степени развитія и благосостоянія. Могущество Соединенныхъ Штатовъ усиливается съ каждымъ годомъ и если ихъ населеніе будетъ также прогрессивно увеличиваться, то не далѣе, какъ черезъ четверть столѣтія, они будутъ государствомъ со ста милліонами жителей. Въ Европѣ, конечно, немислимо подобное увеличеніе народонаселенія. Если-бы движеніе народонаселенія шло такъ же прогрессивно и въ Россіи, то чрезъ 25 лѣтъ у насъ было-бы 200 милліоновъ жителей!

То самое, что дѣлали нѣкогда англійскіе колонисты въ сѣверной Америкѣ, они совершаютъ теперь въ Австраліи. Смотри въ будущее, легко предвидѣть, что не слишкомъ далеко то время, когда австра-

лійскій материкъ, съ прилегающими къ нему островами, силой и значеніемъ сравнивается съ Европой. Теперь колонисты пока заняты очисткой земли отъ кустарниковъ и обращеніемъ ея въ плодородныя пашни; много еще усилій и труда употребляютъ они на добываніе золота и много времени отнимаетъ у нихъ борьба съ аборигенами-людоѣдами, которыхъ, впрочемъ, осталось уже очень не много, по крайней мѣрѣ на довольно близкомъ разстояніи отъ англійскихъ колоній. Главное богатство края теперь заключается въ милліонахъ овецъ, великолѣпная шерсть которыхъ даетъ громадныя доходы колонистамъ. Вмѣстѣ съ Тасманіей въ австралійскихъ колоніяхъ считается теперь 1,750,000 англійскихъ колонистовъ. Викторія, въ которой въ 1836 году было всего 177 жителей, имѣетъ теперь населенія отъ 750 до 800,000 человекъ. Въ австралійскихъ колоніяхъ существуетъ свой собственный парламентъ и хотя номинально онѣ находятся подъ властью королевы Викторіи, но пользуются почти полной независимостью. Торговля въ австралійскихъ колоніяхъ Англій самая цвѣтущая въ цѣломъ мірѣ; на каждого жителя колоній приходится въ годъ почти 380 рублей торговыхъ оборотовъ; въ Англій приходится ихъ всего 200, а во Франціи только 50.

Изъ всѣхъ своихъ австралійскихъ колоній особенную привязанность Англія чувствуетъ къ Новой Зеландіи, вѣроятно, потому, что эта колонія составляетъ антиподъ метрополіи, почти схожіи съ нею и климатомъ и пространствомъ. Впрочемъ Новая Зеландія своей роскошной растительностію, своими живописными, дикими пейзажами несравненно привлекательнѣе Англій, къ тому-же и климатъ ея здоровѣе англійскаго. Новозеландскій климатъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ и болѣе здоровыхъ климатовъ въ мірѣ. Европейца, прожившаго здѣсь нѣсколько лѣтъ бываетъ трудно узнать: онъ молодѣетъ, становится свѣжъ, силенъ и здоровъ. Изъ Новой Зеландіи англійскіе колонисты намѣревались сдѣлать совершенное подобіе не только теперешней Англій, но старой (merry old England), временъ королевы Елизаветы и Генриха VIII. Они пытались здѣсь ввести феодальную и клерикальную систему землевладенія, создать громадную земельную собственность для англканской церкви, какъ во времена Крамера и Латимера. Но осуществленію этого плана помѣшало открытіе громаднхъ золотыхъ росыпей. Въ Новую Зеландію направились массы эмигрантовъ, въ ней развилась торговля и промышленность и европейскія демократическія идеи одержали верхъ надъ феодальными и клерикальными попытками.

Въ Новой Зеландіи теперь 250,000 жителей, не считая бѣдныхъ

красивыхъ и способныхъ маорисовъ, которые, послѣ занятія острова европейцами, мрутъ, какъ мухи.

Африканскія колоніи Англіи также находятся въ цвѣтущемъ положеніи. Англичане полагали, что съ окончаніемъ Суэзскаго канала наступитъ тяжелое время для ихъ колоніи на мысѣ Доброй Надежды, но открытіе въ колоніи алмазовъ снова двинуло туда массы переселенцевъ. Въ колоніи началась несравненно болѣе дѣятельная жизнь, чѣмъ прежде, и по землямъ, населеннымъ дикарями, прошли желѣзные дороги. Движеніе распространилось до земель бояръ, которыя изъ независимыхъ владѣній обратились теперь въ англійскіе округа. Бояре, — большею частью потомки гугенотовъ, переселившихся во время гоненія кальвинистовъ Людовикомъ XIV, — тѣснимые англичанами, удалились во внутрь страны, но и здѣсь ихъ не оставили въ покоѣ. Англійская капская колонія, благодаря наплыву новыхъ эмигрантовъ, сильно увеличилась въ своихъ размѣрахъ и даетъ значительный доходъ метрополіи, который, впрочемъ, получается не отъ алмазовъ, а отъ земледѣлія и скотоводства, сильно развившихся въ последнее время, открытія удобныхъ путей сообщенія и новыхъ рынковъ для сбыта обильныхъ и прекрасныхъ по своему качеству продуктовъ колоніи. Теперь сосѣдство англичанъ сдѣлалось очень опаснымъ для португальскихъ африканскихъ колоній, которыя тоже не мало выиграли отъ процвѣтанія англійской колоніи. Португальское правительство начинаетъ бояться, какъ-бы сосѣду не вздумалось оттягать лакомый кусокъ.

Такимъ образомъ въ Африку съ трехъ сторонъ вторгается европейская цивилизація. Съ сѣвера черезъ Египетъ посредствомъ Суэзскаго канала и желѣзной дороги, доходящей до Нубіи; съ юга черезъ англійскую колонію на мысѣ Доброй Надежды и, наконецъ, черезъ Алжирію; впрочемъ, чрезъ послѣдній пунктъ весьма слабо.

Англійская американская колонія, Канада, представляетъ зародышъ будущаго большого государства. Эта колонія основана французскими эмигрантами и носила прежде названіе Новой Франціи. Въ ней было уже 67,000 французскихъ колонистовъ въ то время, какъ Людовикъ XV бросилъ ее на произволъ судьбы. Англичане, завладѣвъ этой колоніей, стали управлять ею съ крайнею суровостью: они притѣсняли, преслѣдовали и даже убивали старыхъ французскихъ колонистовъ. Одно изъ подобныхъ убійствъ послужило темой для замѣчательной поэмы Лонгфело «Евангелина». Преслѣдуемые колонисты убѣгали или въ Новую Англію, или въ Луизиану (тогда еще французскую колонию), или же, наконецъ, возвращались во Францію.

Когда буря утихла и водворился новый порядок, старые французские колонисты сплотились в одной местности и так размножились, что теперь колонистов французского происхождения в Америкѣ считается до двухъ миллионѣвъ (включая сюда и тѣхъ, которые переселились въ Соединенные Штаты). Колонисты французскаго происхожденія занимаютъ нижнюю Канаду; они гостепрѣимны, любезны и прѣятны въ обращеніи, но большіе рутинеры и всѣ принадлежатъ къ партіи консерваторовъ, что надо приписать влиянію католицизма, весьма сильнаго и крайне ретрограднаго въ этой странѣ. Колонисты англійскаго происхожденія занимаютъ верхнюю Канаду; они болѣе развиты, чѣмъ французы, и принадлежатъ къ либеральной партіи. Французскіе колонисты до сихъ поръ говорятъ французскимъ языкомъ съ провинціальными акцентами тѣхъ провинцій, изъ которыхъ выселились ихъ предки. Они выселились изъ Пуату, Сантонжа и Нормандіи и до сихъ поръ сохраняютъ въ своей памяти, изъ какихъ именно деревень вышли ихъ предки. Замѣчательно, что 75,000 изъ нихъ происходятъ отъ эмигрантовъ, выселившихся изъ деревни Шурульды въ Нормандіи. Между тѣмъ въ этой деревнѣ теперь всего 1,700 жителей. Сравненіе этихъ двухъ цифръ показываетъ, какъ изумительно быстро росло народонаселеніе въ американскихъ колоніяхъ и до какой громадной цифры въ недалекомъ будущемъ должно возрасти населеніе Канады.

IV.

Перейдемъ теперь къ народамъ романскаго племени.

Англичане такъ много толковали о томъ, что французы не способны къ колонизаціи, они такъ убѣдительно выставляли примѣръ неудачной французской колонизаціи въ Алжирѣ, что сами французы повѣрили этому. Французы вообще не сильны въ географіи и исторіи другихъ народовъ; этому слѣдуетъ приписать то странное явленіе, что ихъ нисколько не интересовали замѣчательные успѣхи колонизаціи въ Канадѣ; между тѣмъ именно канадская колонизаціи доказала, что и французы могутъ дѣлать чудеса въ этомъ отношеніи. Французскіе колонисты въ Канадѣ разрѣшили трудную проблему совместной жизни цивилизованныхъ европейцевъ съ туземными дикарями. Англо-саксонцы, поселившіеся рядомъ съ французами, гнали передъ собою краснокожихъ, которые бѣжали къ своимъ родичамъ, живущимъ дружно съ французами. Канадскіе французы сумѣли привлечь къ себѣ дикарей и терпѣливо приучили ихъ къ жизни болѣе

осѣдой и отчасти цивилизованной. Краснокожіе сѣверной Америки вымираютъ вездѣ, кромѣ нижней Канады, населенной французскими колонистами; здѣсь, напротивъ, они постоянно увеличиваются въ числѣ. Французскіе колонисты женятся на дочеряхъ индѣйцевъ и охотно выдаютъ за индѣйцевъ своихъ дочерей.

Французскіе колонисты въ Канадѣ пользуются большимъ благосостояніемъ, чему отчасти слѣдуетъ приписать ихъ изумительное плодородіе. Этому также помогаетъ отсутствіе здѣсь рекрутской повинности и многоземеліе. Вѣрность этого предположенія, очевидно, доказываетъ сама Франція. Раздробленіе земельныхъ участковъ, обычай буржуазіи, стремящейся имѣть, какъ можно меньше дѣтей и, наконецъ, непосильная военная повинность, отвлекающая молодыхъ людей въ армию, привели къ тому, что во Франціи процентъ естественнаго приращенія народонаселенія дошелъ до своего крайняго минимума. Последніе годы во Франціи было самое ничтожное приращеніе населенія и большая часть его выпадала на долю Эльзаса и Лотарингіи, отошедшихъ теперь къ Германіи.

Между тѣмъ, Франція принимаетъ небольшое участіе въ общей эмиграціи: изъ нея ежегодно уходитъ всего около 10,000 человекъ, переселяющихся преимущественно въ Лаплатскую долину; изъ нихъ около 3,000 ежегодно переселяется въ Соединенные Штаты.

Еще недавно изъ Италіи переселялись только отдѣльныя личности, но теперь и изъ нея стали эмигрировать массы и тоже преимущественно въ Лаплатскую долину. Что-бы ни говорили друзья итальянскаго единства, но для многихъ итальянцевъ оно пришлось очень солено. Болѣе всего недовольства проявляется на островѣ Сициліи, имѣющемъ патриархальное населеніе, напоминающее собою народы древняго міра. Здѣшнее населеніе плохо понимаетъ величіе идеи итальянскаго единства, еще менѣе сознаетъ его результаты въ будущемъ; оно знаетъ одно, что налоги сильно увеличились и губернаторъ Мордони взыскиваетъ ихъ весьма энергично. Въ виду этого оно бѣжитъ изъ отечества и переселяется въ Лаплатскую долину и даже въ Тунисъ, надѣясь тамъ лучше устроить свою жизнь. Эмиграція отсюда такъ усилилась, что правительство стало принимать противъ нея чрезвычайныя мѣры, которыя, впрочемъ, не привели ни къ чему путному.

Испанцы эмигрируютъ въ испанскія колоніи: Кубу, Порторико и Филиппинскіе острова, а также въ Лаплатскую долину и въ Алжирію.

Португальцы охотно оставляютъ свою непривѣтную страну, въ которой съ такимъ трудомъ добываются средства къ существованію, и переселяются въ обширную бразильскую имперію. Они легко свыкаются съ непріятнымъ бразильскимъ климатомъ, вѣроятно, потому, что въ Бразиліи находятъ вторую Португалію. Сами переселенцы еще кое-какъ работаютъ въ Бразиліи, но дѣти ихъ уже проводятъ время въ праздности и предоставляютъ работу неграмъ. Въ Бразиліи работаютъ только негры, нѣнцы и португальцы; сами-же бразильцы ничего не дѣлаютъ.

Кстати займемся здѣсь бельгійцами, голландцами и народами скандинавскаго племени, принимающими сравнительно весьма малое участіе въ эмиграціи.

Бельгійцы, подобно французамъ, плохо знакомые съ географіей другихъ странъ, неохотно оставляютъ свою маленькую страну. Эмигрируютъ отсюда лишь отдѣльныя личности. Между тѣмъ, рабочее населеніе Бельгіи живетъ въ крайней бѣдности, подчиненное до сихъ поръ многимъ учрежденіямъ, имѣющимъ феодальный и клерикальный характеръ. Но сила инерціи такъ велика въ этомъ бѣдномъ населеніи, что оно, несмотря на всѣ страданія и лишенія, не рѣшается сдвинуться съ мѣста, чтобы выѣхать своего отечества искать лучшаго обезпеченія своего жалкаго существованія.

И голландцы, также какъ и ихъ сосѣди, не охотно эмигрируютъ, хотя обладаютъ многими обширными колоніями, въ которыхъ, поэтому, европейское населеніе крайне ограничено. Но голландцы остаются дома потому, что имъ не зачѣмъ эмигрировать: крупная бѣржуазія обладаетъ колоссальными богатствами; мелкая буржуазія пользуется достаткомъ; ремесленники живутъ не дурно; пролетаріатъ существуетъ въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ; учрежденія въ краѣ обезпечиваютъ народу извѣстную свободу и не стѣсняють его промышленности.

Эмиграція изъ скандинавскихъ государствъ идетъ въ нѣсколько большихъ размѣрахъ, преимущественно изъ Норвегіи и Исландіи, и направляется почти исключительно въ Соединенные Штаты. Замѣчательно, что датчане переселяются преимущественно въ Утахъ, къ мормонамъ.

V.

«Когда началось переселение массами нѣмцевъ въ Америку?» спрашиваетъ нѣмецкій журналъ «Magazin für die Litteratur des Auslandes».

«Первая партія нѣмцевъ отправилась въ Америку изъ Палатината въ 1708 году, пишетъ онъ далѣе. — Эта несчастная страна, страдавшая отъ религиозныхъ преслѣдованій и притѣсненій католическихъ князей дома Нейбурговъ, была окончательно опустошена арміями Людовика XIV. Народъ тысячами эмигрировалъ изъ разоренной страны. Большинство поселилось въ Швабию, Эльзасъ и Голландію, а часть, около 20,000 человекъ, перешла въ Англію. Здѣсь эти несчастные, босые, въ рубищахъ и голодные были помѣщены въ палаткахъ на блэгитской равнинѣ подлѣ Лондона. Имъ отпускалось такое содержаніе, чтобы они только не умерли съ голода. Въ числѣ любопытныхъ, пріѣзжавшихъ смотрѣть на несчастныхъ нѣмцевъ, случайно пріѣхали предводители индѣйцевъ могикианъ, прибывшіе въ Англію для свиданія съ королевой Анной. Великодушные дикари предложили въ подарокъ королевѣ огромную долину Шохари въ ихъ странѣ съ тѣмъ, чтобы она поселила на ней этихъ несчастныхъ нѣмцевъ. Но англичане, опасаясь, что скопленіе въ одномъ мѣстѣ переселенцевъ чуждой національности можетъ повредить ихъ интересамъ въ колоніи и самимъ англійскимъ колонистамъ, — хотя перевезли нѣмцевъ въ Америку, однакожь, распредѣляли ихъ по различнымъ мѣстностямъ. Они поселили ихъ въ обѣихъ Каролинахъ, въ штатѣ Нью-Йоркѣ, а часть передала Пенну для поселенія въ Пенсильванію, куда уже переселилось нѣсколько десятковъ семействъ менонитовъ изъ центральной Германіи. Нѣмецкимъ переселенцамъ сначала приходилось очень жутко: ихъ третировали скорѣе, какъ рабовъ, чѣмъ колонистовъ, и все, что они зарабатывали, они принуждены были отдавать въ кассу англійскаго правительства.

«Вторая эмиграція массами изъ Германіи въ Америку была насильственная: герцогъ гессенскій продалъ 30,000 своихъ подданныхъ на службу Англіи противъ ея возмущившейся американской колоніи. Многие изъ нихъ дезертировали, большая часть пошла въ плѣнъ, также очень многіе своими костями удобрили американскую почву, которую теперь съ такимъ усѣхомъ обрабатываютъ ихъ потомки.»

Въ настоящее время эмиграція нѣмцевъ въ Соединенные Штаты совершается при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и положеніе нѣмцевъ въ Америкѣ весьма выгодное и вполне обеспеченное. Эмиграція

туда изъ Германіи постоянно усиливается; она не только не уменьшилась, но даже увеличилась послѣ французской войны. Пять миллиардовъ, полученные съ Франціи, нисколько не способствовали уменьшенію налоговъ; напротивъ, налоги даже увеличились и уменьшенія ихъ не предвидится, такъ-какъ на европейскомъ горизонтѣ все еще ходятъ темныя тучи, предсказывающія въ будущемъ новую жестокую войну. Эмиграція прошлаго года усилилась почти вдвое протівъ предшествующихъ годовъ и достигла 200,000 человекъ, изъ которыхъ большая часть отправилась въ Соединенные Штаты. Нѣмцы, благодаря развитію своего благосостоянія, настолько усилились въ Соединенныхъ Штатахъ, что питаютъ надежду сдѣлаться тамъ господствующей партіей, что, впрочемъ, имъ едва-ли удастся, такъ какъ постояннымъ противовѣсомъ имъ будетъ служить ирландская партія. Нѣмцы болѣе компактными массами живутъ въ штатахъ Пенсильваніи и Мэрилендѣ и только здѣсь и въ нѣкоторыхъ небольшихъ округахъ другихъ штатовъ они говорятъ испорченнымъ нѣмецкимъ языкомъ. Германофилы сильно ошибаются, утверждая, что въ штатахъ 5 милліоновъ населенія говорятъ на нѣмецкомъ языкѣ; говорящихъ на этомъ языкѣ менѣе двухъ милліоновъ. Большинство нѣмцевъ вскорѣ расплывается въ господствующемъ американскомъ населеніи и принимаетъ его языкъ и обычаи. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ походъ завзятыхъ нѣмцевъ, предпринятый ими во время выборовъ протівъ президента Гранта. Они выставили нѣмецкое знамя, рассчитывая, что, увлеченные нѣмецкими побѣдами во время французской войны, нѣмцы-колонисты прикинутъ къ нимъ. Но они жестоко ошиблись въ своемъ разчетѣ: объамериканившіеся нѣмцы обратились протівъ нихъ. Последніе президентскіе выборы еще разъ очевидно доказали, насколько прирожденные американцы сильнѣе нѣмцевъ и ирландцевъ, представляющихъ, тѣмъ не менѣе, громадную численность. Эти выборы еще разъ выяснили, что нѣмцамъ никогда не удастся германизировать Соединенные Штаты и что они непремѣнно ассимилируются съ господствующей расой и послужатъ къ созданію новой расы, въ составъ элементовъ которой, кромѣ янки и нѣмцевъ, войдутъ и другія національности, населяющія американскую республику.

Единственная страна, гдѣ нѣмецкіе эмигранты не сливаются съ господствующимъ населеніемъ, — это Бразилія. Во всѣхъ другихъ странахъ, въ Канадѣ, въ Чили, во Франціи, въ Россіи, въ Австраліи, они скоро усваиваютъ языкъ и обычаи новаго отечества и

чаще всего уже во втором поколѣніи теряютъ свой нѣмецкій обликъ.

Въ прежнее время эмиграція шла только изъ западной Германіи, изъ Гессена, Палатината, Вестфалии и Виртемберга; теперь эмиграціонное движеніе охватило Мекленбургъ, сѣверную и даже восточную Германію. Изъ южной Германіи она все еще идетъ въ ограниченныхъ размѣрахъ. Замѣчательно, что мекленбургцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ болѣе числомъ, чѣмъ въ самой метрополіи.

Объ эмиграціи нѣмцевъ въ Россіи и о русской колонизаціи мы не будемъ говорить въ этой статьѣ. Этотъ вопросъ слишкомъ спеціаленъ для насъ и долженъ быть предметомъ особаго изслѣдованія.

Нѣтъ страны въ Европѣ, гдѣ-бы не было нѣмцевъ. Много ихъ въ областяхъ, лежащихъ по Дунаю и даже въ Италіи. Въ дунайскихъ областяхъ они поселились давно, еще въ средніе вѣка; ихъ продавали тогда для войны съ турками. Этимъ путемъ въ Трансильваніи образовалась цѣлая саксонская провинція. Этимъ-же путемъ возникли поселенія нѣмцевъ въ славянскихъ земляхъ на границѣ съ Италіей. Нѣмцевъ также очень много въ Чехіи, Сербіи, Галиціи, но здѣсь они селились уже, какъ побѣдители. Они и теперь объявляютъ притязанія на славянскія земли. Чѣмъ кончится ихъ споръ съ славянами, конечно, рѣшить невозможно, но мы присутствуемъ теперь при пробужденіи славянъ и ихъ первыхъ успѣхахъ. Въ Чехіи, которую еще недавно считали вполне германизированной страной, идетъ теперь ожесточенная борьба между нѣмцами и славянами. Въ Далматіи, Кroatіи и даже Сербіи, присоединенныхъ къ Венгріи, получившей широкую автономію, нѣмцы съ каждымъ днемъ теряютъ свое значеніе. Многіе города, носившіе до сихъ поръ нѣмецкіе имена, приняли свои прежнія славянскія, такъ, на примѣръ, городъ Аграмъ въ Кroatіи официально переименованъ въ Загребъ. Дошло до того, что многіе филологи стали рѣшительно утверждать, что даже сама нижняя Австрія, которую до сихъ поръ считали очагомъ нѣмецкаго патриотизма, населена не нѣмцами, а онѣмечившимися славянами. Но не будемъ вдаваться въ тонкости филологическихъ изысканій, здѣсь имъ не мѣсто. Одно несомнѣнно, что въ Австріи теперь поставленъ вопросъ, очень требующій скорого разрѣшенія: какимъ государствомъ должна быть Австрія—славянскимъ или нѣмецкимъ? Многое говоритъ за разрѣшеніе этого вопроса въ пользу славянства.

VI.

Турція становится теперь также центромъ, куда движется эмиграція. Странная страна эта Турція, служащая до сихъ поръ яблокомъ раздора, — эта страна, которая существуетъ въ теперешнемъ видѣ, только благодаря недовѣрію европейскихъ государствъ другъ къ другу. Въ европейской Турціи живетъ только 1 1/2 милліона турокъ, изъ которыхъ значительная часть отурчившихся грековъ и албанцевъ. Остальныя 12 1/2 милліоновъ населенія состоятъ изъ южныхъ славянъ (болѣе 9 милліоновъ) грековъ и албанцевъ. Какія громадныя перемѣны ожидаютъ эту страну въ будущемъ, теперь, когда турецкіе славяне, послѣ долгаго молчанія, заявили наконецъ о своемъ существованіи!

Греки и албанцы переселяются во всякіе климаты и всякія страны, гдѣ надѣются добыть денегъ, но преимущественно ихъ можно встрѣтить во всѣхъ главныхъ европейскихъ портахъ, въ малой Азіи, въ Александріи и Каирѣ.

Гдѣ живутъ греки и албанцы, тамъ навѣрное можно встрѣтить мальтійца; маленькій островокъ Мальта высылаетъ во всѣ мѣста земного шара своихъ представителей.

Жители Азорскихъ и Канарскихъ острововъ также одержимы страстью къ переселенію въ чужія страны. Они бѣгаютъ по всему свѣту въ поискахъ за счастьемъ, но, впрочемъ, считаютъ себя вполне удовлетворенными, если имъ удастся пристроиться гдѣ-нибудь управляющими, хотя-бы самымъ маленькимъ дѣломъ, — они ребята ловкіе и съумѣютъ вездѣ найдтись и нажить копейку.

Въ Европѣ привыкли думать, что исламизмъ отжилъ свое время. Образецъ исламизма Европа видитъ въ европейской Турціи, слабой въ политическомъ смыслѣ. Въ Турціи исламизмъ дѣйствительно одряхлѣлъ и значеніе турецкаго падишаха, какъ главы магометанства, значительно умалилось, но, кромѣ турецкихъ мусульманъ, существуютъ еще нѣсколько милліоновъ магометанъ, преданныхъ исламизму и желающихъ снова дать ему прежнее значеніе, компрометированное турками.

Между мусульманами, враждебно относящимися къ турецкому султану, самые рѣшительные, — это вагабиты, живущіе въ центральной

Аравіи. Они строго придерживаются всѣмъ постановленіямъ корана и ихъ можно удобно прировнять къ пѣтистамъ протестантизма. Намъ, нечистымъ гаурамъ, конечно, трудно опредѣлить, въ чемъ именно заключается ихъ строгое правовѣріе, которое, какъ намъ кажется, резюмируется двумя правилами: не пить вина и не курить табаку, этой нечистой травы, насажденной дьяволомъ. По словамъ Евгенія Лежера (*Trois mois en Moldavie*), правовѣрные въ Константинополѣ такъ классифируютъ грѣхи: 1) убить невѣрнаго; 2) ѣсть, утираясь салфеткой; 3) соблазнить сосѣдку; 4) прикрывать себя зонтикомъ; 5) испачкать свои туфли; 6) украсть у турка и, наконецъ, 7) пить вино. Первый самый слабый, послѣдній самый сильный грѣхъ. Вагабиты называютъ турецкаго султана—византійскимъ, что, въ ихъ понятіяхъ, означаетъ человѣка, осквернившего себя европейскими обычаями и европейскимъ виномъ. Вагабиты не заживаютъ долго на одномъ мѣстѣ, они любятъ путешествовать, то въ качествѣ торговцевъ, то пилигримовъ, то миссіонеровъ исламизма. Время отъ времени они берутся за оружіе и ведутъ войны съ своими сосѣдами. Они было завладѣли Меккой, священнымъ городомъ исламизма, гдѣ хранится священный камень Кааба, а подъ нимъ находится пунъ земли; но турки выгнали ихъ отсюда и, послѣ нѣсколькихъ стычекъ, въ которыхъ вагабиты понесли сильное пораженіе, завладѣли нѣсколькими изъ ихъ городовъ, на востокъ отъ Мекки. Вагабиты ипѣютъ опасныхъ сосѣдей въ англичанахъ, утвердившихся въ Адецѣ и чрезъ это господствующихъ въ южной Аравіи. Русскіе тоже нанесли имъ страшнѣйшій ударъ, завладѣвъ Самаркандомъ и половиной бухарскаго ханства. Бухара тоже священнѣйшій городъ исламизма; въ глазахъ вагабитовъ онъ даже священнѣе Мекки. Въ Бухарѣ гнѣздо мусульманскаго фанатизма.

Пылкіе, твердые, рѣшительные вагабиты близко приняли къ сердцу свои послѣднія пораженія; они дали себѣ слово или отмстить тѣмъ, кто нанесъ имъ пораженіе, или-же въ другихъ мѣстахъ получить вознагражденіе, равносильное ихъ потерямъ въ Бухарѣ и Аравіи. Отложивъ въ сторону оружіе, на этотъ разъ имъ измѣнившее, они сѣнили политику на религію и явились фанатичными религіозными проповѣдниками вражды къ невѣрнымъ. Встрѣчая противудѣйствіе со стороны христіанъ и магометанъ суннитовъ, они вездѣ являются заговорщиками и разными секретными путями подтачиваютъ власть своихъ враговъ надъ мусульманами. Главная проповѣдь ихъ направлена противъ турецкаго султана. Дѣйствовать противъ него имъ легко посредствомъ мусульманъ-пилигримовъ, во множествѣ стекающихся въ

Мекку. Вліяніе ихъ на невѣжественныхъ суевѣрныхъ людей самое рѣшительное. Слова ихъ принимаются этими простаками за приказанія, полученные свыше. А вагабиты проповѣдуютъ, что для истиннаго мусульманина всякій еврей, христіанинъ и турокъ долженъ считаться смертельнымъ врагомъ; они неустанно вселяютъ ненависть къ европейской цивилизаціи. Кровавыя возмущенія въ Алжиріи противъ французовъ были ихъ дѣломъ. Съ давнихъ поръ они съятъ смуты въ Абиссиніи и дали себѣ слово во что-бы то ни стало завладѣть этой страной. Ихъ постоянная подземная работа прерывается на время войнами и убійствами и потомъ снова возобновляется. Ихъ купцы доходятъ до Судана; на всемъ этомъ пути они проповѣдуютъ исламъ и обратили въ магометанство многія негритянскія племена. Если сравнить ихъ успѣхи съ пріобрѣтеніями, сдѣланными католическими и протестантскими миссіонерами, нельзя не убѣдиться, что магометанство еще очень сильно и что съ каждымъ годомъ оно дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи въ средѣ дикихъ и полудикихъ племенъ Африки.

Борьбу между католицизмомъ и протестантизмомъ съ одной стороны и исламомъ съ другой—лучше всего прослѣдить въ Индіи и Китаѣ. Здѣсь христіане не могутъ похвалиться своими успѣхами. Въ Китаѣ европейскіе миссіонеры надѣлали много шума, изъ-за нихъ велись кровавыя войны, но и до сихъ поръ они не достигли никакого успѣха; мусульмане дѣлаютъ меньше шума, но за то болѣе успѣваютъ.

Но особенно сильны вагабиты въ Индіи, гдѣ они причиняютъ немало хлопотъ англичанамъ. Они поддерживаютъ здѣсь непрерывное организованное возмущеніе противъ англичанъ. Не надо забывать, что нѣкогда мусульмане были владыками Индіи, и ихъ религія въ этой странѣ имѣетъ на народъ огромное вліяніе и сильно распространена. Въ школѣ насъ учили, что индѣйцы почитаютъ Брамму, Вишну и Сиву; намъ приходилось часто видѣть картину, на которой изображена малабарская вдова, сожигающая себя на кострѣ мужа, и мы усвоили себѣ идею, что жители Индіи исповѣдуютъ браминскую и, пожалуй еще, буддистскую религію. О магометанствѣ мы забыли. Между тѣмъ, мусульмане едва не уничтожили всего, что сдѣлано въ Индіи англичанами путемъ непрерывной работы и огромныхъ денежныхъ расходовъ. Но хотя первая огромная, по своимъ размѣрамъ и средствамъ, попытка ихъ господствовать надъ Индіей не удалась, они все-таки еще не сказали своего послѣдняго слова.

VII.

Отъ магометанъ суннитовъ перейдемъ къ магометанамъ шіитамъ, ихъ вѣчнымъ противникамъ. Вражда шіитовъ къ суннитамъ имѣетъ въ своемъ основаніи ненависть побѣжденныхъ къ побѣдителямъ. Въ давнія времена аравитяне, побѣдивъ персовъ, силой ввели у нихъ исламизмъ. Впослѣдствіи персіане заявили свою оппозицію созданіемъ новой секты исламизма, шіитской. Мы, конечно, не станемъ вдаваться здѣсь въ тонкости теологическихъ различій, существующихъ между обѣими враждебными сектами исламизма; скажемъ только, что шіиты до крайности развили у себя лицемеріе, ханжество и коварство, такъ что въ этомъ отношеніи могутъ даже поспорить съ достопочтенными отцами іезуитами, столпами римскаго католицизма. Вскорѣ по принятіи персами этой секты ихъ нельзя было узнать: изъ поэтическаго, прекраснаго и гуманнаго народа, который изображенъ въ Зендъ-Авестѣ, они преобразились въ тупыхъ, холодныхъ фанатиковъ. Народонаселеніе стало быстро уменьшаться въ своемъ числѣ, страна обѣдѣла; даже и теперь большая часть ея состоитъ изъ невоздѣланной пустыни; и теперь она населена всего пятью милліонами жителей, считая въ томъ числѣ курдовъ, воровъ и грабителей, принадлежащихъ ко всевозможнымъ сектамъ. Въ подданствѣ персидскаго государства, впрочемъ, чисто номинальномъ, считается еще два или три милліона туркменовъ, такихъ-же грабителей, какъ и курды, но эти подданные, въ сущности, дѣйствительные господа своихъ повелителей, которымъ они причиняютъ много тревоги и дѣлаютъ гибель зла. Чисто персидское населеніе, слабое, изнѣженное, женственное, безпрестанно терпитъ отъ повальнаго голода. Персію теперь покорить такъ-же легко, какъ какихъ-нибудь готентотовъ; въ дѣйствительности она теперь не болѣе, какъ географическое выраженіе.

Поразительная нищета и слабость персовъ привели къ довольно обширной эмиграціи изъ этой страны, однакожъ, насильственной. Туркмены дѣлаютъ частые набѣги на эту несчастную страну, берутъ беззащитныхъ персіанъ въ плѣнъ и продаютъ ихъ въ рабство преимущественно въ среднюю Азію и Тибетъ; рѣже — въ Китай, Индію и Кохинхину. Но хотя персіане дома находятся подъ сильнымъ давленіемъ религіознаго и правительственнаго деспотизма, они все-таки несравненно развитѣе татарскихъ народовъ, которымъ ихъ продаютъ въ рабство. Мало-по-малу имъ удастся упрочить свое вліяніе въ странѣ; они достигаютъ высшихъ государственныхъ должностей въ Хивѣ,

Бухарѣ и Коканѣ. Усвоившись въ странѣ, они охотно кидаютъ свои шитскія воззрѣнія и становятся ревностными приверженцами суннитскаго толка.

Такимъ образомъ персидскіе рабы постепенно подчиняли своему вліянію среднюю Азію и, наконецъ, стали ея полными господами: персіяне, вѣтвь иранскаго племени, подчинили себѣ туранцевъ, къ которымъ принадлежатъ всѣ татарскія племена, населяющія среднюю Азію. Иранцы подчинили своему господству туранцевъ морально, а туранцы, въ свою очередь, подчинили иранцевъ матеріально, такъ что въ строгомъ смыслѣ персидская національность осталась нетронутой только въ Исфагани, въ небольшомъ округѣ въ окрестностяхъ этого города, въ Тегеранѣ и въ двухъ-трехъ городахъ. По остальной же Персіи свободно гуляютъ туркмены, захватывая случайно удѣльшихъ персіанъ и уводя ихъ въ рабство.

Голодъ, нищета и непомерные налоги гонятъ несчастныхъ индійскихъ кули изъ отечества и они толпами переселяются въ англійскую Гвіану, въ колоніи Мыса Доброй Надежды, на островъ св. Маврикія, на острова Согласія и Антильскіе. Извѣстные комиссіонеры, спеціально занятые ихъ перевозкой въ названныя мѣста, отъ имени плантаторовъ заключаютъ съ ними контракты на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ для бѣдныхъ кули. Ихъ законтрактовываютъ обыкновенно на пять лѣтъ и такъ отягчаютъ работою, что очень немногіе кули возвращаются домой. Большинство изъ нихъ или умираетъ, или же, приведенное штрафами въ неоплатный долгъ плантатору, остается у него въ рабствѣ на новый срокъ и т. д. Между тѣмъ кули не имѣютъ права брать съ собой ни дѣтей, ни даже жены, работа которой не нужна плантатору. Можно судить, на какое ужасное положеніе осуждены эти несчастныя, разлученныя съ кормильцемъ семьи.

Несмотря на это, эмиграція кули съ каждымъ годомъ усиливается и приняла такіе размѣры, что невольно должна оказать сильное вліяніе на будущность европейскихъ колоній, куда она направляется. Теперь она пока еще въ зародышѣ, но вскорѣ, вѣроятно, плантаторы вынуждены будутъ разрѣшить переселеніе кули съ ихъ семействами, а затѣмъ индійское населеніе утвердится въ странѣ и образуется масса рабочихъ, свободная отъ всякихъ контрактовъ.

Имя кули, хотя, впрочемъ, совершенно неправильно, даютъ также океанійскимъ туземцамъ, которыхъ иногда добровольно, а иногда силой перевозятъ въ Кубу, въ Бразилію и вообще въ тѣ мѣста, гдѣ еще существуетъ торговля невольниками. Это разбойничье дѣло совершается съ непоимѣнной жестокостью. Въ послѣднее время эта эмиграція значительно уменьшилась въ своихъ размѣрахъ.

Океанійцы мало-по-малу начинаютъ усваивать себѣ европейскую цивилизацію. На островахъ Фиджи, гдѣ недавно еще существовало людоедство, открыто много школъ; на Сандвичевыхъ островахъ есть конституція и парламентъ. Къ несчастію, рядомъ съ цивилизаціей на этихъ оевропеившихся островахъ развилось непоимѣнное пьянство и сифилисъ, сильно уменьшающія мѣстное населеніе. Прекрасная полинезійская раса вырождается на нашихъ глазахъ. «Полинезійцы, писалъ еще недавно Пемброкъ,—представляютъ собою идеаль красоты, до котораго можетъ достигнуть мужчина и женщина... Они также обладаютъ высокой нравственностью. Они честны, великодушны, высоко-гуманны...» И эти хорошіе люди, при столкновеніи съ европейской цивилизаціей, начинаютъ портиться, племя ихъ вырождается и, можетъ быть, черезъ столѣтіе, или даже и ближе, отъ нихъ уцѣлѣютъ немногіе отдѣльные экземпляры, которыхъ, какъ рѣдкость, станутъ показывать публикѣ въ нашихъ большихъ городахъ, какъ показывали недавно ацтековъ.

Эмиграція изъ Китая направлялась обыкновенно въ Монголію и Тартарію, но теперь она идетъ въ Соединенные Штаты и Европу, о чемъ мы не разъ уже говорили въ «Дѣлѣ» и намѣрены еще разъ возвратиться въ спеціальной статьѣ о Китаѣ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

Освобожденный Прометей. Лирическая драма Перси Биши Шелли. (Акты II и III)	<i>Д. Д. Минаева.</i>
Надъ пропастью. Романъ. (Гл. IX—XIII).	<i>Е. Вернера.</i>
Балъ. Стихотвореніе	<i>В. И. Славянскаго.</i>
Погоня за наживой. Романъ. (Гл. IX—XIII).	<i>Н. Н. Каразина.</i>
Ясный день. Стихотвореніе	<i>В. И. Славянскаго.</i>
Положеніе женщины въ Россіи по допетровскому воззрѣнію	<i>А. П. Шапова.</i>
Безъ исхода. Романъ. (Гл. XXV—XXXI) .	<i>К. М. Станюковича.</i>
Веснѣ. Стихотвореніе. (Изъ А. Петефи) .	<i>А. III.</i>
Первоначальное образованіе въ Швейцаріи. (Ст. первая)	<i>А. Михайлова.</i>
Венгерцы за границей. Стихотвореніе. (Изъ А. Петефи)	<i>А. III.</i>
Крестьянскіе выборы. (Сцены)	<i>Н. И. Наумова.</i>
Старый знаменщикъ. Стихотвореніе. (Изъ А. Петефи)	<i>А. III.</i>
Крошка Годжъ. Рождественскій разговоръ. (Часть первая)	<i>Эдуарда Дженкинса.</i>
Мои пѣсни. Стихотвореніе. (Изъ А. Петефи) .	<i>А. III.</i>
Бездольные. Стихотвореніе. (Изъ В. Гюго) .	<i>П. Каншина.</i>
Статистическіе очерки Россіи. (Продолженіе)	<i>П. Нионова.</i>
На родинѣ. Стихотвореніе. (Изъ А. Петефи) .	<i>А. III.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Больные люди	<i>П. Н.</i>
Новыя книги	
Внутреннее обозрѣніе.	
Политическая и общественная хроника .	
Заявленіе отъ редакціи журнала «Дѣло».	

У КНИГОПРОДАВЦА Н. А. ШИГИНА,

въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, въ домѣ
Пажескаго корпуса, № 5,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ВЪ ТИХОМЪ ОМУТѢ — БУРЯ.

(Мидльмарчъ.)

Романъ въ восьми книгахъ, *Джоржа Эллиота*. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1873. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.; новымъ подписчикамъ на журналъ „Дѣло“ уступается за 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 75 к.

О ЧЕМЪ ПѢЛА ЛАСТОЧКА?

Романъ *Фр. Шпилмагена*, и **БѢДНЯКИ**, романъ *Жюль Кларети*. Спб. 1873. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.; новымъ подписчикамъ на журналъ „Дѣло“ уступается за 75 к., съ перес. 1 р.

ДОНЪ-КИХОТЬ ЛАМАНЧСКІЙ.

Соч. *Мигуэля Сервантеса Саведры*, въ двухъ частяхъ. Перев. съ испанскаго *В. Карелина*. Изд. второе, съ 27 картинками и портретомъ автора, гравированнымъ на стали. Спб. 1873. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; въ отличномъ англійскомъ переплетѣ, съ перес. 5 р.

ФОНЪ-ГОГЕНШТЕЙНЫ

(Два поколѣнія.)

Романъ *Фр. Шпилмагена*, въ четырехъ частяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго Надежды Дебагорій-Мокрѣвичъ. Спб. 1873. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

(I. Русскія реакціи. — II. Поучительная исторія о нѣмцахъ. — III. Рабство въ Сибири. — IV. Сибирскіе инородцы въ XIX столѣтіи. — V. Россійско-американская компанія. — VI. Иркутскій погромъ въ 1758 — 1760 гг.). Соч. *С. С. Шашкова*. 2 тома. Спб. 1872. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.; въ англійскомъ переплетѣ 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 75 к.

ЖИВАЯ СИЛА.

Романъ *Фр. Герштеккера*. Переводъ съ нѣмецкаго, Спб. 1872. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

БАСТИЛІЯ

(1874 — 1789).

Историческій очеркъ. (Тайны Бастиліи. — Ея арестанты. — Пытки. — Процессы. — Побѣги.). Соч. *А. Арнульда, Альбуиза дю-Пюжоль и Оюста Макэ*. Спб., 1872. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

ЗАНЕСЕНА
ВЪ
ИНВЕНТАРЬ

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

АЛЕКСАНДРА БОРТНЕВСКАГО

Въ С.-Петербургѣ, на углу Троицкаго и Графскаго
переулковъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

СОЧИНЕНІЯ

А. МИХАЙЛОВА.

СОДЕРЖАНІЕ: Т. I, отд. 1. Собраніе стихотвореній, стр. 1—86. Отд. 2. Переводы и подражанія, стр. 87 — 139. Отд. 3. На мотивы Александра Петёфи-Зандора, стр. 147 — 214. Проза: Жюльчъ (разсказъ).—*Vanitas vanitatum et omnia vanitas* (разсказъ).—Сила, слабость и неразуміе (разсказъ).—Съ квартиры на квартиру (повѣсть).—Двѣ сѣмьи (разсказъ).—Моя тетушка.

Т. II. Гнилыя болота (романъ). — Жизнь Шупова, его родныхъ и знакомыхъ (романъ).

Т. III. Господа Обносковы (романъ). — Засоренныя дороги (разсказъ).—Подъ гнетомъ окружающаго (повѣсть).

Т. IV. Въ разбродъ (романъ).

Т. V. Лѣсъ рубать—щепки летять (романъ).

С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна за всѣ 5 томовъ 10 р.; въсо-
выхъ за 20 ф. по разстоянію.

Подписчикамъ на журналъ „ДѢЛО“ дѣляется уступка 20%.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА «ДЪЛО» И У ВСѢХЪ ИЗВѢСТ-
НЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ВЫШЕЛЪ И ПРОДАЕТСЯ:

ЕВРОПЕЙСКІЯ МИНЫ И КОНТРЪ-МИНЫ.

Романъ Грегора Самарова, служащій продолженіемъ романа
того-же автора „Изъ-за скиптра и коронъ“.

Томъ I. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.

Подписчики «ДЪЛА» получаютъ этотъ романъ за 1 р. 50 к. съ пересылкой.

ТАМЪ-ЖЕ ПРОДАЕТСЯ:

ИЗЪ-ЗА СКИПТРА И КОРОНЪ.

Романъ Грегора Самарова, переводъ Е. С.

Въ двухъ томахъ и четырехъ частяхъ.

Цѣна 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Подписчики «ДЪЛА» получаютъ за 3 руб. съ пересылкой.

ВЪ ТѢХЪ ЖЕ МѢСТАХЪ ПРОДАЕТСЯ:

ФИЗИОЛОГІЯ РАЗМНОЖЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ.

соч. доктора Густава Лебона.

(Происхождение живыхъ существъ. — Бесиліе и бесплодность. —
Искусственное оплодотвореніе. — Беременность. — Роды. — Гермафродитизмъ. — Самопроизвольное зарожденіе.)

Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

Подписчики «ДЪЛА» получаютъ съ пересылкой 20%.

опытъ въ Новой Зеландіи.—Африканскія колоніи.—Неправильное мнѣніе о неспособности французовъ къ колонизаціи.—Канада.—Переселеніе народовъ романской расы въ Лапландскую долину.—Эмиграція нѣмцевъ въ Америку.—Неудачныя попытки нѣмцевъ составить господствующую партію въ Соединенныхъ Штатахъ.—Разселеніе нѣмцевъ по всему міу.—Значеніе и дѣятельность вагабитовъ.—Слабость Персіи.—Грабительства туркменовъ.—Ваіаніе персіянъ въ средней Азій.—Переселенія индійскихъ кули.—Океанійцы.—Китайская эмиграція.

XXII. ЗАЯВЛЕНІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ДѢЛО»

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С.-Петербургѣ, по Надеждинской ул., д. № 89)

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

ИЗБРАННЫЯ РѢЧИ ДЖОНА БРАЙТА

ПО ВОПРОСАМЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Съ біографическими очерками и портретами автора.

Переводъ съ англійскаго подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ

В. О. ПОРТУГАЛОВА.

Около 40 печатн. листовъ. Цѣна 3 р. с., съ перес. 3 р. 30 к.

Адресоваться въ контору редакціи журнала «Дѣло».

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала *Дѣло* въ 1878 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала *Дѣло*; 3) отъ конторы Липецкихъ минеральныхъ водъ; 4) отъ книгопродавца Н. А. Шигина; 5) отъ книгопродавца А. Бортневскаго и 6) о романахъ Грегора Самарова: «Изъ-за скиптра и коронъ» и «Европейскія мины и контръ-мины».

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

ВЪ 1873 ГОДУ

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (во Надеждинской улицѣ, д. № 39), и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа, на Невскомъ проспектѣ, чо Гостинному двору, №№ 18, 19 и 20, и въ Книжномъ Магазинѣ для Иногороднихъ, на Невскомъ, противъ Думы, въ д. № 86.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Сотокова, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева; а также въ книжномъ магазинѣ М. М. Черенна, на Рождественкѣ, въ д. Торлецкаго.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногороди	16 >
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	15 > 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія—18 р. 50 к. Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—19 р. 50 к.; Франція и Давія—20 р. 50 к.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція—21 р. 50 к.; Швейцарія 22 р. 50 к.; Италія—23 р. 50 к.

Для служащихъ дѣлается разсрочна, но не иначе какъ за поручительствомъ гг. казначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

100

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

STILL STUDY
CHARGE
ED

